ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Акад. А. А. ШАХМАТОВ

ОБОЗРЕНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ XIV—XVI вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1938 · ЛЕНИНГРАД

Ответственные редакторы:
Акад. А. С. Орлов и акад. Б. Д. Греков.

Редактор издания М. Д. Приселков.

Технический редактор Л. А. Федоров. — Корректор А. В. Сорокина

Сдано в набор 25 октября 1937 г. — Подписано к печати 5 июля 1938 г. — Формат бум. 72 × 110 см. — 372 стр. 23¹/₄ печ. л. — 27,98 уч.-авт. л. — 47885 тип. зн. в печ. л. — Тираж 5000. — Ленгорлит № 3005. — ГИСО № 466.
АНИ № 176. — Заказ № 1281
Цена 12 руб. Переплет 3 руб.

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

От редактора 4

ГЛАВЫ

I. Лаврентьевская летопись 9
II. Троицкая летопись начала XV в. 38
III. Радзивиловская или Кенигсбергская летопись 44
IV. Ипатьевская летопись 69
V. Хлебниковская летопись 103
VI. Летописец русских царей (так наз. «Летописец Переяславля Суздальского») 119
VII. Синодальный список Новгородской 1-й летописи 128
VIII. Отражения Владимирского полихрона XV в. Русский хронограф . . 133
IX. Ростовский владычный свод XV в. 146
X. Летописный свод 1448 г. 151
XI. Комиссионный список Новгородской 1-й летописи 161
XII. Троицкий список Новгородской 1-й летописи 173
XIII. Академический список Новгородской 1-й летописи 176
XIV. Новгородская 4-я летопись 182
XV. Карамзинский список Новгородской летописи 189
XVI. Новгородская 5-я летопись 196
XVII. Первая редакция Софийской 1-й летописи 208
XVIII. Вторая редакция Софийской 1-й летописи 216
XIX. Московско-академический список Суздальской летописи 222
XX. Летописный сборник Авраамки и краткое извлечение из свода 1448 г. 231
XXI. Московский свод 1479 г. 256
XXII. Тихоновская редакция Ростовского владычного свода. 284
XXIII. Западнорусский сборник еп. Павла и краткое извлечение из свода 1448 г. 302
XXIV. Рогожский летописец XV в. 311
XXV. «Сказание летом в кратце» при сочинениях Игнатия Смольнянина и извлечение из свода 1448 г. 322
XXVI. Западнорусские или Литовские летописи. 329
XXVII. Никаноровская и сходные с нею летописи 346

Летописи. Статья из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона, т. XXV 361

ОТ РЕДАКТОРА

I

Опубликование этого труда покойного академика А. А. Шахматова, несомненно, вызовет живой отклик не только со стороны исследователей, имеющих в составе источников своих разысканий русские летописи, но и со стороны быстро растущего числа лиц, интересующихся прошлыми судьбами народов СССР.

А. А. Шахматов (1864—1920) являлся одним из самых выдающихся представителей буржуазной «истории русского языка и словесности». В Московском университете, где подготовлялся к ученой деятельности А. А. Шахматов, от аспирантов требовалась работа по обеим этим специальностям, слитым в университетском преподавании в единую кафедру; и всю последующую свою ученую жизнь А. А. Шахматов достаточно равномерно отдает разработке вопросов как истории русского языка, так и истории русской словесности, в обеих этих специальностях оставляя труды не только выдающиеся для своего времени, но и во многом не утратившие значения для современной науки. Особенно это верно в отношении тех работ А. А. Шахматова по русской словесности, где он сосредоточился на изучении истории русского летописания и в которых поставил себе задачею восстановление текста знаменитой «Повести временных лет» Нестора (нач. XII в.), дошедшей до нас не непосредственно, а лишь в составе летописных сводов гораздо более позднего времени — XIV—XVI вв.

Предпринимая подобного рода работу, А. А. Шахматов, верно разгадав дошедшие до нас летописные тексты XIV—XVI вв. как летописные с в о д ы, путем тщательного сличения текстов восстановил почти для каждого из дошедших до нас летописных текстов его источники, являющиеся в основном также летописными сводами, и указал при этом порядок и взаимную зависимость всех этапов летописной работы от первой половины XI в. до второй половины XVI в.

Только в двух своих работах: 1) «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» (Журн. мин. нар. пр., 1900, №№ 9 и 11; 1901, № 11) и 2) «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908) А. А. Шахматов вышел за пределы текстологического изучения летописного материала и сделал попытку некоторой оценки этого материала как памятника литературы и, частью, как исторического источника. Однако, не будучи историком-специалистом, А. А. Шахматов в этой попытке, конечно, не удовлетворяет современного исследователя ни общею постановкою вопроса об отношении летописцев к своим материалам, ни рядом вытекающих отсюда выводов.

Предлагаемая здесь работа А. А. Шахматова не выходит за пределы изучения т е к с т а разных редакций «Повести временных лет», в их отражениях в разных летописных сводах XIV—XV вв., и анализа этих же сводов XIV—XV вв. в их составе и взаимной зависимости. Частью заново пересматривая свои прежние выводы в отношении ряда летописных сводов, частью привлекая к изучению новые летописные своды и списки, А. А. Шахматов впервые вводит читателя в свою подготовительную работу для больших и широких обобщений, и здесь можно найти много важных выводов и указаний всем, кто интересуется изучением русского летописания XI—XV вв.

II

История авторской рукописи публикуемой работы А. А. Шахматова такова. Она была найдена в кабинете покойного академика А. А. Шахматова (умер 16 августа 1920 г.) при разборе его бумаг членами комиссии, назначенной Общим собранием Академии Наук.

Рукопись не имела заглавия; в ней оказалось 544 страницы в $^1/_4$ долю листа, не считая весьма многочисленных подклеек, достигающих иногда размера страницы.

Располагая здесь летописные своды XIV—XV вв. по отдельным главам, с точки зрения важности дошедших в них списков «Повести временных лет» для изучения состава и текста первых редакций «Повести», автор в каждой такой главе дает сначала анализ состава того или иного изученного им свода, затем графически изображает отношение данного свода к предшествующим ему сводам и заключает главу особым тщательным изучением не только состава, но и текста «Повести» в данном своде

III

Ближайшее ознакомление с рукописью по ее внешним данным не оставляет сомнения в том, что мы имеем дело с такого рода работою автора, которая, сложившись с первых же шагов его в изучении летописных сводов, сопровождала потом это изучение во все последующее время, отражая на себе и моменты расширения материала изучения, и моменты углубления и перестройки прежде изученного.

Характер бумаги, меняющаяся манера ее использования, меняющийся с возрастом почерк — все говорит о том, что к этому труду автор обращался неоднократно за время своей ученой работы, неоднократно подвергая его коренной переработке.

Только немногие страницы первых глав, видимо, относятся ко времени первоначального изучения автором русских летописных сводов (конец 90-х годов).

Значительно бо́льший след оставила первая переработка, предпринятая А. А. Шахма́товым в связи с подготовкою и опубликованием в начале 900-х годов его известной работы «Общерусские летописные своды XIV—XV вв.» (Журн. мин. нар. пр. за 1900 и 1901 гг.). Несомненно, что переработка эта определила самый состав изученных и проанализированных здесь сводов XIV—XV вв.

Главнейшая часть настоящей рукописи относится ко времени последующей переработки, оказавшейся, к сожалению, последней. По упоминанию автором в тексте работы XVIII т. Полного Собрания Русских Летописей, изданного в 1907 г., очевидно, что эта последняя переработка была предпринята после указанной даты, а по карандашной пометке на стр. 375 рукописи (т. е. перед началом XX главы ныне печатаемого текста): «Многое изменить в виду моей рецензии на [диссертацию Н. М.] Каринского» — необходимо заключить, что переработка рукописи была закончена до написания автором этой рецензии в 1909 г. Известно, что именно в 1908 г. А. А. Шахматов опубликовал свои «Разыскания о древнейших летописных сводах», и естественнее всего предположить, что последняя переработка рукописи стоит в связи с общим пересмотром и подведением итогов разновременно накопившихся результатов исследовательской работы автора за время от 1901 по 1908 г. для написания «Разысканий».

В этом виде рукопись и сохранилась. Однако многочисленные карандашные пометы, нанесенные автором на полях и в тексте рукописи, свидетельствуют перед нами, что по какому-то поводу автор вновь пред-

принял общий просмотр рукописи в целом и поставил всхи для новой общей переработки с целью согласовать изложение с опубликованными уже своими же исследованиями за время после напечатания «Разысканий».

Но переработке этой не было суждено осуществиться. Одна из карандашных помет автора ссылается на статью автора в сборнике в честь проф. Д. А. Корсакова, вышедшем в Казани в 1913 г. Значит, пересмотр всей рукописи был предпринят после этого года. Если мы вспомним, что в 1915 г. А. А. Шахматов напечатал в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона (т. XXV) статью о русском летописании, а в 1916 г. издал т. I своего исследования «Повесть временных лет», — для написания которых он непременно обращался к прочтению данной рукописи в целом, — то всего естественнее будет поставить нанесенные карандашные пометки на рукописи в связь с подготовкою автором этих публикаций.

IV

Карандашные пометы автора, к сожалению, часто для нас теперь мало понятны или неразборчивы (например, в рукописи на стр. 261, 328, 399; на стр. 5 главы о Московском своде 1479 г.; на стр. 10 главы о Никаноровской летописи), или кажутся несущественными (стр. 380 рукописи), но некоторые заслуживают упоминания как вполне ясные указания на дальнейшие изыскания автора, частью не отразившиеся в опубликованиях.

Так, в главе XI о Комиссионном списке Новгородской 1-й летописи (стр. 237 рукоп.) на поле против следующего положения, изложенного в тексте: «но я предпочитаю возводить новгородские известия Комиссионного списка в части 1044—1074 гг. к протографу этого списка и далее к своду 1421 г. по следующим соображениям...» — отмечено: «не так!», а против первого из приведенных далее соображений на поле поставлен знак вопроса.

В начале главы XVI о Новгородской 5-й летописи читаем карандашную помету: «Я теперь считаю б[олее] вер[оятным], что источником Нов[городской] 5-ой был Ком[иссионный] список, но он исправлен по Троицкому, а чтения свода 1434 [года] — из Троицкого» (стр. 196 книги).

К этой мысли автор вернулся в конце анализа состава Новгородской 5-й (на стр. 324 рукоп., стр. 207 книги): «Кажется, надо думать, что Новг[ородская] 5-ая из Комисс[ионного] списка + Троицкий список».

В начале главы XX о Летописи Авраамки отмечено, что уже приводилось нами в другой связи, — «Многое изменить в виду моей рецензии на [диссертацию Н. М.] Каринского», а внутри этой главы находим вложенный листок с отметкою: «к стр. 390». Вот содержание записи на этом листке:

«Я все более убеждаюсь, что Хронограф был источником не для составителя извлечения из свода 1448 г., а для самого Авраамки. В особенности это явствует из срав[нения] летописи Авраамки с лет[описью] Павла и Рогож[ским] лет[описцем]. Так например, об убиении Олега Святославича Ярополком у Авр[аамки] сказано под 6481 [годом], как в Хронографе, а затем под 6485 [годом]. Между тем Рогож[ский] летописец и Павел знают только 6485 г. Ср. у Авр[аамки] два раза о созд[ании] цер[кви] богородицы, а в других — один».

В главе XXI о Московском своде 1479 г. на стр. 3 этой главы в рукописи на поле, против того положения, что в основу этого Московского свода «положена как будто Софийская 1-ая», — читаем карандашную заметку (см. стр. 257 настоящей книги): «Все это надо изменить в виду результатов анализа Повести вр. лет (см. ниже)». На стр. 8 этой главы рукописи (стр. 263 книги), на поле, против слов: «итак, мы утверждаем, что в основание Московского свода положен Новгородский свод 1448 г.» —

отмечено коротко: «нет». Наконец, на 26-й стр. этой же главы рукописи, к заключительному положению: «Итак, к указанным выше трем источникам Московского свода — своду 1448 г., Троицкой и Ростовской летописям присоединяется еще четвертый — Полихрон 1423 г.», на поле карандашом отмечено: «Нет, вероятнее думать, что Московский свод соединил Софийскую 1-ую с Полихроном начала XIV в.» (см. стр. 281 настоящей книги).

Наконец, в начале главы XXVII о Никаноровской летописи и сходных с нею — читаем приписку карандашом: «N3. Тесная связь с Воронц[овским] сборником. Моя статья в Сб[орнике в честь Д. А.] Корсакова» (см. стр. 346 книги).

V

Конструкция всего труда носит на себе те же следы переделок, что и самый текст. Из некоторых мест текста, как и из сохранившихся зачеркнутыми трех заглавий отделов: I. Памятники Суздальского летописания; II. Южно-русское летописание; III. Новгородское летописание — можно заключить, что первоначальный замысел автора охватывал отдельные главы труда, в которых предлагался анализ того или другого дошедшего до нас свода, в большие отделы по историко-географическому признаку. Но этот принцип был нарушен при той переработке, которая включила в изложение анализ свода 1448 г., т. е. свода непосредственно до нас не дошедшего. Это обстоятельство привело автора к мысли об ином объединении глав в отделы, теперь имеющемся в рукописи, но недостаточно ясном для нас по своему обоснованию. В виду этого решено издавать рукопись без всякого группирования глав по отделам, придав существующим главам рукописи порядковые номера (с I по XXVII).

Рукопись по нумерации автором страниц распадается на две неравные части. Первая, бóльшая, охватывающая первые 20 глав настоящего издания, имеет нумерацию сплошную, от 1 до 407 стр. Вторая представляет собою пять отдельных глав, в каждой из которых свой счет страниц: «V. Московский свод 1479 г.» имеет от 1 до 42 стр.; «VI. Тихоновская редакция Ростовского владычного свода» — от 1 до 22 стр.; «VII. Западнорусский сборник еп. Павла и краткое извлечение из Свода 1448 г.» — от 1 до 32 стр.; «VIII. Литовские летописи» — от 1 до 20 стр. и «IX. Никаноровская и сходные» — от 1 до 20 стр.

Первая, бóльшая, часть труда, имеющая сплошную нумерацию от 1 до 407 стр., первоначально разделена была автором на четыре отдела (I отдел — 8 первых глав; II отдел — главы 9—13; III отдел — главы 14—19 и последний, IV отдел — последняя — 20-я глава). Позднее, при просмотре рукописи, автор наметил разделение III отдела на два, для чего отделил 14—16 главы от 17—19 листом бумаги с цифрою IV, но не согласовал это новое деление со старым до конца, почему теперь в рукописи первые 20 ее глав распадаются на 5 отделов, из которых два имеют обозначение «IV».

VI

Из некоторых мест рукописи совершенно очевидно, что автор не считал свою работу над рукописью законченною в смысле количества привлеченных здесь к изучению и анализу летописных сводов. В двух местах рукописи он прямо отсылает читателя к летописным памятникам XVI в., обещая дать о них ниже особые главы (список Царского и Воскресенская), которых, к сожалению, в рукописи не находим. Вероятно, этою

предстоящею доработкою надо объяснить незаконченность автором в настоящем виде рукописи деления всего труда на отделы, как и то обстоятельство, что в IX отделе рукописи дан анализ памятника, по времени предшествующего тому, изучение которого изложено в V отделе.

Хотя предлагаемый труд в настоящем своем виде автором не предназначался к опубликованию как подлежащий и дальнейшему пополнению в количестве рассмотренных сводов и дальнейшей его обработке в целях согласования с новыми моментами наблюдений автора после 1907 г., все же публикация его представляет несомненный научный интерес. Прежде всего труд этот вводит нас в лабораторию великого исследователя русского летописания, указывая, на каком сложном и богатом исследовательским трудом материале предварительных изысканий строились хорошо всем известные такие обобщающие работы автора, как «Общерусские летописные своды», «Разыскания» и «Повесть временных лет, т. I». Особенно поучительна здесь подготовка к изданию последней публикации, так как весь предлагаемый обзор памятников летописания, как и все труды автора по истории летописания определялись тем интересом к восстановлению объема разных редакций «Повести» и их текста, который захватил автора еще в пору подготовки к ученой деятельности и которому он остался верен во всю свою последующую жизнь. Каждая глава данной работы, после изучения и анализа того или иного памятника летописания, заканчивалась особым анализом «Повести» данного памятника, и только трудности технического характера вынудили в настоящем издании ограничиться сохранением этих заключительных моментов в изучении летописных памятников лишь на протяжении первых 5 глав.

Публикуемая работа содержит в себе много новых и весьма драгоценных исследований автора над памятниками летописания, а для древнейших из них — над отдельными списками.

Наконец, изучающий вопросы русского летописания нигде не найдет столь полного, объединенного рамками одного труда, обзора состава наших летописных памятников XIV—XV вв., одинаково необходимого и всем исследователям, имеющим в числе источников для своей работы летописные тексты. Этим объясняется как то, что настоящею рукописью А. А. Шахматова при его жизни уже пользовались некоторые лица, работавшие над вопросами летописания, благодаря обычной автору готовности итти навстречу всем этим лицам, так и то, что после его смерти к изучению этой рукописи непрерывно прибегали и прибегают многие исследователи.

В виду несогласованности некоторых положений данной работы с последующими этапами изучения автором того же материала,[1] в приложении печатается статья А. А. Шахматова из т. XXV Нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона (под словом «летописи») как последнее построение автора взаимоотношений русских летописных сводов.

Заглавие, данное рукописи, заимствовано из сообщения автора о ней в заседании Археографической комиссии 18 января 1911 г. (Летоп. зан. Арх. ком. за 1911 г., стр. 5).

Рукопись подготовлена для настоящего издания мною совместно с дочерью покойного А. А. Шахматова С. А. Коплан-Шахматовой.

М. Приселков.

---

[1] В «Трудах Историко-археографического института Академии Наук СССР», т. XVII: «Проблемы источниковедения», сборник второй (Лгр., 1936) опубликована работа А. Н. Насонова «О неизданной рукописи А. А. Шахматова: «Обозрение летописных сводов», в которой автор делает опыт сопоставления некоторых выводов этой неизданной рукописи с последующими публикациями А. А. Шахматова.

ГЛАВА I

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Эта летопись составлена или только переписана с готового оригинала в 1377 г. для великого князя Дмитрия Константиновича, по благословению Дионисия, епископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого. Кроме «Повести временных лет», Лаврентьевская летопись содержит повествование о событиях южнорусских и суздальских (1111—1205 гг.) и затем изложение событий общерусских с явным в начале местным ростовским характером (1206—1305 гг.). Этот сложный характер Лаврентьевской летописи свидетельствует, что она представляет собой компиляцию нескольких источников, нескольких летописных сводов. Наша задача состоит в определении этих источников для того, чтобы выяснить, из какого летописного памятника попала в Лаврентьевскую летопись «Повесть временных лет». Анализ состава Лаврентьевской летописи значительно облегчается тем обстоятельством, что до 1205 г. включительно она близко сходствует с Радзивиловскою летописью. Имея в виду, с одной стороны, что Радзивиловская обрывается на известии 1206 г., а с другой, что с 1206 г. сказывается в Лаврентьевской рука ростовского летописца,[1] мы заключаем, что составитель Лаврентьевской пользовался, начиная с 1206 г., иными источниками, чем до этого года, и что источник Лаврентьевской, сближающий его с Радзивиловскою, так же как эта последняя, обрывался на 1206 г. Если мы привлечем к сравнению с Радзивиловскою и Лаврентьевскою Летописец Переяславля Суздальского, сохранившийся в сборнике б. Московского архива иностранных дел в части от 1138 г. (до этого в сборнике помещена летопись иного состава и происхождения), то увидим близкое сходство между Лаврентьевской, Радзивиловскою и Переяславскою в части до 1205 г.; при этом Радзивиловская сходствует с Переяславскою и под 1206 г., но обрывается на неоконченной фразе в описании смерти княгини Марии Всеволожей: «и положиша ю в церкви святые богородице» (ср. в Переяславской продолжение: «въ монастыри, юже бѣ сама създала и оукрасила иконами и писаніемь всю црквь» и т. д.). Это обстоятельство в связи с особенной близостью Радзивиловской к Переяславской, в целом

---

[1] Под 6714 (1206) г. находим в Лаврентьевской летописи весьма подробное описание поездки будущего ростовского князя Константина в Новгород, а ниже сообщено также подробно о прибытии Константина к отцу из Новгорода.

ряде случаев противополагающею их Лаврентьевской,[1] делает вероятным предположение, что в основание Радзивиловской положена Переяславская и притом в таком экземпляре ее, который утратил конец, содержавший рассказ о событиях 1206—1214 гг., между тем как в основании Лаврентьевской положена другая летопись, близкая к Переяславской (и Радзивиловской). Но последнее заключение не может нас удовлетворить в виду ясных данных, указывающих на пользование, со стороны составителя Лаврентьевской, Переяславскою летописью в том самом дефектном экземпляре, который лег в основание Радзивиловской. Мы упомянули уже, что этот экземпляр утратил свое окончание; но, кроме того, благодаря перепутанным при переплете листам, некоторые события 1203—1205 гг. излагались в нем не на своем месте, а после известия 1206 г. о кончине Марии Всеволожей; ср. такой порядок в изложении событий 1203—1206 гг. в Радзивиловской. Вследствие этого в дефектном экземпляре Переяславской летописи (так же, как теперь в Радзивиловской) под 6711 (1203) г. сообщались известия 6713 (1205) г.: кончина князя муромского Владимира Юрьевича, кончина дочери великого князя Всеволода Елены, примирение Ольговичей со Всеволодом и Романом. И вот мы видим, что одно из этих событий, а именно кончина Елены, читается и в Лаврентьевской под 6711 (1203) г., причем Лаврентьевская не содержит ни одного из известий 1203—1205 гг., подвергшихся перестановке в Радзивиловской и ее протографе — Переяславской летописи; таким образом, в Лаврентьевской под 6711 г. читаем о взятии Киева Рюриком и Ольговичами и затем о смерти Елены (1205 г.), после чего следует название 1206 г.:«В лѣто 6714». Пропуск 6712 и 6713 гг., а также соединение под 6711 г. события этого года с событием 6713 г. удовлетворительно объясняется для Лаврентьевской предположением, что она пользовалась тем самым дефектным экземпляром Переяславской летописи, который лег в основание Радзивиловской. Имея же в виду сделанный выше вывод, что в основание Лаврентьевской положена летопись сходная, но не тожественная с Переяславскою, заключаем, что Лаврентьевская составлена на основании двух источников: 1) летописи, сходной с Переяславскою (положенной при этом в основание Лаврентьевской), и 2) летописи Переяславской (служившей ей вспомогательным, а местами, впрочем, и главным пособием). Как видно из только-что рассмотренного содержания Лаврентьевской под 6711—6713 гг., она в этой части своей положила Переяславскую летопись в основание, быть может, вследствие того, что другой ее источник (летопись, сходная с Переяславскою) не доходил до этих годов. Повидимому, пользованием исключительно Переяславскою летописью при изложении событий 6711—6713 гг. объясняется в Лаврентьевской пропуск под 6711 г. сегмента, начинающегося словами «собѣ в полонъ»; Переяславская летопись, как можно заключить на основании Радзивиловской, была.

[1] Ср. общие пропуски сравнительно с Лаврентьевской, напр. под 1193, 1194, 1195, 1196, 1198, 1201; лишние против Лаврентьевской известия под 1138, 1197, 1205, 1203—1205; более или менее значительные отличия их против Лаврентьевской под 1144, 1175, 1176, 1177 и т. д.

иллюстрирована и на этом самом месте, где начинается пропущенный в Лаврентьевской сегмент, помещался (как и в Радзивиловской) рисунок.

Итак, мы выяснили, что одним из источников Лаврентьевской летописи была Переяславская. Другой источник Лаврентьевской, как мы видели, представляет собою летопись сходную с Переяславскою, но отличавшуюся от нее некоторыми существенными особенностями, не оставляющими сомнения в том, что по составу своему эта летопись, которую назовем Владимирскою, древнее Переяславской. Так, например, ясно, что Лаврентьевская под 1176 г. содержит более древнюю, чем Переяславская (и Радзивиловская) редакцию рассказа о борьбе за обладание Суздальскою областью Юрьевичей и Ростиславичей. В Лаврентьевской главным действующим со стороны Юрьевичей лицом является старший Михалко; в Переяславской (и Радзивиловской) имя Михалки систематически дополнено именем Всеволода,[1] что вполне естественно ждать от позднейшего владимирского летописца, работавшего в княжение Всеволода Юрьевича (1177—1212 гг.). Под 1177 г. в летописи, положенной в основание Лаврентьевской, содержался недоведенный до конца рассказ об ослеплении содержавшихся во Владимире, в порубе Ростиславичей — Мстислава и Ярополка, что видно из неоконченной в Лаврентьевской фразы: «Князю же Всеволоду печалну бывшю, не могшю удержати людий, множьства ихъ ради клича». Это чудовищное злодеяние взволновало древнюю Русь: даже через 200 лет монах Лаврентий не решается восстановить в своей летописи грустную повесть и, следуя своему источнику, обрывает ее на половине фразы. Тем естественнее было современнику умолчать об этом событии, вызывавшем, конечно, тяжелое воспоминание у Всеволода Юрьевича: вот почему в Переяславской и Радзивиловской слова, приписанные в Лаврентьевской разъяренной толпе владимирских граждан: «чего ихъ додержати? хочемъ слѣпити и», сокращены: «чего ихъ дръжати», а после них все последующее передано словами: «и поустиша ею изъ земля». Итак, в основании Лаврентьевской лежит более древняя по составу летопись, так как в ней сохранился рассказ, записанный очевидно тут же, после самого события, когда оно не представлялось еще во всем своем ужасе и не успело еще найти общего осуждения, породившего молву о чудесном исцелении ослепленных князей.[2] Бо́льшая древность летописи, лежащей в основании Лаврентьевской, сравнительно с Переяславской, сказывается

---

[1] Лавр: «Володимерци... послашася Чернигову по Михалка»; Переясл. и Радзив: «Володимирци же съ Переяславци («съ Преяславци» в Радзив. опущено)... послашася къ Черниговоу по Михалка и по брата его Всеволода». Лавр: «Михалко съ Москвы поѣха Володимерю»; Переясл. и Радзив.: «Михалко съ Москвы поѣха въ Володимирь съ братомъ Всеволодомъ», и т. д. Ниже ср. еще Лавр.: «а любо головы своѣ положимъ за святую богородицю и за Михалка»; в Переясл.: «любо головы своя съкладемъ за ню и за святую богородицю»; Радзив.: «а любо главы своа сложимъ за святую богородицю и за тые князи».

[2] Новгородский летописец под 1177 г. сообщает о чудесном исцелении Мстислава и Ярослава в Смоленске в церкви Бориса и Глеба.

ещё в статье 1185 г. о поставлении епископом Ростову, Владимиру и Суздалю Луки: похвала ему в Лаврентьевской содержит ясные следы того, что она писана до смерти Луки (ум. 1189г.), ср: «иже пасеть словесныя овця», «не имаши бо града сде, но будущаго взискаеши», «молися за порученое тобѣ стадо»; в Переяславской (Радзивиловская следует Лаврентьевской) похвала подверглась переделке вследствие смерти Луки; ср.: «иже пасяше словесныя овця», «не имяше бо града сдѣ, но боудущаго искааше», «о приснопамятный епискупе Лоуко, молися за стадо, иже бѣ пороучено тобѣ въ мирѣ семъ». Итак, летопись, положенная в основание Лаврентьевской, составлена до 1189 г., между тем как Переяславская, составленная, как увидим ниже, в 1216 г., основывалась на позднейшей редакции Владимирской летописи, относящейся ко времени после 1189 г. В Лаврентьевской, а также в Переяславской летописи можно, повидимому, указать конец Владимирской летописи древнего извода (до 1189 г.) — это благочестивые рассуждения по поводу Владимирского пожара 18 апреля 1185 г., замыкающиеся словами: «ныня и присно и в бесконечныя вѣкы, аминь». В пользу окончания свода на 1185 г. укажу еще на то, что до 1185 г. включительно Всеволод Юрьевич называется князем, а с 1186 г. великим князем.[1]

Признав таким образом Владимирскую летопись 1185 г. вторым источником Лаврентьевской, видим, однако, что состав этой последней в части до 1206 г. не может быть возведен к двум указанным источникам. Не всё содержание Лаврентьевской после 1185 г. находит себе соответствие в Переяславской (Радзивиловской) летописи, а между тем, допустив для Лаврентьевской только два источника, мы должны были бы признать, что 1186—1205 гг. заимствованы целиком из второго (за прекращением первого на 1185 г.), т. е. из Переяславской летописи. Так, в Переяславской (и Радзивиловской) нет длинных рассуждений по поводу пожара во Владимире 23 июля 6701 (1193) г., нет также под 6702 (1194) г. известий об обновлении церкви богородицы во Владимире и об обновлении церкви богородицы в Суздале, нет также известия 6703 (1195) г. о возобновлении Всеволодовым тиуном Гюрей укреплений Остерского Городца в области Южного Переяславля. Откуда же попало всё это в Лаврентьевскую? Ответ на этот вопрос облегчается привлечением к сравнению с Лаврентьевской Ипатьевской летописи. Как увидим ниже, почти весь текст Лаврентьевской приблизительно до 70-х годов XII столетия находит себе соответствие в Ипатьевской; последняя содержит, впрочем, суздальские известия и в рассказе о трех последних десятилетиях XII в., причем большинство их совпадает и с Лаврентьевской, и с Переяславскою летописями. Присутствие в Ипатьевской летописи суздальских известий объясняется, как увидим, тем, что состави-

[1] Ср. «князь Всеволод» под 1177, 1178, 1180, 1181, 1182, 1183, 1184 и 1185; а под 1186: «у великаго князя Всеволода», «к великому князю Всеволоду Юрьевичу» и т. д., под 1187: «у Всеволода князя великаго», и т. д. После 1186 г. вместо «великій» находим иногда эпитеты «благовѣрный», «христолюбивый», а до 1186 г. Всеволод назван «благовѣрнымъ» всего лишь один раз под 1177 г.

тель протографа этой летописи в числе других источников пользовался Владимирским полихропом начала XIV в., т. е. общерусскою летописною компиляциею, составленною при дворе митрополита всея Руси во Владимире. Под 6700 (1192) г. в числе пяти суздальских известий (которые все имеются и в Лаврентьевской под 6702 г.) находим в Ипатьевской и те два известия, коих нет в Переяславской, т. е. об обновлении храмов богородицы во Владимире и Суздале. Следовательно, у составителя Лаврентьевской и протографа Ипатьевской оказывается общий суздальский источник; согласно сделанному выше предположению, таковым был Владимирский полихрон начала XIV в. Анализ Лаврентьевской летописи в части, обнимающей события второй половины XIII в. и начала XIV в., вполне подтверждает такое предположение, ибо что иное представляет собою в этой части Лаврентьевская, как не общерусскую компиляцию? Мы находим здесь владимирские, тверские, новгородские, смоленские, рязанские и южнорусские известия. Если составитель Лаврентьевской пользовался Полихроном, излагая события XIII и начала XIV в., то, конечно, он мог заимствовать из него кое-что в части и до 1206 г. для восполнения и исправления обоих других источников — свода 1185 г. и Переяславской летописи. Под 6665 (1157) г. видим ясный след пользования Полихроном для исправления одного из известий Переяславской летописи, а именно: в Переяславской (и Радизивиловской) мы читаем здесь, что Андрей Юрьевич окончил церковь, «юже бѣ заложилъ прежде отець его святаго Спаса каменоую въ Переяславли в новѣмъ»; как видно из Ипатьевской (изд. 1871 г., стр. 337), Полихрон опустил слова «в Переяславли в новѣмъ» (как опустил еще в нескольких местах имя переяславцев, вставленное переяславским летописцем); тот же пропуск в Лаврентьевской, где читаем: «юже бѣ заложилъ преже отець его, святаго Спаса камену».

Но Полихрон, как бы он ни был обширен и разносторонен в смысле пользования многочисленными источниками, все-таки не может быть признан единственным источником для Лаврентьевской летописи в части после 1205 г. Как указано выше, с 1206 г. в Лаврентьевской обнаруживается рука ростовского летописца, человека близкого к князю Константину Всеволодичу. Бо́льшая часть суздальских известий 1206—1218 гг. (в 1218 г. Константин скончался) проникнута самым теплым, сердечным отношением к «блаженому», «благочестивому», «христолюбивому», «благовѣрному» князю Константину, а под 1218 г. помещена обширная прочувствованная похвала ему; перед этим записано его поучение к детям. Симпатия к Константину и его детям сказывается и в последующих известиях: под 1227 г. упоминается, что во Владимирском пожаре 11 мая сгорел между прочим двор «блаженаго» князя Константина и церковь Михаила, «юже бѣ украсилъ христолюбивый князь Костянтин»; в 1221 г. двор княжь в Ярославле «избы огня» в пожар 27 июня силою креста честного и молитвою «добраго» Костянтина; под 1224 г. сообщается об освящении церкви Спаса в Ярославле, «юже бѣ заложилъ благовѣрный князь Костянтинъ». Под 1231 г. читаем длинное известие о поставлении и о деятельности епископа ростов-

ского Кирилла, и т. д. Мы имеем полное основание думать, что бо́льшая часть этих ростовских записей не вошла в состав Владимирского полихрона. Основываясь, главным образом, на Владимирской летописи, Полихрон изображал печальные события, последовавшие в Суздальской области за смертью Всеволода, в совершенно ином свете, чем Лаврентьевская. Воскресенская летопись довольно полно отразила эту часть Полихрона; из нее видно, что Полихрон в изложении распри Всеволодичей стоял на стороне не Константина, а Георгия: под 6719 г. Константин отказывается повиноваться отцу и, услышав о завещании Всеволода, поручившего Георгию старшинство, он «воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братию свою, паче же на Георгія»; под 6720 г. Константин начал замышлять рать на Георгия, «хотя под ним взяти Владимир»; под 6721 г. «начатъ Костянтинъ опять рать замышляти на братью» и др. В Лаврентьевской ничего не говорится о разногласии Константина с отцом, о распре Всеволодичей сообщается кратко (под 6720, 6721 гг.), причем виновником ее оказывается «искони злый врагъ дьяволъ, ненавидяй всегда добра роду человѣчю» (под 6725 г.). Следовательно, ростовские записи попали в Лаврентьевскую не из Полихрона, а из другого источника — очевидно из Ростовской летописи. Можно предполагать, что составитель Лаврентьевской нашел эту Ростовскую летопись (доведенную, повидимому, до 60-х годов XIII в.) в одном своде с Владимирскою летописью 1185 г., т. е. что эта последняя предшествовала ростовским записям XIII в. В пользу такого предположения можно привести следующее: 1) если бы ростовским записям предшествовало иное начало, оно отразилось бы в Лаврентьевской, между тем в части до 1206 г. (с которого идут ростовские записи) мы обнаруживаем только три источника — Владимирскую летопись 1185 г., Переяславскую 1216 г. и Владимирский полихрон; 2) подобно тому как в основание Переяславской летописи, летописи, сочувственной князю Ярославу Всеволодичу и составленной очевидно для него, положена Владимирская летопись (как увидим, в редакции около 1216 г.), так же точно в основание Ростовской летописи, летописи, сочувственной Константину Всеволодичу, могла быть положена Владимирская же летопись (в одной из старших ее редакций); 3) под 6604 (1096) г., в описании битвы Мстислава Владимировича с Олегом Святославичем на Колакше, в Лаврентьевской читаем между прочим: «а Мстиславъ поиде противу ему с новгородци и с ростовци» (изд. 1897 г., стр. 231); слов «и с ростовци» нет ни в Радзивиловской (восходит к Переяславской), ни в Ипатьевской (восходит к Полихрону); следовательно, они попали в Лаврентьевскую из Владимирской летописи 1185 г. Трудно допустить, чтобы они были в первоначальной редакции этой летописи: если бы они в ней были, их не опустили бы позднейшие редакции Владимирской летописи, к которым восходят Переяславская и Полихрон. Поэтому возникает предположение о том, что слова «и с ростовци» вставлены позже в Ростове, а именно тем самым лицом, которому принадлежат отразившиеся в Лаврентьевской летописи ростовские записи. Таким образом, мы отыскиваем третье основание для утверждения, что Владимирская

летопись 1185 г. и ростовские записи XIII в. стали известны составителю Лаврентьевской в одном памятнике.

Итак, Лаврентьевская летопись соединила в себе три летописных источника. Во-первых, Владимирскую летопись 1185 г. с приложенною к ней летописью Ростовскою; из нее заимствованы: а) текст до 1185 г. включительно до рассуждений по поводу Владимирского пожара, б) значительная часть содержания в части, обнимающей известия первых шести десятилетий XIII столетия. Во-вторых, Переяславскую летопись 1216 г. в дефектном экземпляре, доводившем рассказ только до 1206 г.: из нее взята, между прочим, большая часть текста 1185—1205 гг.; к ней же восходит кое-что и в части до 1185 г., например, хотя бы рассказ о походе Михаила и Всеволода Юрьевичей против половцев под 1171 г., причем тенденциозная вставка имени Всеволода при имени Михаила показывает, что мы имеем здесь дело не с составителем Владимирской летописи в редакции 1185 г., а с составителем позднейшей редакции этой летописи (ср. сказанное выше о вставке имени Всеволода в рассказ 1177 г.).[1] В-третьих, Полихрон начала XIV в.: к нему восходят, как мы видели, несколько известий под 1194 и 1195 гг., благочестивые размышления под 1193 г., а также значительная часть текста, обнимающего события первой половины XIII в., наконец, почти все известия второй половины XIII и начала XIV в.; кроме того, из Полихрона сделаны вставки и в части до 1185 г., как это видно из редакции известия 1157 г. о построении церкви Спаса в Переяславле Суздальском (см. выше).

О втором из указанных источников — о Переяславской летописи — скажем ниже при исследовании Радзивиловской. О двух других источниках — Владимирской летописи 1185 г. и Полихроне — уместно распространиться здесь.

Состав Владимирской летописи выясняется из анализа Лаврентьевской, которая в части своей до 1185 г. включительно довольно точно передавала древний текст этой летописи, насколько, впрочем, он сохранился в ростовской ее редакции XIII в. Повидимому, только в немногих местах сделаны дополнения и изменения на основании двух других источников Лаврентьевской. В начале Владимирской летописи помещена была «Повесть временных лет» (об ее особенностях скажем ниже). Вероятно, она стала известна составителю Владимирской летописи из какого-нибудь южнорусского свода. Это видно, между прочим, из того, что за «Повестью временных лет» в Лаврентьевской читается компиляция, значительная часть которой восходит не к суздальской или владимирской летописи, а к летописи южнорусской: более определенного характера суздальские известия начинаются только с 1157 г. (года вокняжения Андрея Юрьевича в Суздальской об-

[1] Тот же поход Михаила Юрьевича, но без вставки имени Всеволода, изложен в Лаврентьевской под 1169 г. Что рассказ об этом походе под 1171 г. заимствован в Лаврентьевскую не из Полихрона, видно из некоторых особенностей его в Ипатьевской летописи (6681 г.): ср. здесь излишние против Лаврентьевской и Переяславской вставки имени Всеволода.

ласти); до этого года сравнительно немногие известия обнаруживают летописца, близкого по своим интересам, если не к Суздальской земле, то к ростовскому князю Юрию Владимировичу.[1] Напротив, явно южнорусские известия читаются еще и под 70-ми годами XII столетия, напр., об изгнании из Киева Ярослава Изяславича Святославом Всеволодичем под 1175 г. (позже этого и следующего, черниговского, известия южнорусских записей в части до 1185 г. мы в Лаврентьевской не находим). Можно, таким образом, предполагать, что в основание Владимирской летописи 1185 г. положена южнорусская летопись, доведенная приблизительно до 1175 г.; владимирский сводчик дополнил ее суздальскими известиями и летописными статьями. Откуда же он почерпнул их? Имел ли он в своем распоряжении уже готовый суздальский свод? На этот последний вопрос должен, как мне кажется, последовать утвердительный ответ. Во-первых, как указано было выше, запись событий 1176 и 1177 гг. явно обнаруживает ближайшего современника, писавшего под непосредственным впечатлением случившегося в эти годы: вспомним рассказ об ослеплении Ростиславичей; судя по Лаврентьевской, он не был передан полностью уже во Владимирском своде 1185 г.; составитель этого свода оборвал страшную повесть своего оригинала на половине фразы; следовательно, в распоряжении сводчика 1185 г. находился письменный источник. Во-вторых, сравнительный анализ Лаврентьевской и Ипатьевской доказывает, что в части до 1185 г. в Лаврентьевской обнаруживается как бы двоякое отношение к общим их источникам: «Повесть временных лет» Лаврентьевская передает так же полно, как Ипатьевская; сводчик 1185 г. самым старательным образом копировал свой оригинал; напротив, следующая за «Повестью» летопись представляет явную выборку из другой подробной летописи, более полно отразившейся в Ипатьевской; ср. краткое известие Лаврентьевской о походе русских князей на половцев под 6620 г. с длинной статьей Ипатьевской под 6619 г.; или краткое известие Лаврентьевской о поставлении черниговского епископа Феоктиста под 6621 г. с длинной статьей о том же, помещенной в Ипатьевской под 6620 г.; или краткое известие Лаврентьевской о походе Владимира на Глеба минского под 6623 г. с длинной статьей о том же в Ипатьевской под 6624 г., и т. д. Итак, до 1110 г., т. е. до окончания «Повести временных лет», составитель Владимирской летописи передает свой оригинал полностью, а с 1111 г. как будто сокращает его. Это обстоятельство наводит на предположение, что составитель Владимирской летописи, не изменяя приемов своей работы, соединил в своем труде два источника, из которых один передавал летописный текст полностью, а другой представлял краткую выборку из полного текста. Сопоставив это предположение

[1] Ср. под 1149 г. о доблести, проявленной Андреем при Муравице, а также при Луцке (Лавр., 3 изд., стр. 307—309); под 1150 г. по крайней мере половина всей летописной статьи (начиная со слов: «В то же лѣто придоша половци», стр. 311—313); под 1151 г. об опасности, которой подвергался Андрей (стр. 315—316); под 1154 г. о неудачном походе Юрия на южную Русь (стр. 324); под 1155 г. о принесении Андреем иконы богородицы во Владимир (стр. 328—329) и т. д.

со сделанным выше о том, что в распоряжении владимирского летописца находилось два источника — суздальский и южнорусский, мы заключаем, что один из них представлял полный текст, а другой — сокращенную выборку. Нам представляется вероятным, что суздальский источник владимирского летописца сокращенно передавал «Повесть временных лет» и южнорусские события XII в. (ср. сокращенную передачу «Повести временных лет» и южнорусских событий в новгородской летописи, отразившейся в Синодальном списке Новгородской 1-й). Суздальский летописец, так же как новгородский, устремил все свое внимание на местные события, задавшись целью дать свою, областную летопись; но образцы летописей пришли и в Новгород, и в Суздаль с юга; понятно, что южная летопись кладется в основание местной. Древнейшие своды довольствуются краткой выборкой из южной летописи; но дальнейшее развите летописания влечет за собой расширение скудных по составу первоначальных компиляций и соединение с ними других не местных летописных сводов. Так, в XV в. Новгородская летопись соединяется с Ростовскою и Московскою. Также в XII в. древний суздальский свод времен Андрея Боголюбского (но продолжавшийся и при Всеволоде) соединяется с южнорусскою летописью. Возвращаясь к вопросу о том, мог ли владимирский летописец 1185 г. иметь в своем распоряжении более древний суздальский свод, находим, что повторение некоторых известий в Лаврентьевской ясно свидетельствует о соединении во Владимирской летописи 1185 г. двух письменных источников: так, под 1111 г. читаем в Лаврентьевской то же известие о походе русских князей на половцев, которое занесено выше под 1110 г.; под 1116 г. сообщается о смерти Олега Святославича, записанной с большей обстоятельностью под 1115 г.; под 1138 г. дважды говорится о примирении Ярополка Владимировича со Всеволодом Ольговичем (3-е изд., стр. 290); под 1152 г. дважды сообщается о том, что Владимирко, видя силу Угорскую, бежал в Перемышль (3-е изд., стр. 320), и др. Ср. еще под 1169 и 1168 гг. известие: «Мстиславъ же Андрѣевичь посади Кыевѣ стрыя своего Глѣба, а самъ възвратися Володимерю».

Находя в виду вышеизложенного доказанным, что владимирский сводчик 1185 г. имел в своем распоряжении: а) Суздальский свод,[1] б) Южнорусский свод, доведенный до 1175 г., остановимся на вопросе, из какого же свода заимствована им самая «Повесть временных лет» — из Суздальского или Южнорусского? Считаем вероятным, что из Южнорусского, ибо, как указано выше, Суздальский представлял, повидимому, лишь небольшую выборку из «Повести». Весь ход работы летописца 1185 г. я представляю себе в таком виде: «Повесть временных лет» заимствуется целиком из Южнорусского свода, так как выборки Суздальского

[1] В этом своде древнейшие суздальские известия восходили к 30-м годам XII ст.: ср. под 1135 г. известие о битве ростовцев с новгородцами на Ждане горе. Повидимому, характерно для суздальского летописца употребление слова «князь» при имени своего суздальского князя. Ср. под 1135 г. «Георгий князь», 1149 г. «князь же Гюрги» (3-е изд., стр. 306), «Гюрги князь» (3-е изд., стр. 309) и т. д.

свода казались совершенно недостаточными (но, как увидим, кое-что из Суздальского свода внесено и в «Повесть»); с 1111 г. Суздальскому своду отводится более видное место, так как приблизительно с этого времени он полнее передавал южнорусские известия; Южнорусский свод списывается уже не сплошь, а из него делаются выборки, дополняющие выборки Суздальского свода; приблизительно с 1157 г. Суздальский свод остается уже главным, почти единственным источником, лишь изредка дополняемым на основании Южнорусского.

Южнорусский свод, бывший в распоряжении владимирского летописца 1185 г., можно определить по месту происхождения его как свод Переяславский, южного Переяславля. Влияние переяславского летописания на суздальское вполне естественно в виду той связи, которая установилась между Переяславлем и Суздальскою областью благодаря Юрию Владимировичу и его детям: с 1154 г. до 1169 г. в Переяславле сидит Глеб Юрьевич, с 1169 г. по 1188 г. сын Глебов Владимир. Переяславский летописец обнаруживается в нескольких местах Владимирского свода 1185 г. (Лаврентьевской летописи). Так, под 1144 г. читаем: «Приде Изяславъ из Новгорода, бывъ у братьи своее»; опущено указание, куда пришел Изяслав; между тем ясно, что он пришел в Переяславль (ср. в Воскр.: «Переяславлю»); опущение имени Переяславля свидетельствует, что запись сделана именно в этом городе. Под 1169 г. читаем о походе Михаила Юрьевича на половцев: с ним было 100 переяславцев и 1500 берендеев; если летописец, повествуя о подробностях похода, говорит: «наши же божьею помощью... поѣхаша», — ясно, что он сам переяславец. Отметим еще выражения: «по оной сторонѣ Днѣпра», «на оной сторонѣ» для обозначения киевского берега, напр., под 1151 г. (изд. 3-е, стр. 314), причем в соответствующем месте Ипатьевской: «по сей сторонѣ», «на сей сторонѣ». Переяславский характер летописи доказывается еще наличностью в ней целого ряда переяславских известий, напр.: под 1118 г. поставление епископом Переяславлю Сильвестра (в Ипатьевской опущено); под 1123 г. смерть Сильвестра с точным указанием дня (это указание в Ипатьевской опущено); падение церкви Михаила с точным указанием дня и часа; под 1126 г. поставление епископом Переяславлю Марка 4 октября (в Ипатьевской известие это опущено); под 1132 г. прибытие Изяслава в Переяславль на госпожин день (в Ипатьевской опущено); под 1134 г. смерть епископа Маркела с указанием дня (указание дня в Ипатьевской опущено); под 1139 г. победа Андрея Владимировича с переяславцами над Всеволодом Ольговичем; под 1141 г. смерть Андрея в Переяславле с описанием дивного небесного знамения при его погребении; под 1146 г. победа Изяслава с переяславцами над Игорем Ольговичем «силою честнаго креста и заступленьемъ святаго Михаила», и т. д.

От рассмотрения Владимирской летописи 1185 г. — главного источника Лаврентьевской, обращаемся к Полихрону начала XIV в. — источнику вспомогательному для древнейшей части Лаврентьевской, главному и единственному — для событий конца XIII и начала XIV в. Мы увидим ниже, что Владимирский полихрон начала XIV в. обнаруживает свое

влияние и на другие своды — Ипатьевскую летопись, также древнюю Новгородскую по Синодальному списку; но, главным образом, он отразился в Лаврентьевской, почему последняя оказывается важнейшим источником для восстановления Полихрона. В виду этого скажем несколько слов о характере, времени и месте происхождения этого памятника. Как указано выше, анализ Лаврентьевской летописи в части, обнимающей события второй половины XIII и начала XIV в., доказывает присутствие в ней известий с разных концов древней Руси; напомним о длинной цепи тверских известий, начиная с 1285 г. (построение в Твери храма Спаса Преображения), о новгородских известиях 1300 и 1301 гг. (пожары в Новгороде и Торжке, поставление епископа Феоктиста), ростовских 1302 г. (буря, ср. Московско-академический под 1301 г.), рязанских 1299 г. (смерть Ярослава Пронского) и 1300 г. («того же лѣта рязаньскыи князи Ярославичи». . . известие недописано), курских или черниговских 1283 и 1284 гг. (о событиях в Курском княжении), костромских 1303 и 1305 гг. (смерть Бориса Андреевича и гроза 23 июня) и др. Исследователю предстоит решить, как могли все эти известия соединиться в одном своде, какие средства имел летописец начала XIV в., живший, например, во Владимире, внести в свой труд записи о событиях тверских, ярославских, курских, новгородских? Можно было бы предположить, что у летописца случайно оказались под рукой летописи — тверская, новгородская, ростовская, черниговская и др., и что ему оставалось только скомбинировать их известия. Но вряд ли позволительно говорить о случайном характере такого труда, который соединяет известия не двух-трех центров древнерусской жизни, а всей Руси северо-восточной и частью также южной Руси. Предположению о случайном составлении о б щ е р у с с к о й по составу своему компиляции можно противоположить другое предположение об умышленном, нарочитом собирании в каком-нибудь центре местных летописей изо всей Руси, местных записей, ведшихся при церквах и монастырях в Твери, Новгороде, Рязани, Чернигове, Костроме и т. д. В пользу такого предположения говорит позднейшая история русского летописания, доказывающая, что и позже от времени до времени возникали систематические общерусские летописные компиляции. Находя в этом обстоятельстве твердое основание для только что высказанного предположения, мы решаемся развить его следующими соображениями. В начале XIV в. единственным центром, где могло созреть сознание об общерусском деле, общерусских интересах был двор митрополита, с 1300 г. перенесенный из Киева во Владимир; митрополит как раз около этого времени начинает титуловаться митрополитом всея Руси, как бы предвидя близкую опасность: распадение своей диоцезы. Митрополит же мог задумать составление общерусского летописного свода, в котором должны были слиться все местные летописи. Осуществление подобного предприятия было для митрополита более доступно, чем для кого бы то ни было другого: ему стоило только обратиться к местным епископам с просьбой прислать списки с имевшихся по церквам и монастырям летописцев.

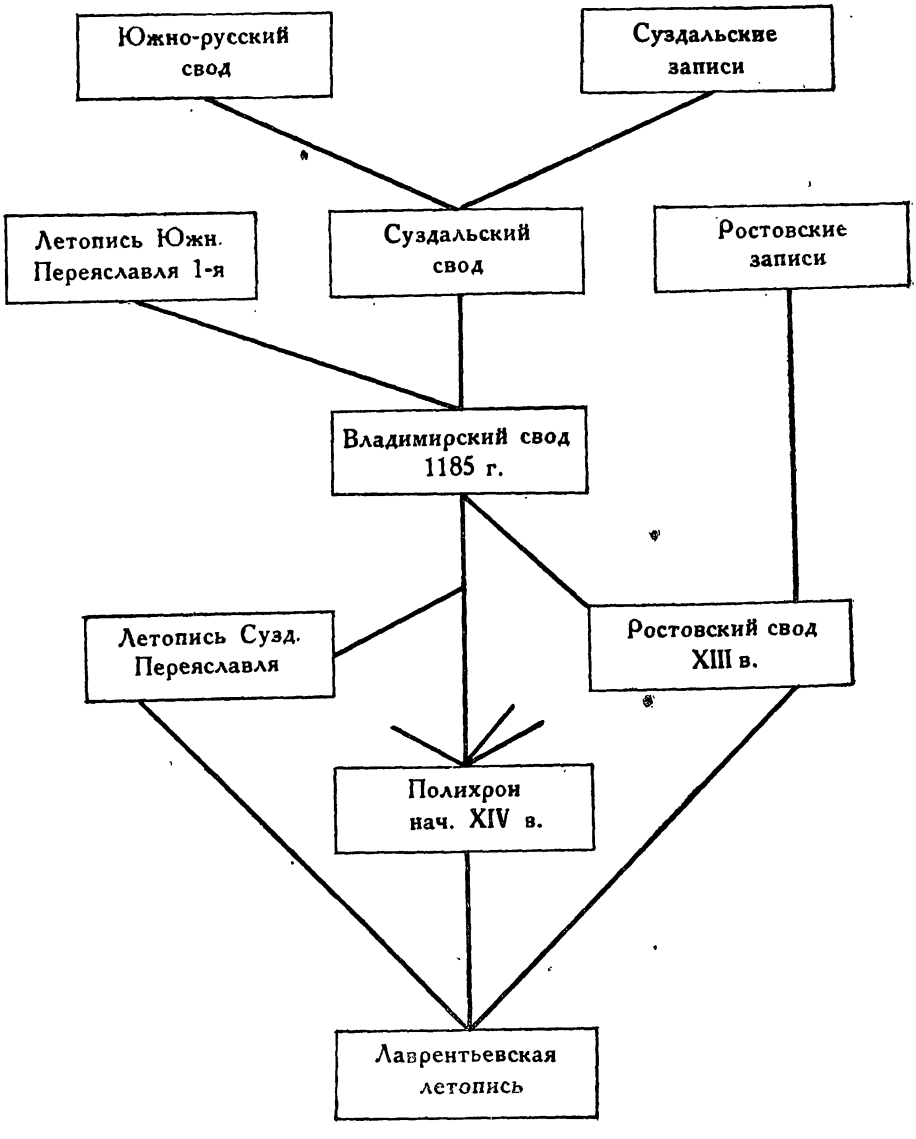
Итак, Лаврентьевская летопись в известной части своей отражает общерусскую митрополичью летопись. Окончание Лаврентьевской на 1305 г. чрезвычайно характерно. Вспомним, что в этом году умирает митрополит Максим. Не избрана ли кончина этого митрополита конечною гранью составителем общерусского свода, называвшегося между прочим Великим летописцем и Владимирским полихроном? Утвердительный ответ на этот вопрос подсказал бы нам имя составителя первого Владимирского полихрона — это был Петр, преемник митрополита Максима, пожелавший, очевидно, довести летопись общерусских событий до последнего года владычества Максима. Итак, Полихрон составлен в первом или втором десятилетии XIV в. Судя по тому, что из него заимствованы в Лаврентьевскую летопись суздальские известия 1194 и 1195 гг. (см. выше) и что оттуда же взято известие 1157 г. о построении в суздальской области церкви Спаса, мы заключаем, что одним из главных оснований Полихрона была Владимирская летопись. Летопись эта, весьма близкая к Владимирскому своду 1185 г. и к Переяславской летописи 1216 г., не была однако тожественна с ними: так, от свода 1185 г. она отличалась тем, что продолжала рассказ и дальше этого года (как увидим ниже, она содержала погодное изложение событий и XIII в.); от Переяславской же летописи она отличалась между прочим отсутствием позднейших вставок местного летописца-переяславца, а также (как увидим ниже) иным изложением некоторых событий начала XIII в. Несколько характерных особенностей Владимирской летописи, положенной в основание Полихрона, будут приведены ниже при рассмотрении Ипатьевской летописи.

Отношение Лаврентьевской летописи к предшествующим ей сводам может быть изображено в таблице 1.

«Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку. Предыдущее исследование выяснило, что в основание Лаврентьевской летописи положен Владимирский свод 1185 г.; следовательно, к нему должно возвести начало летописи, содержащее в пределах до 1110 г. памятник, который мы условились называть «Повестью временных лет». Владимирский свод 1185 г. составлен предположительно из соединения двух источников: летописи Южного Переяславля в редакции, относящейся к 70-м годам XII ст., и старого Суздальского свода, в начале которого, в части, повествовавшей о событиях не-суздальских, читалась краткая выборка из «Повести временных лет» и Южнорусской летописи, примыкавшей к «Повести». Возможно, что второй источник Владимирского свода оказал влияние и на текст «Повести временных лет» в этом своде: возможно, что некоторые краткие известия, читающиеся в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку, восходят не к летописи Южного Переяславля, а именно к краткой суздальской выборке, но доказать такие заимствования, при наличности имеющихся в нашем распоряжении данных, нельзя. Равным образом невозможно доказать и того, что некоторые известия «Повести временных лет» были сокращены или вышущены во Владимирском своде 1185 г. под влиянием краткой суздаль

ской выборки. В виду этого, я не могу признать доказанным, чтобы вообще суздальская выборка оказала влияние на текст Владимирского свода в части, соответствующей «Повести временных лет».

Табл. 1

Но если таким образом Владимирский свод 1185 г. ведет нас в части, соответствующей «Повести», прямо к тому тексту «Повести», который читался в летописи Южного Переяславля в редакции 70-х годов XII ст., то отсюда не следует еще, чтобы текст Лаврентьевской летописи так же прямо восходил к той же летописи Южного Переяславля. Мы видели в числе вспомогательных источников Лаврентьевской летописи, с одной

стороны, Владимирский полихрон начала XIV в., а с другой летопись Переяславля Суздальского. Кроме того, мы обнаружили, что Владимирский свод стал доступен составителю Лаврентьевской летописи не в первоначальном своем виде, а в Ростовской редакции XIII в. Указать на влияние этой редакции на древний текст Владимирского свода в части, соответствующей «Повести временных лет», мы не можем: благоразумно, быть может, устранить и мысль о возможности такого влияния. Но отрицать влияние на древний текст Владимирского свода 1185 г. (в ростовской редакции XIII в.) со стороны обоих других вышеназванных источников Лаврентьевской летописи невозможно хотя бы потому, что оба эти источника содержали текст «Повести временных лет» в таком же полном, а отчасти (это касается в особенности Полихрона начала XIV в.) в более полном виде, чем Владимирский свод 1185 г. Влияние Владимирского полихрона начала XIV в. и летописи Переяславля Суздальского на текст Лаврентьевской летописи в части, соответствующей «Повести временных лет», могло сказаться как на вставках летописных статей, так и на исправлении текста, замене одних слов другими. Что касается вставок в текст «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку, то отрицать возможность их нельзя хотя бы в виду такой очевидной вставки, как «Поучение» Владимира Мономаха под 6604 (1096) г.: оно помещено между рассуждением летописца о происхождении половцев, вызвавшим припоминания из пророчества Мефодия Патарского, и изложением беседы летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем, заканчивающимся новыми припоминаниями из Мефодия Патарского; в других летописных сводах нет «Поучения» Мономаха и разделенные в Лаврентьевском списке вставкой его летописные статьи читаются в непосредственной связи (ср. с Радзивиловской, Ипатьевской). Составитель Лаврентьевской летописи вставил «Поучение» Мономаха в текст Владимирского свода 1185 г. из другого источника — всего вероятнее из Владимирского полихрона начала XIV в.: разнообразный по составу своему общерусский летописный свод мог содержать и Мономахово «Поучение». Но наличность одной доказанной вставки ведет за собой предположение о существовании и других вставок в тексте «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку.

Ставим себе прежде всего вопрос, почему «Поучение» Мономаха вставлено именно под 6604 (1096) г. и притом после припоминаний из Мефодия Патарского? «Поучение» Мономаха ни в коем случае не может относиться к указанному году, хотя возможно, что письмо Мономаха к Олегу было помечено 6604 г. Но для чего же было вставлять «Поучение» и приложенное к нему Мономахово письмо в середину текста 1096 г. и разрывать такой вставкой рассуждения летописца о нечистых народах, заточенных Александром Македонским? Обращаю внимание на тесную связь разобщенных вставкой обеих летописных статей: первая из них оканчивается словами «и по сихъ 8 колѣнъ г кончинѣ вѣка изидуть заклѣпеннии в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы»; вторая, начинаясь словами «се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ,

яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородець», излагает беседу летописца с этим Гюрятой; последний передает о сообщенных его отроку, ездившему в Печеру и Югру, сведениях о каких-то народах, живущих за высокими горами, и желающих просечь эти горы, чтобы выйти из-за них; эта беседа, вводящая, в виде комментария к рассказу Гюряты, сообщение Мефодия Патарского о нечистых народах «заклѣпленныхъ Александромъ Македоньскымъ царемь», оканчивается приблизительно так же, как первая статья, а именно словами: «в послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Етривьскыя, изидуть и си сквернии языкы, яже суть в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью божию». Сходное окончание обеих рассматриваемых статей, с одной стороны, сходное содержание их, служащее доказательством той мысли, что половцы вышли из пустыни Етривской, куда их заключил Александр Македонский, делает вероятным, что одна из этих статей, а именно вторая, составлена в развитие другой, а именно первой. Возможно, конечно, что развитие это принадлежит тому самому лицу, которое составило первую статью: рассказав о торкменах, печенегах, торках и половцах, он мог вспомнить и о других народах, о которых слышал от новгородца Гюряты; сообщив по Мефодию Патарскому о народах, заточенных за горами, он мог припомнить рассказ о северных народах, живущих за горами и не входящих в общение с другими народами. Но гораздо вероятнее предположить, что вторая статья составлена другим лицом и составлена в прямое развите первой статьи: в пользу этого говорило бы в особенности общее окончание, возвращающее читателя к тому самому месту, где его оставила первая статья. А такой прием всегда характерен для вставки. Мы предполагаем поэтому: во-первых, что вторая статья, излагающая беседу летописца с Гюрятой, составлена не тем лицом, что первая, следовательно не составителем «Повести временных лет»; во-вторых, что во Владимирском своде 1185 г. содержалась только первая статья, а что вторая вставлена составителем Лаврентьевской летописи. Предположение наше подтверждается в особенности тем местом, которое в Лаврентьевской летописи заняла эта вторая статья. Она читается здесь вслед за текстом «Поучения» Мономаха, т. е. за той очевидной вставкой, о которой мы говорили выше. Для нас ясно, что обрабатывая текст Владимирского свода 1185 г., Лаврентий (или его предшественник, если летопись только списана, а не скомпилирована Лаврентием) сделал после слов «и по сихъ 8 колѣнъ г кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы» известного рода отметку (напр.: слово «зри») для указания, что в этом месте должна быть сделана вставка из другого источника. Переписчик, дойдя до указанного знака, нашел соответствующий знак (тоже «зри») при двух статьях вспомогательного источника (Владимирского полихрона начала XIV в.): при «Поучении» Мономаха, которое Лаврентий предполагал также включить в свой свод, но очевидно под другим годом, и при статье, излагавшей беседу летописца с Гюрятой Роговичем. Не сообразив, что знак при статье 6604 (1096) г. относится именно только ко второму месту, Лаврентий или другой переписчик ошибочно

списал вместо второй статьи «Поучение» Мономаха, после чего исправил свою ошибку, переписав за «Поучением» и приложенными к нему документами статью, содержащую беседу летописца с новгородцем Гюрятой. Ниже мы вернемся еще раз к сделанному здесь заключению и вставку беседы с Гюрятой сопоставим с другими вставками, сделанными в тексте «Повести», как Владимирским полихроном, так и другим летописным сводом, бывшим в распоряжении составителя Лаврентьевской летописи, а здесь ограничиваемся выводом, что Владимирский свод 1185 г. содержал текст «Повести временных лет» в более древней редакции, чем те оба другие своды, которыми пользовался составитель Лаврентьевской летописи. Правда, нам могут возразить, что предположение о более позднем происхождении статьи, содержащей беседу с Гюрятой, не подтверждается дошедшими до нас списками, ибо все они содержат эту беседу; но возражение это падает, когда мы примем во внимание, что все дошедшие до нас списки «Повести временных лет» восходят или к Владимирскому полихрону начала XIV в., или к летописи Переяславля Суздальского, или к той Владимирской летописи начала XIII в., которая лежит в основании самой летописи Суздальского Переяславля.

Обращаем внимание еще на одну вставку в текст «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. Под 6618 (1110) г. в Лаврентьевском списке читаются благочестивые рассуждения по поводу чудесного явления столпа над трапезницей Печерского монастыря: рассуждения эти, начинающиеся словами «Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ», оканчиваются словами: «якоже рече: ангелъ предъ тобою предидеть и ангелъ твой буди с тобою». Если иметь в виду один только текст Лаврентьевского списка, можно было бы пройти эту статью, не обращая на нее особенного внимания, допустив, что рассуждения благочестивого летописца оканчивались именно приведенными словами. Но сопоставление с текстом Лаврентьевской летописи соответствующего текста Ипатьевской наводит на ряд соображений, общий смысл которых тот, что благочестивые рассуждения по поводу чудесного явления столпа попали в Лаврентьевскую не полностью. В Ипатьевской летописи мы находим продолжение этих рассуждений: автор их, верный положенному им началу, приводит ряд доказательств тому, что ангелы, приставленные вообще ко всем тварям, руководят и народами в их движениях; доказательства эти нужны летописцу для утверждения, что русскими полками в походе их против половцев руководил тот самый ангел, который явился в виде столпа над трапезницей Печерского монастыря. Соответственно с этими рассуждениями, мы читаем в Ипатьевской летописи подробное описание похода русских князей против половцев под 6919 (1111) г., причем сообщается, что ангел, явившийся в виде огненного столпа, перешел с трапезницы на церковь и оттуда к Городцу, где в то время стоял Владимир в с. Радосыни, причем ангел стал побуждать Владимира предпринять с братьями окончившийся славною победою поход. Об этом походе говорится и в Лаврентьевской летописи под 6620 (1112) г., но весьма кратко и без вторичного упоминания о явлении

ангела и о его чудесной помощи. Ставим вопрос: где же полнее сохранились благочестивые рассуждения летописца — в Лаврентьевской или в Ипатьевской летописи, там ли где рассуждения перерваны после неясного намека или там, где они продолжены и придвинуты вплоть до вызвавшего их похода против половцев, причем самая победа еще раз приписана ангелу или ангелам, прославленным за это в длинных выписках из Амартола и из Ипполитова толкования на книгу пророка Даниила? Мы без всяких колебаний утверждаем, что рассуждения по поводу явления столпа над трапезницей Печерского монастыря сохранены в первоначальном своем виде именно в Ипатьевской летописи и что составитель Лаврентьевской привел только часть этих рассуждений, начало их. А отсюда и в виду установленного выше отношения Лаврентьевской летописи к Владимирскому своду 1185 г. следует, что этих рассуждений не было вообще в этом своде — основном источнике Лаврентьевской летописи. Составитель Лаврентьевской летописи задумал было списать их из одного из второстепенных своих источников: он начал это списывание, но, убедившись, что рассуждения очень длинны, что они заведут его весьма далеко от основного текста, он вернулся к этому основному тексту и списал из него сначала послесловие игумена Сильвестра, а затем длинную цепь летописных известий 6619 (1111) и следующих годов. В пользу высказанного здесь предположения, приведем еще следующее: хотя игумен Сильвестр и составил свой труд в 6624 (1116) г., но ясно, что он не имел целью продолжить летопись дальше 6618 (1110) г.; иначе мы бы нашли его приписку не при этом 6618 (1110) г., а в хронологической цепи последующих событий под 6624 (1116) г.; далее ясно, что не ему принадлежит описание славного похода русских князей против половцев, ибо если бы это описание, читающееся со всеми чертами современной записи в Ипатьевской, принадлежало Сильвестру, мы нашли бы именно в Ипатьевской приписку Сильвестра об окончании им труда в 6624 (1116) г.; между тем в Ипатьевской этой приписки нет, а текст последующих событий никоим образом не указывает на перерыв летописного рассказа под 6624 (1116) г.; напротив, Ипатьевская так же подробно излагает события 6625 (1117) г., как события 6624 (1116) г. Но если описание похода не принадлежит Сильвестру, то ему не могут принадлежать и благочестивые размышления, связавшие чудесное явление над Печерским монастырем со славным походом.

Из предыдущих рассуждений следует, что «Повесть временных лет» в редакции игумена Сильвестра сохранилась точнее всего во Владимирском своде 1185 г.; далее мы заключаем, что сильвестровская редакция доводила летописный рассказ до 1110 г., а именно до сообщения о чудесном явлении огненного столпа над Печерским монастырем, причем непосредственно за указанным сообщением была помещена приписка игумена Сильвестра, свидетельствовавшая о завершении им летописного труда в 6624 (1116) г. Далее мы заключаем и о том, что сильвестровская редакция «Повести временных лет» нашла себе скоро продолжателя в лице современника: «Повесть временных лет» в этой второй не сильвестровской редакции сохранилась между прочим в Ипатьевской летописи.

Убеждаясь в точной передаче текста сильвестровской редакции «Повести временных лет» со стороны составителя Владимирского свода 1185 г., мы вместе с тем извлекли из предыдущих наших рассуждений указание на то, что Лаврентьевская летопись представляет текст Владимирского свода (а следовательно, и сильвестровской редакции «Повести временных лет») не в первоначальном его виде, а уже значительно измененном под влиянием двух других летописных источников Лаврентия. И если Лаврентий позволил себе распространять текст Владимирского свода обширными вставками (ср. под 6604 и 6618 гг.), то тем более мы в праве допустить, что он исправлял отдельные чтения Владимирского свода в части, соответствующей «Повести временных лет» как на основании Владимирского полихрона, так и летописи Суздальского Переяславля. Эти соображения ведут нас как будто к признанию второстепенного значения Лаврентьевской летописи при восстановлении первоначального текста сильвестровской редакции «Повести временных лет». Но мы не делаем такого признания: во-первых, для нас ясно, что Лаврентьевская летопись — единственный памятник, задавшийся целью представить текст сильвестровской редакции (ибо в основание Лаврентьевской летописи положен Владимирский свод 1185 г.); между тем в основание всех прочих списков «Повести временных лет», восходящих к Владимирскому полихрону начала XIV в. и к летописи Переяславля Суздальского, положена редакция послесильвестровская; во-вторых, самый характер сделанных в Лаврентьевской летописи вставок из других ее источников отличает их от основного текста; мы видели, что эти вставки частью представляются неуместными, ошибочными, частью же содержащийся в них текст сокращен и приведен неполностью; это обстоятельство может служить основанием для определения, что́ в Лаврентьевской летописи восходит к основному ее источнику — Владимирскому своду 1185 г. и сильвестровской редакции «Повести временных лет» и что́ к источникам вспомогательным — Полихрону и летописи Суздальского Переяславля. Конечно, указанный критерий не может быть признан очень определенным и руководствоваться им возможно лишь при наличности некоторых других указаний.

На основании именно этого критерия следует признать читающуюся в Лаврентьевской летописи похвалу князю Владимиру под 6523 (1015) г. заимствованною из вспомогательного источника. Во-первых, как указал Н. К. Никольский,[1] в похвале замечается внутреннее противоречие: сначала высказан упрек за то, что Владимир не почитается, несмотря на его заслуги, а потом говорится, что русские люди, поминая святое его крещение, прославляют бога в молитвах, песнях и псалмах. Во-вторых, похвала Владимиру изложена гораздо полнее в Ипатьевской, причем в ней имеется обширный отрывок между словами «тоу изобильствуеть благодать» и «дивно есть се колико добра створи», опущенный в Лаврентьевской. Текст похвалы в Лаврентьевской летописи производит впечатление краткого

[1] «Христианское чтение», 1902 г., июль.

извлечения из текста Ипатьевской. Принимая же во внимание всю вероятность того, что летописная похвала Владимиру сохранилась в первоначальном своем виде в «Слове о том како крестися Владимир возмя Корсунь» [1] и в одном из видов проложного жития Бориса и Глеба,[2] мы предполагаем, что во Владимирском своде 1185 г. и в сильвестровской редакции «Повести временных лет» похвала Владимиру была изложена так же, как в только что указанных статьях,[3] что затем похвала эта подверглась распространению (оставляем пока открытым вопрос, в каком именно памятнике), что в Полихроне начала XIV в. похвала читалась так же полно, как в Ипатьевской летописи, что составитель Лаврентьевской дополнил краткую похвалу своего основного источника вставкой из своего вспомогательного источника — Полихрона.

Руководствуясь тем же критерием, мы предполагаем, что окончание статьи об убиении Глеба, изложенное в Ипатьевской летописи гораздо подробнее, чем в Лаврентьевской, заимствовано этой последней не из основного, а из вспомогательного источника; то же должно сказать и о похвале Борису и Глебу (ср. пропуск слов «радуеться церкви свѣтозарное солнце стяжавши всегда просвѣщаеть въ страданьи въ славу ваю мученикомъ»). Предположение наше ставим в связь с указанием, извлекаемым из сравнения «Повести временных лет» с текстом Новгородской 1-й летописи, с указанием на то, что в сильвестровской редакции статья об убиении Глеба имела иное окончание, чем то, что читаем теперь в Лаврентьевской, и что в ней отсутствовала похвала Борису и Глебу.

Признавая вполне, что указанный критерий не только неопределенен, но даже способен в отдельных случаях вводить в заблуждение, все же мы настаиваем на нем между прочим по следующему общему основанию: текст Лаврентьевской летописи, как восходящий к сильвестровской редакции «Повести временных лет», должен быть более первоначальным, чем текст Ипатьевской и других летописей; там, где он менее первоначален, чем текст указанных летописей, исследователь в праве предположить заимствование не из основного источника Лаврентьевской летописи, а из одного из вспомогательных ее источников.

Для оценки приемов Лаврентьевской летописи при пользовании, с одной стороны, основным ее источником, а с другой — вспомогательными, важно отметить следующее место. Под 6370 (862) г., в статье о призвании князей, мы читаем в Лаврентьевской: «и придоша старѣйший Рюрикъ,

[1] И это указание принадлежит Н. К. Никольскому, op. cit.

[2] Ср. Н. К. Никольский. «Материалы для повременного списка русских писателей», стр. 277—279.

[3] «Се есть новыи Костянтинъ великаго града Рима, иже крестився самъ и люди своя; тако и сь сотвори подобно ему. Сего бо въ память держать князи Русстии и людие, поминающа святое крещеніе и прославляють въ молитвахъ и пѣснехъ и въ псалмѣхъ, поюще господеви новии людие, просвѣщени духомъ святымъ, чающе надежи великаго бога и спаса и господа нашего Іисуса христа воздати комуждо противу трудомъ неизреченную радость, юже буди получити всѣмъ крестьяномъ».

а другий Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третий Изборьстѣ Труворъ». Итак опущено указание, где сел Рюрик. Можно с уверенностью утверждать, что во Владимирском своде 1185 г., так же как в сильвестровской редакции «Повести временных лет», после «старѣйший Рюрикъ» читалось «сѣде Новѣгородѣ»; так, по свидетельству Карамзина, было поправлено на полях в Троицком списке; так же читается в Комиссионном списке Новгородской 1-й, где, как увидим, отразился весьма древний летописный свод («и сѣде старѣйший в Новѣгородѣ»). Чем же вызван пропуск слов: «сѣде Новѣгородѣ» в Лаврентьевской летописи? Думаю, что справкой, наведенною составителем этой летописи в вспомогательных источниках: в обоих их, т. е. в Полихроне и в летописи Суздальского Переяславля, было сказано, что «Рюрик сѣде в Ладозѣ» и что лишь впоследствии он, «пришедъ ко Илмерю», срубил «городокъ надъ Волховомъ и прозва Новъгородъ». Ср. такое чтение как в Радзивиловской, отразившей Переяславскую летопись, так и в Ипатьевской, отразившей Владимирский полихрон. Увидев таким образом, что оба вспомогательные источника не подтверждают чтения основного источника (Владимирского свода 1185 г. в ростовской редакции), составитель Лаврентьевской летописи решил опустить совсем слова «сѣде Новѣгородѣ». Из того, что Лаврентий опустил чтение основного источника, несогласное с чтением источников вспомогательных, мы заключаем, какое значение придавал Лаврентий этим своим источникам. Правда, он не решился в данном случае внести в свой текст их чтения, ибо это повело бы его к значительному отступлению от текста основного источника, но в то же время он не мог оставить и чтения основного источника. Мы укажем ниже в главе, посвященной Радзивиловской летописи, на то значительное влияние, какое оказала на текст Лаврентьевской летописи летопись Суздальского Переяславля. Сравнительное исследование Лаврентьевской летописи с другими летописными сводами покажет, что она не сохранила древнего текста «Повести временных лет», хотя в значительной степени точно передала его состав, уклоняясь от основного источника в частностях, в отдельных чтениях, следуя ему, напротив, в передаче общего хода повествования.

Ниже, исследуя другие списки «Повести временных лет», нам придется приводить ряд чтений, которыми они отличаются от Лаврентьевской летописи. Здесь я приведу несколько мест, доказывающих бо́льшую древность текста Лаврентьевской летописи сравнительно хотя бы с Радзивиловскою, Ипатьевскою, Хлебниковскою.

Под 6552 (1044) г. летописец, современник Всеслава Полоцкого (умер в 1101 г.), рассказав о головной повязке, которую надели на Всеслава при рождении, прибавляет: «еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопролитье». Так в Лаврентьевской; в Радзивиловской вместо «носить» прошедшее время «носи», а слово «есть» опущено; в Ипатьевской и Хлебниковской «носил», а вм. «и до сего дне» — «и до смертного дни»; наконец, в Хлебниковской вм. «есть» читаем «бысть». Очевидно, только Лаврентьевская сохранила первоначальную

редакцию слов летописца. Под 6605 (1097) г. в Лаврентьевской «и есть рана та на Василкѣ и нынѣ», в Радзивиловской эти слова опущены, в Хлебниковской и Ипатьевской они заменены другими: «и бяше знати рану ту на лици ему». Под тем же годом в Лаврентьевской летописец передает сказанные ему Давыдом Игоревичем слова так: «иди к Василкови, тезу своему» (отсюда видно, что летописца звали Василием), в Радзивиловской и Ипатьевской слова «тезу своему» опущены. Под 6597 (1089) г. в Лаврентьевской обстоятельнее и полнее, чем в Радзивиловской и Ипатьевской, рассказывается о строительной деятельности Ефрема, митрополита Переяславского; об этом Ефреме летописец говорит: «бѣ скопець высокъ тѣломъ» (это опущено в Радзивиловской и Ипатьевской); вм. «и градъ бѣ заложилъ каменъ отъ церкве святаго мученика Феодора», в Радзивиловской и Ипатьевской кратко: «и городъ каменъ». В легенде об апостоле Андрее, где сообщается о банях новгородских, в Лаврентьевской читаем: «и облѣются квасомъ усняномъ», что́ в Радзивиловской и Ипатьевской изменено в «и объльются мытелью». Под 6601 (1093) г., вм. слова «притранѣе» Лаврентьевской летописи («и се притранѣе и страшнѣе»), в Радзивиловской «пристрание», в Ипатьевской «пристранье». Под 6579 (1071) г. в Лаврентьевской: «и бѣ у нее людий нѣ 300», где «нѣ» обозначает «приблизительно, около»; в Радзивиловской и Ипатьевской: «и бѣ о нею людии инѣхъ 300». Под 6665 (1097) г. вместо «дѣтьскый», как в Лаврентьевской, читаем в Радзивиловской и Ипатьевской: «отрок» («и усрѣте и дѣтьскый его»). Под 6604 (1096) г. в Лаврентьевской «и убиша Изяслава сына Володимеря внука Всеволожа», в Радзивиловской и Ипатьевской ошибочно: «сына Всеволожа». Под 6604 (1096) г. в Лаврентьевской: «и зажгоша болонье около града», в Радзивиловской и Ипатьевской вместо «болонье» — «по пѣску»; там же: «двери еже къ угу устроении», в Радзивиловской и Ипатьевской вм. «устроении» — «стороннии (сторонниѣ)»; там же: «Торци и Кумани рекше Половци», в Радзивиловской и Ипатьевской «Кумани рекше» опущено; там же: «заведъ Кунуй пѣшьцѣ» (Лавр. изд. 1897 г., стр. 231), что́ в Радзивиловской и Ипатьевской опущено. Под 6599 (1091) г. в похвале Феодосию: «иже и по ошествии твоемь отъ сея жизни молишися», в Радзивиловской «по отшествии его молятся», в Ипатьевской «по ошествии его моляся»; там же: «в словесѣхъ книжныхъ веселуяся», что в Радзивиловской и Ипатьевской опущено.

Не подлежит сомнению, что и в ряде других списков можно указать чтения первоначальные сравнительно с остальными списками. И во всех случаях такие чтения свидетельствуют о той или иной связи данного списка с первоначальным текстом «Повести временных лет». Приведенные чтения Лаврентьевской важны для нас потому, что служат одним из доказательств высказанного выше предположения о том, что в основании Лаврентьевской летописи лежит первая, сильвестровская редакция «Повести временных лет».

К числу подобных доказательств отнесем и те чтения Лаврентьевской летописи, которые тожественны с чтениями Новгородской 1-й летописи по Комиссионному списку. Ниже мы укажем на значение сохранившегося

в этом памятнике текста и приведем доказательство в пользу того, что в Новгородской 1-й отразился (хотя и в позднейшей переработке) текст более древний чем даже тот, что представляла сильвестровская редакция «Повести временных лет». Здесь приведем несколько чтений общих Лаврентьевской и Комиссионному списку Новгородской 1-й и притом отличных от чтений Радзивиловской и Ипатьевской, которые, по указанным ниже соображениям, представляют в этих случаях позднейшие чтения, возникшие или уже во второй редакции «Повести временных лет» или в одном из сводов, посредствовавших между этой редакцией и Переяславской (Суздальского Переяславля) летописью начала XIII в.

Под 6463 (955) г. «царь имянемь Цѣмьский», ср. «Царь Костянтинъ сынъ Леоновъ» (Радзив. и Ип.); «д а с т ь ей дары многы», ср. «вдасть» (Радзив., Ип.); «и вои в помощь», ср. «и воа многи в помощь» (Радзив., Ип.); «аще Бог х о щ е т ь помиловати», ср. «въсхощетъ» (Ип., Радзив.); «аще ты познаеши», ср. «аще [и] ты познаеши бога» (Радзив., Ип.); «смерть прииметь», ср. «смертью да умреть» (Радзив., Ип.); «и бѣжаша грѣци», ср. «и побегоша грьци [и грѣци побѣгоша]» (Радзив., Ип.); под 6479 (971)г. «[се] идеть вы Святославъ в Русь», ср. «идеть Святославъ в Русь» (Радзив., Ип.); под 6488 (980) г. «и в е да [дасть] по немъ и т и своимъ», ср. «въити» (Радзив.), «внити» (Ип.); «идоша Царюграду в греки», в Радзивиловской и Ипатьевской «въ греки» опущено; «отъ нея же р о д и с я С в я т о п о л к ъ», ср. «роди Святополка» (Радзив., Ип.); под 6491 (983) г. «не суть бо бози», ср. «не суть то бози» (Радзив., Ип.); под 6494 (986), «ида немноги [еда немногъ] еси быти», ср. «еда малъ еси еже быти» (Радзив.), «еда не моглъ еси быти» (Ип.); «отъ стыдѣнья и заплѣванья», ср. «отъ студа заплеваниа» (Радзив.), «от стыдѣнья» (Ип.); «в Вифлеомѣ ж и д о в ь с т ѣ м ь», ср. «июдѣистемь» (Радзив., Ип.); «при[и]доша жидове», ср. «приходиша жыдове» (Радзив.); подъ 6496 (988) г. «на браченье», ср. «на обручание» (Радзив.), «на обручение» (Ипат.); «опять царици дѣля», ср. «царици дѣля» (Радзив., Ип.); «аще не обрящеться кто», ср. «аще не обрящеться кто заутра» (Радзив., Ипат.); «работникъ, противенъ», ср. «работенъ, противникъ» (Радзив., Ип.); «на новыя люди сия», ср. «на новыя люди свои»; «матере [матери] же чадъ с и х ъ», ср. «своихъ» (Радзив., Ип.); «на ученье книгомъ», ср. «на ученье книжное» (Радзив., Ип.); «по божью с т р о ю», ср. «строению» (Радзив., Ип.); «его же аще хощю помилую», ср. «его же [аще] хощю» (Радзив., Ип.); «яже въздасть намъ [ты] г р ѣ ш н и к о м ъ н а м ъ с у щ и м ъ», ср. «намъ грѣшнымъ» (Радзив., Ип.); «отъ идолъ суетныхъ», ср. «отъ идолъ служитель» (Радзив., Ип.); под 6522 (1014) г. «гридемъ раздаваху», ср. «людемъ раздаваху» (Радзив.), «раздаваху» (Ип.); «а тысячю Новѣгородѣ», ср. «а тысящю Новѣгородѣ гривенъ» (Ип. и Радзив.); под 6523 (1015) г. «обертѣвше в коверъ», ср. «в коврѣ опрятавши» (Радзив., Ип.); «бѣ бо ему вѣсть уже», ср. «[и] поведаша [бо] ему» (Радзив., Ип.); «сынъ угърескъ», ср. «родомъ оугринъ» (Радзив., Ип.); подъ 6576 (1068) г. «грѣхъ же ради нашихъ», ср. «грѣхъ ради нашихъ» (Радзив., Ип.); «[и] ли ведромъ», ср. «[и] ли вредомъ» (Рад-

зив., Ип.); «в нем же ны богъ велить ж и т и», ср. «быти» (Радзив., Ип.); «и смоковье ваше нивы [и смокви ваша и нивы]»; ср. «и смоковье [смоквие] [и] ваш [и] нивы» (Радзив., Ип.); «высадимъ дружину свою», ср. «высадимъ дружину»; «половину [N3!] ихъ иде», ср. «половина ихъ иде[тъ]» (Радзив., Ип.); «исѣче иже бѣша высѣкли», ср. «и посѣче [исьсѣче] кыяны иже бяху высѣкли» (Радзив., Ип.); под 6582 (1074) г. «по обычаю братью цѣловавъ», ср. «по обычаю братью [и] целова» (Радзив., Ип.) и др.

Мы высказали выше предположение, что Лаврентьевская летопись исправляла свой основной источник по двум вспомогательным: Владимирскому полихрону начала XIV в. и летописи Суздальского Переяславля. Исправления эти могут быть обнаружены путем сравнительного исследования Лаврентьевской с другими летописями. Дальнейшее изложение, а именно доводы, приведенные в главе о Радзивиловской летописи, дают основание признавать восходящими к Владимирскому полихрону те чтения, которые, будучи общи Лаврентьевской и Ипатьевской летописям, отличаются от чтений Радзивиловской и Новгородской 1-й летописей. Перечень таких чтений, а именно тех, которые тожественны в обеих последних летописях и отличаются от общих чтений Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, дан там же.[1] Здесь мы приведем еще несколько общих чтений Лаврентьевской с Ипатьевской летописью, не находящих себе соответствия ни в Новгородской 1-й, ни в Радзивиловской. Эти чтения должны быть с вероятностью возведены или к тому же Полихрону, или же даже к первой редакции «Повести временных лет», так как Ипатьевская летопись в числе источников, общих с Лаврентьевскою, имела не только Полихрон, но и древнюю Киевскую летопись с содержащейся в начале ее сильвестровскою редакциею «Повести временных лет».

Под 6477 (969) г., «комони», ср. «кони [конѣ]» в Радзивиловской и Новгородской 1-й; чтение «комони» едва ли не восходит к сильвестровской редакции, поправка «кони» могла явиться независимо и самостоятельно как в тексте Радзивиловской (или Переяславской) летописи, так и Новгородской 1-й; подъ 6479 (971) г.) «они же послуша», ср. «онъ же послуша» (Новг. 1-я), «они же послушаша» (Радзив.); чтение «послуша» обязано ошибке, восходящей, быть может, къ Полихрону, но может быть и къ сильвестровской редакции «Повести временных лет»; «послаша ему мечь», ср. «послаше ему мечь» (Новг. 1-я), «посла мечь» (Радзив.); 6494 (986) г. «идѣте опять», ср. «идѣте вы к собѣ» (Новг. 1-я), «идите за ся» (Радзив.); под 6576 (1078) г. «почто не сдерзастеся», ср. «почто не сдерзаетеся» (Новг. 1-я), «почто не воздержастеся» (Радзив.); «сдерзастеся», быть может, читалось уже в сильвестровской редакции «Повести временных лет»; «удариша в конѣ», ср. «удариша в нѣ» (Новгор. 1-я), «удариша копьи» (Радзив.); чтение «в конѣ» вм. «в нѣ» восходит, повидимому, к сильвестровской редакции; под 6579 (1071) г. «осоромять тя», ср. «исъсоромять тя» (Новг. 1-я), «исоромотити тя имутъ» (Радзив.).

Т. е. в главе «Повесть временных лет» по Радзивиловской летописи.

В главе, посвященной Радзивиловской летописи, изложены те основания, по которым мы признаем за заимствованные из летописи Переяславля Суздальского те чтения Лаврентьевской, которые общи ей с Раздзивиловской, если при этом им противополагаются общие чтения в Ипатьевской и Новгородской 1-й. Там же приведен перечень таких чтений. Здесь укажем несколько общих чтений Радзивиловской и Лаврентьевской, не имеющих себе соответствия в каких-нибудь общих чтениях Ипатьевской и Новгородской 1-й, но вместе с тем представляющихся более новыми сравнительно с чтениями или Ипатьевской или Новгородской 1-й. И такие чтения могут быть, как я думаю, возведены к летописи Переяславля Суздальского.

Под 6463 (955) г. «съблюлъ отъ всякого зла», ср. «съблюлъ отъ всего зла» (Новг. 1-я), «съблюлъ отъ всякого» (Ип.); «в Сюду», ср. «в Суду» (Ип). «въ Съсуду» (Новг. 1-я); под 6491 (983) г. «посѣкоша сѣни», ср. «сѣкоша сѣни» (Ип.), «подъсѣкоша сѣни» (Новг. 1-я); подъ 6486 (988) г. «отъ Рима Силевестръ», ср. «от Рима пріиде Селивестръ» (Новг. 1-я), «отъ Рима преже Селивестръ» (Ип.); подъ 6497 (989) г. «приснодѣвыя богородица» , ср. «и приснодѣвыя Маріа» (Новг. 1-я), «приснодѣвыя Марья богородица» (Ип.); под 6582 (1074) г. «повелѣ звати братью всю», ср. «повелѣ съзвати братью всю» (Новг. 1-я), «повелѣ братью собрати всю» (Ип.), и некоторые др.

Кроме чтений, восходящих в Лаврентьевской к одному из трех ее источников, можно отметить в ней такие чтения, которые обязаны домыслам самого редактора. Относим сюда те чтения, которые не находят себе соответствия в других древних списках, которым противополагаются согласные чтения Новгородской 1-й, Ипатьевской и Радзивиловской.

Под 6453 (945) г. «в ы ш е д ш е изъ града Изъкорстѣня», вм. «исшедше» (Радзив., Новг., 1-я), «шедше» (Ип.); «да в велицѣ чти п р и д у», вм. «поиду» (Новг. 1-я, Радзив., Ип.). Под 6463 (955) г. «благословити тя х о т я т ь», вм. «имуть» (Новг. 1-я, Радзив,. Ип.); после «приде къ Киеву» въ Радзивиловской, Ипатьевской прибавлено «и якоже рькохомъ», в Новгородской 1-й: «и яко о ней въпредъ рекохомъ», в Лаврентьевской это опущено; «радоватися п о ч н е ш ь», вм. «начнеши» (Новг. 1-я, Радзив., Ип.); под 6476 (968) г. «аще кто не приступить с у т р а», вм. «аще не приступите у т р о» (Новг. 1-я, Ип.), «аще не подступите з а у т р а (Радзив.); под 6479 (971) г. «то промыслите с о б о ю», вм. «о себѣ» (Новг. 1-я, Ип., Радзив.); «и н е з р ѣ на ня», вм. «и не позрѣ» (Новг. 1-я, Ип.), «и не возрѣ» (Радзив.); «мертвыи бо срама н е и м а м ъ», вм. «не имають» (Радзив., Ип.), «не имутъ» (Новг. 1-я); под 6486 (978) г. «и вполчишася», вм. «и ополчистася» (Ип., Радзив.), «и вполчистася» (Новг. 1-я); «ративѣшемася полкома», вм. «сразивъшимася полкома» (Новг. 1-я, Радзив., Ип.); «пихаху», вм. «спихаху» (Новг. 1-я, Радзив.); «выспади т р у п и я», вм. «высподѣ п о д т р у п и е м ъ (Новг. 1-я), «наисподи п о д ъ т р у п и е м ъ» (Радзив.), «исподи п о д ъ т р у п и е м ъ» (Ип.); под 6488 (980) г. «имѣти тя х о ч ю», вм. «имѣти тя начну» (Ип., Радзив.), «любити тя начну» (Новг. 1-я); «се бо л у к а в ь с т в о в а ш е», вм. «луковаше» (Радзив., Ип.); «льстяше» (Новг. 1-я); «пред нимъ зат-

ворися», вм. «пришедъ затворися» (Новг. 1-я, Ип.), «и затворися» (Радзив.); «и о с ѣ д е Ярополка», вм. «осѣдаху [оседяху]» (Новг. 1-я, Радзив., Ип.); «побѣгни за градъ», вм. «из града» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «и разуму его нѣсть конца», вм. «числа» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «владаеть яко корабль», вм. «бысть яко корабль» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «на пути въ животьныя», вм. «на пути бо животъныя» (Новг. 1-я, Ип.), «на пути животныя» (Радзив.); «т в о р и т ь благопотребная рукама», вм. «сътворить» (Новг. 1-я, Ип., Радзив.); подъ 6492 (984) г. «сърѣте е», вм. «и срѣте Радимичи» (Новг. 1-я, Ип.), «и срѣте» (Радзив.); подъ 6493 (985) г. «елико камень», вм. «елико же камень» (Новг. 1-я), «оли же камень» (Радзив., Ип.); «а хмель почнеть тонути», вм. «а хмель грязнути» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); под 6494 (986) г. «нѣмци», вм. «нѣмци отъ [из] Рима» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «поминають Бохмита», вм. «наричюще [наричющи] Бохмита» (Новг. 1-я, Радзив., Ип.); «блуда и в с я к о я н е ч и с т о т ы», вм. «и всякого скаредія» (Радзив., Ип.), «и скаредья всякого» (Новг. 1-я); «без вины п р и в е д о ш а и», вм. «предаша и» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «хотѣ испустити и», вм. «хотѣ пустити и» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «и въведе ю в рай ко Адаму», вм. «и приведе [ю] къ Адаму» (Новг. 1-я, Ип., Радзив.); «убоявшися сего г у б л е н ь я», вм. «погубления» (Новг. 1-я, Ип.), «убьения» (Радзив.); «изгнанье», вм. «хухнание» (Радзив., Новг. 1-я), «хулнание» (Ип.); «сѣче 30 тысящь», вм. «изъсѣче 3000 числомъ» (Новг. 1-я, Ип.), «иссѣче 3 тысячи» (Радзив.); «расъсѣю вы в с я о с т а н к и в а ш а», вм. «вся останкы твоя» (Ип., Новг. 1-я), «вся останки» (Радзив.); под 6495 (987) г. «испытайте первое вѣру ихъ», вм. «испытайте вѣру ихъ» (Радзив.), «испытайте вѣру ихъ и службу» (Новг. 1-я, Ип.); «я к о о н ъ д ѣ богъ с человѣки пребываеть», вм. «яко отнудь [отинудь]» (Радзив., Ип., Новг., 1-я); «они же рекоша», вм. «они же рѣша» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); под 6496 (988) г. «и боряхуся крѣпко и з ъ г р а д а», вм. «гражане [гражданѣ]» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «яко в ъ п о л о н ъ рече иду», вм. «въ поганыа» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «дали града», вм. «вдале града» (Новг. 1-я, Ип., Радзив.); «по божью же у с т р о ю», вм. «строю» (Новг. 1-я, Радзив.), «строенью» (Ип.); «съ края церкве», вм. «въскрай церкви» (Новг. 1-я, Ип., Радзив.); «Христе боже», вм. «боже великый» (Ип., Радзив.), «боже» (Новг. 1-я); «не бѣша... слышали с л о в е с е к н и ж н о г о», вм. «словеса книжная», (Ип., Радзив.), «словесъ книжных» (Новг. 1-я); в исповедании веры: «подобносвершено и присносущно», вм. «подобносущно [у] и присносущно» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «свершена человѣка н а ш е г о Ісуса христа», вм. «господа нашего»; «тети жезльемь», вм. «бити» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «п о в е л ѣ н а я створиша», вм. «повелѣное» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «и се уже побѣженъ семь», вм. «побѣжаемъ есмь» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); под 6504 (996) г. «старцемъ людьскымъ», вм. «градскимъ» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «и медъ въ бчелках», вм. «въ бочках» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «но со испытомъ», вм. «нъ съ испытаниемь» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); под 6497 (989) г. «о с т р о и земленѣмъ», вм. «о с т р о е н і и землинемь» (Ип.), «о с т р о е н і и земьскомъ» (Новг. 1-я), «о устрои

земнемъ» (Радзив.); под 6562 (1054) г.: «и еще бо живущю ему», вм. «еже жыву сущу ему» (Радзив., Ип., Новг. 1-я). Под 6573 (1065) г. «с вечера до заутрья», вм. «до оутрия» (Новг. 1-я, Ип.), «до утра» (Радзив.); «отторваху бо ся на землю», вм. «оторгаху [отторгахуть] бо ся на землю» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); под 6574 (1066) г. «до дни семью», вм. «осмаго» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); под 6575 (1067) г. «вдаше на щиты», вм. «взяша на щиты»; под 6576 (1068) г. «и шия желѣзна твоя», вм. «и щиа желѣзна выя твоя» (Радзив., Ип.), «и шиа желѣзныя выя твое» (Новг. 1-я); «подвигая свары», вм. «въздвизая» (Радзив., Новг. 1-я), «въздвигая» Ип.,); «сего ради их же просимъ не пріемлемъ», вм. «того ради их же просим [и] не улучимъ» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «о воли мразомь», вм. «о воли слаѣою» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «отъ злобъ нашихъ», вм. «о злобахъ своих» (Радзив. Ип., Новг. 1-я); «люді много множество», вм. «людій множество» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «и рекоша дружина», вм. «и рѣша дружина» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «идущь полкъ», вм. «идучи воя [идущии вои]» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «Кыеву побѣгшю», вм. «[к] Кыеву пришедшю» (Ип., Радзив.), «Кыеву прибѣгшю» (Новг. 1-я); «дай княже», вм. «да вдай княже» (Ип., Новг. 1-я), «вдай княже» (Радзив.); под 6577 (1069) г. «брата своего Святополка», вм. «брата его Святополка» (Новг. 1-я, Ип., Радзив.); под 6579 (1071) г. «сима же тепенома», вм. «сима же битыма» (Ип.,) «симъ же бьемымъ» (Радзив.), «симь же пакы биенымъ суще» (Новг. 1-я); «он же нача опять призывати», вм. «изнова» (Новг. 1-я, Ип., Радзив.); «яко стати Гречьски земли», вм. «яко стати Грецкой [Гречьской] земли на Руской [земли]» (Радзив., Ип., Новг. 1-я); «яко смерда еста моя и моего князя», вм. «моего князя»; «верже с небеси на землю», вм. «сверже»; «низверженъ», вм. «сверженъ»; «къ упругу», вм. «к упругомъ»; под 6580 (1072) г. «и повелѣша народу възвати» вм. «звати» (Новг. 1-я, Ип.), «возывати» (Радзив.); и др.

Ср. еще под 6586 (1078) г. «не бѣ в немь лсти», вм. «клюки же въ немъ не бѣ ни лсти» (Радзив., Ип.); под 6592 (1084) г. «грькы», вм. «грѣчники» (Радзив., Ип.); под 6559 (1051) г. «и приде въ манастырь ту», вм. «и приде въ единъ манастырь отъ сущихъ ту манастыревъ» (Ип.), «и пріиде въ монастырь ту сущихъ» (Радзив.); «и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ», вм. «и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава»; под 6563 (1055) г. «в се же лѣто иде Всеволодъ на Торкы», вм. «в то же лѣто иде Всеволодъ на Торкы зимѣ къ Воіню»; под 6576 (1068) г. «и нача люди его корити», вм. «и начаша людье говорити»; под 6580 (1072) г. «епископъ Петръ Переяславьскый», вм. «епископъ Петръ Переяславскый, Михаил Гургевьский»; под 6582 (1074) г. «и не бысть отвѣта и рече Антоній», вм. «и не бысть гласа ни послушанія и многажды глагола Антоній и не бысть отвѣта и рече Антоній»; «Феодосии же самъ своима рукама омываше и спряташеть и за 2 лѣта», вм. «Феодосии. . . за 2 лѣта, се створи около его. Се же бысть дивно чюдно: яко за два лѣта лежа си ни хлѣба не вкуси, ни воды ни овоща, ни отъ какаго брашна, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ лежа за 2 лѣта»; под 6586 (1078) г.

«мѣсяца априля», вм. «мѣсяца априля 10»; под 6587 (1079) г. «суть кости его и доселѣ», вм. «и суть кости его и до сего лѣта тамо лежаче»; под 6594 (1086) г. «отъ всего своего имѣнья», вм. «отъ всѣхъ скотъ своихъ и отъ житъ»; под 6599 (1091) г. «Іоанъ Черниговьскый», вм. «Іоанъ Черниговьскый, Маринъ Гургевьскый»; «вечеръ», вм. «вечеръ в суморокъ»; далее опущено: «В лѣто 6602 створи миръ съ Половцѣ Святополкъ и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго»; под 6604 (1096) г. «нѣ есмы», вм. «нѣемы»; «нефетова», вм. «афетова»; «и сторожѣ изъимани», вм. «пріиде же вѣсть къ Олгови яко сторожеве его изоиманѣ»; под 6605 (1097) г. «рекоша вси да будеть нашь», вм. «рекоша вси да будеть на нь хрестъ честный» (Ип., а в Радзив. опущено); «Поборину» вм. «Погорину»; «на любовь прекладаше», вм. «на любовь прекладаше и втѣшаше»; ниже опущено «и бѣжаше возлѣ Санъ у гору и спихаху другъ друга»; под 6608 (1100) г. «в Остромѣ», вм. «в Острозѣ»; «да аще любо», вм. «да чего вамъ любо» («да вамъ любо»), «да его кормимъ», вм. «а тѣи [дати] кормимъ»; под 6611 (1103) г. «дивно имя дружино», вм. «дивно мя [ни]»; «хочемъ на смерды и погубити ѣ», вм. «хочемь погубити смерды»; «и пѣши изъ лодей вышедъ», вм. «пѣшци изъ лодѣй высѣдавше» [«высѣдше»] и др.

Указанные редакторские исправления, быть может, обязаны своим появлением, в некоторых по крайней мере случаях, редакторской работе не Лаврентия, а составителя Ростовского свода XIII в., в состав которого вошел Владимирский свод 1185 г., а часть поправок восходит, быть может, к этому самому своду или даже к его южнорусскому источнику. Нельзя не заметить, что Лаврентьевский список составлен далеко не тщательно; быть может, это зависело не от редакторской работы, а от плохой переписки, но во всяком случае тщательности обработки текста мы в этом списке не замечаем; напротив, он изобилует явными ошибками. Между прочим укажем на ряд пропусков, возникших, очевидно, вследствие механического списывания оригинала.

Под 6360 (852) г. пропуск: «лѣтъ 430, а отъ исхоженіа Моисѣеова» после слов «исхоженьа Моисѣева»; под 6453 (945) г. в договоре пропуск: «на ней же есть крестъ. . . посломъ царства нашего», после слов «у царства нашего»; под тем же годом после слов «идеже есть» пропущено: «нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсѣще бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть»; под 6454 (946) г. после слов «с сыномъ своимъ» опущено: «на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ»; под 6488 (980) г. после слов «и тако убьенъ бысть Ярополкъ» опущено: «Варяшко же видѣвъ, яко убьень бысть Ярополкъ»; там же после «в печенѣги» опущено «и много воева Володимера с печенѣгы»; под 6524 (1016) г. после «одалати нача Ярославъ», опущено: «видѣвъ же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярославъ»; под 6532 (1024) г. после слов «съ варяги» опущено: «и трудишася варязи сѣкуще сѣверъ и по семъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи варяги»; под 6582 (1074) г. после «за 2 лѣта» опущено: «се сотвори около его. . . и глухъ лежа за два лѣта», и т. д.

Другие пропуски вызваны простой небрежностью, напр., известие 6442 (934) г. о нашествии угров на Царьград (ср. перед этим и за этим ряд пустых годов); под 6494 (986) г. в речи философа: «и бѣ стареишина Неврод҃ъ»; ниже в пророчестве Осии опущены слова: «тако глаголеть господь плоть»; под 6496 (988) г. опущено: «и не домышляшеться что створити»; под 6523 (1015) г. опущено: «гривну а главу его отвергъше прочь»; ниже опущено: «а нынѣ быша надобѣ и оутре слезъ и рече имъ»; еще ниже: «руси и печенѣгъ и изниде противу Любчю оба»; под 6562 (1054) г. в известии о походе Всеволода на торков опущено: «зимѣ к воиню» (ср. Разд. и Хлебник., в в Ипат.: «зимѣ воиною»); под 6580 (1072) г. в рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба опущено имя Михаила Юрьевского; под 6596 (1088) г. опущено три известия, равно и начало летописной статьи следующего 6597 г.

Под 6582 (1074) г. без видимой причины опущены слова: «скверни и зли в видѣнии; и абие погибоша бѣси отъ него». Под 6586 (1078) г. опущено: «мѣсяца августа» перед названием дня: «въ 25». Под 6587 (1079) г. вм. «и суть кости его и до сего лѣта тамо лежаче», читаем: «суть кости его и доселѣ». Под 6597 (1089) г. опущено: «и украси городъ Переяславьскыи зданьи церковными». Под 6599 (1091) г. в рассказе об обретении мощей Феодосия опущено имя Марина Юрьевского; опущено название 6602 (1094) года и первое известие под ним о женитьбе Святополка; под 6604 (1096) г. опущены слова «на могылѣ» в известии о погребении Тугоркана; под 6605 (1097) г. в рассказе об ослеплении Василька опущены слова Давыда: «поидевѣ оба»; под 6615 (1107) г. опущено известие о землетрясении 5 февраля, и т. д. Некоторые пропуски сделаны очевидно с умыслом, напр. под 6479 (971) г. опущено: «суть бо греци льстиви (так в Радзив., а в Ипат. более новое чтение: мудри) и до сего дни».

Мы упоминаем здесь только о тех пропусках, которые не повторяются в Радзивиловской: об общих с этой последней пропусках Лаврентьевского списка скажем ниже в статье о Радзивиловской летописи.

Кроме пропусков, отметим искаженные чтения в Лаврентьевском списке. Под 6494 (986) г. в речи философа: «ибо локтемь сажень зовуть», «ибо» вместо «егупти бо», как в Радзивиловской и Ипатьевской; в начале «Повести временных лет»: «си же добрѣ воеваху», «добрѣ» вм. «Обри»; под 6391 (883) г. «примучи вои» вместо «примучивъ ѣ»; под 6453 (945) г. в договоре «на крещеньѣ Русь», вм. «некрещеная Русь»; под 6488 (990) г. «и зрѣнья ихъ», вм. «изрини ихъ»; ниже «на усть рѣки», вм. «на усть Ръси»; под 6489 (981) г. «отъ ня уга», вм. «отъ плуга»; под 6601 (1093) г. «приходя в мѣста», вм. «приходяи мечь»; под 6599 (1091) г. «явьная», вм. «яневая»; под 6604 (1096) г. «папа римскыи», вм. «патариискыи»; под 6611 (1103) г. «благовѣрнии черньци», вм. «человѣци»; под 6576 (1068) г. «мѣхъ», вм. «разумѣхъ»; под 6579 (1071) г. «у ятина», вм. «у Неятина»; под 6582 (1074) г. «плеваше», вм. «поливаше» и т. д. Некоторые из испорченных чтений представляются неудачными поправками, напр.: «ваши бо ангели на небеси суть», говорит кудесник новгородцу, где «ангели», вм. «бози», как в Радзивиловской

и Ипатьевской; под 6600 (1092) г. «на явѣ бьють полочаны», вм. «навье» (Радзив.).

Из всего вышеизложенного явствует, как ненадежен текст Лаврентьевской летописи для восстановления по нему первоначального текста «Повести временных лет». С одной стороны, сказавшееся при составлении этой летописи влияние списков — Владимирского полихрона начала XIV в., и Переяславской летописи XIII в. — имело следствием проникновение в текст Лаврентьевской летописи ряда чтений, изменивших и исправивших первоначальную редакцию «Повести»; с другой стороны — уже в Ростовском своде XIII в., основном источнике Лаврентьевской, и его протографе — Владимирском своде 1185 г. могли быть чтения новые сравнительно с чтениями первоначальной редакции «Повести». Но кроме того, не исключена возможность того, что составитель Лаврентьевской и сам внес в свой труд кое-какие домыслы и поправки. Во всяком случае ряд искажений текста и пропусков должны быть отнесены насчет составителя этой летописи или ее переписчиков.

ГЛАВА II

ТРОИЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ НАЧАЛА XV в.

Этот важный памятник московского летописания к великому ущербу для науки сгорел в 1812 г. Он был известен Карамзину, который оставил нам краткое его описание в «Истории Государства Российского» и сделал из него очень много выписок на протяжении первых пяти томов своего труда. Кроме того, он был употреблен при начатом профессорами Чеботаревым и Черепановым издании Лаврентьевского списка для сличения с ним, причем под строкой указаны все его особенности и отличия. Издание это, доведенное только до 6415 (907) г., сохранилось в виде большой редкости в нескольких корректурных экземплярах; оно перепечатано в I приложении к изданию 1897 г. Лаврентьевской летописи Археографической комиссии. Из указаний Карамзина видно, что летопись эта, написанная на пергамене, была доведена до 1409 г. Вероятно, она составлена около того же времени. Наши сведения о Троицкой летописи значительно увеличились с тех пор, как найдена в Библиотеке Академии Наук так названная Симеоновская летопись XVI в., оказывающаяся в пределах от 1177 г. (с которого она начинается) и до 1390 г. почти тожественною с Троицкою: об этом тожестве можно заключать на основании выписок, сохраненных в «Истории» Карамзина. Благодаря сближению Троицкой летописи с Симеоновскою, теперь мы с уверенностью можем утверждать, что первая из них отразилась в Воскресенской летописи, которая вместе с так наз. Ростовскою восходит к Московскому летописному своду 1480 г.

Принимая во внимание все имеющиеся в нашем распоряжении данные для восстановления Троицкой летописи, мы с уверенностью утверждаем, что в части до 1305 г. (на котором прерывается Лаврентьевская) обе летописи — Лаврентьевская и Троицкая — были весьма сходны между собою, местами даже тожественны. Так издание Чеботарева и Черепанова убеждает нас в том, что текст Троицкой близко сходствовал с текстом Лаврентьевской, резко расходясь вместе с ним с текстом Радзивиловской и Ипатьевской летописей; ниже мы приведем ряд описок, общих обоим текстам. Выписки Карамзина, делающего в первых четырех томах «Истории» ряд общих ссылок на обе летописи, объединяемые именем «харатейныя», доказывают, что сходство Лаврентьевской (Пушкинской) летописи с Троицкой замечалось на всем протяжении первой из них. Сопоставление Лаврентьевской с Симеоновской в части 1177—1305 гг. подтверждает близкое

сходство ее с Троицкой, причем, напр., тексты 1177—1202; 1206—1228; 1250—1305 гг. так близки между собою, что различия между ними могли бы быть указаны на двух-трех страницах. Близкое сходство Лаврентьевской и Троицкой летописей ведет к предположению, что Лаврентьевская положена в основание Троицкой. Но при этом несомненно, что Троицкая пользовалась еще другим источником и исправляла на основании его текст Лаврентьевской. Так под 1185 г. в похвале епископу Луке слова «иже пасеть словесныя овця» заменены словами «иже пасяше словесныя овца» (ср. Переяславскую летопись); под 1196 г. читалось о женитьбе Константина Всеволодича и о постригах Владимира Всеволодича (ср. эти известия в сокращении в Переяславской летописи); под 1203—1205 гг. в ней находился текст, сходный с Радзивиловским списком, но он отличался несколькими лишними известиями (в Лаврентьевской, как мы видели, текст 1203—1205 гг. опущен); под 1206 г. в известии о кончине Марии Всеволожей Троицкая приводила имя смоленского епископа Игнатия, опущенное в Лаврентьевской; кроме того, она излагала статью о кончине Марии гораздо обстоятельнее, чем Лаврентьевская, вставляя в нее поучение ее детям и плач старшего сына Константина; далее занесено было известие о походе суздальцев на болгар; под 1229 г. содержалось известие о мире, заключенном болгарами с Юрием Всеволодичем, и т. д. В виду всего этого предположение о том, что Троицкая положила в основание свое Лаврентьевскую, может быть принято лишь при другом предположении, а именно, что в качестве дополнительного источника она пользовалась еще другим летописным сводом. Определяя характер этого другого свода, находим, что в древнейших частях своих это была, конечно, Владимирская летопись, ср. приведенные выше вставки из нее в текст Лаврентьевской. Мы знаем уже, что за одной из древнейших редакций Владимирской летописи, относящейся к 1185 г. и отразившейся в Лаврентьевском списке, следовали и другие позднейшие редакции (одной из них, доведенною до 1216 г., воспользовался составитель Переяславской летописи); Владимирская летопись велась и в течение всего XIII в., а в начале XIV в. ею воспользовалась общерусская компиляция, Владимирский полихрон. Быть может, составитель Троицкой имел в своем распоряжении этот Полихрон. Ясно во всяком случае, что составление Троицкой летописи — дело москвича, воспользовавшегося, очевидно, как основанием, двумя древнейшими Суздальскими сводами. Москвич сказался между прочим в прибавке, сделанной к известию 1186 г. об изгнании новгородцами Ярослава Владимировича и приглашении князя Мстислава Давыдовича. «Таковъ бо бѣ ихъ обычай»,[1] замечает суздальский летописец, но прибавка москвича, уже мечтавшего о покорении Новгорода, свидетельствует о более раздраженном отношении к вольностям новгородским; он пишет: «такъ бѣ ихъ обычай блядиныхъ детей» (см. Симеоновскую летопись). Ср. подобную же прибавку составителя Софийской 1-й летописи, приписавшего к известию 1170 г. об изгнании новго-

[1] В Переяславской: «такъ бо есть ихъ обычай».

родцами князя Романа Андреевича: «таковъ бо бѣ обычяй блядинымъ дѣтемъ».

«Повесть временных лет» по Троицкому списку, согласно предыдущему, представляет текст Лаврентьевского списка, исправленный по другому своду, вероятнее всего по Владимирскому полихрону начала XIV в. К сожалению наши сведения об этой части Троицкого списка особенно скудны. Издание Чеботарева и Черепанова доведено только до 907 г., а выписок в «Истории» Карамзина из Троицкой для известий первых веков очень немного. Данные, приведенные в указанном издании, подтверждают предположение, что Троицкая летопись списывала Лаврентьевскую, как вообще близким сходством текста обеих летописей, так и рядом общих описок. Отметим, что в Троицкой, согласно с Лаврентьевской, было опущено указание, где сел Рюрик, призванный на княжение: «но вверху приписано над именем Рюрика Новг. . .», замечает Карамзин; по указанию Чеботарева и Черепанова: «К слову Рюрик прибавлено: „сѣдѣ Новѣгородѣ“». Согласно с Лаврентьевской в Троицкой читалось, что «Днѣпръ втечеть в Попетьское море жереломъ», между тем в Радзивиловской и Ипатьевской «треми жерелы»; далее в Лаврентьевской и Троицкой «облѣются квасомъ усниянымъ [усняноmь]», вм. «мытелью» как в Радзивиловской и Ипатьевской; ниже в Лаврентьевской и Троицкой опущены прибавки Радзивиловской и Ипатьевской относительно Кия: «не свѣмы, но токмо о семъ вѣмы», «которомъ не вѣмъ»; ниже опущены слова: «прогнавще волохы иже бѣша преже прияли землю Словеньску»; выше опущено: «инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане»; под 6406 (898) г. «скорописца», вм. «борзописца», как в Радзивиловской и Ипатьевской; выше в начале «Повести» в Троицкой, согласно с Лаврентьевской (где оставлено пустое место), опущено указание размеров вавилонской башни и т. д.

По свидетельству Карамзина византийский император, при котором крестилась Ольга, был назван в Троицкой согласно с Лаврентьевской (и вопреки Радзивиловской и Ипатьевской) «Цимискіемъ» (И. Г. Р., т. I, пр. 382). Под 945 опущено: «Нынѣ дворъ Воротиславль. . . идѣже есть» (ср. т. I, пр. 523). Под 1089 читалось как в Лавр.: «бѣ бо преже въ Переяславли митрополья» (И. Г. Р., т. II, пр. 160). Из общих описок укажем: «аръвинья», вм. «аръменья»; «разраши» вм. «разрушити»; «по сѣли», вм. «по Семи»; «добрѣ», вм. «обри»; «трызно», вм. «трызну»; под 6370: «Русь», вм. «Руси»; под 6391: «примучи вои», вм. «примучивъ ѣ.».

Рядом видим многочисленные поправки, внесенные в текст Лаврентьевской летописи составителем Троицкой. Большая часть их совпадает с чтениями Радзивиловского и Ипатьевского списков и ведет нас таким образом к Владимирскому полихрону, где отразилась позднейшая редакция Владимирской летописи. Ср. вставку «и до Нирокуриа», далее «Аравия Силная, Колія, Комагини, Финикия вся», ниже «полуденьная часть», вм. «полуденьная страна», «ходиша на Хозроя», вм. «находиша на Хоздроя», и «живяху», вм. «иже бяху»; вставку 6370 г.: «варязи русью», вм. «варязи суть»; под 6387: «отъ рода ему», вм. «отъ рода имъ»; под 6406 г. вставку

слов: «яже прозвашася горы Угорьскиа», ср. еще «волохове», вм. «волъхве», «прозвася», вм. «презвася», и др.

Некоторые чтения Троицкой летописи сходятся только с Ипатьевскою (и Хлебниковскою), отличаясь от Радзивиловской: ср. под 6374 вставку слова «лѣто», вставку имени «Готѣ (Гте)» в начале «Повести» в перечне народов Афетова колена (в Лаврентьевской и Радзивиловской опущено), поправку там же чтения «волъхва» Лаврентьевского списка на «волохове» (в Радзивиловской опущено); под 6406 «отъ плода познати я» (Радзивиловская и Лаврентьевская — «знати»); под 6392 «на нихъ», вм. «на нь» Лаврентьевской и Радзивиловской; под 6390 «весь», вм. «и всѣ», как в Лаврентьевской и Радзивиловской. Под 6455 после «Ольжичи» и «до сего дни» (И. Г. Р., т. I, пр. 377), вм. «и доселе». Есть поправки, сближающие Троицкую с Радзивиловскою, в противоположность Ипатьевской: ср. под 6406 (898) г.: «разумѣли», вм. «разумиви», как в Лаврентьевской и Ипатьевской; в начале «Повести»: «создаша», вм. «здаша» Ипатьевской, «созда» Лаврентьевской. Но кроме этих и других им подобных поправок, мы находим в Троицкой ряд других, не оправдывающихся ни Радзивиловским, ни Ипатьевским списками. Часть их ведет нас к письменному источнику, которым согласно предыдущего мог быть Владимирский полихрон. Относим сюда чтение «Лутичи», вм. «Оулучи» Радзивиловской, Лаврентьевской; «Оуличи» Хлебниковской и Ипатьевской (в Ипатьевской переделано в «Лутичи») в рассказе о первоначальном поселении этого племени, ср. «лутичей» выше в рассказе о расселении славян; смерть Мстислава, брата Ярослава, и рождение Вячеслава Ярославича помещены в Троицкой под 6541 (1033) г. (ср. И. Г. Р., т. II, пр. 31 и 46), между тем как в Лаврентьевской и Радзивиловской под 6544 (1036), а в Ипатьевской и Хлебниковской под 6542 (1034) г.; ср. несогласие в хронологии Троицкой с другими и позже, напр. по Лаврентьевской и др. Вячеслав умер в 1058 г., в Троицкой в 1057 г.; Ярославичи освободили Судислава из поруба по Лаврентьевской в 1059, в Троицкой в 1058; Игорь скончался и Торки погибли в 1060, в Троицкой в 1059; половцы разбили Всеволода в 1061, в Троицкой в 1060. «Но далее летоисчисление согласно: ибо в Пушкинской означен мирным один 1062 год, а в Троицкой два: 1061 и 1062» (И. Г. Р., т. II, пр. 114); отметим кроме того, что названия 6391 и 6392 года в Троицкой опущены, а 6393 «соединен вместе с следующим 6394 годом», с которого Лаврентьевский список сравнительно с Троицким идет годом вперед до 6453, «в котором обе они [летописи] сходятся и лета считают согласно», ср. издание Чеботарева и Черепанова и И. Г. Р., т. I, пр. 305, 317, 325. Под 1100 годом съезд князей в Уветичах в Троицкой полагается на 30 июня, между тем в Лаврентьевской и Радзивиловской 10 августа, а в Ипатьевской и Хлебниковской 14 августа.

Остальные известные нам поправки и вставки, внесенные составителем Троицкой, обязаны, повидимому, не письменным источникам его, а тем или другим личным соображениям редактора. Отметим вставку «тепьра» в число (финских) племен, сидевших в Иафетовой части, ср. известие 1210 г. о том, что воевода в. кн. Всеволода «взя Тепру», сидевшую

очевидно не так далеко от суздальских областей; там же имя Сѣтьгола (Лавр., Радзив., Ипат.) исправлено в Лѣтьгола. Под 1018 вм. Буды (имя воеводы) — «Блудъ» (И. Г. Р., т. II, пр. 12). Несколько выше замечание летописца, что Дунай и Днестр текут на полнощные страны (место понято неверно, так как относится к реке Тигру) исправлено так: «оба на полуденьныя»; «межю Миды и Вавилономь» исправлено в «межю Индиею и Вавилономь»; под 6406 слова «писмена азъбуковьная» переданы через: «азъбуки писания истолкованья», а ниже к слову «букъвъ» прибавлено «своихъ рекши книгъ». Особенного внимания заслуживает амплификация, обычный прием позднейшего летописания: в рассказе об ап. Андрее к слову «приде» прибавлено: «святый апостолъ андрѣй»; к слову «заутра» прибавлено «рано»; вм. «имать градъ великъ [быти]» — «и создати имуть градъ великъ»; вм. «Новъгородъ» — «Новъгородъ Великиі»; ниже в рассказе о начале Киева вм. «около града лесъ» — «около града Киева лѣсъ»; под 866 к слову «вѣтромъ» прибавлено «великимъ»; под 907 после слов «и идяше къ граду» прибавлено «съ силою многою»; вм. «убояшася» — «убояшася зило»; к слову «отравою» прибавлено «смертною»; вм. «не воевалъ Грецкые земли» — «не воевалъ гражанъ по пристанищемъ»; под 947 г. вм.: «и ловища ея суть по всей земли» — «и ловища ея суть и до сего дни, по всей земли Рустьтѣй и Новогородьстѣй»; ниже вм. «и есть село се Ольжичи и доселе» — «и есть село ея у Кыева близь на Деснѣ Ольжици и до сего дни» (ср. И. Г. Р., т. I, пр. 377). Под 992 в рассказе о Кожемяке, вм. «единою бо ми и свярящю», повидимому, читалось: «единою бо ми и с матерью сварящю», или «бо ми с матерью сварящуся» (И. Г. Р., т. I, пр. 470). Вместе с тем находим в Троицкой подновление языка, замену старых слов и оборотов: в рассказе об ап. Андрее, вм. «сълѣзъ съ горы» — «сниде съ горы»; вм. «по Днѣпру горѣ» — «по Днѣпру вверхъ»; вм. «и пережьгуть е рамяно», — «и истопятъ знойно»; вм. «совлокуться и будуть нази» — «и разволокуться нази»; вм. «и того ся добьють» — «бьются сами толма»; ниже вм. «створиша градъ» — «создаша градъ»; вм. «мужи мудри и смыслени» — «мужи знатливи разумни»; вм. «по сихъ братьи» — «по сихъ брате помрехъ»; вм. «звериньскихъ образомъ» — «звериным образом»; под 862 г. вм. «братья» — «братеницѣхъ»; ниже вм. «чий се городокъ?» — «чий есть градъ?»; под 866 г. вм. «яко малу ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути» — «яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгло»; под 882 г. вм. «и посади мужь свои» — «и посади боярина своего»; под 898 г. вм. «се прислалася ко мнѣ словѣньска земля» — «се прислалася ко мнѣ словѣньская княжья»; вм. «не отрините наказанья церковнаго» — «не отринете ученья церковнаго»; под 907 г. вм. «ихже имаху плѣникы» — «их же імяху полоняники»; вм. «имемъ ся по дань» — «імем ти ся дань даяти» (тоже ниже); под 992 г. вм. «преторже черева» — «преторже сыром [ятную?]», причем наверху поставлено «кожу»; под 1016 г. вм. «кто не поидеть с нами, сами потнемъ» — «кто не поидетъ съ нами, то сами погубимъ» (И. Г. Р., т. II, пр. 9).

Отметим, наконец, что под 6562 (1054) г. в сообщении о распределении Ярославом волостей в Лаврентьевской, Радзивиловской и Ипатьев-

ской не упоминается об Игоре, пятом сыне Ярослава; в Троицкой, по свидетельству Карамзина, „уже другою рукою написано внизу: «а Игорю Володимерь»“. Эта заметка сделана на основании летописного источника: ср. эти слова в Комиссионном списке Новгородской 1-й летописи и в других сводах, попавших под влияние той особой редакции древней летописи, которая сохранилась в названном списке. Можно думать, что «другая рука» принадлежала и второй половине XV в. и XVI веку, что следовательно указанная прибавка внесена не ранее соединения московских летописей с новгородскими. Таково же, быть может, происхождение надписи «новг. . .» (или «сѣде Новѣгородѣ») над именем Рюрика в рассказе о призвании князей (см. выше): ср. в Комиссионном списке: «и сѣде старѣйшій в Новѣгородѣ».

ГЛАВА III

РАДЗИВИЛОВСКАЯ ИЛИ КЕНИГСБЕРГСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Так по прежнему владельцу и по прежнему месту своего нахождения (в XVII и начале XVIII в.) называется летопись, по палеографическим признакам составленная в конце XV столетия в какой-нибудь великорусской области.[1] Она иллюстрирована на всем протяжении летописного текста, обнимающего события от начала Руси до 1206 г. включительно. Есть основание думать, что оригинал этой летописи был также иллюстрирован.[2] На последних листах летописного текста записаны события 1203—1205 гг., между тем как события 1205—1206 гг. читаются перед ними: это произошло, очевидно, от того, что в оригинале Радзивиловского списка или в протографе этого оригинала последние листы были перепутаны при переплете; отрывок, начинающийся словами «Боголюбивый же и милосердый великий князь Всеволодъ» и оканчивающийся словами: «Той же зимы бишася Олговичи с Литвою», попал при этом в конец летописи за словами «и положиша ю в церкви святые богородице» (в известии 1206 г.). Неисправность оригинала или протографа оригинала Радзивиловского списка сказалась и в том, что до нас не дошел конец летописи, ибо только-что приведенные слова, как оказывается из сравнения с так наз. Переяславскою летописью, первоначально еще не замыкали собой статьи о смерти Марии Всеволожей (конец этой статьи см. в Переяславской летописи).

Ближайшим образом Радзивиловский список сходен с Московско-академическим XV в. Сходство их почти на всем протяжении переходит большею частью в тожество. Это обстоятельство заставило меня сначала предположить, что первая часть Московско-академического списка (доведенная, как и Радзивиловский, до 1206 г.) не больше, как копия с Радзивиловского списка; при этом бо́льшую исправность его текста (отмеченную и А. Ф. Бычковым в предисловии к изданию Лаврентьевской летописи) я объяснял полѣзованием со стороны составителя Московско-академического списка еще другим летописным источником. Но ближайшее знаком-

[1] Быть может, на Белоозере; ср. под 862 г. чтение: «а другий сиде оу насъ на Бѣлѣозерѣ», где: «сиде оу насъ» заменило имя Синеуса.

[2] Ср. мое «Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи» (во II вып. изд. Общества любителей древней письменности: «Радзивиловская или Кенигсбергская лѣтопись», стр. 30).

ство с этим списком принуждает меня отказаться от прежнего мнения моего. Дело в том, что Московско-академический список оказывается исправнее Радзивиловского на всем своем протяжении; следовательно, допустив, что исправления сделаны по другому списку, пришлось бы заключить о пользовании со стороны составителя Московско-академического списка памятником, который был бы двойником или почти двойником Радзивиловского списка, но при этом списком более исправным; между тем такое заключение было бы равносильно признанию, что Московско-академический список копия не с Радзивиловского, а с более исправного его двойника.[1] В виду этого я допускаю, что Московско-академический и Радзивиловский списки восходят к одному общему оригиналу, причем однако текст Московско-академического списка подвергся некоторым исправлениям и вставкам, сделанным на основании другого или других летописных источников. Вывод о существовании общего для Московско-академического и Радзивиловского списков оригинала имеет важное значение в вопросе об иллюстрации Радзивиловского списка, ибо Московско-академический

[1] Ср. под 980 г. в Моск.-акад.: «издалеча собираеть собѣ богатьство и въстаеть отъ нощи» (Радз.: опущено; 3-ье изд. Лавр. лет. Арх. ком., стр. 79); под 992 г.: «выпустиша печенѣзи мужь свой» (Радз.: опущено, стр. 121); ниже: «пустиша я к собѣ» (как Лавр., а в Радз.: «ступишася»); под 1011 г.: «преставися царица Володимиря Анна» (Радз.: опущено, стр. 127); под 1024 г.: «яко посвѣтяше молонья, блещашется» (как в Лавр., а в Радз.: «яко блисташа молыньа и блисташеся»); под 1051 г. прибавленные в Радз. после: «а самъ иде въ гору» слова: «наединѣ жити изволи»; под 1074 г. «яко не мощи» (как Лавр., а Радз.: «яко не имущи», стр. 188); под 1075 г. «сломъ» (Радз.: «посломъ»); под 1078 г.: «и не рече» (Лавр.: «не рече», а в Радз.: «и нарече», стр. 196); под 1089 г. «зданьи» (как в Лавр., а Радз.: «знамении»); под 1091 г. «бѣсовьскыхъ» (как в Лавр., а в Радз.: «и бесловесныхъ», стр. 206); под 1096 г. «къ граду свои» (как Лавр., а в Рэдз.: «к городу своему», стр. 229); ниже опущено, как Лавр., вставленное в Радз. слово «покова» (стр. 229); под 1097 г. «ужина» (как Лавр., а в Радз.: «ужие», стр. 248); под 1100 г. «думаху» (как Лавр., а в Радз.: «думають», стр. 264); под 1103 г. «Олгови и Давыдови» (как Лавр., а в Радз.: «Олгови»); ниже «протолчехъ» (как Лавр., а в Радз.: «проторчехъ»); под 1120 г. «сде и онде» (как Лавр., а в Радз.: «ондѣ» опущено); под 1138 г. «посулцемъ» (в Радз. «полцемъ»); под 1144 г. «гати» (как Лавр., а в Радз.: «рати»); под 1151 г. «у перепетовы» (ср. Лавр.: «у Перепетовыхъ», а в Радз.: «у Перепетоты», стр. 316); под 1152 г. «и поткну» (как Лавр., а в Радз.: «и толче», стр. 321); под 1160 г.: «изъ многыхъ земель» (ср. Лавр. «всѣхъ», а в Радз.: «умныхъ»); под 1169 г. «да бы ихъ... не искоренилъ» (как Лавр., а в Радз.: «да быхъ.. не искоренилъ», стр. 343): под 1171 г. «и поможе богъ» (как в Лавр., а в Радз.: «а помогоша богъ»); под 1175 г.: «Куцьковъ» (в Лавр.: «Кучков», в Рэдз.: «курковъ»); под 1176 г.: «а сии акы не» (Лавр.: «а си яко не», а Радз.: «а сии кияне», стр. 356); под 1177 г.: «на княжь дворъ» (как в Лавр., а в Радз.: «на дворъ», стр. 366); под 1185 г.: «в вѣки вѣкомь аминь» (в Рэдз. «в вѣкы», стр. 374); ниже: «кумяни рекше половци» (как в Лавр., а в Радз. опущено, стр. 376); под 1186 г. «в засаду» (как Лавр., в Радз.: «в осаду», стр. 382); под 1204 г. «послаша» (Радз.: «прославиша»); под 1205 г. «хрестьяный» (Радз.: «хрестъный»); ниже, как в Лавр.: «месяца декабря въ 30, на память святаго апостола Тимона» (в Радз. опущено); под 1206 г. «епископу Иоану» (Рэдз. «иону»), и мн. др.

список содержит указания на то, что он сделан с иллюстрированного оригинала; ср. под 1024 г. пропуск отрывка: «и бысть сѣча силна. . . а Якунъ иде за мо̀ре» в Московско-академическом, между тем как в Радзивиловском этот отрывок приходится между двумя картинами. Обращаю внимание на то, что Московско-академический список в конце имеет ту же путаницу в изложении событий 1203—1206 гг., как и Радзивиловский; вывожу отсюда, что путаница эта восходит к общему оригиналу обоих списков, причем следовательно она вызвана перестановкой листов при переплете еще в протографе этого оригинала. Дальнейшее исследование посвящается вопросу о составе и происхождении не Радзивиловского списка, а его оригинала (общего и для Московско-академического), но для краткости буду называть этот оригинал Радзивиловскою летописью.

Радзивиловская летопись оказывается сходною ближайшим образом с летописью Переяславля Суздальского, которая дошла до нас только в части от 1138 г. в сборнике б. Московского архива иностранных дел XV в. (ср. выше в статье о Лаврентьевской летописи). В части от 1138 до 1206 г. включительно Радзивиловская почти тожественна с Переяславской, причем местами сокращает и выпускает ее известия. Как указано, Радзивиловская обрывается на неоконченной статье о смерти в. княгини Марии; в Переяславской она окончена, и летопись продолжена до 1214 г. включительно, причем следующая за последним известием заметка: «се же бысть лѣто високостное» относится, вероятно, к 6724 (1216) високосному году. Бо́льшая полнота Переяславской летописи наводит на мысль, что Радзивиловская составлена на основании ее, причем отсутствие в Радзивиловской известий 1206—1214 гг. вызвано тем, что бывший в распоряжении ее составителя экземпляр Переяславской летописи утратил последние свои листы (а кроме того в конце его произошла, как мы видели, путаница листов, благодаря ошибке переплетчика); выше мы видели, что тот же дефектный экземпляр Переяславской летописи был в распоряжении составителя Лаврентьевской. Предположение о происхождении Радзивиловской от Переяславской летописи подтверждается следующими соображениями. Составитель Переяславской летописи, работавший, как показал издатель ее М. Оболенский, до 1219 г., положил в основание своего труда Владимирский летописный свод; отсюда близкое сходство с Лаврентьевскою летописью, отразившею Владимирский свод 1185 г. Но местами Переяславский летописец изменил свой текст, дополнив его вставками, имеющими отношение к Переяславлю Суздальскому и его князю Ярославу Всеволодичу. Так под 1157 г. сделана вставка: «и церковь скончя, юже бѣ заложилъ прежде отець его святаго Спаса каменоую въ Переяславли в Новѣмъ»;[1] под 1175 г. находим в молитвенном обращении к Андрею Боголюбскому замену имени князя Всеволода (ср. Лаврентьевскую) именем Ярослава; там же, а также под 1176 и 1177 гг. вставлено о переяславцах для того,

[1] В Лаврентьевской это известие попало из Полихрона, пользовавшегося Переяславскою летописью, но выпустившего слова: «въ Переяславли в Новѣмъ».

чтобы указать на деятельную роль их в призвании на суздальский стол Юрьевичей; наконец, под 1213 и 1214 гг. находим известия, ближайшим образом относящиеся к Переяславлю и князю Ярославу Всеволодичу. И вот оказывается, что некоторые из этих вставок читаются и в Радзивиловской летописи: под 1157 г. в ней помещено известие о построении церкви Спаса «въ Переяславли Новѣмъ»; под 1177 г. читаем, как в Переяславской: «а мене былъ съ братомъ богъ привелъ и володимирци и переяславци», где в Лаврентьевской только — «володимерци». Отсюда, думаю, неминуемо следует, что в числе источников Радзивиловской летописи была Переяславская. Такое заключение подтверждается еще и тем, что не трудно указать ряд общих чтений Радзивиловской и Переяславской летописей, чтений, отличающих их, напр., от Лаврентьевской. Ср. под 1157 г. указание на то, что Андрей сел на Суздальском столе 4 июня (опущено в Лавр.); под 1166 г. отсутствие в обеих летописях известия о походе Мстислава Андреевича (?) за Волок (Лавр.); под 1168 г. пропуск после слов: «се же здеяся за грехи» — «ихъ, паче же за митрополичю неправду»; под 1193 г. пропуск благочестивых размышлений по поводу владимирского пожара; под 1194 г. отсутствие известий об обновлении церквей богородицы во Владимире и Суздале; под 1195 г. отсутствие известия об обновлении Городца Вострьского; под 1201 г. пропуск слов: «съ радостию великою хваляще бога и святую богородицю и святого Михаила, давшаго имъ князя, его же желаша»; под 1177 г. замену словами: «и поустиша ею изъ земли» начала рассказа об ослеплении Ростиславичей (самый рассказ опущен, как мы видели и в Лавр.); под 1187 г. пропуск слов: «занеже есть Рязань Черниговьская епископья»; под 1175 г. пропуск слов: «власти бо отъ бога учинени суть» (ср. Лавр., стр. 351); под 1205 г. вставлено опущенное в Лаврентьевской известие о примирении Ольговичей со Всеволодом и Романом; под 1206 г. читаем статью о пострижении Марии Всеволожей; под 1176 г. видим систематическую вставку имени Всеволода там, где Лаврентьевская говорит только о его брате Михаиле Юрьевиче; под 1175 г. в конце вставлены имена суздальцев и муромцев там, где Лаврентьевская упоминает только ростовцев; под 1197 г. вставлены опущенные в Лаврентьевской слова: «и свата ему пустиша»; под 1175 г. в перечень имен убийц Андрея Боголюбского вставлено имя Ефрема Моизича; под 1186 г. дополнен текст пророчества Исаии, изложенного в Лаврентьевской сокращенно; под 1172 г. вм.: «слышавше наши се, прославиша Бога» — «слышавше же рѣша се чюдо святыя богородица»; под 1171 г. вм.: «и наши божьею помощью инѣхъ избиша» (как в Лавр.); «и одолѣша половцемъ божьею помощью иныхъ избиша»; ниже указан день победы над половцами: «въ день въ среду» (Лавр. опущено); еще ниже вместо: «и сбыться в недѣлю, самихъ поганыхъ избиша» (Лавр.) — «в день недѣлю самихъ (поганыхъ) избиша»; под 1159 г. вм.: «на Нерли, идеже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба», правильнее: «идѣже бяше становище святого Бориса»; под 1176 г. вм.: «а сама князя молода бяста, слушая боляръ» — «а сама князя молода суща слоушаста боляръ»; под тем же годом в конце в Лаврентьевской: «и бывшю ему

на Мерьской», а в Радзивиловской и Переяславской: «бывшю ему на Москвѣ»; под 1185 г. пожар во Владимире по Лаврентьевской случился 18 апреля, а по Радзивиловской и Переяславской 13 апреля; выше в Радзивиловской и Переяславской опущены слова: «на мьздѣ»; под 1196 г. каменная церковь заложена по Лаврентьевской во имя Акима и Анны, а по Переяславской и Радзивиловской во имя зачатия богородицы, и др.

Итак, имеем полное основание заключить, что в основание Радзивиловской положена Переяславская летопись, дошедшая до нас в части от 1138 г. в позднем и не вполне исправном списке в сборнике б. Московского архива иностранных дел. Но уже выше мы указали на то, что в Радзивиловскую попали не все вставки, сделанные в Переяславскую летопись местным летописцем: так под 1175 г. находим в Радзивиловской (как и в Лаврентьевской) имя Всеволода, а не Ярослава в молитвенном обращении к Андрею; из вставок с именем Переяславцев под 1175 и 1176 гг. в Радзивиловскую попала, как мы видели, только одна. Отсюда ясно, что Радзивиловская основывалась не на одной Переяславской летописи, а исправляла ее на основании еще другой суздальской летописи. Мы признаем в этом втором источнике Радзивиловской Лаврентьевскую летопись и притом по следующим основаниям. Во-первых, в бóльшей части случаев, где Радзивиловская отступает от Переяславской, она сходится с Лаврентьевскою. Кроме опущения Переяславских вставок под 1175 и 1176 гг., отметим сходную передачу (в сокращении) под 1177 г. речи переяславцев к Всеволоду в Радзивиловской и Лаврентьевской, причем опущены следующие слова, сохранившиеся в Переяславской: «яко ни въ что же имамы животъ свой за твою обиду, и не дай ны богъ ни единому възвратитися, аще ны отъ бога не будеть помощи» (ср. Лавр., стр. 362). Далее под 1185 г. похвала епископу Луке в Лаврентьевской и Радзив. изложена в настоящем времени («възискаеши», «имаши»), в Переяславской же в прошедшем («искааше», «имяше»); под 1175 г. в Радзив. и Лавр. ошибочно́ показано, что Ярополк Ростиславич венчался 3 января во вторник мясопустной недели, в Переяславской правильно: «месяца февраля в 3 день»; под 1172 г. перед словами «покрывъ роукою своею» в Радзивиловской и Лаврентьевской, вопреки Переяславской, читаем: «хрестьяны»; под 1169 г. в конце в Переяславской «благочестиваго князя Андрѣя», в Радзивиловской и Лаврентьевской «благовѣрнаго»; под 1176 г. в Радзивиловской и Лаврентьевской ошибочно: «яко во всякомь леду», в Переяславской «яко в ледоу»; под 1164 г. в Радзивиловской и Лаврентьевской «о праздницѣхъ божьихъ», в Переяславской «о праздницѣхъ господьскыхъ»; под 1197 г. после слов «доска гробная святаго Димитрия» опущено: «из нея же миро идеть» и др. Отметим далее общие пропуски в Радзивиловской и Лаврентьевской сравнительно с Переяславскою: напр., под 1196 г. в них опущены известия о женитьбе Константина Всеволодича и постригах его брата Владимира; под 1198 г. опущены известия о принятии вновь новгородцами Всеволодова свояка Ярослава и о постригах Святослава (Гавриила) Всеволодича. Наконец, можно указать еще на ряд случаев, где Радзивиловская и Лаврентьев-

ская передают полнее, чем Переяславская, летописный текст: ср. под 1186 г. речь полочан, сокращенную в Переяславской (Лавр., стр. 383); под 1187 г. известие о прибытии к Всеволоду черниговского епископа Порфирия, причем в Переяславской опущено, напр., что Порфирий стоял в монастыре святого Вознесения, куда он прибыл на самый праздник; ниже под тем же годом значительно сокращены в Переяславской благочестивые рассуждения по поводу эпидемии в Суздальской области; под 1197 г. после слов «и вниде въ градъ Володимерь мѣсяца октября в 6 [Переясл. ошибочно 16] день»; в Переяславской опущено: «на память святаго апостола Фомы; и бысть радость велика въ градѣ Володимери»; под 1200 г. в Переяславской читаем: «братіа же проводиша и с честию великою», между тем как в Лаврентьевской и Радзивиловской: «братья же проводиша и с честью [Радзив. «з радостью»], Костянтинъ, Юрги [Радзив. опущено], Ярославъ, Володимеръ, и [опущено] бысть радость велика въ градѣ Володимери»; под 1201 г. в Переяславской опущено: «и братья его проводиша, бысть радость в Переяславли», и т. д.

Во-вторых, все остальные случаи, где Радзивиловская отступает от Переяславской (и не сходится с Лаврентьевскою), можно легко объяснить редакторскими соображениями составителя Радзивиловской, который руководствовался при этом ничем иным, как желанием или выпустить неинтересные известия и подробности, или же заменить то или другое слово и выражение другим более обычным для него, более понятным по его мнению для читателя. Особенно много пропусков в Радзивиловской летописи, обнаруживающихся при сравнении ее с Лаврентьевскою и Переяславскою. Под 1112 г. опущено о смерти черниговского епископа Иоанна, под 1114 г. о поставлении епископа Даниила, кончине Святослава Владимирича и поставлении епископа Кирилла, под 1118 г. о кончине епископа Лазаря и поставлении Сильвестра, под 1122 г. о кончине епископа Даниила, под 1123 г. о кончине Сильвестра, князя Давыда Святославича, епископа Феоктиста и о поставлении епископа Симеона, под 1124 г. о кончине Василька Ростиславича, вдовы Святополка и Володаря Ростиславича, под 1126 г. о кончине вдовы Мономаховой, под 1134 г. о кончине епископа Маркела, под 1138 г. о кончине Евфимии Володимировны, под 1183 г. о кончине княгини Ольги Георгиевны, под 1186 г. о рождении Константина Всеволодича, под 1180 г. о смерти Мстислава Ростиславича, под 1196 г. о рождении Гавриила (Святослава) Всеволодича, под 1198 г. о рождении Ивана Всеволодича, под 1202 г. о кончине Февронии, вдовы Михаила Юрьевича и др.[1] В особенности систематично проводится сокращение подробных указаний дня и часа, когда произошло то или другое событие. Так под 1119 г. вм. «мѣсяца генваря въ 15 день» — «генваря 15»; под 1125 г. вм. «мая мѣсяца въ 19 день» — «мая 19»; под 1126 г. вм. «мѣсяца августа въ 4 день» — «авгу-

[1] Не упоминаю об обширных пропусках под 1151, 1154 и 1155 и под 1169 гг., так как они произошли в оригинале Радзивиловского и Академического списков не умышленно, а вследствие какой-нибудь механической причины.

ста 14», под 1144 г. вм. «мѣсяца июня въ 9» — «июня 9», и т. п. Так под 1123 г. опущено: «мѣсяца октября въ 4 день», под 1132 г. «мѣсяца априля въ 14 день», под 1185 г.: «день, въ понедѣльникъ, на память святаго Евдокима Новаго», под 1188 г. вм. «мѣсяца марта въ 18 день, въ среду вербное недѣли», — «марта 18», под 1187 г. опущено «на память святое мученици Еуѳимьи», под 1194 г. опущено: «на память святаго Маркиана и Мартурья, въ канунъ святаго Дмитрия», под 1201 г. опущено: «на память святое мученици Евгеньи», под 1206 г., сравнительно с Переяславскою, опущено: «на память святою мученику Хрусанфа и Дария», и т. д. Очень часто опускается указание на день и место погребения, напр. под 1127 г., где опущено: «а погребенъ бысть въ 24 день», под 1146 г., где опущено: «а в понедѣльникъ вложена бысть вь гробъ в своей церкви, в ней же и постриженся». Отмечу еще несколько пропусков: под 1151 г., где опущено: «близь стрыя своего Андрѣя и Святослава»; под 1151 г. опущен эпизод о том, как в битве у Киева один половчин спас Андрея, насильно удержав его от дальнейшего преследования неприятеля; ниже опущены слова, обращенные Андреем к отцу, где он напоминает ему о крестном целовании; под 1195 г. опущено о Переяславле: «того же лѣта и срубленъ бысть»; под 1168 г. опущено: «и поможе богъ, и святая богородица и отня и дѣдня молитва князю Мстиславу Андреевичу с братьею своею»; под 1175 г. в фразе «Ярополка князя посадиша володимерци с радостью в городѣ Володимери» опущено: «володимерци с радостью»; под 1185 г. после слов «сдѣя господь спасенье велико» опущено: «нашимъ княземъ и воемъ ихъ надъ врагы», а ниже опущено: «оружья добыша и конь, и възвратишася домовь», и т. д.

Из редакционных поправок и ошибок Радзивиловской против древнего текста, сохранившегося в Лаврентьевской и Переяславской, отметим:[1] под 1164 г. «епископъ нѣкто», вм. «Леонъ епископъ» в статье о появлении ереси леонтианской; под 1187 г. идоша «Копонову», вм. «к Попову», как в Переяславской и Лаврентьевской; под 1186 г. «и даша дары многы», вм. «и даша ему дары многы», как в Переяславской и в Лаврентьевской; под 1171 г. «возвратишася въ свояси к Киеву», вм. «възвратишася къ Кыеву»; под 1138 г. в фразу «той бо [т. е. Ярополкъ] съблюдаеть землю русьскоую», перед «съблюдаеть» вставлено «божьею милостью»; под 1149 г. «самого четверга», вм. «толико самого ли четверга»; под 1151 г. «и щитъ на немъ оторгоша» вм. «отторже», как в Лаврентьевской и Переяславской; под 1152 г. «не мешкая пойдоша» вм. «ту же не постряпуче поткнуша» (Лавр.), «тоу же не постряпоуче к нимъ тлъкноушя» (как в Переясл.), ниже «побеж передъ ними» вместо «поскочи перед ними» (Лавр. и Переясл.); под 1154 г. «ать не возмуть насъ татарове», вм. «половци» (как в Лавр. и Переясл.); под 1159 г. после «не погребеши тѣла» вм. «моего» вставлено: «еже мертво мое будетъ»; под 1160 г. вм. «боголюбивымъ княземъ Андрѣемъ» — «христолюбивымъ»; под 1164 г. «и поклонишися» (перед «святою богородицею»), вм. «удариша

[1] Останавливаюсь на части 1138—1206 гг., ибо трудно решить, без текста Переяславской, что именно внесено редактором Радзивиловской.

челом»; под 1169 г. вм. «и святая богородица церкве Десятиньныя» (после «В то же лѣто чюдо сотвори бог») «и содея святая богородиця десятинная»; под 1170 г. «благовѣрный» вм. «благородный». Из явных ошибок редактора отметим: под 1171 г. «родися у Андрѣя сынъ» вм.: «родися у Мстислава сынъ у Андрѣевича»; под 1174 г. «(положиша и) в церкви в Муроме» вм. «оу Христовы церкви в Муромѣ» (ср. Переясл. и Лавр.); под 1171 г. «язвиша» вм. «извязаша»; под 1169 г. «богъ и смири я до земли» вм. «богъ и смѣри я до зѣла» (в древнем оригинале было очевидно до з̃ или до s̃); под 1159 г. «отъ отца» вм. «отъ тести», «отъ тьстя»; под 1148 г. «Рослава [Ярослава]» вм. «Жирослава»; под 1139 г. «ова како» вм. «обаче», и др. Укажем, наконец, на̀ некоторые прибавки редактора к древнему тексту: вм. «Изяславъ же отступися в поле, а половци идоша домовь» (Лавр.), «и Изяславъ отстоупи в поле и половци отидоша отъ него» (Переясл.) — в Радзивиловской читаем: «Изяславъ же отступи в поле, наполнивъ руки половцемъ о горе таковымъ князьмъ — и отидоша отъ него половци» (очевидно, «наполнивь руки половцемь о горе таковымъ князьмь» — глосса, попавшая при переписке в текст); под 1164 г. вставлено после «удариша челомъ» (вм. чего: «поклонишася») перед «святою богородицею» — «и почаша целовати святу богородицю»; под 1185 г. вм. «утѣшая печалныя» — «совершая апостола глаголюща утешайте печалныя», и некоторые др.[1]

Итак, мы убедились в том, что текст Радзивиловской летописи объясняется вполне удовлетворительно, как соединение текста Лаврентьевской и Переяславской летописей; всё лишнее против них не содержит ничего фактического и может быть приписано редакторским домыслам.

Радзивиловская летопись вместе с сборником б. Московского архива иностранных дел дают обильный и надежный материал для восстановления (правда не во всем объеме) Переяславской (Переяславля Залесского) летописи, сыгравшей видную роль в истории нашего летописания. Как видно из предыдущего, эта летопись значительно отличалась от Лаврентьевской или точнее от лежащего в основании последней — Владимирского свода 1185 г. Между прочим она содержала продолжение летописи, обнимавшее 1185—1214 гг. Состав известий этой части Переяславской летописи не оставляет сомнения в том, что она восходит к Владимирскому летописному своду, доведенному до 1214 или приблизительно до 1214 г. Следовательно, есть основание думать, что и вся летопись Переяславля Суздальского не более как копия с Владимирского свода начала XIII столетия, местами дополненная и измененная переяславским летописцем (вспомним об упомянутых выше вставках).

Таким образом Лаврентьевская летопись ведет нас к Владимирскому своду 1185 г., а Переяславская — к Владимирскому же своду начала XIII в. Оба свода значительно отличались один от другого — и притом

[1] Лишнее против Лавр. под 1125 г.: «подобяся отцю своему» в похвале Мономаху; под 1128 г.: «а сие написахомъ здѣ памяти дѣля» перед рассказом о причине вражды Всеславичей с Ярославичами — восходит, быть может, к Переяславской летописи.

не только тем, что позднейший содержал известия, каких не могло и быть в древнейшем, но и заметной редакторской переработкой позднейшим сводчиком древнего текста в части до 1185 г. Эта переработка основывалась частью на домыслах редактора, частью же на фактическом материале, бывшем в распоряжении редактора в виде летописного свода. О домыслах редактора скажем дальше, а пока представим доказательства того, что, дополняя Владимирский свод 1185 г., позднейший сводчик пользовался еще другою и притом не Владимирскою и не Суздальскою летописями. Вслед за окончанием свода 1185 г., вслед за благочестивыми рассуждениями по поводу пожара 18 апреля, замыкающимися словом «аминь», мы находим в летописи Переяславля Суздальского (а следовательно в Владимирском своде начала XIII в.) рассказ о походе южнорусских князей против половцев (ср. о том же походе, но в другой редакции в Ипатьевской под 1183 г.); рассказ по своей обстоятельности (ср. перечень пленных князей половецких, речь Владимира Глебовича Переяславского) не может быть приписан Владимирскому летописцу, а принадлежит очевидно южнорусскому летописцу; под следующим 1186 г. в Переяславской летописи (и во Владимирском своде начала XIII в.), после двух суздальских известий, находим длинный рассказ о походе на половцев Игоря Ольговича Новгород-Северского; рассказ заканчивается рассуждениями по поводу несчастного исхода знаменитого похода; не подлежит, конечно, сомнению, что рассказ этот от начала до конца написан не владимирцем, а южанином (ср. статью о том же походе, но в иной редакции в Ипатьевской летописи). Других южнорусских статей и известий мы в дополнительной части Владимирского свода начала XIII в. не находим, но двух указанных рассказов о южнорусских событиях вполне достаточно для утверждения, что в распоряжении позднейшего владимирского сводчика находился южнорусский летописный свод. Имея в виду, что в рассказе о походе 1185 г. Владимиру Глебовичу Переяславскому уделено главное внимание, что и в рассказ об Игоревом походе вставлен эпизод отражения Владимиром половцев от Переяславля, причем в Игоревом полку, по всей видимости, было не мало переяславцев («и сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынама. . .»), мы заключаем, что Южнорусский летописный свод, находившийся в распоряжении позднейшего владимирского сводчика, был летописью Южного Переяславля. Итак в распоряжении сводчика 1185 г. находилась, как мы видели, летопись Южного Переяславля в редакции, доходившей до 70-х годов XII ст., в распоряжении же позднейшего сводчика та же летопись, но в редакции, оканчивавшейся, быть может, рассказом об Игоревом походе 1186 г.

Как указано, в части до 1185 г. можно найти в Переяславской (Переяславля Суздальского) летописи, а следовательно во Владимирском своде начала XIII в., следы упорной редакторской работы над древним текстом, сохранившимся в Лаврентьевской. Эта работа сказалась частью на вставках и поправках, обязанных домыслу редактора, частью на вставках, обличающих письменный источник. Первого рода отличия позднейшего Владимирского свода от древнейшего находим, напр., под 1176 г., где прове-

дена последовательно прибавка имени Всеволода Юрьевича к имени Михаила Юрьевича, которому свод 1185 г. (ср. Лавр.) приписывал главную роль в описываемых событиях, в борьбе с Ростиславичами из-за суздальского стола, или напр., под 1185 г., где формы настоящего времени в похвале епископу Луке изменены в формы прошедшего времени, или в редакции статьи 1177 г., исключившей совсем начало повествования об ослеплении Ростиславичей. Вставку же из письменного источника можно указать под 1171 г. (эта вставка путем Переяславской летописи попала и в текст Лаврентьевской): здесь мы читаем сокращенное изложение того самого похода Михаила Юрьевича против половцев, который с бо́льшими подробностями изложен был в своде 1185 г. под 1169 годом; поход этот, как мы указывали уже выше, записан летописцем Южного Переяславля и эта запись довольно точно передана была в своде 1185 г.; позднейший владимирский сводчик, заметив в своей южнорусской летописи рассказ с именем Михаила Юрьевича и не догадавшись (быть может, вследствие сокращенного изложения похода в своем источнике — позднейшей редакции летописи Южного Переяславля), что он уже передал его, списывая под 1169 годом свод 1185 г., внес его в свой свод, но при этом, следуя обычному своему приему, к имени Михаила Юрьевича приписал имя Всеволода («и поможе богъ Михалку со Всеволодом на поганыя» и выше: «посла брата своего Михалка с братом своим Всеволодомъ»). Итак, мы имеем основание утверждать, что позднейший владимирский сводчик дополнял текст свода 1185 г. по находившейся в его распоряжении летописи Южного Переяславля.

Прежде чем рассмотреть текст «Повести временных лет» Радзивиловской летописи, отражающей, согласно предыдущему, Владимирский свод начала XIII в., мы должны остановиться на вопросе, не было ли промежуточных редакций между Владимирским сводом 1185 г. и сводом, доведенным приблизительно до 1214 г. Вопрос этот важен для нас потому, что нам небезынтересно знать, кто именно переработал текст свода 1185 г., руководствуясь летописью Южного Переяславля: редактор, работавший около 1214 г., или более ранний сводчик. Исследование Переяславской летописи дает основание думать о существовании редакции, доведенной до 1193 г., причем уже в ней древний текст Владимирского свода 1185 г. читается в переработанном виде. Сравнивая, именно, Переяславскую летопись с Лаврентьевской, мы легко убеждаемся в том, что, начиная с 1194 г., Переяславская летопись передает текст Владимирской летописи не так точно, как раньше до 1193 г.: ср. пропуски двух известий под 1194 г., одного известия под 1195 г., ср. также пропуск обширных рассуждений по поводу пожара 23 июля 1193 г., между тем как рассуждения по поводу пожара в том же Владимире 1185 г. приведены сполна, ср. еще ряд сокращений в известиях 1194—1202 гг., между тем как до 1192 г. сокращения в Переяславской сравнительно с Лаврентьевскою очень редки (ср. сокращения под 1186 и 1187 гг., отмеченные нами выше). Итак, с 1194 г. видим в Переяславской как будто пользование другим источником, чем до этого года. Имея же в виду, что в Лаврентьевской летописи рассуждения по

поводу пожара 1193 г. (они заимствованы в эту летопись из Владимирского полихрона) замыкаются словом «аминь», довольно последовательно сопровождающим окончание летописных сводов, мы получаем указание на то, что действительно одна из редакций Владимирской летописи доводила рассказ до 1193 г. Возвращаясь к Переяславской летописи, видим, что она точно и почти без сокращения передавала текст Владимирского свода 1193 г. Не следует ли отсюда, что в распоряжении составителя этой летописи находился Владимирский свод 1193 г., положенный им в основание своего труда? Если это так, то заключаем, что для дополнения его позднейшими известиями, для распространения его до 1214 г., составитель Переяславской летописи воспользовался другим позднейшим Владимирским сводом, который он передавал неточно, сокращенно. Итак, имеем некоторое, правда, не очень твердое основание предполагать, что первая переработка свода 1185 г. произведена еще в XII столетии редактором, доведшим летопись до 1193 г.

Сравнивая рассказы о походе Михаила Юрьевича на половцев под 1169 и 1171 гг., видим, что это два разных рассказа об одном и том же событии. Под 1169 г. рассказ более обстоятелен, чем под 1171 г., но тем не менее под 1171 г. читаем подробности, отсутствующие под 1169 г.; так под 1171 г. читаем: «а полонъ свой отъяша 400 чади и пустиша я восвояси»; далее указан день победы: «недѣля» (т. е. воскресение), чего нет под 1169 г. Следовательно, рассказ 1171 г. не есть сокращение рассказа 1169 г., а самостоятельное повествование о походе Михаила Юрьевича. В этом утверждает и то, что под 1169 г. успех похода и причина поражения половцев приписывается помощи «божией матери Десятинной», разгневанной за то, что половцы полонили волость десятинного города Полоного, а под 1171 г. Михалку и Всеволоду помогает бог и молитва «дедня и отня». Но не может быть сомнения в том, что оба рассказа составлены переяславцами: ср. и под 1169 и под 1171 гг. употребление слова «наши» в противоположении половцам, между тем из рассказа 1169 г. известно, что Михайлово войско состояло из сотни переяславцев и полторы тысячи берендеев. Следовательно, мы в праве заключить о существовании двух летописей в Южном Переяславле: одна из них отразилась во Владимирском своде 1185 г. (Лавр.), а другая в позднейшем Владимирском же своде (ср. летопись Переясл.). Быть может, первая из этих летописей была княжескою, а вторая церковною или монастырскою. Говоря о княжеской летописи, мы вспоминаем, что Глеб Юрьевич, одно из главных действующих лиц в рассказе 1169 г., был переяславским князем с 1154 по 1169 г., а сын его Владимир сидел в это время в Переяславле («князь бо переяславьскый Глѣбовичь Володимеръ въ то время бяшеть малъ, яко 12 лѣтъ»); вспоминаем еще намек на прежнее событие, не рассказанное во Владимирской летописи, позволяющее думать, что в летописи Переяславской говорилось подробнее о подвигах Глебова брата Михаила. Мы увидим сейчас, что обе Переяславские летописи отличались одна от другой в основных частях своих — в «Повести временных лет».

Отношение Радзивиловской летописи к предшествующим ей сводам может быть изображено в следующей таблице:

Табл. 2

«Повесть временных лет» по Радзивиловской летописи, согласно предыдущему, отразила следующие три источника: 1) Лаврентьевскую летопись, 2) Летопись Суздальского Переяславля, 3) домыслы редактора, работавшего над ее протографом в конце XIV или в XV в. Нам предстоит решить, что именно в тексте «Повести» может быть возведено к каждому из указанных источников.

В виду зависимости Радзивиловской летописи от Лаврентьевской, казалось бы правильным возводить к последней все те чтения Радзивиловской, которые тожественны с Лаврентьевской; таких чтений, отличающих притом Лаврентьевскую и Радзивиловскую от Ипатьевской, очень много. Но должно принять во внимание, с одной стороны, что второй источник Радзивиловской — летопись Суздальского Переяславля — восходит, правда через посредство еще одного, или и двух сводов, к тому же Владимирскому своду 1185 г., к которому возводится Лаврентьевская летопись. Следовательно, общие чтения Радзивиловской и Лаврентьевской в известной части своей могут восходить к Владимирскому своду 1185 г. С другой стороны, одним из источников Лаврентьевской летописи была летопись Суздальского Переяславля, та самая летопись, которая лежит в основании

и Радзивиловской; ясно, что ряд общих чтений Радзивиловской и Лаврентьевской могли явиться в результате влияния на обе эти летописи одного общего источника — летописи Суздальского Переяславля. Отсюда следует, что чтения, общие Радзивиловской с Лаврентьевской летописью, могли попасть в первую из них не только из второй, но и из другого источника Радзивиловской летописи.

Большая часть чтений, общих Лаврентьевской и Радзивиловской, представляется в редакционном отношении отступлениями от первоначального текста; это доказывается как тем, что ряд таких чтений может быть понят порчей текста (опущения, искажения), так и тем, что другой ряд противопоставляется таким чтениям Ипатьевской летописи, которые, в виду совпадения их с чтениями Новгородской 1-й, должны быть признаны более первоначальными, чем чтения Лаврентьевской и Радзивиловской. Принимая это во внимание, мы признаем, что сравнительно незначительная часть чтений, общих Лаврентьевской и Радзивиловской, может быть возведена к их первоисточнику — Владимирскому своду 1185 г. Большая же часть таких чтений должна быть отнесена, с одной стороны, к редакционным ошибкам и домыслам составителя Лаврентьевской летописи, с другой стороны, к поправкам, внесенным в текст «Повести временных лет» составителем второй ее редакции, откуда произошла летопись Южного Переяславля 2-я, легшая в основание Владимирского свода начала XIII в. и, посредством этого свода, также летописи Суздальского Переяславля. Возникает вопрос, какие же чтения отнести насчет редактора Лаврентьевской летописи и какие насчет редактора «Повести временных лет», работавшего над нею после Сильвестра? Думаю, что насчет редактора Лаврентьевской летописи должно отнести сокращения и пропуски первоначального текста, насчет же составителя второй редакции «Повести временных лет» все те поправки и дополнения, которые имеют характер исправленных, улучшенных чтений. Основания для такого решения поставленного вопроса следующие: если бы пропуски и сокращения, общие Лаврентьевской и Радзивиловской летописям, восходили не к Лаврентьевской, а к летописи Переяславля Суздальского, а тем более к первоисточникам последней, напр., ко второй редакции «Повести временных лет», то весьма вероятно, что они не попали бы в текст Лаврентьевской летописи, пользовавшейся летописью Переяславля Суздальского только как вспомогательным, второстепенным источником и не могшей исказить на основании ее своего основного источника — Владимирского свода 1185 г. Напротив, сокращения текста весьма охотно вводились составителем Радзивиловской летописи, прибегавшим к ним, как мы видели, и в других частях своего труда при передаче текста летописи Переяславля Суздальского. Для составителя Радзивиловской летописи оба источника — Лаврентьевская и Переяславская летописи были равноценны; он, повидимому, давал предпочтение именно Лаврентьевской летописи там, где рассказ был короче и сжатее. В виду этого насчет Лаврентьевской летописи относим следующие сокращения, попавшие в Радзивиловскую:

Под 1015 г. в Радзивиловской похвала Владимиру изложена так же сокращенно, как в Лаврентьевской, т. е. опущен, сравнительно с Ипатьевской, обширный отрывок, начинающийся словами: «аще бо прѣже въ невѣжьствѣ етера быша сгрѣшенья» и оканчивающийся словами «молитвы твоя и милостыня твоя взнидоша в память предъ богомь». Под тем же годом в статье об убиении Бориса и Глеба отметим общий Радзивиловской и Лаврентьевской пропуск слов: «рече бо: кто идеть премстить Ахава и рече бѣсъ се азъ иду?», а также сегментов: «тѣм же и Давыдъ глаголаше: аще во истину оубо право глаголете. . . по образу змиину»; «и пакы оружье извлѣкоша. . . яко дымъ погибьнуть»; «яко бритва изострена. . . и своея нечести насытяться». Под 1037 опущены слова: «сии же премудрыи князь Ярославъ того дѣля створи благовѣщение на вратѣхъ, да ть всегда радость градоу тому святымь благовѣщениемь господнимь и молитвою святыя богородица и архангела Гаврила» (ср. эти слова в Ипат.). Под 1064 опущен «и с нимъ бѣжа Порѣи. . . на Ростислава Тмутороканю». Под 1086 опущено известие о закладке Всеволодом церкви Андрея, образовании при ней монастыря, где постриглась дочь его Янка (при этом под 6597 годом в Лавр. и Радзив. при имени Янка стоит «прежереченная»). Под 1110 г. Радзивиловская так же, как Лаврентьевская, обрывает благочестивые рассуждения по поводу огненного столпа на словах: «ангелъ твой буди с тобою» и помещает затем запись игумена Сильвестра.

Из других пропусков, общих Лаврентьевской и Радзивиловской, отметим сначала те, которые в Лаврентьевской явились механически и имеют характер описки, ошибки: под 6453 (945) г. в договоре Игоря, после имени Турбернъ, опущено: «и другии Турбернъ, Оулѣбъ, Турбенъ»; под 6479 (971) г. после «исполчишася Русь» опущено: «и Грѣци противу и сразистася полка и оступиша Грѣци Русь»; под 6472 (964) г. после «многы и храбры» опущено: «бѣ бо и самъ храборъ»; под 6494 (986) г. после «кто убогъ то и тамо» — «аще ли богатъ есть здѣ то и тамо»; ниже после «возношашеся на небо» — «и егда возношашеся на небо»; под 6496 (988) г. после «сѣюще оучение свое раздно» — «тѣм же держать не в одино съглашение вѣру не раздно»; под 6526 (1018) г. после «на Святополка» — «и побѣди Ярослав Святополка»; под 6581 (1073) г. после «со имѣньемъ многымъ» — «и с женою оуповая богатьствомъ многымь»; под 6579 (1071) г. после «глаголюще» — «явили ми ся есть 5 богъ глаголюще»; ниже опущено после «кде живуть» — «онъ же рече бози наши живуть»; под 6582 (1074) г. после «а се идеть к тебѣ Христосъ»[1] — «и въставъ Исакии видѣ толпу и лица ихъ паче солнца и единъ посредѣ ихъ, и сьяху отъ лица его паче всихъ и глаголаста ему Исакье то ти Христосъ»; под 6605 (1097) г. после «на половцѣ» — «и поиду рѣхъ на половцѣ»; ниже, после «ненавидящимъ» опущено «мене въздамъ яко кровь сыновъ своихъ мьщаетъ и мѣстить и въздаеть месть врагомъ и ненавидящимъ»; под 6610 (1102) г. после «ова ли на добро» — «си знамения быша на добро».

[1] Прибавленное за сим в Радзивиловской «со ангелы», очевидно, восходит к Переяславской летописи; ср. те же слова в Ипатьевской.

Отмечу еще общие сокращения: под 6597 (1089) г. в сообщении об освящении церкви Печерской в Радзивиловской и Лаврентьевской опущены после «Исаиемь» слова «Ростовскымъ и Иваномъ», а ниже еще слова «и Антоньемь Гурьговскимъ игуменомъ»; под 6473 (965) г. опущено «и приде къ Киеву» в конце статьи; под 6479 (971) г. опущено: «рька се городъ мои», после слов «взя городъ копьемъ»; ниже после «похороните» опущено «отроци же Святославли вземше похорониша»; под 6504 (996) г. в молитвенном обращении Владимира опущены слова «и отпусти вся грѣхы его»; под 6463 (955) г. «на краихъ же забральныхъ» вм. «на краихъ же стѣнъ забральныхъ»; подъ 6488 (980) г. «постави кумира» вм. «постави Перуна кумиръ»; под 6494 (986) г. после «оходы своя» опущено «поливавше водою»; ниже «вначало» вм. «в начало исперва»; под 6496 (988) г. «подобесущенъ отцю» вм. «подобосущенъ и безначаленъ отцю»; перед словами «их же блюстися ученья» опущено «ина же многа раздно держать»; под 6579 (1071) г. после «любо жито, любо рыбу» опущено «или вѣверицю»; под 6491 (983) г. после «держаше вѣру» опущено «втайнѣ»; ниже, после «но суть дѣлани руками в деревѣ» опущено «сокирою и ножемъ»; под 6559 (1051) г. опущено, быть может умышленно, замечание о Печерском монастыре, что он «и честью боле всихъ»; под 6663 (1095) г. в речи дружины, обращенной к Владимиру, колебавшемуся нарушить роту в отношении к захваченным в плен половцам, опущены слова: «привелъ ти ѣ богъ в руцѣ твои»; под 6611 (1103) г. после слов «и великое спасенье створи богъ» опущено «въ тъ день благовѣрнымъ княземъ Русьскымъ и всимъ хрестьяномъ»; под 6456 (946) г. «дѣтескъ» вм. «вельми дѣтескъ», и т. д.

Приведу еще несколько пропусков такого же рода: под 6453 (945) г. «сдумавше» вм. «сдумавше [ж] древляне»; под 6476 (968) г. «умчимъ на сю страну» вм. «оумчимъ на сю страну и люди»; под 6488 (980) г. «и не може Ярополкъ стати противу» вм. «противу Володимиру»; «и затворися (в) Киевѣ» вм. «и затворися Ярополкъ в Киевѣ»; «во отца мѣсто» вм. «въ отца мѣсто своего»; «собираеть» вм. «издалеча събираеть»; под 6491 (983) г. «тако бо тщашеся» вм. «тако бо [ж] преже тщашеся»; под 6494 (986) г. «аще буде кто убогъ, то и тамъ [тамо]» вм. «аще будеть кто оубогъ то и тамо, аще ли богатъ есть здѣ то и тамо»; «тоже мыслите прияти» вм. «зло прияти»; «егда ангели славяху» вм. «егда ангели славяху бога и онъ с ними»; «в землю» вм. «и поиди [и иди] в землю»; «[и] разгнѣвася богъ на Израиля» вм. «и разгнѣвася богъ вельми на Израиля»; «и о воскресеньи рекъша» вм. «и о въскресении же его рькоша»; под 6495 (987) г. «и рече скажите» вм. «и рече имъ скажите»; «яко ходихомъ въ Болгары» вм. «ходихомъ первое»; под 6496 (988) г. «Володимеръ просвѣщенъ» вм. «Володимиръ же просвѣщенъ»; «[и] бываша [бываше]» вм. «[и] бываше [бывающе] на обѣдѣ томъ»; под 6523 [1015] «с плачемь» вм. «с плачемь великимъ [зѣло]»; «се убихъ Бориса» вм. «се оуже оубихъ Бориса»; под 6562 (1054) г. «в суботу I поста» вм. «мѣсяца февраля (въ 20) в суботу I недѣли поста»; под 6579 (1071) г. «да аще истребивѣ сихъ» вм. «да аще истребивѣ [и] избьевѣ [избѣваемъ] сихъ»; «инѣмъ ведуща [вѣдуще]» вм. «инѣмъ вѣдуща и гадающа».

Отмечу общее искажение: «отерся [отся] ветхимъ [ветъхомъ]» вм. «отерся вехтемь» (Новгор. 1-я, Ипат.).

Переходим к другому ряду чтений Радзивиловской летописи, общих ей с Лаврентьевскою, — это те чтения, которые отличаются от чтений Ипатьевской и Новгородской 1-й заменой одного слова другим, перестановкой слов, прибавкой пояснительных слов и т. п. Все такие чтения я возвожу в Радзивиловской летописи не к Лаврентьевской, а к общему источнику обеих этих летописей — к летописи Переяславской: что Лаврентьевская летопись получила эти чтения из Переяславской (или и из Полихрона, представлявшего текст довольно близкий к Переяславской), я вывожу из того, что в основном источнике Лаврентьевской — Владимирском своде 1185 г. — содержались несомненно чтения тожественные с Новгородской 1-й и Ипатьевской, ибо ниже будут приведены доказательства того, что в основании сильвестровской редакции «Повести временных лет» был положен текст, близкий к тому, который дошел до нас в Новгородской 1-й летописи. Радзивиловская летопись могла получить эти чтения как из Лаврентьевской, так и из Переяславской, ибо чтения эти были тожественны в обеих названных летописях; но я предпочитаю признать их источником именно Переяславскую летопись в виду того, что последняя, как это мы покажем ниже, оказала самое решительное влияние на текст Радзивиловской летописи. Приведу некоторые общие Радзивиловской и Лаврентьевской чтения, возводящиеся к Переяславской летописи; через посредство ее некоторые из этих чтений могут возводиться ко Владимирскому своду начала XIII в., а некоторые и далее к летописи Южного Переяславля 2-й и даже ко второй редакции «Повести временных лет».

Под 6463 (955) г. «в ъ з в а ю царь» вм. «призва» первой редакции «Повести временных лет» (ср. Ип. и Новгор. 1-я); «с ъ с у д ы различныя» вм. «разноличныя»; «з л о б и в и держатся» вм. «незлобивии»; под 6476 (968) г. «в силѣ велицѣ» вм. «тяжцѣ»; «предатися х о т я т ь» вм. «имуть»; «онъ же рече: т а к о с т в о р ю» вм. «тако буди»; в конце статьи: «и бысть м и р ъ» вм. «мирно»; выше: «и не бяше (льзѣ) коня напоити на Лыбеди п е ч е н ѣ з и» вм. «печенѣгы»; под 6477 (969) г. «в Киевѣ быти» вм. «жити»; «м о л я ш е б о г а за Русь» вм. «моляшеся [къ] богу»; под 6479 (971) г. «ляжемъ костьми [ту]» вм. «костью»; «ту и с в о и г л а в ы сложимъ» вм. «главы наша»; «и п о с л а к нему злато» вм. «послаша»; «о н и ж е поидоша [придоша]» вм. «ели же царевы»; «нача хвалити и любити и цѣловати» вм. «нача любити и хвалити и цѣловати»; под 6483 (975) г. «л о в ъ дѣющи [дѣюще]» вм. «ловы»; «[и] п р и м и в о л о с т ь его» вм. «и приметши власть»; под 6485 (977) г. «азъ видѣхъ яко вчера» вм. «азъ видѣхъ вчера яко»; «и посла Ярополкъ искать брата» вм. «и посла Ярополкъ искать»; «к р а с о т ы ради лица ея» вм. «красы»; под 6488 (980) г. «п р и с т р я п а т и къ граду» вм. «приступити»; «затворися съ Ярополкомъ, льстя подъ нимъ [льстя ему]» вм. «затворився съ Ярополкомъ»; «на томъ холмѣ ныне церкви с т о а т ь [церки с т о и т ь] святаго Василья есть» вм. «на томъ холмѣ церкви святаго Василья есть»; «у с т р е м л я е т ь на

вретено» вм. «оутвьржаеть»; «руцѣ свои простираеть убогому» вм. «отвѣрзаеть [отверзе]»; под 6491 (983) г. «юже сдѣла Володимеръ» вм. «създа»; под 6493 (985) г. «поидемъ искать лапотниковъ» вм. «поидевѣ»; под 6494 (986) г. «како есть вѣра ваша» вм. «кака»; «судити [судить] земли» вм. «на землю»; «разумѣюща [разумѣюща] добро и зло» вм. «разумѣвающа»; «возми камень и удари и. Вземъ камень и уби и» вм. «и оуби Авеля [его]»; «еда стражь есмь брату своему» вм. «еда азъ стражь есмь брату моему»; «сего ради того языкъ» вм. «того ради сего языкъ»; «испусти Израиля» вм. «пусти»; «и вложи Моисѣй въ воду» вм. «и вложи е Моисѣй въ воду»; «и начаша прорицати» вм. «и начаша пророчьствовати»; «и печатьми запечатьлѣша гробъ» вм. «запечаташа»; «[и] стражи поставиша» вм. «приставиша»; «научите вся страны крещенью во имя отца и сына и святаго духа» вм. «крестяще [я]»; «и съглядавше церковную службу их» вм. «исглядавше церковь и службу ихъ»; «не имамъ сде быти» вм. «жити»; под 6496 (988) г. «приступити» вм. «приспу сути [сыпати]»; «[и] самъ ся крещю» вм. «имамъ ся крестити [креститися]»; «и изидоша корсуняне» вм. «излѣзоша»; «и въ человѣчьское ложе пречистое» вм. «дѣвичьское»; «дѣвство мати схрани» вм. «матери»; «яко же взиде съ славою и плотью» вм. «съ своею плотью»; «а [и] паки скверняете» вм. «а сѣмо ю сквѣрните [оскверняеть]»; «ихъ [же] блюстися ученья» вм. «блюдися»; «мы же възопьемъ к господу богу нашему» вм. «къ владыцѣ богу»; «и отъ вѣрныхъ женъ» вм. «говѣиньныхъ»; «посадиша Ярослава» вм. «и посади Ярослава»; под 6497 (989) г. «Володимеръ живяше» вм. «Володимиру живущю»; «вдавъ ту все» вм. «вда»; под 6504 (996) г. «на церковь твою си» вм. «сию»; «молитвы ради пречистыя богородица» вм. «пресвятыя»; «и створи праздник» вм. «творяше»; «раздая убогымъ 300 гривенъ» вм. «раздаваше»; «сотворяша [створяще] праздникъ великъ» вм. «свѣтелъ»; «оже вира» вм. «а еже»; под 6515 (907) г. «перенесени» вм. «принесени»; под 6523 (1015) г. «приемъ помыслъ Каиновъ» вм. «смыслъ»; «с малою дружины» вм. «с маломъ»; «в насадѣ» вм. «в кораблеци [корабли]»; под 6567 (1059) г. «седѣ [сидѣ] бо лѣтъ 20 и 4 (28)» вм. «сѣдѣвша»; под 6573 (1065) г. «случися внезапу» вм. «ключися»; «и бысть блистающи дний 20» вм. «сияющи за 20 дней»; под 6576 (1068) г. «пусти богъ на ны поганыя» вм. «попусти»; «отъ соблажненья дьяволя» вм. «сваженія»; «зла человѣкомъ» вм. «въ человѣцѣхъ»; «отвращю отъ васъ гнѣвъ мой» вм. «възвращю»; «а сердце ихъ далече отстоить отъ мене» вм. «ваше»; «дасть намъ вся прошенья» вм. «подасть»; ниже: «кунами и бѣлью» вм. «и скорою»; под 6577 (1069) г. «аще поидеть» вм. «да аще»; под 6579 (1071) г. «сице повѣдая» вм. «сице: повѣдаи»; «ввергъше [и] в пропасть» вм. «вринувше (вринуша)»; «приведоша я къ Ипеви» вм. «к нему»; «по истинѣ лжа то» вм. «лжата [лжете]»; «какыи то богъ» вм. «то кыи то [кии есть] богъ»; «и посадить и [и] емъ его» вм. «и посадить во огни вѣчнемь»; «бѣси же метавше имъ» вм. «мечтавше»; «то носимъ»

вм. «то носимъ есть»; «творяше мечтанье бѣсовьско» вм. «творяше мечтаниемъ бѣсовьскымъ»; «г л а г о л е т ь бо людемъ» вм. «глаголашеть»; «идоша и сташа» вм. «сташа»; «подъ скутомъ» вм. «подъ скутъ»; «чюдеса велика створю, рече» вм. «онъ же рече чюдеса велика створю»; под 6580 (1072) г. «и в с и игумени» вм. «и прочии вси»; «створиша [створии] праздникъ, праздноваша свѣтло» вм. «створивше праздникъ свѣтелъ»; под 6582 (1074) г. «бѣси бо рече насѣвають» вм. «бѣси бо [рече] всѣвають»; «глаголеть бо сице» вм. «глаголаше [ть] бо сице»; «постъ 40 дний» вм. «постъ 40»; «то намъ б у д и отець и игуменъ» вм. «будеть»; «разболѣвшюбося ему и болѣвшю дний пять» вм. «разболѣвшю бо ся ему дний пять».

Равным образом, можно предполагать, что и в нижеследующих примерах Радзивиловская вместе с Лаврентьевскою отступает от древнего текста (в этих случаях чтения Ипатьевской не могут быть подтверждены чтениями Новгородской 1-й; за неимением в последней соответствующего текста): под 6576 (1068) г. «п р о с л а в и ш а и средь двора княжа» вм. «поставиша»; под 6600 (1092) г. в перечне трех городов, взятых половцами, опущен «Прилук»; под 6603 (1095) г. «на д в о р ѣ оу Ратибора» вм. «на сѣнницѣ»; под 6605 (1097) г. «ведоша и Бѣлугороду» вм. «Звенигороду», и др.

Трудно, конечно, решить, когда именно проникло в текст «Повести временных лет» каждое из приведенных здесь чтений. Мы твердо стоим только на том, что именно эти подновленные чтения имелись в летописи Суздальского Переяславля начала XIII в.; но вероятным считаем, что иные исправления принадлежат составителю второй редакции «Повести временных лет», который, как мы увидим, работал через год или два после появления сильвестровской редакции.

От общих Радзивиловской летописи с Лаврентьевскою чтений переходим к чтениям, общим ей с другими летописями, и постараемся установить, какие из этих чтений можно возвести все к той же Переяславской летописи.

Сначала укажем на несколько мест, где Радзивиловская, отличаясь от всех прочих летописей, совпадает с Новгородскою 1-ю. Не сомневаюсь, что все такие чтения ведут нас к Переяславской летописи, а через посредство ее сначала к второй, а затем и к первой редакции «Повести временных лет». Противополагающиеся им чтения Лаврентьевской и Ипатьевской восходят к общему источнику обоих этих летописей — Владимирскому полихрону начала XIV в.

Под 6453 (945) г. «с малою дружиною» вм. «с маломъ же дружины» (Лавр., Ип.); «з а у т р а послю» вм. «утро» (Лавр., Ип.); «засыпаша» вм. «посыпаша» (Лавр., Ип.); «яко ссыпаше» вм. «яко соспоша» (Лавр., Ип.); «благословена ты в женахъ рускихъ» вм. «ты в рускихъ» (Лавр.); «ты еси в русьскыхъ князехъ» (Ип.); под 6477 (969) г. «в память вечную праведникъ будеть» вм. «в память будеть праведникъ» (Лавр., Ип.); под 6478 (970) г. «дай ны Володимера» вм. «въдай ны Володимера» (Лавр., Ип.); под 6479 (971) г. «суть бо греци льстивы и до сего дни» вм. «суть бо грѣци

мудри и до сего дне» (Ип.); «печенѣгомъ глаголюще сице» вм. «печенѣгомъ глаголюще» (Лавр.); под 6488 (980) г. «и паки тои же глаголеть Давидъ» вм. «и пакы тоже рече Давидъ» (Ип., Лавр.); под 6494 (986) г. «онъ же рече» вм. «Володимиръ же рече» (Лавр., Ип.); «яко добро древо въ снѣдь» вм. «въ ядь» (Лавр., Ип.); «поидивѣ» вм. «поидевѣ на поле» вм. «изидевѣ на поле» (Ип.); «изидетѣ на поле» (Лавр.); «и послуша его Авель», — что́ в Лаврентьевской и Ипатьевской опущено; «пребывати въ человѣцѣхъ сихъ» вм. «прибывати въ человѣцѣхъ» (Лавр., Ип.); «и возлюби господь богъ Израиля» вм. «и възлюби богъ Израиля» (Лавр., Ип.); «узрите животъ вашь висящь» вм. «оузрите жизнь вашю висящю» (Лавр., Ип.); «они же рѣша» вм. «они же рѣша ему» (Лавр., Ип.); под 6496 (988) г. «царема Василью и Костянтину» вм. «цареви Василию и Костянтину» (Лавр., Ип.); «по божью же строю» вм. «устрою» (Лавр.), «строенью» (Ип.); «влѣзъше въ церковь» вм. «влѣзъше бо въ церковь» (Лавр., Ип.); «и тако исправливаху» вм. «и тако исправляху» (Лавр., Ип.); «я к о и до сего дни словеть» вм. «яже» (Ип.), «якоже» (Лавр.); под 6497 (989) г. «[и] н а ч а ш а роптати на князя» вм. «начаху» (Ип.), «начьняхуть» (Лавр.); под 6523 (1015) г. «вложиша в р а к у мороморяну» вм. «в корсту» (Лавр.) «вь гробѣ мраморяни» (Ип.); «прияйте ми» вм. «прияете ли ми» (Лавр., Ип.); под 6574 (1066) г. «мужь добръ н а р а т и» вм. «на рать» (Ип.), «ратенъ» (Лавр.); под 6575 (1067) г. «взяша н а щ и т ъ» вм. «на щиты» (Ип., Лавр.); под 6576 (1068) г. «дубровы» вм. «дубравы»; «зачиханию вѣрують» вм. «закыханью» (Лавр.), «кыханию» (Ип.); «н и ч е г о б о ся боять бѣси» вм. «ничто же» (Лавр., Ип.); под 6579 (1071) г. «жилами и отъ крове» вм. «жилами отъ крови» (Лавр., Ип.); «бѣсовьское н а у щ е н и е» вм. «наученье» (Лавр.), «оучение» (Ип.); «лежаше о ц е п ѣ в ъ» вм. «оцѣпъ» (Лавр., Ип.); «во снѣхъ» вм. «во снѣ» (Лавр., Ип.); «яко провѣде вся» вм. «яко проповѣдь вся» (Лавр.), «яко все ведаю» (Ип.); «хотяху п о б и т и епископа» вм. «погубити» (Лавр.), «бѣдити» (Ип.); «провѣде вся» вм. «проповѣжь вся» (Лавр.), «все вѣдаю» (Ип.); под 6582 (1074) г. «господи Иисусе христе сыне божьи» вм. «господи Исусе христе боже нашь» (Лавр., Ип.); «даема о т ъ л ѣ т а богу» вм. «отъ тѣла» (Лавр., Ип.); «и тако исхожаше» вм. «и тако изи [и] дяше» (Лавр., Ип.); «собрашася братья вся» вм. «собрашася [собравшеся] вси» (Лавр., Ип.); «се азъ уже отхожю» вм. «се азъ отхожю» (Лавр., Ип.), и др.

Далее остановимся на тесной связи Радзивиловской летописи с Ипатьевской. Общие чтения обеих этих летописей настолько характерны и настолько резко отличают их от других летописей, что не остается сомнения в общем источнике для обеих летописей. Ниже мы увидим, что нет оснований допускать в числе источников Ипатьевской летопись Переяславля Суздальского. Но видное место в числе источников этой летописи принадлежит Полихрону начала XIV в., а этот Полихрон пользовался в числе прочих источников, если не летописью Переяславля Суздальского, то во всяком случае первоисточником этой летописи — Владимирским сводом начала XIII в. Этот свод был положен в основание Полихрона. Отсюда

общие чтения Радзивиловской и Ипатьевской летописи — они ведут нас к тексту Владимирского свода XIII в.

К числу таких чтений относим, во-первых, те, которые перечислены в главе, посвященной Лаврентьевской летописи (стр. 30 и сл.); им противополагаются общие чтения Лаврентьевской и Новгородской 1-й; во-вторых, те, которые перечислены в той же главе (стр. 28); им противополагаются явно более первоначальные чтения Лаврентьевской летописи. Мы не станем повторять здесь чтений, приведенных на указанных страницах. Но приведем здесь еще ряд общих чтений Радзивиловской и Ипатьевской летописей.

В начале: «и Днѣпръ втечеть в Понетьское море т р е м и ж е р е л ы», вм. «жереломъ» (Лавр.); «проходившю [читай: приходившю] ему ко царю не свѣмы но токмо о семъ вѣмы, якож сказують, яко велику честь приялъ есть отъ царя, которомъ [которого] не вѣмъ, при которомъ приходи цари», вм. «приходившю ему ко царю якоже сказають, яко велику честь приялъ отъ царя, при которомь приходивъ цари» (Лавр.); «Тиверци сѣдяху по Б у г у и п о Д н е п р у», вм. «по Днѣстру» (Лавр.); под 6370 (862) г. «и пояша [по] собѣ всю Русь и придоша к словеномъ первое и срубиша городъ Ладогу и сѣде в Ладозѣ старей Рюрикъ», вм. «пояша по собѣ всю Русь, и придоша старѣйший Рюрикъ» (Лавр.), ср. «и прідоша къ Новугороду, и сѣде старѣішій в Новгородъ»; ниже: «и прия всю власть Рюрикъ одинъ и пришедъ ко Илмерю и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва [и] Новъгородъ и сѣде ту княжа», вм. «и прия власть Рюрикъ».

Мы придаем особенно важное значение двум последним местам, где говорится о призвании князей. Мы считаем вариант, сохранившийся в Радзивиловской и Ипатьевской, весьма древним вариантом, хотя и новейшим сравнительно с чтением Лаврентьевской, ибо чтение этой последней находит себе подтверждение в Новгородской 1-й и таким образом должно быть возведено к сильвестровской редакции «Повести временных лет». Вариант, сообщающий о прибытии Рюрика в Ладогу, о старшинстве Ладоги перед Новгородом, обязан, конечно, своим появлением местному ладожскому преданию. Мы увидим ниже (при исследовании Ипатьевской летописи), что составителю 2-й редакции «Повести временных лет» (работавшему в 1018 г.) принадлежит описание своей беседы с ладожанами, когда он посетил их город при закладке новой городской стены (в 1014 г.). Нахожу решительно необходимым связать статью 1014 г. с вариантом в рассказе о призвании князей: общий автор для варианта в статье 862 г. и статьи 1014 г. представляется очевидным, но об этом ниже. Здесь же выделяем указанные чтения Радзивиловской и Ипатьевской, как восходящие несомненно ко второй редакции «Повести временных лет». Укажем еще общие чтения Радзивиловской и Ипатьевской.

Под 6463 (955) г. и во многих других местах: «къ посломъ» вм. «сломъ» (Лавр.); под 6485 (977) г. «ополчистася» вм. «вполцистися» (Новг. 1-я); под 6488 (980) г. «велий бо господь» вм. «велій господь [нашь]» (Новг. 1-я, Лавр.); под 6494 (986) г. «иже сотворилъ небо и землю» вм. «иже творилъ» (Лавр.), «иже се створилъ» (Новг. 1-я); «да потреблю человѣка его же

сотворихъ», ср. «да потреблю его же створихъ» (Лавр.), «до потреблю (Новг. 1-я); под 6496 (988) г. «яко и до сего дни словеть Перуня рѣнь», ср. «и оттолѣ прослу [прослыся и] Перуня рѣнь, яко [же] и до сего дни словеть» (Лавр., Новг. 1-я); под 6496 (988) г. «яко и до сего дни словеть Перуня рень», ср. «и оттоле прослу [прослыся и] Перуня рѣнь, яко [же] и до сего дни словеть» (Лавр., Новг. 1-я); «отъ невѣигласа [невѣгласа] сего», ср. «отъ невѣгласа». [Лавр.], «отъ невѣнасъ» [Новг. 1-я]; под 6504 (996) г. «съ Ондроникомъ Чьшьскымъ» вм. «съ Андрихомъ Чешьскымь» (Лавр.), «съ Андрѣхломъ Чешьскымъ» (Новг. 1-я); под 6496 (988) г. «противу даромъ твоимъ въздати» вм. «противу даромъ твоимъ въздаянья въздати» (Лавр.), «противу даромъ твоимъ възданіа» (Новг. 1-я); под 6523 (1015) г. в похвале Борису и Глебу «блаженьими лучами» вм. «божественими лучами» (Лавр.); под 6577 (1069) г. «иже бяху высѣкли», ср. «иже бѣша высѣкли» (Лавр. и Новг. 1-я); под 6579 (1071) г. «попа Янева» вм. «попина Янева» (Лавр., Новг. 1-я); «людий инѣхъ 300» вм. «людій нѣ 300» (Лавр.), «людій 300» (Новг. 1-я).

Отмечу еще общие в Радзивиловской и Ипатьевской летописях пропуски: в договоре 6453 (945) г. опущено имя «Прастѣнъ Берновъ»; ниже после «да на роту идуть наша христианаа Русь» опущено «по вѣрѣ ихъ»; под 6523 (1015) г. в похвале Борису и Глебу, между словами «радуйтася» и «луча свѣтозарная» опущено «лукаваго змия поправша»; ниже после «и насилье творяху Новгородьцемь» опущено «и женамъ ихъ»; под 6524 (1016) г. после слов «бѣ же тогда Ярославъ» опущено «Новѣгородѣ»; под 6582 (1074) г., после слов «а вы есте тма во тмѣ ходите» опущено «и тма вы ятъ»; под 6505 (1097) г. опущено «тезу своему».

Все эти общие чтения могли явиться впервые в одном из протографов Владимирского свода начала XIII в. или в нем самом; нет основания возводить их ко второй редакции «Повести временных лет». Особенно ясно это для тех чтений, которые имеют характер простых описок: ср. механические пропуски, как пропуск слов «и обломися с ними ледъ» после «и въступиша на ледъ» под 6524 (1016) г. или искажения, как «Лалихъ» вм. «Авимелехъ»; «иже изби братью свою, сыны Гедеоны» под 6527 (1019) г., или «в ъ с т у п л е ногама босыма ста на пламени» вм. «вступль» под 6582 (1074) г., или «а щ е л и бо суть си отъ пустыня», вм. «ищьли» и некоторые др.

Укажем здесь еще раз на то, что составитель Радзивиловской прибегал к своему второму источнику — Переяславской летописи только для исправления чтений первого источника — Лаврентьевской летописи, а не для пополнения текста этой последней недостающими в ней известиями и статьями. Особенно ясно это обнаруживается из того, что, при всем отличии текста Радзивиловской от Лаврентьевской, в ней имеется только одно известие лишнее против Лаврентьевской: это известие 6615 (1107) г.: «А февраля 5 трясеся земля предъ зорями в нощи» (в Ипатьевской искажено: «въ 15 день трясе передъ лазорями»).[1]

[1] Умалчиваю о восполнении Радзивиловскою явных пропусков Лаврентьевской на основании Переяславской летописи.

Остановимся теперь на тех чтениях Радзивиловской летописи, которые внесены в нее ее составителем, т. е. составителями протографа Радзивиловского и Московского академического списков. Сюда относятся умышленные пропуски и сокращения, далее лексическое подновление и, наконец, описки и явные ошибки. Мы видели выше, как многое сократил редактор Радзивиловской летописи во второй ее части. В первой, т. е. в «Повести временных лет», встречаем такое же отношение к древнему тексту.

Ср. под 6532 (1024) г. обширный пропуск статьи о волхвах, появившихся в Суздале, под 6519 (1011) г. опущено известие о кончине Анны; особенно много пропусков в конце «Повести»: под 6610 (1102) г. опущены известия о кончине Ярослава Ярополчича и о женитьбе Болеслава на Сбыславе, дочери Святополка; под 6612 (1104) г. опущено о прибытии митрополита Никифора, о кончине Вячеслава Ярополчича и о том, что 18 декабря митрополит Никифор посажен на стол; под 6614 (1106) г. опущено о пострижении Евпраксии Всеволодовны, прибытии к Святополку Избыгнева и пострижении Святоши; под 6615 (1107) г. опущено о кончине жены Владимира; ниже о кончине матери Святополка; под 6616 (1108) г. о кончине Екатерины Всеволодовны. Отметим далее сокращение некоторых известий, например, под 6616 (1108) г. известие о написании Феодосия в синодик, далее ряд пропусков несущественных подробностей в рассказе об ослеплении Василька (между прочим слов: «и есть рана та на Василкѣ и нынѣ»); пропуски в рассказе 6609 (1101) г. Систематически опускаются слова «мѣсяца» и «день», напр. под 6586 (1078) г. «априля 10» вм. «мѣсяца априля въ 10 день» (как в Ипат.); под 6599 (1091) г. «августа 14 въ четвергъ» вм. «мѣсяца августа въ 14 день, въ день четвертъкъ» (как в Лавр.), и др. Нередко опущена вообще вся дата, напр. под 6609 (1101) г. опущено «мѣсяца априля въ 14 день въ 9 часъ дне въ среду» (известие о смерти Всеслава); под 6612 (1104) г. опущены указания на дни свадьбы дочерей Володаря и Святополка, под 6611 (1103) г. опущен день поражения Ярослава Святославича мордвой, и др. Из других пропусков отметим под 6504 (996) г. в молитве Владимира: «и свѣрши яже насади десница твоя люди сия новыя»; под 6550 (992) г. опущено «выпустиша печенѣзи мужь свой»; под 6545 (1037) г. слова Соломона: «азъ призвахъ страхъ господень мои свѣтъ, моя мудрость, мое оутвѣржение»; под 6582 (1074) г. в рассказе об Исакии «и молитву творяшеть над нимь»; под 6601 (1093) г. «по смерти брата своего», и ниже «свѣтъ творяша с ними», ниже «якоже рекохомъ преже»; под 6604 (1096) г. «и сдѣя въ тъ день господь спасенье велико», под 6611 (1103) г. «ово кутьею» и мн. др.

Из лексических подновлений отмечу: в начале летописи, «заченшимъ в оутробѣ» вм. «в чревѣ»; под 6463 (955) г. «пояти собѣ жену» вм. «поняти себѣ женою» (Новг. 1-я), «пояти собѣ женѣ» (Лавр.); «ты же г л а г о л е ш и ми» вм. «глаголаше»; под 6576 (1068) г. «аще не подступите» вм. «приступите»; под 6577 (969) г. «на Дунаи» вм. «въ Дунаи»; «бе смерти бо есть» вм. «бесмертье бо есть»; под 6579 (971) г. «искусимъ еще» вм. «искуси и еще»; под 6585 (977) г. «н а и с п о д и подъ трупиемъ» вм. «высподи» или «исподи»; под 6494 (986) г. в речи философа «взыди къ рабѣ моей» вм. «влѣзи

къ рабѣ моей»; «и вниде Аврамъ к Огари» вм. «и влѣзъ»; «домъ моихъ мой домъ наречеться» вм. «домъ мой домъ молитвѣ прозоветься»; «еда малъ еси еже быти» вм. «не многъ»; «и ланитѣ мои на ударение» вм. «на заоушение»; «животъ вашь висящь» вм. «жизнь вашю висящю»; под 6496 (988) г. в конце года: «но акы по мертвыхъ плакахуся» вм. «по мертвеци» или «мертвецихъ»; ниже «яже въздаси намъ» вм. «яже въздасть намъ»; под 6495 (987) г. «зрить» вм. «глядить»; под 6496 (988) г. «идеже торгъ есть» вм. «идеже торгъ дѣють Корсоуньнѣ»; «въкраі церкви» вм. «въскрай»; «на обручание» вм. «на обручение» (Ип.); ниже «идолы испровръщи» вм. «кумиры»; под 6497 (989) г. «о устрои земнемъ», вм. «строи» или «строеньи». Под 6501 (993) г. «иже бы ся боролъ съ печенѣжиномъ» вм. «ялъ»; «в товарыщи посла» вм. «в товары»; «по войску» вм. «по товарам»; под 6504 (996) г. «стати противу» вм. «стерпѣти противу»; «300 варъ меду» вм. «проваръ»; «нарочитымъ княземъ и людемъ нарочитымъ» вм. «нарочитымъ мужемъ»; под 6522 (1014) г. «людемъ раздаваху» вм. «гридемъ»; под 6523 (1015) г. «любляше велми» вм. «по велику»; «яко хотять уже погубити и», в других списках нет «уже»; под 6550 (1042) г. «кожы» вм. «хъзы». Под 6559 (1051) г. «отъ царь и отъ бояръ» вм. «отъ князь и отъ бояръ»; ниже «мнихъ» вм. «чернець»; под 6562 (1054) г. «пряхъ» вм. «распряхъ»; под 6573 (1065) г. «нахоженье Антиохово» вм. «нахожение Антиохово нашествие [рати]»; «с вечера до утра» вм. «до оутрия»; под 6576 (1068) г. «удариша копьи» вм. «в конѣ»; «послався ко князьмъ глаголюще» вм. «ко князю». Под 6582 (1074) г. «мнихомъ» вм. «черноризцемъ»; «таковыя пакости» вм. «таковыя мысли»; ниже «да пострижеть и» вм. «дабы створилъ черноризцемь»; «въ утлыхъ ботехъ» вм. «в работняхъ в черевьяхъ в протоптаныхъ»; «поварню» вм. «поварницю»; ниже «отъ родитель уныхъ» вм. «дѣтьскыхъ»; под 6601 (1093) г. «Ростислава искавше изискаша» вм. «обрѣтоша»; под 6604 (1096) г. «двери манастырю» вм. «врата манастырю»; под 6605 (1097) г. «в камору» вм. «выстобку».

Некоторые чтения Радзивиловской представляются умышленными поправками против древнего текста; так напр., под 6453 (945) г. «хощетъ миръ имѣти князю рускому и любовь и ко прочимъ княземъ», в Лаврентьевской (и Ип.) «хощетъ миръ имѣти со княземъ Рускимъ и любъве» (вставку «ко прочимъ княземъ» ср. в тексте 907 г.); под 6582 (1074) г. в фразе «да ово отъ игумена Никона пріимаше раны» опущено «Никона», ср. выше в рассказе о Матвее прозорливом пропуск слов «и по Стефанѣ Никонъ». Под 1071 г. в рассказе о волхвах ср. пропуск слов: «тѣмже аще умреть человѣкъ, в землю идеть тѣло, а душа к богу» (слова волхвов), ниже пропущено: «рече има Янь: какый то богъ, сѣдяй в безднѣ?», ниже опущено: «сице нама бози молвять»; под 6562 (1054) г. вм. «и плакося по немь Всеволодъ и людье вси» — «Всеволодъ и кияне»; подъ 6605 (1097) г. слова: «Володимеръ бо такъ бяше любезнівъ: любовь имѣя к митрополитомъ, и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернечьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше» изменены в: «Володимиръ же богълюбивъ любовь имѣа ко священническому чину и мныше-

ский чинъ любя и страныа и нищаа накормляше и напоаше»; повидимому, изменение вызвано тем, что в Переяславской летописи все это излагалось в форме настоящего времени, ср. в Ипат. «Володимеръ же такъ есть любьзнивъ», а в самой Радзивиловской ниже согласно с Ипатьевской: «аще кого видить кого шюмна или в коемъ зазорѣ» вм. чего в Лаврентьевской «аще кого видяше»; подъ 1072 г. опущено замечание о церкви, построенной Изяславом, «яже стоить и нынѣ»; под 1015 г. в похвале Владимиру читаем: «мы же, хрестьяне суще, не можемъ въздати почти противу оного възданью», между тем в Лаврентьевской и Ипатьевской «не въздаемъ почестья».

Отметим, наконец, несколько незначительных вставок: под 6476 (968) г. «въструбиша бишася вельми» вм. «въструбиша вельми»; под 6477 (969) г. «радуйся Руской земли познанье», ср. в Лаврентьевской и Ипатьевской «руское познанье»; под 6483 (975) г. «бысть межи има ненависть и ярость», последних двух слов нет в Лаврентьевской и Ипатьевской; под 6496 (988) г. «не можемъ вдати сестры своее за тебе погана» вм. «за тя»; ниже: «не имаши избыти недуга сего» вм. «избыти сего»; ниже: «младенци же по перси отъ берега» вм. «младии же отъ берега»; под 6576 (1068) г. «и бывши нощи пріидоша и совокупишася и поидоша противу собѣ» вм. «и бывши нощи поидоша противу собѣ»; ниже в конце года: «крестъ бо княземъ и вѣрнымъ людемъ въ бранехъ победа» вм. «крестъ бо княземъ в бранехъ пособить»; подъ 6599 (1091) г. «взложьше и на монатью и вземше на рамо вынесоша» вм. «взложьше и на вариманътью и вынесоша»; подъ 6601 (1093) г. после слов «и часто согрѣшаю по вся дни» прибавлено: «но по милости своей, господи, спаси ны»; подъ 6603 (1095) г. в конце года, после «идяху к полунощнымъ странамъ», прибавлено: «яко же дивитися». Под 6496 (988) г. в тексте Радзивиловской внесена глосса: вм. «крадуще приспу» читаемъ «крадуще персть приспу»: очевидно, слово «персть» должно было истолковать слово «приспу». Из описок и явных ошибок Радзивиловской отметим в начале летописи пропуск имен: «Русь Агняне», тут же ниже пропущено «Римляне»; под 6494 (986) г. в речи философа: «покланятися волу» вм. «Валу»; под 6496 (988) г. вм. «и фифа ученика его» — «и оба ученика его»; под 6495 (987) г. «и созва ц а р ь боляры своя» вм. «князь»; под 6504 (996) г. «от первыи вѣры» вм. «отвергъ виры»; под 6496 (988) г. «приста» вм. «пристави»; под 6523 (1015) г. «приимъ с м е р т ь» вм. «страсть»; под 6532 (1024) г. «съ дружиною своею подъ крыломъ» вм. «по крилома»; под 6576 (1068) г. «дождь рано и поздно» вм. «ранъ и позденъ»; «замышленаго д ь я в о л а» вм. «дѣла»; под 6578 (1070) г. «родися у Всеволода сынъ Мстиславъ» вм. «Ростиславъ»; под 6586 (1078) г. «с в е р ж а я апостола» вм. «свершая»; подъ 6594 (1086) г. «со сыномъ своимъ» вм. «с своима сынъма»; под 6597 (1089) г. «прочими знамении» вм. «зданьи»; под 6603 (1095) г. «со Олеговичемъ» вм. «съ девгеневиечемъ»; под 6604 (1096) г. «к Ростиславу» вм. «к Ростову»; «с е к о т ъ гору» вм. «сѣкуть»; ниже «не послу» вм. «не послуша»; под 6605 (1097) г. «а сами п и т а й т а с я и веселитася» вм. «пийта» и т. д.

Из пропусков, возникших вследствие механической переписки, отметим под 6496 (988) г. пропуск слов «Велій еси, господи, чюдна дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ» (перед этим «прииметь отъ человѣкъ»); тот же пропуск в Лаврентьевской летописи, но из Московского академического списка можно заключить, что в оригинале Радзивиловской этого пропуска не было; под теми же годами, в конце его, после «поработившеся господеви» опущено «имате плодъ вашь . . . рече бо Давыдъ: работайте господеви»; после «а Ярослава Ростовѣ» опущено «умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростове» и др.

ГЛАВА IV

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Ипатьевская летопись представлена одним списком — Ипатьевским, ибо Хлебниковский (и примыкающие к нему другие списки) должен быть признан самостоятельным памятником, подвергшим переработке общий ему и Ипатьевскому списку летописный свод. Поэтому мы рассмотрим Хлебниковскую летопись отдельно.

В составе обширного летописного сборника, называемого по месту принадлежности списка, Ипатьевскою летописью, можно различить две главные части, слитые между собою как будто механически. Первая, начинаясь «Повестью временных лет», доведена до 6706 (1198) г., после чего в ней читается обширная запись о закладке каменной стены в монастыре Михаила, что на Выдобыче, великим князем Рюриком Ростиславичем; вторая, начинаясь вслед за похвалой Рюрику Ростиславичу, описывает события, наступившие в югозападной Руси после смерти великого князя Романа Мстиславича; от первой части эта галицко-волынская летопись отличалась, между прочим, отсутствием хронологической сети, составляющей непременную принадлежность всех вообще древнерусских летописей; указания «в лето 6712», «в лето 6713» и т. д. вставлены составителем Ипатьевского списка, а не протографа его, как видно из Хлебниковской летописи; судя по этим указаниям, а также и по другим соображениям, галицко-волынская летопись доведена в Ипатьевской приблизительно до начала девяностых годов XIII ст.[1] Итак, в Ипатьевской летописи соединены два памятника; соединение это представляется почти механическим: вслед за словом «аминь», которым оканчивается похвала Рюрику, читаем: «По смерти же великого князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси». Но ближайшее изучение обеих частей Ипатьевской летописи обнаруживает и некоторую внутреннюю связь между ними: так во второй части находим некоторые статьи, известные по другим летописным сборникам в связи со статьями, вошедшими в первую часть (повесть о Калкском побоище, а также о нашествии Батыя на южную Русь ср., напр., в Воскресенской летописи, где имеется ряд статей, тожественных с южнорусскими статьями первой части Ипатьевской летописи); так, с другой стороны,

---

[1] Ср. М. С. Грушевский, Хронольогія подій галицько-волинськоï лїтописи, Зап. Наук. тов. їм. Шевченка, т. XLI, 1901.

в первой части легко обнаружить статьи и известия несомненно галицко-волынского происхождения, а потому, вероятно, читавшиеся в начале той галицко-волынской летописи, которая вошла в состав второй части Ипатьевской. Таким образом, после ближайшего рассмотрения состава Ипатьевской летописи, мы не находим уже возможным говорить о механическом соединении в ней двух памятников. Более вероятно допустить, что первая часть Ипатьевской была сложною компиляцией, в состав которой вошло несколько летописных источников. Один из них был главным, основным источником: он был доведен только до 1198 г. и оканчивался записью о построении стены Выдубицкого монастыря; другие источники употреблены для распространения известий и состава основного, но некоторые из них шли дальше основного; составитель Ипатьевской присоединил к основной своей компиляции ту часть галицко-волынской летописи, которую он не мог использовать до 1198 г.; но в эту часть галицко-волынской летописи им внесены повесть о Калкской битве, повесть о нашествии Батыя, а может быть и еще кое-что из другого вспомогательного источника. В задачу настоящего исследования не может входить подробный анализ Ипатьевской летописи. Ограничиваемся лишь краткими замечаниями об отразившихся в ней более древних летописных сводах.

Основной источник Ипатьевской летописи должен быть назван Киевскою летописью: главное содержание летописи этой — события, так или иначе связанные с Киевом. После сделанного выше замечания относительно того, что основной источник Ипатьевской оканчивался на 1198 г. и следующей затем записи о построении стены Выдубицкого монастыря, мы можем определенно говорить о месте составления Киевской летописи — это Михайловский Выдубицкий монастырь, т. е. тот самый монастырь, где игуменствовал Сильвестр, составитель «Повести временных лет». Мы обращаем на это особое внимание, так как из факта нахождения в Ипатьевской летописи, летописи, составленной в Выдубицком монастыре, неминуемо следует, что содержащаяся в ней «Повесть временных лет» восходит к древнему оригиналу игумена выдубицкого Сильвестра. Запись о построении Рюриком стены монастырской вместе с обширной похвалой этому князю заставляет нас думать, что статьи Ипатьевской летописи, отражающие особое расположение к Рюрику Ростиславичу, восходят к той же выдубицкой летописи: вспомним, что игумен выдубицкий Андриан, поставленный в 1190 г. белгородским епископом, был духовным отцом Рюрика; Ср. под 1173 г. обстоятельное известие о рождении у Рюрика сына Михаила Ростислава, под 1174 г. известие о вокняжении Рюрика в Киеве («и вниде въ Кыевъ славою великою и честью»), под 1180 г. похвалу Рюрику, уступившему старшинство Святославу Всеволодичу; это не мешает летописцу называть Рюрика великим князем, а Святослава просто князем, напр., под 1183 г. (изд. 426), 1185 г. (изд. 429—430); отметим далее известие о женитьбе Ростислава Рюриковича под 1187 г. (изд. 443), о вокняжении Рюрика в Киеве под 1194 г. (изд. 457), причем «обрадовася вся Руская земля о княженьи Рюриковѣ, кыянѣ и крестьяне и погании»; под 1197 г.

читаем о построении Рюриком в Белгороде церкви апостола, причем на пире по поводу этого торжества видим Андриана, епископа юрьевского (и белгородского), а также Моисея, игумена выдубицкого; ниже помещено известие о построении Рюриком церкви Василия в Киеве; под 1198 г. о рождении у Ростислава Рюриковича дочери Ефросиньи, отвезенной на воспитание в Киев к деду и к бабушке; там же об отдаче благоверным великим князем Рюриком дочери за Ярослава Глебовича в Рязань. Если мы обратим внимание, что вся правительственная деятельность Святослава Всеволодича изображается летописцем, как результат совместных совещаний и дум с Рюриком (напр., под 1183 г. «Князь же Святославъ Всеволодичь, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ», под 1187 г.: «сдумавъ князь Святославъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ пойти на половцѣ», под 1192 г. «Князь Святославъ со сватомъ своимъ с Рюрикомъ. . . и стояша у Канева все лѣто», и др.), причем вставка имени Рюрика представляется тенденциозною и, повидимому, не современною самим записям,[1] мы легко заключим, что бо́льшая часть известий Ипатьевской летописи второй половины XII в. заимствована из Выдубицкой летописи, пристрастной к Рюрику и в этом смысле переработавшей летописные известия своих первоисточников. Можно думать, что в числе источников выдубицкий летописец воспользовался Печерскою летописью: ср. явные заимствования из нее, напр., под 1168 г. (кончина Ростислава Мстиславича, где передано о близких его отношениях к Печерской обители и игумену Поликарпу), под 1170 г. (известие о кончине Ярополка Изяславича), под 1171 г. (кончина Владимира Андреевича, за телом которого был послан, между прочим, игумен Поликарп; ср. «пойдохом с Владимиромъ из Вышегорода»), под 1174 г. (о прибытии в Киев Романа Ростиславича), под 1182 г. (о кончине архимандрита Поликарпа и об избрании на его место Василия) и др.

Обращаемся к вспомогательным источникам Ипатьевской летописи. Назовем прежде всего Галицко-волынскую летопись. Ряд известий первой части Ипатьевской восходит, как мы говорили, к галицко-волынскому источнику. Так, под 1145 г. сообщается о казни Петрока Владиславом Лядским; летописец видит в этом воздание за то, что Петрок сделал с кн. Володарем, им захваченным, «о немъ же бѣ в заднихъ лѣтѣхъ писано»; намек на событие 1122 г. Под 1146 г. находим рассказ о походе Всеволода Ольговича с братьею на Галицкого князя Володимирка; тот же поход был рассказан уже выше под 1144 г. по источнику, составитель которого не сочувствовал ни Володимирку, ибо называет его многоглаголивым, ни галичанам; под 1146 г. сказывается рука галичанина: божьим промыслом пошел дождь и снег, задержавший движение вражеской рати. Под 1149 г. сообщается, как князь галицкий Владимир мирил Изяслава с дядьями Вячеславом и Юрием, приводя благочестивые рассуждения об обязанно-

[1] Ср. под 1184 г.: «Святославъ же Всеволодичь и Рюрикъ Ростиславичь. . . не стряпя пойде противу имъ»; «пойде» согласовано со Святославом; следовательно имя Рюрика вставлено позже (стр. 429).

стях княжеских (изд. 273); под 1150 г. подробно рассказывается поход Владимира к Киеву на помощь Юрию, причем известие о том, что Владимир поехал в Вышгород поклониться мученикам, оттуда к Софии и богородице Десятинной, оттуда в Печерский монастырь (стр. 280), могло быть записано только галичанином, лицом близким к этому князю; под 1165 г. сообщается о прибытии к Ярославу Владимировичу галицкому Андроника из Царяграда; под 1173 г. рассказывается о сожжении галичанами любовницы Ярославовой Анастасии; под 1187 г. сообщается о смерти Ярослава и помещается похвала ему; под 1190 г. об утверждении Владимира Ярославича в Галиче, и т. д.

Далее к вспомогательным источникам Ипатьевской летописи должна быть отнесена какая-то черниговская летопись, сочувственная Ольговичам. Это видно из целого ряда статей и известий Ипатьевской летописи. Ср. под 1142 г. известие о смерти черниговского епископа «блаженного» Пантелеймона; под 1146 г. рассказ о распре между черниговскими князьями и о нарушении Давыдовичами крестного целования к Ольговичам (ср. Ипат., изд. 230—231); ниже летописец осуждает Давыдовичей за то, что они не присоединились к Святославу Ольговичу после пленения Игоря (стр. 234); конечно, именно черниговец сообщает ниже о грабеже имений и о захвате стад Святославовых и Игоревых (стр. 235); под 1147 г. в рассказе об убиении Игоря сказывается рука сочувствующего Игорю летописца: приводится длинная молитва Игорева, он назван в краткой похвале добрым поборником отечества своего; его кровь и даже одежды, тотчас по убиении, стали совершать чудесные исцеления, а над телом его чудесно зажглись все свечи; под 1164 г. подробно рассказывается о событиях, бывших в Чернигове после смерти Святослава Ольговича, и о лести епископа Антония, родом грека; под 1167 г. о победе Олега Святославича над Боняком; под 1173 г. о рождении у Игоря Святославича сына Владимира; под 1174 г. о рождении у Ярослава Всеволодича сына Ростислава; там же о походе Игоря и победе его над половцами в день пророка Ильи; там же о закладке в Чернигове Святославом Всеволодичем церкви Михаила; под 1175 г. о рождении у Игоря сына Олега; под 1177 г. о рождении у Игоря сына Святослава; под 1179 г. о женитьбе Всеволода Святославича на дочери Казимира Польского; ниже о кончине Олега Святославича 16 января; под 1185 г. рассказывается подробно несчастный поход Игорев на половцев; под 1186 г. об освящении в Чернигове церкви Благовещения; под 1187 г. о возвращении Владимира Игоревича из половецкого плена и венчании его с Кончаковною; под 1191 г. о двух походах Ольговичей против половцев; под 1194 г. подробный рассказ о кончине Святослава Всеволодича; под 1196 г. о кончине Всеволода Святославича; под 1198 г. о кончине Ярослава Всеволодича, и «седе на столѣ его благоверный князь Игорь Святославичь», и мн. др.

Наконец, остановимся подробнее на четвертом источнике первой части Ипатьевской летописи, источнике, к которому восходит добрая половина ее текста. Этот источник сближается прежде всего с Воскре-

сенскою летописью. Известно, что, начиная приблизительно с 1117 г. и кончая 1196 г., Воскресенская и Ипатьевская летописи содержат ряд общих статей, касающихся как южнорусских, так и суздальских событий; при этом суздальские известия Ипатьевской по большей части оказываются сходными с Лаврентьевскою и Радзивиловскою летописями. Можно было бы думать, что Воскресенская и Ипатьевская, независимо одна от другой, соединяли известия суздальского свода с известиями свода южнорусского. Но такое предположение не выдерживает критики: оказывается, например, что текст, сходный с Лаврентьевскою, вставлен и в Ипатьевской и в Воскресенской в одном и том же месте в текст, восходящий предположительно к южнорусскому своду. Так под 6655 (1147) г. читаем и в Ипатьевской и в Воскресенской общий текст, начиная со слов «В лѣто 6655. Иде Гюрги воевать Новгорочкой волости»; после слов «и что есми взяли твоего, а то ти възворотимъ — и цѣловаша крестъ, и не управиша» (Ип., стр. 242; ср. Воскр., VII, стр. 39: «и все свое что есмя поймали, а отдадимъ ти по крестному цѣлованію, и тако управиша»), мы находимъ и в Ипатьевской и в Воскресенской отрывок, тожественный с Лаврентьевскою летописью: «Того же лѣта посла Володимиръ и (Ип. опущено) Изяславъ (в Ип. Изяслава) Давыдовича изъ Чернигова послы. . . любо с нимъ миръ створимъ, любо ся с нимъ бьемъ» (Ср. Лавр., стр. 299, причем так же, как в Ипатьевской союзъ «и» опущен, а вм. Изяслав читается «Изяслава»); за этим отрывком в Ипатьевской, так же, как в Воскресенской: «Изяслав же Мьстиславичь сдума съ Давыдовичема. . . готовъ буди напередѣ; иди доспѣй же на путь» (между тем в Лавр.: «Изяславъ же посла напередъ Святослава, сестричича своего, Чернигову, веля имъ доспѣвати»); далее Ипатьевская и Воскресенская опять сходны с Лаврентьевскою: «и поиде Святославъ Чернигову. . . а ты не хощеши пойти» . Засим в обеих следует обширный отрывок, которого нет в Лавр.: «Изяславъ же созва бояры свои и всю дружину свою. . . олня же Олговичь хотя и с дѣтми», и т. д. Задумываясь над взаимными отношениями трех текстов — Ипатьевской, Воскресенской и Лаврентьевской летописей, выясняющимися из рассматриваемого места, мы должны признать во всяком случае, что соединение отрывков, читающихся в Лаврентьевской, с более обширным текстом южной летописи, восходит к общему источнику Ипатьевской и Воскресенской, ибо не может быть, чтобы каждый из обоих составителей этих летописей сумел одинаковым образом комбинировать оба летописных источника. Предположить, что текст Воскресенской восходит к Ипатьевской, нельзя, в виду того, что во многих местах (и даже под исследуемым 6655 годом) текст Воскресенской оказывается более исправным, чем текст восстановляемого памятника по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам.[1] Но не старше ли текст, служивший источни-

[1] Ср. под 6655 г. пропуск в Ипат. перед словами «Рече бо Черниговьский епископъ»: «Собра бо Изяславъ Русскыхъ епископовъ Черниговскаго Анофрія. . . Смоленьскаго Мануила» (Воскр., VII, 39); или под 6454 г. в конце года после слов «присла къ нему Гюрги»: «река не тужи о сыну моемъ; аще того богъ взялъ, то другой ти послю; присла же ту и»; или выше восполнение двух

ком Ипатьевской и Воскресенской летописи, текста самой Лаврентьевской? Имеем ли мы основание видеть в нем компиляцию двух (или нескольких) источников, из которых одним была Лаврентьевская летопись? Не проще ли признать текст Лаврентьевской сокращением, извлечением из текста, восстановляемого по Ипатьевской и Воскресенской? Думаю, что исследование рассмотренного выше текста 6655 г. не может дать достаточных данных для решения этих вопросов; действительно, приведенные выше отрывки Лаврентьевской, тожественные с Ипатьевской и Воскресенскою, могли быть извлечены составителем Лаврентьевской или, что́ было бы вероятнее, в особенности в виду дошедшей до нас летописи Переяславля Суздальского начала XIII в.,[1] составителем одного из ее источников, — извлечены из более полного текста, отразившегося (позже) в источнике, общем для Воскресенской и Ипатьевской. Но из других мест летописного текста Ипатьевской и Воскресенской видно, что в нем произошло соединение южнорусских статей с суздальскими; суздальские же известия, им при этом соответствующие в Лаврентьевской, не могли быть, конечно, заимствованы во Владимирский свод, лежащий в основании Лаврентьевской и Переяславской летописей, из готовой уже компиляции южнорусских и суздальских известий. Так под 6659 г. в Ипат. (стр. 299), так же, как в Воскресенской (VII, стр. 53) после слов «и ту сташа полкы по оной сторони Лыбеди и начашася битися о Лыбедь», слов, которыми оканчивается обширный отрывок к южнорусской летописи, общий как Ипатьевской, так и Воскресенской летописи, мы читаем в них суздальское сообщение о подвигах Андрея Юрьевича, причем сегмент: «Андрѣй же Гюргевичь и Володимерь Андрѣевичь. . . переѣхаша Лыбѣдь. . . невѣдующимъ дружинѣ его (читай: ею). . . съхраненъ богомъ и молитвою родитель своихъ» соответствует тексту Лаврентьевской летописи (стр. 315—316); ниже отрывок южнорусской летописи, начинающийся словами «Изяславъ же и Ростиславъ пригнаста къ отцю своему Вячеславу» и оканчивающийся словами «и тако полци пойдоша к собѣ» (Ипат., стр. 302; Воскр. VII, 54), оказывается и в Ипатьевской и в Воскресенской между двумя сегментами суздальской летописи («Идущимъ же ся имъ бится, Андрѣи поча рядити полкъ отца своего. . . укрѣпи дружину свою» и ниже: «възмя копье и ѣха напередъ. . . схраненъ бѣ без вреда»), сегментами, не разъединенными вставкою в Лаврентьевской летописи (стр. 316—317). Только что указанное место исключает всякую возможность для предположения, что текст Лаврентьевской извлечен из памятника, восстановляемого при помощи Ипатьевской и Воскресенской. Напротив, мы ясно видим, что этот памятник пользовался

пропусков Ипатьевского и Хлебниковского списков (изд., стр. 236 и 237); или пропуск после слов «и не вдашася имъ Путивлечи» отрывка «но крѣпко бьющия со града. . . яко не дати васъ на полонъ; они же не дашася»; или под 6648 г. пропуск слов «въ недѣлю мясленую» после: «марта в 5 день».

[1] Обратим внимание, что и в Переяславской читается ошибочно, согласно с Ипатьевской и Лаврентьевской: «присла Володимиръ Изяслава Давыдовича ис Чернигова послы къ Изяславу князю Кыевьскому».

Лаврентьевскою летописью или ее протографом, как источником, и вставками разъединял отдельные части извлеченных из нее статей. Еще более утверждаемся мы в предположении, что памятник этот соединял южнорусскую летопись с суздальскою (в принадлежности только что отмеченных отрывков суздальской летописи может возникнуть сомнение), если обратим внимание на вторую половину XII в. в Ипатьевской летописи: мы найдем в ней ряд суздальских (владимирских) известий, начиная с сообщения о вокняжении Андрея в Ростовской земле и закладке им церкви богородицы во Владимире (Ип., стр. 337). При этом сравнение текста Ипатьевской с соответствующими статьями Лаврентьевской показывает, что в Ипатьевской летописи отразился Суздальский (Владимирский) свод более поздний, чем тот, который лег в основание Лаврентьевской. Так некоторые чтения этого свода ведут нас к позднейшей переработке Владимирского свода, отразившейся, как мы видели, в Переяславской (а затем и в Радзивиловской) летописи. Ср. под 6683 (1175) и 6684 (1176) гг. вставки имени Всеволода при имени Михаила Юрьевича, отличающие Владимирский свод начала XIII в. (Переяславская летопись) от свода 1185 г. (Лаврентьевская): Ипатьевская «сущи ту Михалку и Всеволоду» (стр. 404), «Михальку же доспѣвающю с братомь Всеволодомь» (стр. 407), «поможе богъ Михальку и брату его Всеволоду», «потомъ же Михалко и Всеволодъ поѣхаста» (стр. 408).[1]

Но многие чтения Ипатьевской летописи несомненно моложе и этой позднейшей переработки Владимирского свода. Так, под 6666 (1158) г. читаем в известии о закладке владимирского собора: «сверши же церковь 5 верховъ, и все верхы золотомъ украси, и створи в ней епископью»; этих слов нет ни в Лаврентьевской, ни в Переяславской (Радзивиловской); их, конечно, и не могло быть во владимирских сводах конца XII и начала XIII в., так как современники Андрея и Всеволода Юрьевичей хорошо помнили, что Андрей построил одноглавый собор, и что Всеволод после пожара 1193 г. приставил к нему еще четыре верха;[2] между тем владимирский источник Ипатьевской летописи говорит еще два раза о пяти верхах, поставленных Андреем; ср. под 6683 (1175) г. в похвале Андрею («и доспѣ церковь камену сборъную святыя богородица. . . и 5 верховъ ея позолоти») и под 6691 (1183) г. в сообщении о владимирском пожаре («и сборная церкви святая богородица Златоверхая , и вся 5 верховъ златая сгорѣ, юже бѣ украсилъ благовѣрный князь Андрѣй»). Поздний состав владимирского источника Ипатьевской летописи сказывается и в некоторых редакцион-

[1] Отметим здесь, что Воскресенская содержит текст более близкий к Лаврентьевской: это, как увидим, произошло от того, что она (независимо от общего с Ипатьевской своего источника) пользовалась московскою летописью, в основании которой лежала Троицкая, следовавшая, как мы уже видели, до середины XIII в. Лаврентьевской.

[2] Ср. в похвале Всеволоду, читаемой под 1212 г. в Воскресенской: «положиша его в церкви пречистыя богородици в Владимири, юже созда братъ его Андрѣй, преже объ единомъ връсѣ, потомъ же онъ пристави 4 връхы и такоже позлати ихъ». Ср. еще в Лаврентьевской под 1160 г. «и верхъ ея позлати», что в Ипатьевской изменено в: «и верхы ея позолоти» (стр. 350).

ных изменениях, которым подверглись известия древнего Владимирского свода. Так, под тем же 6666 (1158) г. в сообщении об избрании на стол Андрея Юрьевича к именам ростовцев и суздальцев прибавлено: «и володимирци вси», что явно отзывается позднейшею вставкою, равно как ниже после слов: «и посадиша и на отни столѣ Ростовѣ, и Суздали» прибавлено: «и Володимири»; под 6672 (1164) и 6674 (1166) гг. во владимирских известиях о кончине князей Изяслава Андреевича и Ярослава Юрьевича, похороненных во Владимире, видим вставку слов: «и плакася по немъ князь Андрей отець и братъ его Мьстиславь», «и плакася по немъ братъ Андрѣй»; подобные вставки и амплификации обычны в позднейших сводах; ср. еще «и плакашася по нѣмъ отець его и вся Суждальская земля» в известии о смерти Мстислава Андреевича (6681 г.). Распространение сказания об убиении Андрея Боголюбского (некоторые подробности перешли и в Воскресенскую), а в особенности похвалы ему и молитв, вложенных в уста Андреевы,—свидетельствуют также о позднейшем редакторе, располагавшем, впрочем, некоторыми древними записями (ср. эпизод с Кузмищем). Итак, памятник, восстановляемый на основании общих мест Ипатьевской и Воскресенской летописей, представлял соединение южнорусской летописи (или южнорусских летописей) не с теми древними владимирскими сводами, которые отразились в Лаврентьевской и Переяславской летописях, а с позднейшею переработкою Владимирской летописи. Где же и когда могло произойти такое соединение, где мог возникнуть памятник, легший в основание с одной стороны, Ипатьевской, а с другой, Воскресенской летописи? Воскресенская летопись, как увидим ниже, ведет нас к Московскому своду, отдельные редакции которого относятся к 1479, 1472 и более ранним годам. Этот свод составлен из соединения так наз. Софийской 1-й летописи с текстом Троицкой начала XV в. и текстом Владимирского полихрона 1423 г. Обширные южнорусские статьи, общие Воскресенской с Ипатьевской, не могли быть заимствованы в Московский свод ни из Софийской, ни из Троицкой летописи; следовательно, они попали в него из Полихрона 1423 г. Но, как мы видели, появление первого Полихрона, первой общерусской летописи — старше 1423 г.; оно относится к началу XIV в., ко времени митрополита Петра. Полихрон 1423 г. главное свое содержание почерпал из старших редакций митрополичьей летописи и таким образом южнорусские статьи Воскресенской летописи, как и многое другое в ней, можно возвести к Полихрону начала XIV в. Мы не видим препятствий к признанию того же Полихрона начала XIV в. источником Ипатьевской летописи. Выше, в статье о Лаврентьевской летописи, представлены доказательства тому, что Полихрон начала XIV в. послужил источником этой летописи: из него заимствован текст событий второй половины XIII и начала XIV в., из него же попали некоторые вставки и поправки в более древние части свода. Так, между прочим, как указано, к Полихрону возводится известие 1157 г.: «и церковь сконча, юже бѣ заложилъ преже отець его, святаго Спаса камену»; здесь пропущено указание, что эта церковь выстроена в Переяславле Суздальском (как о том свидетельствуют Переяславская, а за ней и Радзи-

виловская летопись). То же известие с таким же пропуском находим в Ипатьевской (стр. 337). Весьма вероятно допустить, что и в Лаврентьевскую, и в Ипатьевскую известие это перенесено из Полихрона, который в свою очередь заимствовал его из Переяславской летописи, но устранил слова «в Переяславли Новѣмъ», подобно тому, как позже составитель Радзивиловской летописи устранял под 1175, 1176 и 1177 гг. тенденциозные вставки переяславского летописца (см. выше). Мы видели выше, что известия 1185—1205 гг. восходят в Лаврентьевской к Переяславской летописи, но под 1194 г. находим два известия (обновление храмов во Владимире и Суздале), а под 1195 г. одно известие (обновление Городца Остерского), которых нет (и не было) в Переяславской летописи; мы предположили, что они заимствованы в Лаврентьевскую из Полихрона. Ипатьевская относительно двух первых известий свидетельствует, что они действительно были в Полихроне (ср. 6700 г., стр. 453).

Итак, предыдущее исследование устанавливает, что одним из источников Ипатьевской был Владимирский полихрон начала XIV в.: конечно, именно из него попал в Ипатьевскую весьма характерный для сравнительно столь древнего, как Ипатьевская летопись, памятника титул «великий князь всея Руси» в приложении к Владимиру Мономаху (ср. под 1120 г., в известии о его смерти); термин «всея Руси» происхождения нового; он впервые присоединен был к титулу митрополитов и притом, повидимому, не ранее конца XIII в. Подражая митрополиту, великий князь владимирский присоединяет «всея Руси» к своему титулу в начале XIV в., т. е. как раз во время возникновения Полихрона. Следовательно, чтение Ипатьевской летописи под 1126 г., где Мономах назван великим князем всея Руси, не может быть старше начала XIV в. Владимирский полихрон, восстановляемый в значительной своей части по Ипатьевской летописи, представлял собою соединение не одной только южнорусской летописи с суздальской; в состав его вошло несколько южных летописей и несколько суздальских (владимирская, ростовская, переяславская).[1] Так, в южнорусских

[1] Так, из Переясл. заимствовано известие о построении храма Спаса. Сравнительное изучение Лавр., Переясл. и Ипат. летописей доказывает, что последняя, очевидно, через посредство Полихрона, пользовалась как более древним текстом Владимирского свода (текстом 1185 г., отразившимся в Ростовской, а затем и в Лавр. летописи), так и более новым текстом того же свода (текстом начала XIII в., отразившимся в Переяславской летописи). Вот почему чтения Ипат. совпадают то с Лавр. летописью, то с Переясл. (Радзив.). Так, сходно с Лавр. под 1149 г.: «уличи самъ по нихъ» (стр. 272), между тем как в Переясл. и Радзив.: «оулучи самъ въ слѣдъ их»; под 1152 г.: «а другыя въгнаша в городъ» (стр. 315), между тем как в Переясл. и Радзив.: «а другыя въгнаша въ дворы»; под 1158 г. ни в Лавр., ни в Ипат. не указано дня, когда Андрей сел на стол в Суздальской области, в Переяславской и Радзив.: «4 іюня»; под 1159 г. в Ипат. (стр. 338) и в Лавр.: «идеже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба», в Переясл. и Радзив.: «иде же бяше становище святаго Бориса»; под 1172 г. в Ипат. (стр. 379) и в Лавр.: «а къ другимъ половцемъ к руськымъ», между тем в Переясл. и Радзив.: «а къ дроугымъ половцемъ къ корсунскымъ», ниже в Ипат. и Лавр.: «Глѣбъ же Юрьевичь п о й д е», а в Переясл. и Радзив.:

известиях Полихрона отражается то киевский, то черниговский, то галицкий или волынский летописец. Ср., напр., киевлянина под 6659 г.: «И тако поидоша (кияне), другъ друга не останя вси, съ радостью по своихъ князехъ, и на конихъ и пѣши, многое множество», или, напр., под 6662 г. в рассказе о смерти Вячеслава и милостыни, розданной Ростиславом; или под 6666 г. в известии о кончине вдовы Глеба Всеславича, дочери Ярополка Изяславича, пожертвовавшей все свое имущество Печерскому монастырю, и т. д. Черниговца видим, напр., в известии 6655 г. об осаде Мстиславичами города Глѣбня в Черниговской области, причем «богъ и святая богородица, и святая мученика избависта градъ отъ сильныя рати», или выше в рассказе об ограблении двора Святослава Ольговича в Путивле, в сообщениях о движениях Святослава, удалявшегося от Мстиславичей и Давыдовичей, или в известии 6667 г. о смерти митр. Константина (см. Воскр., VII, стр. 70), или в известии 6659 г. о присылке полочан к Святославу Ольговичу «съ любовью, яко имѣти его отцемь собѣ и ходити в послушаньи его»; быть может, также под 6667 г. в длинной статье о полоцких событиях, вызванной известием о походе Рогво́лода Борисовича, с полком Святослава Ольговича, отправившегося искать себе волости, и др. Галичанин обнаруживается в известии 6654 г. об осаде Звенигорода галицкого Всеволодом Ольговичем, причем граждане «божиею помощию угасиша огонь», зажженный осаждающими. Среди южных летописей, которыми пользовался Полихрон, были несомненно и те, которые вошли в соединение с суздальскою через посредство летописи Южного Переяславля еще в конце XII в. Ср. под 6659 г. в Лаврентьевской сокращенное изложение некоторых событий, изложенных подробно в Полихроне (Ипат. и Воскр.), напр., в рассказе о том, как чуть было не убили раненого Изяслава Мстиславича свои же дружинники, Лаврентьевская содержит фразы, выхваченные из рассказа, дошедшего через посредство Полихрона: «хотяша и убити свои пѣшци, не знаючи его, но сня с себе шеломъ, и познаша и», ср. Ипатьевская (стр. 303): «и ту хотѣша и кияне пѣшци убити, мняще ратного, не знаючи его, Изяславъ же рече. . . и сня съ себе шеломъ и позна и»; тоже под 6660 г. в рассказе о поражении Владимирка галицкого: ср. Лаврентьевскую:

«поѣха». Напротив, под 1144 г. в Ипат. и Переясл. (Рэдзив.): «а межю ими рѣка Б ѣ л к а», в Лавр.: «мѣлкѣ», под 1149 и 1152 гг. Ипат. и Переясл.: «пѣшьцемъ» (стр. 272), «пѣшци» (стр. 315), в Лавр.: «пѣшимъ», «пѣши» (308, 321); под 1148 г. в Ипат. (стр. 253) и Переяславской (Радзив.): «(онъ же) вборзѣ събравъ дружину, выступи», в Лавр.: «онъ же вста вборзѣ, и собрася. . .»; под 1154 г. в Ипат. (стр. 328) и Переясл. (Рэдзив.): «и бысть противу Смоленьску; и бысть ему вѣсть», а в Лавр.: «и бысть противу Смоленску ему вѣсть»; под 1141 г. в Ипат. и Переясл. (Радзив.): «Городеньский», в Лавр.: «Городецьскый»; под 1154 г. в Ипат. (стр. 322) и Переясл. (Радзив.) опущено «с вои»: «на ту же осень посла и отець», в Лавр.: «с вои»; под 1177 г. в Ипат. (стр. 410) и Переясл. (Радзив.): «бысть радость велика в градѣ Володимѣри», в Лавр.: «бысть радость велика в Володимѣрѣ»; ниже: «нынѣ дръжиши», а в Лавр. «а ты держиши»; ниже: «выдайте нашего ворога», а в Лавр.: «вы имѣте нашего ворога», и др.

«Угри же королеви то узряша Володимерковы полкы, ту же не постряпуче поткнуша к нимъ. Володимерко же, видя силу Угрьскую, поскочи перед ними», в Ипатьевской (стр. 310): «Видивъ же полки Володимери королъ и вси его полци, не стряпуче поткоша вси к нимъ, кождо въ свой бродъ, и въѣхаша отвсюду у полкъ Володимерь; и тако потопташа ѣ. . . Володимеръ же видѣв силу угорьскую поскочи перед ними и вмятася въ Угры и в Черныи Клобукы» или под 6662 г. в рассказе о кончине Вячеслава в Лаврентьевской: «Перешедшимъ же имъ Днѣпръ, приде к нему вѣсть: стрый ти умеръ Вячеславъ; онъ же оставя полкы свои с Святославомъ, а самъ ѣха к Кыеву, и положи стрыя своего с великою честью у святое Софьи, а самъ же поима прок дружины Вячеславлѣ, пойде к Чернигову»; ср. Ипатьевскую (стр. 325): «и перейде Днѣпръ у Вышегорода. . . Угрии же пригнаша к Ростиславу ис Киева и повѣдаша ему: отца ти Вячеслава богъ поялъ. Ростиславъ же рече. . . Ростислав же то слышавъ, и тако оставя полкы своя, а самъ гна Киеву; и тако плакася по отци своемъ, и проводи его до гроба съ честью великою, съ множествомъ народа, и положиша у святыя Софья, идеже лежить Ярославъ прадѣдъ его и Володимиръ отецъ его. И тако Ростиславъ спрятавъ тѣло его. . . а самъ поима прокъ дружины Вячеславли, ѣха опять на ону страну к полкамъ своимъ. . . хотя пойти Чернигову».

К числу заимствований Ипатьевской летописи из Полихрона надо отнести и статьи о нашествии татар, вставленные во вторую часть ее, в Галицко-волынскую летопись: ср. рассказ о взятии Козельска (стр. 519—520), взятии Чернигова (стр. 520) и Киева (стр. 520—519 и 522—523); тожественные тексты находим между прочим и в Воскресенской летописи (VII, стр. 143—145).

Указанными четырьмя летописными памятниками — Киевским сводом, доведенным до 1198 г., Черниговским, Галицко-волынским, доведенным до конца XIII в., и Владимирским полихроном начала XIV в. исчерпывается, как кажется, число источников Ипатьевской летописи. Отмечу теперь же, что составитель Ипатьевской в Киевском, Черниговском и Галицко-волынском сводах встретил немало статей, уже занесенных в Полихрон, который, как мы видели, пользовался сам значительным числом южнорусских летописей. Вследствие этого становится особенно сложной работа над анализом Ипатьевской летописи, над разложением ее на составные части. Время составления Ипатьевской летописи определяется пользованием ею, как источником, Владимирским полихроном начала XIV в. — это XIV в. Место составления, конечно, южная Русь: об этом свидетельствует, между прочим, предпочтение, данное Галицко-волынской летописи перед Полихроном при изложении событий XIII в.

«Повесть временных лет» в Ипатьевской летописи могла отразить все четыре источника, служивших при составлении этой летописи. Но, кажется, можно ограничиться предположением о влиянии на начальную часть Ипатьевской летописи, на «Повесть временных лет» только двух источников — во-первых, Киевского свода, доведенного до 1198 г., и во-

вторых, Полихрона. Галицко-волынская и черниговская летописи, если и содержали «Повесть временных лет», то вряд ли в такой редакции, которая дала бы основание предпочесть ее редакциям Киевского свода и Полихрона, являющимся несомненно главными источниками первой части Ипатьевской летописи. Киевский свод, как мы видели, был составлен в Михайловском Выдубицком монастыре; это обстоятельство нельзя не сопоставить с существованием Выдубицкой летописи еще в начале XII в., ибо мы знаем, что «Повесть временных лет» в первой ее редакции составлена Сильвестром, игуменом Выдубицкого монастыря. Не следует ли заключить отсюда о непрерывности летописной работы в этом монастыре, основанном Всеволодом Ярославичем и встарину называвшемся «Всеволожим» (напр., под 1070, 1088, 1169 гг.[1]). Во всяком случае, выдубицкому летописцу 1198—1199 гг. не могла не быть известна «Повесть временных лет» в редакции игумена Сильвестра. Вот основания для предположения, что Ипатьевская летопись положила в основание своей редакции «Повести временных лет» древний текст игумена Сильвестра, т. е. тот самый текст, который попал во Владимирский свод 1185 г., перешел оттуда в Ростовский свод XIII в. и затем в Лаврентьевскую летопись. Предположение это оправдывается целым рядом других указаний, а именно анализом текста Ипатьевской летописи: анализ обнаруживает близкое сходство чтений Ипатьевской летописи с чтениями Новгородской 1-й (Комиссионного списка), а такое сходство может быть объяснено только древностью, первоначальностью чтений Ипатьевской летописи, ибо Новгородская 1-я летопись ведет нас к тексту, предшествовавшему сильвестровской редакции «Повести временных лет». Далее анализ обнаруживает весьма близкое сходство чтений Ипатьевской летописи с чтениями Лаврентьевской: правда, общим источником обеих летописей был, между прочим, Полихрон начала XIV в., но есть основание многие из общих чтений этих летописей относить не к Полихрону, а к другому общему источнику, каковым могла быть именно сильвестровская редакция «Повести временных лет». Заметим, что общими для Ипатьевской и Лаврентьевской оказываются некоторые описки; возводить и их к сильвестровской редакции было бы, пожалуй, затруднительно, но не следует упускать из виду, что между этой редакцией и Владимирским сводом, с одной стороны, Киевским сводом 1198—1199 г. — с другой, могла стоять та или иная промежуточная редакция Киевского свода (по направлению к Владимирскому своду — мы встретим еще промежуточную редакцию в виде летописи Южного Переяславля). Ниже мы подробно рассмотрим те чтения Ипатьевской летописи, которые принадлежали предпочтительно ее основному источнику — Киевской выдубицкой летописи 1198—1199 г.

Другой ряд чтений должно, согласно предыдущему, возвести к Владимирскому полихрону начала XIV в. В основание Полихрона был положен Владимирский свод начала XIII в., значительно отличавшийся от Владимирского свода 1185 г., как мы видели, в части, соответствующей «Повести

[1] Такое предположение было высказано Д. И. Иловайским.

временных лет»; тогда как свод 1185 г. представляет текст «Повести» в первой, сильвестровской редакции, свод начала XIII в. следовал второй редакции «Повести», которую он извлек из 2-й летописи Южного Переяславля. Доказательства этому были уж предложены выше. Здесь приведем еще ряд оснований, руководствуясь данными Ипатьевской летописи.

Ипатьевская летопись свидетельствует, что употребленный ею текст «Повести временных лет» не обрывался на приписке игумена Сильвестра, помещенной после летописного известия 1110 г.: вызванные известием этого года о чудесном явлении огненного столпа над Печерским монастырем благочестивые рассуждения являются переходом к рассказу о славном походе князей против половцев, причем этот рассказ обнаруживает современника, а заключительные к статье 1111 г. благочестивые рассуждения не оставляют сомнения в том, что эти рассуждения принадлежат тому же лицу, что и рассуждения под 1110 г. Мне кажется, не подлежит сомнению, что под 1114 г. мы встречаем того же автора: «В се же лѣто, — читаем мы, — заложена бысть Ладога камениемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ при князѣ Мстиславѣ. Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане», и т. д. Ладожане рассказывали летописцу о стеклянных камушках, падающих из тучи; они сообщили ему о рассказах старых людей, ходивших за Югру и за Самоядь, о том, как в их присутствии спала туча и в той туче была малая веверица, которая, выросши, пошла ходить по земле, и о том, как из другой тучи спали малые олени, которые, выросши, также разошлись по земле. Летописец призывает в свидетели точной передачи этого явления Павла посадника и всех ладожан. «Аще ли кто сему вѣры не иметь, — прибавляет летописец, — да почтеть фронографа», и далее следует ряд выписок из хронографа, где сообщается о целом ряде чудных явлений, состоявших в том, что с неба спадали те или иные предметы. Впрочем, сообщение о Гефесте заводит летописца далеко от предмета. Летописец кончает свои рассуждения словами псалмопевца: «възводяй облакы отъ послѣднихъ земли». «Се бо и бысть послѣдняя земля, — замечает летописец, — о нейже сказахомъ первое». Мы не сомневаемся, что многоречивость летописца, сказавшаяся в статье 1114 г., обличает его тожество с многоречивым составителем благочестивых рассуждений 1110 и 1111 гг., и заключаем, что продолжатель «Повести временных лет» не остановился на описании похода 1111 г., а продолжил его и летописными рассказами 1112—1114 гг. Но думать, что труд продолжателя остановился на статье 1114 г., мы не имеем основания: современник сказался и на летописных известиях, ближайшим образом следующих за этой статьей. Обильное число известий под 1115, 1116 и 1117 гг. может служить доказательством того, что летопись и под этими годами составлялась современником. Только с 1118 г. видим неожиданное уменьшение известий: под 1117 г. насчитывается девять известий, под 1118 всего два, под 1119 также два, под 1120 опять два. Думаю, что именно после 1117 г. надо искать окончания труда сильвестрова продолжателя, что труд этого продолжателя был доведен только до 1117 г. Этому продолжателю, которого назовем составителем второй редакции «Повести

временных лет», принадлежит таким образом сохранившийся в Ипатьевской летописи текст 1110—1117 гг. Но ему же надо приписать кое-что и из того, что теперь читается в «Повести» во всех списках этого памятника, читается именно потому, что во всех дошедших до нас списках скомбинирован текст обеих редакций «Повести временных лет». Уже анализ Лаврентьевской летописи показал на присутствие в тексте «Повести» статей, восходящих ко второй редакции. Думаю, что в интересах дела не лишне повторить проделанную нами выше работу по данным, представляемым Ипатьевскою летописью.

Под 1096 г., после рассуждений летописца по поводу появления половцев и их происхождения, читаем: «Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яж сказа ми Гурята Роговичь новгородець, глаголя сице». В чем состояла беседа летописца с Гюрятой и какую связь летописец установил между сообщением, сделанным Гюрятой со слов его отрока, ездившего в Угру, и пророчеством Мефодия Патарского о народах, заключенных Александром Македонским, — мы изложили выше в главе о Лаврентьевской летописи. Здесь мы обращаем внимание на близкую связь указанной летописной статьи и статьи 1114 г., только что нами рассмотренной. Связь эта указывает прежде всего на общего автора для обеих этих статей.

Общий автор обнаруживается следующими сопоставлениями: во-первых, ясно, что составитель статьи 1096 г. южанин, киевлянин, случайно побывавший на новгородском севере; это видно из того, что Гурята Роговичь называется новгородцем, из того, что автору пришлось давать такие определения, которые лишни для северного читателя, но, конечно, необходимы для южного: Печера характеризуется как «люди, иже суть дань дающе Новугороду»; Угра характеризуется как «людые языкъ нѣмъ, и съсѣдяться съ Самоѣдью на полунощныхъ сторонахъ»; но составитель статьи 1114 г. также южанин, киевлянин, попавший случайно на новгородский север; это обнаруживается из самого начала его рассказа: «пришедшю ми в Ладогу», это видно и из его беседы с ладожанами, ибо последние не стали бы сообщать Новгороду о чудесных явлениях, о которых он мог знать сам из ходивших на Севере устных рассказов. Во-вторых, из статьи 1114 г. мы извлекаем указание на то, что летописец был на новгородском севере и между прочим в Ладоге в 1114 г.; в статье 1096 г. летописец говорит о себе, что он беседовал с новгородцем Гюрятой Роговичем «преже сихъ четырехъ лет», т. е. за четыре года до составления летописи; если мы допустим, согласно предыдущему, что летопись (вторая редакция «Повести временных лет») составлена в 1117 или 1118 г., окажется, что летописец беседовал с Гурятой в 1113 или 1114 г., т. е. в тот самый год, когда имела место беседа его с ладожанами — а это, конечно, ведет прямо к отожествлению авторов статей 1096 и 1114 гг. В третьих, в обеих статьях заметны одинаковые приемы: так, и та и другая изложены в форме диалога между летописцем и жителями Севера; так, между обеими статьями замечается текстуальная близость: ср. под 1096 г.: «Угра же суть людье языкъ нѣмъ и

съсѣдятся съ самоѣдью на полунощныхъ странахъ», под 1114 г.: «и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ»; под 1096 г.: «дивно находимъ мы чюдо ново», под 1114 г.: «се не дивно»; под 1096 г. летописец выступает со словами «мнѣ же рекшю къ Гурятѣ», под 1114 г.: «сему же ми ся дивлящю»; но в особенности сближает обе статьи тот комментарий, который дается летописцем, с одной стороны, рассказу новгородца Гюряты Роговича, а с другой, рассказу ладожан: комментарий книжного человека, весьма начитанного в хронографической литературе, и умеющего приурочить к современным явлениям содержащиеся в книгах повествования.

Кроме статьи 1096 г., составителю второй редакции «Повести временных лет» принадлежало, конечно, еще несколько дополнений, внесенных им в текст первой редакции. Точно определить эти дополнения при состоянии дошедших до нас списков трудно, но тем не менее некоторые ценные указания извлекаются из сравнения Лаврентьевской, передающей, как мы видели, преимущественно текст первой редакции, с Ипатьевской, где, как нас убеждает часть, обнимающая 1111—1117 гг., довольно полно отразилась вторая редакция. Оставляя в стороне мелкие редакционные поправки, останавливаемся только на более или менее цельных по содержанию дополнениях. Критерием для признания того или другого места Ипатьевской летописи вставкой, появившейся во второй редакции «Повести временных лет», мы признаем или отсутствие его в Лаврентьевской, или сокращенную передачу его в Лаврентьевской, или наконец замену его в Лаврентьевской другим текстом. Правда, руководствуясь этим критерием, мы не могли бы признать за вставку только что рассмотренную статью 1096 г., но в данном случае Лаврентьевская ясно обнаруживает вставку тем, что статья эта читается не там, где в Ипатьевской, а после очевидной и бесспорной вставки, каковою является «Поучение» Владимира Мономаха. Делаем еще оговорку: путем сравнения Лаврентьевской и Ипатьевской, мы можем извлечь указание на вставки, сделанные в древнем тексте «Повести временных лет», но не все такие вставки должны непременно восходить ко второй редакции «Повести временных лет»; вторая редакция эта была известна составителю Ипатьевской летописи не непосредственно, а путем Владимирского полихрона начала XIV в. Поэтому некоторые из вставок, обнаруживаемых в Ипатьевской, могут быть не старше Полихрона, а те, которые старше, могут восходить к одному из сводов, посредствовавших между второю редакцией «Повести временных лет» и Полихроном (Владимирский свод начала XIII в., летопись Южного Переяславля 2-я). В нижеследующем перечне мы отмечаем все вставки и на основании внутреннего их содержания (единственно доступный критерий!) определяем, какую из них возвести ко второй редакции «Повести временных лет», и какую к позднейшим летописным редакциям.

Под 6370 (862) г. в Ипатьевской, как мы уже видели, содержится вариант к рассказу о призвании князей, изложенному в Лаврентьевской. То обстоятельство, что этот вариант читается и в Радзивиловской, особенно

убедительно доказывает, что он старше Полихрона, ибо в Радзивиловскую он мог попасть только из Переяславской летописи начала XIII в. По этому варианту старший из князей-варягов Рюрик садится в Ладоге, основанной им вместе с братьями («и срубиша городъ Ладогу»); по смерти братьев Рюрик основывает Новгород и садится в нем. Этот рассказ ни в коем случае не может восходить к сильвестровой редакции «Повести временных лет»: против этого свидетельствует как текст Лаврентьевской, так и то обстоятельство, что Сильвестр в начале «Повести временных лет» приписывал основание Новгорода словеном еще задолго до призвания князей. Мы предположили выше, в III главе, что вариант к призванию князей содержит местное ладожское предание, но не указали пути, которым ладожское предание могло проникнуть в состав «Повести временных лет». Теперь, когда мы знаем о путешествиях летописца-составителя второй редакции на новгородский север и между прочим в Ладогу, когда определенно можно говорить и о том, что летописец интересовался ладожскими преданиями (ср. его беседу с Павлом посадником и ладожанами), мы в праве утверждать, что вариант в рассказ о призвании князей внесен составителем второй редакции «Повести временных лет» на основании запомнившегося ему рассказа ладожан, очевидно, выставлявших перед любознательным киевлянином древность Ладоги перед Новгородом и приписывавших своему городу честь старейшинства перед другими городами Новгородской области.

Выше, в начале «Повести временных лет» находим следующую вставку в рассказе об основателе Киева — Кие: «и приходившю ему къ царю не свѣмы (чит.: при которомъ не свѣмы), но токмо о семъ вѣмы, яко же сказають, яко велику честь приялъ есть отъ царя, которого не вѣмъ и при которомъ приходи цари». Подчеркнутое вставлено, а остальное читается и в Лаврентьевской. Итак вставка сделана лицом, старавшимся узнать, при котором царе греческом приходил в Царьград Кий и сознавшимся, что этого ему не удалось узнать. Итак вставке предшествовала справка в хронографе. Имея в виду, что та же вставка читается и в Радзивиловской и что поэтому она старше Полихрона начала XIV в., ибо в Радзивиловскую она попала из Переяславской летописи начала XIII в., мы с большой вероятностью относим ее насчет составителя второй редакции «Повести временных лет», который, как мы знаем, был начитан в греческом хронографе.

Под 6463 (955) г. в Ипатьевской читаем в начале рассказа о крещении Ольги: «И бѣ тогда царь Костянтинъ сынъ Моновъ», вместо чего в Лаврентьевской: «бѣ тогда царь имянемь Цѣмьский». То же чтение, что в Ипатьевской, мы отметили уже в Радзивиловской; следовательно, фактическая поправка к древнему тексту «Повести временных лет» старше Полихрона начала XIV в. В виду знакомства составителя второй редакции с хронографическими памятниками, мы относим и эту поправку на его счет.

Под 6523 (1015) г. в Ипатьевской похвала Владимиру изложена полнее и пространнее, чем в Лаврентьевской. Радзивиловская следует

Лаврентьевской. Поэтому из нее нельзя получить указание на то, чтобы текст Ипатьевской был старше Полихрона начала XIV в. Напротив, считаем вероятным, что обширная похвала Владимиру принадлежит составителю Полихрона, между тем как в «Повести временных лет», как указано выше, содержалась краткая похвала, перешедшая, повидимому, из первой редакции и во вторую. Что до похвалы в Лаврентьевской, то, как мы видели, она извлечена ею из вспомогательного ее источника — Владимирского полихрона.

Под 6523 (1015) г. в Ипатьевской с бо́льшими подробностями, чем в Лаврентьевской, изложен рассказ об убиении Бориса; особенно же распространен конец рассказа об убиении Глеба. Радзивиловская следует Лаврентьевской и лишает нас таким образом возможности утверждать, чтобы текст Ипатьевской в данном случае был старше Полихрона. Возможно, что дополнения к сказанию об убиении Бориса и Глеба внесены были составителем Полихрона и из него перешли в Ипатьевскую. Впрочем, нам придется впоследствии подробно рассмотреть этот вопрос.

В похвале Борису и Глебу Ипатьевская содержит следующее место, отсутствующее в Лаврентьевской: «радуется церкви свѣтозарное солнце стяжавши вьсходъ всегда просвѣщаеть въ страданьи въ славу ваю мученикомъ». То же читаем и в Радзивиловской. Следовательно, эта вставка старше Полихрона. Быть может, она восходит именно ко второй редакции «Повести временных лет», составитель которой под 1015 г. подробно описал перенесение мощей князей в новую каменную церковь.

Под 6545 (1037) г., после сообщения о построении Ярославом церквей в Киеве, читаем в Ипатьевской: «сии же премудрыи князь Ярославъ того дѣля створи благовѣщение на вратѣхъ, дать всегда радость граду тому святымъ благовѣщениемь господнемь и молитвою святыя богородица и архаангела Гаврила». В Радзивиловской этих слов нет (как и в Лаврентьевской), и мы не имеем поэтому прямого основания признавать их старше Полихрона. Мне кажется, что они именно впервые внесены в Полихрон: киевский летописец вряд ли сказал бы о Киеве «граду тому».

Начиная с последней четверти XI в., мы находим в Ипатьевской ряд известий, отсутствующих в Лаврентьевской. Их нет также в Радзивиловской (кроме одного — известия о землетрясении в 1107 г.). Тем не менее мы решаемся признать их вставленными в текст «Повести временных лет» раньше составления Полихрона начала XIV в., и это по следующим основаниям: известия эти обличают в их составителе, во-первых, современника, во-вторых, лицо, близкое к Владимиру Мономаху, ибо бо́льшая часть их имеет то или иное отношение к этому князю. Имея в виду, что этих известий не было в первой редакции «Повести временных лет», а что составителя второй ее редакции должно признать за современника Мономаха и за лицо, к нему особенно расположенное (что́ видно хотя бы из описания похода князей в 1111 г.), мы считаем вероятным допустить, что эти известия вставлены в текст «Повести временных лет» составителем второй ее редакции. Перечислим эти известия:

Под 6584 (1076) г.: «в се же лѣто родися оу Володимера сынъ Мьстиславъ внукъ Всеволожь»; там же прибавлено, что Всеволод Ярославич сел на столе 1 января. Под 6595 (1087) г.: « в се же лѣто ходи Всеволодъ къ Перемышлю». Под 6606 (1098) г.: в се же лѣто заложи Володимеръ церковь камяну святоѣ богородици Переяславли на княжѣ дворѣ. Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Вьстри». Под 6607 (1099) г.: «в се же лѣто бысть знаменье надъ Володимеремь мѣсяца априля два круга, а в нею аки солнце и да шестаго часа, а ночь аки 3 стязи свѣтлѣ оли до зорь». Под 6609 (1101) г.: «в се же лѣто Володимеръ заложи церковь оу Смоленьскѣ святоѣ богородицѣ камяну епискупью». Под 6610 (1102) г. «в се же лѣто преставися Володиславъ лядьскый князь»; ниже: «в то же лѣто родися оу Володимера сынъ Андрѣи». Под 6613 (1105) г.: «Оувалися верхъ святаго Андрѣя»; ниже: «томъ же лѣтѣ явися звѣзда с хвостомъ на западѣ и стоя мѣсяць»; ниже: «того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ, на Зарубѣ [побѣди] Торкы и Береньдѣѣ». Под 6614 (1106) г.: «того же лѣта помраченье бысть въ солнци августа». Под 6615 (1107) г.: «мѣсяца . . . въ 15 день трясеся земля передъ лазорями» (читай: «зорями»). Под 6617 (1109) г. прибавлено, что Дмитр Иворович был послан Владимиром против половцев и захватил у них 1000 веж. Под 6618 (1110) г.: «того же лѣта пришедше половци воеваша около Перѣяславля по селомъ; того же лѣта взяша половьци [идучи назадъ много селъ]».

Итак, путем сравнения Ипатьевской летописи с Лаврентьевской определяется состав и характер второй редакции «Повести временных лет». Повторим вкратце выводы, к которым привело нас предшествующее исследование.

Вторая редакция «Повести временных лет» составлена в 1117 или 1118 г. лицом, близким к Мономаху; она продолжила текст первой редакции летописными статьями 1110—1117 гг. и распространила его несколькими вставками, вызванными: а) знакомством летописца с преданиями новгородского севера, где он побывал в 1114 г. (ср. под 862 и 1096 гг.); б) знакомством летописца с хронографами и творениями отцов церкви (ср. в начале летописи по поводу Кия, под 955 г. поправку имени греческого императора, далее под 1096, 1110 и следующими годами); в) современными летописцу событиями (ср. известия 1076 и следующих годов). Вторая редакция «Повести временных лет» вошла в состав летописи Южного Переяславля 2-й (в 1-й летописи читалась первая редакция «Повести»). Отсюда она перешла во Владимирский свод начала XIII в., легший в основание Полихрона начала XIV в. Полихрон включил в свой состав текст «Повести временных лет», заимствованный из названного свода, дополнил его несколькими вставками из других источников (похвалой Владимиру, несколькими похвальными строками Ярославу под 1037 г., подробностями к рассказу об убиении Бориса и Глеба и некоторыми др.). Из Полихрона текст «Повести» перенесен в Ипатьевскую летопись, но здесь он вошел в соединение с текстом первой редакции «Повести», заимствованным в Ипатьевскую летопись из Киевской летописи Выдубицкого монастыря 1198—1199 г.

Таким образом, анализ Ипатьевской летописи устанавливает наличность в ней заимствований из двух источников — Киевской летописи и Полихрона; имея же в виду, что из текста Полихрона выделяется текст второй редакции «Повести временных лет», а из текста Киевской летописи текст первой редакции «Повести», мы можем возводить чтения Ипатьевской летописи к следующим четырем первоисточникам: 1) первая редакция «Повести временных лет», 2) Киевский летописный свод 1198—1199 г., 3) вторая редакция «Повести временных лет», 4) Полихрон. Займемся теперь более детальными указаниями, какие именно чтения Ипатьевской летописи восходят к каждому из четырех указанных источников.

К первой редакции «Повести временных лет» мы возводим те чтения Ипатьевской, которые, отличаясь от Лаврентьевской и Радзивиловской, сходятся с Новгородскою 1-ю. Такие чтения были уж приведены выше в III главе, на стр. 59. Отметим здесь еще несколько подобных чтений, где в соответствующих местах Лаврентьевская и Радзивиловская расходятся между собой.

Под 6477 (969) г. «видиши ли мя болну», ср. «видѣиши мя болну» (Радзив.), «видиши мя болное» (Лавр.). Под 6485 (977) г. «юже бѣ привелъ отець его», ср. «бѣ бо привелъ отець его» (Лавр.), «бѣ бо привелъ ю отець его» (Радзив.). Под 6479 (971) г. «и н е п о з р ѣ на ня», ср. «не зрѣ» (Лавр.), «не возрѣ» (Радзив.); «и поиде Святославъ воюя къ городу», в Радзивиловской и Лаврентьевской «воюя» опущено; «посли же цѣреви възвратишася къ цареви» («а слы царевѣ, видѣвши тое пріидоша ко цѣрю»), ср. «они же придоша ко царю»; «искуси и едино [искуси единою] еще», ср. в Лаврентьевской «искуси и еще», Радзивиловской «искусимъ еще». Под 6488 (980) г. «пришедъ затворися», в Радзивиловской и Лаврентьевской «пришедъ» опущено; «сь оубо лоуноваше» (Новг. 1-я: «сей оубо льстяше»), в Лаврентьевской и Радзивиловской нет «оубо»; «створять ти [зла] въ градѣ», в Лаврентьевской и Радзивиловской нет «в градѣ»; под 6493 (985) г. «и ротѣ заходиша межи собою», ср. «межю собѣ» (Лавр. и Радзив.). Под 6494 (986) г. «въ начало испѣрва», ср. «в начало» (Лавр.), «отъ начала» (Радзив.); «егда ангели славяху бога и онъ с ними» («егда же ангели славляху бога и онъ с ними такоже славляше бога»), ср. «егда ангели славяху» (Лавр. и Радзив.); «отвѣрзостася очи ваю», ср. «отверзстася очи ваю» (Лавр.), «отверзитеся очию ваю» (Радзив.); «и въста Каинъ (і абіе въставши Каинъ)», ср. «[и] въста» (Лавр., Радзив.); «и рече [глагола] господь богъ Ноеви», ср. «и рече господь Ноеви» (Лавр., Радзив.); «исъсѣче 3000 числомъ», ср. «сѣче 30 тысящь» (Лавр.), «иссѣче 3 тысящи» (Радзив.); под 6496 (988) г. «и се слышавша царя» («сия же глаголы слышавша царя»), ср. «[и] слышаста царя»; «а сѣмо ю свѣрните» («оскверняеть»), ср. «и [и] паки осквѣрняете» (Радзив., Лавр.); «влѣзи оубо къ рабѣ моей», в Радзивиловской и Лаврентьевской нет «оубо»; «а изъ другое реклъ ему другую работай 7 лѣтъ», в Радзивиловской и Лаврентьевской нет «работай»; «оубоявшися сего п о г у б л е н и я», ср. «губленья» (Лавр.), «убъения» (Радзив.); подъ 6496 (988) г. «с х о д я щ е отъ Рима», ср. «соходящеся» (Радзив.), «сходящеся» (Лавр.); «есть мало

городовъ [малъ городъ]», ср. «еже мало городовъ» (Радзив.), «еже малъ городъ» (Лавр.). Под 6579 (1071) г. «онъ же нача изнова призывати», ср. «онъ же нача опять призывати» (Лавр.), «онъ же нача призывати» (Радзив.); «да аще истребивѣ и избьевѣ всихъ» («да аще истребивѣ и избѣваемь сихъ»), ср. «да аще истребивѣ сихъ»; под 6582 (1074) г. «паче же всего имѣти», ср. «паче же имѣти» (Лавр.), «паче имѣти», (Радзив.); «имѣти (имѣите) любовь в себе», ср. «имѣти к собѣ любовь в сѣмъ» (Лавр.) «имѣти любовь» (Радзив.).

К первой же редакции «Повести временных лет» возводим те чтения Ипатьевской, которые общи ей с Новгородской 1-й и Лаврентьевской, но отличаются от Радзивиловской. Ряд таких чтений приведен в III главе, на стр. 65 и сл.

Далее к первой же редакции «Повести» возводятся чтения Ипатьевской, общие ей с Новгородской 1-й и Радзивиловской, отличные при этом от Лаврентьевской. Ряд таких чтений приведен в I главе, на стр. 32 и сл.

Наконец, к первой редакции «Повести временных лет» относим предположительно те чтения, которые, хотя и не находят подтверждения в Новгородской 1-й, но тем не менее представляются более первоначальными, чем чтения других списков (Лаврентьевская и Радзивиловская летописи).

Под 6544 (1036) г. «и тако погибоша, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни», в Лаврентьевской и Радзивиловской «и тако погибоша» опущено; под 6545 (1037) г.: «се суть исходяще м у д р о с т и»; Лаврентьевская — «мости», Радзивиловская — «милости». Под 6582 (1074) г.: «е ж е м и е с и н о ч е с ь обѣщалъ», ср. «еже еси» (Лавр.), «еже ми еси» (Радзив.); «б р а т ь и о т п ѣ в ш и з а у т р е н ю ю предъ зорями идоша по кѣльямъ своимъ», в Лаврентьевской и Радзивиловской опущено; «бѣ бо имя ему мирьское чернь», ср. Лаврентьевскую «бѣ бо имя ему чернь», а в Радзивиловской опущено; «и ту моляше бога б е з п р о с т а н и д е н ь и н о щ ь», в Лаврентьевской и Радзивиловской опущено; «а се идеть к тебѣ Христосъ сь ангелы. И въставъ Исакий видѣ толпу, и лица ихь паче солнца и единъ посредѣ ихъ и сьяху отъ лица его паче всихъ; и глаголаста ему: Исакье то ти Христосъ», в Лаврентьевской опущено «сь ангелы и въставъ Исакий . . . то ти Христосъ», в Радзивиловской опущено «И въставъ Исакий . . . то ти Христосъ»; под 6597 (1089) г., «свящепа бысть церкви печерьская святыя богородица монастыря Ѳеодосьева Иваномъ митрополитомь и Лукою бѣлогородскимь епископомь, и епископомь ростовскимъ Исакемь и Иваномъ черниговьскѣмъ епископомь и А н т о н ь е м ь г у р ь г о в ь с к и м ъ и г у м е н о м ъ», подчеркнутое опущено и в Лаврентьевской и в Радзивиловской.; «азъ же пристроихъ семь дни рогалия», в Лаврентьевской «7 днiй рогалие», в Радзивиловской «7 рогальи»; «языку страньну и б е з а к о н ь н у и л у к а в н е й ш ю паче всея земля», в Лаврентьевской и Радзивиловской: «безаконьнѣйшю»; под 6600 (1092) г.: «тутенъ стонаше» ср. «станяше» (Лавр., Радзив.); под 6601 (1093) г. «подобаше бо намъ в р у ц ѣ п р е д а н ы м ъ б ы т и», в Лаврентьевской и Радзивиловской опущено. Под 6603 (1095) г. «привелъ ти ѣ богъ в руцѣ твои, чему опѣ к тобѣ всегда

ротѣ ходяще», ср. Лаврентьевскую и Радзивиловскую вместо этого «да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ»; под 6605 (1097) г. «и пріиде Давыдъ і сѣдоша в ы с т е б ц ѣ» (эти оба слова зачеркнуты в рукописи), в Лаврентьевской и Радзивиловской опущено; «яко идуть к о м н ѣ Береньдичи» и Лаврентьевской и Радзивиловской «к тобѣ»; «по семь хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера на половцѣ, и поиду, рѣхъ на половцъ, да любо налѣзу собѣ славу», ср. в Лаврентьевской и Радзивиловской: «и по семь хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера ити [Радзив.: и поиду] на половци, да любо налѣзу собѣ славу»; «но за мое узнесенье иже поидоша береньдичи ко мнѣ и веселяся сердце мое, и възвеселися умъ мой и низложи мя богъ и смѣри мя», ср. «но за мое възнесенье низложи мя богъ и смири» (Лавр.), «но за мое възношеніе богъ смири мя» (Радзив.); «и оступи градъ Бужскъ Володарь», ср. «и Володарь оступи и въ городѣ»; «а за тя можемъ ся бити, а з а с и х ъ н е б ь е м с я», в Лаврентьевской опущено, в Радзивиловской: «а не за нихъ»; «а з а в ѣ т р а в п о н е д ѣ л н и к ъ п о з о р я м ъ повѣсиша Лазоря и Василя», ср. «а заутра по зори» (Лавр., Радзив.); «Святополкъ же оступи городъ, а Д а в ы д ъ в г р а д ѣ», в Лаврентьевской и Радзивиловской опущено; «а на другое лѣто с н е м ь с т в о р и ш а к н я з и Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ», в Лаврентьевской и Радзивиловской опущено; «Володимеръ же так е с т ь любѣзнив», ср. «бяше» (Лавр.); под 6608 (1100) г. «братья вся сняшася Святополкъ, Володимеръ, Олегъ», вм. этого Лаврентьевская и Радзивиловская «братья вся Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ»; под 6610 (1102) г. «вложи богъ оу серьдце русьскимъ княземъ м ы с л ь б л а г у», в Лаврентьевской и Радзивиловской опущено; «заложенѣй Стефаномъ епископомъ бывшю ему преже игуменомъ Печерьскаго манастыря», в Лаврентьевской и Радзивиловской «заложнѣй Стефаномъ игуменомъ печерьскимъ»; и др.

Как предположено выше, первая редакция «Повести временных лет» была известна составителю Ипатьевской летописи по Киевской летописи 1198—1199 г. Но не все, что в тексте «Повести» читалось в редакции этой летописи, восходит непременно к первоначальному тексту первой редакции; весьма вероятно, что некоторые изменения в текст «Повести» были внесены составителем Киевской летописи 1198—1199 г. Поэтому некоторые чтения Ипатьевской летописи, а именно те ее чтения, которые не находят себе соответствия в других списках, могут восходить к Киевской летописи конца XII в. Затрудняюсь точно указать здесь на такие чтения, но к числу их отношу, напр., тексты статьи 6616 (1108) г. о вписании Феодосия в синодик. Весьма вероятно, что в Лаврентьевской сохранилась первоначальная редакция этой статьи; в Ипатьевской она подверглась подновлению; так, игумен Печерский Феоктист назван архимандритом игуменом, между тем Печерская обитель стала архимандритией на ранее 60-х годов XII в.; далее характер вставки имеет упоминание о житии Феодосия. Святополк обещался вписать Феодосия в синодик: «се вѣды житье его, и нача Святополкъ узвѣщати житье Феодосьево», причем слово «възвѣщати» заимствовано, конечно, из предшествующей фразы по Лаврентьевской летописи:

«и нача взвѣшати князю Святополку, дабы вписалъ Ѳеодосья в сѣнаникъ». Думаю, что переработка статьи 1108 г. сделана составителем Киевской летописи 1198—1199 г. на основании одного из источников этой летописи — Печерской летописи в редакции конца XII в. (кажется, эта редакция оканчивалась известием 1182 г. о поставлении игуменом Печерским Василия после смерти архимандрита Поликарпа).

К третьему первоисточнику — второй редакции «Повести временных лет» восходит бóльшая часть тех чтений Ипатьевской, которые, совпадая с чтениями Радзивиловской, отличаются от чтений Новгородской 1-й и Лаврентьевской. Перечень таких чтений дан выше, в главе I, на стр. 28 и сл., а также на стр. 30—31, далее в III главе на стр. 63—64. Приводя такие чтения на последних указанных нами страницах, мы указывали, что не все они могут восходить до второй редакции «Повести временных лет»: многие из них могли возникнуть в одном из промежуточных сводов, отделяющих Владимирский свод начала XIII в. от «Повести временных лет» редакции 1118 г., или даже в этом самом Владимирском своде. Единственным признаком, по которому то или иное чтение Ипатьевской, общее с Радзивиловской, должно быть возведено до самой «Повести временных лет» во второй ее редакции, служит оценка данного варианта со стороны внутреннего его смысла. Мы выделили выше, на стр. 63 чтения, с большой вероятностью восходящие ко второй редакции «Повести временных лет». Здесь укажем еще на ряд чтений общих Ипатьевской и Радзивиловской летописям, не делая при этом попытки возводить их до редакции 1118 г.; при этом однако приводим только такие чтения, которые представляются более новыми чем Лаврентьевская, ибо несомненно, что многие чтения Ипатьевской и Радзивиловской древнее чтений Лаврентьевской и таким образом могут быть возведены и к первой редакции «Повести временных лет».

Под 6559 (1051) г. «церквицю малу» вм. «церковьцю»; «отвергу [Радзив.: отъверху] вамъ хляби», вм. «отверзу вамъ хляби». Под 6582 (1074) г. «смежившъ» вм. «сомжаривъ»; «събывашеться» вм. «сбудяшеться»; под 6586 (1078) г. «ни желая б о л ш а я ч а с т и» (Радзив.: «большея чти») вм. «болшее волости»; под 6597 (1089) г. «и пристрою въ нѣй велику створи» вм. «и пристрои ѣ великою пристроею»; «заложи же церковь на воротехъ святаго Федора» вм. «заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Ѳедора»; «и святаго Андрѣя у церкве у воротъ и городъ каменъ и строенна баня камяна» вм. «и посемь святаго Андрѣя у церкве отъ воротъ и строенье баньное»; «и въкраси городъ переяславьскыи зданьи церковными» вм. «и градъ бѣ заложилъ каменъ, отъ церкве святаго мученика Ѳеодора»; под 6599 (1091) г. «и женѣ» вм. «къ подружью»; «и въ любви живяста» вм. «и въ любви межи собою пребываста»; «н а л ѣ в о й странѣ» вм. «на шюей»; «молчаньемь взвышаяся, смиреньемь украшаяся» вм. «молчаньемъ възвышаяся смѣреньемъ и украшаяся, в словесѣхъ книжныхъ веселуяся»; «и вздержаньемь ревнуя и послѣдьствуя обычаю его» вм. «подобяся житью его и въздержанью ревнуя, послѣдьствуя обычаю его»; под 6601 (1093) г. «плачь великъ у городѣ» вм. «плачь в градѣ, а не

радость»; «да нѣколи смирившеся» вм. «да негли встягнувшеся»; «изъ сего села» вм. «азъ сея вси»; под 6604 (1096) «и инии князи мнози ту падоша» вм. «и инни князи мнози врази наши ту падоша»; «и зажгоша п о п ѣ с к у около города» вм. «болонье»; «у з в р а т и л с я (в з в р а т и с я) к Ростову» вм. «вспятился»; под 6605 (1097) г. «противу Володарови» вм. «противу Василкову брату Володарю»; под 6608 (1100) г. «до кого ти обида» (в Радзив. опущено) вм. «до кого ти насъ жалоба»; под 6610 (1102) г. «и сия видяще знаменья, б л а г о в ѣ р н ѣ и ч е л о в ѣ ц и съ въздыханьемь моляхуся богу съ слезами» вм. «благовѣрнии черньци»; и др.

Далее к третьему источнику — второй редакции «Повести временных лет» восходят те статьи Ипатьевской летописи, которые отмечены нами выше на стр. 63: в этих статьях видим вставки в древний текст «Повести временных лет».

К четвертому первоисточнику — Владимирскому полихрону начала XIV в. возводимъ, во-первых, те общие чтения Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, которым противополагаются чтения Радзивиловской и Новгородской 1-й. Перечень таких чтений сообщен нами выше в главе III, на стр. 61. Сюда же относим те случаи, где явно ошибочным или подновленным чтениям Ипатьевской и Лаврентьевской соответствует более древнее, более первоначальное чтение в Радзивиловской (при отсутствии соответствия в Новгородской 1-й). Радзивиловская в этих случаях следует очевидно древнему тексту «Повести временных лет», который в Полихроне — общем источнике Ипатьевской и Лаврентьевской — передан неисправно или с редакционной поправкой.

Под 6573 (1065) г. «въ Африкии» вм. «въ Фракии» (Радзив.); под 6582 (1074) г. «и аще прилпяше [прилняше] кому цвѣтокъ поющихъ отъ братья» («кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья») вм. «и аще прилпе к кому лепокъ отъ поющихъ братьи»; под 6604 (1096) г. «Мьстиславъ же перешедъ пожарь с новгородцѣ», вм. «Мстиславъ же прешедъ пожаръ с новгородци сседоша с коней новгородци» (Радзив.); под 6583 (1075) г. «сице ся похвали Езекии царь Іюдѣискии к Соломону царю Асуринску» (Лавр.: «цесаря Асурийска)», причем «Соломону» — ошибка вм. «съломъ»; под 6479 (971) г. «они же п о с л у ш а его» вм. «послушаша»; под 6582 (1074) г. «десятина отъ т ѣ л а даена богу» вм. «лѣта»; под 6600 (1092) г. «и тако оуязьвляху люди п л о т ь с к ы я» вм. «полотскыя»; под 6611 (1103) г. «по проливашете (Ипат. исправлено в «проливаете», Лавр. «проливашеть») кровь хрестьяньску», и др.

Далее к Полихрону возводим и некоторые такие чтения Ипатьевской, которые не подтверждаются Лаврентьевской. Сюда относим, между прочим, ряд фактических прибавок. Так, под 6496 (988) г. церковь, выстроенная Владимиром в Корсуне на горе, которую насыпали корсуняне при осаде их города Владимиром, названа церковью Иоанна Предтечи: «Повесть временных лет» в 1-й редакции, как видно из согласного показания Лаврентьевской и Новгородской 1-й, не знала этого имени; не знала его и вторая редакция «Повести», как можно заключать из Радзивиловской; по этому самому вероятно возводить указанную прибавку к Полихрону,

ибо Полихрон, кроме летописей, пользовался и другими источниками. Под 6552 (1044) г. при имени церкви богородицы, где погребены были кости князей Ярополка и Олега, прибавлено «в Володимѣри». Под 6558 (1050) г. указан день смерти жены Ярослава — 10 февраля. Под 6562 (1054) г. в рассказе о кончине Ярослава в первой редакции «Повести», как видно из согласного показания Лаврентьевской и Новгородской 1-й, было опущено указание, где во время ее находился старший Ярославич Изяслав: ср. Лаврентьевскую: «Изяславу тогда сущю» (и то же в Новгородской 1-й); в Ипатьевской читаем: «Изяславу тогда в Туровѣ князящю»; думаю, что догадка относительно того, где был Изяслав во время смерти отца, принадлежит составителю Полихрона; Радзивиловская летопись не дает основания предполагать, чтобы эта поправка восходила ко второй редакции «Повести временных лет». Под тем же годом в Ипатьевской указан день смерти Ярослава — 20 февраля; согласие в данном случае Ипатьевской с позднейшими сводами (ср. Воскр. и др.) делает вероятным, что вставка эта читалась в Полихроне и обязана своим появлением его составителю. Под 6578 (1070) г. к словам «заложена бысть церкви святаго Михаила в манастырѣ Всеволожи» в Ипатьевской, согласно с Полихроном (сошлюсь опять на Воскр. и др.), прибавлено «на Видобычи». Под 6581 (1073) г. в Ипатьевской сообщается, что Печерская церковь основана князем Святославом Ярославичем и игуменом Феодосием, между тем в Лаврентьевской и др. опущено указание на непосредственное участие Святослава: и здесь, повидимому, имеем дело с догадкой составителя Полихрона, который мог иметь в виду относящиеся к этому событию известия других источников. Под 6583 (1075) г. днем окончания Печерской церкви названо 1 июля, между тем как в Лаврентьевской — 11, а в Радзивиловской — 3 июля. Под 6607 (1099) г. днем мирного соглашения в Уветичах показано в Ипатьевской 14 августа, а не 10, как в Лаврентьевской. Быть может, к Полихрону же возводится указание Ипатьевской летописи на то, что Владимир крестился в Корсунской церкви Софии; согласное показание Лаврентьевской и Новгородской 1-й свидетельствует о том, что по первой редакции «Повести временных лет» он крестился в церкви Василия (или в Василицѣ, ср. в Новг. 1-й «св. Василиска»); судя по Радзивиловской, вторая редакция заменила Василия богородицей; появление Софии предполагает наличность у составителя Ипатьевской такого источника, который подверг летописную статью о крещении Владимира некоторой переработке, а таким именно источником был Полихрон; правда, в позднейшей редакции Полихрона (как видно из Новгор. 4-й, Соф. 1-й, Воскр. и др.) Корсунская церковь была названа Иаковом, но, как мы увидим ниже, в редакции Полихрона 1423 г. сказание о крещении Владимира было сильно переработано и подверглось вставкам и дополнениям из других источников.

Рассмотрев чтения Ипатьевской летописи, обязанные влиянию ее источников, мы переходим к тем чтениям ее, которые возникли по домыслу или по ошибке ее редактора. Остановимся на распространениях текста, на пропусках, подновлениях текста и на явных ошибках.

Распространение текста (амплификация) — этот обычный прием позднейших летописных сводов может быть указан в Ипатьевской летописи для целого ряда случаев.

Под 6370 (862) г. «иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду по праву», вм. «рядилъ [судилъ] по праву». Под 6391 (883) г. «поча на нихъ дань имать» вм. «имаше на нихъ дань». Под 6406 (898) г. «вси възглаголють языкы различными величья божья», в Лаврентьевской и Радзивиловской нет «различными». Под 6453 (945) г. «то относить по единои все стадо» вм. «то выносить все стадо». Под 6454 (946) г. «велми дѣтескъ» вм. «дѣтескъ»; «лѣто цѣло» вм. «лѣто»; «отмщения творити» вм. «мьщати». Под 6463 (955) г. «смыслену велми» вм. «смыслену»; «аще кто хотяше волею крестителя» вм. «аще кто хотяше креститися». Под 6455 (947) г. после «и по Лузѣ» перед словами «и дань и оброкы» вставлено «погосты». Под 6473 (965) г. «и бывши брани межи ими» вм. «и бывши брани». Под 6476 (968) г.: «и рече единъ отрокъ: азъ могу преити; горожане же ради быше ркоша отроку: аще можеши како ити, иди». Под 6496 (988) г. после «им же привѣдение обрѣтохомъ вѣрою» прибавлено «князя нашего Володимера». Под 6488 (980) г. «и бѣжи изъ града» вм. «избѣгъ». Под 6505 (997) г. «и нелзѣ Володимеру помочи, и не бѣ лзѣ поити ему, и еще бо ся бяхуть не собрали к нему вои» вм. «и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него». Под 6494 (986) г. «и разгнѣвася богъ на Израиля велми», в Лаврентьевской и Радзивиловской нет «велми». Под 6453 (945) г. «не ѣдемъ ни на конехъ ни на возѣхъ ни пѣшь идемъ», последних трех слов нет в Лаврентьевской и Радзивиловской. Под 6496 (988) г. «посла послы своя по всему граду», «своя» нет в Лаврентьевской и Радзивиловской. Под 6500 (992) г. «и посла по нь борзо» вм. «посла по нь». Под 6505 (997) г. «повелѣ росытити воду велми» вм. «повелѣ росытити велми»; ниже «и вариша кисель и яша» вм. «и вариша и яша». Под 6527 (1019) г. «не можаше сѣдѣти на кони» вм. «не можаше сѣдѣти»; в концѣ года: «Ярославъ же пришедъ сѣде в Киевѣ» вм. «Ярославъ же сѣде Киевѣ». Под 6545 (1037) г. «и наслажаються оучения божественаго гласа», в Лаврентьевской и Радзивиловской нет «гласа»; «сии же Ярославъ сынъ Володимерь» вм. «сь же». Под 6562 (1054) г. «братья одиного отца и единой матери» вм. «братья единого отца и матере». Под 6569 (1061) г. «се бысть первое зло на «Руськую землю отъ поганѣхъ», в Лаврентьевской и Радзивиловской нет «на Руськую землю». Под 6579 (1071) г. «и снѣде кудесьнику» вм. «и снѣсть ихъ»; «на порозѣ тоя храмины вь сторонѣ»; в Лаврентьевской и Радзивиловской нет «въ сторонѣ»; «иже волъшествомъ твораше повелѣ псомь человѣческы глаголати», в Лаврентьевской и Радзивиловской «повелѣ» опущено; «и бысть мятежь великъ вельми» вм. «и бысть мятежь великъ». Под 6582 (1074) г. «и ту моляше бога безпрестани день и ночь» вм. «и ту моляше бога». Под 6586 (1078) г. «в раку камяну и моромряну» вм. «в раку мраморяну». Под 6586 (1078) г. «аще ли кто дѣеть: киянѣ исѣклъ, которѣи же высадили Всеслава ис поруба» вм. «аще ли кто дѣеть вы: сѣчець исѣче». Под 6597 (1089) г. «смиренъ же оумомъ» вм. «смѣренъ». Под 6600 (1092) г. «предивно бысть чюдо оу Полотьскѣ» вм. «предивно бысть

Полотьскѣ». Под 6601 (1093) г. «четвергу великому» вм. «четвертку»; ниже «въ день святаго възнесенья» вм. «день възнесенья». Под 6603 (1095) г. «и начаша думати дружина Ратиборова чадь» вм. «дружина Ратиборя». Под 6604 (1096) г. «и нача Володимеръ хотѣти порядити дружины» вм. «и хотѣ Володимеръ порядити дружины». Под 6605 (1097) г. «плачемъ великомъ и стонаньемъ великомъ» вм. «плачемъ великимъ и стенаньемъ». Под 6611 (1103) г. «и не могоша противу ему отвѣщати» вм. «и не могоша отвѣщати». Под 6530 (1022) г. «и вынемь ножь оудари и вь гортань ножемь и ту бысть зарѣзанъ Ределя» вм. «и вынзе ножь и зарѣза Ределю».

Укажу на несколько пропусков, обязанных по всей вероятности редактору Ипатьевской летописи.

Под 6370 (862) г. после «и отъ тѣхъ варягъ прозвася Руская земля» опущено не совсем вразумительное место, читаемое в Лаврентьевской так: «ти суть людье новгородьци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни»; возможно, впрочем, что пропуск этот возник уже во второй редакции «Повести временных лет» и что таким образом этих слов не было уже в Полихроне начала XIV в. Под 6393 (885) г. в числе племен, покорных Олегу, опущены «сѣверяне». Под 6450 (942) г. в конце известия о кончине Семеона опущено «болгаромъ». Под 6449 (941) г. после «мьного же и святыхъ церквии огьневи предаша» опущено «манастырѣ и села пожьгоша». Под 6453 (945) г. опущено слово «ротѣ» в фразе «а хрестьяную Русь водиша ротѣ въ церковь святаго Ильи». Ниже перед «ркоша дружина» опущено «в се же лѣто»; ниже после «связоша меды многы зѣло» опущено «и възвариша». Под 6463 (955) г. после «Леонтовъ» опущено:« и приде к нему Ольга». Под 6475 (967) г. после «бившимъся» опущено «обоим». Под 6476 (968) г. после «а по мнѣ идеть вои» опущено «съ княземъ моимъ». Под 6479 (971) г. после «и послаша ему мечь и ино оружье» опущено «и принесоша к нему»; после «и рече Святославъ прочь зря» опущено «отрокомъ своимъ». Под 6488 (980) г. опущены слова воеводы Блуда к посланным Владимира: «тобѣ в сердце и въ приязньство» (в Хлебн. вместо этого: «пріати», а в Ипат. позже над строкой: «ти въ приязнь)»; ниже после «затворивъся с Ярополкомъ» опущено «льстя ему»; ниже после «привожаху сыны своя» опущено «и дъщери»; ниже в перечне сыновей Владимира опущено, после Святослава, «и Мьстислава»; ниже после «егда кдѣ будеть» опущено: «вси свои ся одѣни будуть». Под 6491 (983) г. после «на ятвягы» опущено «и побѣди ятвягы». Под 6494 (986) г. после «отвѣржени бога», опущено «и расточени», ниже после «бы богъ любилъ васъ» опущено «и законъ вашь»; ниже после «отъ совокупления мужьска» и опущено «и женьска»; ниже после «распяту быти» опущено «и погребену»; ниже после «послушати» опущено «да скажюти»; ниже, в речи философа, после «изидевѣ на поле» опущено «и послуша его Авель»; ниже после «оудари и» опущено «вземъ камень»; ниже после «по двоему отъ всѣхъ» опущено «скотъ, и отъ всѣхъ птиць и от всѣхъ»; ниже, после «възрѣвъ на небо» опущено: «и видѣ звѣзды и небо»; ниже после «и зача» опущено «и роди сына» (Агарь); ниже, после «оуби егупьтянина» опущено «обидящаго еврѣянина»; ниже после «помиловашеть ихъ и» опу-

щено «егда избавяшеть ихъ». Под 6495 (987) г. после «и придохомъ в нѣмцѣ и видихомъ» опущено «въ храмѣхъ многи». Под 6496 (988) г. после «еда како обратить богъ» опущено «тобою»; ниже после «единемь рожниемь» опущено «старѣи [сы]»; ниже после «пребывь еже бѣ» опущено «бысть еже не бѣ»; ниже в числе отцовъ, бывшихъ на третьемъ соборе, опущен «Ювеналій Іерусалимскій»; еще ниже после «вѣтръ на рѣнь» опущено «и оттолѣ прослу Перуня рѣнь». Под 6501 (993) г., после «за три лѣта» опущено «аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта»; ниже после «и налѣзоша волъ [быкъ]» опущено «великъ и»; ниже после «облѣщися въ оружье» опущено «и приступиша ту обои». Под 6505 (997) г. после «хотять ся передати» опущено «и пояша у нихъ тали». Под 6523 (1015) г. после «оканьныи же» опущено «посланыи» (Горясѣръ); после «ся хвалити о злобѣ силне и безаконье» опущено «весь день». Под 6530 (1022) г. после «и жену мою» опущено «и дѣти моѣ». Под 6536 (1028) г. опущено известие «Знамение змиевъ явися на небеси, яко видѣти всей земли». Под 6551 (1043) г. после «Володимеръ же видивъ» опущено «с дружиною». Под 6559 (1051) г. после «вьзложи ему богъ» опущено «в сердце» (или «на умъ»); ниже после «и видѣ манастыря сущая ту» опущено «и обиходивъ»; ниже после «не имѣ злата ни сребра» опущено «но стяжа». Под 6561 (1053) г. после «родися сынъ» опущено и «нарече имя ему». Под 6579 (1071) г. после «чюдеса творяшеть противу Моисѣеви» опущено «но вскорѣ не взмогоста противу Моисеови»; ниже после «дружина его» опущено «идоша и [сташа]». Под 6582 (1074) г. после «проображено бысть Адаму» опущено «первое»; ниже, после «недостоинѣ суще того видѣния» опущено «но се по истѣнѣ». Под 6584 (1076) г. после «и положенъ бысть» опущено «в Черниговѣ». Под 6586 (1078) г. после «і бывшимъ имъ на мѣсьтѣ» опущено «у села»; ниже после «и възложиша» опущено «тѣло его» («на санѣ»); ниже после «подьяхъ отъ ваю» опущено «не вдасть». Под 6599 (1091) г. после «плотьскыхъ» опущено «страстии и» («сластии»); ниже в конце года после «оу Ростовѣ» опущено «иже вскорѣ». Под 6600 (1092) г. после «посѣченъ [читай: пѣсоченъ] Прилукъ» опущено «переволоку»; ниже после «і многа села повоеваша» опущено «по обѣма странама»; ниже после «продающимъ» опущено «корсты яко продахомъ». Под 6601 (1093) г. после «сии благовѣрный князь Всеволодъ бѣ измлада» опущено «боголюбив»; ниже, в конце года, после «и сродникомъ своимъ» опущено «мъного роду хрестьянска стражюще печални»; ниже после «родъ свои повѣдающе» опущено «и въздыхающе»; ниже после «яко ненавидіми богомь есмы» опущено «да не будеть». Под 6603 (1095) г. после «на синици оу Ратибора» опущено «с дружиною своею»; ниже опущено указание дня смерти Итларя и его дружины: «февраля въ 24 день». Под 6604 (1096) г. после «друзни же в городъ» опущено «Олегъ же вниде в городъ»; въ конце года после, «а Мьстиславъ» опущено «пришедъ». Под 6605 (1097) г. после «на молбу» опущено «княгинину»; ниже, после «черноризецькии чинъ любя» опущено «и черници любя»; ниже, в конце года, после «на заборолѣхъ» опущено «сквозѣ доску» («скважнею»); еще ниже после «и посади» опущено «в немъ» («сына»). Под 6606 (1098) г. опущено «якоже и в преж-

нее лѣто сказахъ». Под 6607 (1099) г. после «июня 12 день» опущено «в лѣто 6608»; ниже после «Святополкъ Путяту Володимеръ» опущено «Орогостя и»; ниже, в конце года, после «и буди вамъ» опущено «едина власть» («Перемышль»). Под 6609 (1101) г. после «мѣсяца сеньтября въ 15 день» опущено «и разидошася разно». После 6610 (1102) г. после «якоже скажемъ» опущено «послѣ же». Под 6611 (1103) г. вм. «яко не веремя нынѣ»—«не веремя»; ниже после «Давыдъ Святъславичь» опущено и «Давыдъ Всеславичь»; ниже после «и въстерегоша» опущено «русскихъ сторожеве». Под 6614 (1106) г. после «яже вписахъ в лѣтописицъ» опущено «отъ него еже слышахъ». Под 6618 (1110) г. после «сесь же столпъ» опущено «первѣе».

Отмечу наконец случаи подновления древнего языка в Ипатьевской летописи. В начале: «возьмуть вѣникы и начнуть хвостатися» вм. «возмуть на ся прутье младое [возьмуть вѣтвие] и бьються сами». Под 6360 (852) г. «на предлежащее възъвратимся» вм. «прежнее». Под 6463 (955) г. «призва ю цесарь» вм. «возва». Под 6406 (898) г. «книжнаго разума» вм. «образа». Под 6387 (879) г. «бяше бо молодъ вѣлми» вм. «дѣтескъ» (Лавр.), «малъ» (Радзив.); под 6390 (882) г. «Игоря молода» вм. «дѣтьска». Под 6406 (898) г. «борзописца велми» вм. «борзописца зѣло». Под 6453 (945) г. «пережьгоша мовницю» вм. «истопку» («истьбу»); «друзѣ наши» вм. «дружина»; ниже «отъиде прочь» вм. «кромѣ»; ниже «отрокомъ» вм. «дружинѣ [своей]». Под 6463 (955) г. «смертью да оумреть» вм. «смерть прииметь». Под 6476 (968) г. «своея ся лишивъ» вм. «охабивъ». Под 6478 (970) г. «милостьницѣ Ольжины» вм. «ключницѣ Ользины». Под 6479 (971) г. «прочь зря» вм. «кромѣ зря»; ниже в договоре: «ни збираю людий» вм. «вой». Под 6465 г. «отступи прочь из града» вм. «отступи кромѣ из града». Под 6485 (977) г. «красы дѣля лица ея» вм. «красоты ради лица ея». Под 6488 (980) г. «приступати къ городу бранью» вм. «пристряпати къ граду бранью»; ниже «локти же свои оутвѣржаеть на веретено» вм. «устремляеть»; ниже «руцѣ свои отвѣрзаеть оубогимъ» вм. «простираеть». Под 6493 (985) г. «симъ дани намъ не платити» вм. «не даяти». Под 6392 (884) г. «дани даяти» вм. «дани платити». Под 6495 (987) г. «послѣди же не можеть горести прияти» вм. «послѣди горести не приимаеть». Под 6494 (986) г. «плещи мои дахъ на раны» вм. «хребетъ»; «и совокупляеться не раздѣлна» вм. «неразмѣсно». Под 6500 (992) г. «не вѣмь» вм. «не вѣдѣ»; «вьскликоша Русь» вм. «кликнуша». Под 6505 (997) г. «по вѣрхъниѣ воѣ» вм. «верховниѣ»; ниже в конце года «да видите своима очима» вм. «да узрите своима очима». Под 6504 (996) г. «д о и т и двора моего» вм. «долѣсти». «Братившюся с воины» вм. «съ вои». Под 6527 (1019) г. «и не бѣ никого же вь слѣдъ ж н у щ а г о» вм. «гонящаго». Под 6542 (1034) г. «и бысть единовластець Рускои земли» вм. «самодержець» («самовластець»). Под 6523 (1015) г. «на Смядинѣ в корабли» вм. «в насадѣ». Под 6576 (1068) г. «кунами и с к о р о ю» вм. «бѣлью». Под 6579 (1071) г. «вѣ два вѣдаевѣ» вм. «вѣ вѣвѣ» (Лавр.), «мы вѣдаемъ» (Радзив.); «все вѣдаю» вм. «провѣдѣ вся» (два раза); «повѣсиша я на древѣ» вм. «на дубѣ»; там же «родичь» вм. «рожение»; ниже «повѣси» («крестъ») вм. «постави». Под 6580 (1072) г. «вземше н а п л е щ и своя», вм. «на рамѣ». Под 6582 (1074) г.

«взимая из лона цвѣтокъ» вм. «лѣпокъ»; ниже «одерти мѣшькомь козелъ» вм. «мѣхомъ»; ниже «бѣ же ядение его» вм. «ядь»; ниже «перекрѣстися» вм. «знаменаше лицо свое крестнымъ образомъ». Под 6586 (1078) г. «з а п о г и б л ы я душа хрестьяньскѣ» вм. «погубленыя». Под 6598 (1090) г. «се м е р т в е ц ь пришелъ» вм. «навье» (как Радзив.). Под 6599 (1091) г. «рукалью» вм. «рогалью»; ниже «и азъ тотъ часъ протяхъ на мощи Федосьевы» вм. «и азъ в тъ чинъ прокопахъ на мощѣ Ѳеодосьевы»; ниже «людемь кликнувшимъ» вм. «кличаномъ». Под 6601 (1093) г. «измлада» вм. «издѣтска»; «плачь по всимъ оулицамъ о у м н о ж и с я» вм. «упространися»; ниже «побледнѣвше лици» вм. «опустнѣвши лици»; ниже н а м о р о з ѣ держими» вм. «н а з и м ѣ». Под 6603 (1095) г. «с лучшею дружиною» вм. «лѣпшею»; ниже «и начаста гнѣватися на Олга» вм. «гнѣвъ имѣти». Под 6604 (1096) г. «ать рядъ учинимъ» вм. «да порядъ получимъ»; ниже «передъ горожаны» вм. «предъ людми градьскыми»; ниже «ни на поганыя идеши с нама ни на думу» вм. «ни на совѣтъ к нама»; ниже «межи путемъ г р я д у щ и м ъ на Берестовое» вм. «идущимъ»; ниже «но мы на прежерѣченое оуворотимся» вм. «на предняя взвратимся». Под 6607 (1099) г. «сѣдяше о п р о ч ь» вм. «кромѣ». Под 6609 (1101) г. «заступи и в городѣ» вм. «заста и в градѣ». Под 6611 (1103) г. «а к о б ы л о у его поиметь» вм. «лошадь». Под 6614 (1106) г. «в лѣтописець» вм. «в лѣтописаньи семь», ср. в начале летописи: «Глаголеть Георгии в л ѣ т о п и с ь ц ѣ» вм. «лѣтописаньи».

Отметим еще несколько особенных чтений Ипатьевской летописи. В начале: «по р а з д р у ш е н і и же столпа» вм. «размѣшеньи». Под 6390 (882) г. «поставилъ б о ж н и ц ю святаго Николы» вм. «церковь» (Лавр. и Коммис. списки Новг. 1-й). Под 6477 (969) г. «похваляему правѣдному възвеселятся людье» вм. «похвала праведному» (Лавр. и Коммис.). Под 6479 (971) г. «суть бо грѣци м у д р и и до сего дни» вм. «льстиви». Под 6390 (882) г. «п р и с т у п л ь подъ оугорьское» вм. «приплу». Под 6392 (884) г. «дани даяти» вм. «дани платити». Под 6406 (898) г. «н а м ѣ с т ѣ святаго апостола Андроника» вм. «на столѣ». Под 6453 (945) г. «да вдаите ми се малое» вм. «да сего у васъ прошю мала»; ниже «старѣишины же города и ж ь ж е» вм. «изыма». Под 6463 (955) г. «благословена ты еси в Р у с ь к ы х ъ к н я з е х ъ» вм. «в женахъ Рускихъ» (как в Радзив. и Коммис. списках). Под 6479 (971) г. «не имамъ оубѣгнути» вм. «оубѣжати». Под 6485 (977) г. «вижь иже ты сего хотяше» вм. «вижь сего ты еже [в Радзив. опущено] еси хотѣлъ». Под 6488 (980) г. «и осквѣрнися т р е б а м и земля русская» вм. «кровьми». Под 6494 (986) г. в речи философа «хотѣ оумьчати идолъ» вм. «вымчати идолы»; ниже «а Яковъ правдивъ» вм. «праведенъ»; «ядохомъ мяса и тукъ и хлѣбъ до сытости» вм. «мяса, лукъ и хлѣбы до сыти»; «по сихъ же с л у ж а ш е Илии» вм. «судяше»; ниже «изволи ходита в ъ з а в ѣ т ѣ господни» вм. «законѣ»; «не помяну с ъ г р ѣ ш е н и я ихъ» вм. «безаконья»; «се въ оутробѣ дѣвая зачатъ и родить сынъ» вм. «се дѣвица въ утробѣ зачнеть»; «избиша младениць 14 тысоущь» вм. «избіша младенца»; «и ина многа чюдеса в е л и к а» вм. «велья»; «тако же и богъ

отмѣстьє с т в о р и» вм. «дая». Под 6495 (987) г. «въ храминѣ рекше в ропатѣ» вм. «въ храмѣ»; «то не бы баба твоя Олга прияла крещения»; в Лаврентьевской и Радзивиловской «крещения» опущено. Под 6496 (988) г. «посласта вѣсть» вм. «въздаста вѣсть»; «за поганыя посягате и даяте» вм. «за поганыя даяти»; «по божью же строенью» вм. «строю» (Радзив.), «устрою» (Лавр.); ниже «а семо ю сквѣрвиге» вм. «и [а] паки осверняеге»; ниже «правяху вѣру» вм. «прославляху» (Лавр.), «исправляху» (Радзив.); ниже «по семемь же сборѣ» вм. «по семь же сборѣ»; ниже в конце года «къ владыцѣ богу нашему» вм. «к господу богу нашему»; «п о е м ъ въ Троици» вм. «пѣваемъ». Под 6501 (993) г. «о у с р ѣ т ѣ я на Трубеши» вм. «срете». Под 6504 (996) г. «и рече епископъ Володимеру» вм. «и рѣша епископи Володимеру». Под 6505 (997) г. «бѣ бо рать велика бес переступа» вм. «бес перестани»; «что ради створиша вѣче» вм. «что ради вѣче было». Под 6523 (1015) г. «отъ супротивнаго в р а г а» вм. «дьявола»; ниже в тексте псалма «в ъ з в р а т и ш а с я грѣшници въ адъ» вм. «да възвратятся». Под 6524 (1016) г. «и вьсю нощь оупившься с дружиною своею», «оупившься» вм. «пилъ бѣ» (Лавр.), «пивъ» (Радзив.). Под 6526 (1018) г. «пропоремь трескою чрево твое» вм. «прободемъ»; ниже «разведете дружину мою по городомъ на кормъ» вм. «на покоръмъ». Под 6527 (1019) г. «и совокупишася обои» вм. «и сступишася обои»; ниже «есть же могила его в пустыни тои и до сихъ днии», вм. «и до сего дне»; «н а п о к а з а н и е княземь рускым» вм. «на наказанье». Под 6532 (1024) г. «д о н е л е ж е смиристася» вм. «дондеже». Под 6542 (1034) г. «вь церкви святаго спаса ю ж е с о з д а л ъ с а м ъ» вм. «юже самъ заложилъ». Под 6545 (1037) г. «и прѣкладаше отъ грѣкъ на словеньскыи языкъ», вм. «на словѣньское писмо». Под 6559 (1051) г. «постави Ярославъ Лариона митрополитомъ Руси» вм. «Русина»; ниже «и походи по манастыремь» вм. «ходи»; ниже «и не могущимъ имъ вмѣститися» вм. «и не имущимъ ся вмѣстити»; ниже «и оттолѣ начаша звати манастырь Печерьскыи» вместо «и оттолѣ почаша [поча] Печерский манастырь». Под 6562 (1054) г. «имѣите межи собою любовь», вм. «имѣите в собѣ любовь»; ниже «поповѣ по обычаю пѣсни пѣвше» вм. «попове поюще обычныя пѣсни». Под 6563 (1055) г. «и возвратишася в ь с в о я с и» вм. «вспять отнюду же пришли». Под 6573 (1065) г. «и вьзвратися в ь с в о я с и» вм. «опять» (Радзив. «за ся»); ниже «ключися внезапу» вм. «случися»; ниже «се же я в л я ш е нахожение Антиохово» вм. «проявляше». Под 6574 (1066) г. «Ростиславу с ѣ д я щ у вь Тмуторокани» вм. «сущю»; ниже «оурекъ смерть д о о с м и д н и и» вм. «до дни осмаго» (Радзив.), «до дне семаго» (Лавр.). Под 6576 (1068) г. «попусти богъ на ны поганыя» вм. «пусти»; ниже «не хощеть зла вь человѣцѣхъ» вм. «человѣкамъ»; ниже «а сердце ваше далече отстоить отъ мене», «ваше» вм. «ихъ» (Лавр. и Радзив.). Под 6579 (1071) г. «прельстилъ васъ есть д ь я в о л ъ» вм. «бѣсъ»; ниже «то вамъ право молвять бози ваши» вм. «то ти вама право повѣдали»; ниже «они же поимше я и з б и ш а», вм. «убиша»; «нача изнова призывати бѣсы» вм. «опять»; «бѣсовьская в о л ъ х в о в а н и я» вм. волъшвенья»; «п о б ѣ д и т и епископа» вм. «погубити» («побити», Радзив. и Коммис.). Под 6580 (1072) г.

«створивше праздникъ свѣтелъ» вм. «створше праздникъ праздноваша свѣтло»; «звати господи помилуй» вм. «възвати [возывати]». Под 6582 (1074) г. «во оустѣхъ п с а л о м ъ Давыдовъ» вм. «псалтырь»; «в о з м я малъ [мало] коврижекъ» вм. «взимая»; «игуменомь п о с т а в и т и с е б ѣ» вм. «имѣти собѣ»; ниже «и с ѣ д о ш а оу него» вм. «присѣдяху»; «сему даръ д а н ъ отъ бога» вм. «дарованъ»; «провидѣ будущая» вм. «проповѣдаше предибудущая»; «выскочилъ есть чресъ столпие» вм. «скочилъ чрес столпие»; «бѣ же я д е н и е его» вм. «ядь». Под 6585 (1077) г. «в з ы и д е противу брату» вм. «иде». Под 6586 (1078) г. «совокупившимъся обоимъ» вм. «сступившимся обоимъ». Под 6597 (1089) г. «не боудеть т а к и и» вм. «сякъ». Под 6599 (1091) г. «въ т[ъ] же часъ» вм. «о се чинь». Под 6600 (1092) г. «много знаменія бываху п о з е м л ѣ» вм. «по мѣстомъ». Под 6601 (1093) г. «лукавнеишю паче всея земля» вм. «безаконьнѣйшю всея земля»; ниже «я к о ж е с о г р и ш и х о м ъ такъ и стражемъ» вм. «яко же створихомъ»; «не мьстить богъ господь д в о и ч ѣ о томь» вм. «дважды»; «и тако с ъ в ъ п р о ш а х у с я» вм. «съвъспрашаються»; «часто с о г р ѣ ш а я б ы в а ю» вм. «согрѣшаю». Под 6604 (1096) г. «нѣсть лѣпо судити епископомъ и черньцемъ или смердомъ» вм. «нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ». Под 6605 (1097) г. «и бяше знати рану ту на лици ему» вм. «и есть рана та на Василкѣ и нынѣ»; ниже «а ныне кая вина до него» вм. «а нынѣ яви вину его»; ниже «нача извѣтъ т в о р и т и» вм. «имѣти»; «ляхове же обѣщашася с е с т в о р и т и» вм. «обѣщашася ему помогати»; «в а д и т ь ны Святополкъ на снемъ» вм. «вабить». Под 6607 (1099) г. «до кого ти обида» вм. «до кого ти на насъ жалоба». Под 6609 (1101) г. «затворися Ярославъ Ярополчичь оу Берестьи» вм. «заратися Ярославъ Ярополчичь Берестьи». Под 6611 (1103) г. «не время веснѣ воевати» вм. «негодно нынѣ веснѣ ити»; «а сего чему не р а с м о т р и т е» вм. «промыслите»; ниже «Олегъ не послуша сего» вм. «не въсхотѣ сего»; «и пѣши потекоша к нимъ» вм. «и пѣши поидоша к нимъ». Под 6607 (1109) г. «и вчиниша над нею божьницю» вм. «и здѣлаша над нею божонку».

Перечислим некоторые явные ошибки Ипатьевской летописи (повторяющиеся и в Хлебниковской).

Под 6360 (852) г. «до смерти Ярополчи» вм. «Святополчи»; под 6477 (969) г. «защитилъ бо есть с и л о ю блаженую Ольгу» вм. «сию»; под 6578 (1070) г. «родился о у В с е с л а в а сынъ» вм. «оу Всеволода»; под 6579 г. (1071) «ту же н а ч а с т а лучьшия жены» вм. «нарекаста»; под 6496 (988) г. «Лука бо еуангелистъ первое посла в ь м и р ъ» вм. «в Римъ». Под 6577 (1069) г. «аще ли хощеши г н ѣ в о м ъ и т и» вм. «гнѣвъ имѣти»; под 6580 (1072) г. «мая в 20» вм. «2»; под 6582 (1074) г. «друзии же д а р ы ему даяху» вм. «раны»; под 6599 (1091) г. «п о с ѣ щ е н ь е м ь преоузвысився» вм. «пощеньемь»; под 6601 (1093) г. «м н о г о в ѣ н о имуще раны» вм. «многовещныа»; ниже «а щ е бѣхъ сего города» вм. «азъ»; под 6605 (1097) г. «оуже б ѣ ж а оу него берестьяне и пиняни и в ы ш е г о р о д ц и» вм. «иже бѣша оу него берестьяне и пиняне и выгошевци»; под 6604 (1096) г. «и ростовци вдашася ему и П е р е я с л а в ц ѣ всю землю Муромьскую» вм. «перея»;

под 6611 (1103) г. «и великии богъ вложи в ж а л о с т ь велику оу Половцѣ» вм. «оужасть» («вбрасть»).

Необходимо еще указать на поправки и дополнения, внесенные в Ипатьевский список позднейшим читателем. Некоторые из них обязаны быть может догадкам, домыслам, но бо́льшая часть их заимствована из другого летописного свода. Особенно характерна поправка в известии 6614 (1106) г. Это известие изложено так: «Повоева половци около Зарѣчьска и посла по нихъ Святополк Яня, Иванка Захарьича и Козарина; и въгонивьше Половцѣ до Дуная, полонъ отъяша а Половцѣ а полонъ отъяша». Позже «повоева» переделано надписанием буквы «ш» над строкой под дугой в «повоеваша»; при «Яня» над строкой приписано «Вышатича», а на нижнем поле с знаком выноски прибавлено «и брата его Путяту»; «въгонивьше» переделано в «угонивьше», последние три слова «а полонъ отъяша» зачеркнуты и над строкой приписано «исъсѣкоша». Наше внимание обращается на вставку «Вышатича и брата его Путяту». Как видно из Хлебниковского списка, этих слов не было и в оригинале Ипатьевского списка — Ипатьевской летописи; их нет также в Лаврентьевской и Радзивиловской летописях; судя по Воскресенской летописи, их не было и в Троицкой, но они есть в Софийской 1-й и Новгородской 4-й, где читаем: «Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по нихъ Святополкъ Яня Вышатича, и брата его Путяту, и Иванка Захарьина, и Козарина и оугонивше [ихъ] Янъ полонъ отъяша, а поганыя изсѣкоша [исьсѣче]». Итак поправка внесена в Ипатьевскую или из одной из обеих названных летописей или из их общего оригинала, или наконец из источника, на основании которого составлен этот оригинал, а таковым источником был, как увидим, Владимирский полихрон 1423 г.

Остановимся еще на некоторых поправках и вставках. В начале летописи, в фразе «Дунаи Днепръ и Кавькасиискыя горы, рекше Оугорьскыя», слово «Днепръ» переделелано в «Днестръ», ср. в Лаврентьевской в соответствующем месте «Дьнѣстръ», тоже в Софийской 1-й и Карамзинском списке Новгородской 4-й. В легенде об Андрее к слову «ц поприключаю» («приде и ста подъ горами») приписано «божию». В последнем перечне племен от рода словенска к имени «Северо» приписано «бужа», то есть бужане, ср. в Софийской 1-й и Новгородской 4-й «сѣверъ бужане»; ниже имя «оуличи» переделано в «лутичи», ср. «лутичи и тиверичи» в Софийской 1-й и Новгородской 4-й, а также в Троицкой. Ниже после «оумыкаху оу воды дѣвица» прибавлено на поле «жены собѣ», ср. в Софийской 1-й и Новгородской 4-й: «умыкааху у воды дѣвици жены себѣ» (в Лаврентьевской, Радзивиловской и сходных нет «жены себѣ»). Ниже «предѣл» в «иже отъ предѣлъ показаньемь и благочестьемь мясъ не ядуще» переделано в «прадѣдъ» (как в Лаврентьевской, Софийской 1-й, Новгородской 4-й; между тем «предѣлъ» читается и в Радзивиловской); [1] под 6370 г. к словам

[1] Под 6370 г. любопытная приписка славянскими цифрами: «6370. 600. и. 13 лет: 6958», показывающая, что она (и другие?) сделаны в 6958 т. е. 1450 г.

«и бяста оу него два мужа не племени его но боярина» приписано «асколдъ и дирдъ», ср. в Софийской 1-й и Новгородской 4-й: «И бѣста два мужа у него Асколдъ и Диръ, не племени его, ни боярина» (в Лаврентьевской и других они названы ниже). Под 6390 г. в фразе «на тои могилѣ поставилъ божницю святаго Николы», «божницю» зачеркнуто и над ним написано «олма церковь», ср. Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю: «на той могилѣ постави[ща] Олма церковь святаго Николу» (в Лавр. и др. иначе). Под 6406 г. «переяша землю волыньскую»: буквы «волы» написаны по соскобленому месту; было очевидно «словенскую», как в Хлебниковской, Лаврентьевской, Радзивиловской; в Софийской 1-й «землю Волыньскую». Под 6415 г. слово «нрѣ» исправлено в «пароусы», ср. «въспяша парусы» в Софийской 1-й. Под 6453 г. «поимемъ жену его Олгу»: жену зачеркнуто и над ним надписано «княгиню», ср. Софийскую 1-ю «поимемъ княгиню его». Под 6479 г. Святослав говорит «то изнова изъ Руси съвокупивше воя множаиша», на полях приписано засим «первыхъ». Под 6480 г. к словам «оковавше лобъ его» над строкой приписано «золотомъ», ср. Софийскую 1-ю «оковавше златомъ лобъ его». Под 6488 г. в перечне имен сыновей Владимира к имени Святослава на поле приписано «Станислава», ср. Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю: «Святослава [и] Станислава». Под 6496 г. «и повелѣ приступати к граду»: «приступати» переделано в «приспу сыпати», ср. Новгородскую 4-ю «повелѣ приспу сыпати ко граду» (в Софийской 1-й иначе: «повелѣ приступати кѣ граду и персть сыпати»). Под 6501 г. слово «быкъ» переделано систематически в «волъ», ср. «волъ» в Софийской 1-й (в Новгородской 4-й и «волъ» и «быкъ»); «оуснье» зачеркнуто и объяснено словом «кожу», как в Софийской 1-й и Новгородской 4-й. Под 6504 г. слово «проваръ» (меду) переделано в «переваръ». Под 6523 (1015) г. на нижнем поле, со знаком выноски, приписаны слова «и сѣче ихъ 1000» (новгородцев, участвовавших в избиении варягов), ср. Софийскую 1-ю (и Новгородскую 4-ю) «изсѣче 1000 мужь» (в Лаврентьевской и сходных только «и сѣче»). В конце 6524 г. «бѣ же тогда Ярославъ лѣтъ 28»: «28» переделано в «18», ср. Софийскую 1-ю «бѣ же тогда Ярославъ 18 лѣтъ». Под 6534 г. в конце, после «и бысть тишина велика в земли», приписано «роусскои» (в Софийской и Новгородской 4-й этого нет). Под 6563 г. «иде Всеволодъ на Торкы зимѣ воиною»: «воиною» переправлено «къ воіню» (ср. Хлебниковскую и Радзивиловскую, а в Софийской 1-й и Новгородской 4-й этого известия нет). Под 6579 г. «бози наши не смѣють», затем приписано «внити» (но в Софийской 1-й и Новгородской 4-й, как в Лаврентьевской и Радзивиловской «пріити»); ниже, после «Аньнии Замврии волъшвеньемь чюдеса творяшеть противу Моисѣеви», приписано «но въскорѣ не возмогоста» (ср. Лаврентьевскую и Радзивиловскую; в Софийской 1-й и Новгородской 4-й этих слов нет). Под 6601 г. «а другии изъ сего города», «города» переделано в «села» (ср. в Радзивиловской «язъ сего села», в Лаврентьевской «язъ сея вси»; в Софийской 1-й и Новгородской 4-й этого места нет). Под 6604 г. «закопани в горѣ» (так же читается в Хлебниковской) переделано в «заклепани» (Лаврентьевская: «заклѣплении», Радзивиловская: «заклеплени»).

Под 6605 г. «давыдова есть сколота»: «сколота» зачеркнуто и над строкой приписано «сольстилъ»; ниже «созваша» (вече) переделано в «созвониша»; ниже «Людиславъ» исправлено, согласно со всеми другими списками, в «Володиславъ»; «епископа [ихъ Купана]» исправлено в «бискупа» (в Лаврентьевской «пископа»); выше «[Коломанъ и 2] епископа» исправлено в «пискупа» (Лавр. «пископа»). Под 6611 г. после «и вои моляху бога» приписано согласно с Лаврентьевской и другими: «и обѣты въздаяху богоу»; выше после «и Давыдъ Святъславичь» приписано, согласно Лаврентьевской и остальным, «и Давыдъ Всеславичь». Под 6618 (1110) г. «того же лѣта взяша половьци оу Чина», буквы «оучи» переправлены в «ідучи», а затем после «на» приписано «задъ много селъ», т. е. «взяша Половци идучи назадъ много селъ»; ниже после «се же бяше не огнь» приписано «ни столпъ», а еще ниже «ово инако» исправлено в «ово инакымъ видѣніемъ», ср. Хлебниковский «ово инакымъ виденіемъ».

Если решиться возвести рассмотренные приписки и вставки Ипатьевского списка к одному источнику, то увидим, что таким источником не могла быть ни Софийская 1-я летопись, ни Новгородская 4-я (ибо не все приписки и вставки могут объясниться из последних), но что источник этот содержал текст, близкий к Софийской 1-й (и притом к ней в особенности) и к Новгородской 4-й. Имея это в виду, я допускаю, что текст Ипатьевского списка исправлен по Владимирскому полихрону 1423 г., который, как увидим, значительно повлиял на текст протографа обеих названных летописей.

ГЛАВА V

ХЛЕБНИКОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Под этим названием разумеем Хлебниковский список Ипатьевской летописи, уже давно известный в науке по вариантам, извлеченным из него при изданиях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Хлебниковский список относится к XVI в.; принадлежит Публичной библиотеке; писан несомненно в Южной Руси. К нему примыкает несколько других списков, представляющихся копиями с него: таков Погодинский список XVI в. № 1401, весьма неисправный, вследствие того, что списан был с Хлебниковского, когда в нем были перепутаны листы; Краковский список писан латинскими буквами и скопирован, повидимому, с Погодинского списка. Ермолаевский список XVIII в. ближайшим образом сходствует с Хлебниковским, но исправлен еще по другому списку и оставляется нами в стороне.

Хлебниковская летопись на всем своем протяжении оказывается тожественною в общем, а именно по составу своему с Ипатьевской летописью. Нет сомнения, что обе эти летописи восходят к одному общему оригиналу, причем и Хлебниковская и Ипатьевская в значительной степени от него отклонились. К числу существенных отличий между ними относится вставка хронологической сети в Ипатьевской летописи в последнюю часть, содержащую рассказ о галицко-волынских событиях; Хлебниковская не имеет годов, а иногда, вместо точного указания на год, содержит глухие указания, как «в то же лѣто», «потомъ же», «бысть по сихъ», и т. д. Вряд ли возможно сомневаться в том, что Хлебниковская сохранила в данном случае особенность своего протографа, стертую в Ипатьевской. Но возможно предположить, что годы были проставлены уже в оригинале Хлебниковской и Ипатьевской, причем в последней они вставлены в текст, а в первой опущены. На такое предположение наводит сохранившаяся в Хлебниковской приписка на поле перед рассказом о Батыевом нашествии: «Батыева рать начася в Руси в лѣто 6745», вместо чего в тексте Ипатьевской: «Побоище Батыево. В лѣто 6745». Сделанное предположение устранило бы необходимость допустить, что текст Ипатьевской летописи подвергся основательной редакционной переработке сравнительно с текстом Хлебниковской. Правда, текстуальные отличия Ипатьевской от Хлебниковской весьма значительны; их можно было бы, пожалуй, объяснить редакционными поправками, допущенными Ипатьевской летописью, поправ-

ками, вызванными влиянием других списков; в значительном числе случаев различию чтений в Ипатьевской и Хлебниковской соответствует различие чтений в некоторых других летописных сводах. Но ближайшее изучение отличий Ипатьевской от Хлебниковской приводит к другому заключению, а именно к тому, что составитель Хлебниковской на протяжении если не всего текста, то значительной его части исправил текст своего оригинала (бывшего оригиналом и для Ипатьевской) по другому памятнику. К такому заключению мы пришли, рассматривая текст «Повести временных лет» по Хлебниковской летописи. Не распространяя его на другие части Хлебниковской летописи, укажем те соображения, которые имелись нами при этом в виду.

«Повесть временных лет» по Хлебниковской летописи тожественна в общем с соответствующим текстом Ипатьевской. За очень немногими исключениями состав статей и известий в обеих летописях вполне тожествен. Но текст обеих летописей представляет весьма значительные отличия. При этом оказывается, что в большей части случаев оригинальным (особенным) чтениям Ипатьевской летописи в Хлебниковской противополагаются чтения, тожественные или с Радзивиловскою летописью, или с Лаврентьевскою, или с Лаврентьевскою и Радзивиловскою. Мы видели выше, что в числе источников Ипатьевской и Хлебниковской летописей, их общего оригинала, были такие, текст которых близок к Радзивиловской (Полихрон) и к Лаврентьевской (Полихрон, Киевский свод 1198—1199 г.); отсюда можно было бы заключить, что Хлебниковская сохранила древние чтения первоисточников, искаженные или подновленные в Ипатьевской. Но такое заключение встречается прежде всего со следующим возражением: имеется ряд чтений и притом весьма характерных (напр. в виде явных описок), общих Ипатьевской и Лаврентьевской, которым в Хлебниковской противополагаются чтения, тожественные с Радзивиловской. Если мы допустим, что в общем оригинале Ипатьевской и Хлебниковской стояло чтение Хлебниковской (тожественное с Радзивиловской), то отличное чтение Ипатьевской придется объяснить как результат сближения ее текста с текстом Лаврентьевской. Так, чтениям Ипатьевской и Лаврентьевской, чтениям явно ошибочным «от тѣла» вм. «отъ лѣта», «Соломону» вм. «съломъ», «послуша» вм. «послушаша», «здерьзастеся» вм. «воздержастеся», «плотьскыя» вм. «Полотьскыя», в Хлебниковской и Радзивиловской соответствуют правильные, исправленные чтения. Допустив, что в оригинале Ипатьевской читалось «съломъ» или «полотьскыя», ошибочные чтения «Соломону» или «плотьскыя» мы должны объяснить как результат сближения Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Но вероятно ли такое объяснение? Неужели составитель Ипатьевской был так неосторожен, что предпочел правильному чтению своего оригинала явно ошибочное чтение списка, употребленного для правки, исправления? Далее возникает вопрос, в каком отношении к таким чтениям, где Ипатьевская сходится с Лаврентьевской, а Хлебниковская с Радзивиловской, находятся те чтения, где Ипатьевская вместе с Радзивиловской противополагаются Хлеб-

никовской и Лаврентьевской. Так под 1015 г. в похвале Борису и Глебу, в Ипатьевской и Радзивиловской «духомъ божественѣ просвѣщаете [просвѣщаета]», в Хлебниковской и Лаврентьевской «духомъ божественымь просвѣщаета»; под 6545 (1037) г. в Ипатьевской и Радзивиловской «племя», в Хлебниковской и Лаврентьевской «писмо»; под 6559 (1051) г. в Ипатьевской и Радзивиловской «иже постриже мене», в Хлебниковской и Лаврентьевской «имже постриже мене»; под 6576 (1068) г. в Ипатьевской и Радзивиловской «о злобахъ своихъ», в Хлебниковской и Лаврентьевской «о злобахъ нашихъ», и т. д. Как же читалось в оригинале Хлебниковской и Ипатьевской: «писмо» или «племя», «иже» или «имьже»? Если допустим, что так, как теперь читается в Хлебниковской, то окажется, что Ипатьевская исправила свой текст по списку, близкому к Радзивиловской; но мы только что видели, что она заменяла чтения Радзивиловской ошибочными Лаврентьевской. Наконец, там, где чтениям Ипатьевской противополагаются чтения Хлебниковской, общие с Радзивиловской и Лаврентьевской, пришлось бы допустить непонятное уклонение Ипатьевской как от основного своего источника, так и от вспомогательного, ибо вспомогательный источник ее, согласно предыдущему, был бы близок к Лаврентьевской и Радзивиловской. Все это — при предположении, что Ипатьевская исправляла текст, сохранившийся в более первоначальном виде в Хлебниковской. Но если мы допустим, что исправлению подверглась именно Хлебниковская и притом по такому летописному тексту, который совмещал чтения Лаврентьевской и Радзивиловской, то никаких возражений против такого предположения мы не встретим. В виду этого мы принимаем, что составитель Хлебниковской летописи переработал лежащий в основании как ее, так и Ипатьевской летописи текст на основании летописного свода, который, во-первых, сходствовал с текстом основного источника, во-вторых, представлял ряд чтений, общих с Радзивиловскою и Лаврентьевскою летописью. Считаем вероятным, что этот летописный свод был тожествен с одним из источников оригинала Ипатьевской и Хлебниковской летописей, а именно с Владимирским полихроном начала XIV в. Такое заключение основывается как на том, что именно Полихрон представлял общие чтения с Радзивиловскою и Лаврентьевскою, ибо первоисточник Радзивиловской — Владимирский свод начала XIII в., лежал в основании Полихрона, а сам Полихрон повлиял на текст Лаврентьевской, так и на том, что чтения Хлебниковской, не находящие себе соответствия в Радзивиловской и Лаврентьевской, с большою вероятностью возводятся к такому именно памятнику, где текст «Повести временных лет» подвергся дополнениям и исправлениям на основании других источников. Сделанный нами вывод мы считаем весьма существенным для восстановления текста Полихрона начала XIV в., а потому приведем ряд чтений Хлебниковской, распределив их по взаимным отношениям к Ипатьевской, с одной стороны, Радзивиловской, Лаврентьевской — с другой.

Хлебниковская представляет чтение сходное с Радзивиловскою, а Ипатьевская с Лаврентьевскою, причем чтение Ипатьевской восходит

к Киевскому своду 1198—1199 г., а чтение Хлебниковской к Полихрону начала XIV в. Примеры:

В начале летописи Ипат. и Лавр.: «откуду [есть пошла] Руская земля стала есть», в Хлебн. и Радзив.: «стала есть» опущено; ниже, в Хлебн. и Радзив. «полуденныа страны», в Ипат. и Лавр. «полунощьныя». Под 6453 (945) г. в Хлебн. и Радзив. «яко ссыпаша», в Ипат. и Лавр. «яко соспоша»; в Хлебн. и Радзив. «с малою [же] дроуженою» (Хлебн., Радзив., тоже в Новг. 1-й); в Ипат. и Лавр. «съ маломъ же дружины». Под 6479 (971) г. «и с к о у с и м ъ [и единою и] еще» в Ипат. и Лавр. «искуси»; под 6494 (986) г., в речи философа в Хлебн. и Радзив. «и в н и д е Аврамъ къ Агари», в Ипат. и Лавр. «и влѣзъ»; в Хлебн. и Радзив. «домъ мой домъ молитвѣ н а р е ч е т ь с я», в Ипат. и Лавр. «прозоветься»; в Хлебн. и Радзив. «о т ъ с т о у д а заплеваніа», в Ипат. и Лавр. «отъ стыдѣнья»; в Хлебн. и Радзив. «оузрите животъ вашь висящь» (тоже в Новг. 1-й), в Ипат. и Лавр. «оузрите жизнь вашю висящю»; под 6523 (1015) г. в Хлебн. и Радзив. «п р і а и т е м и всѣмь сердцемь», в Ипат. и Лавр. «прияете ли ми»; под 6527 (1019) г. в Хлебн. и Радзив. «сѣча зла ани же н е б ы в а л а в Руси», в Ипат. и Лавр. «не была»; под 6551 (1043) г. в Хлебн. и Радзив. «възвратився», в Ипат. и Лавр. «вьспятився»; под 6576 (1068) г. в Хлебн. и Радзив. «почто не въздръжастеся», в Ипат. и Лавр. «почто не здерьзаетеся [сдерзаетеся]»; в Хлебн. и Радзив. «на предлежащее п а к ы возвратимся», в Ипат. и Лавр. «пакы» опущено; в Хлебн. и Радзив. «послався ко князю [ко князьмъ) г л а г о л ю щ е», в Ипат. и Лавр. «глаголюще» опущено; в Хлебн. и Радзив. «н и ч е г о ж е [бо] бѣси бояться [ся боять бѣси]», в Ипат. и Лавр. «ничто же» (в Новг. 1-й тоже «ничего же»); под 6579 (1071) г. в Хлебн. и Радзив. «и ж е к т о хощеть вѣру яти волхву», в Ипат. и Лавр. «иже»; в Хлебн. и Радзив. «что ти хощеть днесь быти», в Ипат. и Лавр. «что»; под 6582 (1074) г. в Хлебн. и Радзив. «господи Ісусе христе с ы н е б о ж і й» (тоже в Новг. 1-й), в Ипат. и Лавр. «боже нашь»; в Хлебн. и Радзив. «отъ лѣта даема богу» (тоже в Новг. 1-й), в Ипат. и Лавр. «отъ тѣла»; в Хлебн. и Радзив. «се азъ оуже отхожю» (то же в Новг. 1-й), в Ипат. и Лавр. «оуже» опущено; под 6586 (1078) г. в Хлебн. и Радзив. «яко же [и] глаголеть», в Ипат. «якоже и отъ глаголеть», в Лавр. «яко же иоанъ глаголеть»; под 6604 (1096) г. в Хлебн. и Радзив. «[и] число же ихъ [есть] колѣнъ 4 [4 колѣна]» , в Ипат. и Лавр. «ищьложь есть [ищь ли же суть] ихъ колѣнъ 4»; в Хлебн. и Радзив. «подаль идоуще», в Ипат. и Лавр. «есть же и подаль на полоунощьи»; в Хлебн. и Радзив. «осквернять землю загна ихъ на полунощныя страны», в Ипат. и Лавр. «осквернять землю [на] полунощныя страны»; под 6505 (1097) г. в Хлебн. и Радзив. «и выиде противу», в Ипат. и Лавр. «вылезе»; в Ипат. и Лавр. «онѣмъ же обѣдавшимъ поидоша с нимъ», в Хлебн. и Радзив. «онѣмъ же обѣдавшимъ» опущено; выше в Хлебн. и Радзив. «измыти», в Ипат. и Лавр. «испрати»; ниже в Хлебн. и Радзив. «главу свою п о л о ж ю», в Ипат. и Радзив. «сложю»; под 6609 (1101) г. опущено «оу 9 день въ среду»; под 6545 (1037) г. в Хлебн. и Радзив. «отець бо его», Ипат. и Лавр. «отець бо сего». Под 6540 (1032) г. в Хлебн. и Радзив.

«сѣверо», Ипат. Лавр. «сѣверъ»; в Хлебн. и Радзив. «и зстоупишася в чело варязи съ сѣверомъ», в Ипат. и Лавр. «и съступися чело варязѣ сь сѣверомъ»; под 6524 (1016) г. в Хлебн. и Радзив. «да приставимъ вы», в Ипат. и Лавр. «а приставимъ вы»; под 6550 (1042) г. в Хлебн. и Радзив. « сдирахоу с нихъ кожи», в Ипат. и Лавр. «сдирахоу хъзы с них»; под 6576 (1068) г. в Хлебн. и Радзив. «слезами омывающе вся прегрѣшения наша», в Ипат. и Лавр. «наша» опущено; под 6605 (1097) г. в Хлебн. и Радзив. «се молвилъ Василко с ночи», в Ипат. «сыночи», в Лавр. «синочи», и др.

Замечательно, что по большей части чтения Ипатьевской и Лаврентьевской поддерживаются Новгородскою 1-ю и таким образом восходят к первой редакции «Повести временных лет», но в некоторых случаях (выше отмеченных) Новгородская 1-я совпадает с Хлебниковской и Радзивиловской: относящиеся сюда чтения восходят также к 1-й редакции «Повести временных лет», а отступающие от них чтения Ипатьевской и Лаврентьевской возникли очевидно в том Киевском своде, который лег в основание, с одной стороны, Владимирского свода 1185 г., а с другой, Киевского свода 1198— 1199 г. Итак чтения, подобные указанным выше: «животъ» в Хлебн., Радзив. и Новг. 1-й, «жизнь» в Ипат. и Лавр., «сыне божій» в Хлебн., Радзив. и Новг. 1-й, «боже нашь» в Ипат. и Лавр., «се азъ оуже» в Хлебн., Радзив. и Новг. 1-й, «се азъ» в Ипат. и Лавр., «ничего же» в Хлебн., Радзив. и Новг. 1-й, «ничтоже» в Ипат. и Лавр., служат ясным указанием на существование промежуточного свода между первой редакцией «Повести временных лет» и Владимирским сводом 1185 г.

Хлебниковская представляет чтение, сходное с Лаврентьевскою, а Ипатьевская с Радзивиловскою, причем чтение Хлебниковской и Лаврентьевской восходит к Полихрону, а чтение Ипатьевской и Радзивиловской к Киевскому своду 1198—1199 г., а в Радзивиловской к Переяславской летописи начала XIII в., причем первоисточником является первая редакция «Повести временных лет». Примеры:

Под 6500 (992) г. в Хлебн. и Лавр. «зане перея славу отрокотъ», ср. Ипат. «зане Переяславъ отрокъ», Радзив. «зане Переяславъ отроку тому имя»; под 6505 (997) г. в Хлебн. и Лавр. «избраша лучшиѣ мужи в г о р о д ѣ х ъ [в г р а д ѣ х ъ]»; ср. Ипат. «въ градѣ», а в Радзив. опущено; под 6544 (1036) г. в Хлебн. «пристоупиша», в Лавр. «приступиша и почаша», ср. в Ипат. и Радзив. «приступати начаша [почаша]»; под 6576 (1068) г. в Хлебн. и Лавр. «виногради ваша и смокви ваша», ср. в Ипат. и Радзив. «виногради ваша и смоквие вае [и ваие]»; в Хлебн. и Лавр. «и н е и м у т ь изнемощи», в Ипат. и Радзив. «не могуть»; под 6582 (1074) г. «старець п о в ѣ д а ш е братьи», в Ипат. и Радзив. «повѣда»; под 6564 (1076) г. в Хлебн. и Лавр. «и положенъ Черниговѣ у с в я т а г о С п а с а», в Ипат. и Радзив. «оу Спаса»; под 6592 (1084) «зая грекы», в Ипат. и Радзив. «грѣчнѣки»; под 6600 (1092) в Хлебн. и Лавр. «яко н а я в ѣ бьють полочаны», в Ипат. и Радзив. «навье»; в Хлебн. и Лавр. «до мясопоуста», в Ипат. и Радзив. «до мясопущь»; под 6604 (1096) г. «я к о огнь предъ лицемъ вѣтру»; в Ипат. и Радзив. «аки»; под 6605 (1097) г. в Хлебн. и Лавр. «а Василко

сего н е в ѣ д я ш е»; в Ипат. и Радзив. «не вѣдаше»; ниже «и идоша в ы с т ь б у [в Лавр. в ы с т о б к у]», ср. в Ипат. «въ гридьницю» (первоначальное чтение), в Радзив. «в комору»; «попадья же оправши в з л о ж и н а н ь», ср. Ипат. и Радзив. «оузволоче на нь»; в Хлебн. и Лавр. «любовь имѣя к митрополитомъ и къ епископомъ и къ игуменомъ», в Ипат. «и къ игуменом» опущено (в Радзив. «любовь имѣа ко священническому чину»); подъ 6608 (1100) г. в Хлебн. и Лавр. «то чему н е ж а л у е ш и с я», в Ипат. и Радзив. «не жалуеши [не жалуешь]»; в Хлебн. и Лавр. «в боузскомъ (в бужьскѣмъ)», в Ипат. и Радзив. «в божескомъ» [«в божьскомъ»]; под 6616 (1108) г. в Хлебн. и Лавр. «о б ѣ щ а с я створити [и створи]» ср. Ипат. «вообѣщася» (в Радзив. опущено); под 6575 (1067) г. в Хлебн. и Лавр. «вдаша на щиты», в Ипат. и Радзив. «взяша на щиты [щитѣ]»; под 6577 (1069) г. в Хлебн. и Лавр. «брата с в о е г о Святополка», в Ипат. и Радзив. (и Новг. 1-й) «его»; под 6579 (1071) г. в Хлебн. и Лавр. «бѣсовьское н а у ч е н і е», в Радзив. (и Новг. 1-й) «наущение», в Ипат. «оучение»; под 6582 (1074) г. в Хлебн. и Лавр. «яко не здѣ есть п о с т р и г а н ъ», в Радзив. (и Новг. 1-й) «постриженъ», в Ипат. «постригълъся»; под 6586 (1078) г. в Хлебн. и Лавр. «не рече ему: колико отъ ваю прияхъ», в Ипат. «нарече ему», в Радзив. «и нарече ему».

Хлебниковская представляет чтение сходное с Лаврентьевскою, Радзивиловскою, а Ипатьевская имеет отличное чтение, совпадающее с Новгородскою 1-ю. Такие чтения Хлебниковской восходят к Полихрону, между тем как чтения Ипатьевской к Киевскому своду 1198—1199 г. (и к первой редакции «Повести временных лет»).

Примеры:

Под 6494 (986) в Хлебн., Радзив. и Лавр. «р а з о у м ѣ ю щ е добро и зло», в Ипат. и Новг. 1-й «разумѣвающа» («разумѣвающе»); в Хлебн., Радзив. и Лавр. «еда [азъ] стражь есмь брату с в о е м у», в Ипат. и Новг. 1-й «моему»; в Хлебник., Радзив. и Лавр. «и печатьми з а п е ч а т л ѣ ш а гробъ», в Ипат. и Новг. 1-й «запечаташа»; под 6496 (988) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и з ы д о ш а корсуняне», в Ипат. и Новг. 1-й «излѣзоша»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «яко взыде съ славою с плотью своею» («съ славою и плотью» в Радзив. и Лавр.), в Ипат. и Новг. 1-й «якоже взииде сь своею плотью»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «с х о д я щ е с я отъ Рима», в Ипат. и Новг. 1-й «сходяще»; под 6497 (989) г. в Хлебн. и Лавр. «приснодѣвыя богородица», в Ипат. и Новг. 1-й «приснодѣвыя Марья [богородица]»; под 6504 (996) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «с ъ з ы в а а бещисленое множество народа», в Ипат. и Новг. 1-й «съзываше»; под 6523 (1015) г. в Хлебн. Радзив. и Лавр. «с плачемъ», в Ипат. и Новг. 1-й «с плачемь великымъ [зѣло]»; под 6576 (1068) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «ать призвавше [и] л е с т і ю ко оконьцю»; в Ипат. и Новг. 1-й нет «лестію»; под 6579 (1071) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «бѣси же м е т а в ш е имъ», в Ипат. и Новг. 1-й «мечтавше».

Хлебниковская представляет чтение, сходное с Лаврентьевской и Радзивиловской, но отличное от Ипатьевской, в которой чтение не находит себе соответствия с Новгородской 1-й. Такие чтения Хлебниковской восхо-

дят к Полихрону, между тем как чтения Ипатьевской возводятся или к своду 1198—1199 г. (в том случае, если эти чтения сравнительно древние) или к редакционной поправке самого составителя Ипатьевской (это относится к более новым чтениям).

Примеры:

Под 6582 (1074) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «повелѣ с ъ з в а т и [звати] братію всю», в Ипат. «собрати» (в Новг. 1-й «съзвати»); под 6491 (983) г. в Хлебн. «идеже нынѣ церкви есть святыя богородица», в Лавр. и Радз. «идеже [есть] церкви святая [святыа] богородица», в Ипат. «идеже бѣ церкви святыя богородица»;[1] под 6390 (882) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «еже ся нынѣ зоветъ Угорьское, кде [идѣже] ныне Ольминъ дворъ», в Ипат. «кде [идѣже] нынѣ» опущено; под 6523 (1015) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «[и] облъстивъ я [и] исѣче», в Ипат. прибавлено «ихъ 1000»; под 6453 (945) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «с ъ з в а боляре и сановникы», в Ипат. «събра»; под 6454 (946) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «подъ застрѣхы», в Ипат. «подъ острѣхы»; под 6463 (955) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «Христосъ имать съхранити тя», в Ипат. «Христосъ съхранить тя»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «п р е м у д р о с т ь Соломоню», в Ипат. «мудрость»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и не внимасте», в Ипат. «и не разумѣсте»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «одинъ пріати», вм. «одинъ язъ приняти»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «матере не послоушаеть», в Ипат. «матерь не слушаеть»; под 6479 (971) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «аще ли побѣгнемъ то срамъ и м а м ъ», в Ипат. «намъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и принесоша емоу [мечь]», в Ипат. опущено; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и приимеши власть [волость] его», в Ипат. «и приимеши власть единъ»; под 6488 (980) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «имати окоупъ на нихъ», в Ипат. «откупъ»; под 6494 (986) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «по семидесятъ женъ красныхъ, в Ипат «красенъ»; в Хлебн., Радз. и Лавр. «единому богу», в Ипат. «едину богу»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «н а с и х ъ ж е ожидаше покаянья», в Ипат. «а сихъ же; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «звѣри, скоты и гады земные созданы въ шестой день», а в Ипат. «в пятый»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «пострѣкаше Каина о у б и т и А в е л я», в Ипат. «на оубиство Авелево»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «се его же богъ почести», в Ипат. «сего же»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «съзижемъ столпъ до небесе», в Ипат «зижемъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «искущю боги отца своего»; в Ипат. «богъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «дѣвая зачнеть», в Ипат. «зачатъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и ино много пророчьствова», в Ипат. «пророчьствова»; в исповедании веры в Хлебн., Радзив. и Лавр. «без времене», в Ипат. «и безъвременьна»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «н е п о д в и ж н а бо своиствия», в Ипат. «недвижна»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «свою с п а с т и тварь», в Ипат. «пасти»; в Хлебн. «иконы на первый образъ приходить», в Лавр. и Радзив. «икона первый образъ при-

[1] Повидимому, чтение «бѣ» ведет к составителю протографа Ипатьевской и Хлебниковской летописей, жившему в XIV в. Если это был киевлянин, он знал, что церковь богородицы выстроена, после Батыева нашествия, на другом месте.

ходить [преходить]», а в Ипат. «яко на первый образъ приходить»; в Ипат., Радзив. и Лавр. «въскроплю на вы воду ч и с т у», в Ипат. «чистоту»; под 6499 (991) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «съсуды», в Ипат. «ссуды церковныя»; под 6501 (993) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «възложиша на нь желѣзо горяче», в Ипат. «възложи»; под 6500 (992) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «в ы п о у с т и ты свой мужь», в Ипат. «пусти»; под 6504 (996) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «бѣ бо празникъ преображению господню», в Ипат. «бѣ бо преображеніе господне»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «повелѣ оустроити кола», в Ипат. «пристроити»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и сеже пакы творяше людемъ своимъ», в Ипат. «и се же творя людемь своимь»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «тако буди», в Ипат. «да тако буди»; под 6504 (996) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «п о у с т р о е н ь ю отьню и дѣдню», в Ипат. «по строенью»; подъ 6505 (997) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «повелѣ женамъ створити цѣжь», в Ипат. «повелѣ же имъ створити цѣжь»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «оутро же послати повелѣ», в Ипат. «наоутрѣя же посла»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и яко свариша кисель», в Ипат. «и яко вариша пред ними кисель»; под 6523 (1015) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «поставиша и в ъ с в я т ѣ й б о г о р о д и ц и», в Ипат. «въ святѣи богородици церкви»; ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. «с плачемь», в Ипат. «с плачемь великимъ»; ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. «иже крестився [крестися] самъ и люди своа», в Ипат. «иже крести вся люди своа самъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «мы же хрестьяне суще н е в ъ з д а е м ъ почестья», в Ипат. «и вьздаемь», ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. «на брата своего старѣишаго», в Ипат. «своего» опущено; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «придоша на Алтоу нощью», в Ипат. «придоша нощью»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «гривну велику злату», в Ипат. «гривьну злату»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «с ликы м у ч е н и ч ь с к ы м и вьдворяяся», в Ипат. «мученикы»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «аще бо быхъ брате [мой] виделъ лице твое», в Ипат. «аще бо быхъ видилъ лице твое»; ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. «[и] целебныа [сцелбныя] дары», в Ипат. «ицѣления дары»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «свѣтоносная л ю б ы н е б е с н а я», в Ипат. «небеса любы»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «не вѣдыи яко богъ даеть власть ему же хощеть», в Ипат. «богъ» опущено; ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. «оубивь Бориса и по Глѣба посла», в Ипат. «пославъ оуби Бориса и Глѣба»; под 6526 (1018) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и пріиде къ Волыню», в Ипат. «и приде Велыню»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «оубѣжа съ четырми мужи», в Ипат. «оубѣжавь с четырми человѣкы»; под 6527 (1019) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «яко по оудолиемъ к р ъ в и т е щ и [Радзив.: текущи]», в Ипат. «кровь течаще»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «еда кто женеть», в Ипат. «егда кто поженеть»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «иже ся бѣ родилъ отъ прѣлободѣания», в Ипат. «иже ся родилъ»; под 6529 (1021) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «поимъ новогородци», в Ипат. «поимъ множество новогородець»; под 6534 (1026) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «въ братолюбьствѣ», в Ипат. «въ братолюбьи»; под 6542 (1034) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «яко печенѣзи обьстоять Кыевъ»; в Ипат. «яко печенѣзѣ обѣемь стоять Кыевъ»; под 6545 (1037) г. в Хлебн.,

Радзив. и Лавр. «и манастыреве п о ч и н а х у быти», в Ипат. «почаху»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и Соломонъ [Лавр.: Симонъ] хваля [похваляя] е[ю] глаголаше», в Ипат. «и Соломонъ хваляше ю глаголаше»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «мои съвѣти моя мудрость», в Ипат. «мои свѣтъ моя мудрость»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «а [и] силнии пишють правду», в Ипат. «пьють»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «любящая мя люблю», в Ипат. «любящая люблю»; под 6552 (1044) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «я з в е н о на главѣ его», в Ипат. «язва»; ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. «се язвено», в Ипат. «се язвено на главѣ его»; ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. опущено чтение Ипат.: «В лѣто 6554. В се лѣто бысть тишина велика»; под 6559 (1051) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «в л о ж и б о г ъ князю в сердце», в Ипат. «возложи»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «идѣ [идѣже] бѣ Ларионъ ископалъ п е ч е р к у», в Ипат. «п е ч е р у»; ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. «в ней же сконча животъ свой», в Ипат. «в нем же»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «игумень же и братья з а л о ж и ш а церковь велику. . . [и] кельѣ п о с т а в и ш а многы», в Ипат. «заложи», «постави»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «все то п р и о б р ѣ т ъ», в Ипат. «изьобрѣтъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «что ради зоветься Печерьскый», в Ипат. прибавлено: «манастырь»; под 6562 (1054) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «преставися великый князь русьскый Ярославъ, в Ипат. «великый» опущено; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «но пребывайте мирно, послоушающе братъ брата», в Ипат. «но послоушайте братъ брата пребывайте мирно»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «живе же всѣхъ лѣтъ», в Ипат. «житъ же»; под 6567 (1059) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «з а в о д и в ш е кресту», в Ипат. «водивше»; под 6571 (1063) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «пожже весь градъ Всеславъ», в Ипат. «погорѣ весь городъ»; под 6573 (1065) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «въврѣгоша и в воду», в Ипат. «вывѣргоша»; под 6575 (1067) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ», в Ипат. «одолѣ»; ниже в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и у л я в 10 день», в Ипат. «июня»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и всади его [и] в порубъ съ двѣима сынома»; в Ипат. «и вьсадиша в порубъ съ двѣима сынъкома»; под 6576 (1068) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «съблазнисте многыхъ», в Ипат. «соблазниться многи»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «не всхотѣша бо х о д и т и [по] путемъ моимъ», в Ипат. «ходи»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «нашихъ ради з л о б ъ», в Ипат. «грѣхъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «вьстягаемся на добро», в Ипат. «вытягнемся отъ зла на добро»; под 6578 (1070) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «в се же лѣто», в Ипат. «того же лѣта»; под 6579 (1071) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «бѣси бо п о д т о к ш е», в Ипат. «потокше»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и оубивашета [Радзив.: оубиващата]», в Ипат. «и оубиваша»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «грѣшися Яня топоромъ», в Ипат. «зрѣши»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «Янь же оборотя т о п о р ъ», в Ипат. «топоромъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «а богъ есть на небесѣхъ [на небеси] сѣдяй», в Ипат. «сѣдя на небесѣхъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «поусти [я] пред собою в лодіи», в Ипат. «и пустити я предъ собою в лодьяхъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «что вамъ бози молвять», в Ипат. «што вамъ молвять бози

ваши»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «аще васъ поущу», в Ипат. «аще васъ отпущю»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «наоученіемъ б ѣ с о в с к ы м ъ», в Ипат. «дьяволимь»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «идеже ятыма има быти», в Ипат. «идѣже ятома быти»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «а праведници въ небесномъ жилищи въдворяются», в Ипат. «а правѣдници въ небеснемь царствии и въ жилищи вьдворяються»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «глаголашеть бо я к о п е р е и д у [преидоу] по Волхову предъ всѣми», в Ипат. «яко придуть»; под 6580 (1072) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «епископъ Петръ переяславьскый», в Ипат. «Петръ» опущено; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «старака не поидущи [и не иде]», в Ипат. «сташа»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «обѣдаша братья на скупь к о ж д о с бояры своими, в Ипат. «коиждо»; под 6581 (1073) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «яко Изяславъ с в а т а е т с я [Лавр.: с в а т и т с я] со Всеславомъ», в Ипат. «вьстаеть»; под 6582 (1074) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «насѣвають [всѣвають] черноризцемь п о м ы ш л е н ь я», в Ипат. «помышленья» опущено; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «празднуеть свѣтло на Вскресенье господне», в Ипат. «на» опущено; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «с ъ з в а т и братію», в Ипат. «собрати»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «отъ старѣйшихъ и д о меньшихъ», в Ипат. «даже и до»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «блюди с ъ о п а с е н і е м ь», в Ипат. «сопасьемь»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «с т а р ч е слово», в Ипат. «старцево»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «аще ли вержаше на другаго», в Ипат. «верже»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «яко з р а к ъ вынимаа человѣку», в Ипат. «зракомь»; в Хлебн., Радзив., Лавр. «в си же времена», в Ипат, «в то же время»; в Хлебн., Радзив., Лавр. «и не брежаше в церковь ходити», в Ипат. «къ церкви ити»; в Хлебн., Радзив. Лавр. «взя побѣду н а б ѣ с ы», в Ипат. «на бѣсовьскыя силы»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и знаменася крестомъ», в Ипат. «крестнымь знамениемь»; в Хлебн, Радзив, и Лавр. «п о ч а жити крѣплѣ», в Ипат. «нача»; под 6583 (1075 г.) в Хлебн., Радзив. и Лавр. «его же вся взята быша в В а в и л о н ъ», в Ипат. «оу Вавилоня»; под 6586 (1078) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «но не сь то створи, н о [н у] с ы н ъ его», в Ипат. «ни сынъ его»; под 6593 (1085) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «в д а ш а с я лучане», в Ипат. «дашася»; под 6599 (1091) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «с т е м ь я н о м ъ и съ свѣщами», в Ипат. «съ темьяны»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «взирающе н а р а к у твою», в Ипат. «на руку»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «въсприимъ противу трудомъ своимъ в ъ з ь м е з д е», в Ипат. «измѣздье»; под 6601 (1093) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «преставися великый внязь Всеволодъ», в Ипат. нет «великый»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «послы всажав ы с т е б о у [Радзив.: в ы з б у, Лавр.: в ы с т о б ъ к у]», в Ипат. «въ погребъ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «вселеннаа предасться», в Ипат. «впленены прѣдастася»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «гради всѣ [Лавр.: городи всѣ опустѣша], села опустѣша», в Ипат. «градѣ вси опустѣша»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «очи в о з в о д я щ е на небо», в Ипат. «изводяще»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «паче всѣхъ почтени бывше горѣе всѣхъ содѣяхомъ грѣхы, якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше», в Ипат. «паче всихъ просвѣщены бывши»; под 6603 (1095) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр.

«[и] възлѣзше [влѣзъ же] на избу [истобку]», в Ипат. «и вои злѣзъше на изьдбу»; под 6604 (1096) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «възбѣгшимъ на полати», в Ипат. «оубѣгшимъ на полатѣ»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «н а х о д и х о м ъ чюдо [ново]», в Ипат. «находимъ мы»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «яко и з ы м а н и даньници», в Ипат. «изоима»; в Хлебн., Радзив. и Лавр., «а Мстиславъ п р і и д е к Суждалю», в Ипат. «поиде»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «на Коулачцѣ», в Ипат. «на Колачьцѣ»; под 6605 (1097) г. в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и въставъ Давыде и д е вонъ»; в Ипат. «лѣзе»; в Хлебн., Радзив. и Лавр. «и въпроси воды», в Ипат. «въспроси»; в Хлебн., Лавр. и Радзив. «то вдамъ ти которыи ти любъ городъ», в Ипат. «то вдам ти которыи любо городъ»; в Хлебн., Лавр. и Радзив. «дастьми городъ свой, а мой Теребовль», в Ипат. «або и Теребовль»; в Хлебн., Лавр. и Радзив. «н а с т а в ш и веснѣ»; в Ипат. «ставши»; в Хлебн., Лавр. и Радзив. «с ъ т в о р и ш а миръ», в Ипат. «створися»; в Хлебн., Лавр. и Радзив. «и рече Володиславъ Давыдови», в Ипат. «Володиславъ рече»; в Хлебн., и Лавр. и Радзив. «единою п о д с т у п и ш а [Лавр.: поступиша] к граду подъ вежами», в Ипат. «пустиша»; под 6611 (1103) г. в Хлебн., Лавр. и Радзив. «и послаша предъ собою [в] сторожѣ Алтунопу», в Ипат. «и посла»; под 6615 (1107) г. в Хлебн., Лавр. и Радзив. «и молитву вземъ оу игумена т у сущаго», в Ипат. «ту» опущено; в Хлебн., Лавр. и Радзив. «а Олегъ поя з а сына Аепину дчерь», в Ипат. «за сына» опущено; в Хлебн., Лавр. и Радз. «Г и р г е н е в у [Г и г р е н е в у] внуку», в Ипат. «Яневу»; под 6618 (1100) г. в Хлебн., Лавр. и Радзив. «и слугы своя огнь п а л я щ ь [п о л я щ ь]», в Ипат. «пламянъ»; и мн. др.[1]

[1] Отмечу здесь некоторые явные ошибки Ипатьевской, исправленные Хлебниковскою летописью, согласно с Лаврентьевскою и Радзивиловскою. Под 6362 г. «насельници» вм. «наслѣдници»; под 6494 г., в речи философа, восстановлены после «еже благословиться» слова «имя ново еж благословится имя»; выше «в Самаріи» вм. «в Сурии»; в перечне сыновей Владимира «Ярославъ» вм. «Ярополкъ»; под 6501 г. «нѣсть ли мужа» вм. «вѣльможа»; под 6453 г. «в перегбехъ» вм. «в перегребѣхъ»; под 6505 г. «и бѣ г л а д ъ великъ» вм. «градъ»; под 6573 г. «П а л е с т и н с к о у ю землю» вм. «Паленьскую»; под 6605 г. «и рекоша Д а в ы д о в и л ю д ь е» вм. «Давыдъ и людье». Далее Хлебниковская, опять согласно с Лаврентьевской и Радзивиловской, восстановила ряд пропусков Ипатьевской летописи. Под 6390 г. «и пріиде к Смоленскоу и с кривичи»; под 6451 г. «оугре»; под 6494 г., в речи философа, «и видѣ звѣзды и небо»; ниже «и роди сына Агарь»; ниже «въста яко спя господь и пакы», далее «и сь рекь вьзношашеся»; под 6524 г. «и обломися ледъ»; под 6532 г. «Мьстиславь в Черниговѣ а в Новѣгородѣ»; под 6592 г. «и пришедша прогнаста Ярополка»; под 6601 г. «прославихомъ почтени бывше не»; под 6603 г. «взяста межи и»; под 6604 г. «бысть же вѣсть Изяславоу»; ниже «Олегъ же вниде въ градъ»; ниже «Мьстиславоу, а Ярославъ поиде противоу»; под 6607 г. «Давыда къ Володімерю и прогна»; под 6610 г. «а в Володімери сына своего посадіти в»; под 6611 г. «и обѣты въздаваху богоу»; под 6614 и 6615 гг. восполнены большие пропуски, обозначенные в Ипатьевской оставленными пустыми строками. Кажется, можно думать, что большая часть указанных пропусков восходит к оригиналу Ипатьевской летописи: ср. в части, следующей за «Повестью временных лет», ряд пропусков, не восполненных в Хлебниковской.

Некоторые чтения Хлебниковской летописи совпадают с чтениями Новгородской 1-й летописи, отличаясь от Ипатьевской, Лаврентьевской и Радзивиловской. Такие чтения Хлебниковской возводим также к Полихрону, сохранившему в этих случаях текст первоисточника — первой редакции «Повѣсти вр. лѣтъ»; чтения же остальных списков возводим к Киевскому своду, лежавшему в основании: а) свода 1198—1199 г., источника Ипатьевской; б) Владимирского свода 1185 г. — источника Лаврентьевской (сообщившей свои чтения Радзивиловской). Приведу несколько таких чтений.

Под 6463 (955) г. в Хлебн. и Новг. 1-й «съблюлъ отъ в с е г о зла», в Ипат., Лавр. и Радзив. «всякого»; под 6477 (969) г. в Хлебн. и Новг. 1-й «моляшеся богу за Русь», в Ипат. «моляшеся къ богу за Русь», в Радзив. и Лавр. «моляше бога за Русь»; под 6488 (980) г. в Хлебн. и Новг. 1-й «велий [бо] господь н а ш ь», в Ипат., Лавр. и Радзив. «нашь» опущено; под 6491 (983) г. в Хлебн. и Новг. 1-й «п о д с ѣ к о ш а сѣни», в Лавр. и Радзив. «посѣкоша», в Ипат. «сѣкоша»; под 6494 (986) г. в Хлебн. и Новг. 1-й «обладаше и м и всѣми», в Лавр., Радзив. и Ипат. «ими» опущено; в Хлебн. и Новг. 1-й «Сему [же] Давыду кляся г о с п о д ь», в Лавр., Радзив. и Ипат. «богъ»; в Хлебн. и Новг. 1-й «и н а р е к о у т ь имя емоу», в Лавр., Радзив. и Ипат. «прозовуть»; в Хлебн. и Новг. 1-й «повелѣ в рай и т и вѣрнымъ», в Лавр. и Радзив. «внити» (в Ипат. опущено); под 6496 (988) г. в исповедании веры в Хлебн. и Новг. 1-й «но единъ богъ», в Лавр., Радзив. и Ипат. «но» опущено; под 6504 (996) г. Хлебн. и Новг. 1-й «не могоуще [могущи] ходити», в Лавр., Радзив. и Ипат. «не могы ходити»; под 6523 (1015) г. в Хлебн. и Новг. 1-й «яко хотять [тя] о у б и т и», в Лавр., Радзив. и Ипат. «погубити»; под 6568 (1060) г. в Хлебн. «овии отъ зимы п о м р о ш а», в Новг. 1-й «изомроша», в Лавр., Радзив. и Ипат. «помроша» опущено; под 6571 (1063) г. в Хлебн. и Новг. 1-й «не на добро бысть», в Лавр., Радзив. и Ипат. «не добро бысть», и некоторых др.

Хлебниковская летопись извлекла из Полихрона не только такие чтения, которые согласны с известными и рассмотренными нами списками, но еще и такие, которым не найдется соответствия ни в Лаврентьевской, ни в Радзивиловской, ни в Новгородской 1-й. Для утверждения, что многие из таких чтений восходят именно к Полихрону, мы находим указания двоякого порядка. Одни из подобных чтений оказываются тожественными с чтениями некоторых позднейших сводов, основывающихся на тексте позднейшей редакции Полихрона, а именно редакции 1423 г.; другие чтения содержат фактические прибавки, предполагающие пользование со стороны редактора памятника не одними летописными данными, а разнообразным историко-литературным материалом, — но таков именно был характер Владимирского полихрона начала XIV в. Поэтому такие чтения, равно как те, что сближают Хлебниковскую летопись с позднейшим Полихроном, вероятно возвести именно к Полихрону начала XIV в.

Приведу некоторые чтения Хлебниковской, находящие себе соответствие в позднейших сводах.

В начале, в первом перечне славянских племен, после имени «лютичей» («ляховѣ и прозвашася поляне ляховѣ, друзии лютичи») в Хлебниковской прибавлено «Литва», ср. прибавку Литвы в том же месте в Ермолинской, Львовской, и Тверской («а инии Литва»); ниже, вместо «до Ловоти», «по Ловоти» читаемъ «до Волоти», «по Волоти», ср. тожс в Львовской, двух списках Воскресенской, в Хронографе 1512 г., в списке Царского Софийской 1-й летописи и в Никоновской; под 6374 г. слова «в рѣку» («божественую ризу святыя богородица с пѣсьнѣми изнесъше в рѣку омочиша») исправлены «в море»; ср. «въ море [морѣ]» в Хронографе 1512 г., списке Царского Софийской 1-й летописи, Львовской, Тверской и Никоновской; под 6453 г. в договоре Игоря «и отъ всего княженіа» вм. «и отъ всея [всякоя] княжья» старших списков, ср. в Софийской 1-й: «и отъ всѣхъ княженій»; подъ 6523 (1015) г. после «и пришедшю ему на Волгу» прибавлено «на оусть Тмы» (позже исправлено: «оустьи Смѣдыни»), ср. в Тверской «на усть рѣки Тъми» (XV, стр. 130); ниже вм. «потъчеся конь вь ровѣ и н а л о м и ему ногу мало» в Хлебниковской «надломи», ср. тоже в Тверской.

Из фактических прибавок в тексте Хлебниковской летописи внимание наше останавливается прежде всего на вставке в заглавии летописи имени Нестора: в Ипатьевской, согласно с Радзивиловскою, заглавие читается так: «Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Федосьева манастыря Печерьскаго откуду есть пошла Руская земля стала есть и кто в ней почалъ пѣрвѣе княжити». Заметим, что слова «стала есть» находят себе соответствие в Лаврентьевской («и откуда Руская земля стала есть»). Быть может, приведенное заглавие, кроме слов «стала есть», восходит в оригинале Ипатьевской и Хлебниковской к своду 1198—1199 г., а слова «стала есть» заимствованы ими из Полихрона (ср. Лаврентьевскую). Составитель Хлебниковской, руководившийся в своих поправках Полихроном, вышустил слова «стала есть», как неуместно вставленные, но прибавил после «княжити»: «и откоудоу Роускаа земля стала есть» — прибавка, как видно из Лаврентьевской, может восходить именно к Полихрону; но если это так, то вероятно возвести к Полихрону и более существенную поправку, а именно замену слова «черноризца» словами «Нестера черноризца». Отсюда мы извлекли бы указание на то, что приписать «Повесть временных лет» Нестору решился впервые составитель Владимирского полихрона начала XIV в. Мы поставили бы в связь с этим еще две вставки, восходящие в Хлебниковской к Полихрону, в известия, относящиеся к Печерскому монастырю: под 6599 (1091) г. к слову «игуменъ» прибавлено «Иоаннъ»; под 6614 (1106) г. к имени Святоши, в известии о его пострижении, прибавлено «Никола».

Укажем на исправления в библейских текстах. Под 6463 (955) г. вм. «д ѣ л а т е л ь нечестивыхъ далече отъ разума» в Хлебниковской «дѣла» (Притчи Соломона, XIII, стр. 20); вм. «кажай злыя приемлеть собѣ д о с а ж е н ь е» в Хлебниковской «бесчестіе»; под 6494 (986) г. вм. «ему же б ы с т ь н а ч а л о на рамѣ его» в Хлебниковской «власть бысть»; вм. «и миру его нѣсть к о н ц а» в Хлебниковской «предѣла конца»; вм. «еда не моглъ

еси быти в тысящахъ Июдовахъ» в Хлебниковской «ничимже менши еси въ владыкахъ Іоудовахъ»; вм. «ис тебе бо изидеть старѣйшина быти князь ихъ [быти въ князех]» в Хлебниковской «иже оупасеть люди моа»; ниже вм. «послю обѣтование отца моего» в Хлебниковской «моего на вы»; выше, вм. «благословить тя колѣна земная» в Хлебниковской «вся колѣна земная»; под 6545 (1037) г. вм. «ищющимъ мене обрящють», в Хлебниковской «обрящють благодать»; под 6586 (1078) г. вм. «да кто положить душю свою за други своя», в Хлебниковской «своя, сеи велiи наречеся в царствiи небеснѣмь».

Отметим еще поправки в текстах, относящихся к благочестивым рассуждениям и событиям церковно-историческим. Под 6494 (986) г. в речи философа: вм. «кумиротворению» — «коумирослоужению»; вм. «и число земльную миру» — «вѣру»; вм. «Пилатъ же повелѣ да и расъпнуть» — «Пилатъ же повелѣ его распяти»; под 6496 (988) г. в исповедании веры: вм. «безначаленъ» — «събезначаленъ»; вм. «дѣвство матери» — «дѣвство матерне»; вм. «рабии зракъ» — «рабии образь»; ниже вм. «крещение покаяние въ отпущение грѣховъ» — «крещение»; под 6523 (1015) г. в похвале Борису и Глебу: «добляя страстотропца» вм. «страстьника»; вм. «радуетьсѧ церкви свѣтозарное солнце стяжавши» — «радуетася церкви» (двойственное число, вызванное очевидно наличностью двух церквей на Альте, деревянной и каменной); под 6527 (1019) г. вм. «аще есте отсюду тѣломъ оттошла» — «тѣломъ далеча отсюдоу»; под 6582 (1074) г. в похвале Феодосию: вм. «т еси отець намъ всѣмъ» — «всѣмъ и оучитель»; под 6601 (1093) г. вм. «се бо есть батогъ божий» — «бичь»; под 6618 (1110) г. вм. «ово бо огнемь ово столпомь ово инако» — «ово бо огненомъ образомъ ово инакымъ виденiемъ».

Укажем еще на несколько случаев распространения текста (амплификации). Под 6453 (945) г. после «они же сѣдяху в перегбехъ» прибавлено «величающеся»; под 6523 (1015) г. после «овѣмъ кръзна а другимъ кунами и раздая множьство» прибавлено «отча богатства»; под 6524 (1016) г. после «оупившься с дружиною своею» прибавлено «лежаше»; ниже, после «вьступиша на ледъ и обломися ледъ», прибавлено «с вои Святополчи и мнози потопоша в водахъ»; под 6545 (1037) г., после «нача вѣра крестьяньская плодитися», прибавлено «в Роуси» (ср. подобную же приписку в Ипатьевской); под 6546, 6548, 6549 гг., после известий о походах Ярослава, прибавлено «и побѣди [я]»; под 6559 (1051) г. после «не выходя ис печеры лѣтъ 40» прибавлено еще раз «не исходя ис печеры»; вм. «къ Изяславу князю» — «къ великомоу князю Изяславоу».

Замена одних слов и выражений другими довольно обычна. Под 6491 (983) г. вм. «не ядять бо ни пьють ни молвять» — «ни глаголють»; под 6530 (1022) г. вм. «что ради губивѣ дружину межи собою» — «гоубити хочемъ»; под 6542 (1034) г. вм. «великома очима» — «великы имѣ очи»; под 6551 (1043) г. вм. «вьдасть Ярославъ сестру свою» — «выда»; под 6552 (1044) г. вм. «того же лѣта» — «в се же время» и «в се лѣто»; подъ 6573 г. вм. «и полкы объявьляюцемъ» — «обоамо являемы»; под 6576 (1068) г.

вм. «и рече дружинѣ своеи потягнемъ» — «рече своимъ: потягнѣмъ дроужино»; под 6579 (1071) г. вм. «повозникомъ» — «подводникомъ»; вм. «родимый» — «родинъ»; под 6586 (1078) г. вм. «аще ли кто молвить» — «дѣеть»; под 6598 (1090) г. вм. «и пристрою в нѣи великоу створи» — «прикроутоу»; под 6601 (1093) г. вм. «не кушайся противу имъ» — «не доумай»; вм. «пустиша по землѣ воююще» — «пустишася» (два раза); под 6605 (1097) г. вм. «за мое оузнесенье» — «высокоуміе», и т. д.

Приведу еще несколько неудачных исправлений, допущенных Хлебниковскою летописью. Под 1091 г. в Ипатьевской: «і възлозъше на варанитью, вынесоша предъ пещероу» (ср. в Лаврентьевской: «взложьше на вариманътью и вынесоша и предъ пещеру»), в Хлебниковской «и възложше и на рамо вынесоша и предъ пещеру». Поправка восходит к Полихрону и далее к Владимирскому своду начала XIII в., как можно заключить из Радзивиловской, где соединены чтения Владимирского свода начала XIII в. (Переяславской летописи) и Лаврентьевской: «и възложе и на монатью и вземше на рамо вынесоша предъ пещеру»; под 6583 (1075) г. вм. «сего суть смѣтье лучьше» (как в Ипатьевской, причем «смѣтье» заменило древнее чтение «кметье» Лаврентьевской и Радзивиловской), в Хлебниковской читаем: «сего соуть клѣти лоучши»; под 6488 (980) г. пропуск слов «воеводы Блуда» (в Ипатьевской от них сохранилось только: «азъ буду») восполнен словом: «пріати», ср. в Лаврентьевской и Радзивиловской: «азъ буду тобѣ въ сердце и въ приязньство».

Исследование Хлебниковской летописи в ее отличиях от Ипатьевской не должно упускать из виду следующих двух обстоятельств, препятствующих возводить эти отличия к Полихрону начала XIV в. Во-первых, некоторые чтения Хлебниковской, представляющиеся исправленными сравнительно с Ипатьевской, могут происходить от основного ее оригинала, общего с Ипатьевской, ибо не подлежит сомнению, что Ипатьевская вносила некоторые изменения и искажения в свой оригинал. Так, более исправное сообщение Хлебниковской 6618 (1110) г. о набеге половцев на Переяславль и о захвате, сделанном ими у Чючина, может быть возведено к общему оригиналу Хлебниковской и Ипатьевской; равным образом чтение Хлебниковской «и възвеселися сердце мое и възвеличися оумъ мой» (под 1097 г.) представляется более первоначальным, чем испорченное чтение Ипатьевской: «и веселяся сердце мое и възвеселися сердце мое», и не ведет нас непременно к Полихрону, ибо, конечно, оригинал Ипатьевской и Хлебниковской мог быть в известных частях вполне исправным. Во-вторых, в Хлебниковскую летопись при переписке могли быть внесены явно ошибочные чтения, которых нет основания возводить ни к Полихрону, ни к оригиналу Хлебниковской и Ипатьевской летописей: ср. под 6576 (1068) г. «по брегу» вм. «къ погребу»; под 6579 (1071) г. «на позорѣ» вм. «на порозѣ»; под 6582 (1074) г. «другои ночи» вм. «другоичи»; «рыскали» вм. «лыскати»; под 6589 (1081) г. «и яста брани творя», вм. «и яста Ратибора»; под 6605 (1097) г. «остани на Святополкъ», вм. «на святокъ»; под 6598 (1090) г. «строино губаное», вм. «строенно банное»; под 6545 (1037) г. «досить

часто», вм. «достоить»; под 6611 (1103) г. «в трополчехъ», вм. «в протолчехъ»; под 6615 (1107) г. «а Оугре яша», вм. «а Сугра яша» и др. Отметим также пропуски, которых не было ни в оригинале Хлебниковской, ни также, повидимому, в Полихроне, напр.: «мирно лѣто» под 6537, «се же бысть исходящю лѣту 6604 индикта 4 на полы» под 6604, «принесени святии въ святую богородицю» под 6515, и некоторые др.

ГЛАВА VI

ЛЕТОПИСЕЦ РУССКИХ ЦАРЕЙ (ТАК НАЗ. «ЛЕТОПИСЕЦ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ СУЗДАЛЬСКОГО»)

В сборнике б. Московского главного Архива иностранных дел № 902/1468, по палеографическим своим признакам относящемся к XV в., на последних пятидесяти листах его, помещен летописный свод, озаглавленный «Лѣтописець рускихъ царѣй». Издатель этой летописи М. А. Оболенский назвал ее «Летописцем Переяславля Суздальского»,[1] основываясь на ее содержании: действительно, в рассказе о событиях второй половины XII и начала XIII в. имеется ряд данных, ведущих нас к летописцу, жившему в Переяславле Суздальском и работавшему между 1216 и 1219 гг. Но, как увидим, Переяславская летопись была лишь одним из источников рассматриваемого свода, составленного во всяком случае позже XIII в. Сборник Архива иностранных дел, по мнению М. А. Оболенского, представляет собой копию с рукописи, переписанной в 1261 г. Действительно, основная часть сборника, а таковою должно признать те статьи его, которые общи ему с Виленским хронографом № 109 (147) XVI в., восходит к памятнику, составленному, приблизительно, в 1261 или 1262 г., как видно из статьи, озаглавленной «Оуказъ же поганской прельсти сице, иже Совия богомъ нарицають» и помещенной в Архивском хронографе на л. 25 об., а в Виленском на л. 25-м. В этой статье Совий, бывший будто бы начальником той языческой веры, которой придерживались литва, ятвяги, прусы, емь, либ и другие народы, назван современником Авимелеха, и вместе с тем указано, что от Авимелеха и Совья до сего лета, «в няже начахомъ писати книгы сия», есть лет 3446. Если составитель статьи о Совье считал от сотворения мира до Авраама (современника Авимелеха) 3324 года, как согласно с летописцем патриарха Никифора считали многие русские хронографы, то время написания общего для Архивского и Виленского хронографа определяется 6770 г. (1261 или 1262 н. э.). Но «Летописец русских царей» нет основания причислять к основным статьям сборника, ибо его нет в Виленском хронографе. В. М. Истриным доказано, что общий оригинал Архивского и Виленского хронографов оканчивался там же, где теперь оканчивается Виленский хронограф.[2] За этим окончанием в Архив-

[1] «Летописец Переславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов), издан М. А. Оболенскимъ». Москва, 1851.

[2] В. М. Истрин. Александрия русских хронографов, стр. 133.

ском хронографе следует на лл. 478—480 статья, озаглавленная «Начало царества Константина града греческаго» и содержащая список византийских императоров от Константина до Льва, Александра и Константина (первая половина X в.); за этой статьей, на л. 481, помещен «Летописец русских царей». Таким образом ясно, что этот летописец не входил в состав сборника 1262 г., так же как не входил в него список византийских императоров. Начало «Летописца русских царей» сохранилось еще в другом списке, а именно в сборнике XV в., принадлежавшем раньше Никифорову, а теперь составляющем собственность Академии Наук; на л. 211 об. — 225 об. помещен текст этого летописца до середины статьи 6415 (907) г.; текст прерывается вследствие утраты листов. Перед этим помещен Летописец патриарха Никифора в редакции, распространенной вставками из Временника Амартола и из первых статей «Повести временных лет»; но летописец этот помещен не весь; он обрывается на статье «О Авраамѣ како позна искати бога» (восходящей к Амартолу). Останавливаясь на вопросе о взаимном отношении обоих списков «Летописца русских царей», мы должны признать невозможным возводить список Никифоровский к списку Московско-архивскому: Никифоровский список, очень близкий к Московско-архивскому и притом вообще менее исправный, чем он, оказывается в нескольких местах полнее и первоначальнее его.[1] Следовательно оба дошедшие до нас списка «Летописца русских царей» восходят к одному общему оригиналу. Можно с уверенностью утверждать, что из того же оригинала попали в эти оба списка отрывки из Летописца патриарха Никифора — в Никифоровский список начало Летописца, в Московский академический список — конец его, ибо, конечно, перечень христианских императоров Московского академического списка (л. 478—480) восходит к Летописцу Никифора. Уверенность эта возникает вследствие той несомненной связи, которая замечается между текстами «Летописца русских царей» и текстами распространенной редакции Никифорова летописца, читающейся в Никифоровском списке. Как указано, в летописце, кроме вставок из

[1] Так, в начале летописи более первоначальны в Никифоровском списке следующие чтения: «тѣм же из Руси лзѣ ити по Волзѣ», в Моск. арх. «ити» опущено; ниже «исповѣда имъ е л и к о научи», в Моск. арх. «како»; «едва вылѣзоуть еле живи», в Моск. арх. «еле» опущено; ниже «се бо токмо руски языкь», в Моск. арх. «языкь» опущено; тут же «божане», в Моск.-арх. «вожане»; ниже «и постиша до того же года», в Моск.-арх. «и постигоша до того жъ года»; «по Бугу и по Днѣпру» (ср. Ипат. и Радзив.), в Моск.-арх. «по Боугу и по Днѣстру»; ниже «и браци не възлюбился», в Моск.-арх. «мраци»; «бѣлиломь терти», в Моск.-арх. «бѣлимъ тръти»; «оходы женъ п о д м ы в а ю щ е», в Моск.-арх. «подмавающе»; «оружіемь отъ единоя страны», в Моск.-арх. «оружіемъ оноя страны»; под 6406 г. «Риторы вы велиціи рече царь! Можете ли неисцѣлимый недуг уврачевати душевный», в Моск.-арх. опущено; под 6390 г. «Олминъ дворъ», в Моск.-арх. «Олгинъ»; под 6415 г. «углады» (ср. Радзив., Соф. 1-я и др.), в Моск.-арх. «оу грады»; ниже «слѣбленое да емлють», в Моск.-арх. «сълюбленое да емлють». С другой стороны, в Никиф. не мало пропусков; опущен, напр., весь 6410 г.; под 6415 г. «и на Переяславъ» и др.

Амартола, внесены статьи из начала «Повести временных лет»; ср. отрывок: «По потопѣ же 3 сынове Ноеви. . . иже идоть на въстокъ в часть Симовоу» (о непосредственном заимствовании из Амартола нельзя думать в виду вставок: «словене», а также русских рек); далее отрывок: «По Афетовѣ же части сѣдить Роусь. . . и ссѣдятся с племенемь хамовымъ»; наконец, статья о столпотворении. Таким образом оказывается, что в рассматриваемую редакцию Никифорова летописца попали как раз те статьи «Повести временных лет», которые выпущены в «Летописце русских царей», начинающемся с той самой фразы («сіе кольно оть племени Афетова нарицаеміи норици, сіиречь словене»), которою оканчиваются заимствования из «Повести временных лет» в распространенной редакции Никифорова летописца («оть сихь же языкь словенескь оть племени Афетова нарицаемои норици, еже соуть словене»). Итак, между «Летописцем русских царей» и распространенною редакцией Никифорова летописца замечается тесная внутренняя связь: оба памятника составлены одним лицом, подверглись общей редакции. Связь эта сказывается как будто и в самом названии «Летописца русских царей» : оно могло быть извлечено из того общего заглавия, которое в распространенной редакции Никифорова летописца предшествует частному заглавию этого летописца: «Временникъ великихъ царствъ, отколѣ кое царство пошло и руское княженіе». Не подлежит сомнению, что этот Временник дошел до нас только в обрывках: к числу их относим оба отрывка, сохранившиеся в Никифоровском списке и в списке б. Московского Архива иностранных дел. Самое заглавие Временника показывает, что в состав его входил хронограф, изложение событий всемирной истории, с одной стороны, русская летопись — с другой. Ближайшее рассмотрение вопроса о происхождении и составе Временника станет возможным после критического исследования вошедшей в него русской летописи. Точно ли она отразилась в «Летописце русских царей»? Не даст ли анализ этого памятника основания утверждать, что Временник великих царств был лишь одним из источников при его составлении?

Нас останавливают, с одной стороны, сложность, с другой — странность состава «Летописца русских царей» по Московско-архивскому списку. Во-первых, вполне ясно обнаруживается наличность двух вошедших в состав его источников. Вслед за «Повестью временных лет», а именно за рассказом о чудесном явлении огненного столпа над Печерским монастырем в 1110 г. и вызванными им рассуждениями об явлении ангелов, помещены два известия: 1137 г. о поставлении смоленского епископа Мануила и 1143 г. о страшной буре; оба известия неизвестны из Лаврентьевской или Радзивиловской летописей (первое известие есть, но в краткой редакции), но они читаются в той же притом редакции в Ипатьевской летописи, причем из последней оказывается, что буря 1143 г. разразилась около Котельнича, города Киевского княжения. За этим известием находим в «Летописце русских царей» отрывки из «Повести временных лет», а именно известия 1102 г. о знамениях в луне и солнце и обрывок от рассуждений 1110 г. об явлении ангелов («В лѣта Кура царя перьскаго . . . ангельскимь зракомь

не явился», ср. Ипатьевскую под 1111 г.). За этим отрывком следует летописный текст, обнимающий известия 1138—1214 гг., весьма сходный с текстом Лаврентьевской, преимущественно же Радзивиловской летописи. Рассмотрение этого текста привело еще М. А. Оболенского к выводу, что он принадлежит летописи Переяславля Суздальского: ср. под 1175 г. в молитвенном обращении к Андрею Боголюбскому замену имени князя Всеволода Юрьевича (Лавр., Радзив.) именем Всеволодова сына Ярослава, князя Переяславского от 1213 до 1222 гг.; ниже ряд вставок об участии переяславцев в событиях, последовавших за смертью Андрея; под 1176 и 1177 гг. подобные же вставки имени переяславцев при имени володимерцев; наконец, под 1213 и 1214 гг. несколько записей, явно обличающих переяславского летописца. Итак, во-вторых, странным является, что «Летописец русских царей», по самому заглавию своему, а также по связи с «Временником великих царств», заимствовал свое содержание, начиная с 1138 г., из местной летописи Переяславля Суздальского. Присутствие в этом Летописце двух не вполне слитых источников (летописи Киевской, ср. известия 1137 и 1143 гг., и летописи Переяславской), отражение в части 1138 до 1214 гг. одного только источника (летописи Переяславской), несогласованность начала Летописца с его окончанием — все это ведет нас к предположению, что в Московско-архивском и Никифоровском списках отразился не один «Летописец русских царей», а несколько летописных источников, в компиляции, не подвергшейся при этом должной обработке. Два источника этой компиляции выяснились уже из предыдущего исследования— это, во-первых, «Временник великих царств», а во-вторых, летопись Переяславля Суздальского. К последней летописи, кроме части, обнимающей события 1138—1214 гг., относится предположительно кое-что и в «Повести временных лет»; ко «Временнику великих царств», кроме начала (т. е. хронографической части) может относиться и текст «Повести временных лет» во всем его объеме или в большей его части. Известия 1137 и 1143 гг. ведут нас как будто еще к третьему источнику — к Киевской летописи, ибо буря при Котельниче записана, конечно, жителем Киева или его окрестностей. Текст «Повести временных лет» по Московско-архивскому списку подтверждает, как увидим, сделанное здесь предположение о трех источниках компиляции, названной «Летописцем русских царей». В виду этого остановимся здесь на более точном определении характера и состава каждого из трех указанных источников этой компиляции.

Как увидим ниже, в «Летописце русских царей», в его «Повести временныхъ лет» найдется ряд чтений, сходных с Ипатьевскою летописью и отличающихся от чтений Лаврентьевской и Радзивиловской. Имея же в виду, что известия 1137 и 1143 гг. тожественны с соответствующими известиями Ипатьевской, мы с уверенностью можем предполагать существование общего источника для Ипатьевской летописи и «Летописца русских царей», каковым естественно признать Киевскую Выдубицкую летопись, о которой мы говорили выше. Заимствования из нее не переходят 1143 г. потому, что окончание «Летописца русских царей»,

начиная с 1138 г., восходит к одному источнику — к Переяславской летописи.

Этот второй источник «Летописца русских царей» составлен между 1216 и 1219 гг. В самом конце Летописца читаем: «се же бысть лѣто высокосное»; высокосным не был 6722 (1214) г.; ближайшим же высокосным годом был 6724 (1216) г.; поэтому вероятным считаем отнести эту запись к 1216 г. Что Переяславская летопись составлена не позже 1219 г., доказал М. А. Оболенский, сопоставивший то место, где летописец испрашивает от бога прижития детей благородных князю Ярославу Всеволодичу и его княгине (1175 г.), с дошедшим до нас известием о рождении у Ярослава сына Федора в 1219 г. Сопоставление текста 1138—1214 гг. по «Летописцу русских царей» с соответствующим текстом Лаврентьевской и Радзивиловской летописи показывает, что Переяславская летопись, откуда этот текст заимствован в Летописец, близко сходствовала с названными летописями. Мы знаем, что Лаврентьевская летопись в основной своей части передает Владимирский летописный свод XII в.; сходство Переяславской летописи с Лаврентьевскою естественно объяснить тем, что и в ее основание положен Владимирский свод. Переяславль Суздальский — удельный город Владимирского княжения должен был получить свое летописание из престольного города Владимира; такое утверждение особенно необходимо в виду княжеского характера, который имела эта летопись, а княжеский характер ясно сказывается под 1175 г. в молитвенном обращении летописца к убитому Андрею Боголюбскому (ср. выше). Так же точно княжеская Ростовская летопись, веденная лицом близким к Константину Всеволодичу, положила в основание свое Владимирский летописный свод, как мы это видели в статье о Лаврентьевской летописи. Тесная зависимость Переяславского летописца от владимирского летописания заставляет нас предполагать, что почти все содержание его летописного труда заимствовано из Владимирской летописи, причем лишь немногое, носящее вполне местный характер, обязано перу самого летописца. Следовательно, мы думаем, что в основании Переяславской летописи лежал Владимирский летописный свод, доведенный до 6724 (1216) или до 6722 (1214) г. Изучая Радзивиловскую летопись, мы видели, что главным источником ее была Переяславская летопись; составителю Радзивиловской попался при этом такой экземпляр Переяславской летописи, где был утрачен конец, и где последние листы были перепутаны; тесная зависимость от главного своего источника не позволила составителю Радзивиловской продолжить ее за 1206 г., последний в том испорченном экземпляре Переяславской, которым он пользовался. Вторым источником Радзивиловской была Лаврентьевская летопись. Следовательно, все то фактическое содержание Радзивиловской, которое не может восходить к Лаврентьевской, должно быть возведено в ней к Переяславской летописи. Отсюда же неминуемо вытекает, что «Летописец русских царей» в своей «Повести временных лет» следует не Переяславской летописи, а другим источникам. Так, из Радзивиловской летописи видно, что Переяславская называла церковь в Корсуни, где крестился

Владимир, церковью богородицы; между тем в «Летописце русских царей» она названа церковью Василия; так, в легенде об апостоле Андрее Переяславская летопись говорила, что новгородцы обливались в своих банях «мытелью», между тем «Летописец русских царей», согласно с Лаврентьевской, представляет чтение «квасомъ оусняномъ». Из подобных примеров выясняется, что «Повесть временных лет» по «Летописцу русских царей» не представляется возможным возводить всецело к Переяславской летописи, подобно тому как к ней всецело возводится, напр., текст 1138—1214 гг. Напротив, мы имеем ряд оснований думать, что «Летописец русских царей» компилирует в «Повести временных лет» чтения Переяславской летописи с чтениями Киевской (о которой мы говорили выше), а также еще с чтениями третьяго источника; к определению его мы и переходим.

Выше было указано, что распространенная редакция Никифорова летописца, сохранившаяся в начальном отрывке в Никифоровском списке, стоит в тесной связи с «Летописцем русских царей» и содержит явные признаки редакторской работы, общей ей и этому летописцу. Связь эта может быть истолкована двояким образом: можно предположить, что составитель «Летописца русских царей» имел в числе источников Летописец патриарха Никифора, который он дополнил летописными статьями прочих своих источников; но можно также предположить, что Летописец Никифора стал известен составителю «Летописца русских царей» в уже распространенной редакции, в редакции, уже включившей в себя некоторые статьи из «Повести временных лет»; в таком случае пришлось бы допустить, что отсутствие этих самых статей в «Повести временных лет», читающейся в «Летописце русских царей», замечалось уже в том источнике Летописца, откуда заимствованы Летописец Никифора в распространенной редакции и следовавшая за ним «Повесть временных лет». Я нахожу более вероятным второе предположение: ясно, во-первых, что заглавие, предшествующее заглавию Летописца патриарха Никифора («Временник великих царств» и т. д.), не может относиться к той скромной компиляции, какою представляется «Летописец русских царей»; во-вторых, это самое заглавие, в конечной части своей упоминающее и о русском княжении, доказывает, что за ним следовал памятник, обнимавший и хронограф и русскую летопись; отсюда ясно, что исследуемая нами компиляция является лишь извлечением из более обширного труда; в-третьих, повторю это еще раз, сопоставление заглавия «Летописец русских царей» с заглавием «Временник великих царств» указывает на то, что оба заглавия сочинены не одним, а разными лицами, причем заглавие «Летописец русских царей» сочинено под влиянием заглавия «Временник великих царств». Итак, представляется вероятным, что редактор нашей компиляции заимствовал из одного общего источника как распространенную редакцию Никифорова летописца (хронографа), так и следующий за нею летописный текст; заимствование сделано сокращенно, в извлечении; по этому извлечению можно составить себе лишь приблизительное понятие об объеме и содержании этого источника, носившего

заглавие «Временник великих царств»; тем более, что летописный текст, как показано выше, был, кроме сокращения, слит с текстами двух других источников — Киевской и Переяславской летописей. Тем не менее путем исключения из «Летописца русских царей» того, что может быть возведено к обоим названным летописям, мы получаем значительный материал, восходящий, очевидно, к «Временнику великих царств»; весь этот материал относится к «Повести временных лет», а потому мы рассмотрим его ниже. Но укажем теперь же основания, почему возможно отожествить «Временник великих царств» с известным нам уж из предыдущего исследования Владимирским полихроном начала XIV в.

Владимирский полихрон, как мы видели, отразился в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях; далее на основании его внесено много поправок в Хлебниковскую летопись, восходящую к одному общему оригиналу с Ипатьевской; наконец, как увидим ниже, Полихрон начала XIV в. послужил основанием для позднейшей редакции Полихрона, редакции 1423 г., восстановляемой, между прочим, по Софийской 1-й, Новгородской 4-й и другим летописным сводам XV в. «Летописец русских царей» представляет много чтений, сходных с Ипатьевскою и Лаврентьевскою летописями, но, как будет показано ниже, эти чтения могут быть возведены и к другому источнику его — к Киевской летописи, содержавшей, согласно данным, выяснившимся в исследовании об Ипатьевской летописи, первую редакцию «Повести временных лет», т. е. ту самую редакцию, которая отразилась в летописи Лаврентьевской. Но чтения «Летописца русских царей», общие с Хлебниковскою летописью и отличающиеся от чтений летописей Радзивиловской, Лаврентьевской и Ипатьевской, должны быть возводимы именно к Владимирскому полихрону, ибо согласно предыдущему, Хлебниковская летопись отличается от текста Ипатьевской летописи тем, что подверглась влиянию Полихрона. Ниже мы приведем несколько таких чтений, но важно отметить, что некоторые из них могут быть возведены к Переяславской летописи — источнику «Летописца русских царей», источнику, дошедшему до нас в Радзивиловском списке не в первоначальном виде, а в соединении с Лаврентьевскою летописью. Тем бо́льшего внимания заслуживает следующее совпадение Хлебниковской летописи и «Летописца русских царей». В начале «Повести временных лет», в рассказе о столпотворении, в Лаврентьевском, Ипатьевском, Радзивиловском читаем: «[и] в лѣта многа хранимь останокь», но в распространенной редакции Никифорова летописца, предшествующей «Летописцу русских царей», к слову «останок» прибавлено «тъй»; прибавка эта имеется и в Хлебниковской летописи, и в компиляциях XV в., восходящих к Полихрону 1423 г. (Соф. 1-я: «останокоть», «останокь тоть»; Новг. 4-я: «останокь тьй»). Не подлежит сомнению, что вставка летописных статей сделана в распространенную редакцию Никифорова летописца не из Переяславской летописи, так как никаких вообще указаний на соединение Переяславской летописи с хронографом не имеется. Между тем самое название Полихрон, дававшееся митрополичьему своду, указывает, повидимому, на то, что

в нем русская летопись излагалась не одна, а после летописи событий всемирных. Кроме того, как увидим ниже, некоторые летописные компиляции, тесно связанные с Полихроном 1423 г., предпосылают летописи, очевидно по примеру Полихрона, хронографические извлечения (напр., Тверской сборник, Летопись Аврамки и др.). Следовательно, с большим вероятием можем возвести распространенную редакцию Никифорова летописца к Полихрону начала XIV в., и это тем более, что текст попавшей в нее летописной статьи сходствует со стоявшею в непосредственной от него зависимости Хлебниковскою летописью. Итак, мы получаем основание утверждать, что Владимирский полихрон начала XIV в. назывался «Временником великих царств», далее, что в состав его входили хронографические статьи и перечни византийских императоров, наконец, что из «Повести временных лет», которою начиналась русская летопись, были исключены восходящие частью к Амартолу, частью к другим хронографическим источникам перечни стран и народов, а также рассказ о столпотворении: все это было вписано в хронографическую часть Полихрона.[1]

Подводя итоги предыдущему исследованию, видим, что источниками летописной компиляции, сохранившейся в неполном виде в Никифоровском и Московско-архивском списках, служили: во-первых, «Временник великих царств», т. е. Владимирский полихрон начала XIV в., во-вторых, Киевский Выдубицкий свод, быть может в редакции, доходившей до 1198 г. (ср. пользование этой редакцией со стороны составителя Ипатьевской летописи); в-третьих, Переяславская летопись, доведенная до 1214 г. Компилятор в основание своего труда положил Полихрон; сделав из него выборку хронографических статей (эта выборка была полнее, чем в Никифоровском списке, ибо, судя по Московско-архивскому, в ней читался и перечень византийских императоров), компилятор сделал по Полихрону же извлечение из «Повести временных лет», извлечение, исправленное по двум другим его источникам. После 1110 г. он оставил совсем Полихрон; обнаружив сначала колебание — которому из двух других источников следовать, выписав из Киевской летописи известия 1137 и 1138 гг., он перешел к Переяславской летописи. Из нее он выписывает зачем-то показавшееся ему интересным известие 1102 г. о небесных знамениях, затем отрывок из рассуждения об ангельском видении из статьи 1111 г. и, наконец, с 1138 по 1214 гг. он дает довольно точную копию со всей оставшейся неиспользованной части Переяславской летописи. О некоторых редакторских приемах, а также домыслах и прибавках редактора скажем ниже при анализе «Повести временных лет».[2] Здесь же остановимся на вопросе о времени и месте составления компиляции.

---

[1] Прибавка к имени «Печеры» слов «идеже и соколы водятся» принадлежит, вероятно, составителю Полихрона. Прибавка «правое слово зарѣкше» в статье о столпотворении сильно напоминает епифаниеву статью (из Анкирота), помещенную в Сборнике 1073 г.

[2] Под 980 г. вместо «бѣ бо рече», как в Лаврентьевской и других летописях, мы читаем: «рече бо книга Царская Григорием мнихом о Соломоне», и в при-

Пользование Полихроном начала XIV в., с одной стороны, наличность списков компиляции, восходящих к XV в.,—с другой, определяют это время XIV—XV вв. Пóзднее происхождение ее доказывается также заменой имени половцев и печенегов в нескольких местах именем татар, например: под 898, 993, 996, 1091 гг. Далее к позднему же времени ведет, как заметил и Бережков в своем исследовании об этой компиляции, употребление слова «царь», «царствовати» вместо «князь», «княжити» (882 г.: «и сѣдѣ Олѣгъ княжа и царствоуа въ Кіевѣ»; 862 г.: «и поставимъ надъ собою царствовати»; ср. самое заглавие: «Лѣтописецъ русскихъ царей»). Такое словоупотребление не указывает непременно на XV в., ибо и в XIV в., напр., Дмитрий Донской называется составителем его жития царем. Но, быть может, вместе с некоторыми другими данными, оно может указывать на место вероятного составления нашей компиляции. Это был запад или юго-запад Руси. Рост литовско-русского государства мог отразиться и на представлениях о великокняжеской власти. Составитель похвалы Витовта (умершего в 1431 г.) называет его царем; так же мог вéличаться еще и Ольгерд. Указание же на запад и на юго-запад Руси, как на место составления нашей компиляции, мы извлекаем, между прочим, из некоторых лексических особенностей; Ольга говорит древлянам: «идуть по мнѣ съ дружиною моужа моего приставлены къ скарбоу»; слово «коурганъ», употребленное в рассказе о нравах вятичей, кривичей и прочих племен, попало от татар или других тюрков едва ли не прежде всего в южную Русь.

веденном затем тексте вм. «погибе» — «поплъзеся». Имея в виду, что «Царскою книгою» естественно было назвать книги Царств, помещенные в Московско-архивском списке после записи, где упомянут пресвитер Григорий как переводчик книг завета божия, почему возможно связать имя Григория именно с книгами Царств, — вероятно думать, что приведенная вставка сделана составителем Московско-архивского списка при включении в него Летописца русских царей.

ГЛАВА VII

СИНОДАЛЬНЫЙ СПИСОК НОВГОРОДСКОЙ 1-й ЛЕТОПИСИ

Литературная история Новгородской 1-й летописи представляется довольно сложною и запутанною, между прочим, потому, что начало Новгородского летописания восходит к отдаленнейшим временам, к XI в., между тем как памятники его сравнительно нового происхождения. Так, палеографические особенности Синодального списка убедили А. И. Соболевского, что он составлен в XIV в., и с таким заключением, как увидим, согласуется и то, что мы знаем об его источниках. Основная часть Синодального списка доведена до 1330 г.; начиная с последнего известия этого года, идут разные почерки; последними записаны события 1337, 1345 и 1352 гг., причем содержание записей указывает на появление их в Юрьевском монастыре близ Новгорода. Но и в основной части видим несколько почерков, что давало исследователям основание допускать разновременное составление и написание отдельных частей Синодального списка: первым почерком написаны события до 1199 г. включительно, вторым от последних известий 1199 до 1234 г. (обрывается на неоконченной фразе), третьим от 1234 до 1330 г. Трудно, однако, допустить разновременность этих почерков; непонятна была бы смена второго и третьего почерка на полуфразе;[1] первый почерк, если он, как мне кажется, захватывает и первые слова в рассказе 1200 г. («Ловоть взята Литва и до Налюця») сменяется вторым также на неоконченной фразе. В виду этого вероятнее допустить, что древний оригинал скопирован в XIV в. тремя писцами различных школ, а быть может и поколений. Следовательно, исследованию нашему подлежит не самый Синодальный список, а оригинал его, как только мы начнем говорить о составе и происхождении Новгородской 1-й летописи. Этот памятник, доведенный до 1330 г., вероятно составлен около того же времени. Анализ его сильно затрудняется тем, что Синодальный список утратил свое начало; первая страница его начинается второй половиной укорительных речей Святополкова воеводы Волчья Хвоста, сказанных им перед Любецкой битвой (изложенной под 1016 г.). Восстановить утраченное начало по другим спискам Новгородской 1-й летописи невозможно:

---

[1] Возможно, что окончание рукописи, написанное второй рукой, *было утрачено* и взамен его появилось окончание, написанное третьим почерком.

это видно из полного несходства их с Синодальным списком в части от 1016 и до 1074 г. включительно; только с 1075 г. видим сходство, а местами даже и тожество, продолжающееся до 1333 г. Сравнительное изучение Синодального и прочих списков в части от 1075 до 1333 гг. убеждает в том, что протограф этих последних списков скопирован с того ж оригинала, что Синодальный, причем местами текст их точнее и полнее, чем этот список. Ср., напр., лишнее в списках Комиссионном, Толстовском и Академическом, лишнее против Синодального, под 1169 г. («нь еще бо тогда дѣтескъ бяше сый»), 1193 г. (поставление архиепископа Мартирия и эпизод с переветником Савицей), под 1194 г. (имя строителя храма Филиппа: «Радославъ Даниловичъ»), под 1196 г. (имя мастера, строившего церковь Кирилла в монастыре в Нелезене: «Коровъ Яковличъ»), под 1199 г. (имя строителя церкви сорока мучеников: «Прокша Малышевичъ»), под 1200 г. (прибавлено: «въ Клинѣ» для означения места битвы с Литвой), под 1211 г. (прибавлено: «послѣ дай ему», — т. е. Вячеславу Прокшиничу — «здравие и спасение въ отпущение грѣховъ и молитвами святыхъ 40 мучеников») и т. д. Оставляя пока в стороне списки XV в., скажем несколько слов об источниках Синодальной летописи. Главным основанием ее был, как можно предположить, Новгородский софийский свод, несомненно ведшийся издавна при дворе владыки; в этом убеждает между прочим обилие сведений о событиях, так или иначе связанных с владычным домом; поставление архиепископов, их поездки, постройка и освящение ими церквей — все это отмечается весьма обстоятельно и последовательно. Но на первых же листах Синодального списка находим как бы противоречивое нашему предположению обстоятельство: под 1144 г. летописец говорит о себе, что в этом году его поставил попом архиепископ Нифонт; сопоставление этого известия с известием 1188 г. о смерти иерея церкви Иакова Германа Вояты, служившего у церкви Иакова полпятидесят лет, дало основание Прозоровскому отожествить летописца с Германом Воятой, иереем церкви Иакова в Неревском конце. Итак, в древнейшей своей части, обнимающей события приблизительно до конца 80-х годов XII в., Синодальная летопись должна быть признана отражением не Софийского владычного свода, а летописи, ведшейся иереем церкви Иакова. Таким образом мы получаем возможность говорить о двух источниках Синодальной летописи: летописи Германа Вояты и Софийском владычном своде. Тем не менее высказанное выше предположение, что главным основанием Синодальной летописи был Софийский владычный свод, остается в силе, так как сама летопись Вояты основывалась, конечно, на владычном своде: это видно из некоторых древних записей, занесенных в нее и перешедших в Синодальную летопись, записей, касающихся Софийского собора, ср. под 1045 г. о пожаре Софии, под 1066 г. о нападении на Новгород Всеслава, снявшего колокола с Софии, под 1069 г. о чудесном обретении креста Владимира Ярославича в Софии, под 1108 г. о том, что на весну начали расписывать Софию, под 1110 г. о том, что 20 декабря прибыл в Новгород владыка Иоанн, и т. д. Мне представляется вероятным признать летопись Вояты первой или одной из

первых попыток дать литературную обработку Софийскому владычному своду. Герман Воята воспользовался какою-то южнорусскою летописью (об этом заключаем из южнорусских известий, в ней заключающихся) и, сократив ее, вставил в нее известия новгородские, извлеченные из Софийского свода; при этом, приблизительно с 20-х годов XII в., главным содержанием летописи Вояты являются известия новгородские. Ниже остановимся подробнее на составе этой летописи, а здесь отметим, что, повидимому, она скоро нашла продолжателя, быть может, в лице преемника Германа в иерействе у церкви Иакова; так, под 1188 г. внесена запись о смерти Германа Вояты; а под 1230 г. в качестве летописца выступает Тимофей пономарь, которого с вероятностью можно отожествить с Тимофеем пономарем церкви Иакова, переписавшим в 1262 г. Пролог в церковь нерукотворенного образа;[1] Тимофей дополнял очевидно древний летописный свод (в середине XIII в.), причем источником для дополнения служил все тот же Софийский владычный свод. Это обстоятельство видоизменяет несколько предложенное выше заключение: источниками Синодальной летописи надо признать не самую летопись Вояты, а позднейший ее извод — с одной стороны, Софийскую владычную летопись — с другой. Составитель Синодальной летописи положил в основание своего труда летописный свод церкви Иакова, но исправил, дополнил и продолжил его по Софийскому владычному своду. Присутствие двух источников сказывается во многих местах Синодальной летописи: так, под 1196 г. два раза записано об освящении владыкой Мартирием церкви Кирилла в Нелезене, первый раз обстоятельно, с указанием дня освящения, а второй в конце года кратко; думаю, что первое известие непосредственно взято из владычного свода, а второе из летописи церкви Иакова; под 1201 г. повторяются известия, уже изложенные под 1199 г.: избрание Митрофана во владыки; «срубиша городь въ Русь» (ср. под 1199 г. — «вь Русь городь обложиша»).

Но составитель Синодальной летописи не ограничился компиляцией двух новгородских своих источников. Мы видим в его труде ряд статей и известий, сближающих текст Синодальной летописи с Лаврентьевскою и другими; следовательно, это указывает на наличность еще третьего источника, ибо Лаврентьевская и другие сходные с нею суздальские летописи не находились под влиянием ни Софийского свода, ни новгородской летописи церкви Иакова; на особый, притом не новгородский источник указывает и то обстоятельство, что содержание известий, общих Синодальной и Лаврентьевской летописи, не новгородское. Так, под 1205 г. записана смерть жены Всеволода Юрьевича (Лаврентьевская и Радзивиловская под 1206), под 1210 г. поход Всеволода на Рязань (Лаврентьевская под 1207), под 1218 г. длинная статья об убиении Глебом и Константином, князьями рязанскими, своих братьев (ср. Лаврентьевскую под 1217), под 1224 г. длинная статья о Калкском побоище (буквально почти сходное начало этой статьи в Лаврентьевской под 1223), под 1230 г. о землетрясении,

[1] И. И. Срезневский, Славянская палеография, СПб., 1885, стр. 191.

бывшем в пятницу на четвертой (в Синодальной ошибочно: на пятой) неделе по пасхе и ощущавшемся в Южной Руси (ср. Лаврентьевскую под тем же годом), под 1236 г. о пленении татарами Болгарской земли (ср. Лаврентьевскую под тем же годом) и др. Отсюда видно, что в общем источнике Синодальной и Лаврентьевской летописи имелись не только суздальские, но и южнорусские события (под 1223—1224 гг. Калкская битва). Рассматривая Лаврентьевскую летопись, мы видели, что для XIII в. она имела два источника: Ростовский летописный свод XIII в. и Полихрон начала XIV в. И вот у нас возникает предположение, что общим для Синодальной и Лаврентьевской летописи источником был Полихрон начала XIV в. В Полихроне, как мы видели, соединялись известия и статьи суздальские с южнорусскими; из него, например, могло попасть в Синодальную летопись обстоятельное известие о южнорусских событиях 1235 г., опущенное в Лаврентьевской. Полихрон должно признать во всяком случае второстепенным или дополнительным источником Синодальной летописи. В статье, посвященной рассмотрению Комиссионного списка, мы укажем еще на несколько статей и известий, попавших из Полихрона в Синодальную летопись (в оригинал этой летописи), а пока останавливаемся на сделанных уже замечаниях и подводим следующие итоги предшествующему исследованию.

Оригинал Синодального списка составлен около 1330 г. на основании трех источников: летописи церкви Иакова, Софийского владычного свода и Владимирского полихрона начала XIV в. Синодальный список передает свой оригинал довольно точно, но допустил, как увидим, и некоторые сокращения. Летопись церкви Иакова была одной из литературных обработок Софийского владычнего свода. Она была известна в нескольких изводах: древнейший относится ко второй половине XII в. (Герман Воята), следующий к концу XII в. (летописец, записавший смерть Вояты), один из позднейших к середине XIII в. (пономарь Тимофей).

Начало Синодальной летописи путем летописного свода церкви Иакова возводится к летописи Германа Вояты. Из этой летописи попали в Синодальную между прочим статьи и известия, общие с «Повестью временных лет». Поэтому остановимся несколько подробнее на составе, объеме и времени появления летописи Вояты. Герман Воята был попом у церкви Иакова от 1144 до 1189 гг. Следовательно, труд свой он предпринял до 1189 г. То обстоятельство, что под 1144 г. он назвал владыку Нифонта архиепископом, показывает, что Воята начал свой труд после 1165 г., ибо только в 1165 г. был поставлен а р х и е п и с к о п о м епископ Илья. Как указано выше, труд Германа представлял собой компиляцию новгородских известий с известиями какой-то южнорусской летописи. Можно думать, что эта южнорусская летопись доходила только до семидесятых годов XII в.: а именно только до 1174 г. мы читаем в Синодальной южнорусские известия, состоящие преимущественно из сообщений о смене великих князей: ср. под 1146, 1147, 1151 гг. (победа Изяслава над Юрием 17 июля), 1154 (смерть Изяслава 14 ноября), 1157 (смерть Юрия), 1158 (изгнание Изяслава Давыдовича и приглашение на стол Ростислава), 1160 (победа

Ростислава над Изяславом Давыдовичем), 1167 (сел Мстислав Изяславич), 1171 (смерть Владимира Мстиславича), 1172 (сел Михаил Юрьевич), 1174 (сел Роман Ростиславич). Синодальная летопись ничего не знает о Святославе Всеволодиче и Рюрике Ростиславиче, она умалчивает о походах южных князей на половцев в 80-х годах. Но если в распоряжении Вояты находился южнорусский летописный свод, доведенный до 70-х годов, то отсюда можно заключить о том, что работа Вояты началась в 70-х или 80-х годах XII в.

ГЛАВА VIII

ОТРАЖЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОГО ПОЛИХРОНА XV в. РУССКИЙ ХРОНОГРАФ

Под Русским хронографом я разумею здесь тот памятник, который дошел до нас в редакциях, описанных А. Н. Поповым в его «Обзоре хронографов русской редакции» под общим заглавием Хронограф первой редакции. Под этим именем ученый исследователь объединил две редакции, существенно одна от другой отличающиеся; одну из них он назвал редакцией, разделенной на главы, другую — редакцией, не разделенной на главы. Предпочитаем другие названия: редакцию, разделенную на 208 глав, назовем редакцией 1512 г. по времени ее составления; другую же редакцию, известную в настоящее время по пяти спискам (А. Н. Попов знал только один список Толст. Отд. 1 № 172), определяем как южнорусскую (конца XVI в.) переделку хронографа.[1] Обе редакции восходят несомненно к одному общему оригиналу, как это было указано еще А. Н. Поповым (вып. 2, стр. 24—25), а затем доказано В. М. Истриным (Александрия русских хронографов, стр. 283—288). Здесь не место подробно излагать литературную историю того памятника, к которому возводятся обе указанные редакции, но необходимо вкратце изложить главные доводы в пользу того, что он составлен в России, а не у южных славян, как предполагал А. Н. Попов.

Состав хронографа, от которого произошли как редакция 1512 г., так и южнорусская переделка, доказывает возможность появления его в России. Действительно, все источники, в нем отразившиеся, имеются в русских списках, восходящих к XV в.; не составляют в этом отношении исключения южнославянские (сербские) материалы, которыми пользовался составитель; до нас дошел сборник XV в., содержащий почти все сербские источники хронографа (а к ним относятся между прочим Паралипомен Зонарин, житие Стефана Лазаревича, житие Стефана Дечанского, житие Илариона Меглинского, сербская Александрия: все эти статьи читаются в сборнике бывшей Волоколамской библиотеки № 515). В основание хронографа положен несомненно русский памятник: Еллинский летописец второй редакции. В числе источников его была русская летопись, что доказывается некоторыми общими для редакции 1512 г. и для южнорусской

---

[1] Ср. статью С. П. Розанова в ЖМНП, 1904, январь.

переделки выписками из нее.[1] По русским же источникам распространены статьи югославянского сочинения (А. Н. Попов, в. 2, стр. 21—22).

Как отмечено и А. Н. Поповым, и В. М. Истриным, в хронографе встречаются русские глоссы; известная глосса в Александрии («Александръ по гречески, а по руски избранъ глаголется») имеётся как в редакции 1512 г., так и в южнорусской переделке. Следовательно, она читалась и в общем их оригинале.

Продолжительные поиски и исследования южнославянских (сербских) хронографов привели уже давно к выводу, что сербские хронографы, сходные с русским, восходят к русскому хронографу, как к первоисточнику.

Указав основания, почему можно считать хронограф, а именно общий оригинал для редакции 1512 г. и для южнорусской переделки составленным в России, перехожу к вопросу о времени его появления. Общий оригинал редакции 1512 г. и южнорусской переделки был доведен до взятия Царяграда турками (1453 г.). Это доказывается тем, что как редакция 1512 г., так и южнорусская переделка упоминают об этом событии. Правда, статьи, в которых изложено падение Царяграда, в обоих памятниках изложены различно; правда, что это дает основание предполагать, что в их оригинале событие 1453 г. не было изложено в той или иной повести, а передавалось лишь в краткой летописной заметке, тем более, что дошедшая до нас в южнорусской переделке повесть, повидимому, довольно позднего происхождения (А. И. Соболевский), а помещенный в конце редакции 1512 г. «Плачъ о взятіи Царяграда» принадлежит, как кажется, перу самого составителя этой редакции (А. Шахматов). Но тем не менее мы имеем указание на то, что событие 1453 г. было известно составителю оригинала редакции 1512 г. и южнорусской переделки. Указание это извлекаем из последней, общей для обоих памятников, статьи о царствовании Константина Палеолога. Привожу ее по обоим памятникам:

Редакция 1512 г.

По Калуянѣ пріятъ скипетра греческая братъ его Константинъ. Бѣда же тогда много належаще царствующему граду от безбожныхъ турокъ, и многи грады пріяша и поплѣниша, и власть ихъ зѣло простирашеся божіимъ попущеніем, греческая же оскудеваше.

Южнорусская переделка

По Калоуанѣ сынѣ Маноуиловѣ царствова въ Цариградѣ братъ его Константинъ Драгошь Палеологъ. лѣтъ 11. Бѣда же многа тогда належаще царствоующему граду отъ безбожныхъ турокъ, и многи грады прияша и попленища, и власть ихъ зело простирашеся божіимъ попущеніемъ, греческая же оскоудеваше.

[1] Например, известие об овладении Болгарии Святославом, известие 6848 г. о вокняжении Симеона Ивановича, известие 6863 (6862) г. о вокняжении Ивана Ивановича, известие о женитьбе царя Мануила на Анне Васильевне.

Обращаем внимание на существенное отличие обеих приведенных редакций статьи о царствовании Константина Палеолога. Южнорусская переделка указывает на число лет его царствования (11), редакция 1512 г. не содержит этого указания. Но мы имеем основание утверждать, что в оригинале редакции 1512 г., а следовательно в общем для нее и южнорусской переделки протографе, число лет Константинова царствования также определялось цифрой одиннадцать. Дело в том, что в редакции 1512 г., вслед за этой статьей после заглавия «Великое княженіе руское», описываются русские события десятилетнего периода 6950—6959 (1442—1451) гг., после чего идет глава 208, содержащая статью о взятии Царяграда въ 6961 (1453) г. Итак, по данным редакции 1512 г. царствование Константина началось в 1442 г., следовательно, оно продолжалось 11 лет, т. е. столько же лет, сколько указывает южнорусская переделка. Русские события в редакции 1512 г. расположены по царствованиям византийских императоров (так, в царствовании Мануила, продолжавшемся 33 года, описаны события 6901—6933 гг.). Поэтому можно с уверенностью утверждать, что число лет царствования Иоанна, Константинова предшественника, определялось в редакции 1512 г., согласно с южнорусскою переделкой — 17-ю: действительно, в редакции 1512 г. в царствовании Калуяна описаны русские события 6933—6949 гг.; ср. в южнорусской переделке: «По Мануилѣ цари царствова въ градѣ сынъ его киръ Калуянъ лѣтъ 17 православенъ».[1]

Но, как известно, Иоанн Палеолог царствовал не 17 лет, а 23 года и 3 месяца; его преемник Константин не 11 лет, а 4 года и 8 месяцев. Откуда же ошибочные указания в протографе редакции 1512 г. и южнорусской переделке? Сумма царствований обоих братьев по хронографу (28) сходится с действительною суммой лет их царствований (27 л. 11 месяцев). Следовательно, хронограф верно определяет начальный год Иоаннова царствования (6933). Но почему концом его признан 6449 год, а в связи с этим число лет царствования Константина увеличено с 4 годов до 11? Конечно, здесь не может быть речи об описке или случайной ошибке; против такого предположения предостерегает наличность неверных данных в обоих памятниках, вытекших из хронографа, причем их не мог стереть в редакции 1512 г. умышленный пропуск указаний лет царствований Иоанна и Константина. Согласование числа лет Константинова царствования с числом лет Иоаннова царствования доказывает, что ошибка была допущена относительно не обоих царствований, а только одного из них. Следовательно, протограф редакции 1512 г. и южнорусской переделки получил в своем источнике неверное указание числа лет одного из обоих царствований и согласовал с ним число лет другого царствования. Это наводит на мысль, что источником указанного хронографа был хронограф более древней редакции, доходившей только до 1442 г., а следовательно, имевшей осно-

[1] В редакции 1512 г. число 17 опущено: «Въ лето 6933 по Мануилѣ цари нача царствовати въ Царѣградѣ сын его киръ Калуянъ. Православенъ».

вание определять число иоанновых лет 17-ю. Эта древнейшая редакция хронографа оканчивалась таким образом русскими событиями 6449 (1441) г. и читавшеюся за ними статьей «О великомъ княжении сербскомъ и о запоустѣнии его» (статья эта имеется и в редакции 1512 г. и в южнорусской переделке). Позднейшая же редакция, составленная уже во второй половине XV в., после взятия Царяграда, добавила к своему основному источнику во-первых, статью о царствовании Константина (определяя число лет его царствования 11-ю, т. е. промежутком от 1442 до 1453 г.), во-вторых, описание русских событий 1442—1451 гг., в-третьих, наконец, сообщение о взятии Царяграда турками.

Итак, рассмотрение протографа редакции 1512 г. и южнорусской переделки ведет нас к памятнику, лежащему в основании этого протографа: это древнейший вид русского хронографа, доведенный до 1441 г. Предполагать еще более древнюю редакцию мы не имеем основания, в особенности если вспомним, что в состав хронографа вошли труды писателей второй половины XIV и начала XV в.: Евфимия Тырновского, Григория Цамблака, Константина Костенчского.[1] Причиной, почему русский хронограф был доведен до 1441 г., было вероятно то обстоятельство, что он составлен именно в этом году.

Многое в хронографе доказывает, что он составлен не русским, а сербским или болгарским ученым. Во-первых, отметим широкое пользование южнославянскими и притом незадолго до 1442 г. появившимися в свет сочинениями; во-вторых, неточную передачу событий русских (напр., сообщение о выходе замуж за имп. Мануила дочери кн. Василия Дмитриевича, между тем как Анна Васильевна вышла замуж за мануилова сына Иоанна; о других неточностях скажем ниже); в третьих, специально на сербское происхождение составителя хронографа указывают многочисленные сербизмы даже в статьях, восходящих к русской летописи. Эти соображения позволяют остановиться на Пахомии Сербине и признать его составителем хронографа, доведенного им до 1441 г. Хронологических затруднений такое признание не встретит, ибо на одной рукописи Троице-сергиевской лавры сохранились две записи пахомиевы, из которых одна относится к 1443, а другая к 1445 г. Итак возможно, что Пахомий составил Русский хронограф (вскоре после прибытия своего в Русь) в 1442 г., в 18-й год царствования императора Иоанна Палеолога. Ниже, возвращаясь к составителю Русского хронографа, я буду отожествлять его с Пахомием Сербином.

Предыдущее исследование дает нам основание говорить о следующих четырех изводах хронографа: о пахомиевой первоначальной редакции 1442 г.; о редакции второй половины XV в., дополнившей хронограф известиями 1442—1451 гг. и сообщением о взятии Царяграда; о редакции 1512 г. и о южнорусской переделке, в основание которой легла вторая по нашему счету редакция. Наша задача состоит в определении характера русских летописных известий, внесенных в хронограф. Такие известия имеются

[1] Житие деспота Стефана Лазаревича написано Константином в 1431 г.

и в редакции 1512 г. и в южнорусской переделке, но между обоими дошедшими до нас изводами очень мало общего как раз в отделе русских известий: общие известия обоих изводов приведены нами выше, в примечании; им противополагается целый ряд известий южнорусской переделки, не находящих себе соответствия в редакции 1512 г. Южнорусская переделка в общем представляет очень мало русских известий; притом они имеют какой-то совершенно случайный характер; мы не найдем здесь ни полслова ни о княжении Ольги, ни о ее крещении, ни о Владимире и крещении Руси, ни о Батые и нашествии татар. Напротив, здесь довольно подробно переданы походы Руси на Царьград (при Олеге и Игоре), сообщено об убиении Аскольда и Дира, о покорении Святославом вятичей, ясов и касогов, о победе его над козарами, об осаде печенегами Киева; приведена обширная статья о явлении честного креста Андрею Юрьевичу во время похода его на болгар (названных казанцами), упоминается о поставлении Петра митрополита, о начале княжений Семена и Ивана Ивановича, а также Василия Васильевича и некоторых др. Случайный характер русских известий в южнорусской переделке делает вероятным предположение, что составитель переделки умышленно выпускал русские известия своего оригинала, стремясь, с одной стороны, сократить свой труд, а с другой — придать ему еще больше характер всемирно-исторической компиляции, сильно нарушенный в его оригинале обильными вставками русских известий. Итак, в протографе южнорусской переделки русских статей было гораздо больше; до нас же дошли только небольшие обрывки их в списках южнорусского извода. Сравнивая эти обрывки с русскими известиями редакции 1512 г., мы, как указано, видим существенные между ними отличия. Так, например, по южнорусскому изводу Игорь при смерти Рюрика имел уже 15 лет («тогда бѣ младъ 15 лѣтъ»); по редакции 1512 г. Игорь остался после отца «зѣло малъ»; рассказывая о первом нападении Руси на Царьград, южнорусская переделка говорит, что во главе Руси стояли «киевъстіи князи Асколдъ и Диръ», — редакция же 1512 г. не упоминает в соответствующем рассказе этих имен; далее в южнорусской переделке в рассказ о походе Игоря, окончившемся миром (ср. «Повесть временных лет» под 944 г.), вставляет перечень городов, на которые греки должны были дать дань «по оуложенію»; в редакции 1512 г. этот перечень (согласно с «Повестью временных лет») читается при описании Олегова похода; сообщая об осаде Киева печенегами, южнорусская переделка держится текста «Повести временных лет» и не содержит фразы, читающейся в редакции 1512 г.: «и тако выведе [Прѣтичь] ихъ [Ольгу с внуками] из града», и т. д. Отсюда мы в праве вывести, что протограф южнорусской переделки представлял иной состав русских статей и известий, чем редакция 1512 г. и ее протограф. Следовательно, непосредственным протографом южнорусской переделки не могла быть вторая редакция хронографа (как указано выше); между второй редакцией, к которой восходит редакция 1512 г., и южнорусскою переделкой необходимо предположить существование еще другой редакции, отличавшейся от второй между прочим переработкой русской части хронографа.

Итак, с одной стороны, пахомиева первая редакция, вторая редакция второй половины XV в., третья редакция 1512 г.; с другой — пахомиева первая редакция, вторая редакция второй половины XV в., четвертая редакция, южнорусская переделка. Существование предположенной четвертой редакции подтверждается и другими данными.

Обращаем внимание на три позднейшие редакции, стоящие друг к другу в ближайших отношениях и построенные при этом на одинаковых основаниях. Первая из них дошла до нас только в русской своей части, т. е. в извлечении, имевшем задачей выборку русских статей хронографа: сюда относится памятник, известный под именем «Русского временника» (издан в Москве дважды, в 1790 и 1820 гг.).[1] Из этого памятника видно, что существовала такая редакция хронографа, которая соединила статьи редакции 1512 г. со статьями другой редакции. Мы предполагаем, что этой другой редакцией была только что упомянутая нами четвертая редакция, лежащая в основании южнорусской переделки. Предположение наше основывается между прочим на некоторых общих чтениях, сближающих «Русский временник» и южнорусскую переделку. Так, напр., в южнорусской переделке, в рассказе о переложении книг на славянский язык, сохранилась фраза, восходящая к проложному житию Кирилла;[2] в «Русском временнике» читается это самое проложное житие. Под 6899 (1391) г. мы читаем в южнорусской переделке: «по Иванѣ Палеологѣ царствова въ Цариградѣ сынъ его Иманоуилъ лѣтъ 33 благословенъ и поставленъ Антоніемъ патріархомъ в лѣто 6899 февраля въ 11 день в недѣлю о блуднемъ сынѣ»; заключенные в ковычки слова отсутствуют в редакции 1512 г.; они вставлены из начала статьи «О вѣнчаніи Мануила на царство», составляющей часть Пименова хождения в Царьград и помещенной вместе с Хождением в «Русском временнике» (изд. 1820 г., в. I, стр. 311 и сл.). Вторая из останавливающих на себе наше внимание редакций хронографа относится к 1599 г. и представлена двумя списками: Академии Наук (шифра: 31. 6. 27) и библиотеки А. С. Уварова № 1362 (63) (на этот список указывает С. П. Розанов в статье, которую назовем ниже). Эта редакция соединила редакцию только что нами восстановленную по «Русскому временнику», или точнее предположенную на основании его, с редакцией 1512 г.; впрочем, начиная с главы 196 (после рассказа об убиении Батыя), она следует исключительно редакции 1512 г. Вот почему в первых 195 главах находим, во-первых, ряд статей, общих с «Русским временником» (ср. общие чтения в статье, озаглавленной «Начало княженья Святославова», далее общие статьи, как, напр., проложное житие Кирилла, весь рассказ от «Начало княжения великаго князя Владимера Киевьскаго» до статьи о крещении угров, рассказ о событиях 1204, 1217 гг.,

[1] См. об этом памятнике подробнее в статье [А. А. Шахматов.] «К вопросу о происхождении Хронографа» (Сборник II отд. Акад. Наук, т. LXVI, № 8, 1899, стр. 42 и сл.).

[2] «Бяхоу же от града Селоуня сынове Лва сотника, извѣстно вѣдуще греческій языкъ и словеньскій: инь философию изъоучиша четырми языкы: греческимъ, римскимъ, сирскимъ, жыдовскимъ».

а также все последующее до статьи об убиении Батыя включительно, причем под 1224 и 1237 гг. вставки из сказания о Николине образе с включенным в него эпизодом об Евпатии Коловрате),[1] во-вторых, много чтений и статей, общих с южнорусскою переделкой, ведущей нас к особой четвертой редакции хронографа (перечень их см. у С. П. Розанова в III главе статьи «Заметки по вопросу о русских хронографах», помещенной в ЖМНП, 1904, январь). Что редакция 1599 г. пользовалась двумя источниками, из которых вторым была редакция 1512 г., видно из того, что русская часть этой редакции, начиная с главы 196, расходится с «Русским временником» и следует, как указано, исключительно редакции 1512 г.; кроме того, то же видно, напр., из того обстоятельства, что события начала княжения Владимира рассказаны дважды: сначала сходно с редакцией 1512 г., а потом с «Русским временником». Третья из рассматриваемых нами редакций хронографа относится к 1601 г. и представлена, согласно с С. П. Розановым (см. названную статью его), тремя списками: погодинским № 1441, уваровским № 1363 и большаковским № 21. Эта редакция положила в основание редакцию, предположенную нами на основании «Русского временника», но дополнила и изменила ее по редакции 1512 г., причем, однако, с главы 179 (с событий, следовавших за убиением Ярополка Владимиром) редакция 1601 г. держится только редакции 1512 г., не обращаясь к основному своему источнику. Самостоятельное независимое от редакции 1599 г. происхождение редакции 1601 г. видно из того, что обе редакции значительно между собою отличаются, причем то та, то другая ближе передают текст редакции 1512 г. (отличия указаны С. П. Розановым, ЖМНП, 1904, январь, стр. 123—124). Из предыдущего следует, что в XVI в. возникла такая редакция хронографа, которая соединила редакцию 1512 г. с текстом другой более первоначальной (как доказал Розанов) редакции. Назовем эту редакцию пятой редакцией. Из пятой редакции извлечена компиляция, положенная в основание «Русского временника». Из нее же возникла редакция 1599 г., переработавшая пятую редакцию по редакции 1512 г.; из нее же произошла редакция 1601 г., также переработавшая пятую редакцию по редакции 1512 г., но самостоятельно и независимо от редакции 1599 г. Ту, более первоначальную редакцию хронографа, которая в пятой редакции вошла в соединение с редакцией 1512 г., считаем возможным отожествить с четвертой редакцией, т. е. с той самой, которая породила южнорусскую переделку: это доказывается чтениями и статьями, общими «Русскому временнику» и редакциям 1599, 1601 гг., с южнорусскою переделкой (ср. выше). Что же представляла собой по своему происхождению четвертая редакция? Думаю, что соединение второй редакции (второй половины XV в.) с обширными вставками из русских летописей и других исторических источников. Временем появления такой редакции была, повидимому, середина XVI в.: так, летописный рассказ «Русского временника» доходит до 1533 г., т. е. до конца княжения

[1] Легенда о Меркурии Смоленском, читающаяся в «Русском Временнике» (I, стр. 136—142), в редакции 1599 г. опущена.

Василия Ивановича (до 21 августа 7041 г.; приписка же о слитии колокола 3 декабря 7042 г. — вставка); этот рассказ сопровождается сказаниями о преставлении Александра Свирского (ум. 30 декабря 1533 г.), о житии Данила Переяславского (ум. 7 апреля 1540 г.).

В противность прежнему моему предположению,[1] считаю невероятным, чтобы Никоновская летопись пользовалась этой (четвертой) редакцией хронографа, ибо самое появление Никоновской летописи, составление древнейших частей ее (до 1520 г.) я отношу теперь ко времени между 1529 и 1539 гг. Между тем сомнению не подлежит, что Никоновская летопись, кроме хронографа редакции 1512 г., пользовалась еще редакцией, сходной по тексту статей своих с южнорусской переделкой (доказательства см. в названном моем сочинении). Поэтому вероятным представляется пользование со стороны составителя Никоновской летописи основным источником четвертой редакции хронографа (к которой восходит южнорусская переделка), а именно второй редакцией, редакцией второй половины XV в.

Результаты предшествующего исследования могут быть изображены в таблице 3, показывающей взаимное отношение редакций русского хронографа (XV—XVI в.).

Обращаемся к главному предмету нашего исследования, к русской летописи, вошедшей в хронограф. Из предыдущего следует, что возникшая в середине XVI в. четвертая редакция переработала русскую часть хронографа, дополнив ее новыми статьями и новыми выписками. Итак, русская часть в хронографе четвертой редакции ведет нас к XVI в. и к сложным летописным компиляциям того времени. Поэтому оставляем в стороне все дошедшие до нас отражения четвертой и пятой редакций, т. е. как южнорусскую переделку, так и «Русский временник» и редакции 1599 и 1601 гг. Сосредоточиваем свое внимание исключительно на дошедших до нас списках третьей редакции, редакции 1512 г., и подвергаем исследованию содержащиеся в них русские летописные статьи.

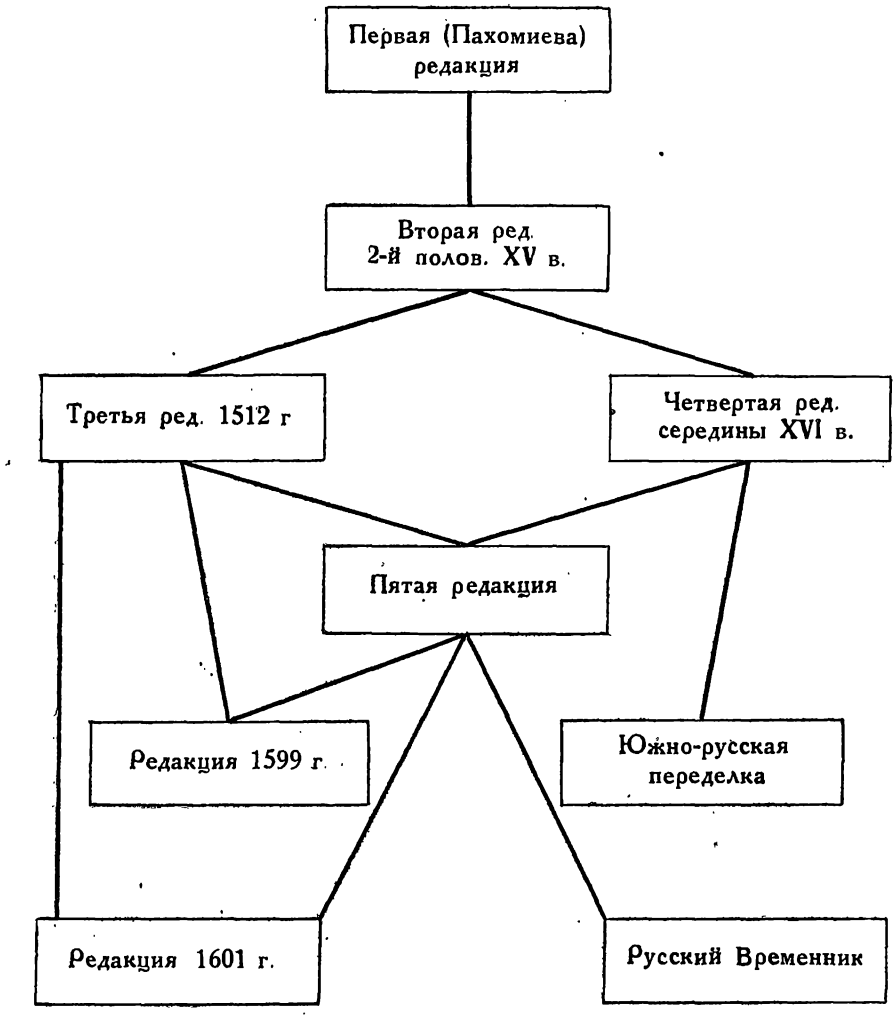
В отношении русских статьей списки редакции 1512 г. могут быть разделены на полные и сокращенные. К полным относятся: список Общества любителей древней письменности № 97, новоиерусалимский (воскресенский), чудовский, щаповский и др.; к сокращенным: погодинские №№ 1404а, 1439, 1440, эрмитажный № 2 и принадлежавшие А. Н. Попову три списка.[2] Не сомневаюсь в том, что полные списки точнее сохранили первоначальный состав редакции 1512 г., чем сокращенные. Это видно между прочим из того, что в сокращенных списках опущены некоторые отрывки и в тексте сербских статей (напр., в гл. 204 «Великое княженіе Сербъское», в 203-й «О мусолманѣ») — статей, которые несомненно входили в состав первоначальной редакции хронографа. Различие полных списков от сокра-

[1] «К вопросу о происхождении Хронографа», стр. 56—57.

[2] Об этих списках см. в статье С. П. Розанова, также у А. Н. Попова в «Обзоре хронографов русской редакции» и в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей».

щенных особенно резко сказывается и в интересующей нас части хронографа, а именно в русской части ее. Полные списки, оказывается, содержат ряд сокращений в тексте русских статей; сокращенные списки не свободны от подобных же сокращений сравнительно с текстом полных списков, хотя

Табл. 3

в общем прибегают не к мелким сокращениям в тексте, а к более обширным пропускам. Так, сокращенные списки опускают известия 6863—6872, 6876—6887 гг., конец известия 6897 г., ряд известий 6898 г., известие о женитьбе княжны Анны Васильевны, известия 6903, 6907—6930, 6933, 6933—6949 гг. и т. д. В виду отсутствия в сокращенных списках более или менее заметных сокращений сравнительно с текстом полных списков,[1] я думаю, что они

[1] Оставляем в стороне сокращения, вызванные причинами механическими. Например, после слов «пріяша сынове симови восточныя с т р а н ы» опущено

довольно точно передают текст тех известий и статей, которые ими по тем или иным соображениям не опущены. А это ведет нас к заключению, что пропуски в полных списках, сравнительно с сокращенными, доказывают именно сокращение в них первоначального текста хронографа, а не дополнение или исправление его в сокращенных списках. В виду этого ниже при исследовании текста хронографа в части, соответствующей «Повести временных лет», мы будем принимать во внимание текст как полных, так и сокращенных списков. И те и другие списки ведут нас независимо друг от друга к первоначальной редакции 1512 г. Из полных списков даем предпочтение списку Общества любителей древней письменности по тем же основаниям, по которым С. П. Розанов положил именно его в свое издание хронографа (ср. его статью). Список этот исправнее и несколько полнее новоиерусалимского и чудовского списков; обращаем внимание, между прочим, на передачу имен Святослава и Святополка, согласно оригиналу «Цвѣтославъ», «Цвѣтополкъ» (особенность, внесенная в летописный текст сербом Пахомием). Правда, этот список не содержит последней статьи «О взятіи Царяграда отъ безбожнаго Турскаго царя Амурата», статьи, общей всем вообще спискам редакции 1512 г., но это не умаляет выдающихся его достоинств.[1] Полные списки — погодинский № 1443 и щаповский списки — мы оставляем в стороне потому, что видим в них подновления, свидетельствующие о позднейшей переработке: так, в щаповском списке вставлена под 6620 (1112) г. известная статья о мономаховых регалиях; в погодинском № 1443 вставлены после известия 2 июля 6959 (1451) г. несколько известий того же 6959-го, а также 6960 и 6961 гг., отсутствующих как в других полных списках, так и в сокращенных.

Текст полных списков (Общества любителей древней письменности, Новоиерусалимский, Чудовской) ведет нас вместе с текстом списков сокращенных к редакции 1512 г. Мы признали эту редакцию третьей, предполагая существование между нею и первоначальной (пахомиевой) редакцией еще одной редакции, составленной во второй половине XV в. Ставим вопрос: читались ли русские известия также во второй и первой редакциях? Не появились ли они впервые в третьей? Считаю невероятным, чтобы вставка русских известий в хронографе принадлежала редактору 1512 г. Во-первых, редакция 1512 г. значительно сократила первоначальный текст хронографа: это видно из сравнения ее с позднейшими до нас дошедшими отражениями четвертой редакции; во-вторых, есть статьи, общие редакции 1512 г.

«а хамовы полуденныя с т р а н ы»; после «сѣдятъ мурома языкъ с в о й» опущено «мещера свой, моръдва с в о й»; после «а отъ грекини Ц в ѣ т п о л к а» опущено «ею же взять черницоу сущу отъ грекъ, и пріиде к нему имущи в чреве не отъ Ц в ѣ т о п о л к а».

[1] После извести́я 2 июля 1451 г. в списке Общества любителей древней письменности другой, позднейшей рукой изложены статьи об основании Византии и о взятии Царяграда (обширная повесть Искендера); а засим идет летопись от 1453 до 1507 г.; после этого пропуск и с нового листа излагаются известия 1510, 1511, 1523 и 1514 гг., наконец, киноварью приписано известие 1534 г. о смерти кн. Василия Ивановича и ниже известие 1536 г. о смерти Георгия Ивановича.

и южнорусской переделке и в русской части хронографа (напр. о завоевании Святославом Болгарии); следовательно, русские статьи читались во всяком случае уж во второй редакции хронографа; в-третьих, редактор 1512 г., отвергнув ошибочные указания (второй редакции) на число лет царствований Иоанна и Константина Палеологов, русские известия расположил на протяжении 17 лет в царствовании Иоанна и 11 лет в царствовании Константина; следовательно, расположение это (а потому и вставка самых известий) не могло быть сделано редактором 1512 г., а принадлежит еще составителю второй редакции.

Итак, находящиеся в третьей редакции русские известия восходят ко второй редакции. Перед нами новый вопрос: внес ли все русские известия в хронограф составитель этой второй редакции, или он нашел их уже в первой редакции: иначе — были ли заимствования из русских летописей уже в труде Пахомия? Не подлежит сомнению, что составитель второй редакции пользовался русскою летописью: из нее внесены именно им известия 6950—6959 гг., ибо первая редакция, как указано выше, доходила только до 6949 (1441) г. Но, конечно, отсюда не следует ни в коем случае, чтобы все русские известия хронографа были внесены именно составителем второй редакции. С вероятностью можно думать, что, внося известия 6950—6959 гг., составитель второй редакции подражал приемам первой редакции, которая при каждом царствовании византийских императоров приводила соответствующие ему по времени русские события. Упомянув о царствовании Константина Палеолога и указав на число лет этого царствования (11), составитель второй редакции, следуя порядку, принятому в первой редакции, поместил перед повестью о взятии Царяграда (6961) выборку из русской летописи, обнимающую события 6950—6959 гг., ср. в конце первой редакции хронографа статью о запустении Сербского царства, а перед ней описание русских событий 6933—6949 гг., соответствовавших семнадцати годам царствования Калуяна. В пользу того, что русские события читались уже в первой (пахомиевой) редакции хронографа, могут быть приведены следующие соображения: во-первых, в заглавии хронографа (правда, по редакции 1512 г.) в числе источников названы русские летописцы («и отъ русскихъ лѣтописецъ и сербскихъ и болгарскихъ»), во-вторых, в русских известиях хронографа замечаются сербизмы, доказывающие, что они внесены в хронограф сербом: так Святослав и Святополк называются постоянно Цвѣтославом и Цвѣтополком (некоторые списки редакции 1512 г. и между ними также и новоиерусалимский восстановили русскую форму этих имен); так, в рассказе о борьбе отрока Переяслава с печенежином бык (или вол) в русской летописи заменен словом юнец (ср. сербск. iунац = молодой бык); так, под 6915 г. читаем: «а москвичь били подъ Вязьмою» вместо: «а Москвичи были подъ Вязьмою»; в-третьих, некоторые статьи несомненно югославянского (сербского) происхождения теснейшим образом слиты в хронографе с русскими, причем соединением своим русские и сербские статьи обязаны, конечно, автору хронографа, а не позднейшему его переделывателю: сюда относится статья об убиении

Батыя, помещенная так же, как в пахомиевом житии черниговского князя Михаила и боярина Ѳедора, за краткой повестью об их убиении в орде (сербское происхождение статьи доказывает самый сюжет ее, а также лексические особенности, напр., слова: краль, планина), а также повесть «О Темирѣ, иже побѣди царя Баозита», в конце которой рассказывается о нашествии Темира на русские пределы (повесть заимствована из жития деспота Стефана Лазаревича); в-четвертых, наконец, иноземного редактора русских статей и известий, вошедших в хронограф, обличают некоторые ошибки, допущенные в их изложении: так, убиение Ярополка Изяславича ошибочно отнесено к 6600 г. (вм. 6594—6595), освящение Печерской церкви к 6606 или 6607 (вм. 6597); далее ошибочно сообщено о женитьбе имп. Мануила на дочери кн. Василия Дмитриевича и о рожденных ею шести сыновьях императора, между тем как Анна Васильевна была женою мануилова сына Калуяна и умерла бездетной; вряд ли подобные ошибки, в особенности же последняя, могли быть допущены русским человеком, знакомым с летописями.

В виду всего этого я думаю, что вся русская часть хронографа, включительно до 6949 (1441) г., была в него внесена Пахомием, составителем первой основной редакции. Откуда же заимствовал Пахомий русские статьи и известия? Несомненно из летописного свода, ибо все они могут быть указаны в тех или других дошедших до нас сводах XV и XVI вв. Вопрос сводится к тому, был ли в распоряжении составителя хронографа один только летописный свод или он пользовался несколькими. Приняв во внимание сокращенное, отрывочное изложение русских известий в хронографе, считаю вероятным, что Пахомий не заботился о распространении русского отдела своего труда, а следовательно мог ограничиться одним летописным источником. Источник этот оказывается близко сходным с Новгородскою 4-ю и Софийской летописями, но отожествить его с тою или другою из этих летописей нельзя. Некоторые известия хронографа, общие ему с Новгородскою четвертою, не отыскиваются в Софийской;[1] есть, напротив, известия, читающиеся и в хронографе и в Софийской, но не имеющиеся в Новгородской 4-й;[2] наконец, в хронографе помещено много известий, совсем неизвестных ни из Новгородской 4-й, ни из Софийских.[3] Новгородская 4-я

[1] Напр. о море и голоде под 1307 г.; о возвращении Юрия Даниловича из орды с ханскими послами под 1315 г. (Новгородская 4-я под 1317 г.); о сожжении Ярославля под 1322 г.; о голоде под 1332 г.; о построении церкви архангела Михаила под 1334 г.

[2] Напр. о море в Нижнем и Переяславле под 1364 г. (впрочем, в древнейшей редакции Софийской летописи этого известия не было).

[3] Напр. о женитьбе Михаила Андреевича суздальского под 1305 г.; о том, что митрополит Петр был поставлен патриархом Афанасием (тоже в южнорусской переделке) под 1307 г.; о смерти Тохты и воцарении Узбека под 1313 г.; о море в Твери под 1318 г.; о чудесных исцелениях у гроба Петра митрополита под 1346 г. и 1350 г.; о смерти Бердибека, воцарении Кулпы и убиении его Наурусом под 1369 г.; о рождении у Дмитрия Ивановича сына Константина под 1389 г. и др.

и Софийские, как увидим, восходят к одному общему оригиналу, а именно к своду 1448 г. Но этот свод не мог быть источником для русских известий хронографа: кроме того, что такому предположению противоречило бы самое время составления хронографа (1442 г.), с ним нельзя согласиться и из-за того обстоятельства, что многие известия хронографа одинаково опущены и в Софийских и в Новгородской 4-й, откуда следует, что их не было и в своде 1448 г. Допустить же, что составитель хронографа дополнил свод 1448 г. по другому летописному источнику, представляется невероятным, в особенности если примем во внимание, что хронограф отличается от свода 1448 г. (восстановляемого при сравнении Новгородской 4-й и Софийских) вставками не только целых известий, но также и мелких добавлений, не представлявших, конечно, интереса для ученого серба, задавшегося целью изложить русскую часть хронографа сокращенно.[1] В виду этих соображений вероятно объяснить близость хронографа к своду 1448 г. пользованием общими источниками или общим источником. Свод 1448 г., как будет указано ниже, представлял собой соединение общерусской летописи в редакции 1423 г. с летописью Новгородскою. Мы останавливаемся на предположении, что Пахомий сделал извлечение русских статей и известий именно из общерусской летописи в позднейшей редакции ее, редакции, доведенной до 1441 г. Общерусская летопись, о которой мы говорим, велась при дворе митрополита всея Руси, велась притом из года в год, подвергаясь, повидимому, от времени до времени литературным обработкам. С нею нетрудно было познакомиться Пахомию во время пребывания в Москве и в Троице-сергиевой лавре. В пользу высказанного предположения говорит общерусский характер известий пахомиева хронографа, сказавшийся именно в том, что среди этих известий встретим местные известия из разных краев и городов России: тут есть новгородские известия (крещение Новгорода под 991 г.; нападение Всеслава на Новгород под 1067 г.; день кончины Владимира Ярославича под 1052 г.; освящение нового храма Софии под 1050 г.); суздальские и нижегородские (буря в Городце под 1366 г., смерть кн. Константина Васильевича и другие события под 1355 г., нападение Арапши под 1378 г.); тверские (смерть кн. Михаила Александровича под 1399 г.); западнорусские и смоленские (женитьба Ягайлы под 1381 г., мор в Смоленске под 1387 г., взятие Витовтом Смоленска под 1395 г., съезд у Витовта и его смерть под 1430 г.); московские и др.

---

[1] Так в своде 1448 г., судя по Софийским, названы были следующие города, ограбленные в 1408 г. Едигеем: Переяславль, Юрьев, Дмитров; в хронографе прибавлена Верея (1409 г.); также дополнен в хронографе список городов, разоренных Батыем (Костромы, Кашина, Углича и Кснятина нет ни в Софийской, ни в Новгородской 4-й).

ГЛАВА IX

РОСТОВСКИЙ ВЛАДЫЧНЫЙ СВОД XV в.

Так же как хронограф, Ростовский свод не дошел до нас в своем первоначальном виде. Но он довольно полно отразился в трех списках XVI в., которые и подлежат нашему исследованию. Сюда относятся: во-первых, так наз. Ермолинская летопись, составленная в XV в. и дошедшая в списке начала XVI в.; во-вторых, Уваровский список № 188, относящийся к XVI в.; в-третьих, Кириллобелозерский список XVII в. № 454, хранящийся в Археографической комиссии.

Ермолинская летопись доведена до 1481 г.; в конце ее имеются приписки событий 1485—1489 гг. Сравнивая в пределах второй и третьей четверти XV в. текст Ермолинской летописи с текстом хронографического списка Новгородской 4-й летописи и списка Царского Софийской 1-й, видим довольно близкое между ними сходство только в части до 1472 г. включительно; начиная же с 1473 г. ясно обнаруживается в Ермолинской другой источник. С этим наблюдением может быть поставлено в связь то обстоятельство, что под 1472 г. упомянут последний раз Василий Дмитриев Ермолин, за строительной деятельностью которого летопись следит, начиная с 1462 г. Сообщения об этой деятельности должны быть рассматриваемы как вставки в готовый летописный свод. То обстоятельство, что под 1473 г. не сообщено подробностей о падении строившегося Успенского собора, делает вероятным, что летописный свод, послуживший для составления протографа Ермолинской летописи, доходил, также как этот протограф, только до 1472 г. А этот вывод подтверждается указанным выше наблюдением о несходстве Ермолинской летописи со списками Хронографа и Царского именно с 1473 г. В части до 1472 г. включительно, иначе в тексте протографа Ермолинской летописи резко различаются две части: первая оканчивается на 6926 (1418) г. известием об убиении Анфала и Нестера на Вятке; засим перерыв до 6933 (1425) г.; вторая часть, начинаясь известием о кончине кн. Василия Дмитриевича, доходила, согласно предыдущему, до 1472 г. включительно. Протограф Ермолинской летописи, до включения в него сообщений о строителе Василии Дмитриеве Ермолине, был, по предположению нашему, почти тожествен с Ростовским владычным сводом. Между прочими основаниями приведу, во-первых, наличность в первой части ее, под 1396 г., списка ростовских владык, приводимого по случаю поставления в этом году архиепископа Григория; список доведен

до Вассиана Рыла, владычествовавшего от 1467 до 1481 г. Во-вторых, Ростовский владычный свод сказался в известии 1463 г. об обретении мощей кн. Федора Ростиславича и его сыновей в Ярославле: ироническое отношение к мощам, сопоставление с новоявленными чудотворцами Ивана Агафоновича, дьяка или боярина великого князя, грабителя и разорителя Ярославской земли, ведет нас именно к Ростовскому владычному дому, где архиепископ Трифон отрицал святость открытых мощей, а ниже мы видим, что свод, доведенный до 1472 г., основывался на старшем своде, составленном или ведшемся при Трифоне (1462—1467).

Уваровский список № 188 оканчивается рассказом о смерти и погребении князя Семена Ивановича под 6926 (1518) г., т. е. так же, как, напр., архивский список Софийской 2-й летописи, с которым он сходен в известных, впрочем, пределах. Но за этим рассказом, последние строки коего расположены в виде пирамидки, как весьма часто принято было оканчивать рукописи, следуют еще слова: «Того же лѣта, августа, повелѣніемъ», помещенные в самой вершине пирамидки. Эти слова составляют начало следующего известия 1518 г., сохранившегося в Львовской летописи: «того жъ лѣта во августѣ повелѣніемъ великаго князя Василья Ивановича разобраша внутрь города въ Москвѣ церковь вознесенія господни въ монастырѣ ветхости ради». Отсюда видно, что окончание Уваровского списка (или его протографа) на 1518 г. обусловлено не тем, что источники этого свода доходили до 1518 г., до рассказа о смерти кн. Семена Ивановича, а какими-то другими соображениями составителя свода. Быть может, один из источников Уваровского списка действительно оканчивался на 1518 г., и это побудило составителя прекратить на том же годе свой труд, несмотря на представлявшуюся ему возможность продолжать его дальше. Быть может и то, что протограф Уваровского списка продолжался гораздо дальше, но при переработке конец его отпал, вследствие замены текстом, заимствованным из источника, доведенного до 1518 г.[1] Ниже приведем некоторые основания для этого последнего предположения. Рассматривая текст Уваровского списка в отношениях его к другим летописным сводам, приходим к заключению, что он представляет собой следующие четыре части. Первая — от начала летописи до известия 6925 (1417) г. о кончине в июле месяце сына кн. Василия Дмитриевича Ивана: эта часть, как укажем еще раз ниже, тожественна с Ермолинскою летописью (первою частью этой летописи). Вторая часть Уваровского списка начинается известием 6925 (1417) г. о прибытии на Москву нижегородского князя Данила Борисовича и оканчивается 6986 (1478) г. Она сходна с текстом того Московского свода, который отразился в Никаноровской летописи (Академии Наук), в так наз. Ростовской летописи (б. Архива Министерства иностранных дел), а также, в позднейшей, переработанной редакции, в Воскресенской летописи;

[1] Кроме указанного Архивного списка, к своду, доведенному до 1518 г., ведет нас и Львовская летопись, где за рассказом о кончине кн. Семена Ивановича видим повторение известий, сообщенных уже выше (а именно о прибытии Владимира Племянникова и Климента грека в Москву), т. е. переход к другому источнику.

сходство с Никаноровскою (оканчивающеюся 1472 г.) можно признать почти тожеством. Третья часть Уваровского списка обнимает текст 6986 (1478) — 6997 (1489) гг. и не может быть отожествлена с каким-либо другим летописным сводом, хотя и сходствует с большинством московских летописей. Четвертая часть, начинаясь 6998 (1490) г., идет до конца и оканчивается, как указано, рассказом о кончине князя Семена Ивановича в 7026 (1518) г. К Ростовскому владычному своду может быть возведена только первая часть Уваровского списка, т. е. та часть, которая тожественна с Ермолинскою летописью: это видно, напр., из того, что рассказ об обретении ярославских чудотворцев под 6971 (1463) г. изложен в Уваровском списке согласно не с Ростовским владычным сводом (ср. выше), а с Московскою летописью (ср. Воскресенскую и др.). Напротив, принадлежность первой части Уваровского списка именно к Ростовскому владычному своду доказывается помещенным здесь, как и в Ермолинской, списком ростовских владык (1396); этот список в Уваровском № 188 доведен не до Вассиана, как в Ермолинской, а до Трифона, его предшественника. Имея в виду близкое сходство, почти тожество Ермолинской и Уваровского № 188 (в пределах до 1417 г.), заключаем о том, что оба памятника восходят к одному протографу, составленному притом во владычество архиепископа Трифона (1462—1467): для Ермолинской указание на Трифона (а не на Вассиана) извлекаем из текста статьи 1463 г. об обретении мощей ярославских чудотворцев, а для Уваровского № 188 из списка владык ростовских, помещенного под 1396 г.

Кириллобелозерский список № 454 представляет сокращенный текст летописи, в котором опущены и сокращены многие известия, опущены даже целые годы. Начинаясь так же, как Ермолинская и Уваровский № 188, Кириллобелозерский список доведен до 7041 (1533) г., оканчиваясь известием о заточении в Белоозеро бывшего Казанского царя; после этого известия вырваны листы, так что нельзя сказать, до какого именно года доходила наша рукопись. В части до 6925 (1417) г. (ср. сходство именно до этого года Уваровского списка № 188 с Ермолинскою летописью) Кириллобелозерский список представляется сокращением именно текста Уваровского списка, что доказывается общими с ним чтениями, отличающими их от Ермолинской (некоторые примеры таких общих чтений будут указаны ниже). С 6926 (1418) г. сходство продолжается, но оно, повидимому, объясняется тем, что Уваровский № 188 и Кириллобелозерский пользовались в этой части сходными источниками: поэтому находим в Кириллобелозерском такие известия, каких нет в Уваровском, напр., под 6935 (1427) г. о смерти Кирилла Белозерского (ср. Воскресенскую), под 6936 (1428) г. о кончине игумена Сергиева монастыря Никона. Итак, Кириллобелозерский список нельзя признать сокращением Уваровского списка. Но ничто не препятствует считать его сокращением протографа Уваровского списка; допустив это, пришлось бы принять, что составитель Уваровского списка следовал своему протографу только до 6925 (1417) г., после чего заменил его текст заимствованиями из других источников,

частью намеченных нами выше при обзоре Уваровского списка. Соображения о том, что протограф Уваровского списка не оканчивался на 1518 г., а продолжался и далее, приведены нами выше.

Итак, Ростовским сводом мы можем признать Ермолинскую летопись в части до 1472 г. включительно, Уваровский список только в части до 6925 (1417) г. Что до Кириллобелозерского списка, то вероятным представляется, что в нем Ростовский свод можно проследить только в части до 6925 (1417) г.

Ростовский свод, отразившийся в указанных выше пределах в Уваровском списке, составлен при архиепископе Трифоне, следовательно до 1467 г. Ермолинская летопись представляет последующую редакцию этого свода, составленную при архиепископе Вассиане Рыле, т. е. до 1481 г. Как мы упоминали выше, трифоновская редакция доходила по крайней мере до 1464 г., ибо читающееся в ней известие 1463 г. об обретении ярославских чудотворцев входило в состав этой редакции. Поэтому вассиановская редакция отличалась от трифоновской, повидимому, только прибавлением событий 1464—1472 г., а также редакционными поправками.

Можно с уверенностью утверждать, что трифоновской редакции предшествовала другая, старшая. Ниже увидим, что следы более древней редакции Ростовского свода сохранились в своде 1448 г., лежащем в основании Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописи: в ней находим список ростовских владык под 1396 г.; список был доведен до Григория (1396—1417).

Составление списка ростовских владык именно по случаю поставления Григория (1396 г.) делает вероятным, что одна из древних редакций Ростовского свода, до нас, впрочем, не дошедшая, была составлена при епископе Григории.

К сожалению, наше исследование должно ограничиться трифоновскою и вассиановскою редакциями, так как о ефремовской до нас дошли скудные сведения, а григорьевская редакция была не отражением Полихрона, а его источником. Дошедшие же до нас редакции Ростовского владычного свода я считаю отражением Полихрона, и вот на каких основаниях.

Во-первых, Ростовский свод, как можно заключить из Ермолинской, а также и из Уваровского № 188, представлял две части, отделенные одна от другой перерывом: в Ермолинской первая часть доходит до 6926 (1418) г., вторая начинается с 6933 (1425) г.; в Уваровском списке первая часть доходит до 6925 (1417) г., а вторая заменена, как мы видели, заимствованиями из других источников. Итак, первая часть хронологическим своим пределом подходит к объему Полихрона 1423 г., обрывавшегося, повидимому, также на 1418 г. и притом, как и Ермолинская летопись, на известии об убиении Анфала и Нестера на Вятке.[1] Такое совпадение не может

[1] В Софийской 1-й за этим известием следует ряд пустых годов (6927, 6928, 6929) и затем несколько известий 6930 (1422) г., после чего прекращаются списки Карамзина и Оболенского, по составу более древние, чем остальные. После указанного известия Новгородская 4-я уже не представляет сходства с Софийскою 1-ю.

быть случайным и указывает на то, что первая часть Ростовского свода должна быть признана сокращением Полихрона, извлечением из него. Во-вторых, исследуемый свод представляется несомненно родственным по составу содержащихся в нем известий с Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописями: ниже увидим, что вставки, отличающие текст Ростовского свода от «Повести временных лет», сближают его именно с указанными летописями и хронографом; в изложении событий XII—XV вв. редкое известие Ростовского свода не читается в Софийской 1-й, Новгородской 4-й или в хронографе. Между тем, как укажем ниже и как для хронографа показано уже выше, текст названных памятников восходит именно к Полихрону 1423 г. В-третьих, достаточно беглого обзора текста Ростовского свода для того, чтобы убедиться, что свод этот от начала до конца содержал общерусскую по характеру своему летопись; но общерусская летопись в первой половине или в первой четверти XV в. составлялась именно при дворе митрополита; следовательно, сокращенные изложения общерусской летописи надо возводить к митрополичьему своду, т. е. к Владимирскому полихрону 1423 г.

ГЛАВА X

ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 1448 г.

До сих пор предметом наших исследований были летописные своды, дошедшие до нас в копиях или оригинальных списках; правда, мы извлекали при этом указания на утраченные памятники летописания, но не делали восстановляемых путем сравнительного изучения памятников объектами непосредственных наших наблюдений, откладывая эту задачу до следующей части. Встретившись с московскими и новгородскими летописями второй половины XV в., нам придется отступить от прежних приемов и, отложив изучение дошедших до нас списков их до следующих глав, обратить наше внимание на восстановление того общего источника двух старших семейств предстоящих нашему исследованию памятников, который мы, по основаниям нижеизложенным, назовем сводом 1448 года. Решаемся на такое отступление в виду совершенной бесспорности происхождения от общего источника этих двух семейств и возможности восстановить их родоначальника во всем объеме летописного памятника. Семейства эти: Новгородская 4-я и Софийская 1-я летописи. Эти условные названия принадлежат редакторам издания Полного собрания русских летописей (тт. IV, V и VI). В нижеследующих главах мы подробно рассмотрим состав этих семейств, т. е. отдельные списки Новгородской 4-й и Софийской 1-й, а здесь ограничимся следующими замечаниями.

Под Новгородской 4-й летописью разумеется тот летописный свод, который по нескольким спискам напечатан в IV томе Полного собрания русских летописей, но, к сожалению, не во всем своем объеме, а только в части от 6621 (1113) г. Непосредственное знакомство с рукописями выяснило нам существование двух древнейших групп, по которым могут быть рассмотрены списки Новгородской 4-й; к первой относятся Новороссийский XV в. и Голицинский (Публ. библ. Q. XVII. № 62) XVI в. и Толстовский (Публ. библ. Q. IV. № 138), ко второй — Синодальный № 152, Фроловский (Публ. библ. F. IV. № 235), Строевский (Публ. библ. Погод. № 2035), Академический (Акад. Наук 16. 3. 2) и др. В издании Археографической комиссии во внимание принята только вторая группа списков.[1]

---

[1] Список Хронографический (Синод. № 280) должен быть оставлен в стороне. Мы рассмотрим его особо под условным названием Новгородской 5-й летописи.

Под Софийскою 1-ю летописью разумеем летописный свод, помещенный во второй части V и в начале VI тома Полного собрания русских летописей. Списки этой летописи можно распределить на несколько групп, из которых древнейшую и вместе с тем резко расходящуюся со всеми остальными составляют, как увидим в главе, посвященной Софийской 1-й летописи, списки собраний Карамзина (Публичной библиотеки) и Оболенского (б. Московского Главного архива министерства иностранных дел).

Новгородская 4-я и Софийская 1-я летописи, как в этом нетрудно убедиться, даже при беглом их обзоре, настолько сходны между собою, что предположение общего для них первоисточника становится совершенно неизбежным. Предположение это необходимо в особенности после того, как сравнительное изучение обеих летописей исключит возможность другого предположения, а именно, что одна из них произошла от другой. Такая возможность опровергается тем обстоятельством, что, с одной стороны, Новгородская 4-я летопись оказывается по составу текста своего первоначальнее Софийской 1-й летописи,[1] с другой же стороны Софийская 1-я, даже в тех своих статьях, где излагаются события новгородские, в целом ряде случаев древнее Новгородской 4-й и ближе к тексту Новгородской 1-й летописи.[2] Для определения степени сходства Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописи укажем, между прочим, на следующее: текст «Повести

[1] Напр., под 6904 (1396) г. находим в Новгородской 4-й перечень ростовских владык, причем Григорий назван на 35-м месте; в Софийской 1-й перечень опущен, а в К. О. ошибочно указано, что Григорий владычествовал 35 лет; под 6807 (1299) г. в Новгородской 4-й летописи, после известия о прибытии во Владимир митр. Максима, сообщается о новгородском пожаре 18 апреля, между тем в Софийской 1-й сообщение о пожаре опущено, вследствие чего неправильно указывается на 18 апреля, как на день прибытия во Владимир митр. Максима; под 6703 (1195) в Софийской 1-й излагаются ошибочно известия 6722 и 6723 гг., описанные в Новгородской 4-й летописи с правильным хронологическим указанием; под 6746 (1238) г. после рассказа об убиении Василька Константиновича и похвалы ему в Новгородской 4-й вставка, которой нет в Лаврентьевской; вставка начинается словами: «О возлюбленніи князи рустіи» и оканчивается: «помянемъ своя грѣхы и покаемся»; в Софийской 1-й сохранились только последние строки вставки (они помещены перед похвалой Василько, V, стр. 174: «видяще же възлюбленіи... и покаемся»). Отмечу еще отсутствие в Софийской 1-й (V, стр. 252) предисловия к житию Михаила Александровича (IV, стр. 259), грамоты Едигея (V, стр. 257 и IV, стр. 110—111), повести о кончине тверского владыки Арсения (IV, стр. 111—112) и мн. др.

[2] Ср. под 1269 г., где внутренние смуты новгородские, сборы в поход на немцев и корелу изложены согласно с Новгородскою 1-й, между тем как в Новгородской 4-й сообщено только об избрании в тысяцкие Ратибора; под 6808 (1300) г., согласно с Новгородской 1-й о постройке городка на Охте, в Новгородской 4-й короче; под 6831 (1323) г. о поставлении новгородцами Орехова городка, согласно с Новгородской 1-й, в Новгородской 4-й опущено; под 6837 (1329) г. о прибытии Ивана Даниловича в Новгород, согласно с Новгородской 1-й, в Новгородской 4-й короче; под 6847 (1339) г. согласно с Новгородской 1-й ряд известий новгородских, связанных с отношениями новгородцев к московскому князю, в Новгородской 4-й частью опущены, частью изложены короче и т. д.

временных лет» до начала XI в. в обеих летописях почти тожествен; почти тожествен текст статей 6524—6579 гг., далее текст статей 6624—6664, 6666—6676, 6678—6682, 6684—6710, 6712—6719, 6720—6731, 6733—6744, 6781—6826 гг. и т. д. Итак, сравнительное изучение Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей приводит к восстановлению текста не дошедшего до нас летописного сборника, подвергшегося основательной переработке со стороны как составителя Новгородской 4-й, так и Софийской 1-й летописей.

Остановимся сначала на вопросе об объеме этого сборника, т. е. на вопросе, до какого года он был доведен. Вопрос этот решается, думаю, по соображению, на каком именно годе прекращается сходство обеих сравниваемых летописей. Последнею общею между Софийскою 1-ю и Новгородскою 4-ю летописью статьей оказывается статья 6926 (1418) г., содержащая изложение одной из новгородских усобиц: в Софийской 1-й (К. О.) она изложена сокращенно, в Новгородской 4-й подробно и притом сходно с Новгородскою 1-ю и 2-ю летописью. В Софийской 1-й (К. О.) за этой статьей пропуск, зависевший, очевидно, от выпадения листов в оригинале Софийской 1-й летописи по спискам К. О.; вслед за приведенным новгородским известием 1418 г., читаем о смерти княгини Анастасии, супруги Юрия Дмитриевича, 11 июля, и о пожаре в Москве 18 августа: оба эти события имели место не в 1418, а в 1422 г., что видно из текста прочих списков Софийской 1-й летописи. На известии о московском пожаре 18 августа прекращается древнейшая редакция Софийской 1-й летописи (списки К. О.). В протографе ее излагались, очевидно, и события 1419—1421 гг. (рассказ о них утрачен вследствие утери листов в оригинале), а в числе этих событий могли быть и те, которые читаем под соответствующими годами Новгородской 4-й. Имея в виду, что древнейшая редакция Софийской 1-й летописи, как это будет показано в своем месте, весьма близка по составу своему к своду 1448 г. и, в противоположность древнейшей редакции Новгородской 4-й, не подвергалась влиянию других летописных источников, я заключаю, что свод 1448 г. — общий оригинал Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописи — был доведен до события 18 августа 1422 г. Новгородская 4-я летопись не сохранила последних московских известий своего оригинала потому, что вообще опустила значительное число известий не-новгородских, сосредоточив все внимание на истории Новгорода и переработав самый свод 1448 г. при помощи специально новгородского летописного источника.[1]

Приведем теперь основания для отнесения исследуемого источника к 1448 г. Как в Софийской 1-й, так и в Новгородской 4-й летописи и при-

[1] Ниже мы укажем основания, почему в своде 1448 г. необходимо различать две части — основную и дополнительную. Говоря об окончании свода 1448 г. на событии 1422 г., мы имеем в виду основную его часть. Дополнительная же часть, отличавшаяся от основной отсутствием должной обработки, обнимала, как увидим, события 1423—1446 гг. Эта дополнительная часть оставлена совсем в стороне составителем Софийской 1-й летописи, но она воспроизведена в большей или меньшей полноте редакторами Новгородской 4-й.

том почти во всех списках, под 6888 (1380) г. читаем: «Въ лѣто 6888 . . . А благовѣщеніе бысть въ великъ день; а перво сего бысть за 80 лѣтъ и за 4 лѣта, а потомъ будеть за 80 лѣтъ безъ лѣта, а потомъ будеть за 11 лѣтъ» (IV, стр. 75 и прим. м; V, стр. 238). Смысл этой фразы ясен, исключая, однако, последние слова ее: «а потомъ будеть за 11 лѣтъ», слова, требующие особого комментария. Благовещение действительно совпадало с днем пасхи в 6888 (1380) г. и в 6804 (1296) г.: ср. указание на то, что подобное совпадение имело место за 84 года до 1380 г. в словах летописца; такое же совпадение было и в 6967 (1459) г.: ср. указание на это в словах: «а потомъ будеть за 80 лѣтъ безъ лѣта».[1] Итак, оба указания как на 1296, так и на 1459 г., даны составителем статьи 1380 г. и притом, очевидно, летописцем современником. Но могут ли ему принадлежать также и слова: «а потомъ будеть за 11 лѣтъ»? Конечно, нет, ибо в 6899 (1391) г. пасха не совпадала с благовещением. Эти слова могли быть написаны только лицом, работавшим над летописью в таком году, который предшествовал году совпадения благовещения с пасхой одиннадцатилетним промежутком.[2] Такой год в течение XIV—XVI вв. мог случиться под 1369, 1448 и 1532 гг., ибо пасха совпадала с благовещением в 1380, 1459 и 1543 гг. Из трех указанных годов останавливаемся на 1448-м, ибо о 1369 годе не может быть речи потому, что самое сообщение, нами приведенное, не может быть старше 1380 г., под которым оно читается; о 1532 г. нельзя думать потому, что большинство самих списков Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей относится к XV в. Итак, приписка: «а потомъ будеть за 11 лѣтъ» к тексту известия, составленного в 1380 г., сделана в 1448 г. Следовательно, первоисточник Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей, где уже читалась эта фраза, составлен во всяком случае не раньше 1448 г. Мы принимаем, что он составлен именно в 1448 г., так как кому же, как не составителю исследуемого летописного свода, могла принадлежать приписка указанных слов. Догадка наша, как увидим, подтверждается тем обстоятельством, что составление древнейших списков, как Новгородской 4-й, так и Софийской 1-й летописей падает на начало 50-х годов XV в.

Свод 1448 г. обнимал русскую летопись в пределах до 1422 г. (ср. выше) и, судя по Новгородской 4-й и Софийской 1-й, имел общерусский

---

[1] Ср. летопись Авраамки под 1459 г.: «А благовѣщеніе бысть на великъ день» (XVI, стр. 199).

[2] Предлог з а в приведенной фразе первый раз имеет значение современного за («а прежде этого совпадение было за 84 года»); а оба остальные раза он означает через. Ср., напр., в хронологической статье Кирика 1136 г.: «В том лѣте (т. е. 6644) и високостъ бяше былъ. Благовѣщеніе бяше было въ среду празныа недѣли, а Петровъ день въ понедѣльникъ во недѣли поста. Выше того не всходитъ. Такъ не часто бываетъ. Но отъ сего лѣта з а 248 лѣтъ такожъ будетъ, оже богъ своимъ благосердіемъ дотолѣ соблюдетъ міра». Ср. еще, напр., в Еллинском летописце (Чудовской сп.): «Въ лѣто 5548, а по вознесеніи господни за 15 лѣтъ». Под 6811 г. в Новгородской 4-й: «Преставился Борисъ Андреевичь февраля 25; по немъ з а недѣлю преставися Данилъ Московскый, марта 4».

характер, т. е. содержал известия не одной какой-либо области, а всех или почти всех областей Русской земли. Ошибочно, однако, было бы думать, что свод 1448 г. соединил в себе ряд местных летописей, подобно тому, как именно вследствие такого соединения составился, напр., общерусский свод 1423 г. (о котором мы говорим в XIV и XVIII главах) или общерусский свод времен Петра митрополита (о котором мы говорили выше в главах I, IV и V). Против этого говорит тот преобладающий характер, который имели в своде 1448 г. новгородские известия: обилие этих известий, систематическое включение их в свод, начиная с XI в. и оканчивая XV в., подробности, касающиеся внутренней жизни Новгорода — все это не оставляет сомнения в том, что свод 1448 г. составлен в Новгороде или в Новгородской области и притом путем соединения местной новгородской летописи с общерусским летописным сводом, составлявшимся, как мы видели, при дворе митрополита. Уже с первых страниц свода 1448 г. (восстановляемого на основании Новгородской 4-й и Софийской 1-й) ясно, что он стремился включить в свой состав целиком местную новгородскую летопись: после вводных статей «Повести временных лет» помещено предисловие к Софийскому временнику («Софейскый временникъ еже нарѣчается лѣтописаніе русскыхъ князей и земля роуская» и т. д.), то самое предисловие, которым начинается Новгородская 1-я летопись по списку Комиссионному и сходным (см. главу XI—XIII). Дальнейший текст свода 1448 г. обнаруживает стремление передать текст именно той новгородской летописи, которая отразилась в дошедшей до нас Новгородской 1-й летописи, хотя не подлежит сомнению, что летопись эта была старше Новгородской 1-й летописи (составленной во всяком случае, в редакции Комиссионного списка, не ранее 50-х годов XV в.; см. главу XI), а также и полнее ее. Итак, сравнение свода 1448 г. в новгородской его части с Новгородскою 1-ю летописью ведет к восстановлению той Новгородской летописи, которая послужила первоисточником Новгородской 1-й летописи (по Комиссионному списку). Летопись эта называлась Софийским временником и была доведена приблизительно до 1421 г. (ибо свод 1448 г., держась своих источников, не переходил в основной своей части за 1422 г.). Это обстоятельство побуждает нас называть Новгородскую летопись, лежащую в основании свода 1448 г., Новгородским сводом 1421 г. Как увидим ниже, этот свод представляет для исследователя древнерусского летописания особый интерес, ибо в начале его читалась не «Повесть временных лет», а более древний летописец, хотя и вошедший в соединение с новгородскими известиями, извлеченными сводчиком 1421 г. из новгородских источников. Счастливая случайность сохранила нам имя составителя свода 1421 г. Он назывался Матвеем Михайловым, как видно из ряда известий, включенных в свод 1448 г. и оттуда перешедших в Новгородскую 4-ю, известий, относящихся до семейной жизни летописца.[1] Предполагаем, что известия эти

[1] Под 6883 (1375) г. летописец поместил заметку о своем рождении, под 6390 (1382) г. о смерти своего отца, под 6913 (1405) г. о смерти своей матери, под 6914 (1406) г. о своем браке, под 6919 (1411) г. о рождении сына.

в своде 1421 г. читались на полях. Доказательством того, что известия эти принадлежат не составителю Новгородской 4-й летописи, а первоисточнику этой летописи, служит то обстоятельство, что известие о смерти отца Матвея Михайлова вместе со следующими за ним известиями об окончании церкви Рождества в Поле и о прибытии в Новгород Суздальского владыки Диониcия повторены в Новгородской 4-й под 6890 (1382) г. два раза: первый — в начале года, перед повестью о пленении и о прихождении Тохтамыша царя и о Московском взятьи (IV, стр. 83), второй раз — в конце года, за этой повестью (IV, стр. 90); вставка означенной повести повела к ошибочному повторению текста новгородского источника; но вставка этой повести принадлежит не составителю Новгородской 4-й (ибо повесть читается и в Софийской 1-й), а составителю свода 1448 г. (который соединял статьи общерусского свода с новгородскими статьями и известиями); следовательно, указанное повторение должно было иметь место и в своде 1448 г., который в своем новгородском источнике нашел и известие о смерти отца Матвея Михайлова и прочие известия, относящиеся к семейной жизни летописца. Составителя свода 1421 г. Матвея Михайлова мы предположительно отожествляем с новгородским уставщиком Матвеем Кусовым, имя которого дошло до нас в нескольких записях, восходящих к первой четверти XV в. Если такое отожествление верно, то дошедший до нас его летописный труд приобретает особенное значение. Дело в том, что Матвей Кусов был уставщиком владычного двора; следовательно, составленный им свод должен был иметь непосредственную связь с владычным летописанием. Мы высказали уже выше в гл. VII предположение, что летопись новгородская велась при Софийском владычном дворе беспрерывно и что она от времени до времени подвергалась литературным обработкам. Думаем, что труд Матвея Михайлова представляет одну из таких обработок. Отсюда близость его по составу с Синодальным списком Новгородской 1-й летописи, который также черпал свое содержание частью из более древних обработок владычного свода, а частью, быть может, непосредственно из него. Эта близость должна послужить одним из руководящих начал при восстановлении свода 1421 г. или, точнее, при разложении свода 1448 г. на оба его первоисточника, каковыми, согласно предыдущему, были: во-первых, общерусский свод, во-вторых, новгородский свод 1421 г.

Мы назвали один из первоисточников свода 1448 г. общерусским сводом по следующим основаниям. Как отмечено выше, в своде 1448 г. имеются известия и статьи, принадлежащие разным областям Русской земли, с явным, впрочем, преобладанием известий и статей новгородских. Это преобладание мы объяснили тем, что свод 1448 г. включил в свой состав новгородский свод 1421 г. Откуда же заимствованы им статьи и известия московского, тверского, нижегородского, ростовского, смоленского происхождения?[1]

[1] Отметим тверские известия, напр., под 6906 (1398) г. повесть о преставлении князя Михаила Александровича (Соф. 1-я и Новг. 4-я); под 6917 (1409) г. повесть о кончине владыки Арсения (Новг. 4-я); ростовские — напр., под 6904 (1369) г. список владык ростовских, под 6918 г. о пожаре Ростовском

Считаем невероятным допустить, чтобы соединение таких разноместных известий, предполагающее соединение нескольких местных летописей, было делом главного составителя, а таковым мы признаем сводчика 1448 г., задавшегося целью соединить новгородскую летопись с общерусскою. Соединение местных летописей в одно целое было делом составителей общерусских летописных сводов, а ведение таковых естественнее всего приписать заботам митрополитов, прямым и в известное время и единственным носителям идеи общерусского единства. Выше, исследуя Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Хлебниковскую и Переяславскую летописи, мы приходили к выводу о появлении общерусского летописного свода в начале XIV в. при дворе митрополита Петра; исследуя засим хронограф и Ростовский владычный свод, мы приходили к необходимости допустить появление новой редакции общерусского летописного свода (Полихрона) в начале XV в. Думаю, что анализ свода 1448 г., обнаруживающий в числе его источников общерусский свод, ведет нас именно к этому Полихрону начала XV в. Здесь не место выяснять, почему мы относим составление Полихрона к 1423 г.; но косвенным указанием на этот именно год может служить то обстоятельство, что воспользовавшийся им сводчик 1448 г. довел летописные известия только до 18 августа 1422 г. (иначе до последнего месяца 6930 г.), откуда следует, что и Полихрон доходил до этого именно года (а может быть и до этого именно известия — пожара 18 августа). Не подлежит сомнению, что составитель свода 1448 г. передавал свой общерусский источник в сокращении в особенности там, где его приходилось соединять с новгородским его источником. Но это не помешало ему внести в свой труд из Полихрона ряд обширных повестей и сказаний, напр., о Донском побоище (1380), о Московском взятии от Тохтамыша (1382), о битве Витовта с Темир-Кутлуем (1398), о тверском владыке Арсении (1409), о кончине митр. Киприана со включением духовной его грамоты (1406), о преставлении кн. Михаила Александровича Тверского (1399), о житии и преставлении кн. Дмитрия Ивановича (1389), также грамоту Едигея (1408), сказание диакона Александра о Царьграде (1395), и др. Отсюда видно, каким ценным источником для восстановления Полихрона должен

(Соф. 1-я и Новг. 4-я); нижегородские — под 6902 (1394) г. о кончине князя Бориса Константиновича (Соф. 1-я и Новг. 4-я), под 6904 (1396) г. о нападении кн. Семена Дмитриевича на Нижний с царевичем Ентяком (Новг. 4-я), под 6910 (1402) г. о кончине кн. Семена Дмитриевича (Соф. 1-я); рязанские — под 6902 (1394) г. о походе Олега Ивановича к Любутску и о победе его над татарами (Соф. 1-я и Новг. 4-я), под 1904 (1396) г. о походе Олега Ивановича на Литву и о нападении Витольда на рязанское княжество (Новг. 4-я); под 6910 (1402) г. о победе Литвы над рязанцами под Любутском и о пленении Родослава Олеговича (Новг. 4-я и Соф. 1-я); смоленские — под 6904 (1396) г. об усобицах смоленских князей Святославичей, изгнании Юрия Святославича, нападении Витовта на Смоленск, взятии им города 28 сентября (Новг. 4-я), под 6901 (1393) г. об уступке Ягайлом Витовту литовского княжества (Новг. 4-я и Соф. 1-я), под 6907 (1399) г. о побоище между Витовтом и Темир-Кутлуем (Новг. 4-я и Соф. 1-я) и др.

быть признан свод 1448 г., в свою очередь восстановляемый по Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописям.

Указанными двумя источниками не исчерпывается, однако, содержание свода 1448 г. Это вытекает из следующих соображений. Сравнительное изучение Хронографа и Ростовского владычного свода (см. предыдущие две главы) устанавляет несколько несомненных чтений Полихрона 1423 г.; изучение Комиссионного списка Новгородской 1-й летописи, который, как увидим, восходил к новгородскому своду 1421 г., делает несомненным присутствие в этом последнем своде тех или иных известий и чтений. Руководствуясь этими данными, мы видим, что составитель свода 1448 г. местами не следовал ни Полихрону 1423 г., ни новгородскому своду 1421 г., а представлял чтения еще иного, третьего источника. Так, из Хронографа видно, что в Полихроне под 6415 (907) г. сообщалось о дани, возложенной Олегом на греков, дани, которую греки давали русским князьям; и то же читалось в новгородском своде 1421 г.;[1] свод 1448 г. не представляет под 6415 г. отступления от обычного текста «Повести временных лет», неизбежного, если бы он руководствовался только Полихроном и новгородским сводом 1421 г. (ср. Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю). Под 6415 же годом в Полихроне (как это видно из Хронографа) говорилось, что греки замкнули Суд (гавань царьградскую) цепями;[2] в своде 1448 г. (ср. Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю) этой вставки в тексте «Повести временных лет» нет. Равным образом в своде 1448 г. не было и целого ряда других вставок, представляемых Полихроном: так, в нем не упоминалось о митрополите Михаиле, взятом Владимиром у патриарха Фотия (как об этом сообщал Полихрон, ср. Хронограф), не читалось под 6480 (972) г. надписи на чаше, сделанной печенежским князем из черепа Святослава (ср. Ростовский свод в его отражениях — Ермолинской и Уваровской), не упоминалось о числе присланных древлянами к Ольге нарочитых мужей и ею сожженных, и т. д. При этом подобные отступления от Полихрона далеко не всегда могут быть оправданы текстом Новгородского свода 1421 г., как это в особенности ясно из статьи 6415 г. В виду этого мы и предполагаем, что составитель свода 1448 г. имел под руками еще один летописный источник, содержавший между прочим и «Повесть временных лет». Есть основания думать, что таким источником был Ростовский летописный свод. А именно, мы находим, во-первых, что в своде 1448 г. под 6904 (1396) г. читался перечень ростовских владык; перечень этот составлен по поводу поставления Григория епископом Ростову (ср. Новгородскую 4-ю и Софийскую 1-ю), причем в своде 1448 г. он и был доведен только до Григория, оканчиваясь словами: «35 — сей Григорій».[3] Правда, можно было бы предположить,

[1] Хронограф (Полихрон): «и много время даяху дань рускимъ княземъ»; Комиссионный список (Новгородский свод 1421 г.): «возложи дань, юже дають и доселѣ княземь рускымъ».

[2] Ср. в Хронографе: «веригами желѣзными».

[3] В Новгородской 4-й, как увидим, перечень этот продолжен именами Дионисия и Ефрема, но в Карамзинском списке Новгородской летописи испра-

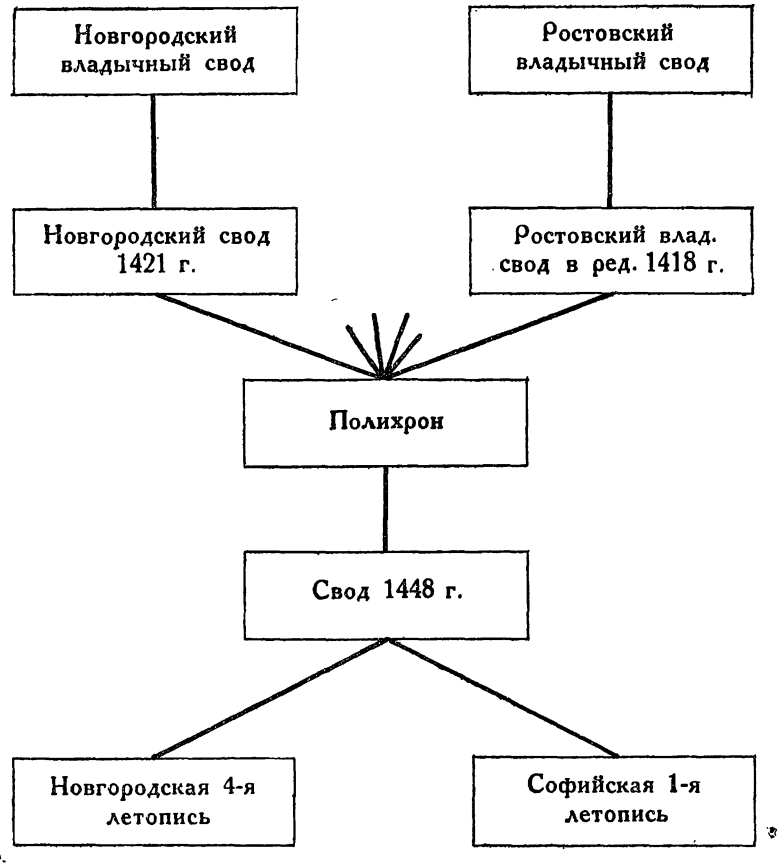
что этот перечень заимствован составителем свода 1448 г. из Полихрона, который пользовался, конечно, между прочим и Ростовскою летописью, но все же вероятнее думать о непосредственном влиянии этой летописи на свод 1448 г., вероятнее именно потому, что не доказано, что и Полихрон привел у себя этот перечень и что неясно было бы, почему составитель свода 1448 г. из общерусского свода почерпнул бы именно перечень ростовских владык, если таковой и читался в нем. Во-вторых, влияние Ростовского свода сказалось еще на заимствованиях в свод 1448 г. нескольких ростовских известий; ср. особенно обстоятельное известие 6915 (1407) г. о пожаре ростовском и об обновлении соборной церкви (ср. Софийскую 1-ю по спискам К. О., а в Новгородской 4-й сокращенно: «погорѣ Ростовъ»). Мы видели выше, что Ермолинская летопись вместе с Уваровской № 188 свидетельствуют о существовании Ростовского владычного свода в редакции, составленной при архиепископе Трифоне (1462—1467), причем указанием на такую именно редакцию служит перечень ростовских владык под 1396 г., доведенный в Уваровской летописи до Трифона. Эта редакция Ростовского владычного свода стоит под непосредственным влиянием общерусской митрополичьей летописи, Полихрона 1423 г., и потому не может быть отожествлена с той редакцией, которою воспользовался составитель свода 1448 г., ибо последняя ведет нас ко временам архиепископа Григория (1396—1416). Но трифоновская редакция сохранила указание на то, что ей предшествовала редакция, доведенная до 1418 г.; на редакцию Ростовского владычного свода, доведенную до 1419 г. указывает также Московско-академический список Суздальской летописи, о котором скажем ниже в главе XIX. Вот эту редакцию, доведенную до 1418 г. или 1419 г., и следует, вероятно, отожествить с тем летописным сводом, куда впервые был занесен под 1396 г. перечень ростовских владык до Григория, сводом, послужившим источником для составителя свода 1448 г. Из указанных выше соображений с вероятностью выводим заключение, что начало Ростовскаго владычного свода в григорьевой редакции владычного свода сходствовало с началом Московско-академического списка Суздальской летописи, а именно заключало в себе текст одного из древних сводов Суздальской области: в Московско-академическом списке находим текст так наз. Радзивиловской летописи (с позднейшими поправками в нем), но в григорьевой редакции читаем, как кажется, текст сходный (но не тожественный) с Лаврентьевскою, которая из дошедших сводов лучше всего сохранила древнюю ростовскую летопись.

вившем, как увидим, текст Новгородской 4-й по своду 1448 г., он оканчивается именем Григория. В Софийской 1-й перечень опущен, а о Григории сказано: «си же Григорій 35 лѣтъ бысть епископом Ростову» (списки К. и О.); число 35, как справедливо отмечено редактором V тома Полного собрания русских летописей (стр. 249, прим. а) относится к порядку епископов ростовских по времени их поставления (ибо владычествовал Григорий 21 год); следовательно, приведенная фраза Софийской 1-й летописи заменила слова: «сеи уже Григорій 35-й бысть епископъ Ростовскый», читавшиеся (как видно из Новгородской 4-й) в своде 1448 г., а это доказывает, что и в источнике Софийской 1-й (т. е. в своде 1448 г.) содержался тот перечень, который помещается в Новгородской 4-й.

Итак, анализ свода 1448 г. приводит к разложению его на следующие три источника: 1) Новгородский свод 1421 г., 2) Полихрон 1423 г., 3) Ростовский владычный свод в редакции, доведенной до 1418 г. Отмечаем здесь всю трудность дать точное определение, что именно в своде 1448 г. восходит к каждому из этих источников: трудность эта особенно значительна потому, что Полихрон 1423 г. пользовался несомненно и новгородскою и ростовскою летописями и при этом, быть может, именно в указанных нами редакциях. Поэтому то, что с вероятностью ведет к новгородскому своду 1421 г. или к ростовскому своду 1418 г., может быть на самом деле заимствовано в свод 1448 г. из Полихрона.

Взаимное отношение памятников, подлежащих ближайшему нашему рассмотрению, может быть изображено в следующей таблице:

Табл. 4

ГЛАВА XI

КОМИССИОННЫЙ СПИСОК НОВГОРОДСКОЙ 1-Й ЛЕТОПИСИ

Список Новгородской 1-й летописи, принадлежащий Археографической комиссии и относящийся к XV в., довольно полно представлен в издании «Новгородская летопись по Синодальному списку» (СПб., 1888). Здесь варианты к Синодальному списку подведены между прочим по Комиссионному списку, причем полностью напечатаны те части текста этого списка, которым нет соответствия в Синодальном: ср. начало летописи до 1016 г. и конец ее от 1330 г.; ср. еще обширные отрывки в пределах от 1016 до 1074 гг. и несколько сравнительно мелких вставок в части от 1075 до 1330. Кроме того, в издании 1888 г. помещены все статьи, предшествующие летописному тексту и следующие за ним в Комиссионном списке.[1] Важно отметить, что летопись писана двумя почерками: первым почерком — бо́льшая часть ее до 1439 г. (на л. 251), вторым — часть, излагающая события 1440—1446 гг. (лл. 251—258); статьи, предшествующие летописи и следующие за ней, написаны вторым почерком или во всяком случае очень с ним сходным.[2] Самое начало летописца (а именно первый лист его) утрачено, но его легко восстановить по родственным спискам.

Родственные списки эти следующие: Толстовский и Академический списки, принятые во внимание в указанном издании Археографической комиссии, близкий к этим последним Румянцевский список № 248; несколько дальше отстоит Троицкий список (ср. копию с него в Румянцевском № 247). Но эти списки переработали текст Комиссионного списка, или точнее его протографа, на основании других летописей, а потому они будут рассмотрены нами отдельно, в нижеследующих главах.

Близко родственен Комиссионному в известных частях и Синодальный список: предстоящее исследование должно выяснить их взаимные отношения.

Наконец, весьма тесно связан с Комиссионным списком рассмотренный нами выше свод 1448 г., восстановляемый по Новгородской 4-й и Софийской 1-й. Мы видели, что на всем протяжении этого свода, начиная с преди-

[1] Опущены только две позднейшие попытки дать подложный текст: отрывок «Поучения Мономаха» и заглавные строки летописи Иоакима.

[2] Как видно из счета по тетрадям, листы, содержащие статьи, предшествующие летописи, приплетены в начало рукописи позже.

словия к Софийскому временнику и кончая рассказом о новгородской усобице 1418 г., известием об убиении Анфала и Нестера на Вятке, а повидимому, еще и событиями 1419—1421 гг., свод 1448 г. представлял статьи, тожественные или сходные со статьями Комиссионного списка. Сходство это мы объясняли тем, что свод 1448 г. положил в свое основание Новгородский свод 1421 г., лежащий в основании также и Комиссионного списка. Различия между сводом 1448 г. и Комиссионным списком объясняются, во-первых, различным способом пользования общим оригиналом; во-вторых, еще и тем, что свод 1448 г. соединял текст своего основного источника с текстами двух других летописей (Полихрона и Ростовского владычного свода), между тем как Комиссионный список, как увидим, соединял текст своего основного источника с текстом Синодальной летописи (или протографа этой летописи). Вследствие этого новгородские статьи и известия, вообще более подробно изложенные в Комиссионном списке, чем в своде 1448 г., местами оказываются в нем сокращенными или опущенными сравнительно со сводом 1448 г.[1]

Комиссионный список в известных частях своих, как указано выше, близко сходствует с Синодальною летописью: это указывает на пользование со стороны Комиссионного списка этой летописью или ее протографом; но и в этих частях обнаруживается влияние другого, очевидно близкого к Синодальной летописи источника, каковым и был свод 1421 г. В других частях, не находящих себе соответствия в Синодальной летописи, Комиссионный список следовал своду 1421 г., но, повидимому, руковод-

[1] Укажу несколько известий свода 1448 г., опущенных в Комиссионном списке: под 6835 г. поставление церкви Богородицы на Десятне; под 6839 г. несколько отрывков в статье о поездке владыки Василия в Волынскую землю на поставление; под 6853 г. закладка Спаса на Ковалеве; под 6855 г. мир с Литвой; битва немцев с Литвой на Стряве; под 6858 г. буря на Духов день и постановка трех церквей; под 6859 г. поновление церкви Бориса и Глеба; под 6866 г. постановка церкви апостол; под 6869 г. поновление каменного города; под 6872 г. постановка двух церквей и окончание каменного города в Корельском городке, возвращение новгородцев из Югры; под 6873 г. знамение в церкви Петра, мор в Торжке, закладка церкви Троицы; под 6874 г. возвращение новгородских ушкуйников; под 6875 г. размолвка с Дмитрием московским, закладка каменной церкви Петра; под 6877 г. поход ушкуйников; под 6878 г. то же; под 6879 г. постановка церкви Андрея Юродивого, взятие новгородцами Ярославля и Костромы; под 6880 г. большие отрывки в рассказе о поражении новгородцев под Тверью; под 6882 г. пожар в Юрьевом монастыре; под 6883 г. длинный рассказ об ушкуйниках, постановка Корелой нового городка, окончание церкви Кузьмы и Демьяна, постановка (окончание) церкви Иоанна, казнь стригольников; под 6889 постановка церкви Власия; под 6890 окончание церкви Рождества; под 6893 пожар на Даньславле улице, описание пожара 14 июня и мн. др.

Все эти известия читаются в Новгородской 4-й, а некоторые известия 6874 и 6883 гг. и в Софийской 1-й. Отмечу еще: под 6845 г. о нападении немцев на Корельский городок, о чуде на Рядятиной улице; под 6885 г. о походе новгородских молодцов на Тивролу; под 6874 г. речь новгородских послов к Дмитрию Ивановичу по поводу набега ушкуйников на область Нижнего Новгорода. Эти известия читаются в Софийской 1-й.

ствовался еще и третьим источником. Наличность третьего источника доказывается, во-первых, тем, что Комиссионный список содержит летописный текст 1422 г. и следующих годов, которого не могло быть в своде 1421 г.; во-вторых, еще и тем, что некоторые родственные Комиссионному памятники содержат местами более древние чтения, чем он, причем оказывается, что чтения Комиссионного списка совпадают с чтениями Софийской 1-й и Новгородской 4-й, т. е. свода 1448 г.: так, в конце предисловия Троицкий список представляет чтение «до Олексы и Исакья», между тем в Комиссионном списке, как и в своде 1448 г. «до Александра и Исакья»; в начале летописи, как было указано выше, свод 1421 г. представлял в сообщении о дани, наложенной на Новгород, чтение: «еже нынѣ дають», между тем в Комиссионном списке, как и в своде 1448 г., «еже не дають»; в-третьих, наличность вспомогательного к своду 1421 г. источника обнаруживается при анализе некоторых статей в части 1330—1421 гг.; так под 1380 г. находим рассказ о Донском побоище; сравнение этого краткого рассказа с обширною повестью, помещенною в Новгородской 4-й и Софийской 1-й (своде 1448 г.), доказывает, что рассказ Комиссионного списка извлечен из той повести; вряд ли, однако, такое извлечение могло читаться уже в своде 1421 г., ибо вероятно, что впервые она включена была в летописный свод составителем Полихрона 1423 г.; при этом важно указать, что текст Комиссионного списка нельзя объяснить как сокращение из повести в редакции Новгородской 4-й летописи; его нельзя вывести и из повести в редакции Софийской 1-й; в виду того, что одни фразы в тексте Комиссионного списка совпадают с Новгородской 4-й, другие с Софийской 1-й, вполне возможно возвести извлечение Комиссионного списка к повести в редакции свода 1448 г.[1] Отметим еще статью 1415 г. о поставлении Григория Цамблака, известия 1402 г. о походе Рослава Ольговича Рязанского на Литовскую землю, 1404 г. об осаде Витовтом Смоленска, 1399 г. о сражении Витовта с Темир-Кутлуем и некоторые другие, присутствие которых в своде 1421 г., основывавшемся, как кажется, исключительно на новгородских материалах, мало вероятно в особенности потому, что некоторым из этих статей и известий соответствуют в своде 1448 г. подробные статьи, восходящие к той или иной местной летописи, вошедшей в состав Полихрона 1423 г.

[1] Ср. в Новгородской 1-й: «Москвици же мнози небывалци видѣвши множество рати Татарьской, устрашишася и живота отцаявшеся, а инѣи на бѣзи обратишася»; в Софийской 1-й: «мнози же небывалци москвичи, видѣвше то, устрашишася и живота отчаявшися»; в Новгородской 4-й: «да тѣмъ же рыданием исполнишася Москвичи мнози небывалци, то видѣвше, устрашишася и живота отчаявся и набѣгъ обратишася и побѣгоша». Новгородская 1-я: «възнесеть бог десницю князя великаго Дмитріа Ивановича и брата его князя Володимира Андрѣевича на побѣду иноплеменникъ»; Софийская 1-я: «взнесе бог десницею великого князя Дмитрія Ивановича на победу иноплеменникъ»; Новгородская 4-я: «и възнесе богъ нашего князя на побѣду иноплеменникъ». Новгородская 1-я: «обратиша плещи на язвы»; Софийская 1-я: «даша плещи свои на язвы»; Новгородская 4-я: «обратиша плещи свои на язвы».

(ср. в особенности краткое извлечение 1399 г. в Комиссионном списке с подробной повестью западнорусского происхождения в своде 1448 г. и Полихроне 1423 г.).

То же заключение о пользовании составителем Комиссионного списка сводом 1448 г. подсказывается анализом статей, относящихся к подвигам Александра Невского. Свод 1421 г. в соответствующих статьях следовал, как можно думать, кратким сообщениям Синодальной летописи (напр., под 1240 и 1242 гг.). Между тем, Комиссионный список, вместо кратких известий, содержит под 1240 и 1242 гг. обширные отрывки из известного сказания об Александре; из него же заимствованы и помещены ниже отрывки под 1245 и 1251 гг.[1] Следовательно, отрывки из сказания об Александре являются вставками в Комиссионный список сравнительно со сводом 1421 г. То обстоятельство, что в своде 1448 г. статьи об Александре были изложены в том самом виде, как в Комиссионном списке, т. е. в такой же компиляции текста сказания с текстом отрывков Синодального списка,[2] доказывает, или что такой вид имели статьи об Александре в общем источнике Комиссионного списка и свода 1448 г., или что Комиссионный список заимствовал их из свода 1448 г. Первое мало вероятно, если мы примем во внимание, что свод 1421 г. придерживался исключительно новгородских источников; а второе весьма вероятно потому, что сводчик 1448 г. и был компилятором, соединившим Новгородскую летопись с общерусскою; сказание же об Александре входило именно в общерусскую летопись (Полихрон), как это видно из Лаврентьевской. К своду 1448 г. отнесем еще в Комиссионном списке сказание об убиении Михаила Черниговского (которого нет в Синодальном) под 1245 г., известие о кончине Ярослава Всеволодовича в Орде под 1246 г., краткое сообщение о взятии крестоносцами Царьграда (помещенное после обширной повести о том же событии) под 1204 г. и др. Итак, мы имеем основание утверждать, что Комиссионный список не мог составиться на основании только двух новгородских источников, а что его составитель руководствовался еще и третьим — общерусским летописным сводом, хотя и в новгородской его переделке 1448 г. Вопрос об источниках Комиссионного списка не может, однако, считаться окончательно разрешенным, ибо мы не указали на то, откуда заимствованы в Комиссионный список известия 1423—1446 гг., которых не могло же быть ни в своде 1421 г., ни в Синодальной летописи, ни, казалось бы, в своде 1448 г., ибо в этом последнем, судя по Софийской 1-й, летописный рассказ не переходил за 1422 г. Разрешение вопроса об

[1] Под 1251 г изложено и преставление Александра, имевшее место в 1263 г. и рассказанное под 1263 г. еще раз, согласно с Синодальным.

[2] Так в Комиссионном списке, с одной стороны, Софийской 1-й и Новгородской 4-й, с другой, имеются следующие лишние против текста Лаврентьевской летописи (где содержится сказание об Александре) слова, восходящие к тексту Синодального списка (см. под 1240 г.): «вой множество», «зѣло», «Свѣя съ княземъ и с пискупы своими и Мурманѣ и Сумь и Емъ»; «ста усть Ижеры»; «хотяще въсприяти Ладогу такоже и Новъградъ и всю область новгородчкую»; «и ту убьенъ бысть воевода ихъ Спиридонъ и бискупъ ихъ ту же убиенъ»; «а прочимъ ископавше ямы въметаша въ ня бещисла, а инѣи мнозѣ язвенѣ быша» и др.

источнике заимствований рассказа 1422—1446 гг. затрудняется еще и тем обстоятельством, что из самого Комиссионного списка, при беглом обзоре этой последней его части, видно, что дополнения к летописи в пределах 1422—1446 гг. возникли не сразу, а в два приема: одною рукою вписан текст до 1439 г., другой — текст от 1440 до 1446 г. Рассматривая известия 1422—1439 гг., мы встречаемся в статье 6940 (1432) г. с такою особенностью текста Комиссионного списка, которая наводит на мысль о том, что и часть 1422—1439 гг. возникла в Комиссионном списке не сразу, а постепенно: сначала сложилась часть 1422—1432 гг., а потом последующая часть до 1439 г.

В виду того, что указанная особенность ведет к неминуемому заключению, что в основной части Комиссионного списка (т. е. части до 1439 г., части, написанной одним почерком) сказалась работа двух редакторов (из которых одному принадлежит составление летописного рассказа 1422 — 1432 гг. , а другому рассказа 1432 — 1439 гг.), мы подробнее остановимся как на этой особенности, так и на вытекающих из нее последствиях.

В Комиссионном списке после статьи 6940 (1432) г., содержащей известия: о возвращении князей из Орды «без великаго княженія», о постановке церкви на Чудинцевѣ улицѣ, о прибытии в Новгород из Литвы князя Юрья Семеновича, о пожаре и закладке церкви Георгия, — находим повторение 6940 г. и за названием его («въ лѣто 6940») известие о возвращении князей из Орды, причем великое княжение присуждено князю Василию Васильевичу и засим повторение уже сообщенных выше известий: о постановке церкви на Чудинцеве улице и о прибытии в Новгород князя Юрья Семеновича из Литвы «съ своею княгинею». Такую особенность Комиссионного списка я объясняю только тем, что протограф его оканчивался известием о закладке церкви Георгия; последующие же известия 6940 г., содержащие повторение уже сообщенных выше известий, вписаны в текст Комиссионного списка уже другим редактором, редактором самого Комиссионного списка, которого мы отличаем таким образом от редактора протографа Комиссионного списка. Откуда же заимствовали составитель протографа Комиссионного списка рассказ о событиях 1422—1432 гг., а составитель самого Комиссионного списка рассказ 1432—1439 гг.? Думаю, что во всяком случае из разных источников, ибо трудно допустить, что в одном и том же первоисточнике могло содержаться известие, относящееся к событию 6940 г. о возвращении князей из Орды, в двух столь различных редакциях, из коих первая сообщала о возвращении без великого княжения, а вторая о присуждении княжения Василию Васильевичу. Замечательно, что Новгородская 4-я летопись ни в более древней редакции, доведенной до 1437 г. (Новороссийский и Голицинский списки), ни в позднейшей редакции, доведенной до 1446—1447 г., не содержит того противоречия, что наблюдается в Комиссионном списке. В первой из этих редакций статья 6940 г. содержит известие о возвращении князей и присуждении великого княжения Василию Васильевичу, о постановке владыкой Евфимием церкви на Чудинцеве

улице,[1] о прибытии в Новгород из Литвы князя Юрья Семеновича,[2] о пожаре, истребившем околоток,[3] о закладке каменной церкви Георгия.[4] Во второй из указанных редакций Новгородской 4-й под 6940 г. читаем первую статью Комиссионного списка, вторая же статья опущена, но из нее взято известие о возвращении князей из Орды и присуждении великого княжения Василию Васильевичу и вставлено в статью 6941 г. Сравнивая обе редакции Новгородской 4-й летописи в отношении их к Комиссионному списку под 6940 г., приходим к заключению, что вторая из этих редакций представляет исправленный текст Комиссионного списка. Но мы не имеем основания допустить непосредственное влияние Комиссионного списка на вторую редакцию Новгородской 4-й летописи; влияние он мог оказать через посредство происшедшего от него и исправленного по своду 1448 г. — Академического списка Новгородской 1-й летописи; как увидим ниже (в гл. XIV), вторая редакция Новгородской 4-й заимствовала часть 1429—1443 гг. из Академического списка (а известия 1444—1446 гг. из свода 1448 г.). Напротив, первая из указанных редакций Новгородской 4-й представляет под 6940 г. так же, как и дальше, самостоятельный, независимый от Комиссионного списка текст.[5] Имея в виду невозможность допустить заимствование текста Комиссионного списка в занимающей нас части Новгородской 4-й летописи указанной редакции,[6] но отмечая вместе с тем близкое сходство рассказа Комиссионного списка и Новгородской 4-й в пределах 1432—1437 гг., мы ставим вопрос, из какого же общего источника могли заимствовать рассказ о событиях 1432—1437 гг. составитель Комиссионного списка, с одной стороны, Новгородской 4-й летописи — с другой?

Предыдущее исследование обнаружило два общих источника для Комиссионного списка и Новгородской 4-й: — это свод 1421 г. и свод 1448 г. Но первым из них пользовался, конечно, составитель не Комис-

---

[1] С прибавлением, против Комиссионного списка, слов: «на старомъ мѣстѣ, а старую скуделницю пороушивъ»; при этом владыка Евфимий, так же как во второй статье Комиссионного списка, не назван священноиноком, как он назван в первой статье Комиссионного списка.

[2] При этом добавлено «съ княгинею», как во второй статье Комиссионного списка, между тем в первой статье его нет этой прибавки.

[3] Ср. это известие в первой статье Комиссионного списка, но в Новгородской 4-й прибавлено: «и церковь выгори святыи Иоаннъ Золотоустый».

[4] И это известие имеется в первой статье Комиссионного списка.

[5] Напр., под 1434 г. в Новгородской 4-й (Новороссийский, Голицинский) читаем: «той осени взяша Новгородци со псковичи миръ по старинѣ. Той зимы ѣздѣ владыка Еоуфимій судъ судить во Пьсковъ», этого нет в Комиссионном списке; под 1435 г. после имени Онанья Семеновича назван Остафья Норовых, который в Комиссионном списке назван Остафьем Есифовичем; ниже, после имени Михаила Буйносова, прибавлено: «и владычень дворъ молотцѣ»; и др.

[6] Помимо того, что указанная редакция доводит события только до 1437 г., укажем, напр., что известие Комиссионного списка под 1434 г.: «той осени выиха из Новагорода князь Василій Юрьевич и много пограби ѣдуци по Мьстѣ и по Бѣжичкому Верху и по Заволочью, и много зла бысть отъ него» соответствует в Новгородской 4-й: «и поѣха из Навагорода к Москвѣ», и др. под.

сионного списка, а его протографа; напротив, вторым, как можно заключить из нижеследующих соображений, руководствовался именно составитель Комиссионного списка, переработавший свой протограф на основании свода 1448 г. Соображения эти основываются на сравнительном изучении Комиссионного списка, с одной стороны, с Троицким списком Новгородской 1-й (см. гл. XII), а с другой — с Новгородскою 5-й летописью (см. гл. XVI). Оба названные памятника предполагают существование такой более древней редакции текста Комиссионного списка, которая отличалась от последнего отсутствием нескольких поправок, сделанных на основании свода 1448 г. Доказательства мы приводим ниже в настоящей главе (рубрика В). При этом Троицкий список содержащимся в нем перечнем великих князей доказывает, что один из его источников (а таковым мы в праве признать более древнюю редакцию Комиссионного списка, протограф этого списка) составлен в 1433 или 1434 г., ибо «великим князем» называет Юрия Дмитриевича. Сопоставив это с сделанным выше заключением о том, что протограф Комиссионного списка был доведен до 1432 г., причем составитель его не знал или не хотел знать, что великое княжение в 1432 г. было присуждено Василию Васильевичу («выидоша князи рустіи из орды без великаго княженія»), мы получаем прочное основание для отожествления протографа Комиссионного списка с тою более древнею редакцией Новгородской 1-й летописи, не стоявшею в зависимости от свода 1448 г., которая восстанавливается по Троицкому списку и Новгородской 5-й летописи. А это ведет нас к заключению, что протограф Комиссионного списка сложился независимо от свода 1448 г. Имея же в виду зависимость Комиссионного списка от этого свода 1448 г., возводя именно к нему ряд отличий его от своего протографа, мы в праве и дополнительную часть, отсутствовавшую в протографе Комиссионного списка, т. е. часть, обнимавшую события 1432—1439 гг., возвести к своду 1448 г. Итак, общий источник в виде свода 1448 г. определяется именно для Комиссионного списка, а не для его протографа — с одной стороны, для Новгородской 4-й летописи — с другой. Но как допустить, чтобы составитель Комиссионного списка на основании свода 1448 г. довел летописный рассказ до 1439 г., а составитель Новгородской 4-й летописи только до 1437 г.? Этот вопрос мы связываем еще и с двумя другими. Академический (и Толстовский) списки, близко следуя Комиссионному списку, доводят летописный рассказ до 1443 г.; откуда заимствована ими часть 1440—1443 гг., оказывавшаяся тожественною с соответствующею частью дополнений к Комиссионному списку, где содержатся события до 1440—1446 гг.? Далее, откуда взято это самое дополнение к Комиссионному списку, писанное тою же, кажется, рукою, что дополнительные историко-юридические статьи в начале и конце летописи?

Думаю, что эти самые статьи дают определенный ответ на все три предложенные вопроса. Статьи эти ведут нас именно к своду 1448 г., ибо большую часть их находим или в Софийской 1-й летописи или в Новгородской 4-й, которые, как мы знаем уже, основывали свое содержание на своде 1448 г.

Ср. перечень митрополитов с перечнем, приложенным к Новгородской 4-й; новгородских епископов с перечнем, приложенным к Новгородской 4-й (где, впрочем, он доведен не до смерти Симеона, т. е. до 1421 г., а до смерти Давыда, т. е. до 1324 г.); «имена всем градом русским» ср. с такою же статьею в приложениях к Новгородской 4-й; далее «Правило законьно о церковныих людѣхъ» ср. в Бальзеровском и Горюшкинском списках Софийской 1-й (Полное собрание русских летописей, VI, стр. 83); «Правила святыхъ отецъ 165 5-го събора о обидящихъ церкви божіа и священные власти ихъ» ср. там же; церковные уставы Владимира и Ярослава ср. там же (VI, стр. 82—83 и 84—86); статьи из судебника царя Константина (изд. 1888, стр. 476—487) ср. в Софийской 1-й летописи (VI, стр. 70—82); Правду Русскую ср. в Софийской 1-й летописи (VI, стр. 57—68); устав Ярослава о мостѣхъ ср. в Софийской 1-й летописи (VI, стр. 68—69).

Следовательно, и текст 1440—1446 гг. мог быть заимствован из того же источника. Как же, однако, согласовать этот наш вывод, предполагающий доведение летописного рассказа в своде 1448 г. до 1446 г., с предыдущим утверждением нашим, будто свод 1448 г. оканчивался событиями 1421—1422 гг.? В виде предположения высказываем, что в своде 1448 г. резко отличались две части: первая — основная до 1422 г., основывалась на указанных в гл. X источниках — Новгородском своде 1421 г., Полихроне 1423 г., Ростовском своде 1418 г.; вторая — дополнительная, содержала заимствованные из Софийской владычного свода известия 1423—1446 гг., известия, не приведенные в должный порядок, черновую рукопись, не подвергшуюся окончательной обработке. Софийская 1-я оставила эту дополнительную часть в стороне. Составитель первой редакции Новгородской 4-й летописи заимствовал из нее рассказ только о событиях 1422—1437 гг., по той или иной причине не решившись редактировать остальную черновую рукопись. Составитель Комиссионного списка, переработавший свой протограф по своду 1448 г., заимствовал из черновой его части рассказ о событиях 1432—1439 гг. Составитель Академического списка Новгородской 1-й летописи, подвергший текст Комиссионного списка новой переработке на основании того же свода 1448 г. (см. ниже гл. XIII), продолжил свой текст на основании все той же черновой части свода 1448 г. до 1443 г. Наконец, второй редактор Комиссионного списка, заимствовавший в свой труд дополнительные статьи из свода 1448 г., на основании черновой части его продолжил рассказ до 1446 г.

Итак, поставленные выше вопросы нашли себе один общий ответ: источником дополнений Новгородской 4-й летописи (в более древних ее редакциях), Комиссионного списка в основной его части, Академического списка, наконец, Комиссионного списка в дополнительной его части был свод 1448 г. В пользу этого предположения приведу еще следующие соображения. Указанные дополнения во всяком случае предполагают общий источник: таковым не могла быть из года в год ведшаяся летопись (напр., Софийская владычная летопись), ибо неясно было бы, почему, напр., составитель

первой редакции Новгородской 4-й летописи, работавший во всяком случае после 1448 г., остановился в своей выборке из погодной, а следовательно современной летописи, на 1437 г., составитель Комиссионного списка — на 1439 г. и т. д. Это с одной стороны. А с другой — более чем вероятно, что составитель свода 1448 г., желавший, как из всего видно, представить летописную историю Новгорода во всей ее полноте, продолжил свой труд до современных событий, т. е. по крайней мере до 1446 г. Понять же, почему позднейшие своды останавливали свою выборку из этих современных событий — один на 1437 г., другие на 1439 г. и т. д., можно только, предположив в самом списке этих событий второй четверти XV в. наличность таких оснований, которые принуждали позднейших редакторов останавливать выборку из него в начале, середине, ближе к концу и т. д.: такими основаниями могли быть необработанность самого списка, черновой его характер, размещение в нескольких тетрадях и т. п.

Возвращаемся к протографу Комиссионного списка. Откуда же заимствован им летописный рассказ 1422—1432 гг., которого не было в главном его источнике — своде 1421 г.? Рассказ этот сходствует с соответствующим текстом Новгородской 4-й (согласно предыдущему заимствованным из свода 1448 г.), но представляет и некоторые отличия.[1] Допустить, что составитель протографа Комиссионного списка заимствовал его из свода 1448 г., нельзя, как по отсутствию указаний на то, что свод 1448 г. был доступен составителю этого памятника (вспомним приведенное выше данное, по которому он возник за 15 лет до свода 1448 г., в 1433 или 1434 гг.), так и по противоречию известия 6840 (1432) г. Комиссионного списка (князья вернулись из Орды без великого княжения) соответствующему известию Новгородской 4-й (в. княжение присуждено Василию Васильевичу). В виду этого предполагаю, что составитель протографа Комиссионного списка часть 1422—1432 заимствовал из Софийского владычного свода (погодной новгородской летописи); этот свод послужил источником и для дополнительной части свода 1448 г., но известия владычной летописи были здесь уже исправлены и дополнены (хотя, как видно, и в черновом виде).

Итак, предыдущее исследование ставит нас лицом к лицу с двумя памятниками вместо одного: с одной стороны, нам предстоит анализ протографа Комиссионного списка, а с другой — самого Комиссионного списка и при этом в двух его видах основном и осложненном дополнениями.

Протограф Комиссионного списка, согласно предыдущему, составлен в 1433—1434 г. Мы приводили в доказательство статью Троицкого

[1] Напр., под 1423 г. в Комиссионном списке читаем: «знаменіи въ солнцѣ», чего нет в Новгородской 4-й; под 1424 г. после «бѣ два лѣта», сравнительно с Новгородской 4-й, прибавлено: «на сѣнехъ въ дому святѣй Софьи»; после «жребью» прибавлено «къ престолу святѣй Софіи», после «дѣнги сковаша» прибавлено «почаша по всей русской земли торговати дѣнгами»; под 6933 г. указан день смерти Ѳеодосия, игумена Троицы; под 6934 г., в конце, прибавлено «3 недѣли ратью и отъиде не взя»; под 6935 г., в конце прибавлено «дивно иконами и книгами». С другой стороны, в Новгородской 4-й находим лишние против Комиссионного списка известия и фразы под 6930—6934, 6936 гг.

списка, где перечислены русские великие князья — причем последним назван Юрий Дмитриевич (1433—1434); эта статья, как и многое другое, попала в Троицкий список из протографа Комиссионного списка, о чем скажем ниже, в гл. XII. Но и в самом Комиссионном списке имеются данные для утверждения, что протограф его (а не он сам, ибо составление его после 1448 г. не подлежит сомнению) составлен именно в 1433—1434 гг. Оставляю в стороне главный довод, состоящий в том, что летописный текст протографа Комиссионного списка был доведен до 1432 г.; обращаю внимание на следующее обстоятельство: в Комиссионном списке под 6497 (989) г. помещены перечни, между прочим, русских митрополитов и новгородских архиепископов. Русские митрополиты доведены до Герасима: Герасим был поставлен митрополитом в 1433 г. и владычествовал до 1435 г.[1] Новгородские архиепископы доведены до Евфимия 1-го, поставленного в 1424 г. и скончавшегося в 1429 г.; его преемник Евфимий 2-й не упомянут в перечне, и это стоит в связи с тем, что архиепископом он был поставлен только в 1434 г. мая 26 (ср. название его священноиноком под 1432 и нареченным владыкой под следующим 1433 г.). Из перечней, нами указанных, явствует, что они составлены в течение 1433 или в первой половине 1434 г., следовательно, к этому именно времени относится составление летописи, куда включены эти перечни. Но Комиссионный список составлен во всяком случае после 1448 г.; следовательно, в 1433—1434 гг. составлен протограф Комиссионного списка.

Итак, мы приходим к тому же выводу, что выше на основании Троицкого списка Новгородской 1-й летописи. Свод 1433 г., как для краткости назовем протограф Комиссионного списка, составлен, согласно предыдущему, на основании следующих трех источников: 1) Новгородского свода 1421 г., 2) Синодальной летописи, 3) Софийского владычного свода. В основание свода 1433 г. был положен свод 1421 г., но в части до 1330 г. он сильно сближен с Синодальною летописью и вероятно по ней исправлен и дополнен; такое сближение и исправление было тем возможнее и тем естественнее, что сам свод 1433 г. в известных частях, а именно в части от 1075 до 1330 г. содержал текст, очень близкий к Синодальной летописи. Списывая из свода 1421 г. часть от 1331 до 1421 гг., составитель свода 1433 г. кое-что опустил и сократил (перечень некоторых опущенных им известий см. выше в примечании на стр. 162). Часть от 1422 до 1432 г. заимствована из Софийского владычного свода.

Вскоре после 1448 г. составлена летопись по Комиссионному списку, в основной ее части. В основание ее положен свод 1433 г., но он переработан и дополнен по своду 1448 г. Из него внесено в летописный текст несколько статей, отдельных известий, а также исправленных чтений. Выше мы указывали на такие вставки и поправки. Ср., напр., краткое известие о взятии Царьграда в 1204 г., статью об убиении Михаила Черниговского под

---

[1] В Новгородской летописи он упоминается под 1434 г. (Комиссионный список). Ср. его имя в одной новгородской записи 1433 г. (Лихачев, Палеографическое значение бумажных водяных знаков, I, стр. 94).

1245 г.; статьи об Александре Невском под 1240, 1242 и 1251 гг., рассказ о Куликовской битве под 1380 г.[1] Ср. указанные нами выше поправки в конце предисловия: «Александра» вместо «Олексы» или в начале летописи «еже не дають» вм. «еже нынѣ дають». Можно думать, что местами текст свода 1433 г. при переходе в Комиссионный список подвергся сокращениям и пропускам. Вслед за текстом свода 1433 г. приведен дополнительный летописный рассказ из свода 1448 г. (события 1432—1439 гг.).

Время составления Комиссионного списка определяю 1453—1462 гг. на том основании, что в перечне князей под 989 г. не назван великим князем Дмитрий Юрьевич Шемяка, который мог быть назван таковым в Новгороде между 1446 и 17 июня 1453 г. (ср. ниже в исследовании о Новгородской 5-й); 1462 год определяется тем, что великим князем в этом перечне назван Василий Васильевич, умерший в этом году.

Наконец, вскоре после составления своего, основная часть Комиссионного списка подверглась дополнению в конце и в приставленных к началу листах на основании опять-таки свода 1448 г. Из него заимствован летописный рассказ о событиях 1440—1447 гг., а также ряд историко-юридических статей, помещенных в приложении к летописи. Среди этих статей некоторые содержат определенные хронологические указания. С одной стороны, извлекаем как хронологический момент 1423 г.: ср. в статье «Кто колико княжилъ» указание на то, что от Турлаковы рати минуло 97 лет (100 лет без трех): Турлакова рать имела место в 1327 г.; в перечнях архиепископов новгородских последним назван Симеон, умерший в 1421 г.; в перечне новгородских князей последним князем назван Василий Дмитриевич, умерший в 1425 г. Я вывожу отсюда, что эти статьи восходят к Полихрону, составленному в 1423 г. С другой стороны, извлекаем хронологический момент 1425—1448 гг.: так, последним митрополитом назван Герасим (1433—1435); Исидор мог быть не назван как низверженный из святительского сана, а неупоминание имени Ионы (поставленного в 1449 г.) доказывает, что перечень митрополитов составлен до 1449 г.; великим князем в статье: «Сице родословяти князи рустіи» назван Василий Васильевич (1425—1462). Я вывожу отсюда, что обе эти статьи проредактированы составителем свода 1448 г.

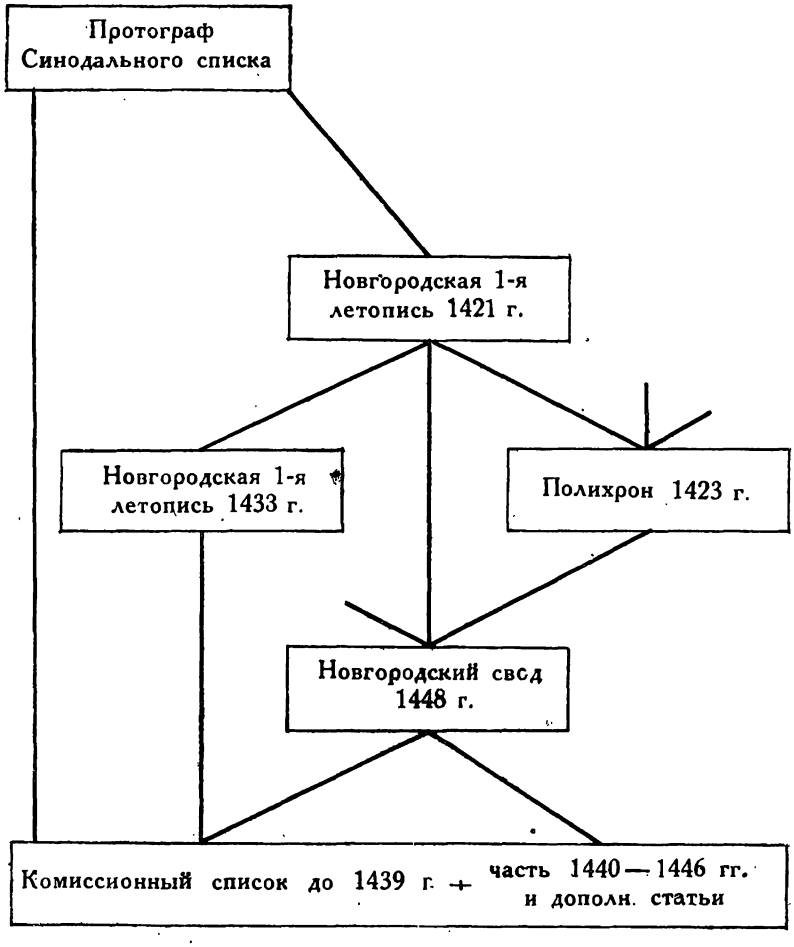
Задача исследования Комиссионного списка состоит таким образом в том, чтобы проследить, как три указанные выше момента — составление свода 1433 г., протографа Комиссионного списка, составление основной части Комиссионного списка, составление дополнительных к нему частей — отразились на его тексте. Мы ограничиваем для себя эту задачу исследованием только той части Комиссионного списка, которая соответствует «Повести временных лет», т. е. части от начала летописи приблизительно до 1118 г. (мы ведь предположили, что вторая редакция «Повести временных лет»

[1] Сюда же, быть может, должны быть возведены еще: известие 1222 г. о взятии смоленскими князьями Полоцка 17 января (в Синодальном нет этого известия), далее несколько кратких известий московских и литовско-русских, напр. под 1311, 1343, 1345, 1370 гг.

была доведена до 1118 г.). Разбиваем исследование, нам предстоящее, на две части, сообразно только что установленным моментам: сначала рассмотрим интересующую нас часть летописи по протографу Комиссионного списка, насколько он может быть восстановлен по Комиссионному списку и скудным, впрочем, указаниям обоих других источников — Троицкого списка и Новгородской 5-й; затем перейдем к рассмотрению ее по самому Комиссионному списку в первоначальном его виде. В конце укажем на поправки, внесенные при сверке Комиссионного списка с другим.

Отношение Комиссионного списка к другим родственным ему старшим спискам изображаем в следующей таблице:

Табл. 5

ГЛАВА XII

ТРОИЦКИЙ СПИСОК НОВГОРОДСКОЙ 1-й ЛЕТОПИСИ

Этот памятник считался некоторое время погибшим (так, в «Описании рукописей Троицкой лавры», составленном Арсением, упомянуто, что летопись эта сгорела в 1812 г.). Но оказалось, что он хранится в б. Археографической комиссии. Копия с него начала XIX в. имеется в Публичной библиотеке им. Ленина под № 247 (по описанию Востокова). Начинаясь с известного предисловия, о котором мы говорили выше, он доведен до похвалы Борису и Глебу 1015 г. (а именно до середины рассуждений, сопровождающих повествование об убиении Бориса, Глеба и, наконец, Святослава окаянным Святополком); кончается словами: «сяковыя даетъ богъ за грѣхы, а старыя отъемлетъ якоже исаія». За ними пустое недописанное пространство ($^3/_4$ столба, затем второй столбец лицевой стороны листа и весь оборот этого — 69-го листа). На лл. 70—73 помещена грамота Всеволода Мстиславича, данная церкви Ивана Великого на Петрятине дворе. На л. 74 «роды роускихъ князей», на л. 75 слово Ефрема «како достоитъ съ всѣмъ прилежаніемъ чести святыя книги», и, наконец, на л. 76 объяснение числовых знаков славянской азбуки (в тексте летописи все числовые знаки заменены именами числительными). Из перечисленных дополнительных статей особенное внимание наше обращает на себя статья «Роды роуских князей». Она оказывается почти тожественной с тою, которую мы отметили выше в числе дополнительных статей в Комиссионном списке; но текст Троицкого списка исправнее Комиссионного,[1] кроме того, окончание Троицкого списка иное, чем Комиссионного. В последнем списке родословие оканчивается словами: «Иванъ роди Дмитрія, Дмитрій роди Василія, Василій роди Василія» (т. е. Василия Васильевича, великого князя от 1425 до 1462 г. с перерывами). В Троицком читаем: «А Иванъ роди Дмитрѣя князя. Тои бо Дмитріи съсвѣщася самодръжцемъ. А Дмитреи роди Юрья». Итак, родословие оканчивается Юрием Дмитриевичем, бывшим на великом княжении в 1433 и 1434 гг. Не названы при этом ни брат Юрьев Василий (1389—1425), ни племянник (сидевший на великом княже-

[1] Напр., в Комиссионном списке: «Всеволодъ роди Володимера, Володимеръ роди Мономаха, Мономахъ роди Юрья», а в Троицком: «А Всеволодъ роди Володимѣра, иже нарицается Манамахъ, а Володимѣръ роди Гюргя». При имени Ярослава Всеволодича в Троицком прибавлено: «при семъ Потарьскоую землю взяша», и др.

ньи с 1425 до 1433 г.); не названы они потому, что эта статья имеет целью перечислить не всех вообще великих князей, а только предков современного великого князя по прямой восходящей линии (поэтому, напр., в статье не названы великие князья Изяслав Ярославич, Святополк Изяславич, Мстислав Владимирович, Андрей Юрьевич, Юрий Всеволодич и др.). Отсюда заключаем, что статья «Роды роускихъ князей» составлена при великом княжении Юрия Дмитриевича, т. е. в 1433 или 1434 г. Имея в виду связь этой статьи с летописным текстом (связь устанавливается тем, что та же статья читается в другом летописном своде — Комиссионном списке), заключаем, что в том же 1433 или 1434 г. составлен основной источник Троицкого списка, ибо думать, что и сам он возник в этом же году, трудно, в виду ниже следующих данных.

Ближайшая связь Троицкого списка с Комиссионным очевидна. Но мы видели, что в Комиссионном списке имеются два указания на то, что его протограф составлен в 1433 г.: это, во-первых, повторение летописной статьи 1432 г., доказывающее, что протограф Комиссионного списка был доведен до этого года; во-вторых, перечни митрополитов и владык новгородских, указывающие именами митрополита Герасима и архиепископа Евфимия, что составитель их работал в 1433 или первой половине 1434 г. Итак, вот первое основание предполагать в числе источников Троицкого списка протограф Комиссионного списка, свод 1433 г. Другое основание — это бóльшая древность некоторых чтений Троицкого списка сравнительно с Комиссионным, не допускающая возможности того, чтобы Комиссионный список лежал в основании Троицкого; сошлюсь здесь еще раз на приведенное выше чтение «до Олекси Исакья» вм. «до Александра и Исакья» Комиссионного списка. Третье основание — это связьТроицкого списка с известною частью Новгородской 5-й летописи (955—996), подтверждающаяся некоторыми общими чтениями (описками); Новгородская же 5-я летопись составлена на основании Новгородской 4-й и еще другой — списка с новгородской летописи, более древнего, чем Комиссионный; сошлюсь, напр., на общую описку «торазно» вм. «горазно». Итак заключаем, что Троицкий список положил в свое основание свод 1433 г.

Но этот свод 1433 г. подвергся полной переработке со стороны составителя Троицкого списка. Переработка сделана на основании, во-первых, какого-то списка «Повести временных лет». Это видно как из целого ряда чтений, заменивших в Троицком списке чтения Комиссионного и свода 1433 г. (ср. Новгородскую 5-ю); так и из того, что, начиная с рассказа об убиении Глеба, Троицкий список оставляет совсем текст Комиссионного и следует (на небольшом, впрочем, протяжении), до своего окончания, «Повести временных лет»; во-вторых, на основании Комиссионного списка, что видно из наличности в Троицком списке некоторых чтений и некоторых статей, восходящих к своду 1448 г., а мы знаем, что свод этот оказал влияние на образование именно Комиссионного списка.

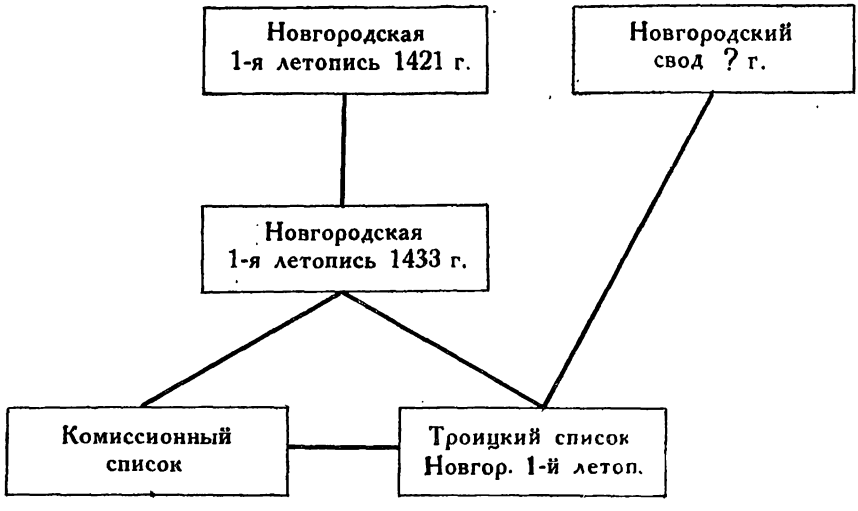
Мы не смеем утверждать решительно, что дошедший до нас дефектный памятник предполагает существование полного списка, заключавшего

в себе Новгородскую 1-ю летопись в соединении с «Повестью временных лет». Возможно, конечно, что труд редактора, задумавшего составить такой свод, остался неоконченным, что он оборвался там, где текст «Повести временных лет» резко отделяется от текста Новгородской 1-й летописи, а именно на летописной статье 1015 г.; но также возможно предположить, что дошедшая до нас копия с исполненного в задуманных размерах труда, случайно оборвалась на словах, приведенных выше: «а старыя объемлетъ яко же Исаія». Я считаю более вероятным второе предположение, как потому, что текст Троицкого списка обрывается на неоконченной фразе, так и потому еще, что дальнейшее исследование, а именно исследование Академического списка Новгородской 1-й убедит нас в том, что протограф Троицкого списка, бывший источником этого списка, обнимал значительную часть, а может быть и весь текст Новгородской 1-й летописи.

Время составления Троицкого списка определяется второй половиной XV в., что видно из того, что в числе его источников был Комиссионный список, составленный после 1448 г.

Отношение к другим родственным старшим спискам изображаем в следующей таблице:

Табл. 6

ГЛАВА XIII

АКАДЕМИЧЕСКИЙ СПИСОК НОВГОРОДСКОЙ 1-Й ЛЕТОПИСИ

Из трех списков Новгородской 1-й летописи — Академического, Толстовского и Румянцевского (XVIII в., № 248), — списков, близких между собою и восходящих к одному оригиналу, кладем в основание исследования о них Академический второй половины XV в., имея в виду некоторые данные, доказывающие, что Толстовский список — копия с Академического, а Румянцевский — копия с Толстовского. Такое отношение списков доказывается, между прочим, общими пропусками, зависевшими в Академическом от выпадения листов, а в Толстовском и близком к нему Румянцевском от списывания дефектного оригинала. Так, напр., под 986 г. видим в Академическом списке после слов «в начале испервa» пропуск листов и заключавшегося в них текста, в соответствующем же месте Толстовского и Румянцевского пропуск текста; ниже видим то же после слов «нѣсть ми хотѣ (ніа)»; тоже под 1068 г., в Академическом утрачен лист, содержавший текст после слова «тѣм же» («и пророкомъ к намъ глаголеть»—«въ дождя мѣсто пущаеть ово ли слано») «ю»; в Толстовском списке в соответствующем месте «тѣмъ же ю», а текст между «тѣмъ же» и «ю» утрачен; то же под 1204 г. после слов «Грькы и Варягы камениемь», и др. Румянцевский список — копия с Толстовского: это доказывается как общими пропусками (напр., выше отмеченными, причем размер пропусков, напр., под 986, совпадает не с Академическим, а с Толстовским списком), так и общими описками («взмяклася» вм. «взмялася» под 1135 г.). Румянцевский список сильно сокращен, сравнительно с Толстовским; сокращены статьи, опущены многие известия.

Академический список весьма неисправен вследствие утраты в нем листов;[1] неисправность его заставляет прибегать к Толстовскому списку

[1] Кое-что утрачено уже после поступления его в Библиотеку Академии Наук от В. Н. Татищева: так, из описания «Лѣтописи попа Іоанна», помещенного Татищевым в 8 главе I тома «Истории», видно, что он знал начало Академического списка, утраченное уже ко времени издания этого списка во 2-й части I тома (1786 г.) «Продолженія Древней россійской Вивліофики» (издание начинается с половины фразы в статье 945 г.): так, Татищевым приведено заглавие летописи: «Времянникъ, иже наречется лѣтописаніе рускихъ кнѣзей и земля руская». Татищев сообщает, что в рукописи была подпись: «написася книга сіа 6952. 1444 году»; эта подпись не сохранилась.

для восполнения пробелов. Академический список прекращается на неоконченной фразе в начале летописной статьи 6949 (1441) г.; судя же по Толстовскому, сохранившему свое окончание, он был доведен до 1443 г. включительно; отсюда очевидно предположение, что он написан в 1444 г. (см. предшествующее примечание). Летописью попа Иоанна Академический список называется потому, что под 1230 г. в молитвенном обращении летописца, вместо «и мнѣ грѣшному Тимофѣю понамарю» (ср. Синодальный список) читается «и мнѣ грѣшному Іоанну попови».

Анализ Академического списка, т. е. сравнительное изучение его и других списков Новгородской 1-й летописи, показывает, что он составлен на основании двух главных источников—Комиссионного списка и протографа только-что нами рассмотренного Троицкого списка. В этом убедило нас уже и предыдущее исследование, а именно сделанные выше сопоставления редакционных поправок, внесенных в Троицкий список, с чтениями списка Академического. Так, мы видели, что поправка Троицкого списка «пріидоша Русь на Царьградъ в кораблехъ, бе число кораблъ двѣстѣ» (вместо первоначального чтения, сохранившегося в Комиссионном: «пріидоша Русь на Царьградъ в кораблехъ въ двусту») внесена в искаженном, правда, виде в Академический список: «пріидоша Русь на Царьградъ в кораблех бещислено кораблъ двѣстѣ»; не может подлежать сомнению, что чтение Академического списка восходит к чтению Троицкого, а не наоборот. Поправка Троицкого списка «посла вои на Грьки Игорь русьскій до десяти тысящь» вм. первоначального чтения: «посла князь Игорь на Грькы русь скыдей 10 тысящь» вызвана прочтением «русь скыдей» за «руськый до»; в Академическом (Толстовском) читаем «посла вои на Грькы Игорь русьскій русь скыдей 10 тысящь»; это чтение явным образом скомбинировало поправку Троицкого списка с чтением Комиссионного.

Итак предполагаем, что в основание Академического списка положен Комиссионный и при том в части до 1439 г. включительно, т. е. в то время, когда в Комиссионном списке еще не был приписан рассказ о событиях 1440—1446 гг. Предположение это подтверждаем тем, что Академический список сходствует с Комиссионным почти на всем своем протяжении, а именно до 1439 г.: ни одной существенной вставки, ни одного существенного пропуска мы не найдем в Академическом списке сравнительно с Комиссионным. Их отличают почти исключительно стилистические различия, причем одни из них объясняются влиянием на Академический список еще какого-то летописного свода, а другие обязаны редакционным домыслам самого составителя Академического списка.

Летописным сводом, оказавшим влияние на Академический список, согласно предыдущему признаем протограф Троицкого списка. Памятник этот дошел до нас лишь в начальной своей части до 6523 (1015) г. включительно; но Академический список ясно свидетельствует о том, что он был продолжен и дальше; мы увидим, что в части до 6523 г. Академический список следует Троицкому во всех случаях, где последний сближал текст свода 1433 г. (более или менее тожественный с текстом Комиссионного

списка) с «Повестью временных лет»; но подобное же сближение заметно в Академическом списке и после 1015 г. в статьях 1054 и следующих до 1074 г.; следовательно, соответствующие статьи с соответствующими поправками читались и в Троицком списке. Можно было бы, конечно, предположить, что Академический список сблизил текст Комиссионного списка с текстом «Повести временных лет» независимо от составителя протографа Троицкого списка, но такое предположение невероятно, во-первых, потому, что в Академическом и Троицком списках сплошь и рядом оказываются совершенно тожественные результаты подобного сближения, во-вторых, потому, что Академический список представляет и такие отступающие от Комиссионного списка чтения Троицкого, которым нет соответствия в «Повести временных лет».[1] Но если протограф Троицкого списка доходил и до 1074 г., что может остановить нас в предположении, что он продолжен был и дальше? Имея же в виду тщательную передачу Троицким списком состава свода 1433 г.,[2] причем к вспомогательному источнику составитель его (его протографа) прибегал лишь в редких случаях (напр. под 1015 г. в рассказе об убиении Бориса и Глеба), я думаю, что протограф Троицкого списка обнимал весь текст Новгородской 1-й летописи, по крайней мере, до 1433 г., отличаясь от Комиссионного списка лишь вставками некоторых статей общерусской летописи, повлиявшей на текст Троицкого списка в пределах «Повести временных лет». Такое предположение объяснит нам вполне удовлетворительно, каким образом Академический список в рассказе о новгородских событиях XII—XIV в. оказывается во многих случаях исправнее Комиссионного списка, дополняя его пропуски, восстанавливая более древние чтения: ведь протограф Троицкого списка, влиявший на Академический, следовал тексту свода 1433 г., легшему в основание Комиссионного.[3]

Необходимо отметить, что Академический список, представляя те или иные исправленные чтения, сохранил следы того, что в основании его лежит все-таки Комиссионный список, причем чтения другого более исправного списка наносные, сообразовавшиеся с чтениями основного списка.[4]

---

[1] Ср. приведенные выше случаи, как «бещислено корабль», вставка слова «вои»; еще также ошибку «в службу» вм. «въ славу» под 6494 г.; «нынѣшняго» вм. «днешняго» под 6862; «мостъ» вм. «помостъ» под 6523 г. и мн. др.

[2] Ср. редакцию начальных статей летописи; далее отсутствие статьи о Кожемяке под 6501 г., статьи об осаде Белгорода под 6504 г.

[3] Ср., напр., под 6867 (1359) г. в Академическом списке: «и не изволиша себѣ отъ человѣкъ избранія сътворити, нъ изволиша себѣ отъ бога прияти извѣщеніе и уповати на милость его», между тем в Комиссионном испорчено: «и не изволиша собѣ отъ бога прияти извѣщение и уповати на милость его». Под 6839 вписано опущенное в Комиссионном списке: «пріимши санъ святительства отъ митрополита Феогноста». Под 6843 вписано опущенное в Комиссионном «не далъ богъ кровопролитіа». Под 1193 г. «сіа же глаголаше льсяще имъ», ср. в Синодальном—«а льстяще ими», а в Комиссионном списке пропуск. Ср. еще целый ряд случаев, где чтения Академического списка совпадают с Синодальным списком или ближе к нему, в противоположность Комиссионному списку.

[4] Ср., напр., под 1204 г. в известии о взятии Царяграда: в Комиссионном «и сице заповѣдавши яко никтоже не внидетъ зде», — в Синодальном «яко

В числе источников Академического списка был и свод 1448 г. Ниже приведем для части, соответствующей «Повести временных лет», более подробные доказательства для такого предположения, а здесь отметим, что часть поправок в сказании об Александре или в повести о Михаиле Черниговском могли быть заимствованы из свода 1448 г. Оттуда же заимствованы некоторые поправки и в тексте 1434—1443 гг. (которому не было соответствия в Троицком списке). Ср. вставку «Бардовѣ» в статье 1435 г. К этому же своду возводим конечные статьи Академического списка (1440—1443), которых не было ни в Комиссионном списке (он доходил лишь до 1439-го), ни также предположительно в протографе Троицкого списка, ибо, допустив, что протограф Троицкого был доведен до 1443 г., нам пришлось бы предположить, что он пользовался, кроме трех указанных выше его источников (свода 1433 г., Комисс. списка и общерусской летописи), еще сводом 1448 г. — данных же для такого предположения не имеется.

Стремясь, с одной стороны, сблизить текст своего основного источника (Комиссионный список) с текстом других сводов, более исправных и в отношении текста более древних (свода 1448 г. и протографа Троицкого списка), составитель Академического списка, с другой стороны, позволил себе сделать ряд редакционных поправок и изменений в тексте своего оригинала. Поправки эти вполне однородны с теми, которые исказили текст Комиссионного списка; видим в этом косвенное влияние этого списка (его языка, его манеры выражаться); ср. указанное выше влияние приемов сводчика 1433 г. на редакционные приемы составителя Комиссионного списка. Замечательно, что составитель протографа Троицкого списка, несмотря на влияние на него со стороны как Комиссионного списка, так и свода 1433 г., был совершенно свободен от этой особенной, свойственной новгородским сводчикам, манеры писать. Но составитель Академического списка воскресил старые приемы. Приведу примеры архаизирования им текста своих источников.

Под 1234 г. «понеже бо князь их отпусти», в Комиссионном и Синодальном «и». Под 1245 г. (в сказании о Михаиле Черниговском) «а б і е онъ с к о р о поимъ Федора», в Комиссионном «он же поим Федора»; « о н и ж е послушници повѣдаша цареви своему Батыю», в Комисс. «повѣдаша же

не вынидеть», свод 1448 г.: «яко не выити ему» (Соф. 1-я), — а в Академическом «яко н е в н и д е т ъ н и к т о ж е». Под 1218 г. в Комиссионном ошибочно: «и я и боярѣ слава», вм. «и я Бориславa» (Синод.), а в Академическом «и поима бояръ Бориславa». Под 1238 г. в Комиссионном «апостольскаа церковь святыя Софѣи и святыи п р е п о д о б н і и святители Кирилъ и Афанасей», в Синодальном «апостольская церкви святая Софья і святыі Кюрилъ», а в Академическом «апостольская церкви свята Софіа и святый преподобный Кюрилъ». То же в сказании об Александре: после пропуска вставки, допущенной составителем Комиссионного списка, вм. «дражійшаго Александра», находим в Академическом «честнѣйшего и драгаго», между тем в своде 1448 г. и Псковской летописи: «милаго». В повести о Михаиле Черниговском, в Комиссионном: «ни питья ихъ не приимай во уста своя», в своде 1448 г. (Соф. 1-я) «ни питія ихъ пій и не пріимай ничтоже скверна во уста своя», а в Академическом «ни питіа ихъ пій», а дальнейшее опущено.

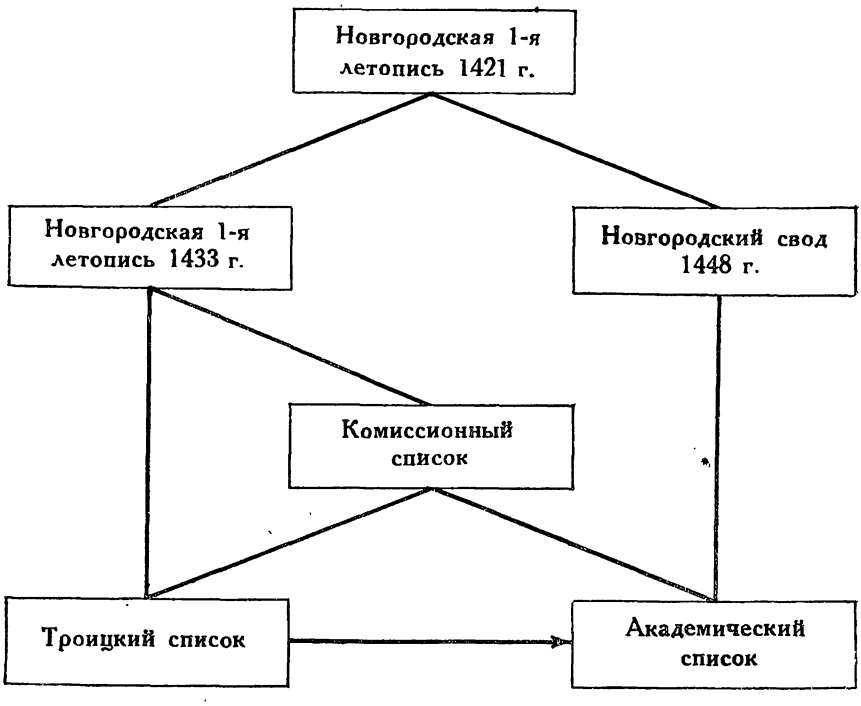
Батыевѣ»; «и сице имъ дошедшимъ царя Батыа», в Комиссионном «и доидоша пакы царя Батыя» (в Софийской 1-й «и доѣхавше до царя Батыя»); «пришелъ есть поклонитися тебѣ, царю нашему», в Комиссионном «приихалъ поклонится тебѣ» (в Софийской 1-ой «пріѣха поклонитися тебѣ»); «повелѣ привести волхвы своя, сим же влъхвомъ пришедшим», в Комиссионном (и Софийской 1-ой) нет «симъ же»; «тогда же поидяше къ цареви повѣдати глаголанаго ими еже рече Михаилъ», в Комиссионном «тогда пойде цареви повѣдати еже рече Михаилъ» (Софийская 1-ая: «тогда ѣха ко царю повѣдати еже глаголаша ему великый князь Михаилъ»); «и великому и самодръжавному князю Михаилу Кіевскому», в Комиссионном (и Софийской 1-й) — подчеркнутого нет; «нъ хощу пакы пострадати за Христа», в Комиссионном (и Софийской 1-й) — подчеркнутого нет; «ти тогда и Федора начаша мучити, яко преже и Михаила тою же мукою», в Комиссионном «тогда пакы и Федора начаша мучити, яко же преже и Михаила» (почти также в Софийской 1-й, но «пакы» нет); под 1252 г. в сказании об Александре Невском «сице бо онъ пострадавъ богови крѣпко», в Комиссионном (и Софийской 1-й) нет «сице бо он»; под 1265 г. «егда же глаголаше словесы ласковыми поне остатись вѣры християньскыя», в Комиссионном (и Синодальном) «ласкаше его остатная вѣры крестьяньскыя»; под 1240 г. в сказании об Александре «и пакы дал бо бѣ богъ ему премудрость Соломоню», в Комиссионном (и Софийской 1-й) «и далъ [же] бѣ богъ ему премудрость Соломоню»; под 1228 г. «и оттолѣ пакы ста дороговь», в Комиссионном (и Синодальном) нет «пакы»; под 1240 г. в сказании об Александре «рече Борисъ к брату своему Глѣбу абие вели грести спѣшно да поможемъ», в Комиссионном (и Софийской 1-й) «и рече Борисъ: брате Глѣбе, вели грести борзо («борзо» нет в Софийской) да поможевѣ» (в Софийской — «поможемъ»); «и слышавъ таковый страшный и дивный и грозный гласъ», в Комиссионном «таковый страшный глас», а в Софийской 1-й «таковый глас»; «мнѣ же пакы стоящу трепетну и велій страхъ обдержаше мя», в Комиссионном и Софийской 1-й «стояше трепетенъ въ ужасѣ» (в Комиссионном «въ ужасѣ» нет); «потомъ же пакы пойдяше скоро», в Комиссионном «потомъ же пойде скоро»; «к тому же здѣ пакы явишася», в Комиссионном «здѣ же еще к тому явишася»; под 1242 г. «и абие стрѣтоста и», в Комиссионном «и срѣтоша его»; под 1352 г. «възвратися назадъ к Новугороду, бывшу же ему на пути и ключися болѣзнь ему тяжка и преставися»; в Комиссионном (и Новгородской 4-й) «и идя изо Пьскова въ Новъгородъ преставися на пути»; под 1220 г. «тогда же пакы увѣдавши супружница его, иде въ другый манастырь, тако же въспріятъ чернечьское житіе», в Комиссионном (и почти также в Синодальном) «тогда же и жена его въ друзѣмъ манастырѣ пострижеся у святѣй Варварѣ»; под 1187 г. «сто доброименитыхъ», в Комиссионном «О стѣ кметѣй» (в Синодальном «о сте къметьства»); под 1181 г. «зане не бяше имъ иже что ясти», в Комиссионном (и Синодальном) «зане не бяше имъ корма»; под 1174 г. «и сице сконча», в Комиссионном «і абіе сконца» (в Синодальном «и ту сконьця»); под 1240 г. «от матери боголюбивыа именемъ зовомы Феодосіа», в Комиссионном

«отъ Феодосіа матери боголюбивы» (в Софийской «от матери святыя великіе княгини Феодосіи»).

Предыдущие данные приводят нас к заключению, что Новгородская летопись по Академическому списку составлена во второй половине XV в. на основании трех источников: Комиссионного списка, положенного в основание, далее протографа Троицкого и свода 1448 г. Составителем Академического списка был, повидимому, поп Иоанн, имя которого читается в молитвенном обращении летописца по поводу кончины Саввы, игумена монастыря Георгия: «и дай богъ молитвами его всѣмъ хрестіаномъ и мнѣ грѣшному Іоанну попови». В Синодальном списке в соответствующем месте читается: «и мнѣ грѣшному Тимофѣю понамарю», в Комиссионном списке эти слова опущены. Сомнительно, чтобы чтение «Іоанну попови» восходило к протографу Троицкого списка: составитель Академического списка подверг свой труд настолько основательной редакционной переработке, что, конечно, не перенес бы в него подобного чтения, а заменил бы чужое имя в молитвенном обращении своим.

Отношение Академического списка к другим родственным ему старшим сводам изображаем в следующей таблице:

Табл. 7

ГЛАВА XIV

НОВГОРОДСКАЯ 4-я ЛЕТОПИСЬ

Так наз. Новгородская 4-я летопись известна по следующим спискам: Академическому XVI в. (шифр 16. 3. 2), Голицинскому XVI в. (Публичная библиотека в Ленинграде Q. XVII. 62), Новороссийскому второй половины XV в. (б. Новороссийский университет № 81), Синодальному 1544 г. (б. Синодальная библиотека № 44/152), Строевскому конца XV или начала XVI в. (Публичная библиотека в Ленинграде № 2035), дефектному Толстовскому того же времени (Публичная библиотека в Ленинграде, Толстовское отделение II № 52) и Фроловскому XVI в. (Публичная библиотека в Ленинграде F. IV. 235).[1]

Эти списки можно распределить на следующие группы, объединяющиеся общими особенностями.

Группа списков Новороссийского и Голицинского: оба списка доходят только до 1437 г.; они оканчиваются известием о поездке в Москву новгородского архиепископа Евфимия; после этого известия в Новороссийском следует молитвенное обращение писца, в Голицинском же списке следует продолжение, обнимающее 1438—1516 гг., но оно писано другою рукой и не имеет прямого отношения к новгородской летописи, хотя в части от 1446 г. и сходствует с продолжением Академического списка.[2]

Группа списков Академического, Синодального, Строевского, Фроловского:[3] основные части всех этих списков доведены до известия 6955 (1447) г.

---

[1] О Новороссийском списке см. в «Летописях занятий Археографической комиссии» за 1871 г. (вып. VI, заседание 20 сентября). Об остальных, кроме Голицинского, см. в предисловии к IV т. Полного собрания русских летописей, использовавшему все эти списки в части от 1113 г. Что до Хронографического списка (Синодальный № 280), то он относится нами к Новгородской 5-й. О Карамзинском списке (Публичной библиотеки в Ленинграде F. IV. 603) и списке Дубровского (там же, F. IV. 238) скажем отдельно.

[2] Последнее известие Голицинского списка 1518 г. представляет собой приписку, сделанную почерком, отличным от предыдущего текста: «в лѣто 7021 былъ король в Полотцке а Острожскои былъ подъ Опочкою со многими силами и много подъ градомъ быша, и нынече идетъ лѣта шестьде. . .»

[3] Список Толстовский, как дефектный и обнимающий часть только от 1383 до 1418 г., оставляем в стороне. На основании чтения «Василей Суздальскій» под 6912 (IV, стр. 107, прим. ж.) заключаем, что он принадлежит первой редакции; то же подтверждает присутствие в нем ряда известий о семейной жизни летописца (6914, 6919), опущенных во второй редакции (они есть в Новороссийском списке).

о борьбе в. кн. Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским; на этом известии прекращается Фроловский список, который, при ближайшем рассмотрении, оказывается в ближайшей связи с Академическим,[1] откуда можно заключить, что Академический оканчивался некогда там же, где Фроловский: но окончание это (последний лист) вырвано и заменено другим (вследствие этого в Академическом нет приведенного известия 1447 г.; вместо него сообщение о прибытии в Новгород псковских послов и далее известия 6955—7023 гг., не имеющие прямого отношения к новгородской летописи).[2]

Что до Строевского и Синодального списков, то они продолжены новгородскою летописью до 1477 г.

Итак первая группа ведет нас к редакции, доведенной до 1437 г., вторая к редакции, доведенной до 1447 г. Обе восстановляемые на основании указанных списков редакции представляют известные различия на всем протяжении Новгородской 4-й летописи, а начиная с 1429 г. различия эти настолько значительны, что заставляют нас признать общую обеим редакциям, основную часть летописи, доходящею только до 1428 г. На основании этого обстоятельства возможно заключить, что первая, основная редакция Новгородской 4-й летописи доходила только до 1428 г., причем одна из последующих редакций дополнила ее в части от 1429 до 1437 г., а другая в части от 1429 до 1447 г.; но возможно и такое предположение, что позднейшая редакция основана на той, что доводила рассказ до 1437 г., причем по тем или иным основаниям заменила часть от 1429 до 1437 г. из другого

---

[1] Это следует из общих описок и общих пропусков. Ср. под 6499 г. «и нарече и Переясль»; под 6575 г. «придоша Каменьску и каменяне затворишася въ градѣ»; общий пропуск, напр., под 6574 г. При этом Фроловский список пользовался Академическим тогда, когда в нем были уже маргинальные и иные поправки. Ср. под 6579 г. в Акад.: «яко преиду Вълхвъ предъ нимь»: «ни» зачеркнуто, над строкой надписано «все», а на поле со сноской: «народом»; в Фроловском: «яко преиду Волхвъ предъ всимъ народомъ»; там же, в Академическом: «и бысть мятежь въ градѣ», а над строкой «и молва не мала» (последних слов нет, напр., в Новороссийском списке); в Фроловском «и бысть мятежь в градѣ и молва не мала»; там же, в Академическом: «и облекся в ризы», на полях: «въ святительския ризы»; в Фроловском: «и облечеся въ святительскыя ризы». Под 6598 г. в Академическом «се навъ пришелъ», «в» зачеркнуто и сверху надписано «м», в Фроловском: «се намъ пришелъ». Но некоторые поправки остались незамеченными составителем Фроловского списка: в Академическом при «оному мнущу кожю рукама» на полях со сноской «разгнѣвася на мя, преторже кожу рукама», в Фроловском «и оному мнущу кожу рукама». Впрочем Фроловский список был, как кажется, сверен и исправлен со Строевским.

[2] Весьма любопытно отметить, что Академический список в XVIII в. приобретен в Холмогорах: это видно из позднейших приписок в конце его. Северному происхождению списка соответствует, быть может, и составление его в XV—XVI в. на севере. Под 1453 г. единственно только в Академическом списке назван третий воевода Мурманский из числа трех убитых двинянами: это «Ёшьперь» (IV, стр. 124, прим. р.); ср. там же прибавку к известию об убиении этих воевод: «на Колмогоры привезше», а тоже после слов «въ корабли отбѣгоша» — «на море».

летописного памятника и продолжила летопись на основании того же памятника до 1446 г. В виду отсутствия прямых указаний на существование редакции, доведенной до 1428 г., мы будем рассматривать только две засвидетельствованные списками редакции: первую, доходящую до 1437, и вторую, доходящую до 1447 г. Но, называя редакцию до 1437 г. первою, мы не высказываем этим догадки относительно того, что она вместе с тем основная; называя редакцию до 1447 г. второю, мы предполагаем, что она произошла из редакции 1437 г. Предположение наше, что редакция, доведенная до 1447 г., произошла из редакции, доведенной до 1437 г., подтверждается, во-первых, тем, что текст первой из этих редакций старше текста второй редакции, во-вторых, тем, что последняя часть второй редакции, отличная от первой, т. е. часть от 1429 до 1447 г. оказывается тожественною и притом заимствованною из Академического списка Новгородской 1-й летописи, между тем как соответствующая часть первой редакции (1429—1437) представляется самостоятельною выборкой из общего ей и Комиссионному списку источника.

К сожалению, отсутствие такого издания, где были бы по всем спискам прослежены особенности как первой, так и второй редакции (IV т. Полного собрания русских летописей основывается только на списках второй редакции), не позволяет мне остановиться подробно на отношениях первой редакции ко второй. Ниже, исследуя «Повесть временных лет» по Новгородской 4-й, я отмечу по ее тексту главные отличия между обеими редакциями, предполагая, что вывод из исследования этой части памятника в обеих его редакциях справедливо распространить и на весь памятник — вывод же этот тот, что текст второй редакции новее текста первой редакции.

В нижеследующем изложении там, где мы говорим о Новгородской 4-й летописи, не определяя ближайшим образом ту или иную редакцию, тот или иной список ея, имеем в виду или 1-ю редакцию или основную редакцию, если таковая отличалась от первой.

Время составления первой редакции Новгородской 4-й летописи определяется тем, что основным источником ее был свод 1448 г. Отсюда следует, что летопись эта составлена во второй половине XV в.; предполагать, что она составлена позже, напр., в начале XVI в.; нельзя, в виду того, что некоторые из дошедших списков принадлежат XV в.

Новгородская 4-я летопись составлена на основании по крайней мере трех источников. Это следует из целого ряда особенностей ее, ведущих нас к трем летописным сводам.

В основание Новгородской 4-й летописи, как это доказано в главе X, положен свод 1448 г., представлявший собой соединение общерусского летописного свода с новгородским сводом 1421 г. Между прочим к этому своду возводим известия 1422—1437 гг. Как указано выше, свод 1448 г. представлял две части, отличные одна от другой по своему составу: первая доходила до 1422 г. и представлялась редакционно вполне обработанною, а вторая обнимала черновую запись событий 1422—1446 гг. Составитель Новгородской 4-й пользовался и тою и другою частью свода, но вторую часть он по той

или иной причине передал только в пределах до 1437 г. Имея в виду, что, как увидим, вторым источником Новгородской 4-й была Новгородская 1-я летопись, в редакции, доводившей рассказ до 1432 г., заключаем, что из дополнительной части к своду 1448 г. без пособия другого источника извлечен рассказ лишь о пяти последних годах. К своду же 1448 г. восходят дополнительные статьи к летописи, а именно: перечень градов дальних и ближних, список Новгородских епископов (почему-то обрывающийся на Давыде), список митрополитов (опущено последнее имя Герасима), посадников новгородских, тысяцких и архимандритов.

Вторым источником Новгородской 4-й летописи была Новгородская 1-я. Это доказывается присутствием в Новгородской 4-й целого ряда известий, общих с Новгородской 1-й. Правда, значительное число таких известий могло попасть в Новгородскую 4-ю из свода 1448 г., который представлял соединение общерусской летописи со сводом 1421 г., лежащим в основании и Комиссионного списка Новгородской 1-й летописи. Но в пользу самостоятельного пользования Новгородскою 1-ю летописью со стороны составителя Новгородской 4-й приведем следующие доказательства: во-первых, в Новгородской 4-й нередки повторения как новгородских, так и не-новгородских известий, повторения, свидетельствующие о пользовании двумя источниками, причем из двух редакций повторенных известий одна тожественна с Новгородскою 1-ю летописью;[1] во-вторых, сравнивая текст Новгородской 4-й летописи с текстом восстановляемого по ней и по Софийской летописи свода 1448 г., видим, что иной раз новгородское известие этого свода заменяется в Новгородской 4-й известием, восходящим к Новгородской 1-й летописи.[2]

Возникает вопрос: мог ли составитель Новгородской 4-й пользоваться Комиссионным списком? Не пользовался ли он сводом 1433 г., который, как мы видели, можно признать за протограф Комиссионного списка? Вопрос этот решить трудно, в виду недостаточности наших сведений о своде 1448 г. Но считаю более вероятным допустить, что составитель Новгородской 4-й руководствовался не Комиссионным списком, а его протографом — сводом 1434 г. по следующему основанию: если бы он имел в своем распо-

[1] Напр., под 1274 г. о смерти Василия Ярославича по одному источнику, а под 1276 г. по другому; под 1294 г. два раза о смерти Дмитрия Александровича; под 1366 г. два раза о новгородских ушкуйниках; под 1367 г. два раза о новгородских событиях (IV, стр. 66, прим. ж.); под 1404 г. два раза о прибытии Юрия Святославича в Новгород; под 1352 г. смерть в. кн. Симеона Ивановича изложена по Новгородской 1-й, а ниже под 1353 г. по другому источнику ; под 1377 г. о смерти митрополита Алексея сообщено согласно с Новгородской 1-й, а под 1379 г. о ней говорится вторично; о битве на реке Пьяне читается сначала сокращенно под 1378 г., а ниже подробно под тем же годом; тоже о битве на Воже под 1379; под 1384 г. о смутах в Новгороде по случаю жалобы городчан и ореховцев на князя Патрикия и о построении новгородцами города на Яме говорится два раза и притом один раз согласно с Новгородской 1-й, и т. д.

[2] Напр., под 1377 г. известие о походе новгородцев к Окиян-морю на Тиврогу: составитель Новгородской 4-й следует Новгородской 1-й, между тем как Софийская 1-я сохранила более подробное сообщение свода 1448 г.

ряжении Комиссионный список, основная часть которого доходила до 1439 г. включительно, он довел бы летопись не до 1437 г., а до 1439 г.

Третий источник Новгородской 4-й летописи обнаруживается целым рядом ее особенностей. Во-первых, укажем опять на повторение многих известий: одна редакция повторенных известий ведет к своду 1448 г., ибо сходится с Софийскою 1-ю летописью, а другая должна вести к особому источнику, когда она не совпадает с Новгородскою 1-ю. Так, под 6646 (1138) г. читаем о кончине Ярополка Владимировича и последующих событиях согласно с Софийскою 1-ю; а засим, после слов «въ Черниговѣ посади Володимера Давыдовича», те же события изложены вновь с небольшими отменами (ср. IV, стр. 6, прим. с).[1] Под 6673 (1165) г. о смерти Ростислава Мстиславича сообщено согласно с Софийскою 1-ю; ниже под 6675 г. по другому источнику это событие изложено вновь. Под 6674 (1166) и 6676 (1168) сообщено по разным источникам о вокняжении в Киеве Мстислава Изяславича; с Софийскою 1-ю совпадает второе сообщение,[2] и др. Во-вторых, отметим статью 1396 г., содержащую перечень ростовских владык: мы видели, что перечень этот восходит к своду 1448 г.; там он был доведен до имени архиепископа Григория, о поставлении которого сообщается под 1396 г.; здесь же перечень продолжен именами Дионисия и Ефрема; Ефрем был ростовским владыкою с 1427 до 1453 г.; невероятно, чтобы новгородский летописец от себя дополнил перечень 1396 г.; отсюда заключаем о письменном источнике, находящемся в его распоряжении и содержавшем перечень владык ростовских в редакции, доведенной до Ефрема. А это ведет нас к признанию третьего источника Новгородской 4-й летописи Ростовским владычным сводом. Мы видели выше, что Ростовский владычный свод в редакции, восходящей ко времени архиепископа Григория, послужил источником для свода 1448 г. Последующая редакция этого свода появилась очевидно во время владычества Ефрема; можно думать, что эта редакция значительно отличалась от предшествующей, между прочим потому, что возникла после 1423 г., т. е. после составления общерусского митрополичьего свода, несомненно повлиявшего на переработку старого владычного свода.[3] Подтверждение нашей догадки о влиянии Ростовского владычного свода на Новгородскую 4-ю летопись видим еще в том обстоятельстве, что в этой летописи имеется ряд ростовских известий, отсутствующих притом в Софийской 1-й и следовательно не восходящих к своду 1448 г.[4]

---

[1] Там, между прочим, указан день смерти Ярополка — 18 февраля, между тем как выше: «той же осени».

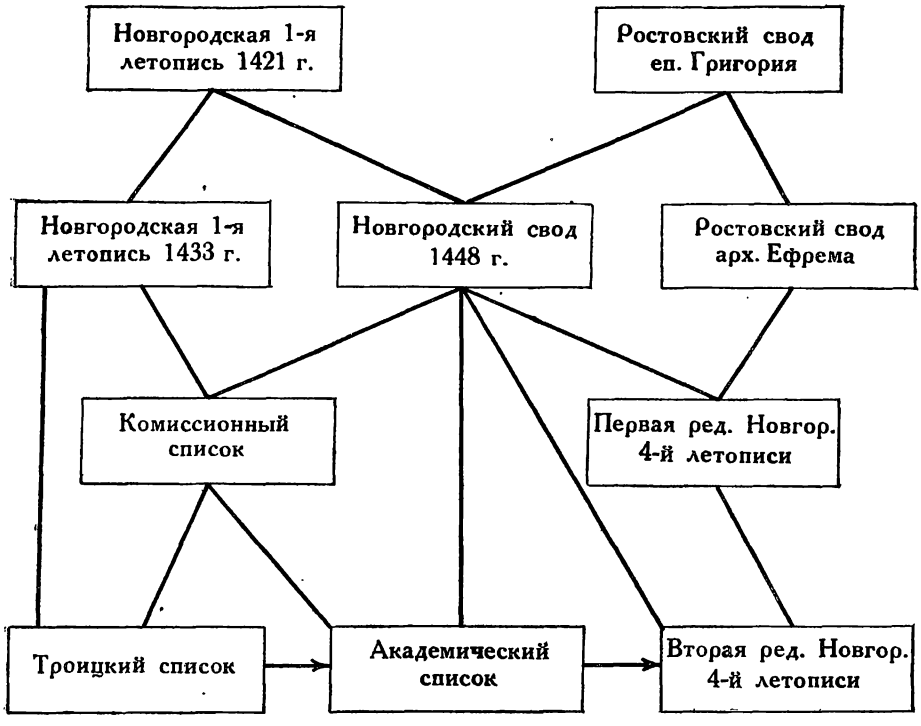
[2] При этом Софийская 1-я заменила слова «и иде въ половци» словами «и иде въ орду».

[3] О редакции времени ростовского архиепископа Григория см. выше в главе IX.

[4] Ср. под 6677 (1169) г. об изгнании из ростовской земли епископа Федора «Бѣлаго Клобучка». Под 6683 (1175) г. о вокняжении в суздальской земле Михалка и Всеволода, причем в конце прибавлено «доидоста стола дѣдня и отня креста господня заступленіемъ, родителей своих молитвою, своимъ золотымъ копіемъ и острымъ мечемъ». Под 6729 г. о закладке в Суздале соборной

Все три свои источника составитель Новгородской 4-й излагал сокращенно. Это видно в особенности из сопоставления длинной статьи 6916 (1408) г. о Ростовском пожаре в Софийской 1-й летописи с кратким известием Новгородской 4-й: «погорѣ Ростовъ»; или также из сравнения отрывков сказания об Александре по Софийской и Новгородской 4-й (в последней только под 1240 г.); или из сокращения в несколько строк длинной повести об убиении Михаила Черниговского; или из подобного же сокращения повести о взятии Царяграда под 1204 г. и т. д.

Табл. 8

Вторая редакция Новгородской 4-й отличается от первой главным образом в своем окончании. Сверив с Академическим списком Новгород-

церкви. Под 6730 г. о пожаре Ярославля. Под 6733 г. о закладке каменной церкви в Нижнем. Под 6739 г. о рождении Бориса Васильковича. Под 6749 г. о рождении Василия Ярославича. Под 6757 г. о смерти князей Владимира Конст. Углицкого и Василия Ярославича. Под 6760 г. о смерти Святослава Всеволодича. Под 6761 о рождении Дмитрия Борисовича. Под 6733 г. о рождении Константина Борисовича. Под 6765 г. о прибытии Глеба из Кановы земли. Под 6771 г. о рождении Михаила Глебовича. Под 6772 г. о смерти Андрея Ярославича и вокняжении его брата Ярослава. Под 6775 г. о смерти Дмитрия Святославича. Под 6788 г. о покрытии оловом соборной церкви Владимирской. Отмечу теперь же сходство (редакционное) некоторых из этих известий с Московско-академическим списком Суздальской летописи, который, как увидим, в соответствующей этим известиям части восходит к Ростовскому своду. Ср. известия 6771, 6772, 6763, 6761, 6757 (но вместо Василия Ярославича там читается правильно: Василій Всеволодичь Ярославскый), 6749, 6765 гг.

ской 1-й окончание первой редакции, составитель второй редакции нашел его неудовлетворительным. Тогда он, начиная с 1429 г., обратился к Академическому списку и по нему дал текст 1429—1443 гг. По своду 1448 г. он довел летописный рассказ до известия 1446 г. о высокой цене на рожь (этим известием, как можно думать на основании Новгородской 5-й, оканчивался свод 1448 г.) и затем дополнил его еще одним известием 1446 г., рассказом о смуте в Новгороде и смерти посадника Сокиры, а затем известием 1447 г. о борьбе в. кн. Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским. Мы заключаем отсюда, что время составления второй редакции не очень моложе этих описанных по памяти или устному преданию событий.

На основании изложенного можно думать, что текст второй редакции Новгородской 4-й вообще сближен и сличен с Академическим списком, а также и сводом 1448 г. Но мы затрудняемся указать ясные следы такой редакционной работы.

Отношение обеих редакций Новгородской 4-й летописи к другим старшим сводам изображаем в таблице 8 (на стр. 187).

ГЛАВА XV

КАРАМЗИНСКИЙ СПИСОК НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Сборник Публичной библиотеки в Ленинграде F. IV. 603, принадлежавший Н. М. Карамзину, XVI в., содержит во второй половине своей (первая занята сокращенною редакцией Палеи) две выборки из новгородской летописи, писанные другими почерками, чем предшествующие им статьи. Первая выборка начинается на л. 179 известною по спискам Новгородской 4-й летописи и по Комиссионному списку Новгородской 1-й статьей: «А се имена всѣмъ градомъ рускимъ ближнимъ и дальнимъ» и содержит «Лѣтописець руския земля», который заключает в себе летописный рассказ «Повести временных лет» и дальнейших сводов и оканчивается на л. 301 следующими словами, принадлежащими известию 1411 г.: «а изъ Заволочья ходиша воиною на Мурмани по новгородскому велѣнью, а воеводою Яковъ Степановичь и воеваша ихъ» (ср. Новгородская 4-я летопись, Полное собрание русских летописей, IV, стр. 113). Затем пустыми оставлены полторы страницы. С л. 302 тем же почерком, что предыдущий текст, идет выборка из летописи, начинающаяся с известия 988 г. о поставлении Владимиром церкви Георгия в Киеве и о построении им города Владимира в Словенской земле; выборка продолжается до об. 425 листа и оканчивается словами неоконченной фразы летописной статьи 1428 г.: «а то серебро брашя» (Полное собрание русских летописей, IV, стр. 121). К этому приплетена последняя часть рукописи, писанная позднейшей рукой XVII в.: на л. 426—529 содержится продолжение только-что указанной выборки, начинающееся словами, продолжающими оборванную фразу 1428 г.: «на всѣхъ волостехъ новгородскихъ и по Заволочью з десяти человѣкъ рубль» и оканчивающееся известием 1547 г.: «на память святаго мученика Иоульяна Тарсянина вся Москва погорѣла» (Полное собрание русских летописей, IV, стр. 307). Засим следуют: Рукописание в. кн. Всеволода, Послание к великому князю на Угру, Духовная митр. Киприана и некоторые позднейшие приписки (л. 530—551). Последняя часть летописи по Карамзинскому списку, впрочем, в части от 1448 г. (до 1547 г.) известна по изданию б. Археографической комиссии Псковской 1-й летописи: издание это приводит варианты Карамзинского списка к тексту этой летописи в указанной части его (ср. IV, стр. 213 и сл.). С 1448 г. Карамзинский список становится сходным не только со списками Псковской 1-й летописи, но также с известным разрядом списков Новгородской 5-й летописи (ср. ниже),

с которыми, впрочем, он сходен и раньше, а именно с л. 426, с приведенных выше слов, оканчивающих известие 1428 г. Отсюда заключаем, что утративший свое окончание, вследствие потери листов, Карамзинский список дополнен приплетенными к нему листами, заполненными по одному из списков Новгородской 5-й; заключение это поддерживается тем обстоятельством, что и в списках Новгородской 5-й за известием 1547 г. о пожаре Москвы помещается: Рукописание в. кн. Всеволода и Послание к великому князю на Угру (напр., Погодинский № 1404*а*).

Что же представляют собой две предшествующие выборки Карамзинского списка, т. е. выборка от начала русской летописи до 1411 г. и выборка от 988 до 1428 (оборванная вследствие утраты листов)? Обе они оказываются, во-первых, тесно связанными с Новгородскою 4-ю летописью: почти весь текст обеих выборок находит себе полное соответствие в тексте этой летописи; во-вторых, одна выборка явно дополняет другую, вторая первую, что видно как из того, что в обеих их не находится общих статей, так и из того, что вместе они исчерпывают почти весь текст Новгородской 4-й в части до 1428 г. включительно. Можно было бы заключить отсюда, что мы имеем перед собой две выборки из Новгородской 4-й летописи, из которых вторая задалась целью восполнить пробелы первой. Но оказывается, что, во-первых, некоторые статьи Карамзинского списка не отыскиваются в Новгородской 4-й летописи: так под 6897 (1389) г. после описания мора в Новгороде находим в Карамзинском списке «Списокъ грамоты патріарши соборное» (под этим заглавием помещена грамота патриарха Антония); этой грамоты в Новгородской 4-й нет, но можно думать, что она была в источниках Новгородской 4-й летописи, ибо последняя под 6898 г., очевидно, по какому-то недоразумению, приводит конец этой самой грамоты со слов: «имѣть же и самя грамота подпись честною рукою патріаршескою сице».[1] Далее под 6902 (1394) г., также во второй выборке, после известия о приезде Андрея Ольгердовича в Новгород помещена «Антоніа патріарха грамота к Новуграду»; этой грамоты нет в Новгородской 4-й, но она (как и Карамзинский

[1] В первой выборке Карамзинского списка под 6897 г., после не имеющегося в Новгородской 4-й известия: «преставися князь великыи Дмитріи Ивановичь на Москве», находим отрывок: «тое же весны бысть моръ великъ въ Пскове... пріяшя его въ честь», соответствующий началу летописной статьи 6897 г. по Новгородской 4-й летописи. Засим, начиная со «Слова о житьи и о представленіи великаго князя Дмитрія Ивановича царя русскаго», следует вторая часть летописной статьи 6897 г. по Новгородской 4-й летописи (оканчивается словами «на 3 день умираше»). После этого помещена грамота патриарха Антония. За ней читаем вторую часть летописной статьи 6898 г. Новгородской 4-й летописи: «Того же лѣта преставися Пиминъ митрополитъ в Киевѣ... да будеть единo стадо и единъ пастырь». Между тем первая часть этой статьи: «сѣде на великомъ княженіи... на Росткинѣ улицѣ» читается в первой выборке под 6898 г. Отсюда заключаем, что грамота патриарха должна быть отнесена собственно к 6898 г. и что в источнике Карамзинского списка она читалась именно там, где теперь в Новгородской 4-й имеется ее окончание, т. е. после известия об окончании каменной церкви на Росткине улице. Самая грамота помечена месяцем сентябрем 6898 г.

список в первой выборке) упоминает о ней под 6902 г.: «пріѣхалъ изъ Царяграда, отъ патріарха Антонья, Виѳлеомьскій владыка Михаилъ и привезлъ Новугороду две грамоты, поученіе крестьяном». Под 6918 г. после известия о прибытии митрополита Фотия в Русь, читаем «Посланіе отъ царя Мануила и отъ патріарха Матѳеа Царѣградскаго в Великыи Новградъ», а вслед за ним «Посланіе митрополиче» (Фотиево послание от 29 августа 6918 г.); ни того ни другого послания в Новгородской 4-й нет. Кроме указанных обширных статей, Карамзинский список содержит несколько известий, недостающих в Новгородской 4-й; выше в примечании на стр. 190 приведено из него известие о кончине в. кн. Дмитрия Ивановича; под 6919 (1411) г., после известия о поставлении деревянной церкви Николы в Вежищах читаем во второй выборке Карамзинского списка следующее известие, недостающее в Новгородской 4-й: «Того же лета постави владыка Іоаннъ чюдотворную церковь камену, в ней же сьтворяются веліа чюдеса и бесчислена христіаном»; под 6932 (1424) г., после известия о смерти князя Ивана Михайловича Тверского и о поручении им Кашина брату своему Василию (ср. Новгородскую 4-ю под 1425 г.), читаем: «и потомъ за мало дній окова князь Борисъ князя Василья Кашинского».

Во-вторых, в Карамзинском списке оказываются повторенными некоторые известия Новгородской 4-й, причем, однако, повторены они в другой редакции. Так под 6664 (1156) г., в конце года, во второй выборке читаем: «и новгородци Аркадіа игумена взведошя на сѣни», ср. об этом подробно в Новгородской 4-й в начале 1156 г., а также в первой выборке Карамзинского списка. Под 6732 (1224) г., в конце года, во второй выборке читаем: «А Семионъ Борисовичь постави церковь камену святаго Павла исповедника и святаго Семена богопріимца и святаго Костянтина и Олены и монастырь устрои»; ср. то же известие (без последних трех слов) как в Новгородской 4-й, так и в первой выборке Карамзинского списка в начале 1224 г. Под 6917 г. во второй выборке: «ходил Анфаль на блъгары и тамо около его дружину побиша татарове, а самого изымаша»; ср. в Новгородской 1-й и в первой выборке: «ходи Анфаль на блъгары и тамо его побиша».

В третьих, некоторые известия изложены в Карамзинском списке в более первоначальной редакции, чем в Новгородской 4-й. Так под 6924 (1416) г. в Новгородской 4-й читаем: «Поставиша церковь древяну святаго Илью, конець Пруской улици, в монастыри»; во второй выборке Карамзинского списка то же известие, но вместо «в монастыри» —«и монастырь устроиша». Особенного внимания заслуживает статья 6904 г. о поставлении епископа Григория Ростовского. В Новгородской 4-й после известия о его поставлении сказано: «се уже Григорій 30 и осмой»; [1] это ошибка, ибо Григорий был 35-м по счету епископом, ср. ниже в перечне: «35. Григорей»; ошибка вызвана тем, что последним назван: «37. Ефремъ»

[1] В Новороссийском списке несколько отлично: «се оуже Грегореи 30-е 8 бысть епископов Ростовьскій»; не забудем, что 8 выражается буквой и с титлом: таким образом «л̑ е и̑» стоит вместо «л̑е и».

и позднейший переписчик предположил, что Григорий был поставлен после Ефрема, следовательно 38-м. В Карамзинском списке во второй выборке читаем: «сей уже Григорей 35-й бысть епископу Ростовскый»; далее следует в Новгородской 4-й перечень ростовских епископов: он доведен в ней, как мы только что сказали, до Ефрема; в Карамзинском списке перечень доведен только до Григория, а после его имени оставлены пустыми четыре строки. Ясно, что в данном случае редакция Карамзинского списка первоначальная, ибо конечно перечень епископов ростовских, составленный по поводу именно поставления Григория, не мог переходить за его имя. Мы предположили уже выше в главе X, что перечень этот восходит в первоначальной своей редакции (до Григория) к своду 1448 г., а через него к Ростовскому владычному своду времен архиепископа Григория; между тем как редакцию той же статьи в Новгородской 4-й летописи (до Ефрема) мы возводили к тому позднейшему Ростовскому владычному своду, который служит дополнительным источником для составителя Новгородской 4-й летописи. Отсюда делаем вывод, что Карамзинский список представляет статью 6904 г. в том виде, как она читалась в своде 1448 г.

Таким образом, у нас является основание предположить, что Карамзинский список или его протограф пользовался сводом 1448 г. В своем предположении мы идем еще дальше: он пользовался сводом 1448 г., но ему была известна и Новгородская 4-я летопись, ибо под влиянием именно ее редакции статьи 6904 г. Карамзинский список оставил пустыми несколько строк после перечня ростовских епископов: он заметил, что из двух его источников второй (Новгородская 4-я) подробнее излагает перечень, чем первый (свод 1448 г.); отдав предпочтение первому источнику, он отметил оставленными пустыми строками несогласие с ним второго источника; быть может, он собирался проверить показание второго источника, чтобы воспользоваться его дополнительными данными, и оставил место, куда можно было бы вписать эти проверенные или дополнительные данные.

Предположение наше о пользовании составителем Карамзинского списка, или что, как увидим ниже, вернее, составителем протографа этого списка, сводом 1448 г. и Новгородскою 4-ю летописью находит себе подтверждение в указанных выше его особенностях: он содержит такие известия и статьи, каких нет в Новгородской 4-й летописи, но какие могли быть в своде 1448 г.; при этом относительно одной из таких статей приведены основания, почему можно признать за несомненное, что она читалась в своде 1448 г. — главном источнике Новгородской 4-й; он повторяет некоторые известия Новгородской 4-й, хотя и в несколько отличной редакции: при пользовании двумя сходными памятниками, как Новгородская 4-я и свод 1448 г., такие повторения были, конечно, неизбежны; наконец, он излагает некоторые известия в более первоначальной редакции, чем Новгородская 4-я: это понятно потому, что свод 1448 г. старше и по составу своему первоначальнее, чем Новгородская 4-я.

Итак протограф Карамзинского списка представлял собою соединение двух новгородских летописей — позднейшей Новгородской 4-й и старшей — свода 1448 г. Мы говорили уже, что, соединив вместе обе выборки Карамзинского списка, получим полный почти текст Новгородской 4-й летописи. Останавливаемся поэтому на мысли, что в основание протографа Карамзинского списка положена Новгородская 4-я летопись, причем свод 1448 г. был употреблен в качестве дополнительного источника для исправлений и дополнений основного текта. Не следует упускать из виду, что редактор протографа Карамзинского списка опускал некоторые казавшиеся ему малоинтересными известия Новгородской 4-й, даже и в том случае, если они находили себе соответствие в своде 1448 г. Сюда относятся известия о кончине некоторых посадников, а также и других лиц, равным образом известия о построении некоторых церквей и др.[1]

Перехожу к вопросу о том, представлял ли протограф Карамзинского списка обыкновенный летописный свод или те же две выборки, как Карамзинский список. Думаю, что выборки из протографа сделаны составителем Карамзинского списка, а что протограф этого списка имел вид обыкновенного свода. В этом убеждает и характер выборок Карамзинского списка и взаимное их отношение. Мы представляем себе историю появления Карамзинского списка приблизительно в таком порядке. В XVI в. задумано было составление краткой новгородской летописи, быть может, с целью положить ее в основание более подробной, современной летописи. Для этой цели был взят протограф Карамзинского списка (представлявший соединение Новгородской 4-й летописи со сводом 1448 г.) и из него сделана выборка более краткого свода. Часть до 988 г. передана полностью, с 988 г. начинаются сокращения; опускались известия, имеющие местный и притом не-новгородский характер: так, под 988 г. опущено о построении Владимира и о крещении Суздальской земли; опускались малоинтересные известия о смерти князей: напр., под 1001 г. о смерти Изяслава Владимировича; под 1011 г. о смерти Анны; опускались, наконец, некоторые церковные известия, не касавшиеся Новгорода: напр., под 1037 г. об освящении Софии в Киеве и установлении митрополии; под 1051 г. о начале

[1] Так, опущены известия 6628 г. о поставлении посадником Завида и о его кончине; 6751 г. о смерти Степана Твердиславича; 6759 г. о дождях и морозах, повредивших посевы; 6772 г. о третьей поездке Александра Невского в орду; 6846 г. о половодье в Новгороде; 6853 г. о буре в Новгороде и о поставлении посадником Матфея Варфоломеевича; 6856 г. о подписании церкви Воскресения на Деревянице; 6924 г. о смерти Наума крилошанина Софии; 6908 г. о пожаре в Новгороде и смерти Василия брата владычня; 6862 г. о поставлении посадником Александра. Есть и более обширные пропуски, напр., под 6929 г. о волнении в Новгороде; под 6763 г. длинный рассказ о событиях новгородских; под 6926 г. поучение владыки Симеона; под 6927 г. о буре 9 апреля и рассуждение по поводу этого события и т. д. Равным образом опущены все известия, касающиеся семьи Матвея Михайлова, составителя свода 1421 г., вошедшие в свод 1448 г.

Печерского монастыря; под 1073 г. о кончине Антония.[1] Начиная с 1078 г. (не забудем, что с 1074 г. Новгородская 4-я и свод 1448 г. вместо длинных статей представляют более или менее неполную выборку из летописей), сокращение проводится более систематически, а именно статьи не дописываются; передается только начало их, первые их известия, а конец статьи опускается. Так опущены вторая половина статьи 1078, 1079, 1087, 1095, 1096, 1110, 1114, 1115, 1116, 1117, 1122, 1123, 1125, 1127, 1128, 1130 и т. д. Но иногда опускается и вся статья, если начальные известия не имеют прямого отношения к Новгороду; так опущены статьи 1086, 1089, 1090, 1093, 1097, 1101, 1111, 1131, 1141 и т. д.; или если эти статьи содержат неважные известия новгородские, напр., опущена статья 1120 г. о прибытии в Новгород на посадничество Бориса. Новгородская 4-я летопись, а также свод 1448 г. составлены так, что (начиная с XII в.) первые части содержащихся в них погодных сообщений заняты вообще новгородскими известиями (восходящими к своду 1421 г.), а вторые части известиями общерусскими (восходящими к Полихрону и Ростовскому владычному своду). Вследствие этого в результате указанной выше системы выборки в первой части Карамзинского списка оказались известия преимущественно новгородские. Так, напр., в части от 6715 до 6775 (1207—1267) гг. исключительно новгородскими известиями заполнены годы 6726, 6729—6730, 6733, 6757, 6766, 6772, 6774, 6775, причем вторые части этих годов, содержащие не новгородские известия, опущены, а также переданы сполна годы 6715—6720, 6727—6728, 6731, 6734, 6736, 6737, 6758, 6759, 6769, 6773, содержащие вообще только новгородские известия; напротив, годы 6721, 6723, 6724, 6742, 6743, 6746—6750, 6754, 6755, 6760, 6763, 6766, 6767, 6770, заполненные в Новгородской 4-й известиями не-новгородскими, опущены совсем. Выборка, сделанная по этой системе, обрывается, как мы видели, на 6919 (1411) г. Думаю, что, дойдя до этого года, составитель Карамзинского списка сообразил, что предшествующий труд не удовлетворяет своему назначению: он заметил, что благодаря известной механичности, выборка опустила целый ряд новгородских известий, важных и интересных вследствие того именно, что эти известия читались не в начале, а в конце тех или иных летописных статей; он заметил далее, что опущенные им известия общерусские могут представлять интерес для новгородской летописи, ибо во многих случаях с ними связаны и новгородские известия. Все это побудило составителя прервать выборку, но, не бросая ее, восполнить

[1] Кроме указанных, в части до 1074 г. опущены следующие известия: под 6362 г. «начало земли руськія»; под 988 г. о поставленіи в Киеве церкви Георгия; под 1024 г. весь рассказ об избиении Ярославом волхвов в Суздале и ниже: «Ярославъ Володимеричь в Суздалѣ изби влъхвы, а брат его лютый Мстислав сѣде в Черниговѣ»; под 1051 г. о прибытии в Киев трех певцов; под 1055 г. о начале княжения Изяслава, при котором был Феодосий Печерский; под 1065 г. «князь Всеславъ Полотскый былъ у Пскова ратью и перея былъ порокы»; под 1072 г. краткое сообщение о перенесении мощей Бориса и Глеба. Заметим, что все, опущенное в первой выборке, имеется во второй, кроме известия 6362 г. и рассказа 6532 г., опущенных совсем.

по протографу все опущенное. Так возникла вторая выборка, содержащая все то, что опустила первая. Согласно предыдущему мы находим здесь или вторые части летописных статей Новгородской 4-й летописи с содержанием не-новгородским или и полные летописные статьи с таким же составом известий. Дойдя до 1412 г., составитель продолжил свою вторую выборку простой перепиской текста своего протографа. Нельзя ответить, до чего был доведен летописный свод по основной части Карамзинского списка (ибо конец основной части утрачен). Мы не можем поэтому сказать и то, до какого года доведена была летопись по протографу Карамзинского списка. Имея, однако, в виду, что в Карамзинском списке есть чтения второй редакции Новгородской 4-й летописи,[1] мы думаем, что источником протографа Карамзинского списка была Новгородская 4-я летопись во второй редакции, следовательно, в редакции, доведенной до 1446 г., откуда заключаем, что и сам протограф Карамзинского списка доводил летопись до этого же года.[2]

---

[1] Напр., под 6504 г. Карамзинский вместе со списками второй редакции имеет: «300 проваръ меду», тогда какъ в первой редакции и, судя по Софийской 1-й, также в своде 1448 г.: «300 берковских меду»; в начале летописи: «Дунай Днѣстръ», между тем в первой редакции и в своде 1448 г. (ср. Толстовский список Софийской 1-й): «Дунай Днѣпръ». Под 6454 г.: «платкомъ», между тем в первой редакции и своде 1448 г. (ср. Софийскую 1-ю) «платомъ».

[2] Правда, в целом ряде случаев чтения Карамзинского списка совпадают не со второю редакциею, а с первою (Новороссийский список), но все эти случаи я возвожу к влиянию свода 1448 г. Так, напр., под 6912 (1404) г. во второй редакции Новгородской 4-й: «преставися князь великій Суздальскій», где «великій» ошибка вм. «Василій»; ср. «Василей» в 1-й ред. (Новороссийский список). Карамзинский имеет также «Василей» под влиянием свода 1448 г. (ср. то же чтение в Софийской 1-й).

ГЛАВА XVI

НОВГОРОДСКАЯ 5-я ЛЕТОПИСЬ[1]

Даем это условное название тому летописному своду, который может быть восстановлен по следующим двум дошедшим до нас памятникам: во-первых, Хронографическому списку Новгородской 4-й летописи (Синодальная библиотека № 280);[2] во-вторых, по сокращенной новгородской летописи, сохранившейся, между прочим, в следующих списках: Погодинском № 1404*а* второй половины XVI в., Погодинском № 1402 конца XVIв., Академическом №34.4.32. (бывший № 991) конца XVI в., б. Археографической комиссии (Снегирев) XVIII в. и некоторых других;[3] исправнее и первоначальнее остальных текст Погодинский № 1404*а*, помещающийся (так же как Погодинский № 1402 и Академический № 991) за хронографом редакции 1512 г. Как Хронографический, так и Погодинский список доводят Новгородскую летопись только до 1446 г.; в первом из этих списков за Новгородскою летописью следует Московская (или общерусская летопись), начинающаяся с известия 6954 (1446) г. о рождении у великого князя Василия Васильевича сына Андрея и доведенная до летописной статьи 7004 (1496) г., которая оборвана на неоконченной фразе, после чего следует пустое место; во-втором списке Погодинском за Новгородскою летописью следует Псковская, начинающаяся с известия 6955 (1447) г. о походе кн. Александра Васильевича с новгородцами против рижан, прусов и шведов и оканчивающаяся известием 21 июня 7055 (1547) г. о пожаре Москвы (ср. П. С. Р. Л. IV, 213—307).[4]

Итак общая часть Хронографического и Погодинского списков доходит до 1446 г., до известия «въ томъ же лѣтѣ ржи коробья по полтинѣ бысть», т. е. приблизительно до того же места, до которого доходит основ-

---

[1] *Заметка А. А. Шахматова на полях рукописи:* Я теперь считаю б[олее] вер[оятным], что источником Нов[городской] 5-ой был Комм[иссионный] список, но он исправлен по Троицкому, а чтения свода 1434 [года] — из Троицкого.

[2] Назван так потому, что следует в рукописи за Еллинским и Римским летописцем второго вида.

[3] Отметим ту же летопись в позднейшей переделке с любопытными вставками в списке XVII в. Румянцевского музея № 249.

[4] Таким образом, в Погодинском списке часть от 6937 (1428) до 7055 (1547) г. оказывается тожественною с текстом дополнительной (приставленной после) части Карамзинского списка, заимствовавшего его очевидно из летописного свода, тожественного с Погодинским списком.

ная часть списков второй редакции Новгородской 4-й летописи.[1] Можно думать, что Новгородская летопись, восстановляемая по Хронографическому и Погодинскому спискам, не продолжена далее, т. е. еще другим известием 6954 г. и известием 6955 г. (см. предыдущее примечание) под влиянием своих источников. Переходим к вопросу об этих источниках.

В некоторых частях состав Новгородской 5-й летописи, восстановляемой, скажем еще раз, в пределах до 1446 г. по Хронографическому и Погодинскому спискам, вполне прозрачен: мы имеем перед собой соединение Новгородской 4-й летописи с Новгородскою 1-ю. Соединение это можно признать частью механическим, ибо достаточно взглянуть на текст Новгородской 5-й для того, чтобы определить, что в нем основано на том или другом из указанных нами источников. Составитель Новгородской 5-й следовал Новгородской 4-й в части от начала летописи до 6463 (955) г.; засим под 6479 (971) от слов «и посла слы ко цареви» до конца года (здесь изложен мирный договор Святослава с греками, которого нет в Новгородской 5-й); далее он следовал Новгородской 4-й от 6505 (997) до 6892 (1384) г. Он следовал Новгородской 1-й в части от 6463 (955) до указанного места летописной статьи 6479 (971) г.; затем от 6480 (972) до 6504 (996); наконец, от известия об окончании каменной церкви Филиппа в летописной статье 6892 (1384) до известия о пожаре на Яневе улице под 6913 (1405) г. Но мы не можем возвести всего текста Новгородской 5-й даже в указанных частях до 6913 (1405) г. (об окончании летописи см. ниже) только к двум источникам—Новгородской 4-й и Новгородской 1-й. Предполагая, что текст той и другой нам так или иначе известен по дошедшим до нас спискам, можем отметить в Новгородской 5-й в части до 6913 г. ряд мест, которых нельзя возвести ни к тому ни к другому ее источнику. Так, напр., в части от 1384 до 1405 г., восходящей, как указано, к Новгородской 1-й,[2] читаем под 1385 г. о прибытии в Новгород Стефана Пермского и об окончании церкви богородицы в Родоковичах: ни того ни другого известия нет ни в Новгородской 1-й, ни в Новгородской 4-й; ниже под 1403 г. читаем длинное сообщение о задержании Киприаном в Москве новгородского владыки Иоанна и об освобождении его по настоянию в. кн. Василия Дмитриевича: и этого сообщения нет ни в Новгородской 1-й, ни в Новгородской 4-й. Уже указан-

[1] Как указано в главе XIV, основной список второй редакции Новгородской 4-й летописи был доведен до известия 6955 г., отнесенного некоторыми списками к 6956 г., о борьбе кн. Василия с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским. Таким образом за известием только что приведенным о цене ржи читаем еще под 6954 г. о смуте новгородской по случаю обнаружения неправильности в чеканке монеты и затем известия 6955 г. Отметим здесь же, что вторая половина Новгородской 5-й летописи от 1309 до 1446 г. сохранилась в Летописи Авраамки (см. гл. XX). И здесь, как видно из сличения Виленского и Синодального № 154, Новгородская 5-я прерывалась (в первоначальной редакции Летописи Авраамки) под 1446 г. на известии о высокой цене ржи в Новгороде.

[2] Эта часть по Хронографическому списку напечатана в IV т. Полного собрания русских летописей отдельно от прочих списков Новгородской 4-й (стр. 138—145).

ных мест достаточно для предположения о наличности у составителя Новгородской 5-й еще третьего источника. Обращаясь к окончанию летописи, к части от 6913 до 6954 (1405—1446), останавливаемся перед вопросом, к какому из двух источников Новгородской 5-й эта часть могла быть отнесена. Не трудно, казалось бы, возвести ее именно к Новгородской 4-й, с которой эта часть действительно в общем сходна: но во-первых, согласившись с таким решением вопроса, мы не могли бы понять, почему Новгородская 5-я прервана на известии 1446 г. о высокой цене на рожь, когда источник ее — Новгородская 4-я продолжена еще другим известием того же года и затем статьей следующего 1447 г.; во-вторых, можем отметить в статьях 1421, 1422 и др. несколько фактических добавлений, отсутствующих и в Новгородской 4-й, и в Новгородской 1-й; [1] в-третьих, редакция статей 6940 и 6941 гг. оказывается в Новгородской 5-й ближе к Новгородской 1-й, чем к Новгородской 4-й.[2]

В виду этого, а в особенности в виду второго из только что приведенных соображений, нахожу невозможным возвести часть 1405—1446 гг.

[1] Под 1421 г. при имени посадника Александра Фоминича прибавлено «Царько». Под 1422 г. указано, что церковь Христова воскресения в Благовещенском монастыре построена Давыдом Дмитриевичем, и др.

[2] Мы имели уже случай подробно говорить о редакции этих статей в Комиссионном списке. Кое-что придется повторить и здесь. В Комиссионном списке под 6940 г. читаем: о возвращении князей из Орды без великого княжения, о поставлении церкви владыкою священно-иноком Евфимием на Чудинцеве улице, о прибытии князя Юрия Семеновича из Литвы, о пожаре околотка и владычня двора, о закладке церкви на Боркове улице; далее в Комиссионном списке повторен 6940 год и под ним читаем: о возвращении князей из Орды, причем великое княжение дано Василию Васильевичу, о поставлении владыкою Евфимием церкви на Чудинцеве улице (ср. выше), о прибытии князя Юрья Семеновича из Литовской земли «съ своею княгинею» (ср. выше); далее в Комиссионном списке следует 6941 год, под которым читаем: о пожаре на Яневе улице, об окончании борковцами церкви, о поставлении полаты в владычнем дворе. В Новгородской 4-й под 6940 находим те же известия, что в первой статье 6940 года по Комиссионному списку; а под 6941: о пожаре на Яневе улице, о возвращении князей из Орды, причем великое княжение дано Василию Васильевичу (ср. Комиссионный под 6940), и о поставлении полаты в владычнем дворе. В Новгородской 5-й второе известие о возвращении князей из Орды помещено под 6941 г. (как в Новгородской 4-й), но раньше известия о пожаре на Яневе улице (следовательно, как в Комиссионном); при этом за ним, как и в Комиссионном, читаем о прибытии князя Юрия Семеновича из Литовской земли «съ своею княгинею» (между тем в Новгородской 4-й об этом выше, согласно с первой статьей 6940 года по Комиссионному списку). Таким образом Новгородская 5-я следует явно Комиссионному списку, а не Новгородской 4-й, хотя и сокращает текст Комиссионного списка (не сообщая под 6940 г. о пожаре околотка и владычня двора, о закладке церкви на Боркове улице, о прибытии Юрия Семеновича из Литвы, а под 6941 г. не повторяя известия о поставлении церкви на Чудинцеве улице); ср. еще под 6941 г. прибавление в Новгородской 5-й известия об окончании борковцами церкви, известия, которого нет в списках Новгородской 4-й, за исключением, впрочем, Академического, который, как увидим, кое-что заимствовал из Новгородской 6-й, основывавшейся на Новгородской 5-й.

в Новгородской 5-й к Новгородской 4-й. Думать о том, что источником этой части была Новгородская 1-я (хотя бы и в пределах, скажем, от 6940 г.), нельзя потому, что в Новгородской 1-й нет тех последних известий 1446 г., которые читаются в Новгородской 5-й; кроме того, даже и после 6940 г. текст Новгородской 5-й оказывается местами более исправным, чем Комиссионный список (ср., напр., под 1435 г. вставку опущенного в Комиссионном списке «Бардовѣ»). Нам остается допустить, что последняя часть Новгородской 5-й летописи (1405—1446 гг.) заимствована из третьего источника, сходного с Новгородскою 4-ю, но не тожественного с ним. Важно указать, что составитель Новгородской 5-й отметил то место, с которого он перешел к третьему своему источнику; а именно, на полях Новгородской 5-й летописи при статье 6913 (1405)г., начинающейся словами: «А Витовт съ Олгердовици, съ Корибутомъ, съ Лугвенемъ и съ Свѣтригаиломъ», было приписано: «А се съ другого старого» (т. е. «а это», или: «а отсюда списано с другого старого летописца»).[1] Определяя ближе, что же представлял собой этот старый летописец, останавливаемся как на указанном сходстве его с Новгородскою 4-ю, так и на сходстве со списком Комиссионным: мы знаем, что общим источником Новгородской 4-й и Комиссионного списка был Новгородский свод 1448 г.; его мы и признаем третьим источником Новгородской 5-й. Мы говорили выше, что именно из этого свода заимствовали рассказ о событиях второй четверти XV в. ряд позднейших новгородских сводов: основная часть Комиссионного списка взяла из него часть 1432—1439 гг., первая редакция Новгородской 4-й часть 1422—1437 гг., Академический список Новгородской 1-й часть 1440—1443 гг., позднейший редактор Комиссионного списка часть 1440—1446 гг.; составитель второй редакции Новгородской 4-й часть 1429—1443 гг., заимствованную из Академического списка, сверил со сводом 1448 г. и дополнил по нему еще известиями 1444—1446 гг. И так же, как указанные своды, Новгородская 5-я заимствует из свода 1448 г. свое окончание, начиная, однако, с 1405 г. При этом у нас возникает два вопроса: первый, почему заимствование из свода 1448 г. прекращается на известии 1446 г. о высокой цене на рожь; второй, как понять отношение редакции известий 6940 г. в Новгородской 5-й к предполагаемой редакции их в своде 1448 г. Отвечая на первый вопрос, высказываем предположение, что летописные известия свода 1448 г. оканчивались именно указанным известием 1446 г. Правда, Новгородская 4-я к 1446 г. прибавляет еще одно известие о посаднике Сокире и произведенном им следствии над ливцем и весцем серебряных денег Федором Жеребцом, а затем под 1447 г. сообщает о борьбе Василия Васильевича московского с Иваном можайским и Дмитрием Шемякой, но ничто не препятствует предположить, что эти два известия обязаны своим существованием составителю Новгородской 4-й

[1] Эти слова и теперь читаются на полях в Хронографическом списке (Полное собрание русских летописей, т. IV, стр. 145, прим. а). В особом изводе Новгородской 5-й, из которого произошли Летопись Авраамки, Синодальный № 154 и др., они внесены в текст, но по ошибке несколько ниже, чем бы следовало, а именно после слов: «и по волостемъ Смоленьскымъ много зла учини».

летописи, который работал в начале 50-х годов XV в. и мог дополнить летопись на основании устных сообщений и собственных воспоминаний о только что пережитом времени. Труднее ответить на второй вопрос о редакции известий 6940 г. Новгородской 5-й. Исследуя Комиссионный список, мы предположили, что повторение в нем известий 6940 г. произошло от того, что протограф этого списка оканчивался на 6940 г.; обратившись к другому своему источнику, своду 1448 г., составитель Комиссионного списка по ошибке выписал из него несколько известий того же 6940 г., уже изложенных им раньше. Отсюда следует, что вторая статья 6940 г. по Комиссионному списку соответствует той именно редакции, в которой известия 6940 г. были изложены по своду 1448 г. Отчего же зависит отличие от свода 1448 г., замечаемое при этом в Новгородской 5-й? В ней известия 6940 г. изложены не в редакции свода 1448 г., а в редакции протографа Комиссионного списка.[1] Думаю, что здесь сказалось влияние другого источника Новгородской 5-й, а именно Новгородской 4-й летописи. Статья 6940 г. взята из нее и из нее же взято название 6941 г. перед вторым извещением о возвращении князей из Орды (свод 1448 г. приводил это известие под 6940 г.). Влияние Новгородской 4-й можно проследить и на других статьях части 1405—1446 гг. в Новгородской 5-й: так, редакция статьи 6943 г. оказывается в Новгородской 5-й тожественною с Новгородской 4-й второй редакции, между тем первая редакция Новгородской 4-й доказывает, что в своде 1448 г. она была изложена с некоторыми отменами. Итак высказанное выше положение о том, что часть 1405—1446 гг. заимствована в Новгородской 5-й из свода 1448 г., мы дополняем указанием на то, что при этом она была сверена и согласована с Новгородскою 4-ю.

Этим замечанием мы заканчиваем вопрос о третьем источнике Новгородской 5-й — своде 1448 г. Возвращаемся к вопросу о первых двух ее источниках — Новгородской 4-й и Новгородской 1-й для того, чтобы определить, в какой именно редакции они были доступны составителю Новгородской 5-й.

Не подлежит сомнению, что он пользовался Новгородскою 4-ю во второй редакции. Это следует как из только что указанного влияния ее текста в статьях 6940, 6943 и других годов (мы знаем, что первая редакция резко отличается от второй, начиная с 6937 г.), так и из целого ряда чтений и ошибок, общих Новгородской 5-й и некоторым спискам Новгородской 4-й летописи второй редакции. Ср. «половци» вм. «полци» под 6724 (1216) г. в Хронографическом списке и в Строевском и Синодальном (IV т. Полного собрания русских летописей, стр. 22, прим. 7); «бысть знаменіе на Похрѣстьи» вм. «на Похрѣ» под 6915 (1407) г. в тех же трех списках; «а Булатъ тами» вм. «а Булатъ Темирь» под 6869 (1361) г. в Хронографическом, Строевском, Синодальном и Фроловском; «какою кознью взялъ градъ Кременець» вм. «такою» под 6926 (1418) г. в тех же четырех списках.

[1] Так, известие «выидоша князи из орьды безъ великого княженья» не читалось в своде 1448 г.; далее в известии о построении церкви на Чудинцеве улице владыка Евфимий назван священноиноком: в своде 1448 г. он был назван просто владыкой, как видно из второй статьи 6940 г. по Комиссионному списку.

Что до Новгородской 1-й, бывшей в распоряжении составителя Новгородской 5-й, то вопрос о ее редакции не представляется вполне ясным. С одной стороны, выше, рассматривая историю Комиссионного списка, а также и Троицкого, мы видели, что Новгородская 5-я представляет в частях, восходящих к Новгородской 1-й, ряд чтений более первоначальных, чем эти списки; имея в виду, что оба эти списка ведут к восстановлению такой редакции Новгородской 1-й летописи, которая была доведена до 1432 г. и составлена не позже середины 1434 г., мы предположили, что эти более древние чтения Новгородской 5-й восходят именно к своду 1433 г. Итак, с одной стороны, — возможность предположить, что Новгородская 1-я летопись была известна составителю Новгородской 5-й в редакции 1433 г.; с другой стороны, как будто к несколько иному заключению приводит рассмотрение перечня князей новгородских, читающегося в Новгородской 5-й, согласно с Новгородской 1-й, под 6497 (989) г. (мы видели, что часть 6480—6504 гг. восходит в Новгородской 5-й и к Новгородской 1-й); в этом перечне последним князем назван Дмитрий Шемяка: «по семъ Дмитрей Ивановичь, потомъ сынъ его Василей, потомъ Василей Васильевичь, потомъ Дмитрей Юрьевичь». В Комиссионном списке тот же перечень оканчивается иначе: «Дмитрій Ивановичь; сынъ его Василій; посемь Василій Васильевичь». Мы знаем, что Комиссионный список сохранил без изменения ту редакцию, в какой перечни владык, посадников новгородских, а также митрополитов русских читались в его протографе — своде 1433 г.[1] Но у нас имеется основание думать, что перечень князей новгородских (великих князей московских) потерпел в Комиссионном списке некоторое изменение, а именно Троицкий список дает указание на то, что в момент составления свода 1433 г. великим князем должен был быть назван не Василий Васильевич, а Юрий Дмитриевич. Ср. Перечень великих князей в приложениях к Троицкому списку, доведенный до Юрия Дмитриевича (см. выше, гл. XII); ср. также под 6942 г. в Новгородской 1-й: «князь Юрьи Дмитриевичь взя градъ Москву и сяде на великомъ княженьи» и ниже: «того же лѣта преставися князь великый Юрьи Дмитриевичь». В виду этого предполагаю, что окончание перечня князей в своде 1433 г. было изложено так: «по семь Василій Васильевичь; потомъ Юрій Дмитриевичь». Составитель Комиссионного списка, работавший между 1453 и 1462 г. (см. выше, гл. XI), выпустил имя Юрия Дмитриевича потому, что в его время был великим князем Василий Васильевич, и упоминание о Юрье Дмитриевиче могло показаться или ошибкой или ненужною подробностью. Не следует ли из того, что в Новгородской 5-й перечень продолжен именем Дмитрия Юрьевича, что бывшая в ее распоряжении редакция Новгородской 1-й составлена позже редакции Комиссионного списка? Дмитрий Юрьевич мог быть назван великим князем и князем новгород-

[1] Это следует из того, что имя Герасима в перечне митрополитов и отсутствие имени Евфимия 2-го в перечне владык новгородских указывают именно на 1433 или начало 1434 г.

ским между 1446 и 1453 гг.[1] Не следует ли отсюда, что та редакция Новгородской 1-й, которая была в распоряжении составителя Новгородской 5-й, составлена между 1446 и 1453 гг.? Как же согласовать с этим вышеприведенное заключение, что редакция эта относится к 1434 г.? Я думаю, что нам нет надобности выводить из присутствия имени Дмитрия Юрьевича в Новгородской 5-й, что то же имя было в ее источнике Новгородской 1-й. Правда, невозможно допустить, чтобы прибавка этого имени была сделана составителем Новгородской 5-й с целью продолжить перечень князей под 989 г., невозможно потому, что составитель этот работал во всяком случае позже 1453 г., года смерти Дмитрия Юрьевича, как это видно из того, что он назвал свод 1448 г. «старымъ» летописцем; следовательно, задавшись целью продолжить перечень князей, он во всяком случае назвал бы еще раз Василия Васильевича (умершего в 1462 г.), а вероятно еще и Ивана Васильевича (1462—1505 гг.). Но эти соображения возвращают нас к мысли, что имя Дмитрия Юрьевича дано было в источнике Новгородской 5-й — в Новгородской 1-й летописи. И действительно, источник этот был причиной появления имени Дмитрия Юрьевича в Новгородской 5-й: но я предполагаю, что в нем читалось не «потомъ Дмитрей Юрьевичь», а «потом Юрей Дмитриевичь», т. е. возвращаюсь к выше высказанной на основании Троицкого списка догадке. Составитель Новгородской 5-й заменил имя забытого Юрия Дмитриевича именем более известного и памятного Дмитрия Юрьевича, предположив, что «Юрей Дмитриевичь» (свода 1434 г.) описка вм. «Дмитрей Юрьевичь». Итак, мы из перечня князей под 989 г. не только не делаем иного вывода о времени составления интересующей нас редакции Новгородской 1-й, а напротив подтверждаем его, заключив, что в этой редакции перечень князей оканчивался именем Юрия Дмитриевича.

Итак, мы обнаружили следующие источники Новгородской 5-й: 1) вторую редакцию Новгородской 4-й, 2) Новгородскую 1-ю в редакции 1433 г., 3) свод 1448 года.[2]

Скажем несколько слов о том, как пользовался составитель Новгородской 5-й этими своими источниками, отсылая к сделанным уже выше указаниям, какие именно части его труда основываются на каждом из этих источников. Напомним еще раз, что при этом обнаруживается, какой именно из источников послужил к составлению основного текста в Новгородской 5-й, но что этот основной текст подвергся исправлениям и дополнениям по обоим другим источникам. Думаем, что в каждой части Новгородской 5-й можно обнаружить влияние всех трех ее источников, из которых один поочередно становился основным. Так, например, в части

---

[1] Ср. в Новгородской 4-й под 1446 г.: «и сѣде на великомъ княженіи Дмитрій Юрьевичъ на Москвѣ»; под 1453 г.: «преставися князь великій Дмитрій Юрьевичь въ Новѣгородѣ, іюля 17».

[2] Ниже, исследуя «Повесть временных лет» по Новгородской 5-й, мы обнаружим еще два источника Новгородской 5-й, повидимому, ничуть не отразившихся на остальной части этой летописи.

от 6505 до 6892 г. видим, что в основание положена Новгородская 4-я: но в тексте обнаруживаются заимствования из Новгородской 1-й и из свода 1448 г.

Так, к Новгородской 1-й мы относим под 6849 (1341) г. прибавку к известию об убиении в Брянске князя Глеба Святославича слов «и митрополитъ былъ тамо, но не моглъ ихъ уняти» (ср. в Новгородской 1-й под 1340 г.); или под 6868 (1360) г. прибавку к известию о поставлении владыки Алексия и прибытии его в Новгород «и ради быша новгородци своему владыцѣ» (ср. в Новгородской 1-й: «и възрадовашася радостию великою зѣло въ тъ день»). К своду 1448 г. относим вставку известия: «родися князь Андрѣй Ивановичь» под 6835 (1327) г., ср. тоже в Софийской 1-й; к нему же возводятся и некоторые поправки, как, напр., «при Чанибекѣ царе» в сказании о Донском побоище, вместо «Чанибѣ», как в списках Новгородской 4-й (IV т. Полного собрания русских летописей, стр. 77, прим. г); быть может также прибавку «въ 70 днiй» к известию 6678 г. о поставлении монастыря и церкви арх. Ильей с братом Гаврилом (IV т. Полного собрания русских летописей, изд. 1, стр. 13, прим. а).

Кроме того, отметим, что Новгородская 5-я значительно сократила свои источники, а именно текст Новгородской 4-й. Так, под 1160 г. опущено о пожаре Ростова (IV т. Полного собрания русских летописей, изд. 1, стр. 11, прим. д), под 1164 г. опущено все сообщение о суздальском епископе Леоне (там же, прим. з), под 1165 г. опущено о смерти Ростислава Мстиславича (там же, прим. i), под 1147 г. опущено о смерти игумена Антона (там же, стр. 8, прим. б), под 1199 г. об обложении города в Русе (стр. 18, прим. з), под 1204 г. о смерти посадника Мирошки Незнанича и поставлении посадника Михаила Степановича (стр. 19, прим. г.), под 1221 г. об изгнании новгородцами Всеволода и о закладке в Суздале соборной церкви (стр. 27, прим. в), под 1298 г. о поездке Андрея Александровича в Переяславль и походе Федора Ярославского к Смоленску (стр. 45, прим. м), под 1322 г. о походе Юрья Даниловича к Выборгу и прибытии Дмитрия Михайловича на великое княжение (стр. 49, прим. i), под 1367 г. о несогласиях Новгородцев с в. кн. Дмитрием Ивановичем и о примирении с ним, а также о закладке Лазутою церкви, под 1369 г. об ушкуйниках новгородских, побитых болгарами (стр. 66, прим. к), под 1371 г. о пожаре в Новгороде и Торжке (стр. 66, прим. п.), и т. д.[1] Ряд сокращений находим и в тексте Новгородской 1-й под 1384—1405 гг., напр., под 1396 г. о пожаре Антонова монастыря, под 1399 г. молитвенное обращение современника-летописца по поводу освящения владыкой Иоанном церкви богородицы Покрова на Зверинце, под 1400 г. о поставлении церкви на Яневе улице, под 1401 г. о пожаре городка Молвотичи, и т. д.

[1] Заметим, что текст свода 1448 г. (в части 1405—1446 гг.) сокращен незначительно. Сравнительно с Новгородской 4-й, опущено, напр., под 1411 г. о рождении Лугвения сына (стр. 113, прим. о), под 1406 г. о затмении солнца (стр. 109, прим. г). Отметим далее сокращение под 6940 (1432) г., а также пропуск известий о домашних обстоятельствах летописца Матвея Михайлова.

Редактор Новгородской 5-й летописи вносил в свой текст и поправки, не оправдываемые источниками. Так, под 6890 (1382) г. в статье о взятии Тохтамыша, читаем «проліяша кровь ихъ яко воду окрестъ Іерусалима», что согласно с текстом соответствующего псалма (Полное собрание русских летописей, т. IV, изд. 1, стр. 88, прим. д); в Новгородской 4-й вм. «Іерусалима»— «Москвы» и так же было в своде 1448 г., как видно из Софийской 1-й. Там же вместо чтения «то все взяша и понесоша» предлагается чтение «то все единѣмъ часомъ пограблено». Под 6856 (1348) г. взятие новгородцами Орешка определяется в Новгородской 4-й ошибочно 25 февраля во вторник (ибо вторник приходился не на 25, а на 24 февраля) на память обретения главы Иоанна предтечи, в Новгородской 1-й не указаны число и месяц, в Новгородской 5-й они также не указаны, а вм. «25 февраля» написано «во вторникъ на чистой недели». Под 6848 (1340) г. вм. «ничим же неврежена бысть» о русской рати, стоявшей под Смоленском (так в Новгородской 4-й и так же в своде 1448 г., ср. Софийскую 1-ю), в Новгородской 5-й читаем: «и ничимъ же не озлоблена». Под 6867 (1359) вм. «и х л а м и д ы съ нихъ драли» Новгородской 4-й, читаем в Новгородской 5-й «порты». Под 6863 (1355) г. вм. «честно боронивъ отчину свою отъ силнѣе себе князей» Новгородской 4-й, читаем в Новгородской 5-й «честно и грозно боронивъ отчину свою отъ силнѣе себе князей и отъ татаръ». Под 6883 (1375) г. вм. «они же обоидоша около по можжелнику» Новгородской 4-й, в Новгородской 5-й «они же обоидоша около таемъ». Под 6886 (1378) г. вм. «а петли разстегавъ» Новгородской 4-й, в Новгородской 5-й «а петли роспускавъ». Под 6388 (1380) г. в сказании о Донском побоище вм. «яко ты еси единъ вышній по всей земли», как в Новгородской 4-й и в своде 1448 (ср. Софийскую 1-ю), в Новгородской 5-й читаем «яко ты единъ на небеси и на земли»; выше, там же, после слов «и да постыдятся и посрамятся» в Новгородской 5-й прибавлено «ищющій нас». Под 6825 (1317) г. вм. «и новгородцевъ отпусти Михайло с Тфери, ч т о в ъ и з н и м а н ь й б ы л и» Новгородской 4-й, в Новгородской 5-й читаем «что сѣдѣлѣ въ тали», и мн. др.

Обращаю внимание на связь составителя Новгородской 5-й летописи с церковью Пантелеймона в Новгороде. Мы видели, что летопись эта выпускала много известий Новгородской 4-й, а между прочим и известия о построении церквей. Поэтому вставка трех известий, относящихся к церкви Пантелеймона, не может быть объяснена случайностью, а конечно вызвана теми или иными отношениями к этой церкви самого летописца. Известия эти следующие: под 6664 г. прибавлено после слов: «въ то же лѣто поставиша купци заморьстіи церковь святыя Пятница на Торговищи» — «а Федоръ Пинещиниць св. Пантелемона». «Въ лѣто 6716 сверши Федоръ Пинещиниць церковь св. Пантелѣмона к а м е н у».[1] Под 6880 (1372) г.:

[1] В Новгородской 4-й и Новгородской 1-й: «свершиша церковь святого Пантелеймона въ монастырѣ Федоръ Пинещиниць», и притом под 6715 г. Очевидное противоречие известия 6664 г. известию 6716 (ибо не мог же Федор Пинещиниць приняться за постройку или перестройку церкви через 52 года вновь) объяс-

«того же лѣта поновиша церковь камену святаго Пантелеймона, бѣ бо палася».[1] Кроме известий о церкви Пантелеймона, находим еще только одну вставку в Новгородской 5-й — это о построении церкви Иоанна-усекновения Моисеем Домажиричем в 6682 (1174) г.

О времени составления Новгородской 5-й определенного ничего сказать не могу, но заключаю из определения в ней свода 1448 г. как «стараго» летописца, что она составлена не раньше как в 60-х годах XV в.

Скажем здесь об особенностях тех обоих изводов, в которых дошла до нас Новгородская 5-я: это, с одной стороны, Хронографический список Новгородской 4-й, а с другой Новгородско-Псковская летопись, представленная между прочим Погодинским списком.

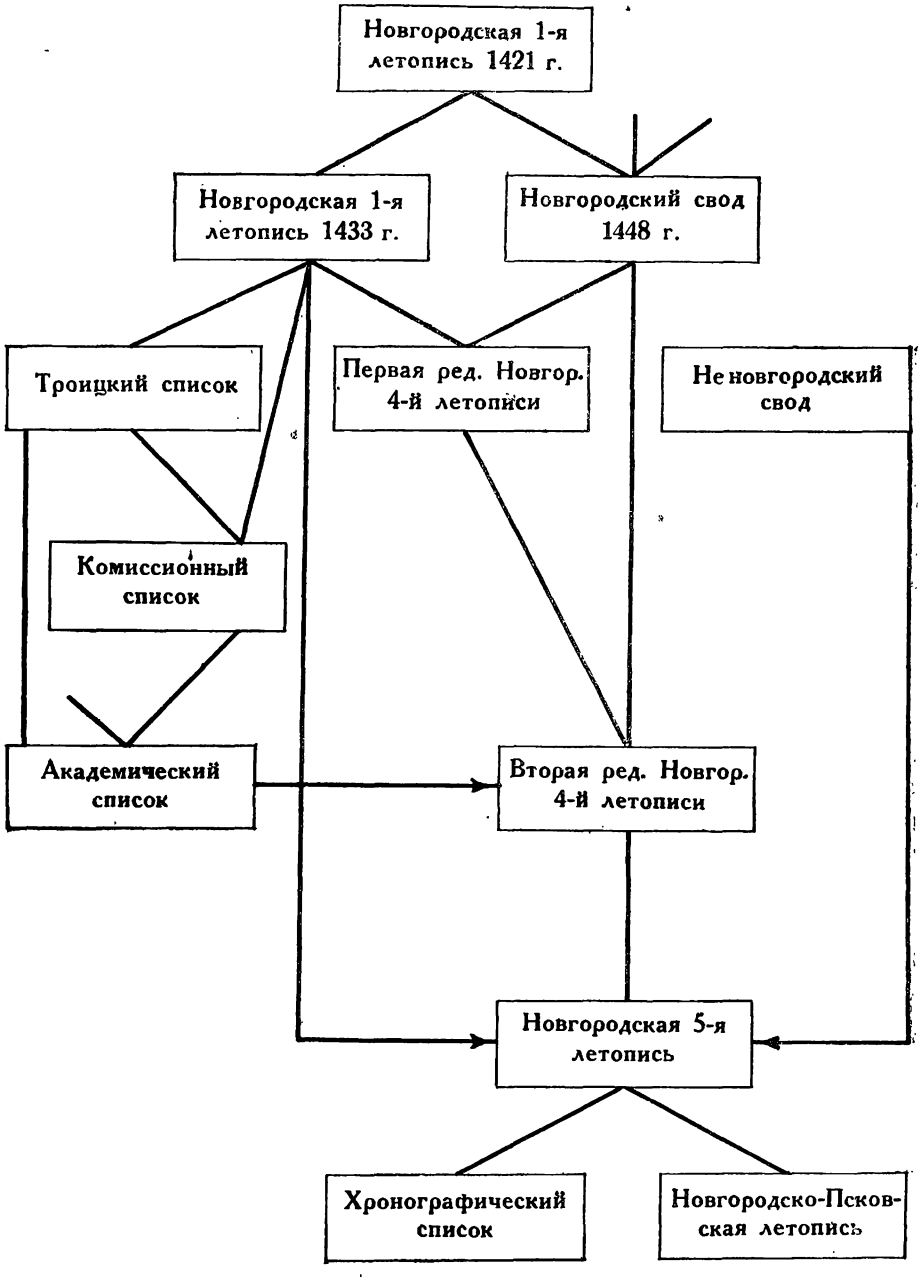
Хронографический список, доводящий, как мы видели, летописный рассказ до неоконченной фразы в статье 1496 г., положив в свое основание Новгородскую 5-ю, дополнил ее текстом 1446—1496 гг. из другого летописного свода, не новгородского. Ближайшим образом он родствен тому своду, на основании которого дополнены, с одной стороны, список Царского Софийской 1-й летописи, а с другой, тот недошедший до нас список Софийской же 1-й летописи, коего окончание читается в так наз. «Отрывке русской летописи по Новоиерусалимскому списку». Нам придется сказать об этом своде при анализе списка Царского. Здесь ограничимся замечанием, что некоторые добавления из него внесены в текст Хронографического списка и под 1446 г. Ср. прибавку слов «а съ Москвы коромолилъ на великаго князя Иванъ Старковъ, да и отъ гостей, да и отъ Троецкыхъ черньцовъ» (IV т., стр. 126, прим. а; V т., стр. 268); там же выше, в начале года прибавлено «пріиде въ Переславъ на Дмитреевъ день, а потомъ и на Москву» (IV т., стр. 125, прим. к; V т., стр. 268). Быть может, кое-что в Хронографическом списке и до 1441 года заимствовано из того же свода, но указать на подобные места я не могу. Хронографический список позднейшим читателем во многих местах исправлен и дополнен: эти заметки на полях и под строками вносят и фактические добавления к известиям Хронографического списка, откуда видно, что они основаны на сверке его с другим сводом. Что это был за свод, решить пока трудно, но обратим теперь же внимание на то, что поправки эти в значительном числе случаев перешли в Никоновскую летопись, которая, как увидим, в числе своих источников имела и Хронографический список. Отметим в подстрочном примечании некоторые такие поправки.[2]

няется, конечно, церковным преданием о том, что церковь получила свое начало в 6664 г., а что Федор Пинещиниць был ее строителем (очевидно, уже не деревянной церкви XII в., а каменной начала XIII в.).

[1] Это известие есть и в Погодинском и в Хронографическом, между тем как первые два только в Хронографическом, что объясняется систематическим сокращением текста в Погодинском. Летопись Авраамки, точно передающая с известного места текст Новгородской 5-й, опустила известие 1372 г.

[2] Под 6638 г. вместо «поставиша архіепископа Нифонта» написано в Хронографическом по чищеному «того же лѣта пресвященный Михаилъ митрополитъ Кіевскій и всеа Руси постави Нифонта епископомъ Новгороду» (IV т., стр. 4,

Табл. 9

прим. а). Под 6664 г. в известии «преставися Нифонтъ архиепископъ новгородцкый априля 18» слово «архіепископъ» исправлено в «епископъ», а 18 апреля изменено на 8 апреля (стр. 9, прим. к). Под 6839 г. слова «Арсеній же съ Псковичи» исправлено выноской на полях «Арсеній же старецъ, хотяй ставитися владыкою въ Псковъ». (стр. 52, прим. л). Под 6851 г. в известии о хождении митр. Ѳеогноста в Орду слова «и обадиша его, а самого яша и измучиша,

Новгородско-Псковская летопись, основанная на Новгородской 5-й, дополняет ее, как мы видели, текстом Псковской 1-й летописи от 1447 до 1547 г. Редактор этого нового свода значительно сократил текст Новгородской 5-й, опуская в нем все, что, по его мнению, не могло представить общего интереса, причем в виду имелся, как кажется, читатель не новгородский, а вероятнее всего псковский. Почти систематически опускаются известия о смене посадников новгородских, также о постройке церквей в Новгороде,[1] о пожарах новгородских, но опускаются также и политические известия, напр., под 6858 г. о мире с немцами, об изгнании новгородцами посадника Федора, об убиении Юрия Витовтовича под Изборском, под 6845 г. о посылке Иваном московским рати на Двину; опускаются также сообщения о рождении и кончине князей. Кроме пропусков известий, находим и сокращения их; между прочим, сильным сокращениям подверглось сказание о Донском побоище (уже сокращенное, сравнительно с Новгородскою 4-ю, в самой Новгородской 5-й).

Отношение Новгородской 5-й к другим старшим сводам изображаем в таблице 9 (на стр. 206). *

а ркуще» помараны, и между строк приписано: «оклеветаша его наши злiи людiе, и тако утомиша и измуциша его Татари, глаголюще сице» (стр. 57, прим. е). Под 6879 г. при известии о женитьбе Владимира Андреевича у Ольгерда в выноске на поле прибавлено: «поя у него дщерь, именем Елену», и др.

[1] Напр., под 6732 г. о трех церквах, построенных Семеном Борисовичем; под 6696 г. о церкви Успения в Аркаже монастыре; под 6700 г. о церкви Спаса в Русе; под 6687 г. о церкви Благовещения; под 6678 г. о построении монастыря Благовещения; под 6851 г. о церкви Благовещения на Городище; под 6858 г. о трех церквах и т. д.

* *Заметка А. А. Шахматова на полях рукописи:* Кажется надо думать, что Новг[ородская] 5-ая из Комисс[ионного] списка + Троицкий список.

ГЛАВА XVII

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ СОФИЙСКОЙ 1-й ЛЕТОПИСИ

Сравнивая между собой дошедшие до нас списки Софийской 1-й летописи и выделив из них список Царского, осложненный вставками из других сводов, видим, что они распадаются на две группы: первая представлена списками Карамзина и Оболенского, а вторая Толстовским, Воронцовским, Бальзеровским и другими. Отличаются друг от друга эти группы главным образом тем, что первая из них содержит значительное число новгородских известий, опущенных или не имеющихся во второй; впрочем, помимо новгородских известий первая группа имеет и другие лишние против второй статьи и известия; далее к отличиям обеих групп относится и то, что язык списков первой группы ближе к языку Новгородской 4-й летописи, чем язык списков второй группы; наконец, немаловажным отличием служит родословная великих князей, помещенная в обеих группах так же, как в Новгородской 4-й, под 6395 (887) г.: в первой группе она доведена до сыновей Василия Дмитриевича, а во второй (в древнейших представителях ее) до сыновей Василия Васильевича. Имея в виду как особенности этой родословной, так и бо́льшую близость списков первой группы к Новгородской 4-й и объясняя эту близость как следствие происхождения их из одного общего источника — новгородского свода 1448 г., к которому таким образом списки первой группы ближе, чем списки второй, — я признаю редакцию списков первой группы Софийской 1-й летописи более древней, чем редакция второй группы. Принимая же во внимание, что текст списков второй группы может быть выведен из текста первой, не прибегая к предполагаемому первоисточнику Софийской 1-й летописи — своду 1448 г., я определяю редакцию списков первой группы, как первую редакцию этой летописи, а редакцию списков второй группы, как вторую ее редакцию.

Список бывший Карамзина, ныне принадлежащий Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, где значится под шифром Q. IV. № 298, писан в конце XV или начале XVI в., принадлежал раньше Засецкому, и под его именем упоминается в «Истории Государства российского». Доведен до новгородского известия об убийстве на Вятке Анфала и сына его Нестера (1418 г., ср. Новгородскую 4-ю, Полное собрание русских летописей, IV, стр. 118), после чего в ту же строку следует московское известие о кончине Анастасии, супруги князя Юрия Дмитриевича (1422 г.,

ср. Воронцовский, Бальзеровский и другие списки Софийской 1-й летописи, Полное собрание русских летописей, V, стр. 260). Известие это не дописано за утратой следовавшего листа и оканчивается так: «княжа Юрьева Дми».[1]

Список М. А. Оболенского, принадлежащий б. Московскому Главному архиву иностранных дел, писан в XV в. Доведен, как и предыдущий список, до новгородского известия 1418 г. об убийстве Анфала и Нестера; за ним в ту же строку следуют московские известия: о кончине Анастасии в Звенигороде (то же известие, но не оконченное имеется в Карамзинском списке) и о московском пожаре, начавшемся 18 августа (оба известия, по свидетельству других списков Софийской 1-й летописи, а также Воскресенской и пр., относятся к 1422 г.). За этим известием 18 августа 1422 г. в списке Оболенского следуют еще три записи, сделанные разными почерками и очевидно в разное время; записи относятся к 1481, 1508 и 1505 гг. и ничего общего с основною частью нашего списка не имеют.

Списки К. О. (как мы будем сокращенно их обозначать) настолько близки между собой, что предполагают один общий для того и другого протограф, который, однако, не может быть признан основным списком первой редакции Софийской 1-й летописи (см. ниже). Остановимся на вопросе, до какого года был доведен этот протограф, и чем объясняется странный перерыв и в К., и в О. между новгородским известием 1418 г. и следующим московским известием 1422 г. Думаю, что свидетельства списка О. вполне достаточно для утверждения, что протограф списков К. и О. оканчивался московским известием от 18 августа 1422 г. Перерыв между известием: «Того же лѣта убіенъ бысть Анфалъ и сынъ его Нестеръ, на Вяткѣ, отъ Михаила Розсохина» и известием: «Мѣсяца іюля 11 преставися благовѣрная княгини Анастасія княжа Юрьева Дмитріевича в Звенигородѣ» я объясняю себе тем, что в протографе К. О. утрачены были листы, на которых излагались известия 1419, 1420, 1421 и 1422 гг. Итак, первая редакция Софийской 1-ой летописи доводила рассказ до известия 18 августа 1422 г.

Как нами было только что указано и как это подробно развито выше, в главе X, Софийская 1-я летопись заимствовала свое содержание из новгородского свода 1448 г. В этом своде, как мы имели случай это видеть, различались две части: основная и дополнительная. Основная представляла собой компиляцию общерусской и новгородской летописей, причем общерусская летопись, как мы предполагаем, была тожественна с митрополичьим сводом, Владимирским полихроном 1423 г., а новгородская летопись со сводом 1421 г., составленным на основании владычного свода справщиком Матвеем Михайловым Кусовым. Дополнительная часть свода

[1] На место утраченного листа или утраченных листов в Карамзинском списке приплетены три листа, заполненных позднейшим почерком и содержащих известия 1418—1425 гг., тожественные с тем, что представлял под этими годами Московский свод 1480 г. и весьма близкие к Воскресенской летописи (VIII, стр. 90—92). Оканчивается словами: «но точию ужыналъ оу князя Ивана Васильевича молиша его», принадлежащими прерванной за утратой листов статье 6933 (1425) г.

1448 г. содержала выборку известий, не приведенных в порядок и, быть может, даже изложенных не в строго хронологическом порядке, от 1423 до 1446 гг. (до известия о высокой цене на рожь); выборка сделана на основании новгородской владычной летописи, а может быть, еще и иных материалов. Первая редакция Софийской 1-й летописи своим составом подтверждает наши предположения о составе свода 1448 г.: во-первых, она доведена до конца 6930 (1422) г., т. е. так же как основная часть этого свода, причем даже одним своим окончанием свидетельствует о том, что свод 1448 г. компилировал известия новгородские с известиями общерусскими, в частности московскими;[1] оканчивая эти московские известия 18 августа 1422 г., первая редакция Софийской 1-й летописи дает ясное указание на время составления второго источника компиляции 1448 г. — это 1423 г., который выясняется на основании не одного этого показания Софийской 1-й летописи, но также и других данных.[2] Во-вторых, она оставляет без внимания дополнительную часть свода 1448 г. (излагавшую события 1423—1446 гг.) — и этим доказывает, что дополнительная часть его резко отличалась от основной; а это подтверждается новгородскими сводами, которые основную часть свода 1448 г. передавали полностью, довольствуясь частичной выборкой из дополнительной (так, первая редакция Новгородской 4-й заимствует из нее известия 1423—1437 гг., Комиссионный список, в основной редакции, известия 1433—1439 гг., Академический список Новгородской 1-й известия 1440—1443 гг. и т. д.).

Итак первая редакция Софийской 1-й летописи представляет собой извлечение из новгородского свода 1448 г., а именно из основной его части.

---

[1] Ср. под 6926 г. сообщение о Дашке Острожском, восходящее к западнорусскому источнику, далее известие о знамении от иконы в новгородской церкви Анастасии, затем сообщение о новгородской смуте, известие об убийстве Анфала и Нестера, а за ним московские известия о смерти Анастасии и пожаре Москвы.

[2] К этим данным относим свидетельства, извлекаемые из дополнительных статей, читающихся в приложениях к новгородским сводам, основанным на своде 1448 г. Статья, содержащая родословие великих князей, оканчивается перечислением сыновей Василия Дмитриевича (сын Василия Васильевича Юрий, родившийся в 1437 г., не назван); ср. Новгородскую 1-ю летопись (1888 г., стр. 433). В перечне русских митрополитов последним назван Фотий (умерший в 1431 г.); ср. Новороссийский список (а в Комиссионном прибавлен из перечня под 989 г. еще Герасим). Перечень новгородских владык оканчивается Симеоном, причем упомянуто о его смерти, случившейся 15 июня 1421 г. Итак, имеем указание на время от 1421 г. до 1431 г. Ограничиваем его еще одним указанием: после Симеона не назван никто владыкою новгородским; этого не могло быть после 1424 г., когда был поставлен владыкой Евфимий. Итак, дополнительные статьи свода 1448 г., восходящие к общерусскому своду, указывают, как на время составления, на 1421—1424 гг. Но в статье: «Кто колико лѣтъ княжилъ» имеется и более точное указание. Она оканчивается указанием: «Дмитрий Иванович 27 лѣтъ», следовательно, Василий Дмитриевич еще жив, еще состоит в. князем (он умер в 1425 г.); за сим читаем: «Турлаковѣ рати безъ трехъ 100 лѣтъ минуло коли Володимѣръ взялі». Турлакова рать, когда был взят Владимир, имела место в 1327 г. Следовательно, приведенные слова написаны в 1424 или 1423 г.

Определяя ее, как извлечение из этого свода, имеем в виду ее отношение к Новгородской 4-й, доказывающее, что текст свода 1448 г. подвергнут редактором Софийской 1-й летописи сокращению и притом не в одних только новгородских его статьях.

Так, она опустила, напр., известие о кончине тверского епископа Арсения, а между тем в своде 1448 г., судя по Новгородской 4-й, под 6916 г. приводилось краткое об этом известие, а под 6917 г. подробный рассказ о том же; под тем же 6916 г. опущено о битве татар с князем рязанским Федором Ольговичем, а также статья о посольстве Едигея к великому князю; под 6911 г. опущено: «срубиша Переяславль»; под 6908 г. короче сообщено о вокняжении в Твери Ивана Михайловича; под 6907 г. в статье: «О преставленіи князя Михаила Тферьскаго» опущено предисловие к Тверской летописи («Егда единою видѣвый пришлецъ великого града изрядно стояніе. . . да пріимемъ отъ освященнаго верха»), сохраненное в Новгородской 4-й (IV, изд. 1, стр. 359); под 6904 г. сокращено сообщение о поставлении Григория епископа Ростовского (опущен перечень его предшественников); под 6998 г. опущено о крещении в Москве трех татар, а известие о бое Тахтамыша с мужем сильным «исполиномъ из Шамарханьской земли» перенесено под 6900 год, и т. д.[1]

---

[1] Подобные пропуски и сокращения не мешают Софийской 1-й быть во многих местах полнее Новгородской 4-й, которая в свою очередь сокращала свод 1448 г. Укажу здесь на несколько новгородских известий, полнее переданных или прибавленных в Софийской 1-й, сравнительно с Новгородскою 4-ю. Под 6858 г. о прибытии Нифонта в Новгород; 6751 г. смерть Варлаама Хутынского (К. О.); знамение от иконы во Пскове; под 6752 г. смерть жены Ярослава Всеволодовича Феодосии в Новгороде; под 6760 г. о войне новгородцев с Литвой, псковичей с немцами (К. О.); под 6761 г. о прибытии князя Ярослава Ярославича с Низовской земли во Псков; под 6764 г. о попытке шведов с союзниками построить город на Норове (К. О.); о походе Александра на шведскую землю и на Чудь; под 6767 г. о посажении князем в Новгороде Дмитрия Александровича; под 6774 г. о прибытии князя Ярослава Ярославича в Новгород и намерении его итти на Псков; под 6776 г. о походе новгородцев с князем Юрием на Литву; под 6777 г. о целом ряде новгородских событий (начиная со слов: «того ж лѣта пріѣха князь Ярославъ въ Новъгородъ»); под 6782 г. более подробно о смерти архиепископа Долмата; под 6784 г. более подробно о поставлении Климента; под 6787 г. о построении в. кн. Дмитрием города Копории; под 6785 г. подробнее о прибытии Дмитрия Александровича в Новгород; под 6802 г. о присылке кн. Андреем Александровичем посадника из Торжка; под 6926 г. о знамении от иконы Анастасии, и т. д. Во всех этих местах текст Софийской 1-й совпадает с текстом Новгородской 1-й летописи, что понятно, если примем во внимание, что в Софийской 1-й через посредство свода 1448 г. отразился свод 1421 г., а свод 1421 г. включил в себя текст Новгородской 1-й летописи. Поэтому Софийская 1-я сходится с Новгородской 1-й и в событиях не специально новгородских: ср. под 6659 г. о победе 17 июля Изяслава и Вячеслава (ср. К. О.) над Юрием и о смерти жены Изяслава; под 6660 г. о кончине Изяслава, о кончине Вячеслава, о вокняжении Изяслава Давыдовича в Киеве; под 6663 г. о вокняжении в Киеве Юрия Владимировича; под 6691 г. о походе Всеволода на болгар; о битве псковичей с Литвой (К. О.); под 6767 г. о лунном затмении; под 6848 г. об убиении в Брянске кн. Глеба Святосла-

Возникает вопрос, не дополнял ли составитель первой редакции Софийской 1-ой летописи свой оригинал, свод 1448 г., по другим источникам? Тщательное исследование этого вопроса привело меня к убеждению, что в изложении событий XIII—XV вв. первая редакция Софийской 1-й летописи основывается исключительно на своде 1448 г. Действительно, все лишнее в ней или находит себе соответствие в Новгородской 1-й по Комиссионному списку, который, основываясь на первоисточнике свода 1448 г., новгородском своде 1421 г., дополнен по своду 1448 г., или представляет собой более или менее обширные сказания, однородные с теми, что читались в своде 1448 г. (ср. об убиении Михаила Ярославича Тверского под 6827 г.), или восходит к Новгородской летописи, каковую нельзя не отожествить со сводом 1448 г. (напр., под 6845 г. об осаде немцами Корельского городка и предательстве Валита: К. О., а дальше о знамении от иконы в церкви Троицы на Рядитине улице). Остальные добавления настолько незначительны, что отсутствие их в Новгородской 4-й с успехом может быть объяснено, как результат сокращения в последней текста свода 1448 г.[1]

В противность этому, в изложении событий XI и XII вв. находим следы пользования другим источником. Так, под 6665 г. видим ряд событий южнорусских и одно суздальское, отсутствующих в Новгородской 4-й; под 6683 г. с значительными подробностями изложено убиение Андрея Боголюбского, переданное в Новгородской 4-й в двух строках; особенно много лишних против Новгородской 4-й известий оказывается в конце «Повести временных лет» после 1074 г.; ниже мы перечислим их, а здесь отметим, что против многих из них списки К. О. (а частью один К.) имеют отметки: «а писано

вича, и т. д. Отметим еще, что в Софийской 1-й полнее сохранилось сказание об Александре Невском, сильно сокращенное в Новгородской 4-й (1249, 1250, 1251, 1262); далее под 6753 г. находим повесть об убиении Михаила Черниговского (опущенную в Новгородской 4-й; в Комиссионном она есть); под 6711 г. повесть о взятии Царяграда (опущенную в Новгородской 4-й; в Новгородской 1-й она есть), дополненную сказанием об иконе пречистыя Одигитрия, о ризе Влахернской богородицы; под 6827 г. длинным сказанием об убиении Михаила Ярославича Тверского (его нет ни в Новгородской 4-й, ни в Комиссионном сп.).

[1] Ср. некоторые вставки в статьях, касающихся псковского Довмонта (6774, 6775, 6779, 6807); под 6777 г. сообщение о кончине Дмитрия Святославича и постижении его в схиму; под 6778 г. благочестивые рассуждения по поводу убийства татарами кн. Романа Ольговича; под 6834 г. лишние слова в конце по поводу мощей митр. Петра; под 6835 г. несколько лишних слов в статье о Шолкановщине; под 6849 г. более подробное сообщение о смерти Ивана Даниловича; под 6855 г. сообщение об убиении Ольгердом за православную веру Евстафия Круглеца; под 6883 г. ссылка на евангельский текст в конце сообщения о гибели новгородских ушкуйников; под 6903 г. о нападении царя «Калояана Андроникова сына» с Турками на Царьград и о победе над ним Мануила; 6915 г. о пожаре ростовском (К. О., в Новгородской 4-й передано кратко под 6916 г.); под 6918 г. некоторые подробности о разорении Владимира царевичем Толчею (часть их имеется в Комиссионном списке); под 6923 г. подробнее о затмении 7 июня; под 6925 г. указание на место погребения кн. Ивана Васильевича. Итак, только три лишних факта: 6777 г. кончина Дмитрия Святославича, 6855 г. убиение Круглеца, 6903 г. нападение Калояана на Царьград.

въ Кіевскомъ», «ищи въ Кіевскомъ» (первая такая отметка под 1077 г., последняя под 1090). Думаю, что эти отметки доказывают пользование со стороны составителя протографа списков К. О. каким-то летописным сводом, называвшимся Киевским летописцем или признанным этим составителем за таковой. Как увидим ниже, протограф списков К. О. нельзя отожествить с основным списком первой редакции Софийской 1-й летописи. Возникает вопрос: были ли эти отметки в основном списке первой редакции, не внесены ли они составителем протографа списков К. О.? В виду того, что почти все известия «Киевского летописца» читаются и во второй редакции Софийской 1-й летописи, я признаю, что этим летописцем пользовался не составитель протографа списков К. О., а составитель основного списка первой редакции Софийской 1-й летописи. Известия 6665 г. «Тогда же пріиде Ростиславъ Мьстиславичь въ Кіевъ... и раздая грады сыномъ своимъ и сыновцемъ, Борису Туровъ, Василкови. Поросье» читаются в сходном изложении в Лаврентьевской летописи (под 6662 г.); следующее известие о перенесении Андреем иконы во Владимир в сходном же изложении также имеется в Лаврентьевской летописи (под 6663 г.). Таким образом вся статья 6665 г. в Софийской 1-й может быть признана извлечением из соответствующего текста Лаврентьевской; но это еще не дает нам права считать источником этой статьи непременно Суздальскую летопись, ибо те же события, хотя и в ином несколько изложении, читаются под 6662 и 6663 гг. и в Ипатьевской; они могли читаться в еще более близком к Лаврентьевской летописи изложении в другом каком-нибудь родственном с Ипатьевской «Киевском» летописце. Статья 6683 г. об убиении Андрея Боголюбского оказывается в Софийской 1-й весьма близкою к тексту Ипатьевской летописи и отличается от рассказа Лаврентьевской и сходных целым рядом подробностей. В этом я вижу еще более определенное указание на пользование сходною с Ипатьевскою летописью, которую составитель 1-й редакции Софийской 1-ой летописи называет почему-то «Киевскимъ летописцемъ». Летопись эта обнимала, повидимому, лишь события до XII в. включительно; поэтому мы не обнаружим следов ее в XIII и следующих веках.

Признавая таким образом доказанным, что в известных пределах Софийская 1-я летопись дополняла свой основной источник, свод 1448 г., по вспомогательному источнику, скажем еще раз, что по отношению к этому своему источнику редактор проявил довольно свободное отношение, сокращая его, переставляя его статьи. Кроме того, он подновлял язык своего оригинала — доказательства этому мы приведем ниже, рассматривая текст «Повести временных летъ».

Что до времени составления первой редакции Софийской 1-й летописи, то оно определяется 1448—1462 гг. по следующим соображениям. Пользование сводом 1448 г. доказывает, что работа над Софийскою 1-ю летописью происходила не раньше этого года. Время до 1462 г. определяется тем, что в родословной статье, читающейся под 887 г., последний, из названных в ней князей Василий Васильевич назван великим князем (т. V, стр. 90, прим. с). Ниже мы подробнее выясним отношение текста родословной по Софий-

ской 1-й к соответствующей статье свода 1448 г., а здесь ограничиваемся этим хронологическим выводом, хотя возможно, что и он подвергнется нами сомнению, когда мы увидим, что чтение протографа К. О. нельзя возвести к основному списку 1-й редакции Софийской 1-й летописи. Но протограф К. О. моложе этого списка; следовательно, 1-я редакция составлена во всяком случае раньше 1462 г.

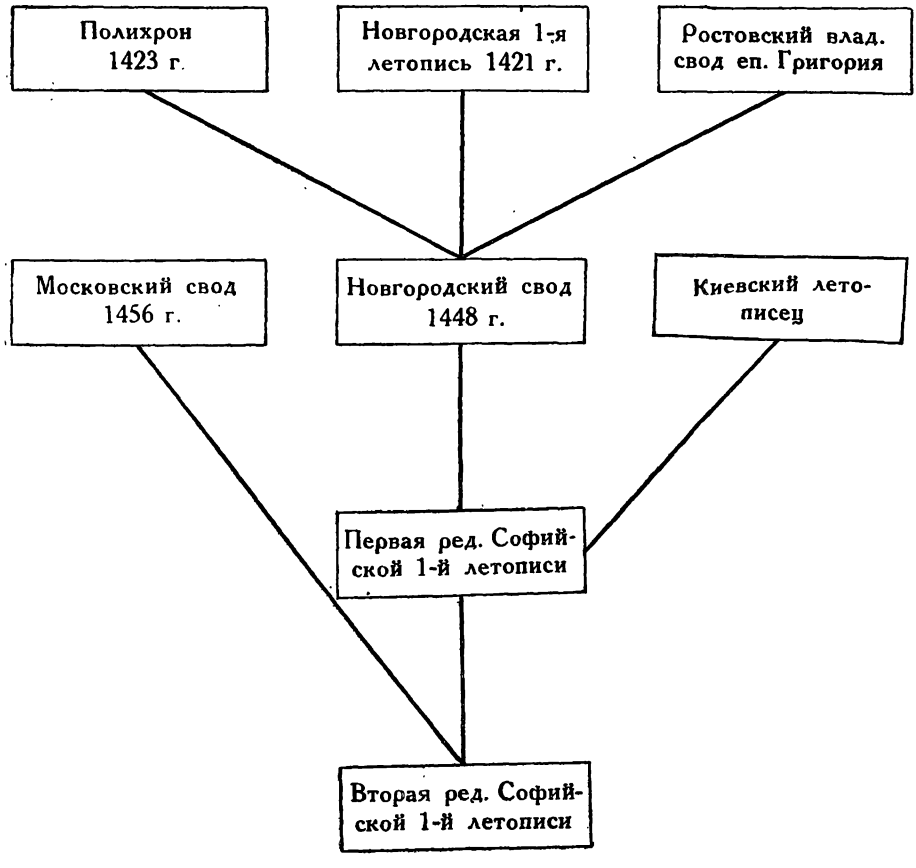
Как указано, у нас есть основание думать, что протограф списков К. О. не был тожествен с основным списком первой редакции Софийской 1-й летописи. Указание на это извлекаем из того обстоятельства, что в нередких случаях чтения списков второй редакции, восходящей к основному списку первой, оказываются более первоначальными, чем чтения списков К. О.; при этом о первоначальности их судим по их совпадению с Новгородской 4-ю летописью. Так, напр., под 1418 г. в К. О. «и ту его съвѣтници у города о т в о д ъ отътяша» вм. чего во второй редакции: «възводъ», что согласно с Новгородской 4-й; под 6906 г. в завещании великого князя тверского Михаила в К. О. опущено «Ржеву», которая есть во второй редакции, согласно с Новгородской 4-й; под 6906 г., в рассказе о побоище Витовта с Темирь Кутлуем, в К. О. «и м н о г о з л а царь сътвори земли Литовской», между тем во второй редакции «многу изгибель», ср. в Новгородской 4-й: «и многу погибель»; под 6901 г. в К. О.: «митрополичю же послу дали Дмитроку п о л т о р а с т а рублев», во второй редакции, согласно с Новгородской 4-й: «полъчетвертаста» (но там же, вопреки Новгородской 4-й: «Дмитрею» вм. «Дмитроку»); под 6894 г. в К. О. опущено: «и Неревскій конецъ», но это есть во второй редакции, согласно с Новгородской 4-й; выше там же опущено: «а правнукъ великого князя Глѣба», вопреки второй редакции и в Новгородской 4-й (в последней «правнукъ Глѣбовъ»); под 6883 г. в К. (в О. пропуск): «и жены и дѣти и к р а с н ы е дѣвици и тѣхъ попродаша», во второй редакции, как в Новгородской 4-й, нет «красные»; под 6883 г. выше в К. «а городки поимаша Зубцевъ, Бѣлъгородокъ», во второй редакции прибавлено: «городокъ Старицу», ср. в Новгородской 4-й: «Зубцевъ, Бѣлгородъ (в Академическом: «Бѣлъгородокъ»), Городокъ»; под 6847 г. в К. О. «наутрія же увѣдавше в с и г р а ж а н е», а во второй редакции: «весь городъ», ср. тоже в Новгородской 1-й; под 6831 г. в К. ошибка: «а бьючи ну», в О. «а бьючи», во второй редакции, согласно с Новгородской 4-й: «а бьючи стѣну»; под 6918 г. к известию о поставлении Фотия К. О. прибавляют: «бысть же житія его въ святительствѣ лѣтъ 22»; и мн. др.

Отмечу еще, что редакторы списков К. О., каждый от себя, внесли кое-что в свой труд против текста протографа. Так, в К. находим ряд пропусков, восполняемый списком О.: напр., V т., стр. 245, прим. и; стр. 234, прим. і; стр. 119, прим. д; стр. 223, прим. б и г; стр. 221, прим. а; стр. 194, прим. д, и мн. др.; а в О. пропуски, восполняемые списком К., напр.: стр. 185, прим. и; стр. 191, прим. е; стр. 214, прим. е. и др. Далее К. О. представляют каждый местами оригинальные чтения, напр., в О. вм. «поиде на Низъ» под 6792 г.: «поиде на нихъ рати копити»; под 6780 г. «обратишася

на лѣсъ» вм. «обратишася на побѣгъ»; в К. «н е п р а в е д н о различными казньми» под 6894 г. вм. «нещадно»; под 6810 г. «въ дальную землю» вм. «въ Доньскую землю»; под 6750 г. «въ Ладогу» вм. «въ Латыголу», и т. д.

Отношение обеих редакций Софийской 1-й летописи к старшим сводам изображаем в следующей таблице:

Табл. 10

ГЛАВА XVIII

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ СОФИЙСКОЙ 1-й ЛЕТОПИСИ

Ко второй редакции Софийской 1-й летописи относятся списки Толстовский, Воронцовский, Бальзеровский, Горюшкинский. Список второй редакции положен также в основание так называемой Софийской 2-й летописи (список Воскресенский, доведенный до 1534 г.). Далее список той же редакции лежит в основании списка Царского (которому посвящена ниже особая глава).* Такой же список лежал в основании дошедшего до нас во второй части своей свода Новгородской летописи и напечатанного в VI т. Полного собрания русских летописей под заглавием «Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку».

Вторая редакция Софийской 1-й летописи явилась последствием пѣреработки первой ее редакции; она распространила текст основного списка первой редакции вставками и дополнениями из других источников. В виду неисправности списков, трудно определить первоначальный состав второй редакции: Толстовский список за утратой листов оканчивается словами: «Того же лѣта бысть знаменіе отъ иконы святыя богородица Покрова, а [кы]» в статье 6982 (1418) г. Воронцовский список после 1423 г. разнится с остальными списками, заимствуя часть от 1424 до 1486 гг., повидимому, из другого свода.[1] Бальзеровский список, с которого Горюшкинский представляет собой копию (ср. VI т., стр. 15, прим. д), оканчивается статьей о событиях 1471 г.: «Словеса избранна отъ святых писаний о правдѣ и смиренномудрии, еже сотвори благочестія дѣлатель благовѣрный в. князь Иванъ Васильевичь». Статья эта читается вслед за известием 1462 г. о смерти великого князя Василия Васильевича. Имея в виду, что статья 1462 г. и предшествующие ей статьи 1461, 1467, 1464, и 1460 гг. не связаны строгим хронологическим порядком с основною частью летописи (определяемою непрерывностью хронологического порядка), оканчивающеюся статьей 1456 г.; принимая также во внимание трехлетний перерыв после этого года (а, напр., под 1458 г. можно было бы ожидать сообщения о рождении кн. Ивана Ивановича), — я предполагаю, что вторая редакция Софийской 1-й летописи была доведена в основном своем списке до 1456 г. Таким образом статьи 1460, 1464, 1467, 1461, 1462 гг., «Словеса избранна» в Бальзеровском списке признаю позднейшими доба-

* *Этой главы о списке Царского в рукописи А. А. Шахматова не имеется.*

[1] Воронцовский список остается недоступным ученому исследованию.

влениями. В подтверждение ссылаюсь на то, что статья 1456 г. оказывается последнею статьей, общею Бальзеровскому списку и списку Царского.[1] Что до Воскресенского списка, то он, начиная с 1392 г., оставляет текст Софийской 1-й летописи и следует другим источникам. Быть может, в виду добытого результата, мы в праве определить время составления второй редакции Софийской 1-й летописи 1456—1457 г. Что она составлена до 15 февраля 1458 г., т. е. до рождения у великого князя Ивана Васильевича (таков его титул еще при жизни отца) сына Ивана, я заключаю и из того, что в родословной статье, помещенной под 6395 (887) г., перечень князей окапчивался в основном списке второй редакции Софийской 1-й летописи именами Юрия (род. в 1441 г.) и Андрея (род. в 1446 г.), сыновей в. кн. Василия Васильевича, и не упоминал об Иване, сыне великого князя Ивана Васильевича.[2]

В основание второй редакции Софийской 1-й летописи положен, как сказано, основной список первой редакции. Дополнение его событиями 1422—1456 гг.[3] предполагает паличпость у составителя еще другого источника. Определепие его не может представить затруднений по самому составу заимствованных из него известий: это Московская летопись. Определение это подтверждается тем, что известия 1422—1456 гг. Софийской 1-й летописи находят себе соответствие в Московском летописном своде 1480 г., о котором см. в гл. XXI, причем в Софийской 1-й они изложены частью

[1] Впрочем, список Царского имеет еще и «Словеса избранна», читавшиеся, очевидно, в виде позднейшего приложения к списку — протографу Бальзеровского, с одной стороны, Царского — с другой.

[2] Наиболее точно передано окончание родословной в Воскресенском списке (Софийская 2-я летопись); ср. в ней: «Василия Васильевича сынове: князь Иванъ, князь Юріе, князь Андрѣй». Толстовский список имеет за этим пробел в $1^1/_2$ строки, после чего рукою того же писца записано: «Ивана Васильевича сынъ князь Иванъ» (засим пробел в 7 строк). Бальзеровский и протограф списка Царского после первых трех сыновей в. кн. Василия Васильевича называют еще Бориса и Андрея, затем сына в. кн. Ивана Васильевича князя Ивана Ивановича. Отсюда видно, что общий протограф списков Бальзеровского и Царского составлен до 1479 г., т. е. до рождения второго сына в. кн. Ивана Васильевича — Василия. В родословной по этому протографу остался не названным Семен, четвертый сын в. кн. Василия Васильевича (род. в 1446 г.). Список Царского перечисляет сыновей в. кн. Ивана Васильевича и называет Василия Ивановича великим князем: мы увидим ниже, что он составлен в XVI в.

[3] Исходим из доказанного в предшествующей главе положения, что первая редакция оканчивалась известием 18 августа 1422 г. о московском пожаре. Отсутствие известий под 6927—6929 гг., причем вслед за известием 6926 (1418) г. об убиении Анфала и Нестера на Вятке читаем известие 11 июля 6930 (1422) г., нельзя не сопоставить с отмеченным нами пропуском (зависевшим от потери листов) в протографе списков К. О., где также за известием об убиении Анфала и Нестера и притом под тем же 6926 г. читается о смерти Анастасии 11 июля и о московском пожаре 18 августа: ясно, что пропуск (от потери листов) произошел в основном списке первой редакции. Вторая редакция, при помощи другого источника, установила наличность пропуска и после известия об убиении Анфала и Нестера вставила ряд пустых годов: 6927, 6928, 6929, а события 11 июля и 18 августа отнесла к 6930 г.

в более первоначальном виде, что свидетельствует о более древней редакции того московского свода, из которого они заимствованы.[1]

Московский летописный свод использован лишь отчасти: из него сделаны краткие извлечения, ср. перерывы в хронологической сети, отсутствие известий, напр., под 1424, 1428—1430, 1435, 1436, 1442, 1443 гг. Не подлежит сомнению, что этот летописный свод, как все вообще своды Руси северовосточной, основывался в начале на киевских и суздальских летописях и содержал, таким образом, начиная с «Повести временных лет», общерусскую летопись. Отсюда возможность предположить, что тот же свод был употреблен составителем второй редакции Софийской 1-й летописи для исправления и дополнения текста первой редакции и до 1422 г. И если действительно мы найдем в тексте второй редакции такие отличия от первой, которые свидетельствуют о пользовании летописным источником, то не затруднимся отожествить этот источник с московским летописным сводом XV в., в особенности если увидим, что эти дополнительные чтения сходятся с московскою летописью, сохраненною Троицким и Симеоновским списками, а также с положенною в основание этих последних суздальскою летописью (сходною с Лаврентьевскою, Радзивиловскою и подобными списками).

Ничто не указывает в составителе первой редакции Софийской 1-й летописи стремления дать непременно московский свод, извлечь из новгородского свода 1448 г. то, что интересно и важно для московского читателя. Напротив, такое стремление ясно обнаруживается в составителе второй редакции. Оно сказалось прежде всего в опущении или сокращении новгородских известий и статей первой редакции. Ср. опущение статей и известий 6650, 6664 (смерть Нифонта), 6671 (смерть Аркадия), 6672 (победа над шведами), 6673 (поставление владыки Ильи), 6676 (походы на Полоцк и Торопец), 6677 и т. д.[2] Ср. сокращение новгородских известий, напр.: под 6682 г. (опущены слова, относящиеся к новгородцам: «и прияша его съ честію»); под 6784 г. (в известии о поставлении владыки Климента: «онъ же сверши святую литургію у богодарованного ему престола»); под 6809 г. (молитвенное обращение по поводу победы новгородцев над шведами); под 6839 г. (перечень владык, бывших на поставлении Василия); под 6868 г. (о возвращении в Новгород владыки Алексия) и т. д.[3] То же стремление придать своду менее местный характер побудило редактора сократить и опустить и некоторые другие не новгородские статьи. Так, под 6915 г. опущена статья о пожаре в Ростове, но такие отступления от первой редакции очень редки. Некоторые мелкие пропуски обличают москвича,

---

[1] Ср., напр., известие о голоде 1423 г., ближайшее определение дней кончины князей Петра Дмитриевича (1427), Андрея Дмитриевича (1436), Юрия Дмитриевича (1434); сообщение о рождении кн. Самсона Васильевича (1446); более обстоятельное сообщение о женитьбе кн. Ивана Васильевича, и т. д.

[2] Ср. еще под 6682, 6683, 6701, 6736, 6757, 6775, 6795, 6803, 6815, 6838, 6858, 6870, 6883, 6896, 6899, 6904, 6906, 6912, 6914, 6926 гг. и мн. др.

[3] Ср. еще под 6807, 6808, 6819, 6839 (V т., стр. 219, прим. н), 6896, 6901, 6919, и мн. др.

преданного интересам своего княжеского дома: так, в статье 1319 г. об убиении тверского князя Михаила Ярославича опущено сообщение о том, что в. кн. Юрий Данилович вместе с Кавгадыем «написаша многа лжесвидѣтельства на блаженаго в. кн. Михаила» (V т., стр. 209); под 1395 г. статья об осаде кн. Семеном Дмитриевичем Суздальским с татарами Нижнего Новгорода, где сидели воеводы в. кн. Дмитрия, переиначена, сравнительно с первой редакцией, а именно Володимер Данилович, Григорий Володимерович Холопищев и Иван Лихорь, названные в первой редакции воеводами великого князя московского, во второй редакции названы просто воеводами («а воеводы у нихъ бѣху»); вспомним о том, что великокняжеским воеводам не удалось отстоять Нижнего.

Далее находим ряд вставок в тексте первой редакции. Многие из них прямо указывают по самому своему характеру, что вставки эти заимствованы из московского свода, а это подтверждается и тем, что тожественные известия находим в Троицкой и Симеоновской летописях, московских по преимуществу. Перечислим лишние против первой редакции известия второй в пределах XII и следующих веков. Под 6509 (1161) г. «преставися Изяславъ князь Володимеровичь» (ср. Лаврентьевскую). Под 6630 (1122) г. «того же лѣта яша Ляхове Володаря, Василкова брата» (ср. Лаврентьевскую). Под 6636 (1128) «преставися князь Борисъ Всеславичь Полотьскый» (ср. Лаврентьевскую). Под 6677 (1169) г. опущенная статья новгородского происхождения о неудачном походе суздальцев на Новгород заменена соответствующей статьей суздальского происхождения (ср. Лаврентьевскую), изображающею события в ином виде и содержащею обличение новгородцев, как клятвопреступников. Под 6678 г., после слов «того же лѣта выгнаша новгородци князя Романа» прибавлено: «таковъ бо бѣ обычяй блядинымъ дѣтемъ», что явно отличает летописца-москвича. Под 6872 г. читаем: «того же лѣта моръ бысть въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ и на Костромѣ и въ Ярославлѣ» (ср. в Симеоновской под этим годом о море в Нижнем, в Переяславле, Коломне и Москве). Под 6873 г. «того же лѣта меженина велика и моръ въ Ростовѣ»; ниже вставлено известие об осаде Москвы Ольгердом, которое под 6876 г. изложено несколько отлично. Под 6877 г. «того же лѣта заложи князь великій Дмитрій Ивановичь Переяславль; того лѣта и кончаша» (ср. такое же известие в Симеоновской). Под 6879 г., после слов: « тогда рязанци, сурови человѣци, сверѣпіи людіе, высокоумни суще», прибавлено: «палаумные смерди»; прибавка, явно обличающая москвича (как и предшествующие слова, внесенные в свод 1448 г., как видно из Новгородской 4-й). Под 6896 г. «того же году татарове взяша Переяславль». Под 6897 г., после слов: «тогда преставися Діонисій митрополитъ въ Кіевѣ», прибавлено «лежитъ в пещерѣ Ѳеодосіевѣ».[1] Под 6914 г. вставлено «того же лѣта князь великый пошелъ впервые противу Витовта на Плаву» в развитие сдаланной выше прибавки «по три лѣта» после слов «воевашася межи собою». Под 6917 г. «того же лѣта пьсковичи взяша миръ,

[1] В списке Царского под 6896 г. сообщено было, что он погребен «въ печерѣ Онтоньевѣ».

новгородьскимъ повелѣніемъ, съ в. княземъ Витовтомъ и с нѣмци».[1] Быть может, к основному списку второй редакции следует отнести еще обширную статью 6720 (1212) г. о преставлении Всеволода Юрьевича: мы читаем ее только в Воскресенском (Софийской 2-й) и Толстовском списках, причем неясным остается, почему она опущена в Воронцовском и Бальзеровском, а также в протографе списка Царского.

Кроме умышленных пропусков новгородских известий и вставок из дополнительного источника, редактор внес местами в своей текст существенные поправки. Так, в первой редакции преставление Александра Невского, так же как в своде 1448 г. (ср. свидетельство Комиссионного списка), было изложено в статье 6759 (1251) г., а под 6770 (1262) г. о нем кратко сообщалось еще раз. Вторая редакция перенесла статью «Преставленіе в. кн. Александра Ярославича» под 6770 (1262) г. (ср. V т., стр. 187, прим. к, и 191, прим. а). Под 6827 г. в статье об убиении Михаила Ярославича Тверского митрополит Максим правильно заменен Петром (V т., стр. 207, прим. і; стр. 208, прим. а).

Здесь скажем о некоторых особенностях списков второй редакции, не упомянутых нами выше. Списки Толстовский и Воскресенский восходят к общему протографу. Ср. общие описки и чтения: «Коропію» вм. «Копорію» (V т., стр. 199, пр. г), «Олгорду» (223, пр. д), «истопленых» (232, прим. к.), пропуск слов «въ полѣ» (240, прим. б), слова «Смолнянъ» (240, прим. с.), «Мегнуканови» (175, прим. ж), «на западъ» вм. «на задъ» (232, прим. з). Местами Толстовский список отступил от этого общего протографа; ср. пропуск известия о рождении Всеволода Юрьевича под 1157 г. (V т., стр. 161, прим. в).

Списки Бальзеровский, Воронцовский и протограф Царского восходят также к общему протографу, отличавшемуся от основного списка второй редакции несколькими вставками, восходящими к московской летописи. Так, под 6660 (1152) г. вставлено об основании Юрием Владимировичем церквей в Суздальской земле; под 6901 (1393) г. вставлено о кончине игумена Сергия; под 6885 г. вм. «и положенъ бысть въ церкви святыя богородица» в сообщении о кончине митр. Алексея читаем: «и положенъ бысть в церкви у Чюда въ придѣлѣ благовѣщенія святыя богородица»; под 6810 г. вм. «а Переяславль взя за себе в. кн. Данило Александровичь Московскій и намѣстници свои посла на Переяславль» читаем: «а Переяславль приказа (т. е. покойный князь Иван Дмитриевич) дядѣ своему князю Данилію; в. же кн. Данило Александровичь Московскій и наместници свои посла на Переяславль». Известие о рождении Всеволода Юрьевича перенесено с 6665 на 6662 г. Не упоминаю о целом ряде чтений и описок, тожественных в названных списках. Повидимому, их протограф местами исправлял чтения основного списка по другому своду. Ср. вставку слов: «патріархомъ», ниже: «грѣхы ихъ» в духовной Кипріана (255, прим. б и д) и др.

[1] Возможно, впрочем, что это известие было и в первой редакции Софийской 1-й летописи; что оно было в своде 1448 г., видно из Новгородской 4-й. В таком случае оно опущено в протографе списков К. О.

Бальзеровский список (Горюшкинский, как указано выше, копия с него) и протограф списка Царского восходят в свою очередь к общему протографу, отличному от протографа Воронцовского (но восходящему вместе с Воронцовским к общему протографу). И здесь можно указать на существенные редакционные изменения. Так, под 6805 г. вместо известия «князь Александръ Глебовичь взя лестію подъ отцемъ княжніе Смоленьское» читаем: «князь Александръ Глѣбовичь иде въ орду съ княгинею», как будто в результате умышленного искажения. Ср. еще общие чтения списков Бальзеровского и Царского: «и многы страны пусты сотвориша» вм. «и много странъ повоеваша» (V т., стр. 251, прим. г); «и людей» вм. «и лодій» (стр. 232, пр. в), пропуск слова «митрополитъ» (стр. 235, прим. і); «роскинути» вм. «разверечи» (стр. 250, прим. а); прибавлено «господине» (стр. 196, прим. а); ошибочная прибавка: «и задраша и ладожан» (стр. 200, прим. а). Известие 6914 г. о начатии враждебных действий между в. кн. Василием Дмитриевичем и Витовтом перенесены почему то под 6913 год (стр. 253, прим. с.).

Воронцовский список имеет много пропусков. Между прочим в нем опущено «Слово о житіи и преставленіи в. кн. Дмитрія Ивановича» (под 1389); обширный пропуск в сказании об убиении Михаила Черниговского (V т., стр. 184, прим. ж), также в статье 6753 (стр. 182, прим. е); другие пропуски менее значительны. Повидимому, Воронцовский список местами исправлен по другой летописи. Ср. под 6660 г. прибавку после: «въ Суздалѣ церковь святаго Спаса» — «а въ Кидекши Бориса и Глѣба» (въ числе церквей, созданных Юрием Владимировичем). Любопытно чтение: «а княгиню Юріеву и Кончака убиша», что соответствует истине, ибо княгиня Кончака была уморена в Твери зелием; ср. Симеоновскую и Новгородскую 1-ю, вм. чего во всех списках: «а княгиню Юріеву и Кончака не убиша».[1] Сверка с другой летописью объясняет случаи совпадения Воронцовского списка с К. О, а иной раз со списком Царского.

---

[1] Быть может, это чтение вызвано следующим неудачным оборотом в своде 1448 г.: «а брата его Бориса и княгиню его яша руками и въ Тфери умориша, а Кончака ведоша на Тферь, и умре тамо» (ср. Новгородскую 4-ю).

ГЛАВА XIX

МОСКОВСКО-АКАДЕМИЧЕСКИЙ СПИСОК СУЗДАЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Летописный свод, содержащийся в рукописи б. Московской духовной академии под № 5/182, XV в., близко родственен Радзивиловской, а также и Лаврентьевской летописи. Мы предпочитаем рассмотреть его здесь, после изучения московско-новгородских сводов XV в., в виду несомненного влияния, оказанного на его текст, со стороны Софийской 1-й летописи, а также наличия общего источника между ним и Новгородской 4-й, с другой.

В Московско-академическом списке резко выделяются три части: первая, родственная Радзивиловской летописи, доводит рассказ до 6714 (1206) г., оканчиваясь, как и Радзивиловская, сообщением о кончине Марии, жены великого князя Всеволода Юрьевича;[1] вторая, начинаясь с известия 6713 г. о присылке Всеволодом сына своего Константина в Новгород, доводит рассказ до 6745 г., до рассказа о взятии Батыем Козельска включительно; третья обнимает события от 6745 г. (первое известие о вокняжении на великокняжеском столе Ярослава Всеволодича) до октября 6927 (1418) г. включительно.

Вторая часть отличается от первой тем, что не находит себе соответствия в Радзивиловской: источник, откуда она заимствована, ясен — это Софийская 1-я летопись в первой ее редакции (списки К. О.). Текст Софийской 1-й передан вплоть до последней статьи 6746 г. точно с описками оригинала и без всяких сокращений. Только известие 6729 г. («Выгнаша новгородци князя Всеволода Мьстиславича изъ Новагорода») перенесено в самое начало 6730 г., а 6729 г. оставлен пустым; кроме того, перед рассказом о Калкской битве опущено название 6732 г., а вместо него вставлены слова: «Того же лѣта побіша татарове князей русскихъ»; наконец, под 6748 г., после «мѣсяца февраля 25» опущено «на память святаго отца Тарасия». Больше отличий оказывается в статье 6746 г.: здесь после слов: «Си злоба ключися мѣсяца марта въ 4 день» опущено: «въ четвергъ четвертые недѣли поста»; далее после «и многое множество народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испущающе, оставше таковаго утѣшенія» опу-

[1] За нимъ, какъ и въ Радзивиловской, по ошибке записаны некоторые события 6711 г., а также события 6712 г. и некоторые события 6713 г.

щен обширный отрывок «Видяще же, възлюбленіи, сію суету житія человѣка. . . тѣм же не погрѣши надежа, его же просяше у бога: господи! спаси любящихъ тя»; наконец, сокращена похвала Василько Константиновичу: вместо отрывка «а кто ему служилъ, а хлѣбъ его ѣлъ. . . на отнѣ столѣ и дѣднѣ» читаем «а кто ему служилъ, тотъ не можаше его забыти и до смерти».

Третья часть отличается от двух первых самым характером изложения: вместо длинных и обстоятельных сообщений находим здесь краткие известия в 2—3 строки. За исключением некоторых летописных статей второй половины XIV в. (1368, 1371 и сл.), размер остальных не превышает 5—7 печатных строк. От соседней, второй части третья отличается еще тем, что ничего общего с источником второй — Софийской 1-й летописью — не представляет. Но за то обнаруживается ее связь с Новгородскою 4-ю. Начиная с известия 6749 г.: «Родися Ярославу сынъ Василій», находим в Московско-академич. списке ряд общих, дословно совпадающих с текстом Новгородской 4-й, известий.[1] Обратим при этом внимание на следующие обстоятельства. Известия, общия Суздальской летописи с Новгородскою 4-ю, в целом ряде случаев изложены в первой обстоятельнее, чем в последней: так, напр., известию 6798 г. Новгородской 4-й об освящении на Устюге церкви, известию, соединенному в ней с известием об освящении церкви Спаса в Твери («а в Устюзѣ святая богородиця»), в Суздальской летописи соответствует отдельное и более обстоятельное известие: «Священа бысть церковь святыя богородица на Устюзѣ, Тарасьемъ епископомъ, при князи Дмитрии»; подъ 6777 г. в Суздальской летописи: «Преставися Дмитрей Святославичь, постригся и въ скыму отъ Игнатья, епископа Ростовьскаго», а в Новгородской 4-й: «Преставися Дмитрей Святославичь», и др. Далее: в Суздальской летописи оказывается много однородных с приведенными известий, не внесенных в Новгородскую 4-ю.[2] Наконец, некоторые из

[1] Приведу примеры. Подъ 6757 г. «преставися Володемеръ Костянтиновичь Углечьскый». Под 6760 г. «преставися Святославъ Всеволодичь». Под 6761 г. «Родися Борису Василковичю сынъ Дмитрей». Под 6763 г. «родися Борису сынъ Костянтинъ». Под 6765 г. «Глѣбъ приде отъ Кановичь» (Новгородская 4-я); «Глѣбъ пріѣха изъ Кановы земли». Под 6771 г. «Родися Глѣбу сынъ Михаилъ». Под 6793 г. «Тогоже лѣта заложена бысть церкви святаго Спаса на Тфѣри». Под 6801 г. «Сѣде на Костромѣ. . . и много зла створиша в русской земли». Под 6823 г. «Пріиде из Орды. . . много зла створіша». Под 6826 г. «поидоша въ Орду князь Юрьи и Михайло. Тогда же убиша в Ордѣ князя Михаила Ярославича, и везоша его на Москву». Под 6829 г. «моръ бысть на люди и на кони». Под 6830 г. «пріде изъ Орды. . . а Ярославль пожгоша мало не весь»; ниже: «тое же зимы пріде изъ Орды князь Дмитрей Михайловичь на великое княженіе». Под 6837 г. «Заложены быша двѣ церкви на Москвѣ, Иоанъ Лѣствѣчнікъ и Петра апостола». Под 6839 г. «Преставися князь Федоръ Васільевичь Ростовъскый». Под 6842 г. «Создана бысть церкви святаго Михаила на Москвѣ, единого лѣта». Под 6904 г. «Поставленъ бысть Григорий епископъ Ростову, мѣсяца марта 19, индикта 4».

[2] Напр., под 6756 г.: «Оженися Борисъ Василковичь у Муромъскаго Ярослава». Под 6759 г.: «Поѣха Глѣбъ на Бѣлоозеро, въ свою отчину», и т. д.

общих известий изложены в Новгородской 4-й с явными ошибками, как, напр., известие 6757 г. «тое же зимы усне Василей Ярославичь», вместо «Василей Всеволодичь Ярославъскый». Отсюда заключаем, что источником третьей части Суздальской летописи нельзя признать Новгородскую 4-ю. Но по тем же основаниям нельзя допустить пользование Суздальскою летописью со стороны составителя Новгородской 4-й: в этой последней ряд известий, общих с Суздальскою летописью, изложен обстоятельнее, причем во многих таких случаях мы не имеем основания говорить о влиянии на Новгородскую 4-ю какого-нибудь дополнительного источника. Так, под 6827 г. читаем: «а Кончака и Юрьеву княгиню съ Тфери въ Ростовъ», в Суздальской: «а Юрьеву княгиню съ Твѣри въ Ростовъ» (Копчака — это имя Юрьевой жены); под 6807 г. при известии о смерти Феодора Ярославского указан день его смерти — 19 сентября; под 6809 г. при известии о буре в Ростове указан день 6 июля; под 6839 г. при известии о смерти князя Феодора Васильевича Ростовскаго указан день — 28 марта, и т. д. В виду этого надо признать, что сходство между Суздальскою и Новгородскою 4-ю летописями зависит от пользования общим источником. Мы определяли этот источник в главе, посвященной Новгородской 4-й летописи, как Ростовский владычный свод. Здесь имеем возможность подтвердить наше определение, доказав, что третья часть Суздальской летописи восходит именно к Ростовскому своду. Но сначала обращаем внимание еще на следующее обстоятельство.

В числе известий, общих Суздальской и Новгородской 4-й летописи, одни находят себе соответствие в Софийской 1-й летописи, а другие — нет. Так, общими с Софийскою 1-ю и Новгородскою 4-ю оказываются, напр., известия 6785 г.: «Преставися Борисъ Василковичь в татарехъ. Дмитрій же съ материю принесе тѣло отця своего в Ростовъ. А князи вси поидоша на Ясы»; 6786 г.: «преставися князь Глѣбъ Василковичь, и сѣдоша в Ростовѣ Борисовичи Дмитрей и Костянтинъ»; 6789 г.: «Рать бысть на великого князя Дмитрея. . . и села Переяславьская и Ростовьская пограбиша»; 6791 г. «князь великый Дмитрій приде отъ Ногуя, и смирися съ братомъ съ Андрѣемъ, а Семена убиша»; 6791 г. (а в Софийской 1-й и Новгородской 4-й 6793 г.): «преставися Романъ Володимирічь Углечьскый»; 6793 г.: «приведе князь Андрѣй царевіча. . . а бояры Андрѣевы изыма»; 6794 г.: «Дмитрей и Костянтинъ раздѣлиста себѣ отчину свою. . . а Дмитрию сынъ Михайло»; 6796 г.: «преставися Игнатей епископъ Ростовъскый» (Софийская 1-я и Новгородская 4-я прибавляютъ: «великій чюдотворець»); 6798 г.: «бысть знаменіе въ лунѣ. . . и поможе богъ Тогтѣ»; 6802 г.: «преставися князь Дмитрей Борисовичь Ростовьскый, и по немъ сѣде братъ его князь Костянтинъ Борисовичь»; 6803 г.: «князь великый Андрѣй иде въ Орду и съ княгинею»; 6805 г.: «князь Александръ Глѣбовичь взя лестію княженіе Смоленьское подъ отцемъ своимъ»; 6809 г.: о бурѣ въ Ростовѣ; 6807 г.: о смерти Феодора Ярославскаго; 6815 г.: «преставися въ Ордѣ князь Костянтинъ Борисовичь»; 6818 г.: «родися князю Василью Костянтиновичю (Новгородская 4-я и Софийская 1-я прибавляют: «Галицкому») сынъ Федоръ»;

6824 г.: «пріиде из Орды князь Василей Ростовъскый, а с нимъ послы Сабанчи и Казапчий» (Софийская 1-я и Новгородская 4-я прибавляют: «и много зла сътвориша Ростову»); 6833 г.: «Поиде въ орду князь Дмитрей Михайловичь»; 6834 г.: «Родися князю Ивану Даніловичю сынъ Иванъ . . . декабря 20»; 6835 г.: «тогда убиша князя Ивана Ярославичя Рязаньскаго»; 6868 г.: «Убиша царя Навруса и по немъ сѣде (этого начала нет в Софийской 1-й и Новгородской 4-й) Ходырь, и да княженіе великое Дмитрию Суждальскому и коемуждо князю отчину свою»; 6869 г.: «тогда же ограбиша князей Ростовъскыхъ в Ордѣ»; 6872 г.: «Князь Костянтинъ поеха на Устюгъ»; 6893 г.: «мѣсяца марта 25, на благовѣщение святыя богородица (этого начала нет в Софийской 1-й и Новгородской 4-й, см. 6894 г.) князь Олегъ Рязаньскы взя градъ Коломну», и др.

Напротив, другие известия, общие Суздальской и Новгородской 4-й летописи, не находят себе соответствия в Софийской 1-й. Сюда относятся, напр., перечисленные выше в последнем примечании главы XIV. Мы знаем, что общие известия Софийской 1-й и Новгородской 4-й восходят к своду 1448 г. Следовательно, заключаем о близости Суздальской летописи, с одной стороны, к своду 1448 г., а с другой — к Новгородской 4-й летописи. Близость к последней мы, в согласии с предыдущим исследованием, объяснили наличностью общего источника у составителя Новгородской 4-й и у составителя Суздальской. Близость Суздальской к своду 1448 г. мы объясняем так же, т. е. что составитель свода 1448 г. и Суздальской пользовались одним общим источником: но для Суздальской, как мы знаем, источником был Ростовский владычный свод. Неминуемый отсюда вывод, что тот же свод оказал влияние на свода 1448 г., находит себе полное подтверждение в главе X, где третий источник свода 1448 г. был определен нами, как Ростовский владычный свод. Итак, интересующим нас сводом, из которого извлечена третья часть Суздальской летописи, воспользовался сначала составитель свода 1448 г., а потом составитель Новгородской 4-й; мы предположили в гл. XIV, что составителю Новгородской 4-й Ростовский свод был известен в другой, более поздней, редакции, чем составителю свода 1448 г. Одна из редакций Ростовского свода, заключали мы на основании перечней ростовских епископов под 6904 г., относится ко времени архиепископа Григория (1396—1416), а другая — ко времени архиепископа Ефрема (1427—1454). Ставим вопрос, можно ли действительно признать свод, из которого извлечена третья часть Суздальской летописи, Ростовским владычным сводом, и если можно, то из какой именно редакции его — Григорьевской или Ефремовской?

Третья часть Суздальской летописи содержит ряд указаний на то, что она извлечена именно из Ростовского свода. Большая часть известий ее имеет прямое или косвенное отношение к Ростову и ростовскому княжескому дому. Мы читаем здесь о кончине и поставлении ростовских епископов (с 1262 г., когда умер Кирилл и поставлен Игнатий, ошибочно названный в Суздальской летописи Иоанном, и по 1396 г., когда поставлен Григорий), о буре в Ростове (1301 г.), о том, что в Ростове разбились два коло-

кола (1305 г.), о море в Ростове (1365 г.), о пожаре ростовском (1408 г.), об окончании храма в Ростове (1411 г.); тщательно отмечаются известия о рождении, женитьбе, кончине членов ростовского княжеского дома. (ср. под 1248 г. о женитьбе Бориса Васильковича и затем ряд подобных известий до известия 1415 г. о кончине князя Константина Владимировича Ростовского и 1419 г. о кончине Анастасии, жены Константина Дмитриевича, бывшей, как кажется, дочерью Константина Ростовского); сообщаются сведения о городах Ростовского княжества и ростовской епархии (под 1290 г. об освящении церкви в Устюге, под 1205 г. о поездке владыки Тарасия на Устюг, под 1314 г. о поездке на Устюг князя Константина Васильевича, под 1416 г. закладка града в Костроме, под 1293 г. вокняжение в Костроме Ивана Дмитриевича, под 1322 г. сожжение Ярославля и т. д.). Правда, при этом сообщаются и общерусские известия, но замечательно, что некоторые из них излагаются в редакции, обличающей жителя Ростова или вообще Суздальской области. Так, под 6791 г. читаем: «Поставленъ бысть Максімъ митрополитъ Суздалю», между тем как в других летописях: «поставленъ бысть на Русь» (Софийская 1-я, Новгородская 4-я и др.). Под 6793 г.: «приеха митрополитъ Максимъ Суздалю», между тем как Новгородская летопись под тем же годом сообщает о прибытии Максима в Новгород (Новгородская 1-я). Во всяком случае ясно, что в интересующем нас своде ростовские события были соединены с общерусскими, и что он соединил Ростовскую летопись с общерусскою, извлеченною, вероятно, из митрополичьего свода. Определяя время составления Ростовского свода, мы принимаем во внимание следующие обстоятельства: во-первых, последнее извлеченное из него в Суздальскую летопись известие относится к 6927 (1419) г.; во-вторых, последние известия Суздальской летописи принадлежат по происхождению своему не Ростову, а Москве (рождение Василия Васильевича, пожар Москвы, прибытие к в. кн. Василию Дмитриевичу князей нижегородских, смерть князя Ивана Васильевича с указанием дня и часа, прибытие в Москву князя Данила Борисовича, отъезд изъ Москвы князей нижегородских). Мы делаем отсюда вывод, что общерусская летопись, использованная Ростовским сводом, доходила по крайней мере до 1418 г. Имея же в виду, что эта общерусская летопись всего вероятнее тожественна с Полихроном 1423 г., заключаем, что составление Ростовского свода относится ко времени после 1423 г. Это ведет нас к предположению, что использованная Суздальскою летописью редакция Ростовского летописного свода тожественна с Ефремовской редакцией, т. е. не с тою, которая оказала влияние на свод 1448 г., а с тою, которая послужила источником для Новгородской 4-й. Действительно, предшествующая — Григорьевская редакция составлена до 1416 г., ибо в этом году скончался Григорий. Данных для предположения редакции времени архиепископа Дионисия (1418—1427) мы не имеем. Между тем на редакцию времени архиепископа Ефрема ясно указывает перечень ростовских епископов в Новгородской 4-й.

Мы называем Ростовский свод владычным. На такой характер его указывает перечень владык в статье 1396 г.; то же доказывается дошед-

шим до нас в Суздальской летописи извлечением. Оставляю в стороне обстоятельные сообщения, относящиеся к смене владык ростовских; они могли бы быть и в княжеской летописи.

Обращаю внимание на то, что характер свода меняется после сообщения о поставлении на владычество Григория. До 1396 г. индикты в нашем извлечении не указываются; начиная с известия 19 марта 6904 г. начинается счет по индиктам (ср. 6913—6920 гг.). Далее в нашем извлечении видим перерыв как раз после известия о поставлении Григория. Не объясняется ли он тем, что известия 6905—6911 гг. содержали местные ростовские известия, показавшиеся мало интересными для составителя Суздальской летописи? Наконец, Григорий называется: «боголюбивымъ епископомъ Ростовскимъ и Ярославским» (1411, 1412).[1] Все это доказывает, как мне кажется, связь Ростовского свода с епископом Григорием, которого я признаю поэтому его составителем или, точнее, заказчиком, основателем. Церковный характер Ростовского свода доказывается и тем, что, начиная с 6912 г., в целом ряде известий о кончине членов княжеского дома сообщается о принятом ими перед смертью монашеском имени («преставися благовѣрный князь Александръ Ростовъскый, нареченый въ мнишьскомъ чину Андрѣй, июня 19», ср. сходные сообщения под 1407, 1409, 1413, 1415 гг.).

Сопоставление заимствований, сделанных из Ростовского свода составителем свода 1448 г., с заимствованиями из него же в Новгородскую 4-ю летопись доказывает полное сходство редакций Григорьевской и Ефремовской в пределах XIII и XIV вв. Действительно, текст третьей части Суздальской летописи находит себе соответствие как в своде 1448 г. (а следовательно в Григорьевской редакции), так и в Новгородской 4-й (а следовательно в Ефремовской редакции). В виду этого, а также и некоторых других указаний, которые мы получили при анализе «Повести временных лет» по Суздальской летописи, заключаем, что Ефремовская редакция в общем повторила Григорьевскую, дополнив ее однако в конце вставками из общерусского летописного свода—Полихрона 1423 г. Подтверждает такой вывод и то обстоятельство, что Ефремовская редакция не переходит, судя по Суздальской летописи, за 1419 г., т. е. за тот приблизительно предел, до которого была доведена Григорьевская редакция. Мы имеем при этом еще одно указание на то, что Ефремовская редакция доводила рассказ только до 1418—1419 г., быть может, именно до 1418 г., когда поставлен был Дионисий: указание это извлекаем из позднейшей редакции Ростовской летописи — Трифоновской, дошедшей до нас в Ермолинском и Уваровском списках; мы видели в главе IX, что в тексте этой редакции часть до 1418 г. включительно резко отличалась от последующей, представляя даже перерыв между 1418 и 1425 гг.; это отличие обеих частей позднейшей редакции Ростовской летописи, основывавшейся, конечно, на Ефремов-

[1] Его предшественник Феодор называется архиепископом Ростовским и Ярославским (1389, 1394). Под 1394 г. в записи о его кончине сказано, что он умер 28 ноября «какъ обѣдню поють».

ской, я объясняю себе так, что Ефремовская доводила рассказ именно до 1418 г.[1]

Подводя итог предыдущему исследованию о Ростовском владычном своде, видим, что он составлен во времена епископа Григория (1396—1416) на основании, во-первых, Ростовской (быть может также владычной летописи) и, во-вторых, общерусского летописного свода в редакции, предшествовавшей Полихрону 1423 г.; во времена владыки Ефрема (1427—1454) он подвергся незначительной переработке и дополнениям по Полихрону 1423 г. (повидимому, из последнего заимствована часть от 1415 до 1418 гг.); впоследствии, уже при владыке Трифоне, Ростовский свод был переработан более основательно по Полихрону 1423 г. и дополнен до современных событий. Составитель Суздальской летописи внес в ее третью часть извлечение именно из Ефремовской редакции, дополнив его припиской о кончине Анастасии, жены Константина Дмитриевича, под 1419 г. Извлечение это местами значительно сократило текст оригинала; особенного внимания заслуживает перерыв под 1397—1403 гг.; но есть перерывы, хотя и не столь значительные, и раньше, напр., 1274—1275, 1279—1280, 1338—1339, 1342—1345, 1348—1351, 1366—1367 гг. Как отмечено выше, составитель Суздальской летописи сокращал иногда самый текст известий, опуская, напр., указания на день сообщенного события. При переписке допущены и значительные ошибки, напр., как мы видели, под 1262 г. епископом вместо Игнатия назван Иоанн; под 1250 г. вместо Кирилла митрополита находим Василия митрополита; под 1389 г. опущены имена двух прибывших вместе с Киприаном греческих митрополитов.

Возвращаемся к первой части Суздальской летописи, наиболее для нас важной, как содержащей «Повесть временных лет», и ставим вопрос, что именно лежит в ее основании — Радзивиловский ли список или протограф с этого списка. Если бы мы могли предположить, что составитель Суздальской летописи, переписывая первую часть своего труда, руководствовался только одним источником, то вопрос разрешался бы сам собой; признать при таких условиях Радзивиловскую за оригинал Суздальской невозможно в виду именно решительно большей исправности Суздальской летописи перед Радзивиловской. Но, допустив сверку текста Радзивиловской летописи с другими сводами, мы могли бы объяснить большую исправность Суздальской летописи как результат именно такой сверки, и тогда не встретилось бы как будто затруднений к признанию Радзивиловской летописи оригиналом первой части Суздальской. В пользу этого говорили бы общие описки, как «рурьскихь» вм. «Русьскихъ» под 6710 г., или «но богъ въ издоменитые (Суздальская летопись: «въ издменитое и») положи совѣтъ ихъ» вм. «въ изумѣнье» под 6633 г., общие пропуски, как эпизод в сражении под Киевом под 1151 г., когда Андрей был оста-

[1] В таком случае известие 1419 г. о кончине Анастасии, жены Константина Дмитриевича, надо будет признать припиской, сделанной составителем Суздальской летописи.

новлен от преследования отступавших неприятелей Половчином, и ниже о распоряжениях Андрея на поле битвы («зане бѣ старѣй. . . дружину свою»), еще ниже об уходе Андрея от отца в Суздаль («Андрѣй же рече . . . волость Володимерю»); ср. еще обширный пропуск в конце статьи 6662 г. и в большей части 6663; обширный пропуск об епископе Ѳедорце под 6677 г., и т. д. Но тем не менее я не признаю вероятным, чтобы Радзивиловская служила оригиналом для Суздальской: думаю, что такое допущение не объяснило бы нам, почему Суздальская летопись, руководствуясь другими вспомогательными источниками, не переработала текста Радзивиловской гораздо основательнее того, что видим на деле. Так, под 6713 г. Радзивиловская опускает указание дня кончины княжны Елены Всеволодовны: «мѣсяца декабря въ 30, на память святаго апостола Тимона»; если допустить, что в Суздальской это указание восстановлено на основании вспомогательного источника, то непонятно будет, почему она не делает фактических вставок в текст Радзивиловской в других местах и, напротив, сама иногда сокращает его.[1] Невероятно также, чтобы Суздальская летопись вставила слова «Кумани, рекше половци» после «побѣжени быша иноплеменници» под 6693 г., и др. В виду этого считаю, что близость Суздальской и Радзивиловской летописи зависит от следования тою и другою общему оригиналу, местами искаженному в Радзивиловской и более точно переданному в Суздальской. Отличие Суздальской от Радзивиловской могут быть объяснены большею исправностью передачи общего оригинала в первой из них не во всех случаях, где они имеются.[2] Некоторые отличия зависят от ошибок при переписке Суздальской,[3] а другие от умышленных исправлений со стороны ее редактора.[4] Но некоторые поправки в Суздальской летописи ведут нас явно к вспомогательным источникам. Так, под 6683 г. в Радзивиловской, согласно с Переяславской, читаем: «п о в а б л е н ъ Ростиславичи», между тем как в Суздальской, согласно с Лаврентьевской и Ипатьевской «погрáбленъ»; под 6684 г. в Радзивилов-

[1] Напр., под 6623 г. опущено: «в день суботный а въ 2-й день».

[2] Ср. «отда» как в Лаврентьевской, вм. «одаша» под 6650 г.; «чинити гати», как в Лаврентьевской, вм. «чинити рати»; «Лазаря», как в Лаврентьевской, вм. «заря» под 6656 г.; «дивно», как в Лаврентьевской, вм. «хитро и дивно» под 6659 г.; «изъ многыхъ земль» вм. «изъ умныхъ земль» под 6668 г.; «Посулцемъ» вм. «Полцемъ» под 6646 г.; «Куцьковь» вм. «Курковъ» под 6683 г.; «сама создáла» вм. «самъ создалъ» под 6714 г.

[3] «в Черновѣ» вм. «Черниговѣ» под 6662 г.; «берестовци и с суждалци» вм. «ростовци и суждалци» под 6665 г.; «натукнути на нь прелюбиицу» вм. «натъкнути на нь прилбицю» под 6677 г.; «посилѣ» вм. «посли» под 6684 г.; «с полкомъ» вм. «с поклоном» под 6688 г.; «усладишася» вм. «уладишася» под 6694 г.

[4] Напр.: «черньци» вм. «черноризци», как в Лаврентьевской, под 6654 г.; «гоняше» вм. «женяше» под 6661 г.; «иде» вм. «воротися», как в Лаврентьевской, под 6656 г.; «церквей пустых грабя», вм. «церквей грабя» под 6667 г.; «лзѣ» вм. «лѣпо», как в Лаврентьевской, под 6667 г.; «всечестную его матерь» вм. «всечистую» под 6683 г.; «поимаша и повязяша» вм. «повязаша» под 6685 г.; «сотвори полкы» вм. «наряди полкы» под 6693 г.; «а Володимеречи слышавше Рюрика» вм. «лишачеся Рюрика» под 6710 г.

ской, согласно с Переяславской: «яко же на думу на вечье сходятся», в Суздальской, согласно с Лаврентьевской: «...яко же на дому» (что явно ошибочно). Итак мы имеем основание думать, что Суздальская летопись исправляла текст своего основного источника (общего ей и Радзивиловской) по летописи, сходной с Лаврентьевской.

Отношение Суздальской летописи к старшим сводам изображено в следующей таблице:

Табл. 11

ГЛАВА XX

ЛЕТОПИСНЫЙ СБОРНИК АВРААМКИ И КРАТКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СВОДА 1448 г.

(Виленский, Супрасльский, Толстовский I № 189 и Синодальный № 154 списки) *

Сравнивая между собою текст приведенных в подзаголовке памятников, убеждаемся в полном их тожестве (с указанными ниже ограничениями) и в происхождении их от одного общего родоначальника. Кладя в основание нашего сравнения Синодальный № 154, сделаем краткий обзор состава подлежащих нашему исследованию памятников.

Синодальный № 154, XV или начала XVI в., начинается с хронографических статей, обнимающих историю сотворения мира и человека, ветхозаветные события, летопись греческих и римских событий до рождества Христова и после него, — летопись эта доведена до царствования Льва и Александра, при чем вставляет в царствование Михаила и матери его Феодоры полемические статьи против латынян, — краткий летописец, расположенный по соборам, «бытіе родовомъ отъ Адама до рождества Христова», «о пророцѣхъ», «сказаніе роженіа господня» и сообщение о сотворении грамоты греческой; оканчивается эта хронографическая часть словами: «Всѣхъ же лѣтъ отъ Адама до крещения рускаго 6000 и 400 и 60 и 9». Значительная часть содержания этой хронографической части основывается на Палеѣ. За приведенной фразой, ошибочно определяющей год крещения Руси (6469 вм. 6496), следует заглавие «Начало рустѣи земли» и далее — текст интересующего нас памятника, начинающийся с рассказа о расселении славян («И бысть языкъ словеньскый отъ племени Афетова нарицаеміи Норици»). После краткого изложения событий до начала XIV в., видим более подробный рассказ, тожественный, начиная с последнего известия 6817 (1309) г., известия о поставлении архиепископа Давыда, с Новгородскою 5-ю летописью и оканчивающийся, как она, известием 1446 г. о высокой цене ржи в Новгороде («В томь же лѣтѣ ржи коробья по полтини бысть»). Засим следует с л. 154 так наз. Псковская вторая летопись [1] без окончательных листов, утраченных рукописью, с л. 225

* *Заметка А. А. Шахматова на полях рукописи:* Много изменить в виду моей рецензии на [диссертацию Н. М.] Каринского.

[1] Издана в первой половине V тома Полного собрания русских летописей.

росписи (без начала) русских князей, митрополитов и новгородских владык и, наконец, с л. 234 текст Александрии, особой редакции.[1] Для определения времени составления всего сборника, а также и подлежащей нашему исследованию летописи, укажем, что Псковская летопись доведена до 1486 г., причем, как указано, она продолжалась и далее, но утратила свое окончание; в росписях отметим, что родословие великих князей оканчивается перечнем сыновей Василия Васильевича (названы: Иван, Андрей, Борис и Юрий; из них младший Борис родился в 1449 г.), перечень митрополитов оканчивается Герасимом, новгородских епископов — именами Ионы, Феофила, «его же сведе съ святительства на Москву князь великій Іоанъ Васильевичь», Сергия (последний хиротонисован в 1483 г.); перечень князей Великого Новгорода оканчивается словами: «потомь Дмитрій Ивановичь, и посемь сынъ его Василій».[2]

Подлежащая нашему исследованию летопись, доведенная до 1447 г., заключается таким образом в сборнике, составленном в конце XV в.; замечательно, что в перечне владык новгородских, интересовавшем, конечно, и псковитянина (в псковском происхождении сборника не может быть сомнения), не назван Геннадий, поставленный архиепископом в конце 1484 г. Отметим, что текст летописи, доведенной до 1447 г., внешним образом распадается на две части под 6890 (1382) г.: первая оканчивается на л. 105 об. словами: «и пакы другыа соуще купца въ градѣ иже соуть богатіи людіе, храмины ихъ наполнени всякого добра», вторая продолжается после пробела в $1^1/_2$ столбца словами, непосредственно продолжающими только-что приведенную фразу: «различнаго; тая же вся часомъ пограбишя и расхытиша и многи монастыря разориша». Можно думать, что такое же внешнее деление наблюдалось в протографе Синодального № 154, ибо, как увидим, списки Супрасльский и Толстовский передают только первую половину летописи, оставляя без внимания вторую. Этот протограф был сильно сбит и имел перепутанные листы: вследствие этого в Синодальном списке видим в нескольких местах вычеркнутый киноварью, как не у места написанный, текст. Так, под 6848 г. после слов «и не въсхотѣша чернь» вычеркнуто несколько строк, очевидно потому, что непосредственное продолжение текста[3] попало по ошибке под 6830 г. после слов: «и поиде на Низъ, и новоторжьци много молиша новгородцевъ»,[4] где, впрочем, зачеркнуто киноварною чертою. Так, под 6851 г. после «Того же лѣта ходи митрополитъ Феогностъ в орду к царю поганому Женебѣку за при[четъ церковный]», читаем: «городы, а князь Наримонтъ Гедимоновичь нареченый въ святѣмь

[1] Ср. В. М. Истрин. Александрия русских хронографов.

[2] Об этих росписях скажем ниже.

[3] Слова «и видѣвше что не боудеть отъ Новагорода рати... выимаша оу воеводъ намѣстники».

[4] Читайте: «и поиде на Низъ и много моли новгородцевъ»: «новоторжьци» попали сюда по ошибке; приведенную в предшествующем примечании фразу читайте: «новторжьци видѣвше» и т. д.

крещеніи Глѣбъ и тотъ ходи на пригороды, что ему ркли въ Литвѣ и целова крестъ»; — слова, относящиеся к статье 6841 г. и потому впоследствии зачеркнутые киноварью.[1]

Толстовский список I. № 189, XV в., в начале содержит хронограф особого состава, сходный, но далеко не тожественный с известными видами Еллинского летописца; начальных листов в хронографе недостает. Он оканчивается кратким обзором царствования Романа. После слов «в лѣто 6454 Романъ царь оумре», читаем: «Въ того царство початъ бысть писати лѣтописець рускый, откуду и како нача быти земля руская». Далее следует «Начало рустѣи земли. И бысть языкъ словеньскыи отъ племене афетова, наріцаеміи норіці», т. е. текст летописи, сходной с только-что рассмотренною. Оканчивается словами: «храмины ихъ наполнены всякаго добра», т. е. содержит только первую половину летописи, внешним образом разделенной в Синодальном № 154 (и его протографе) на две части. За приведенными словами следует заглавие: «Начало рускыхъ князей руского княженья» и далее краткая выборка из Новгородской 5-й летописи; выборка обнимает события 6370 г. (призвание князей) — 6969 г. (смерть владыки Евфимия, вм. 6966 г.). К ней приписаны три кратких известия: 6791 г. о взятии Царяграда, 6991 (1482) г. о взятии Киева 1 сентября перекопскими татарами и 6999 (1491) г. о солнечном затмении 8 мая. Позднейшая приписка на обороте последнего листа доказывает западное или югозападное происхождение сборника.[2] Отмеченная нами выше неисправность протографа Синодального № 154, бывшего протографом и нашего списка, имела следствием путаницу в изложении событий. Она начинается после известия 6830 (1322) г. о смерти князя Афанасия Даниловича и погребении его в монастыре Спаса в Нередицах. Непосредственно за этим известием изложены события 6849—6851 гг., а за сим события 6842—6848 гг.;[3] затем читаем окончание статьи 6830 г. (слова «дабы проводіли и бывшему ему на Оурдомѣ ... и отъидоиша не вземше»), и далее события 6831—6841 гг.;[4] после этого следуют события 6852—6875 гг.,[5] события 6876—6879 гг.[6] и, наконец, события 6880—6890 гг. Неисправность протографа сказалась и в многочисленных пропусках: так, опущен ряд событий 6830 г.,[7] опущены

---

[1] Из приведенных примеров видно, что составитель Синодального № 154 старался сблизить текст перепутанных листов: после слога п р и (причетъ) выписан текст начинающийся с «городы», но подлежавший быть переписанным после слога п р и (пригороды) в другом месте.

[2] «Жидовъская погибель Христосъ воскресе, а хрестьяномъ дай, боже, доушное збавенье, а живымъ жидомъ дай, боже, абы николи что не мели отъ пановъ и отъ людей, а хрестьяномъ дай, боже, на здоровье отъ бога милосердье, а отъ пановъ ласкоу».

[3] Которые названы 6852—6858 годами.

[4] Которые названы 6861—6871 годами.

[5] Которые названы 6872—6895 годами.

[6] Они названы 6886—6889 годами.

[7] Вспомним, что под 6830 г. оказывается неисправным и Синодальный № 154.

события в конце 6851 г.,[1] причем последние из них об окончании Благовещения на Городище и освящении его помещены по ошибке в конце 6841 г. В части от 6627—6817 (1119—1309) гг. видим ряд пропусков сравнительно с Синодальным № 154, но эти пропуски зависели не от неисправности протографа, а от желания редактора выпустить не так интересные, по его мнению, события.[2]

Супрасльский список принадлежит б. Московскому Главному архиву министерства иностранных дел и хранится там под № 26—70. Относится к первой половине XVI в. Содержит в начале (на лл. 1—59) летопись нас интересующую, оканчивающуюся, так же как в Толстовском списке, словами «храмины ихъ наполнены всякого добра», а затем, под заглавием «Начало роускыхъ князей роуского княженья», ту самую выборку из особой редакции Новгородской 4-й, о которой мы сказали несколько слов выше при описании Толстовского списка. Выборка заключает в себе события 6370—6969 гг. и продолжена известиями 6961 г. о взятии Царяграда, 6991 г. о взятии Киева 1 сентября перекопскими татарами (ср. те же известия в Толстовском списке), после чего читаем ряд южнорусских известий 6989—7008 гг.,[3] и затем, после известия 6957 г. о взятии Царяграда, еще несколько южнорусских и западнорусских известий 6991—7023 гг.; в конце подробно описана победа Константина Острожского над войсками московского великого князя 1515 г. Рукопись оканчивается записью 7052 (1543) г. о посещении Сигизмундом Августом Супрасльского монастыря в день 11 сентября. Уже из сделанного обзора содержания Супрасльского списка выясняется его ближайшая связь с Толстовским списком: отметим еще полное тожество текста исследуемой нами летописи по Супрасльскому списку с текстом Толстовского списка; те же пропуски и перестановки известий, та же путаница в названиях годов, те же сокращения в части от 6627 до 6817 гг. Имея в виду более первоначальный состав статьи «Начало роускыхъ князей роускаго княженья» по Толстовскому списку, сравнительно с Супрасльским, явно дополненным южными и западнорусскими известиями, я признаю Толстовский список если не протографом Супрасльского, то более исправной копией с общего обоим спискам протографа.[4] Супрасльский список издан в 1836 г. М. А. Оболенским под загла-

---

[1] Вспомним, что и под этим годом неисправность в Синодальном № 154.

[2] Так, опущены под 6627 г. о закладке церкви Георгия в монастыре, под 6638 г. о поточении полоцких князей, под 6639 г. о смерти Мстислава и вокняжении Ярополка, под 6643 г. о закладке церкви богородицы и о битве на Ждане горе, под 6646 г. о вокняжении Всеволода Ольговича, под 6663 г. о том, что Юрий посадил сына своего Андрея «на Володимери и на Суждали», под 6665 г. о поставлении во Владимире церкви Георгия, под 6666 г. о Леонтии, епископе Ростовском, и мн. др.

[3] Среди них под 6994 (1486) г. о присоединении к Москве Тверского княжества, под 6999 г. (повторенным второй раз) известие о затмении, которое есть и в Толстовском списке.

[4] Здесь скажу несколько слов о выборке летописных известий, помещенной во второй части Супрасльского списка и названной М. А. Оболенским «Краткою

вием: «Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи».

Виленский список представляет собой обширный сборник, носящий название Летописи Авраамки, на основании приписки, находящейся в конце его перед особой западнорусской летописью: «В лѣто 7003 написана бысть сіа книга, глаголемый лѣтописець, во градѣ Смоленсцѣ, при дръжавѣ великого князя Александра, изволениемъ божіемъ и повелѣніемъ господина владыки епископа Смоленъскаго Іосифа, рукою многогрѣшнаго раба божіа Авраамки». Сборник принадлежал Виленской публичной библиотеке и издан в XVI т. Полного собрания русских летописей . В первой части сборника помещены хронографические статьи и за ними, после заглавия: «Начало рустіи земли», летопись, составляющая предмет нашего исследования: рассмотрение текста хронографических статей и летописи убеждают в полном сходстве первой части сборника Авраамки с рассмотренным выше Синодальным списком № 154, но сходство прекращается после известия 1446 г. о высокой цене ржи в Новгороде; на этом известии оканчивается, как мы видели, Синодальный список, в согласии с Новгородской 5-ю, между тем в сборнике Авраамки летопись, не изменяя своего новгородского характера, продолжена рассказом о событиях 1446 и следующих годов до 1469 г. включительно. Во второй части сборника находим отрывок из Новгородской 4-й летописи в пределах от 6453 г. («Въ лѣто

Кіевскою лѣтописью отъ начала земли русской до 1516 года». Сравнивая текст этой выборки, во-первых, с отмеченною выше выборкою в Толстовском списке, во-вторых, с подобною же выборкою, помещенною на лл. 235—242 сборника Погодинского собрания № 1570, XVI в., видим, что общим всем трем редакциям оказывается текст, содержащий выборку до 6969 (1461) г. В Толстовском списке приписаны известия 6971, 6991 и 6999 гг. В Супрасльском, кроме того, ряд известий от 6989 до 7008 г., затем известие 6957 и известия 6991, 6999, 7023 гг. Обращаясь к основной части, к выборке 6370—6969 гг., видим, что она восходит к Новгородской 5-й летописи: это доказывается, с одной стороны, тем, что почти весь текст выборки находит себе соответствие в Новгородской 4-й и Новгородской 5-й летописи, а с другой, что некоторые особенности его ведут нас именно к Новгородской 5-й, напр., под 6374 г. читаем: «бысть въ Цариградѣ царь Михайло и мати его благовѣрная Ѳеодора»; так в Новгородской 5-й, между тем во всех списках Новгородской 4-й «Ирина»; в родословной статье под 6523 г. «боголюбивый» вм. «Боголюбскій»; под 6856 г. читаем: «Орѣховьщина» (ср. в Новгородской 5-й: «а се Орѣховьщина»); под 6911 г.: «дроугаго князя Александра Михаиловича», чего нет в Новгородской 4-й (IV т., стр. 108), но есть в Новгородской 5-й (IV т., стр. 144). Впрочем в выборку из Новгородской 5-й сделаны вставки из Новгородской 4-й. Выборка сделана смольнянином: это видно из того, во-первых, что смоленским событиям отведено видное место, напр., под 6608 г. о закладке богородицы в Смоленске, под 6563 г.: «нача княжити в Киевѣ Изяславъ Ярославичь, а Вячеславь въ Смоленьскоу», под 6738 г. о смерти князя Смоленского Мстислава Давыдовича и о голоде в Смоленске; во-вторых, это видно из вставок, обличающих жителя Смоленска: так, под 6942 г. в известие о поставлении Новгородского Евфимия в Смоленске митрополитом Герасимом прибавлено: «при великомъ князи Литовскомъ Швитригайлѣ»; под 6909 г. после слов «а намѣстника Витовтова князя Романа убиша» — дело идет о Смоленске — прибавлено: «кишкоу бо с хлѣбомъ елъ»; наконец, под 6673 г., после

6453 присла Романъ и Стефанъ слы ко Игореви построити мира перваго») до 6496 г. включительно (оканчивается известием о крещении Словенской земли и построении Владимира на Клязме: «и вси люди крести русьскыя и намѣстницы»). Третья часть сборника начинается статьями: «Сице родословятся великыи князи рустіи» и «А се имена всѣхъ сыновъ князей рускыхъ»; за ними следует «Правило законно о церковныхъ людехъ и о десятинахъ и о мѣрѣлѣхъ градскыхъ и о судѣхъ епископьскыхъ» и засим ряд юридических статей, оканчивающийся «Рукописаніемъ князя Всеволода». Засим помещена вновь, но уже в другой редакции, статья: «Сице родословятся велицѣи князѣ роустѣи» и далее несколько родословных и хронологических статей (см. ниже). За перечнем новгородских владык читаем «Повѣсть о Тфѣрьскомъ владыцѣ конечна» (ср. Новгородскую 4-ю под 6917 г.) и длинное послесловие составителя «лѣтописца» Авраамки. В четвертой и последней части помещена «Лѣтопись великихъ князей литовскихъ».

Остановлюсь несколько подробнее на третьей части сборника. Как отмечено и в предисловии к XVI тому, эта часть сборника близко сходствует с приложениями к Комиссионному списку Новгородской 1-й: действительно, юридические статьи, начиная с «Правила законна» и кончая «Рукописаніемъ князя Всеволода», читаются в той же редакции и в том же порядке в конце Комиссионного списка (лл. 259—298); следующие же затем родословные и хронологические статьи, начиная с «Сице

известия о смерти Ростислава Мстиславича (было ли оно в Новгородской 5-й?) прибавлено: «Сіи Ростиславъ Мьстиславьличь наречень въ святомь крещеніи Михаилъ, вноукъ Владимера Монамаха, святоую богородицю строилъ въ Смоленьсцѣ марта 21». Других фактических вставок в текст выборки мы не заметили, кроме, впрочем, более подробного описания солнечного затмения 7 июня 6923 г.: «въ 3 часъ дне и пріидоша до получаса и пакы милосердый господь свѣтъ намъ дарова». Кроме того, под 6385 г. в перечне сыновей Ольгерда опущен Коригайло, а вместо него названы: «князь Семеонъ, князь Кербоутъ дроугій». Наконец Святославу дан эпитет легкий: «сынь же бысть оу Игоря Святославь Легькый»; и это, думаю, восходит к основному списку Новгородской 5-й. Итак, мы заключаем отсюда, что во второй половине XV в. в Смоленске оказался экземпляр Новгородской 5-й летописи, доведенной, как мы знаем, до 1447 г., но дополненной еще записью о смерти архиепископа Евфимия 6958 (почему-то отнесенной к 6961 г.), которая, заметим кстати, не тожественна с записью других Новгородских летописей (напр., Синодального и Строевского списков Новгородской 4-й, Летописи Авраамки). Основная часть выборки в одном месте подверглась распространению в Супрасльском списке, а именно в родословной росписи под 6523 г.: в Толстовском и Погодинском она доходит до перечня сыновей Ивана Ивановича (как в Новгородской 4-й и Новгородской 5-й), а в Супрасльском списке она продолжена именами Василия Дмитриевича, Василия Васильевича («Василей Слепый»), Ивана Васильевича («Иванъ Великый самодеръжець всея земли роуское, тесть князя великаго Александра Литовьскаго») и перечнем сыновей Ивана Васильевича: Ивана («за тымъ Волоскаго дочька Стефанова»), Василия, Юрия, Дмитрия, Симеона, Андрея; последним назван «Ивановъ сынъ Дмитрій». Нельзя ли заключить, что дополнение это сделано между 1495 (женитьбой Александра Литовского на Елене Ивановне) и 1505 (смертью Ивана Васильевича)?

родословятся великѣи князѣ рустѣи» и до перечня владык новгородских, находят себе полное соответствие в статьях, читающихся в начале Комиссионного списка (лл. 1—16);[1] лишь в одном месте находим фактическое дополнение: статья «Родословіе тѣх же князѣй русскыхъ» в Комиссионном списке оканчивается перечнем сыновей Василия Дмитриевича,[2] а в сборнике Авраамки назван еще сын Василия Васильевича — Иван (род. в 1440 г.). В противность этому статья «Сице родословятся велицѣи князѣ роустѣи» оканчивается в сборнике Авраамки так же, как в Комиссионном списке, именем в. кн. Василия Васильевича, перечень князей новгородских именем Василия Дмитриевича, перечень митрополитов именем Герасима, наконец, перечень новгородских владык именем Симеона. В этом третьем отделе имеются, как мы видели , еще три статьи, не находящие себе соответствия в Комиссионном списке — это «Повѣсть о Тфѣрскомъ владыцѣ конечнаа», а также статьи «Сице родословятся» и «А се имена всѣхъ сыновъ князей рускыхъ» в иной редакции, чем та, которую мы только что рассмотрели. Первая из этих статей сокращает текст более древней редакции, но продолжает ее словами: «Василій роди Іоанна»; вторая оканчивается перечнем сыновей Василия Дмитриевича (как и в Комиссионном), но в числе сыновей Дмитрия Ивановича называет на первом месте Данила. Итак можно допустить, что Авраамка заимствовал все статьи третьего отдела сборника из летописного свода, сходного с Комиссионным, но в распоряжении его был еще другой свод, где первые две родословные статьи читались в иной, позднейшей редакции и где имелась «Повесть о Тферском владыце конечнаа». С полною вероятностью заключаем, что этим вторым сводом могла быть Новгородская 4-я летопись, заимствование из которой сделано во второй части сборника Авраамки, тем более, что и в дошедших до нас списках Новгородской 4-й (напр. Новороссийском) имеются перечни митрополитов, посадников, тысяцких и пр. Ставим вопрос: вероятно ли допустить пользование Комиссионным списком или сходными со стороны составителя Летописи Авраамки? Ответ находим в сопоставлении третьей части сборника Авраамки с Синодальным списком № 154: оказывается, что в нем имеются те же статьи, родословные и хронологические, что у Авраамки. Так, в нем сохранилось окончание статьи «Родословие тѣх же князей рускых»:[3] редакция ее тожественна со статьей в сборнике Авраамки и Комиссионном списке, но продолжена перечнем сыновей Василия Васильевича: названы Иван, Андрей Горяй, Борис и Юрий,[4] далее, как в сборнике Авраамки, читаем статью «А се кто колко

[1] Но в Летописи Авраамки не имеются: перечни посадников новгородских, тысячских, архимандритов, а также статья «А се имена всѣмъ градомъ рускымъ, далнимъ и бліжнимъ».

[2] В перечне ошибочно значится Данил: это сын Дмитрия Ивановича; ошибочно, кажется, назван и Симеон (тоже сын Дмитрия Ивановича).

[3] Вспомним, что перед этим в Синодальном № 154 вырваны листы.

[4] В Комиссионном списке нет сыновей Василия Васильевича, а у Авраамки назван сын его Иван.

есть лѣтъ княжилъ», затем статью: «А се князи роустіи» (в этой статье Синод. № 154, сравнительно с Комиссионным и Авраамки, опускает конец: «А Иванова княженіе Даниловича . . . с честью великою»); далее находим, как и у Авраамки, статью «А се по святѣмь крещепіи о княженіи Киевьстѣмъ», за ней перечень митрополитов (у Авраамки он ниже), оканчивающийся, как в Комиссионном и в сборнике Авраамки, именем Герасима, затем перечень владык новгородских, доведенный не до Симеона (как в Комиссионном и у Авраамки), а до Сергия (см. выше), наконец перечень князей Великого Новагорода (у Авраамки он выше), оканчивающийся, как в Комиссионном и в сборнике Авраамки, именем Василия Дмитриевича. Сопоставление третьей части сборника Авраамки с Синодальным № 154 убеждает нас в том, что она (т. е. большая часть ее статей — все статьи, кроме трех) заимствована Авраамкой из того самого летописного свода, откуда он взял первую часть своего сборника, тожественную, как мы видели, с тем же Синодальным № 154. В этом своде вслед за летописью, доведенной до 1447 г., читались те самые юридические, родословные и хронологические статьи, которые имеются в Комиссионном списке (ниже вернусь еще раз к составу этого свода). Соображая все вышеизложенное и ставя себе вопрос об источниках сборника Авраамки (т. е. о первых трех частях сборника, носящего это имя, оканчивающихся записью 1495 г.), видим, что все содержание сборника может быть возведено к двум источникам: 1) к летописному своду, сходному с тем, что имеется в Синодальном № 154; к нему восходят первая часть до известия 1446 г. о высокой цене ржи в Новгороде (в издании Археографической комиссии, т. XVI, стр. 1—90), и третья, за исключением двух первых и последней статьи (в издании, стр. 262—318); 2) к Новгородской 4-й летописи; к ней восходят в третьей части первые две и последняя статьи (стр. 261—262 и 318—319), далее вся вторая часть (стр. 225—260); к ней же несомненно восходит в первой части рассказ о Новгородских событиях 1446—1469 гг. (стр. 190—224).

Предметом ближайшего нашего исследования будет первый из источников сборника Авраамки — летописный свод, лежащий в основании Синодального № 154. Но сначала скажем несколько слов о Новгородской 4-й летописи, бывшей в распоряжении Авраамки. Судя по отрывкам, относящимся к 6453—6496 гг., список Новгородской 4-й летописи, попавший в Смоленск, мало чем отличался от дошедших до нас списков второй редакции: мы находим здесь даже общие описки с другими списками.[1] Тем поразительнее замена церкви Иакова, где, согласно с Новгородскою 4-ю, крестился Владимир, церковью Василиска (XVI т., стр. 256). Эту же церковь назы-

[1] Напр. «и посла Блуда к Володимиру» вм. «Блудъ» («Блуда» Фроловская и Новороссийская); «недоумѣниемъ противу даромъ твоимъ воздаянія воздати», вм. «недоумѣемъ» («недоумѣниемъ» Фроловская, Новороссийская); «еже малъ городъ около Кыева» вм. «мало» («малъ» Фроловская, Новороссийская); «въ градъ рекомый Круцѣй» вм. «Вручий» («Круцѣи» Фроловская, Новороссийская) и т. д.

вает и Комиссионный список и Новгородская 5-я. Перед нами вопрос: кем же внесена эта поправка и на основании какого источника? Возможны два ответа: первый, по которому «св. Василиска» читалось уже в том списке Новгородской 4-й, которым пользовался Авраамка, причем поправка сделана в Новгороде на основании Новгородской 1-й или Новгородской 5-й летописи; и второй ответ, по которому поправка внесена Авраамком. Принятие второго ответа ведет нас к предположению, что в распоряжении Авраамки был список Новгородской 1-й или Новгородской 5-й летописи; из предыдущего исследования (примечание 4 на стр. 234) мы знаем, что в конце XV в. в Смоленске был список с Новгородской 5-й летописи, список, легший в основание краткой летописной выборки 6370—6969 гг. Не находим поэтому невероятным именно второй ответ — и это тем более, что Авраамка, как мы видели, рассматривая третью часть его сборника, комбинировал два источника новгородских и в другом месте. Окончание Новгородской 4-й летописи, бывшей в распоряжении Авраамки, разнилось от других известных нам списков. Предполагая, что Авраамка вслед за известием «В томь же лѣтѣ ржи коробья по полтини бысть» приступил к списыванию Новгородской 4-й летописи, видим, что под 6954 (1446) г. принадлежавший ему список сходствовал со списками Фроловским, Академическим, Синодальным и Строевским; он сходствовал с ними и в начале 6955 г. и притом особенно с Академическим, ибо после первой статьи, общей с другими списками, имеется известие о прибытии в Новгород псковских послов и о заключении мира по старине, читавшееся несомненно под 6955 г. в том же именно месте в Академическом списке.[1] Дальнейшее, от известия о закладке церкви богоявления и до пожара на Щеркове улице в 1469 г., не содержится в указанных списках Новгородской 4-й, но возможно, что то же читалось в Академическом списке, утратившем, как мы знаем, свое первоначальное окончание. Мы знаем, что Синодальный и Строевский списки продолжают Новгородскую 4-ю летопись до 1477 г. Поэтому мы в праве предположить существование списка Новгородской 4-й, продолженного до 1469 г. Продолжение это, сильно отличающееся от соответствующей части Синодального и Строевского списков, содержит явные указания на то, что заимствовано из Софийского владычного свода: ср. подробное описание всех событий, связанных с новгородским архиепископом, скажем больше — рассказ касается только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка.

Переходим к исследованию первой части сборника Авраамки. Мы указывали на тожество ее с Синодальным № 154. Нет никаких сомнений, что первая часть сборника Авраамки и Синодального № 154 восходят к одному протографу. При этом оказывается, что этот протограф в известных частях передан точнее и полнее в сборнике Авраамки, чем в Синодальном № 154. Так, напр., в летописи, в части 6627—6817 гг. находим в Сино-

[1] Благодаря вырванному листу и приставленному продолжению это известие отнесено продолжателем к 6954 г.

дальном ряд пропусков, начиная именно с 6701 г.;[1] есть пропуски и в части 6817—6954 гг.[2] Ошибочно было бы думать, что Синодальный № 154 сохранил более точно протограф, распространенный в сборнике Авраамки вставками на основании других сводов (хотя бы Новгородской 4-й, бывшей в его распоряжении). Для части 6817—6954 гг. это решительно опровергается текстом Новгородской 5-й, откуда она заимствована: текст этот оказывается переданным в Летописи Авраамки полнее, чем в Синодальном № 154. Для части до 6817 г. это опровергается данными Супрасльского и Толстовского списков, которые имеют ряд известий, опущенных в Синодальном № 154.[3] Это обстоятельство дает нам основание утверждать, что то лишнее, что мы находим в Синодальном № 154 против Летописи Авраамки, является вставкой в него. Лишних известий мы в Синодальном № 154 не найдем, но в нем есть лишние слова и фразы. Так, под 6811 г. в Синодальном № 154: «и нѣколико женъ вѣщихъ сожгоша», в Летописи Авраамки, Толстовском и Супрасльском «вѣщихъ» нет. Под 6776 г. Синодального № 154: «и съступішася к бою обои полкы, и бысть страшно зрѣти, веліе побоище», в Летописи Авраамки, вместо этого: «и бысть пакы зѣло велико побоище», в Супрасльском: «и бысть велико побоище». Впрочем, уже в виду вышеизложенных соображений, нельзя во всех случаях, где Синодальный № 154 отступает от Летописи Авраамки, давать предпочтение тексту последней, как более точной передаче общего оригинала. Критерием являются два другие списка: там, где они совпадают с Летописью Авраамки, можно признавать последнюю более первоначальною, чем Синодальный № 154; но там, где Синодальный № 154 совпадает с Толстовским и Супрасльским, отличаясь от Летописи Авраамки, имеем основание признавать чтения Синодального № 154 более древними, чем чтения Летописи Авраамки. Но и здесь необходимы оговорки. Мы видели тесную связь между Синодальным № 154 и Толстовским (Супрасльским): для нас ясно, что они скопированы с одного общего и при том дефектного оригинала с перепутанными листами и с странным разделением текста в середине статьи 6890 г. Был ли этот дефектный протограф Синодального № 154 и Толстовского (Супрасльский) тожествен с протографом Летописи Авра-

[1] Опущены: второе известие 6701 г., второе известие 6703, 6704, 6706, последнее известие 6707, 6725, 6726, последнее известие 6727, 6729, два предпоследние известия 6732, первое известие следующего 6732 же года, 6739, последнее известие 6747, 6765, 6774, 6794—6796, второе известие 6797, 6798, 6800, первые два известия 6804, первое известие 6813, второе известие 6816. Кроме того, есть сокращения под 6816, 6809, 6790, 6776, 6723 гг. и др.

[2] Напр., под 6843 г. сохранено только первое известие; под 6844 г. только два последние.

[3] Так, в них есть известие 6704, 6706, последнее известие 6707, 6725, первое известие 6726 и т. д. Совпадение Толстовского и Супрасльского с Синодальным № 154 относительно пропусков случайное: мы знаем, что в них вообще сокращен текст летописи даже сравнительно с Синодальным № 154. Так, во всех трех опущено второе известие 6701, второе известие 6703, последнее известие 6707, последнее известие 6747 г. и т. д.

амки, не отступал ли он от нее в известных случаях, — является еще вопросом. Сопоставление Синодального № 154, Толстовского и Супрасльского списков, с одной стороны, Летописи Авраамки, — с другой, делает вероятным, что протограф первых трех списков действительно уклонился в нескольких местах от общего с Летописью Авраамки протографа. Так, напр., под 6710 г. в Синодальном № 154, Толстовском и Супрасльском: «небо п р е т в а р и с я яко кроваво», в Летописи Авраамки: «учинися», что первоначальнее, ср. Новгородскую 4-ю и Хронограф. Под 6738 г. в Синодальном № 154 и Супрасльском читаем: «а въ Смоленьску створиша 4 скудельници и н а м е т е ш а в 1-й 6000, а въ 2-й 1000», между тем в Летописи Авраамки, вместо всего подчеркнутого: «въ дву 36000», ср. с Новгородской 4-й: «въ дву 16000» (итак у Авраамки неверна только цифра, а остальное согласно с Новгородской 4-й; в остальных же явное отступление). Но вообще совпадение Синодального № 154 с двумя другими списками и отступление от Летописи Авраамки ведет нас к более первоначальному тексту. Так под 6750 г. Летопись Авраамки опускает после: «и изгони Пьсково» слова: «понеже в то время нѣмци, пришедше изгономъ, градъ Псковъ взяша и князь Александрь слышавъ, что бяхоу нѣмці во Псковѣ и поидоша изгономъ вборзѣ»;[1] ср. в Новгородской 4-й: «уже бо бяше Псковъ взятъ, тіуни у нихъ посажени судити» (в Софийской: «и тіуни ихъ посажени въ градѣ»). Под 6814 г. Синодальный № 154 и Супрасльский: «и ходи к Москвѣ и взя с Д а н и л о в и ч е м ъ миръ», в Летописи Авраамки: «с Даниловичи» (в Новгородской 4-й: «съ Даниловичемъ»). Под 6758 г. Синодальный № 154 и Супрасльский: «пріиде на Русь пресвященный м и т р о п о л и т ъ Кирилъ», в Летописи Авраамки: «архіепископь митрополитъ», и др.

Итак, во всяком случае, Летопись Авраамки превосходит остальные родственные ей списки в смысле близости к общему их протографу. Это имеет значение и в вопросе о происхождении этого протографа, и мы ниже воспользуемся настоящим выводом. Но восстановить интересующий нас протограф возможно только, приняв во внимание показания всех четырех рассмотренных выше списков. При этом выясняется, что в состав этого протографа входили: во-первых, хронографическая часть (сохранившаяся в Летописи Авраамки и в Синодальном № 154), во-вторых, летопись, доведенная до 1446 г. (в части до середины 6890 г. восстанавливается по Летописи Авраамки, Синодальному № 154, Супрасльскому и Толстовскому; в части же от 6890 г. до 6954 г. по Летописи Авраамки и Синодальному № 154), в-третьих, родословные и хронологические статьи (восстанавливаются по Летописи Авраамки и Синодальному № 154); возможно, наконец, что в состав его входили и те юридические памятники, которые сохранились в сборнике Авраамки, ибо сопоставление всей вообще третьей части

[1] Так в Синодальном № 154, а в Супрасльском: «а в то врѣмя пріидоша нѣмци въ Пьсковъ изгономъ и градь взяша и начаша ходити по граду по своей воли. И князь Александро, слышавъ то: бяхоу нѣмци въ Пьскови, и поидоша изгономъ въборзѣ».

сборника с Комиссионным списком настолько сближает его с этим списком, что наличность в ней родословных, хронологических и юридических статей, общих с Комиссионным списком, предполагает, что те же статьи имелись в протографе сборника (в Синодальном № 154 в соответствующем месте вырваны листы: на них, может быть, и читались юридические статьи, общие со сборником Авраамки и Комиссионным списком).

Перехожу к вопросу об источниках восстановляемого по указанным спискам протографа. Один из источников был уже определен в предшествующем исследовании — это Новгородская 5-я летопись. Несомненно к ней возводится часть летописи, а именно в пределах 6817—6954 гг., ибо соответствующий текст оказывается в общем тожественным с Хронографическим списком, а также со списками сокращенной Новгородско-псковской летописи, доведенной до 1547 г.

В части до 6817 (1309) г. летопись, нами исследуемая, представляет краткую выборку общерусских известий с явным, однако, преобладанием новгородских. Для определения того, насколько кратко переданы исторические события, укажем, напр., что длинный рассказ о кончине Ольги передан в четырех словах: «умре Олга іюля 11»; испытание веры изложено в трех печатных строках; длинный рассказ о новгородских пожарах 6702 г. заменен непонятными, впрочем, словами: «Вотолкинъ пожаръ»; о событиях после смерти Андрея Боголюбского сказано только, что после него сел брат его Михаил и умер, княжив один год, а после него — Всеволод, «владѣя всею землею рускою». Преимущественно новгородский характер летописи сказывается в том, напр., что она тщательно следит за сменой владык новгородских, упоминает о смене посадников (напр., под 6794 г.), сообщает о построении новгородских церквей, о пожарах, умалчивая иной раз, что дело идет о Новгороде.[1] Можно бы на основании этого заключить, что мы имеем перед собой выборку из какого-то новгородского летописного свода. Но мы не можем удовольствоваться таким выводом потому, что, во-первых, такого новгородского свода, где бы нашли себе соответствие все известия исследуемой летописи, нет; во-вторых, мы находим среди новгородских известий ряд таких суздальских, каких вообще нет в новгородских сводах; [2] в третьих, исследуемая летопись сохранила явные следы пользования по крайней мере двумя источниками. Это видно из повторяющихся в ней известий: так, 6732 г. назван два раза и оба раза после названия его читается известие о поставлении Кирилла митрополитом на русскую землю; Калковская битва описана и под 6731 г. и под 6732 г.; об убиении Михаила Черниговского два раза: под 6753 г. (где он назван Михаилом Киевским) и под 6755 г. (где он назван князем великим Черниговским); о кончине Ярослава Всеволодовича два раза — под 6753 и 6757 гг.; об убиении Михаила Ярославича в битве с Литвой — два раза: под 6756

[1] Напр., под 6725 г.: «бысть пожаръ, мѣсяца мая 31, и сгорѣ церквій 15».

[2] Напр.: под 6703 г. о закладке Переяславля; под 6761 г. об освящении в Ростове церкви Бориса и Глеба; под 6796 г. о поставлении Тарасия епископом Ростову и др.

и 6757 гг.; под 6816 г. читаем о поставлении Петра митрополитом на Русь, а под 6817 г. о прибытии на Русь митрополита Петра. Итак мы должны допустить, что исследуемая летопись представляет компиляцию по крайней мере двух летописных сводов. Сопоставление указанных выше известий, дважды приведенных в нашей летописи, с соответствующими известиями дошедших до нас летописных сводов, выясняет, что одним из источников компиляции был текст русских статей Хронографа. Так, первое известие 6732 г. о поставлении Кирилла в тожественном почти изложении читаем в Хронографе 1512 г.;[1] описание Калковской битвы под 6731 г. почти тожественно с текстом Хронографа 1512 г.[2]

Под 6756 г. известия о кончине Ярослава тожественны с Хронографом; также тожественно известие 6757 г. об убиении Михаила Ярославича на Поротве; известию 6817 г. о прибытии на Русь Петра митрополита соответствует сходное известие Хронографа под 6815 г.; известие 6755 г. об убиении Михаила Черниговского и боярина его Федора не трудно также возвести к Хронографу. Но общими с Хронографом оказываются не одни эти известия. Можно указать еще ряд других подобных совпадений. При этом, однако, не следует упускать из виду выясненное выше, в главе о происхождении Хронографа. Хронограф в первоначальной своей редакции (а именно о ней или о других ранних редакциях только и может быть здесь речь, так как редакция 1512 г. составлена во всяком случае позже исследуемой нами летописи) извлечен из общерусского митрополичьего свода; тот же общерусский свод в соединении с Новгородским сводом 1421 г. и Ростовским сводом вошел в состав Новгородского свода 1448 г.; Новгородский свод 1448 г. лег в основание Новгородской 4-й летописи. Следовательно, в Хронографе должны быть общие статьи и общие чтения с Новгородскою 4-ю летописью. И действительно, ряд известий исследуемой нами летописи можно возвести и к Хронографу и к Новгородской 4-й летописи. Такие известия оставляю в стороне, ибо возможно, в виду сделанных выше указаний, что эти известия попали в исследуемую летопись именно из Новгородской 4-й (что это, однако, не так, будет показано ниже). Укажу на такие известия, которым нет соответствия в Новгородской 4-й и которые, тем не менее, имеются в Хронографе; вот эти известия я и возвожу без колебания к Хронографу. Под 6627 (ошибочно вм. 6633) г. после сообщения о смерти Владимира Мономаха и вокняжении Мстислава читаем: «И бися съ Олгомъ Святославичимъ на Колакщѣ и прогна его к Мурому и оттоле въ Рязань»; то же несколько пространнее читается в Хронографе там же (под 6633 г.). Под 6646 г. известия о смерти Ярополка Владимировича и вокняжении Всеволода Ольговича тожественны с соответствующими известиями Хронографа. Под 6654 г. известия о смерти Всеволода Ольговича и вокняжении Игоря, а также следующее затем

[1] Летопись Авраамки: «поставленъ бысть Кирилъ митрополитомъ на русскую землю», в Хронографе: «митрополитомъ на Русь».

[2] Опущена фраза Хронографа: «и воиньство истопиша въ рѣцѣ бесчисленно множество», а в конце: «и иныхъ многихъ такихъ же богатыревъ».

известие: «изгони же его Изяславъ Мстиславичъ»[1] тожественны с Хронографом. Далее тожественны известия 6661 г. о кончине Изяслава Мстиславича; 6663 г. о вокняжении Юрья Володимеровича и о посажении им сына своего Андрея «на Володимери и на Суждали»; 6667 г. о кончине митр. Константина (в Новгородской 4-й более обширное изложение); 6683 г. о событиях после смерти Андрея Боголюбского, причем слова: «владѣа всею землею»[2] заимствованы из Хронографа же (под 6684 г.); 6738 г. об освящении церкви богородицы в Ростове; 6770 г. о вечах по всем русским городам; 6771 г. о смерти Александра Невского; 6814 г. о женитьбе кн. Михаила Андреевича в Орде.

Итак, мы имеем основание признать Хронограф в одной из древних его редакций источником исследуемой нами летописи. Делаем это с тем большею решительностью, что самый характер сокращенного изложения летописных известий напоминает Хронограф на всем протяжении этой летописи: можно думать, что компилятор задался целью дать краткую летопись русскую по образцу той, которую он нашел в Хронографе.*

Выделив из этой летописи заимствования из Хронографа, мы остаемся лицом к лицу со все-таки весьма сложной компиляцией: в ней различаются, с одной стороны, новгородские и общерусские известия, находящие себе соответствие в Новгородской 4-й,[3] с другой стороны — новгородские же, а также общерусские известия, отсутствующие в Новгородской 4-й.[4] Нам приходится или допустить, что составитель исследуемой

---

[1] В Синодальном № 154 и Супрасльском ошибка: «Изяславъ и Мстиславъ Мстиславичъ», в Летописи Авраамки: «Изяславъ и Мьстиславъ».

[2] Именно так в Супрасльской, а у Авраамки прибавлено: «рускою».

* *Ниже приводится текст заметки А. А. Шахматова на отдельном листке почтовой бумаги, вложенном в рукопись, с пометкою автора:* к стр. 390. *Эта стр. 390 рукописи начинается абзацем:* Итак, мы имеем основание признать Хронограф в одной из древних его редакций источником исследуемой нами летописи. *Наблюдение свое о том, что Хронограф был источником не в руках составителя извлечения из свода 1448 г., а у самого Авраамки, А. А. Шахматов в своей последней статье о летописании (см. стр. 369) не привел, конечно, потому, что работе Авраамки там отведено лишь незначительное место. Названная заметка А. А. Шахматова имеет следующий текст:* Я все более убеждаюсь что Хронограф был источником не для составителя извлечения из свода 1448 г., а для самого Авраамки. В особенности это явствует из срав[нения] летописи Авраамки с лет[описью] Павла и Рогож[ским] лет[описцем]. Так, например, об убиении Олега Святославича Ярополком у Авр[аамки] сказано под 6481 [годом], как в Хронографе, а затем под 6485 [годом]. Между тем Рогож[ский] летописец и Павел знают только 6485 г. Ср. у Авр[аамки] два раза о созд[ании] цер[кви] богородицы, а в других — один.

[3] Сюда относятся, напр., статьи 6627 (за исключением приведенной выше фразы, заимствованной из Хронографа), 6628, 6635, 6638 (кроме первого известия), 6639—6644, 6649, последнее известие 6654, 6655, 6664, 6669—6676, 6687, 6694, 6701, 6706—6710, 6715—6726, 6728, 6729, 6736—6746, 6765, 6772, 6774, 6776, 6779, 6781, 6782, 6784—6795, 6797, 6800, 6802, 6803, 6805, 6809, 6816 и др.

[4] Под 6638 г. в известии об отвержении владыки Иоанна от епископии он назван Попьяном (попъ Янъ) и прибавлено: «сего не поминають»; под 6665 г.

летописи пользовался по крайней мере двумя новгородскими сводами (в числе их Новгородскою 4-ю летописью) и еще одним — судя по характеру не новгородских известий — Ростовским сводом,[1] или допустить, что все эти известия могли находиться в одном до нас недошедшем своде.

после известия о поставлении Аркадия архиепископом, читаем: «и богородицю поставилъ монастырь» (ср. это известие в Новгородской летописи «церквам божіимъ»); под тем же годом сообщено о поставлении во Владимире церкви Георгия (в Новгородской 4-й кратко под 6660); под 6666 г. к известию о закладке Андреем церкви богородицы прибавлено: «и украси ю дивно и верхъ позлати»; там же о прибытии в Ростов Леонтия епископа и об изгнании его; под 6675 г. к известию о закладке Сотком Сытиничем церкви Бориса и Глеба прибавлено: «над Волховом по конець Пискупли улици»; статья 6677 г. об отражении новгородцами Суздальской рати изложена согласно с Новгородской 1-й, а не Новгородской 4-й; под 6883 г. названы убийцы Андрея Боголюбского; под 6688 г. сказано, что Мстислав Ростиславич похоронен «в предѣлѣ святыя Софѣя», ср. в Комиссионном списке: «въ предѣлѣ святыя богородица», а в Новгородской 4-й: «въ святѣй богородици»; под 6693 г. к известию о закладке Вознесения прибавлено: «на Пруской улици» (ср. тоже в Новгородской летописи «церкви божии» под 6600); под 6697 г. помещено известие об освящении богородицы в Ростове; под 6702 г. непонятное: «Вотолкинъ пожаръ»; под 6703 г. закладка Переяславля; под 6704 г. поставление церкви на городских воротах во Владимире; под 6711 г. поход южных князей на половцев и пострижение Рюрика (ср. это известие в Комиссионном списке); под 6712 г. известие о взятии Царяграда сравнительно с Новгородскою 4-ю распространено указанием, что его взяли немцы, венедици и фрязи, уставившие там свою веру; под 6713 г. о падении церкви Ростовской, ниже: «освѣте мѣсяць в 8-ю нощь» (ср. в Новгородской 1-й: «мѣсяць освѣтевъ 8 ноций»); под 6732 г. о засухе; ниже о пожаре Троицы на Рядятине улице (ср. Новгородскую 1-ю); под 6736 г. о кончине Мстислава Мстиславича; под 6738 г. о поставлении Кирилла Ростову; под 6747 г. указан день взятия татарами Переяславля (марта 3-го); ниже сообщено о поставлении Семеновою монастыря св. Павла (ср. Новгородскую 1-ю); под 6748 г. день взятия Киева определяется 19 ноября (а не 6 декабря); под 6750 г. после слов: «и поставиша полкы на Чюдскомъ озерѣ » прибавлено: «на Узвени» (ср. «на Узмени» в Новгородской 1-й и Софийской 1-й), что в Новгородской 4-й опущено (IV т., стр. 37); под 6751 г. «пріиде Олегъ отъ Кана»; ниже кончина Варлаама Хутынского (ср. Новгородскую 1-ю); под 6757 г. указан день кончины архиеп. Спиридона (20 июля), опущенный и в Новгородской 1-й, и в Новгородской 4-й; под 6758 г. прибытие на Русь митрополита Кирилла; под 6761 г. освящение церкви Бориса и Глеба в Ростове; под 6766 г. названы татарские воеводы Берька и Касачей, при которых была вторая перепись татарская; под 6769 г. кончина Кирилла Ростовского; под 6780 г. смерть Бориса Ростовского; под 6783 г. пожар в Новгороде (ср. Новгородскую 1-ю); под 6794 г. «отъяша посадничьство у Семена» (ср. Новгородскую 1-ю); под 6796 поставление ростовского епископа Тарасия; под 6798 г. «а на лѣто вода бы велика» (ср. Новгородскую 1-ю); под 6801 г. «Тохта сѣде на царство»; под 6804 г. женитьба кн. Михаила; под 6807 г. поставление ростовского епископа Симеона; под 6808 г. «вь другый рядь ходиль царь Тохта на царя Ногуя и побѣди его»; под 6811 г. сообщение о теплой зиме и о неурожае (ср. Новгородскую 1-ю); под 6812 г. указание, что великий князь Андрей Александрович похоронен «въ церкви архаггела Михаила».

[1] Ср. ростовские известия из числа указанных в предисловии и примечании под 6666, 6697, 6719, 6738, 6761, 6769, 6780, 6796, 6807 гг.

Первое предположение мало вероятно потому, что оставляло бы открытым вопрос о том, что же это за другой Новгородский свод, которым дополнены известия Новгородской 4-й летописи. Ясно, что это не была Новгородская 1-я летопись, ибо к ней может быть возведена лишь часть этих лишних против Новгородской 4-й известий;[1] нам пришлось бы предположить существование или особой редакции Новгородской 1-й, обосложненной вставками из других новгородских источников, или особой редакции Новгородской 4-й, дополненной по Новгородской 1-й и другим новгородским источникам — но указания на подобные памятники не дается с какой-либо иной стороны. Напротив, второе предположение о существовании новгородского свода, где полнее, чем в Новгородской 1-й и Новгородской 4-й, изложены новгородские события и где, кроме того, представлены ростовские известия — ведет нас уже к известному нам своду 1448 г., своду, легшему в основание Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописи и более полному, чем Новгородская 4-я, ибо эта сокращала его, более полному, чем Новгородская 1-я, ибо последняя в редакции 1421 г. легла в основание этого свода.

Исследуя в гл. X свод 1448 г., мы отметили ряд известий его, которые, не находя себе соответствия в Новгородской 4-й, имеются в Новгородской 1-й (об этих известиях свидетельствует Софийская 1-я летопись); далее мы отметим ряд известий его, которые несмотря на новгородское свое происхождение, не отыскиваются ни в Новгородской 4-й, ни в Новгородской 1-й (и о них свидетельствует Софийская 1-я летопись); наконец, мы указали на широкое пользование со стороны свода 1448 г. Ростовским владычным сводом в редакции времени епископа Григория. Думаю, что отмеченных нами признаков вполне достаточно для отожествления свода, из которого извлечена интересующая нас летопись (в значительной части своей), со сводом 1448 г. Трудно было бы предположить, чтобы составитель этой краткой летописи воспользовался многими сводами для извлечения из них материала; сокращенное изложение даже важнейших известий, пропуск многих существенных для познания старины рассказов и подробностей — все это доказывает, что составитель задался целью сократить тот или иной обширный летописный свод; пользование многими источниками доказывало бы желание его представить летописный рассказ в подробном, распространенном изложении. Правда, мы допускаем, что он имел в виду еще другой источник — Хронограф, но, как замечено выше, самое пользование Хронографом доказывает желание его дать сокращенное изложение летописи. Вот почему мы высказываемся за то, что главным его источником был свод 1448 г., один из обширнейших сводов XV в., в котором должны были бы найти себе соответствие все известия исследуемой летописи, если бы этот свод дошел до нас.

[1] А именно 6677, 6688, 6711, второе известие 6713, второе известие 6732, известие 6747, прибавка под 6750, второе известие 6751, известие 6783, 6794, 6798, 6811; не имеются в Новгородской 1-й вставки под 6638, 6665, 6675, 6693, известия 6702, вставка под 6757 г.

Косвенное подтверждение тому, что действительным источником нашей летописи был свод 1448 г., находим еще в том обстоятельстве, что некоторые из известий его, не находящие себе соответствия в Новгородской 4-й, отыскиваются в Софийской 1-й, а мы знаем, что Софийская 1-я летопись извлечена из свода 1448 г. Так, под 6794 г. читаем: «Литва волость воеваша», ср. в Новгородской 4-й и Новгородской 1-й (которой очевидно здесь, как и в иных случаях, следует Новгородская 4-я): «Литва Лоботь воеваша», между тем в Софийской 1-й (список О.) находим: «Литва воеваша волость Новгородскую» (V т., стр. 201). Как мы видели, под 6766 г. Новгородская 4-я не имеет имен татарских военачальников «Берька и Касачей», между тем в Софийской 1-й они есть («Беркай и Касачикъ», V т., стр. 189). Под 6750 г., как мы указывали, Софийская 1-я имеет: «на озерѣ Чюдьскомъ, на Узмении у Воронія камени», ср. тоже в исследуемой летописи,[1] Новгородская 4-я опускает «на Узмени». Под 6773 г. читаем в нашей летописи: «Побишася Литва межи собою», и т. д.; в Новгородской 4-й, согласно с Новгородской 1-й (под 6771): «въ Литвѣ бысть мятежь . . . въсташа сами на ся», между тем в Софийской 1-й (под 6773): «побишася Литва промежи себе».[2] Под 6776 г. среди убитых со стороны новгородцев в сражении с немцами 18 февраля в нашей летописи назван Твердислав Чермьный, а посадник Михаил не назван по отчеству; то же в Софийской 1-й (и в Новгородской 1-й), между тем Новгородская 4-я называет посадника Михаилом Федоровичем, а вместо Твердислава Чермного — Микифора Чермного.

Итак признаем доказанным, что исследуемая нами летопись в части до 6817 г. составлена на основании свода 1448 г., причем вспомогательным источником служил Хронограф в одной из древних редакций. Мы видели, что в части от 6817 г. до 6954 г. она следует Новгородской 5-й летописи. Ставим вопрос: как понять этот переход от одного источника к другому или от одного способа изложения к иному? Ставим вопрос: кому именно принадлежит этот переход к другому источнику — составителю ли извлечения из свода 1448 г., компилировавшему свое извлечение с заимствованиями из Хронографа, или другому лицу, бросившему под 6817 г. списывать краткую летопись и обратившемуся к более подробной — Новгородской 5-й летописи? Я не могу признать вероятным, чтобы переход под 6817 г. от одного источника к другому принадлежал составителю первого из этих источников: краткая летопись, сохранившаяся в части до 6817 г., предполагает в составителе известный замысел и указывает на наличность у него определенных источников; неясно, почему под 6817 г. оставлен этот замысел, состоявший в том, чтобы дать в кратком изложении рассказ о минувших исторических событиях, и почему брошены оба источника, служившие для исполнения этого замысла. Если бы составитель

[1] Лѣтопись Авраамки и Супрасльская: «на Узвени», а Синодальный № 154: «на Измѣни».

[2] Та же статья в Новгородской 1-й под 6773 г., но в ней опять: «бысть мятежь великъ в Литвѣ».

пожелал, скажем именно с 6817 г., со времени вступления на митрополию Петра, дать более подробное изложение ближайших к его времени событий, то почему бы ему было не прибегнуть к более обширным извлечениям из свода 1448 г., почему бы, наконец, не списывать сплошь этот самый свод? Вместо того составитель переходит к списыванию другого памятника и относится к своему труду механически: вместо компилятора, сознательно сокращавшего источник, выбиравшего из него интересные события, мы видим перед собой простого копииста, воспроизводящего памятник с буквальною точностью. При этом совершенно забыт свод 1448 г., который, как мы знаем, был близок к Новгородской 5-й, извлекшей прямо из него часть от 6913 г.: из него не внесено ни одной вставки, на основании его не введено ни одной поправки. В виду этого считаем невероятным, чтобы лицо, внесшее в свод часть 6817—6954 гг. из Новгородской 5-й, было тожественно с составителем краткой компиляции до 6817 г. Другое возможное предположение — а именно, что мы имеем перед собой механическое соединение двух памятников — начало одного (до 6817 г.) и конец другого (с 6817 г.), предпринятое лицом, не причастным к составлению первого из двух памятников, — не встречает, как кажется, возражений: это лицо, недовольное краткостью первого из своих источников — сокращенной выборки из свода 1448 г., перешло ко второму — Новгородской 5-й летописи.

Итак, первую часть исследуемой летописи мы признаем за первую часть недошедшего до нас в полном виде летописного свода. Свод этот извлечен из свода 1448 г., слишком громоздкого для обыкновенного читателя и потому мало доступного. Отметим то обстоятельство, что перед русскою летописью помещена хронографическая компиляция событий всемирной истории. Можно думать, что редактор захотел дать в кратком извлечении как русскую, так и всемирную историю, — и это еще более утверждает нас в мысли о существовании цельного свода, содержавшего извлечение из свода 1448 г. в русской его части. Он составлен в Новгороде для новгородцев: это видно из обилия в нем новгородских сведений, а также, например, из такого прибавления к рассказу о походе Владимира на Корсунь: «А со княземъ Володимеромъ бысть тогда подъ Корсунемъ вся Русская земля и новгородци». Весьма вероятно, что этот свод был доведен до 1446 г., т. е. до того же года, что его источник — свод 1448 г. Ниже нам придется встретиться с ним еще раз: мы увидим, что он попал в Тверь и там лег в основание Тверского летописца (ср. главу XXIV, посвященную Рогожскому летописцу). Выше было указано, что статьи, вошедшие в третий отдел сборника Авраамки, составляют принадлежность протографа этого сборника и сходных с ним списков; равным образом в этом протографе находилась хронографическая компиляция, предшествующая Синодальному списку № 154 и Виленскому списку. Оставляя в стороне вопрос об источнике этой компиляции, спрашиваем, откуда заимствованы в протограф сборника Авраамки родословные, хронологические и юридические статьи, общие с Комиссионным списком. Естественно возвести их

или к Новгородской 5-й или к краткому извлечению из свода 1448 г., т. е. к одному из обоих обнаруженных нами источников. Доказательств, что эти статьи читались в приложениях к Новгородской 5-й, мы не имеем; напротив, что они могли читаться в кратком извлечении, видно из того, что они читались в своде 1448 г., ибо именно из этого свода они заимствованы в Комиссионный список (а также частью в Софийскую 1-ю под 6527 г., в Новгородскую 4-ю). Весьма важно, что список митрополитов в сборнике Авраамки, так же как в Комиссионном списке, доведен до Герасима, между тем в своде 1448 г. он был доведен, повидимому, только до Фотия (как видно из Новороссийского списка Новгородской 4-й летописи). Объяснить это совпадение так, что в краткое извлечение интересующие нас статьи попали из Комиссионного списка, нельзя уже потому, что другой связи между Комиссионным списком и сборником Авраамки не замечается. Но не следует ли допустить, что в своде 1448 г. был назван Герасим и что пропуск его имени, напр., в Новороссийском, был сделан умышленно, в виду малой известности этого митрополита (ср. отсутствие его в московских перечнях, напр., в Симеоновской, Никоновской и других летописях)?

Переходим к вопросу о том, каким образом и где свод, представлявший собой краткое извлечение из свода 1448 г., вошел в соединение с Новгородскою 5-ю летописью? Естественнее всего было бы думать, что такое соединение сделано было в Новгороде читателем, пожелавшим иметь более полное изложение ближайших к его времени событий. Отсюда следовало бы, что полученный путем соединения краткой летописи с Новгородскою 5-ю свод перешел из Новгорода, с одной стороны, в Смоленск и там вызвал появление Летописи Авраамки, Супрасльского и Толстовского списков, а, с другой, во Псков и там вошел в состав Синодального № 154: не может быть сомнения ни в смоленском (западнорусском) происхождении Летописи Авраамки, Супрасльского и Толстовского списков, ни в псковском происхождении Синодального № 154. Но представляется возможным и другое объяснение, а именно, что соединение краткого извлечения из свода 1448 г. вошло в соединение с Новгородскою 5-ю в Смоленске и оттуда перешло во Псков. Действительно, предыдущее исследование показало, что в конце XV в. находилась в Смоленске Новгородская 5-я летопись, ибо именно из нее сделано то краткое извлечение 6370—6969 гг., которое находим в Супрасльском, Толстовском и Погодинском списках; извлечение, как мы видели, сделано смольнянином, следовательно, в распоряжении составителя его, жившего в Смоленске, была Новгородская 5-я летопись в редакции обосложненной припиской о кончине архиепископа Евфимия II, случившейся в 1458 г. Далее изучение сборника Авраамки показывает, что в распоряжении его составителя была та же Новгородская 5-я летопись, ибо одна вставка в отрывок Новгородской 4-й летописи (6453—6496) сделана под влиянием именно Новгородской 5-й. Наконец, тот же сборник Авраамки доказывает, что в конце XV в. в Смоленске происходила работа над новгородскими летописными сводами: мы видим в этом сборнике отрывки из Новгородской 4-й в соединении со статьями, восходящими к другому новгородскому

своду. Соображая эти несомненные данные, приходим к заключению, что составление всего сборника Авраамки и между прочим той части его, где имеется летопись, могло произойти в Смоленске, где имелись подходящие для того материалы. Скажем больше: другое предположение, предположение о новгородском происхождении сборника становится невероятным, ибо трудно допустить повторение в Новгороде тех же условий, что в Смоленске, а именно сосредоточение в одном месте нескольких сводов и работы над их комбинированием. Но решительному утверждению о том, что сборник Авраамки в первоначальном его виде, точнее, что протограф этого сборника составлен в Смоленске и что там же произошло соединение краткого извлечения из свода 1448 г. с Новгородской 5-й, должна предшествовать уверенность в том, что Супрасльский и Толстовский списки, с одной стороны, Синодальный № 154, с другой, могут быть признаны отражениями этого протографа. Затруднения возвести первые два списка к протографу летописи Авраамки я не вижу; предполагаю, что протограф этот в самый ли момент своего появления или в скором после того времени, стал дефектен, а именно в летописном рассказе о 6890 (1382) г. был перерыв, отделивший первую половину рассказа (на середине фразы) от второй его половины, а кроме того, в нем были перепутаны листы, особенно те, где рассказывались события 6830 — 6854 гг. Толстовский список (Супрасльский признаю копией с него или с его протографа) мог передать только первую часть летописи, т. е. до середины рассказа 6890 г.: составитель его, очевидно, не сообразил или был лишен возможности сообразить, что следующий за тем после перерыва текст есть непосредственное продолжение этой первой, списанной им части; в листах, где были записаны события 6830—6854 гг., он не разобрался и допустил невероятную путаницу в изложении этих событий. Находящееся в нем извлечение из Новгородской 5-й летописи 6370—6969 гг. он заимствовал, вероятно, из того же оригинала, что и летопись; оно из всех других статей сборника заинтересовало его своим смоленским характером; правда, его нет в сборнике Авраамки, но, как увидим, сборник этот в том виде, как он дошел до нас, подвергся сильной переработке. Допустив происхождение из протографа сборника Авраамки, Толстовского (и Супрасльского) списков, мы с полною уверенностью принимаем происхождение из него Синодального № 154: действительно, этот список восходит к тому же дефектному оригиналу, что Толстовский (и Супрасльский), ибо, во-первых, в статье 6890 г. представляет перерыв в полтора столбца текста, именно там, где прерываются Толстовский (и Супрасльский) списки, а во-вторых, представляет путаницу (пропуски, неправильную последовательность текста, исправленную затем киноварными чернилами) в той части, где изложены события 6830—6854 гг. Это обстоятельство тесным образом связывает Синодальный № 154 со Смоленском, где по свидетельству Толстовского (и Супрасльского) списков и обретался дефектный оригинал — протограф сборника Авраамки, и потому укрепляет силу тех данных, которые свидетельствуют о происхождении Синодального № 154 из протографа названного сбор-

ника — данные же эти следующие: общая хронографическая часть в начале, общий до 1446 г. летописный текст, а в конце общие родословные и хронологические статьи, причем как летописный текст, явно сокращенный в Синодальном № 154, так и текст родословных и других статей, явно продолженных в Синодальном № 154, свидетельствуют о большой древности текста в сборнике Авраамки. Кроме этих данных, вполне достаточных для признания сборника Авраамки, даже в том виде, как он дошел до нас, более близкою и более точною копиею с общего ему и Синодальному № 154 протографа, находим в тексте летописи по Синодальному № 154 явную вставку, обличающую зависимое его от сборника Авраамки происхождение. К приведенной нами выше фразе в статье 6496: «А со княземъ Володимеромъ бысть тогда подъ Корсунемъ вся русская земля и новгородци» в Синодальном № 154 приписано: «и псковичи», приписка, обличающая вместе с тем псковское происхождение памятника (оно доказывается и тем, что вслед за последним известием общей со сборником Авраамки летописи помещен текст так наз. 2-й Псковской летописи). При предложенном решении вопроса об отношении Синодального № 154 к сборнику Авраамки, мы останавливаемся только перед одним затруднением: Синодальный № 154 доводит летопись только до 1446 г. и прерывает ее там же, где прерывается Новгородская 5-я, между тем в сборнике Авраамки она продолжена еще событиями 1446—1469 гг. Следовательно, в этом отношении Синодальный № 154 первоначальнее сборника Авраамки, ибо в первоисточнике того и другого летопись была доведена, конечно, только до 1446 г. Как же вывести Синодальный № 154 из сборника Авраамки? Допустить, что в протографе этого сборника не было рассказа о событиях 1446—1469 гг. — это то же, что признать наличность полной переработки первоначального состава сборника, переработки на основании другого Новгородского свода, — но это противоречило бы высказанному выше предположению, что работу над новгородскими сводами произвел именно составитель сборника Авраамки: мы видели, что рассказ 1446—1469 гг. извлечен из Новгородской 4-й летописи, но мы знаем, что именно составителю протографа сборника Авраамки принадлежит помещение в него отрывка 6453—6496 гг. из той же Новгородской 4-й летописи и вставка в статью 6496 г. из Новгородской 5-й. В виду этого признаю, что рассказ 1446—1469 гг., извлеченный из Новгородской 4-й, читался в протографе сборника Авраамки, но он был помещен в нем не непосредственно, не за рассказом о событиях 1309—1446 гг., извлеченным из Новгородской 5-й, а за отрывком 6453—6496 гг., извлеченным из той же Новгородской 4-й летописи: перестановка текста, соединение рассказа 1446—1469 гг. с предшествующим рассказом 1446 г. принадлежит позднейшему редактору сборника Авраамки.

Итак, историю возникновения исследуемых нами памятников мы представляем себе в следующем виде. В конце XV в. в Смоленске при дворе епископа Иосифа Солтана оказались в наличности следующие памятники новгородского летописания: 1) краткий хронограф особого состава с прило-

женным к нему извлечением из Новгородского свода 1448 г., дополненным и исправленным по одной из древнейших редакций Пахомиева хронографа; в приложениях к этому памятнику находились статьи родословные и хронологические, восходящие к тому же своду 1448 г.; 2) Новгородская 5-я летопись, доведенная, как мы знаем, до 1446 г., но обосложненная припиской о смерти владыки Евфимия (1458); 3) Новгородская 4-я летопись, продолженная после 1446 г. рассказом о событиях до 1469 г., извлеченным из Софийского владычного свода; в конце этой летописи были помещены родословные и иные статьи. В 1495 г. по повелению епископа Иосифа был составлен лицом, именующим себя Авраамкой, летописный свод, скомбинировавший указанные три памятника. В основание свода положен хронограф; вслед за хронографом списана летопись в части до 6817 (1309) г.; за ней помещен текст Новгородской 5-й летописи (6817—6954 гг.). Таким образом получился полный свод, доведенный до 1446 г. Но Авраамка не пожелал оставить неиспользованною и Новгородскую 4-ю летопись, тем более, что в ней имелся рассказ о позднейших событиях включительно до 1469 г.; кроме того, краткое извлечение из русской летописи, предложенное им в части до 1309 г., не удовлетворило бы читателя, в особенности в отношении к древнейшим событиям Русской земли. Авраамка решил восполнить недостаток уже исполненного им труда сообщением выписки о событиях 6453—6496 гг. по Новгородской 4-й летописи; и вслед за этой выпиской он приложил выписку о событиях 6954—6977 гг. по той же летописи. Наконец, в приложениях к своему Летописцу Авраамка поместил сначала две родословные статьи, восходящие к Новгородской 4-й летописи, и затем почти все статьи, приложенные к краткому извлечению из свода 1448 г.; не удовольствовавшись этим, в самый конец своего свода он вписал «Повѣсть о владыцѣ Твѣрьскомъ Арсеніи», извлеченную из Новгородской 4-й летописи. За этой повѣстью помещена запись Авраамки, свидетельствующая о том, что именно этою повестью оканчивался составленный им свод. Но, кажется, уже за этой записью составителя было помещено еще краткое извлечение из Новгородской 5-й, имевшее задачей дать перечень важнейших смоленских событий и потому дополненное под 6673 г. вставкой о кончине Ростислава Мстиславича смоленского и о построении им в Смоленске церкви богородицы. Важно отметить, что Авраамка, вообще точно передавая свои источники, местами позволил себе исправлять их на основании друг друга. Так, списав по краткому извлечению из свода 1448 г. статью «Родословіе тѣх же князей Русскыхъ», в конце ее он приписал на основании (выше описанной) статьи Новгородской 4-й летописи: «сынове Васильевѣ — Иванъ».[1] Списав по Новгородской 4-й рассказ о крещении Владимира, он заменил церковь Иакова, где крестился Владимир, церковью Василиска — на основании Новгородской 5-й. Мы увидим ниже, что кое-что из Новгородской 5-й вписано и в извлечение из свода 1448 г.

[1] Ср. выше (XVI т., стр. 261): «Василій роди Іоанна».

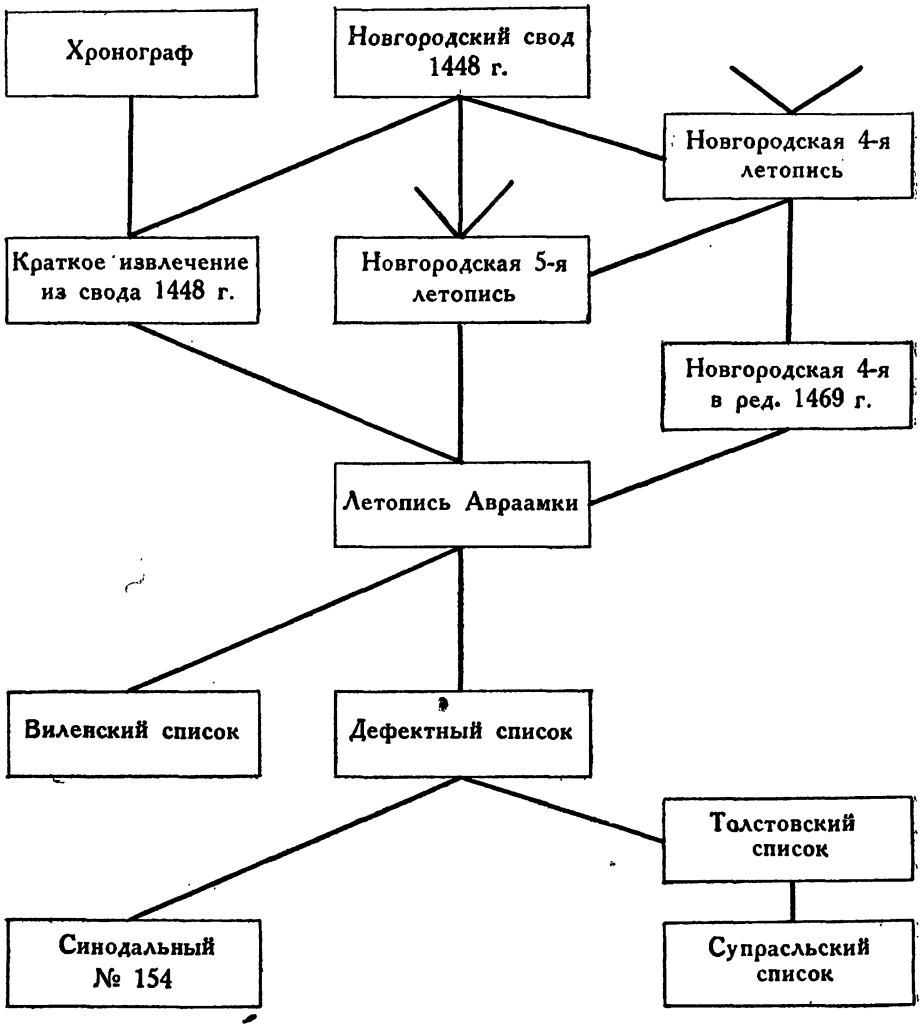
Сборник Авраамки, очевидно, удовлетворявший назревшей в Смоленске потребности иметь список с русской летописи, вызвал в скором времени ряд копий и переработок. Наименее отклонилась от своего оригинала та переработка, которую находим в дошедшем до нас сборнике б. Виленской Публичной библиотеки, носящем название Летописи Авраамки. Составитель переработки кое-что изменил в слоге и лексическом подборе труда Авраамки, позволив себе из существенных отступлений лишь следующее: во-первых, к летописному рассказу 6954 (1446) г. он присоединил текст, заимствованный Авраамкой из Новгородской 4-й и помещенный несколько ниже, а именно рассказ о событиях 6954—6977 гг.; во-вторых, в конце сборника, вместо краткого извлечения из Новгородской 5-й, содержавшего зародыш смоленского летописания, он поместил обширную «Лѣтопись великихъ князей литовскихъ».

Сборник Авраамки представлял известные дефекты, указанные нами выше. Быть может, и Виленский сборник списан с дефектного экземпляра, но сообразительный редактор не обратил внимания на образовавшийся в рукописи перерыв в изложении статьи 6890 г. и сумел избежать путаницы в рассказе 6830—6854 гг. К дефектному экземпляру восходит Толстовский список, принадлежащий началу XVI в. Этот список заменил хронограф сборника Авраамки более обширным хронографом, скомбинировавшим, как кажется, две хронографические компиляции, из которых одна была вторым видом Еллинского летописца; летопись за хронографом он списал только до перерыва в рассказе 6890 г., не сообразив, что за перерывом следовало непосредственное продолжение этого рассказа; признав, очевидно, неинтересным для себя и для своих смоленских читателей ни окончание летописи, ни отрывок 6954—6977 гг., в виду новгородского характера содержащихся в них известий, признав также не имеющими прямого отношения к летописи помещенные в конце сборника родословные и хронологические статьи, составитель Толстовского списка списал, однако, последнюю статью его — извлечение 6370—6969 гг., в виду преобладания в нем смоленских известий и дополнил его тремя приписками — о взятии Царяграда, о взятии Киева 1483 г. и о затмении 1491 г. В летописи опущены многие события, особенно относящиеся ко внутренней жизни Новгорода.

Протограф Супрасльского списка составлен на основании Толстовского или протографа этого списка. Составитель оставил в стороне хронограф и списал только обе летописи, первую от начала до 6890 г., вторую, содержащую извлечение 6370—6969 гг. Эту вторую он, как житель Западной Руси, дополнил на основании какой-то местной летописи, повидимому, Киевской, рассказами о событиях 1481—1500 гг. Попав в Супрасльский монастырь, этот памятник был дополнен еще несколькими известиями, а именно 6957 г. о взятии Царяграда, 6991, 6999, 7023 гг. и, наконец, обширным рассказом о победе Константина Острожского над московскими войсками в 7023 г. Запись, следующая за этим рассказом, доказывает, что Супрасльский список составлен до 1543 г., ибо эта запись о посещении

Сигизмундом Августом Супрасльского монастыря писана особенным почерком, отличным от того, которым написана вся рукопись. К числу редакторских изменений, вписанных в текст Толстовского списка составителем протографа Супрасльского, а быть может и самого Супрасльского списка,

Табл. 12

относится вставка киноварных заглавий перед интересными статьями и известиями летописи: этих заглавий особенно много в части до 6851 (1343) г. включительно (что до следующих за сим заглавий, то часть их, повидимому, восходит к сборнику Авраамки).

Дефектный экземпляр сборника Авраамки попал в начале XVI в. во Псков. Здесь им воспользовался составитель дошедшего до нас сборника, где помещена Псковская 2-я летопись. Он списал, во-первых, хронограф, во-вторых, летопись, доведенную до 1446 г., сократив ее во многих местах

выпуском ряда известий. За ней, как мы знаем, в сборнике Авраамки помещались отрывки из Новгородской 4-й: составитель заменил их текстом Псковской летописи. К сожалению, листы, содержавшие конец этой летописи и непосредственно за нею помещенного текста, вырваны. Можно думать, что они содержали родословные и хронологические статьи, продолжение которых сохранилось на дошедших листах рукописи, но, возможно, что, кроме родословных статей, на них были помещены и юридические памятники, находившиеся в сборнике Авраамки. Итак, вероятно, что Синодальный № 154 содержал большую часть статей последнего отдела сборника Авраамки. Замечательно, что продолжение получили только две из этих статей: это, во-первых, родословие великих князей, дополненное перечнем сыновей в. кн. Василия Васильевича,[1] и, во-вторых, перечень новгородских епископов, доведенный только до Сергия, а Геннадий, поставленный через год, в 1485 г., не назван.

Отношение списков Летописи Авраамки друг к другу и к старшим сводам изображаем в таблице 12 (см. стр. 254).

---

[1] Неясно, почему не названы сыновья Ивана Васильевича, раз это дополнение сделано в начале XVI в. Повидимому, основание дано сборником Авраамки, где, как мы видели, та же статья оканчивается словами: «сынове Васильевѣ — Иванъ».

ГЛАВА XXI

МОСКОВСКИЙ СВОД 1479 г.

Так мы будем называть условно летописный свод, дошедший до нас в позднем и весьма неисправном списке Публичной библиотеки в Ленинграде: Эрмитажный № 416б, XVIII в. Начинаясь с вводной части к «Повести временных лет»,[1] текст этого списка доходит до статьи 6986 (1478) г. «О походѣ великого князя на Новгородъ ратію», причем прерывается на неоконченной фразе в этой статье: «и князь великіи поволилъ имъ и на третіи день у себя велелъ быти имъ» (Ср. Воскресенскую, VIII т., стр. 192). За этой фразой оставлена незаписанною бумага; это доказывает, что оригинал, лежащий в основании копии XVIII в., утратил свое окончание. И перед окончанием было утрачено в оригинале несколько листов, как видно из сравнения текста Эрмитажного списка с соответствующим текстом Воскресенской летописи. Итак, на основании Эрмитажного списка нельзя определить, где же оканчивался памятник, подлежащий нашему исследованию. Других списков этого памятника не имеется, но он дошел нас в соединении с поздним Новгородским сводом в так называемой Ростовской летописи бывш. Московского Главн. архива иностранных дел. Составные части этой летописи, известной по списку начала XVIII в., определяются без труда, если мы привлечем к сравнению с ней Новгородскую летопись по списку Дубровского (Публичная библиотека в Ленинграде F. IV. 238). Выделив из Ростовской летописи текст, соответствующий тексту списка Дубровского, получим представление о московском, по содержанию своему, своде, притом вполне тожественном с Эрмитажным списком. Этот свод оканчивался известием 9 сентября 6988 (1479) г., ибо, начиная со следующего известия 26 октября 6988 г., текст его оказывается заимствованным из летописи, тожественной с летописью по списку Дубровского. В виду тожества московского свода, вошедшего в состав так наз. Ростовской летописи, с Эрмитажным списком, мы заключаем, что оригинал Эрмитажного списка так же, как этот свод, был доведен до рассказа о московском пожаре 1479 г.

К восстановлению свода 1479 г., кроме списанной с него Эрмитажной летописи и происшедшей от него летописи Ростовской, должна быть при-

---

[1] За утратой начала рукописи, с которой в XVIII в. сделана была копия, текст идет со слов: «сармати, тавриане, скифиа, фраци».

влечена еще так называемая Типографская летопись, известная в части от 6714 до 7041 (1206—1533) гг. по весьма неисправному изданию XVIII в. (содержится в рукописи б. Синодальной библиотеки XVI в. № 789); тожественный свод в части до 6991 (1483) г. включительно находим в рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде Е. IV. 218 (Толстовской I, № 191). Более подробные данные об обеих летописях сообщим ниже в главе XXII. Здесь же ограничимся замечанием относительно того, что Типографская и Толстовская № 191 летописи тожественны с Московским сводом 1479 г. в начале, а именно в большей части «Повести временных лет»; только с 6587 (1079) г. начинаются отличия обеих этих летописей от Московского свода. В виду большей древности и исправности списков Типографской и Толстовской № 191 летописей сравнительно с Эрмитажным списком и со списком Архивским (Ростовскою летописью), мы при анализе текста «Повести временных лет» по Московскому своду 1479 г. будем пользоваться, а частью исходить из текста (в пределах до 1078 г. включительно) обеих названных летописей.

Значение Московского свода 1479 г. явствует из того, что он лег в основание последующего московского летописания. Воскресенская летопись оказывается переработкой этого свода; им же пользовались составители Никоновской и Львовской летописей. Временем составления Московского свода 1479 г. надо, вероятно, признать 80-е годы XV в. Мы увидим ниже основания, заставляющие признать, что Московский свод 1479 г. возник непосредственно из старшего свода, доведенного до 1472 г.

В основание Московского свода 1479 г. положена как будто Софийская 1-я летопись.* Общие с Софийскою 1-ю летописью места находим во всех частях Московского свода. Так, в части до 1074 г. (включительно до рассказа о кончине Феодосия) Московский свод в общем тожествен с Софийскою 1-ю летописью. После 1074 г. Софийская 1-я летопись представляет сильное сокращение русской летописи. Имея возможность пользоваться другими более полными летописными источниками, Московский свод руководствуется тем не менее Софийскою 1-ю или сходною с нею летописью, излагая по ней новгородские известия в пределах XI и XII вв. Ср. под 6630 г. (женитьба Мстислава), 6631 (поход на емь), 6632 (солнечное затмение), 6641 (поход на чудь), 6642 (подробности о битве на Ждане горе), 6644 (смута в Новгороде и женитьба Святослава Ольговича), 6645 (новгородские события и смерть Всеволода Мстиславича), 6646 (псковичи с новгородци смиришася), 6647 (начало летописной статьи), 6656 (смена князей в Новгороде в конце летописной статьи), 6664 (изгнание Мстислава Юрьевича. ср. в Софийской 1-й под следующим годом), 6669 (начало летописной статьи), 6677 (прибытие на Русь митрополита Константина и ряд известий, относящихся до Новгорода, ср. в Софийской 2-й под 6675 г.), 6679 (новгородские события, ср. в Софийской 1-й под предыдущим годом), 6688 (первое известие), 6690 (новгородские события), 6692 (новгородские

---

* *Заметка А. А. Шахматова на полях рукописи:* Все это надо изменить в виду результатов анализа Повести вр. лет (см. ниже).

события), 6695 (смена князей в Новгороде), 6696 (победа псковичей над чудью), 6699 (новгородские события), 6700 (новгородские события), 6701 (кончина Варлаама Хутынского), 6702 (пожар в новгородской области), 6703 (новгородские события), 6704 (новгородские события), 6705 (конец летописной статьи), 6706 (последнее известие), 6708 (новгородские события), 6709 (конец летописной статьи) и т. д.

С XIII в. число общих с Софийскою 1-ю летописью статей значительно увеличивается. Отмечу обширные совпадения под 6724, 6731, 6746, 6748, 6750, 6751, 6753, 6754, 6827, 6835, 6855, 6860, 6881, 6883, 6886, 6888, 6890, 6894, 6895, 6897, 6908, 6909, 6912, 6914, 6920, 6924, 6925, 6926 гг. и т. д. Казалось бы в виду этого, что источником Московского свода надо признать именно Софийскую 1-ю летопись. Но ряд соображений не позволяет принять такой вывод.

Во-первых, ставим вопрос, какою именно из двух главных редакций Софийской 1-й летописи пользовался составитель Московского свода? Первою ли редакцией, представленною списками Карамзина и Оболенского, или второю, представленною списками Толстовским, Бальзеровским и остальными? Мы увидим ниже, при анализе текста «Повести временных лет», что значительная часть чтений Московского свода сходится со списками К. О., но что вместе с тем ряд других чтений ведет нас к спискам второй редакции. То же следует из рассмотрения других частей Московского свода. Ср. под 6746 г. «абіе немилостивно», как в К. О., вм. «абіе», как в остальных (ср. V т., стр. 174, прим. д); «церковный чинъ» вм. «священный чинъ» (ср. V т., стр. 174, прим. е); под 6747 г. «лютъ бо бѣ бой» вм. «лютъ бо бой имъ есть» (ср. V т., стр. 175, прим. б); под 6748 г. «Галичь городъ взя» вм. «градъ Галичь взя волыньскый» (ср. V т., стр. 176, прим. б); «побѣди короля» вм. «побѣди корабля» (ср. V т., стр. 179, прим. а); «до Сабля» вм. «до Савля» (ср. V т., стр. 179, прим. ж); под 6751 г. читаем в Московском своде, как в К. О. о смерти Варлаама Хутынского, чего нет в других списках Софийской 1-й; под 6778 г. «предъ стрыемъ своимъ» вм. «подъ стрыемъ своимъ» (ср. V т., стр. 196, прим. е); под 6792 г.: «со всею Низовскою землею» вм. «со всею русьскою» (ср. V т., стр. 201, прим. а); под 6797 г. «Семіонъ епископъ Тверскій» вм. «Ростовскій» (V т., стр. 210, прим. г); под 6807 г. «устремишася на побѣгъ» вм. «побѣгоша» (ср. V т., стр. 203, прим. в); под 6827 г. «Максимъ» вм. «Петръ» (V т., стр. 207, прим. і); под 6850 г. «на Камнѣ» вм. «на Камлѣ» (ср. V т., стр. 223, прим. з); под 6853 г. «того же лѣта» вм. «тое же зимы» (ср. V т., стр. 225, прим. а); под 6854 г. «противу ему [его] на Лугу» вм. «противу его до Луга»; под 6879 г. о съезде новгородских уполномоченных с немцами для заключения мира, что во второй редакции Софийской 1-й летописи опущено; под 6883 г. «Зубцевъ, Белъгородокъ» вм. «Зубцевъ, Бѣлъгородокъ, городокъ Старицу» (ср. V т., стр. 234, прим. к); «ждаше бо [ждалъ] къ себѣ помощи отъ Литвы» вм. «ждалъ къ себѣ рати, отъ Литвы помочи» (V т., стр. 234, прим. п); под 6885 г. «колюще и сѣкуще» вм. «сѣкучи» (ср. V т., стр. 236, прим. и); под 6886 г. «Андрей Олгердовичь Литовскій» вм. «Андрѣй Литовской» (ср. V т., стр. 237, прим. а); под 6895 г. «нещадно мучаху

различными казньми» (ср. список Оболенского) вм. «мучаху нещадно различными мукамй» (ср. V т., стр. 239, прим. б); под 6901 г. «послу Дмитроку» вм. «послу Дмитрею (ср. V т., стр. 246, прим. б); под 6908 г. «много зло» вм. «многу изгибель» (ср. V т., стр. 251, прим. д); «а князю Василію и Борису и сыну его Ивану» вм. «а князю Василію и сыну его Ивану» (ср. V т., стр. 252, прим. в); под 6923 г. сообщено об избрании и поездке владыки Самсона на поставление в Москву, что во второй редакции Софийской 1-й летописи опущено и мн. др. Отмечу кроме того, что под 6875 г. Московский свод и списки К. О. упоминают о нападении немцев на Псковские области и о походе псковичей на немецкую область; тоже под 6876 (в Московском своде — 6877) г.

С другой стороны, оказывается, что в гораздо более многочисленных и притом более существенных случаях Московский свод сходится не с первою, а со второю редакцией Софийской 1-й летописи. Ср., напр.: начало статьи 6737 г. оказывается в Московском своде сходным со статьей этого года по Софийской 1-й летописи, но при этом Московский свод не содержит тех самых известий, которые во 2-й редакции Софийской 1-й летописи опущены сравнительно с первою; тоже под 6742, 6745, 6782, 6784, 6792, 6793, 6801, 6802, 6807, 6810, 6815, 6822, 6823, 6830, 6831, 6832, 6838, 6839, 6845, 6858, 6867, 6894 гг. (ср. V т., стр. 241); 6896, 6901 (о взятии Клична и Устюжны), 6919 гг. и мн. др. Отметим для примера и несколько менее значительных случаев совпадения Московского свода со второй редакцией Софийской 1-й. Под 6918 г. статья о прибытии Фотия на Москву изложена в Московском своде сходно со второй редакцией; под 6917 г. в первой редакции Софийской 1-й нет о мире псковичей с немцами, ср. Московский свод и вторую редакцию; под 6748 г. Московский свод и вторая редакция имеет «Вѣлаи» (Вѣла), первая — «Бѣла» (V т., стр. 176, прим. с); в повести об Александре Московский свод и вторая редакция — «пѣсноописца», первая — «пѣснословца» (V т., стр. 177, прим. ж); там же: «мечемъ», в первой редакции — «копіемъ» (V т., стр. 178, прим. ж); там же: «и даша ратніи плещи своя», в первой редакции «и даша ратніи плещи своя на раны» (V т., стр. 181, прим. б); под 6763 г. там же «съвѣтъ благъ», в первой редакции — «съвѣтъ золъ» (V т., стр. 188, прим. г); под 6834 г. «и князь Василей мѣстный», в первой редакции — «князь Василей Мѣньскый» (V т., стр. 217, прим. г); под 6877 г. — известие о поставлении Переяславля, что в первой редакции опущено (V т., стр. 231, прим. і); под 6826 «монастыри пожже», а в первой редакции — «монастыри пограби»; под 6792 г. «и со своею русьскою землею», а в первой редакции «и со всею низовскою землею»; под 6818 г. и в Московском своде, и во второй редакции к известию о погребении владыки Феоктиста нет приписки: «а душа взиде на небо», как во второй редакции (V т., стр. 205, прим. д); под 6885 г. к известию о вокняжении Ягайла не прибавлено: «обладая всею землею Литовьскою», как в первой редакции (V т., стр. 235, прим. о), и т. д.

Таким образом на поставленный выше вопрос приходится ответить или так, что составитель Московского свода пользовался и первою, и вто-

рою редакцией Софийской 1-й летописи, или, что он пользовался первою редакцией, а вторая исправлена и составлена по первой при помощи Московского свода. Допустить одновременное пользование первою и второю редакцией Софийской 1-й летописи не представляется мне вероятным и прежде всего потому, что весьма сомнительно, пользовался ли составитель Московского свода первою из этих редакций. Мы именно видим, что в некоторых случаях общие статьи Московского свода и первой редакции Софийской 1-й летописи ведут к заключению о наличности общего для обоих памятников источника. Так, известия о столкновениях псковичей с немцами под 6875 и 6876 гг. в первой редакции Софийской 1-й летописи оказываются короче соответствующих статей Московского свода; при этом текст Московского свода можно возвести к Новгородской 4-й летописи; но признать эту летопись источником Московского свода мы не можем; равным образом Новгородская 4-я летопись не была источником для первой редакции Софийской 1-й,[1] а общее их содержание объясняется пользованием общим источником, каковым был Новгородский свод 1448 г. По той же причине отвергаю предположение о том, что Московский свод положил в свое основание одну первую редакцию Софийской летописи.

Оставляя пока открытым вопрос об отношении Московского свода ко второй редакции Софийской 1-й, т. е. не высказываясь ни в пользу того, что Московский свод пользовался этой редакцией, ни в пользу того, что, напротив, эта редакция составлена на основании Московского свода, я обращаюсь к выяснению отношений первой редакции Софийской летописи к Московскому своду. Отвергнув предположение о пользовании составителем Московского свода Софийскою 1-ю летописью в первой ее редакции, мы пришли к заключению о необходимости допустить общий для Московского свода и Софийской 1-й летописи источник. Отметив, что некоторые общие Московскому своду и Софийской 1-й летописи статьи сближают их с Новгородскою 4-ю летописью, мы отвергли однако возможность признать этим общим источником для Московского свода и для первой редакции Софийской 1-й летописи Новгородскую 4-ю летопись. Мы знаем источник первой редакции Софийской 1-й летописи — это Новгородский свод 1448 г. Заключаем отсюда, что общим источником этой летописи и Московского свода должен быть тот же Новгородский свод 1448 г.

В пользу предположения о том, что источником Московского свода был именно Новгородский свод 1448 г., приводим следующие основания. Во-первых, пользование этим источником со стороны Московского свода объяснит нам, почему значительная часть содержания его оказывается общею с Софийскою 1-ю летописью; мы ведь знаем, что Софийская 1-я летопись произошла из свода 1448 г., причем первую редакцию Софийской 1-й летописи мы возводили к тексту свода 1448 г. непосредственно; следо-

[1] В упомянутой статье 6875 г. в первой редакции Софийской 1-й читаем: «Пьсковичи же ходиша воевати на нѣмецьскую землю, и много земли ихъ повоеваша, и убиша у Пьсковичь Силу воеводу». Ни в Московском своде, ни в Новгородской 4-й этого известия нет.

вательно, при указанном объяснении для нас выясняется и причина близости Московского свода именно с первою редакцией Софийской 1-й летописи.

Во-вторых, предположение о том, что в основание Московского свода положен именно Новгородский свод 1448 г. (а не Софийская 1-я летопись), объясняет нам, почему в Московском своде оказывается ряд общих мест с Новгородскою 4-ю летописью. Укажу несколько таких мест: под 6715 г. находим вставку в рассказ о походе Всеволода на Рязань (ср. VII т, 115), которая гораздо ближе соответствует Новгородской 4-й (6717), чем Софийской 1-й; под 6817 г. в Московском своде и Новгородской 4-й читаем о море и голоде, в Софийской 1-й этого известия нет;[1] под 6783 г. читаем о поставлении в Торжке каменной церкви Преображения, в Новгороде каменной церкви в Антоньеве монастыре, во Пскове каменной церкви Троицы, на Лятке каменной церкви Николы; то же в Новгородской 4-й под 6872 и 6873 гг., а в Софийской 1-й этих известий нет; под 6874 г. в Московском своде и Новгородской 4-й о поставлении каменной церкви Троицы в Новгороде; под 6875 г. там же о присылке новгородцами послов с челобитьем к Дмитрию Ивановичу; под 6879 г. там же о поставлении в Русе каменной церкви Николы и о пожаре Торжка; под 6883 г. там же содержатся общие подробности о захвате Костромы новгородскими ушкуйниками;[2] под 6887 г. там же читается общая фраза в рассказе о битве на Воже, опущенная во второй редакции Софийской 1-й летописи;[3] под 6901 г. в Московском своде и 6898 г. в Новгородской 4-й читаем статью о новокрещенных татарах; под 6918 г. в Московском своде и Новгородской 4-й (IV т., стр. 113) находим сообщение о втором походе Ягайло и Витовта под Марьин город; под 6920 г. там же об отъезде Лугвения из Новгорода, и, в конце года, о поездке владыки Ивана на Москву; под 6922 г. там же о пострижении владыки Ивана в схиму; под 6925 г. там же описание мора, бывшего в Новгороде и других русских городах; под 6927 г. там же о кончине Григория Цамблака; под 6929 г. там же подробное описание наводнения и бури в Новгороде; под 6931 г. там же удаление с владычества Феодосия и возведение Емельяна. Все указанные статьи могли попасть в Московский свод и Новгородскую 4-ю летопись из одного источника, каковым мог быть именно свод 1448 г.

В третьих, наше предположение о том, что в основание Московского свода положен свод 1448 г. доказывается еще тем, что мы находим в нем такие общие статьи с Новгородскою 1-ю летописью, которые отсутствуют и в Новгородской 4-й и в Софийской 1-й. Мы знаем, что в основание свода 1448 г. положен текст Новгородской 1-й летописи (в редакции,

---

[1] Список Царского вставил его на основании Московского свода (ср. V т., стр. 204, прим. к).

[2] Слова: «и сташа ополчившеся на брань... а друзіи в лице къ нимъ» (ср. VIII т., стр. 23).

[3] «И потомъ на грунахъ поидоша, рустіи же плъци поткоша противу нихъ».

доведенной до 1421 г.) и что как Софийская 1-я, так и Новгородская 4-я передавали текст свода 1448 г. сокращенно. Отсюда ясно, что в Московском своде, если он восходит к своду 1448 г., могут быть статьи, общие с Новгородской 1-й и отсутствующие в Новгородской 4-й и Софийской 1-й. Так, под 6884 г. в Московском своде и Новгородской 1-й (Комиссионный и сходные списки) читаем, что Волховъ шелъ вспять семь дней уже третий год,[1] далее о прибытии из Синайской горы митрополита Марка и архимандрита Нифонта, об отказе от владычества Алексия и поездке его в Москву; в конце года читаем о грамоте Киприана в Новгород и об отказе на признание его, данном новгородцами. Под 6927 г. в Московском своде согласно с Новгородской 1-й изложены причины прибытия князя Константина Дмитриевича в Новгород, между тем в Новгородской 4-й об этих причинах умолчено.

В четвертых, отмечу еще указанное выше место Московского свода, не находящее себе соответствия ни в Новгородской 1-й, ни в Новгородской 4-й — это сообщение о получении новгородцами грамоты в 6898 г. Московский свод, самостоятельно пользовавшийся новгородским сводом 1448 г., мог, конечно, извлечь из него такие новгородские известия, которые не попали в Новгородскую 4-ю, причем известия эти в своде 1448 г. восходят не к Новгородской 1-й, а к другому источнику.

В пятых, решительное подтверждение высказанному предположению о том, что источником Московского свода был свод 1448 г., я вижу еще в следующем обстоятельстве. Под 6904 г. мы находим в нем статью о поставлении в ростовские владыки Григория; сообщение об этом сопровождается перечнем предшествовавших Григорию владык; в перечне последним назван Григорий. Не подлежит сомнению, что такой вид статьи 6904 г. должен быть признан более первоначальным, чем тот вид ее, что читается в Новгородской 4-й, где перечень продолжен именами Дионисия и Ефрема, и более первоначальным, чем ее редакция в Софийской 1-й, где опущен перечень ростовских владык. Но наличность статьи 6904 г. о поставлении Григория Ростовского как в Новгородской 4-й, так и в Софийской 1-й доказывает, что она читалась и в своде 1448 г., при чем совершенно ясно, что в этом своде она сопровождалась перечнем ростовских владык,[2] который и мог читаться в нем в более первоначальном виде, чем в Новгородской 4-й. Мы уже видели перечень ростовских владык в указанной редакции, доводящей перечень до Григория, в Карамзинском списке Новгородской летописи. При этом, анализируя этот список, мы приходим к заключению, что текст Карамзинского списка представляет текст Новгородской 4-й, исправлен-

[1] Это известие имеется и в Новгородской 4-й, но указания: «потретьи же уже такъ идяше» в ней опущено.

[2] Указание на то, что перечень был в источнике Софийской 1-й, видно из того, что Григорию приписано в ней (в первой ее редакции) 35-летнее владычество; 35 — это то число, каким по порядку избрания был владыкою Григорий. Ср. в Новгородской 4-й: «35. Григорей», ибо владычествовал Григорий всего 22 года.

ный и дополненный по Новгородскому своду 1448 г. Отсюда уже с полною уверенностью заключаем, что статья о поставлении Григория попала в Московский свод из Новгородского свода 1448 г.

Итак, мы утверждаем, что в основание Московского свода положен Новгородский свод 1448 г.* К нему восходит значительная часть содержания свода, в особенности в начале (до 1074 г), а также в изложении XIII—XIV и первой четверти XV в. Прежде, однако, чем строить дальнейшие выводы и определять способы пользования составителем Московского свода текстом свода Новгородского, остановимся на затронутом уже выше вопросе об отношении Московского свода ко второй редакции Софийской 1-й летописи. Из предыдущего ясно, что вторая редакция Софийской 1-й летописи не была в числе источников Московского свода, ибо все общее Московскому своду и Софийской 1-й летописи возводится в Московском своде к Новгородскому своду 1448 г. Выше, определяя отношение второй редакции Софийской 1-й летописи к первой, мы приходили к заключению, что вторая редакция исправила, сократила и дополнила текст первой, руководствуясь каким-то Московским сводом. Это заключение мы кладем в основание дальнейших наших выводов: исследуемый нами Московский свод в более древней редакции, чем та, что дошла до нас в Эрмитажном списке № 416 б, послужил источником исправлений, сокращений и дополнений для второй редакции Софийской 1-й летописи. Итак, одновременная близость Московского свода к первой и ко второй редакции Софийской 1-й летописи объясняется тем, что во-первых, в основание Московского свода положен Новгородский свод 1448 г. (лежащий в основании и первой редакции Софийской 1-й летописи), во-вторых, Московский свод повлиял на переработку текста первой редакции Софийской 1-й летописи в текст второй редакции. Выше мы привели ряд мест, отличающих Московский свод и вторую редакцию Софийской 1-й летописи от первой редакции; думаю, все эти общие черты перенесены из Московского свода в Софийскую 1-ю.

Сделанный нами вывод имеет решающее значение в вопросе о времени появления древнейшей редакции Московского свода. Мы видели выше, что вторая редакция Софийской 1-й летописи составлена между 1456 и 1458 гг. Отсюда заключаем, что Московский свод составлен не позже 1458 г. Предположив же, что Софийская 1-я летопись во второй своей редакции заимствовала свое окончание (события 6931 и следующих годов) именно из Московского свода, и приняв во внимание, что последним из таких заимствований была статья 1456 г. (ср. Бальзеровский список), мы заключаем, что эта статья читается и в Московском своде. Следовательно, древнейшая редакция Московского свода возникла так же, как вторая редакция Софийской 1-й летописи, между 1456 и 1458 гг.

Сравнивая вторую редакцию Софийской 1-й летописи в части 6931—6964 гг. с Московским сводом, видим значительные между ними отличия. Оставляю в стороне то обстоятельство, что текст второй редакции Софий-

---

* *Заметка А. А. Шахматова на полях рукописи:* Нет!

ской 1-й летописи представляет в этой части собственно лишь краткое извлечение из более полного текста, переданного в Московском своде. Обращаю внимание на то, что и в этом кратком извлечении содержится несколько данных, опущеных в Московском своде, как в редакции доведенной до 1479 г. (Эрмитажный № 416б), так и в редакции, доведенной до 1472 г. (Никаноровской и Вологодско-Пермской летописи). Так, под 6931 г. не находим в Московском своде молитвенного обращения после сообщения о голоде; под 6933 г. не находим известия о кончине княгини Ростовской; под 6935 г. не указан день кончины князя Петра Дмитриевича; под 6940 г. не указан день кончины князя Андрея Дмитриевича; под 6942 г. не указаны ни день кончины, ни место погребения князя Юрия Дмитриевича; под 6956 г. не отмечено совпадение благовещения с понедельником на святой неделе; под 6959 г. не сообщено о кончине княгини Тверской Анастасии; под 6960 г. не указано, кто венчал в Твери в. кн. Ивана Васильевича; под 6963 г. не сообщено о том, что вогуличи воевали Великую Пермь, и т. д. Мы выводим отсюда, что редакция Московского свода, доведенная до 1472 г., значительно удалилась от редакции, доведенной до 1456 г., а именно сократила ее в известиях XV в.

Возвращаемся к вопросу об источниках Московского свода, который мы в виду добытых результатов уже не можем называть ни сводом 1479, ни сводом 1472 г., ибо он возник гораздо раньше, в середине XV в. Один из источников нами определен — это Новгородский свод 1448 г. Ставим вопрос, до какого места Московского свода можно проследить заимствования из этого его источника? Выше отмечена статья 1423 г. об удалении с владычества Феодосия и возведении Емельяна, как общая Московскому своду и Новгородской 4-й летописи. Позже этого года мы не находим в Московском своде статей, общих с Новгородскою 4-й; что же касается второй редакции Софийской 1-й, то сходство с нею прекращается на 1422 г., ибо дошедшие до нас списки этой первой редакции оканчиваются на известии о московском пожаре 18 августа 1422 г. Принимая во внимание оба эти обстоятельства, нахожу вероятным допустить, что последним известием Новгородского свода 1448 г., которым мог воспользоваться составитель Московского свода, было приведенное выше сообщение 1423 г. Отсюда делаем вывод, что свод 1448 г. был доведен только до 1423 г.

Переходя к вопросу, как пользовался составитель Московского свода своим основным источником, отмечаем прежде всего некоторую затруднительность ответить на него. Дело в том, что нами только что установлена возможность переработки Московского свода первоначальной редакции середины XV в. при переходе в редакцию 1472 и дошедшую до нас редакцию 1479 г. Мы указывали при этом, что текст первоначальной редакции местами подвергся сокращению. В виду этого, встречая местами в Московском своде редакции 1479 г. сокращенную передачу Новгородского свода 1448 г., мы в праве предположить, что это сокращение принадлежит не первоначальной, а последующей редакции Московского свода. Так, например, значительно сокращены в Московском своде редакции 1479 г.

статьи 6754 г. об убиении в. кн. Черниговского Михаила и 6827 г. об убиении в. кн. Тверского Михаила. Но были ли эти статьи сокращены и в Московском своде редакции 1456 г.? Не читались ли они в ней так же полно, как в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях? Ответ на эти вопросы весьма затруднителен. Но думаю, что мы имеем известные основания для предположения, что Московский свод редакции 1456 г. излагал подробно некоторые статьи, сокращенные в редакции 1479 г., и не опускал некоторых статей, которые в редакции 1479 г. опущены. А именно здесь, как и в рассмотренной выше части 6931—6964 гг., указания на чтения свода 1456 г. мы извлекаем из второй редакции Софийской 1-й летописи. Московский свод 1479 г. под 6395 (887) г. не помещает ни хронологической выкладки, ни родословной великих князей, ни перечня епархий, несмотря на то, что эти статьи, по свидетельству Новгородской 4-й и Софийской 1-й, читались в своде 1448 г. Сравнивая текст родословной по второй редакции Софийской 1-й с текстом родословной по первой редакции этой летописи, видим, что вторая редакция (в основном своем списке) дополнила родословную первой редакции именами сыновей Василия Васильевича (Иван, Юрий, Андрей); кроме того, исправила перечень сыновей Василия Дмитриевича (вместо Юрия, Ивана, Василия — только Иван и Василий). Откуда же взяты эти дополнения? Естественно предположить, что из того самого Московского свода, который вообще послужил источником для исправления и дополнения текста первой редакции Софийской 1-й летописи при переработке его во вторую редакцию. Если родословной нет в Московском своде 1479 г., то она могла быть в редакции 1456 г., по которой именно дополнена и исправлена вторая редакция Софийской 1-й летописи. Из рассмотрения соответствующей статьи в списке Царского извлекаем еще более определенные указания. Как увидим ниже, список Царского представляет текст второй редакции Софийской 1-й летописи, исправленный и дополненный по Московскому своду. Дополнения и исправления в названной статье родословной под 6395 г. особенно существенны: мы видим, что список Царского исправил перечень сыновей Владимира Мономаха и Юрия Владимировича, во всех списках второй (и первой) редакции исчисленных неверно; дополнил перечень сыновей Дмитрия Ивановича именем старшего сына Данила, опущенного во всех списках второй редакции и, наконец, продолжил родословную сыновьями Ивана III Васильевича. Думаю, что все это заимствовано списком Царского из Московского свода времен княжения Василия Ивановича: этот свод содержал под 6395 г. родословную, откуда заключаем, что родословная могла содержаться и в старших редакциях свода, хотя и опущена в редакции 1479 г.

Не решая поэтому вопроса, в каких именно местах сокращен был текст Новгородского свода 1448 г. в первоначальной редакции Московского свода, отметим, что в Московском своде 1479 г. имеются значительные сокращения, сравнительно с Софийской 1-й и Новгородскою 4-й летописями, при передаче текста, общего этим летописям и Московскому своду источника. Оставляю в стороне «Повесть временных летъ», которую рассмотрим ниже,

и приведу сокращения из других частей свода. XII век, как мы видели, мало следует основному источнику, данные которого заглушены заимствованиями из других источников; под 6724 (1216) г. значительно сокращен рассказ о походе Мстислава Мстиславовича на Ярослава и Юрия; под 6754 г. сокращен рассказ об убиении Михаила Черниговского; под 6760 г. видим пропуск в рассказе об Андрее Ярославиче (пропущены слова: «и пріѣде къ нему его княгини»); под 6767 г. в рассказе о новгородских событиях несколько подробностей опущено; то же под 6776 г. (опущен перечень князей, участвовавших в походе на Раковоръ, далее благочестивые размышления по случаю поражения новгородской рати и др.); под 6778 г. опущены рассуждения по поводу убиения Романа Ольговича рязанского; под 6780 г. опять несколько незначительных пропусков в рассказе о Довмонте; под 6784 г. опущена вторая часть известия о возвращении владыки Климента в Новгород; под 6807 г. в сообщении о смерти Довмонта читаем: «и положиша его у святой Троици, иже за домъ ея много тружася и за люди Псковскія» вместо «иже много тружався за домъ святыя Троица и за домъ святыя Софіи, за великій Новъгородъ и за Псковъ»; под 6809 г. в рассказе о походе кн. Андрея Александровича на немцев видим несколько несущественных, впрочем, пропусков; под 6823 г. перед рассказом о битве новгородцев с Михаилом Тверским опущено: «бысть же за умноженіе грѣховъ нашихъ, божіимъ попущеніемъ, не мало зла сътворися»; под 6827 г. рассказ об убиении Михаила Ярославича Тверского сокращен весьма значительно; под 6837 г. опущен ответ Александра Михаиловича на требование в. кн. Ивана Даниловича идти в орду: «се ли имъ любо, поганіи Тфѣрь взяша, а людій овыхъ плѣниша а овыхъ мечи изсѣкоша?»; под 6850 г. после «къ поганому царю Чанибѣку» опущено: «еже бѣ сѣлъ на царствѣ, убив два брата своя»; под 6855 г. перед словами: «и взяша город» опущено «милостію божіею и заступленіем святыя Софіи, и молитвою пресвятыя владычицы нашея богородицы и приснодѣвы Маріи и силою креста честнаго, на негож уповахомъ»; под 6881 г. в рассказе о встрече московской и новгородской рати под Любутском, когда между обоими ратями оказался непроходимый овраг, опущено: «и бяше имъ врагъ той въ спасеніе» и ниже сообщение о благодарственной молитве христиан за спасение от смерти; под 6888 г. в повести о Мамаевом побоище видим опять ряд сокращений (напр., опускаются молитвы, сравнения, тексты Писания); под 6894 г. нет перечня войск, участвовавших в походе Дмитрия Ивановича против Новгорода; под 6897 г. опущен конец жития в. кн. Дмитрия Ивановича (после перечня его сыновей), и т. д.

В Московском своде, при обработке основного источника — Новгородского свода 1448 г. обнаружилась яркая московская тенденция. Так, например, составитель Московского свода под 6847 г. удаляет указание на то, что в. кн. Иван Данилович содействовал убиению Александра Михаиловича Тверского; после слов: «поиде же князь Александръ и князь Василей Давыдовичь Ярославскій с нимъ» опущено: «на нь же посла великій князь Иванъ Даниловичь тесть его, въ пятисотъ человѣкъ переимати,

но отбися ихъ». С другой стороны, в сообщении об убиении Александра и сына его Феодора опущены слова: «пріемша горкую нужную смерть за христіяньскую вѣру». Под 6849 г. в Софийской 1-й и Новгородской 4-й читаем после рассказа о размолвке новгородцев с в. кн. Семеном Ивановичем: «и докончаша миръ по старымъ грамотамъ, и крестъ цѣлова къ нимъ» (ср. V т., стр. 223), а в Московском своде: «и дасть имъ миръ по старымъ грамотамъ, и крестъ цѣловаша» (ср. VIII т., стр. 207). Под 6901 г. в Софийской 1-й и Новгородской 4-й: «Новгородци [1] же послаша къ великому князю съ челобитіемъ о старинѣ» (ср. V т., стр. 245—246), между тем в Московском своде: «Тое же осени прислаша новгородцы пословъ своихъ къ великому князю лучшихъ людей, біяше челомъ за своя вины и за грубости и за неисправленіе» (ср. VIII т., 63). Под 6906 г. в Софийской и Новгородской 4-й: «того же лѣта ѣздиша на Москву къ великому князю Василію Дмитріевичу послы новгородскія, посадникъ Есиф Захаріиничь, тысячьскый Ананія Костянтиновичь съ челобитіем отъ Новагорода [2] и взяша миръ. Того же лѣта пріѣха в Новъгородъ великого князя Василія Дмитриевича братъ князь Андрѣй» (ср. V т., стр. 251); между тем в Московском своде: «того же лета ѣздиша на Москву къ великому князю Василью Дмитріевичю новгородцкіе послы, посадник Іосиѳъ Захарьичь и тысячски Онаніа Костянтиновичь съ челобитіемъ отъ Новагорода и с многими дары, и князь велики ихъ пожаловалъ, миръ взя, и дасть имъ князем великымъ, въ свое мѣсто, брата своего меншаго князя Андрѣя». Под 6879 г. к словам: «рязанцы же, сурови суще человѣци, свирѣпи и высокоумни» прибавлено: «палаумные людища»; этих слов нет ни в Новгородской 4-й, ни в первой редакции Софийской 1-й летописи.[3] Под 6679 г., сообщив об изгнании Новгородцами князя Романа, составитель Московского свода прибавляет: «таковъ бо бѣ обычай окаянныхъ смердовъ измѣнниковъ».

Определив таким образом основной источник Московского свода, переходим к другим его источникам. Первое место среди них занимает Московская летопись. Приблизительно со второй четверти XIV в. находим в Московском своде ряд московских известий, неизвестных основному источнику Московского свода, т. е. Новгородскому своду 1448 г. Ср. под 6828 г. кончину князя Бориса Даниловича; под 6834 г. указание на день рождения у в. кн. Ивана Даниловича сына Ивана, а также подробное известие о закладке на Москве первой каменной церкви и обстоятельное сообщение о кончине митрополита Петра; под 6835 г. освящение церкви Успения на Москве; под 6836 г. женитьба князя Константина Васильевича у князя Ивана Даниловича; под 6837 г. построение на Москве двух церквей Иоанна Лествичника и Петра, и т. д. Оказывается, что все эти известия имеются в так наз. Симеоновской летописи и также в недошедшей до нас летописи Троицкой, которая, судя по выпискам из нее в «Истории

[1] В Новгородской 4-й: «И новгородци не хотя видѣти болшаго кровопролитья въ хрестьянехъ».

[2] В Новгородской 4-й нет слов: «съ челобитіем отъ Новагорода».

[3] А во второй редакции Софийской 1-й летописи: «палаумные смерди».

Государства российского», была очень близка в части до 1390 г. к Симеоновской. Мы видели выше, что Троицкая летопись была доведена до 1409 г. Что же касается Симеоновской, то она доходит до 1494 г., при чем представляет три резко отграниченные одна от другой части: первая часть от 1177 до 1390 г. (Симеоновская летопись начинается с 1177 г., т. е. со времени вступления на великокняжеский стол Всеволода Юрьевича), в общем тожественна с Троицкою, хотя местами отступает от нее и следует летописи, близкой к Московскому своду (т. е. к Эрмитажному списку № 416б и сходным с ним спискам); [1] вторая часть от 1390 же года до 1409 г. оказывается тожественною с соответствующею частью так наз. Рогожского летописца (см. гл. XIV); третья от 1410 до 1494 гг. содержит текст, тожественный с Московским сводом (в части до 1479) , а также с другими позднейшими сводами, примыкающими к Московскому. Итак, Симеоновская летопись сближается с Московским сводом почти на всем своем протяжении, кроме, впрочем, второй своей части, обнимающей события двадцати лет. Казалось бы возможным признать Симеоновскую летопись, — скажем в более древней редакции ее, доходившей до 1479 г., — источником Московского свода, нами рассматриваемого. Но мы отвергаем эту возможность, как потому, что имеем указание на то, что источником Московского свода 1479 г. был Московский свод 1456 г., так и потому, что вставки из Московского свода в текст Троицкой, отмеченные нами выше в Симеоновской, делают вероятным, что в числе источников Симеоновской был Московский свод. В виду этого сходство Симеоновской летописи с Московским сводом в части до 1390 г., с одной стороны, и в части от 1410 до 1479 г., с другой, должно иметь различные основания. Сходство в части до 1390 г. должно быть поставлено в связь с тем, что в части 1177—1390 гг. Московский свод, сходствуя с Симеоновскою летописью, вместе с тем сходствует и с Троицкой (в общем, как указано, тожественною с Симеоновскою); поэтому представляется вероятным объяснять сходство Московского свода с Симеоновскою и Троицкою в части 1177—1380 гг. тем, что в числе источников Московского свода была Троицкая или сходная с Троицкою летопись. Между тем сходство Московского свода 1479 г. с Симеоновскою в части от 1410 до 1479 г. объясняется тем, что Симеоновская имела в числе своих источников Московский свод 1479 г. Оставим пока в стороне часть 1410—1479 гг. Московского свода и остановимся на высказанном предположении о том, что в числе источников Московского свода была Троицкая или сходная с Троицкою летопись.

Предположение это находит себе подтверждение на протяжении Московского свода от самого начала его до 1409 г., на котором, по свидетельству Карамзина, обрывалась Троицкая летопись. Источниками для восстановления Троицкой летописи служат: в части от 1177 до 1390 гг. Симеоновская и выписки Карамзина, в части от 1390 до 1409 гг. выписки Карам-

[1] Такие отступления имеются под 1235—1237, 1239—1247 и 1361—1364 годами.

зина и, наконец, в части до 1177 г., во-первых, Лаврентьевская летопись, которая, по всем имеющимся данным, близко сходствовала с Троицкою, во-вторых, сохранившиеся в издании Тимковского варианты из Троицкой к тексту Лаврентьевской (в части до 6414 г. включительно), в третьих, выписки Карамзина. И вот, на основании восстановленного по этим данным текста Троицкой летописи, приводим следующие доказательства в пользу того, что Троицкая (или сходная с нею летопись) была источником Московского свода.[1]

В части от 6627 до 6685 гг. (с которого начинается Симеоновская и с которого поэтому мы можем говорить о Троицкой более определенно) находим в Московском своде ряд статей, тожественных с Лаврентьевскою. Отметим летописные статьи 6633 г. (за исключением слов: «а новгородци того же лѣта посадиша на столѣ Всеволода Мстиславича», восходящих к своду 1448 г.), 6634, 6635 (за исключением известия о густом метыле, шедшем съ неба в течение четырех дней), 6636, 6638, 6639, 6642, 6649, 6650, 6651, 6657 (вторая половина), 6658 (первая половина), 6663, 6678 (кроме начала и конца), 6679 (кроме двух известий новгородских), 6680, 6681, 6682 (кроме последнего известия, восходящего к своду 1448 г.), 6684 гг. Кроме того, в составе и других летописных статей 6627—6685 гг. находим ряд известий и более или менее обширных отрывков, тожественных с Лаврентьевскою летописью. Отмечу общее с Троицкой чтение: «Дулѣбское озеро» под 6659 г. (ср. VIII т., стр. 52) вместо «Долобьское» Лаврентьевской летописи.

Начиная со статьи 6685 г., озаглавленной в Симеоновской одинаково с Московским сводом: «О побѣдѣ великому князю Всеволоду на Рязанские князи и на Ростиславичя», имеем возможность убедиться в тожестве текста Московского свода, восходящего к источнику, общему с Лаврентьевскою летописью, с текстом Троицкой летописи. Без всякого затруднения возводим к Троицкой, напр., текст статей 6685—6703 гг., причем все лишнее в Московском своде против Троицкой легко объясняется из свода 1448 г. (а в статье 6691 г. слова: «Всеволодъ же оставилъ бяше у людій Бѣлозерьскій полкъ; пришедше же болгари близъ къ людіямъ и устремишася на бой» восходят к южной летописи, о которой скажем ниже.) Отметим, что пожар Владимирский 6693 г. отнесен Симеоновскою летописью на 27 апреля, между тем Московский свод и Лаврентьевская летопись указывают 18 апреля, отмечая, что в этот день была память Симеона, ужика господня; думаю, что и в Троицкой летописи стояло 18 апреля, а поправка Симеоновской вызвана тем, что в XVI в., так же, как и теперь, празднование Симеона, сродника господня, падало не на 18, а на 27 апреля. Поправка іюня 31 на іюля 31 в статье 6693 г. о победе Владимира Глебовича над Половцами вызвана, повидимому, южною летописью (где июля 30). Под 6704 г. несколько известий в начале соответствующей летописной статьи восходят также к Троицкой летописи. Это видно из совпа-

[1] Текст «Повести временных лет» оставляем пока в стороне.

дения их с текстом Симеоновской; при этом известия о женитьбе Константина Романовича нет в Лаврентьевской — и это обстоятельство исключает возможность пользования Московским сводом в качестве источника Лаврентьевскою летописью. Под 6705 г. большая часть текста восходит в Московском своде к Троицкой летописи (ср. Симеоновскую): расширена только вставкой речь Рюрика Ростиславича к Всеволоду, а в конце года помещено новгородское известие; здесь освящение церкви Иоакима и Анны отнесено на 27 декабря, между тем в Симеоновской указано 10 ноября, а в Лаврентьевской 3 ноября (и в Симеоновской и в Лаврентьевской «на память святого мученика Акепсимы»); причина такого отступления Московского свода от своего источника не ясна. Под 6707—6709 гг. текст Московского свода восходит к Троицкой, что ясно из совпадения его с Симеоновскою и Лаврентьевскою; все лишнее возводится к Новгородскому своду 1448 г. Под 6710 и 6711 гг. текст Московского свода может быть возведен к Троицкой, в виду совпадения его с Симеоновской, причем оказывается, что мы имеем здесь ряд известий, отсутствующих в Лаврентьевской; кроме того, отметим, что известия 6710 г. о небесных знамениях нет также в Симеоновской (это известие есть в Радзивил. и Академич.);[1] думаю, что Симеоновская опустила его; известия 6711 г. о знамениях 22 января не оказывается ни в Лаврентьевской, ни в Радзивиловской и Академическом списке, но оно есть в Симеоновской, а следовательно восходит к Троицкой; слова: «и убиша ихъ 1000 и 700» заимствованы из свода 1448 г.

Продолжаем обзор отношений Московского свода к Троицкой, в виду того, что эти отношения особенно интересны в первой четверти XIII в. Под 6712 г. Московский свод помещает статью Новгородского свода 1448 г., но два последние известия — о кончине Олега Святославича Черниговского, о падении Ростовской церкви и о смерти Владимира Муромского могут быть возведены к Троицкой, ибо они читаются и в Симеоновской. Текст статьи 6713 г. восходит к Троицкой (кроме слов, обращенных Всеволодом к новгородцам: они взяты из Новгородского свода 1448 г., и неясного по происхождению известия: «Рюрикъ отда Бѣлгородъ Олговичемъ, Олговичи же посадиша въ немъ брата своего Глѣба»). Статья 6714 г. восходит целиком к Троицкой, кроме неясного по происхождению последнего известия ее: «и пребысть нѣколико дній у отца своего въ веселіи, и пакы иде къ Новугороду». Статья 6715 г. содержит несколько таких известий, которых нет ни в Лаврентьевской, ни в Симеоновской, которых не было, следовательно, в Троицкой: этих известий не было также в другом источнике Московского свода — Новгородском своде 1448 г., ибо их нет ни в Софийской 1-й, ни в Новгородской 4-й: так, после слов: «князь же великій повелѣ изнимати ихъ и бояръ ихъ и вести въ Володимеръ» прибавлено «а оттолѣ посла и въ Петровъ»; между словами: «Во утріи же самъ перебродися Оку и поиде ко Проньску» и «слышавъ же то Кюръ Михайло Всеволодичь» вста-

[1] В Софийской 1-й и Новгородской 4-й оно есть, но изложено короче; слова: «едино же отъ нихъ скажемъ» оказываются в Московском своде общими только с Радзивиловской и Академической.

влено: «со сынми своими, и Володимеричи Глѣб и Олегъ съ нимъ и Давыдъ Муромскій, а лодьи свои отпустиша на островъ ко Олгову со всѣмъ товаромъ». Далее, после слов «князь же великій пришедъ къ Проньску» вставлено: «и оступи городъ всь полкы своими, и стоя около его двѣ недѣли. Слышавше же рязанци, яко людіе суздалстіи и новгородци стоятъ с товаромъ на островѣ у города Олгова, и нарядиша на них лодьи съ людми со многыми, а сами поидоша на нихъ брегомъ со княземъ Романом Игоревичемъ; слышавъ же то князь великій Всеволодъ, и посла Олга Володимерича къ лодіямъ къ полкомъ своимъ, и сняшася у города Олгова, и побѣди Олег Романа и бѣжа Романъ къ Резаню, лодейницы же ихъ видѣвше своихъ бѣжащихъ, пометавше лодіи бѣжаща в лѣсы» и т. д. до слов: «и оттолѣ поиде къ Резаню». Ниже после слов: «а самъ сѣде въ Кіевѣ» читаем: «Настоящи же да глаголется: князю великому Всеволоду пришедшу ко Оцѣ и ставшу ту» и т. д. до слов: «А на княженіе посла князь великій въ Новгородъ сына своего Святослава». Не подлежит сомнѣнию, что мы имеем в статье 6715 г. соединение двух суздальских источников, из которых одним, тожественным с текстом Симеоновской и Лаврентьевской, была предположительно Троицкая летопись, а другим — неизвестная нам, по подлежащая ближайшему нашему определению другая суздальская (в частности владимирская) летопись. Допустить, что Московский свод в статье 6715 г. передает текст такого источника, из которого извлечен текст Лаврентьевской (и Троицкой) летописи, откуда следовало бы, что Московский свод руководствовался не Троицкою летописью, а другою более древнею и более полною, чем она, невозможно, в виду того, что, во-первых, приведенные выше вставки разрывают местами связное течение рассказа Лаврентьевской (и Троицкой — Симеоновской летописи), а во-вторых, эти вставки находятся в противоречии с текстом Лаврентьевской и сходных с нею летописей: так, во вставке читаем, что Всеволод посадил в Пронске своего тіуна, а в Лаврентьевской и Симеоновской сказано, что он посадил в Пронске князя Ольга Владимировича. В виду добытого нами результата, мы определим ниже, какой еще суздальский источник был в распоряжении составителя Московского свода, а пока, переходя к дальнейшему определению общих мест между Московским сводом и Троицкою летописью, будем иметь в виду, что к Троицкой летописи возможно возвести лишь одну часть суздальских известий Московского свода. Так, к Троицкой летописи под 6716 г. возводим лишь одну часть известий, под 6715 г. лишь последнее, о рождении Василия Константиновича, под 6718 г. второе и следующие известия, кроме однако вставки относительно того, что митроп. Матфей служил во Владимире в церкви Рождества, под 6719 г. первое известие и конец статьи, где сообщается о пожаре в Ростове, под 6720 г. лишь несколько общих слов в известии о кончине Всеволода и похвале ему, под 6721 г. к Троицкой летописи возводим только два последние известия: при этом оказывается, что известие о поставлении Симеона епископом изложено уже выше по другому источнику, под 6722 г. к Троицкой восходят только два ростовских известия, о рождении Дмитрия Константиновича и о поста-

влении Пахомия (кроме того, имеется несколько известий, восходящих к Новгородскому своду 1448 г.), под 6723 г. к Троицкой летописи могут быть возведены второе и следующее известия (а дальнейшие принадлежат частью Новгородскому своду 1448 г., частью другому суздальскому источнику), под 6724 г. с Троицкою летописью общими оказываются лишь последние известия (между тем самое последнее известие, как и вся летописная статья, восходят к Новгородскому своду 1448 г.), под 6725 г. большая часть принадлежит Троицкой летописи, но в начале, а особенно в конце вставка из другого Суздальского источника, под 6726 г. большая часть имеет источником Троицкую летопись, но к концу и в самом конце имеются известия, восходящие к Новгородскому своду и к другому Суздальскому источнику, под 6727 г. к Троицкой восходят предположительно второе известие и предпоследнее о рождении Федора Ярославича, вся статья 6728 г.,— кроме двух известий в конце, возводящихся к Троицкой, и одного известия, заимствованного из Новгородского свода 1448 г., — заимствована из другого суздальского источника, и т. д.

Если не ошибаюсь, наличность второго источника суздальского происхождения можно проследить у составителя Московского свода только до 6742 (1234) г., под которым известие о построении церкви в Юрьеве изложено подробнее, чем в Троицкой (ср. Лаврентьевскую и Симеоновскую). Начиная с 6743 г., в распоряжении составителя Московского свода оказываются как будто только два источника — Новгородский свод 1448 г. и Троицкая летопись. К последней возводим все то, что не может быть выведено из основного источника — свода 1448 г.; исключение составляет статья об убиении Батыя (6755=1247), заимствованная из особого источника. Но уже под 6771 г. читаем: «Родися Глѣбу сынъ и нарекоша имя ему Деміянъ», то же в Лаврентьевском, между тем в Троицкой, по свидетельству Карамзина и по сравнению с Симеоновской, сын Глеба назван Василием; отношение Московского свода к Троицкой в этом случае неясно; поправка «Деміянъ» указывает на наличность еще другого суздальского источника; под 6794 г. читаем о кончине епископа владимирского Феодора: этого известия нет ни в Лаврентьевской, ни в Симеоновской, следовательно его не было и в Троицкой, но мы находим его в Московско-академической летописи, которая, как мы знаем, восходит к Ростовскому своду. Делаем уже более определенный вывод относительно того, что Московский свод имеет в своем распоряжении, кроме Троицкой летописи, еще другой суздальский источник. Этот вывод подтверждается самым решительным образом дальнейшими летописными статьями Московского свода: оказывается, что все лишнее против Новгородского свода 1448 г. находит себе соответствие или в Троицкой (Симеоновской) летописи или в Суздальской летописи, т. е. в Московско-академическом списке. Так, под 6796 г. известие о поставлении Иакова епископом Володимерю и Суздалю, а Тарасія — Ростову заимствованы из Суздальской летописи, под 6797 г. известие о поставлении епископом Тверским Андрея из Троицкой, а известия о вокняжении Дмитрия Борисовича в Ростове и о поездке Константина Борисовича в Орду

из Суздальской, под 6798 г. известие об освящении церкви Спаса Преображения из Троицкой, а об освящении церкви в Устюге из Суздальской, под 6801 г. все лишнее против Новгородского свода 1448 г. (Софийской 1-й) восходит к Троицкой, под 6802 г. известия о женитьбе Михаила Ярославича и Андрея Александровича к Суздальской, а о смерти Рязанского епископа Василия к Троицкой, под 6803 г. известия об отъезде Андрея Александровича с женою в Орду и о захвате епископа Тарасия Константином Борисовичем к Суздальской, а о пожаре Твери и поставлении Симеона во Владимир из Троицкой, под 6804 г. лишнее против Новгородского свода 1448 г. возводится к Троицкой, под 6805 г. известие о женитьбе Юрия Даниловича к Суздальской, под 6806—6811 г. лишнее против основного источника к Троицкой, то же под 6812 г., но известие о кончине ростовского епископа Тарасия к Суздальской, под 6813—6821, 6823—6826, 6828, 6830—6832, 6834, 6835 гг. все лишнее против Новгородского свода 1448 г. к Троицкой, под 6836 г. к Троицкой же известие о кончине епископа Прохора и о поставлении Антония, а известие о женитьбе Константина Васильевича к Суздальской, под 6837 г. некоторые подробности в статье о походе Ивана Даниловича на Псков, которых нет в Софийской 1-й, восходят все-таки к Новгородскому своду 1448 г. (ср. Новгородскую 4-ю), известия же о закладке и совершении в Москве двух церквей к Троицкой, под 6838 г. почти вся статья восходит к Троицкой (кроме двух известий в конце), но сообщение о кончине Федора Васильевича Ростовского к Суздальской. Под 6839—6841, 6844—6847, 6849 (ср. Симеон 6844—6885), 6850—6898 гг. лишнее против Новгородского свода 1448 г. восходит к Троицкой, только под 6897 г. в Троицкой, судя по Симеоновской, не было известия о рождении у князя Владимира Андреевича сына Федора, но, конечно, возможно, что в Симеоновской простой пропуск. После 6898 г. наши сведения о Троицкой становятся скуднее, так как Симеоновская, отступив от нее, следует другому источнику. Тем не менее с полною уверенностью можно утверждать, что и в части 6898—6917 гг. все лишнее против Новгородского свода восходит именно к Троицкой. В этом утверждают, между прочим, сохранившиеся у Карамзина выписки из Троицкой: напр., имеем такие выписки для известий 6901, 6902, 6906, 6907, 6908, 6909, 6911, 6912, 6913, 6914, 6915, 6916 гг. Впрочем, у нас нет основания думать, чтобы в Троицкой читалась статья «О приходѣ Темирь Аксака», помещенная в Московском своде под 6903 г.; вероятно, она заимствована из другого источника.

Признав доказанным, что источником Московского свода была Троицкая летопись, переходим к определению обоих других ее суздальских источников, отмеченных нами в предыдущем исследовании.

Это, во-первых, судя по предыдущим указаниям, так наз. Суздальская летопись, известная по Московско-академическому списку. Рассмотрение этой летописи в главе XIX показало, что Суздальская летопись, соответственно трем частям, на которые разбивается ее содержание, восходит к трем источникам: 1) протографу Радзивиловского списка, 2) первой редакции Софийской 1-й, 3) Ростовскому своду. Сходство Московского свода с Суз-

дальскою летописью замечается только в тексте, соответствующем первой части этой летописи, следовательно, только в той части, которая восходит к Ростовскому своду. Первое общее известие Московского свода и Суздальской оказывается под 6794 г. (смерть епископа Федора); последним общим известием является под 6838 г. сообщение о кончине князя Федора Васильевича Ростовского. Отметим при этом, что Московский свод указывает день, когда случилось это событие— 25 января, между тем в Суздальской день не указан. Мы делаем отсюда вывод, что Московский свод имел в числе своих источников не Суздальскую летопись, а Ростовский свод, откуда заимствована первая часть Суздальской. Этот вывод подтверждается также и тем, что под 6771 г. в Московском своде читается «Родися Глѣбу сынъ и нарекоша имя ему Деміянъ»: мы указывали, что это известие не может восходить к Троицкой летописи, где сообщается о рождении Василия; но его нельзя возвести и к Суздальской летописи, ибо в ней назван Михаил; считаю вероятным, что имя Деміяна, которое является и в Лаврентьевской, восходит к Ростовскому своду.[1]

Во-вторых, нами отмечен особый суздальский источник для Московского свода под 6716 (1207) и следующими годами; последнее общее этому источнику и Московскому своду известие указано нами под 6742 (1234) г. В этом источнике обстоятельно рассказывалось о событиях первых десятилетий XIII в., имевших место во Владимире и вообще в Суздальской области. Так, в нем подробно излагались походы Всеволода Юрьевича против рязанских князей (6715 и 6717 гг.), очень обстоятельно сообщалось о недоразумениях, возникших между Константином Всеволодичем и его отцом, а также о последовавшей за смертью Всеволода распре между Константином и его братьями (6719, 6720 и 6721 гг.), очень длинно повествуется о победе, одержанной Святославом Всеволодичем над болгарами (6728 г.), сообщается и о многих других известиях, касающихся преимущественно Юрия Всеволодича. Не может подлежать сомнению, что все эти статьи и известия восходят к древней Владимирской летописи. Текст Лаврентьевской и Троицкой в соответствующей части ярко окрашен Ростовскою тенденцией, благоприятной Константину и враждебной его политическим противникам; мы возводили поэтому текст Лаврентьевской в части, обнимающей события первых десятилетий XIII в., к древней Ростовской летописи. В каком же виде, в составе какого именно свода дошла до составителя Московского свода древняя Владимирская летопись? Не нахожу возражений против предположения, что она дошла до него в составе Ростовского свода, того самого свода, о котором мы только-что говорили. Этот Ростовский свод, как видно из соображений, высказанных в главе IX, был составлен во времена епископства Ефрема, т. е. во второй четверти XV в. В основание свода могла быть положена именно древняя Владимирская летопись; нет необходимости предполагать, что в ее основание должна была быть поло-

[1] Поправка Деміяна на Михаила в Суздальской вызвана известием 7681 г. «оженися Михайло Глѣбовичь».

жена непремено древняя Ростовская летопись (отразившаяся в Лаврентьевской). Итак, к Ростовскому своду возводим в Московском своде ряд статей, начиная с отмеченной выше статьи 6615 (1107) г. В части от 6705 (1197) г., с которого прекращается, как увидим, пользование со стороны Московского свода южнорусским источником, и до 6916 (1408) г. включительно, на котором прекращался Троицкий список, почти все лишнее в тексте Московского свода против Новгородского свода 1448 г. восходит или к Троицкой летописи (см. выше) или к Ростовскому своду: к последнему возводим как то, что выше отмечалось нами как заимствование из первого и второго суздальских источников Московского свода, так и некоторые известия, признанные выше неясными по происхождению: сюда относится, напр., под 6713 г. известие: «Рюрикъ отда Бѣлгородъ Олговичем, Олговичи же посадища въ немъ брата своего Глеба» или известие в конце летописной статьи 6714 г. . . «и пребысть нѣколико днiй у отца своего в весилiи, и пакы иде къ Новугороду». Сюда же относятся известия 6016 г.: «Угри тогда прогнаша из Галича Володимера Игоревича, а брата его Романа посадиша въ немъ», 6718 г.: «Ростиславъ Рюриковичь сѣде въ Галичи, а Романа Игоревича выгнаша: осени тоя же выгнаша изъ Галича Ростислава Рюриковича, а Романа Игоревича посадиша съ братом», под 6719 г.: «Того же лѣта галичане приведоша къ собѣ угры отай чрезъ горы и изъимаша князи своя Игоревичи 3, Романа съ братома, и бивше ихъ повѣшаша ихъ», 6722 г.: «король угорьскый посади сына своего въ Галичи, а епископа и попы изгна изъ церкви, а свои попы приведе латиньскiя на службу» и др. Эти галицкие известия могли читаться в древней Владимирской летописи, что видно из того, что однородные им известия читаются в Лаврентьевской (древняя Ростовская зависела от древней Владимирской). Мы сказали, что не все, а почти все лишнее против Новгородского свода 1448 г. и Троицкой летописи может быть возведено в Московском своде к Ростовскому своду; мы имели при этом в виду две статьи — статью об убиении Батыя (6755) и статью о приходе Темир-Ақсака (6903). Обе эти статьи — последняя в первоначальной редакции — имеют то общее между собой, что входили в состав Пахомиева Хронографа. В виде догадки принимаю, что они заимствованы в Московском своде из Ростовского свода, который включил их в свой состав из Хронографа.

Кроме определенных нами трех источников Московского свода — Новгородского свода 1448 г., Троицкой летописи и Ростовского свода — казалось бы необходимым допустить, что в его распоряжении находился южнорусский свод особого состава. Мы именно находим, в особенности на протяжении XII в., ряд статей, общих Московскому своду с Ипатьевскою лѣтописью. Мы говорили выше, в главе IV, об отношении Ипатьевской летописи к общему ей и Московскому своду источнику и пришли к заключению, что таким общим источником был Полихрон, т. е. общерусский летописный свод начала XIV в.: Ипатьевская летопись почерпнула из него свое содержание непосредственно, а Московский свод воспользовался Полихроном уже в переработанной позже, а именно в 1423 г., редакции. Главные

основания для такого заключения следующие: в Московском своде и Ипатьевской имеется ряд сходных летописных статей, содержащих не только южнорусские, но и суздальские известия, восходящие к своду, сходному с Лаврентьевскою летописью; это возможно объяснить или тем, что Московский свод, с одной стороны, Ипатьевская летопись — с другой, пользовались общими источниками — южнорусским и суздальским; или тем, что Московский свод и Ипатьевская летопись воспользовались общим источником, в котором уже были соединены южнорусские и суздальские известия. Если мы допустим первое объяснение, то не поймем, каким образом в ряде статей Московского свода и Ипатьевской летописи размещение южнорусских и суздальских статей одинаково: сошлемся на статьи 6655, 6659, 6660, 6667, 6674 гг. и др.,; так, напр., под 6667 г., который следует непосредственно за общим Московскому своду и Ипатьевской летописи южнорусским известием о кончине вдовы Глеба Всеславича (этого известия нет в Лаврентьевской), читаем как в Московском своде, так и в Ипатьевской сначала два суздальских известия, общих с Лаврентьевскою, но отличающихся от него вставкой слов: «въ Кидекши» после слов: «въ церкви святую мученику на Нерли»; за этими известиями в Московском своде и Ипатьевской следует общий текст, начинающийся словами: «Того же лѣта иде Борисовичь Рогволодъ отъ Святослава Олговича искати себѣ волости»; под 6673 г. в конце читаем суздальское известие о смерти Изяслава Андреевича, общее с Лаврентьевской, но отличающееся от него вставкою слов: «и плакася по немъ князь Андрѣй отець и братъ его Мьстиславъ»; засим следует название 6673 г., под которым читаются в Московском своде и Ипатьевской общие известия;[1] за известием об избиении половцев Васильком Ярополчичемъ следует название 6674 г. и под ним известие о поставлении епископа Ильи Новгородского,[2] об отдаче замуж дочери Святослава Ольговича за Ярополка Изяславича и засим суздальское известие о смерти Ярослава Юрьевича; это известие обще Московскому своду и Ипатьевской летописи; соответствующее известие Лаврентьевской отличается отсутствием слов: «и плакася по немъ братъ Андрѣй». Из этих примеров видно, что Московскому своду и Ипатьевской летописи оказывается общим не только размещение суздальских и южнорусских известий, но также и текст суздальских известий, который отличается от текста Лаврентьевской, Радзивиловской и других суздальских сводов.

Все это ведет нас к необходимости принять второе объяснение взаимной близости Московского свода и Ипатьевской, т. е. допустить, что

---

[1] В Ипатьевской летописи имеется одно лишнее против Московского свода известие о выходе замуж Огафьи Ростиславны за Ольга Святославича.

[2] За этим известием в Ипатьевской: «то бо Илья родом бѣ новгородець», а в Московском своде особая статья «О архіепископѣ Іоаннѣ», начинающаяся словами: «Сеи оубо блаженныи Іоаннъ родися въ Великомъ Новѣградѣ». Нельзя ли думать, что приведенные в Ипатьевской слова извлечены из этой статьи и что, следовательно, она была в общем источнике?

в общем для них источнике суздальские известия (в редакции, часто отличной от редакции более древних сводов) и южнорусские читались уже в соединении, т. е. иначе признать, что источником Московского свода и Ипатьевской летописи была общерусская летопись, Полихрон. Такой вывод сильно подтверждается тем, что не суздальские статьи, общие Московскому своду и Ипатьевской, представляют самое пестрое соединение нескольких южных летописей — между прочим Киевской, Черниговской, Галицко-волынской, как это видно из характера содержащихся в них известий (ср. указания, данные в гл. IV).

Но прежде чем мы окончательно остановимся на сделанном выводе, мы должны рассмотреть несколько статей Московского свода и Ипатьевской, которые, повидимому, ему противоречат. Так, под 6665 г. сообщается в Московском своде и Ипатьевской о походе Юрия Владимировича с другими князьями против Мстислава Изяславича; рассказ об этом походе в Ипатьевской летописи содержит явную вставку; между словами: «Гюрги же стоя у Володимири 10 дний» и словами: «и не створя мира възворотися въсвояси» находим отрывок: «и объсѣдшимы в городѣ, и многы крови проливахутся межи ими . . . а зять его иде в Галичь,, въ свою волость»; в Московском своде этой вставки нет и вслед за: «Юрьи же стоявъ у Володимеря 10 дний» читаем: «и не сотворь мира возвратися». Это отличие Московского свода от Ипатьевской трудно объяснить, если допустим, что вставка в Ипатьевской летописи читалась уже в общем источнике Ипатьевской и Московского свода, скажем в Полихроне; действительно, непонятно было бы, как удалось составителю Московского свода догадаться, что после слов: «Юрьи же стоявъ у Володимеря 10 днiй» следует вставка, и как удалось ему соединить эти слова с естественным и первоначальным их продолжением. Но я не решился бы вывести отсюда как непременное, неизбежное заключение, что составитель Ипатьевской пользовался текстом Суздальской летописи (сходной с Лаврентьевской) самостоятельно и самостоятельно соединял заимствования из нее с заимствованиями из южнорусских сводов. Возможно именно иное объяснение, согласованное с предложенным выше выводом: в Полихроне, т. е. источнике Ипатьевской летописи и Московского свода поход Юрия Владимировича против Мстислава Изяславича был изложен два раза: под 6684 г. (ср. этот год в Лаврентьевской) согласно с Суздальскою летописью, а под 6665 г. по южнорусскому источнику. Составитель Ипатьевской летописи скомбинировал оба сообщения, сделав вставку из первого из них во второе; составитель же Московского свода совсем опустил первое сообщение, ограничившись передачей второго. Можно привести ряд примеров, где первоначальная последовательность в рассказе сохранена Московским сводом и нарушена Ипатьевской летописью вставками из других источников. Так, под 6656 г. в Московском своде читаем: «того же лѣта съвокупишася на снемъ у Городка Изяславъ Мьстиславичь, и Володимеръ Давыдовичь, и Ростиславъ Юрьевичь, и Изяславъ Давыдовичь; и рече Изяславъ Мстиславичь къ Володимеру Давыдовичю и брату его. . .» В Ипатьевской летописи

первая часть этого сообщения передана с пропусками имени Ростислава Юрьевича, а вторая часть («и рече Изяславъ Володимиру Давидовичю и брату его Изяславу») читается ниже после вставки, в которой рассказывается о прибытии к Изяславу Мстиславичу Ростислава Юрьевича и которая оканчивается словами: «и поя Гюргевича Ростислава съ собою на снемъ к Городку Въстрьскому»; в Московском своде содержание этой вставки изложено выше по другому источнику, по Троицкой летописи, но влияние Полихрона, т. е. общего Московскому своду и Ипатьевской источника, сказалось в прибавлении к имени города Божьска, данного Изяславом Ростиславу, слов «Межибожье и Котелницу, и ина два города». Итак, первоначальная последовательность в рассказе о съезде в городке Остерском сохранена в Московском своде, а в Ипатьевской нарушена вставкою. Останавливаясь на вопросе, откуда же эта вставка, приходится допустить, что текст ее имелся уже в Полихроне, ибо он оказал влияние на текст Московского свода, с одной стороны, прибавкой вышеуказанною к имени города Божьска, а с другой — прибавкой имени Ростислава Юрьевича в начале сообщения о съезде в Остерском Городке. Итак, в рассматриваемом месте имеем случай, совершенно аналогичный указанному выше под 6665 г.; но он для нас особенно интересен потому, что показывает на вставку, сделанную в Ипатьевской летописи не на основании особого от Полихрона источника, а на основании того же Полихрона. Подобным же образом составитель Московского свода в одном месте нарушил первоначальную последовательность летописного рассказа. Под 6652 г. Московский свод вначале следует Троицкой летописи; по ней же сообщается о походе Всеволода Олеговича на Володимерка; после слов: «и поиде Всеволодъ съ своею силою ко Звенигороду и ста по сей сторонѣ города» мы ожидали бы, как в Лаврентьевской, фразу: «и Володимеръ въ то время приде со другiя страны града», между тем в Московском своде обе приведенные фразы разъединены вставкой: «Въ пръвый же день приступльше пожгоша острогъ около его. . . и тако отступиша отъ града». Эта вставка заимствована из Полихрона, как видно из наличности ее в Ипатьевской, где мы ее читаем под 6654 г. после пробела в $7^1/_2$ строк. Под 6652 г. Ипатьевская, следуя суздальскому источнику (ср. Лаврентьевскую) Полихрона, не разбивает фраз: «И ста Всеволодъ по сей сторонѣ града, а Володимиръ ста объ ону сторону». Очевидно, сосоставитель Московского свода, следуя Троицкой летописи и увидев из нее, что дело идет об осаде Всеволодом Звенигорода, обратился к тому месту Полихрона, где говорилось об этой осаде. В Полихроне же сообщалось о походе Всеволода на Владимирка два раза: один под 6652 г. по одному источнику, а другой раз под 6654 г. по другому; оба эти места Полихрона были под глазами составителя Московского свода, как видно и из сделанной им в текст Троицкой летописи вставки: «и Всеславъ (вм. Володиславъ, как в первом месте или Болеславъ, как во втором) князь лятцкiй зять его» (последние два слова только во втором месте). Составитель же Ипатьевской, заметив также, что о походе Всеволода рассказано два раза, постарался различить их в своей передаче: для этого под 6652 г. он опустил

указание на то, что Всеволод подступил к Звенигороду, опустил поэтому текст Полихрона от слов: «и не могоша битися, зане бящеть межи има рѣка Сéретъ, идоша обои подлѣ рѣку, за неделю, къ Звенигороду» и т. д., а под 6654 г. допустил пробел в несколько строк, вероятно, сближавших сообщение этого года с предыдущим.

Из приведенных примеров выясняется, что кажущиеся противоречием выставленному выше положению, те места, которые доказывают как будто то, что составители Ипатьевской и Московского свода, каждый самостоятельно, комбинировали южнорусские известия и статьи со статьями Суздальского свода, — доказывают напротив наличность у обоих этих составителей общаго источника, где уже были скомбинированы заимствования из южнорусских летописей, с одной стороны, Суздальского свода — с другой. Вместе с тем исследователь убеждается в сложности работы по восстановлению первоначальных источников Ипатьевской летописи хотя бы при помощи данных Московского свода. Извлекши из Ипатьевской все, общее ей и Московскому своду, исследователь останется все-таки в неуверенности относительно того, устранил ли он из Ипатьевской весь материал, заимствованный из Полихрона (ибо Московский свод многое из Полихрона опустил). Кроме того, перед ним окажется вместо сложной компиляции Ипатьевской летописи еще сложная компиляция составителя Полихрона. Но безнадежною работу в этом направлении мы не признаем, а думаем, что со временем удастся распутать и сложную компиляцию Полихрона начала XIV в. и последовавшую за нею компилятивную работу составителя Ипатьевской летописи.

Московский свод важен в этой работе потому, что дает ясные указания: какие именно части его могут, а иногда (если эти части не тожественны с текстом другого источника Московского свода — Троицкою летописью) должны восходить к Полихрону. А именно, остановившись пока на XII в., утверждаем, прежде всего, что к Полихрону может быть возведено все то, что обще Московскому своду с Ипатьевскою летописью. Но и такое утверждение окажется недостаточно общим, если сообразим, что Ипатьевская летопись многое из своего основного источника — Полихрона — опустила; выше даны были указания на такие пропуски, а здесь мы напомним, например, что ряд пробелов в тексте Ипатьевской и Хлебниковской летописей восполняется Московским сводом (ср. два пробела под 6654 и под 6668 гг.); укажем далее несколько пропусков Ипатьевской, явно восполняемых Московским сводом, напр., под 1140 г. (слова Вячеслава: «азъ, брате, пріидохъ здѣ по братіи своей Мстиславѣ и Ярополцѣ, по отець нашихъ завѣщанію; аще ли ты восхотѣлъ еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, азъ есмь мній тебе буду»), под 6654 г. (после: «они же вси цѣловаще к нему крестъ» опущено: «рекуще ты намъ князь, и яшася за него лестію; наутріи же ѣха Игорь къ Вышегороду и цѣловаща къ нему крестъ»), под 6654 же годом ниже опущен конец речи Святослав Ольговича къ брату Игорю («а людемъ кому до кого обида будеть. . . а въ свою волю имъ людей не продавати»); ниже опущен небольшой отрывок после начала речи Свято-

слава Ольговича к Давыдовичам («а нынѣ еще къ тому хощете мя убити. . . . донели же ми и душа въ тѣлѣ. Онѣма же»); еще ниже опущен отрывок после слов: «и не вдашася имъ Путивлечи» («но крѣпко бьющеся со града. . . они же не дашася»); в конце года после «и ту присла к нему Гюрги» и перед словами: «дары многы» опять пропуск («река: не тужи о сыну моемъ; аще того бог взялъ, то другой ти послю; присла же ту и»), и т. д. Отмечу еще пропуск в Ипатьевской целых известий, напр., под 6665 г. о поставлении в Переяславль епископа Василия, а в Галичь Козмы (ср. VII, стр. 66), под 6667 г. читаем о нашествии половцев около Носова и до Льта, а также о взятии ими села Шеломницы близ Котельницы и также о захвате Глебовичами Полоцкими Володши и Брячислава Васильевичей (ср. VII, стр. 71). В виду этого последнего пропуска с уверенностью утверждаю, что к Полихрону восходит и рассказ о кончине митрополита Никифора в Чернигове, сопровождавшейся чудесными явлениями трех огненных столбов над его телом: этот рассказ в Московском своде предшествует непосредственно указанным известиям о нашествии половцев и захвате Глебовичами Васильевичей Полоцких; непосредственно за этими известиями читаем: «Того же лѣта ходи Изяславъ Путивлю на Олга Святославича и стоя 3 дни у города, и не успѣвъ ничтоже возвратися къ Выреви, оттуду бо и прищедъ бяше; и пришедшу же ему къ Выреви, и они затворишася отъ него и не пустиша его въ градъ, онъ же оттуду возвратися и иде къ Зарыты, и ту перебывъ, опять возвратися къ Выреви». В Ипатьевской находим только вторую часть этого известия, со слов: «Выревци же затворишася отъ него и не пустище его къ себѣ» (6668 г.), причем перед этим читается: «Том же лѣтѣ воева Георгій Ярославичь ис Турова къ Путивлю». Трудно сомневаться в том, что составитель Ипатьевской соединил механически два известия: известия о походе Георгия Ярославича к Путивлю и поход Изяслава Давыдовича также к Путивлю; редактор издания Ипатьевской летописи 1871 г. справедливо заметил, что после слов «Том же лѣтѣ воева Георгій Ярославичь ис Турова къ Путивлю» во всех списках должен быть небольшой пропуск. Не сомневаюсь в том, что пропуск вызван отмеченным соединением двух известий и что, следовательно, в опущенном месте читалось как окончание рассказа о походе Георгія Ярославича к Путивлю, так и начало рассказа о походе къ Путивлю Изяслава Давыдовича. А в виду этого вполне вероятно допустить, что в том же опущенном Ипатьевскою летописью месте находились предшествующие рассказу о походе Изяслава Давыдовича известия: о захвате Глебовичами Володши и Брячислава, о нашествии половцев и о смерти митрополита Константина.

Сравнительное изучение Московского свода в части, где изложены события XII в., с Софийскою 1-ю и Новгородскою 4-ю летописями — с одной стороны, Троицкою — с другой, Ипатьевскою — с третьей, приводит к убеждению, что все содержание Московского свода в этой части, насколько оно не находит себе соответствия в своде 1448 г. (Софийской 1-й и Новгородской 4-й), должно быть возведено к Полихрону, т. е. источнику Ипатьевской летописи.

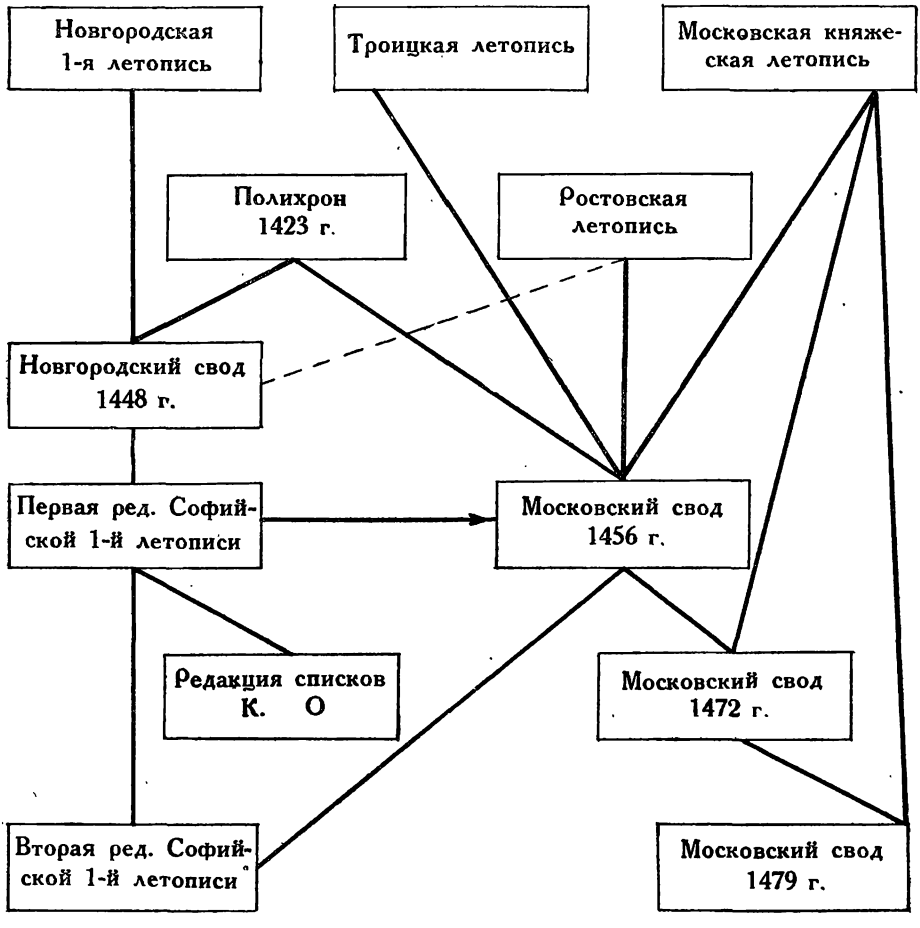
Предыдущее исследование сделало вероятным существование двух редакций Полихрона: редакции начала XIV в. — к ней возводятся известные части Лаврентьевской летописи, и редакции 1423 г. — она послужила одним из источников свода 1448 г. Ипатьевская летопись пользовалась первою редакцией Полихрона. Ставим вопрос: какой же редакцией его руководствовался составитель Московского свода? Думаю, что вторая редакция Полихрона в части, обнимавшей события XII в., не особенно уклонилась от первой редакции. Это видно, между прочим, и из свода 1448 г. Заимствованные в него статьи Полихрона оказываются в общем тожественными с соответствующими статьями Ипатьевской летописи. Ср. указание под 6655 г. на день смерти Игоря Ольговича (19 сентября), а также слова, вставленные ниже в статье этого года: «и на ту нощь прояви бог знаменіе велико: зажгошася надъ нимъ свѣщи вся»; ср. далее статью 6683 г. об убиении Андрея Боголюбского, также под 6664 г. статью о Нифонте (Новгородская 4-я), далее под 6748 г. рассказ о взятии Киева Батыем, под 6687 г. статью о походе Мстислава Ростиславича на Чудскую землю (Новгородская 4-я), под 6688 г. статью о походе Мстислава с новгородцами на Полоцк (Новгородская 4-я), и некоторые другие. В виду этого я нахожу вероятным допустить, что Московский свод пользовался Полихроном в редакции 1423 г. Отметим одно место, общее своду 1448 г. и Московскому своду и отсутствующее в Ипатьевской, а между тем заимствованное, как кажется, Московским сводом и сводом 1448 г., каждым самостоятельно, из Полихрона: эта вставка в сообщении об убиении Изяслава Давыдовича под 6668 г. («Еще же ему живу сущу пріѣхаста надъ онь Ростиславъ и Мъстиславъ. . . и ту абіе предастъ духъ»). В соответствующем месте Ипатьевской (под 6670 г., после слов: «и ту летѣ с коня») пропуск. Итак, к указанным выше трем источникам Московского свода — своду 1448 г., Троицкой и Ростовской летописям — присоединяется еще четвертый — Полихрон 1423 г.* Последним заимствованием из него я признаю обширные статьи под 6704 г. Ни в XIII, ни в XIV в. я не могу указать известий и статей, которые необходимо было бы возвести к Полихрону. Правда, ряд статей, возведенных нами к своду 1448 г., мог бы быть возведен и к Полихрону, ибо свод 1448 г. заимствовал именно их из Полихрона: назовем для примера хотя бы статью 6904 г. о поставлении Григория епископом ростовским; в том виде, как она читалась в Московском своде, она была известна в своде 1448 г. (ср. Карамзинский список Новгородской летописи); но она могла быть известна в том же виде и Полихрону, ибо, конечно, Полихрон делал заимствования из Ростовской летописи. Но, в виду доказанности того, что свод 1448 г. (а не Полихрон) был положен в основание Московского свода (ср. «Повесть временных лет», заимствованную именно из свода 1448 г.), я предпочитаю считать свод 1448 г., а не Полихрон, главным источником Московского свода для XIII и XIV вв.

---

* *Заметка А. А. Шахматова на полях рукописи:* Нет, вернее думать, что Московский свод соединил Софийскую 1-ю с Полихроном начала XVI в.

В XV в. в Московском своде обнаруживается еще новый, пятый источник. Мы имеем основание думать, что Троицкая летопись была доведена только до 1408 г. включительно. Как кажется, она оканчивалась благочестивыми рассуждениями по поводу нашествия Едигея. В части от 1409 до 1423 г., на котором, повидимому, прерывался свод 1448 г., находим

Табл. 13

ряд статей, восходящих, очевидно, к Московской летописи и не вошедших в состав свода 1448 г. Ср. под 6918 г. «князь великій Василей повелѣ рубити градъ Плесо», далее статью «О плѣненіи Володимеря, о Талычѣ», под 6921 г. о знамении на Колочѣ (в своде 1448 г., судя по Софийской 1-й, об этом кратко), под 6923 г. «О рожденіи великого князя Василіа» и др. Эти статьи можно было бы возвести к Полихрону 1423 г., но откуда же заимствована Московским сводом вся последующая московская летопись от 1424 до 1479 гг.? Если в Полихроне были указанные статьи 6918—6923 гг., то откуда они заимствованы в этот общерусский свод? Думаю, что не может подлежать сомнению существование в Москве княжеской летописи, если

не ведшейся из года в год, то периодически дополнявшейся сообщениями о текущих событиях. Примыкала ли эта летопись к какому-нибудь своду или она в основании своем представляла самостоятельное целое — это безразлично для признания существования погодно ведшейся в Москве при княжеском дворе записи событий. Считаю вероятным предположение, что Московская летопись составляла самостоятельное целое: быть может, она начиналась записями времен в. кн. Ивана Даниловича. Эта летопись послужила главным источником для составителя Троицкой, положившего в свое основание Лаврентьевскую летопись; эта же летопись была использована составителем Полихрона 1423 г.

Думаю, что из этой же княжеской летописи заимствуются в Московский свод сначала, в части от 1408 до 1423 года, ряд статей для дополнения основного источника свода — свода 1448 г., а затем, начиная с 1424 г., княжеская летопись становится единственным источником для Московского свода.

Выше, где мы говорили об отношении Московского свода к Софийской 1-й летописи второй редакции, высказано предположение, что Московскому своду 1479 г. предшествовали другие редакции этого свода, причем самая древняя относится к 50-м годам XV в., и доходила она до 1456 г. На основании этой первой редакции Московского свода дополнена и переработана Софийская летопись первой редакции. Если это предположение наше верно и если верно также высказываемое ниже (в гл. XXVII) предположение о существовании Московского свода в редакции, доведенной до 1472 г., то придется допустить, что заимствования из княжеской летописи были сделаны отдельными редакторами Московского свода разновременно: сначала заимствована из нее часть до 1456 г. включительно; затем вторая редакция заимствовала часть от 1456 до 1472 гг.; наконец, третья заимствовала часть от 1472 до 1479 г. включительно.

Таким образом отношение Московского свода 1479 г. к своим источникам может быть изображено в таблице 13 (на стр. 282).

ГЛАВА XXII

ТИХОНОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ РОСТОВСКОГО ВЛАДЫЧНОГО СВОДА

(Типографская и Толстовская I № 191 летописи)

Это название присвоено в ученой литературе тому летописному своду, который в части от 6714 до 7041 (1206—1533) гг. был издан в 1784 г. под заглавием «Лѣтописецъ, содержащій Россійскую исторію отъ 6714 (1206) до 7042 (1534) лѣта, то есть, до царствованія царя Іоанна Васильевича, который служитъ продолженіемъ Несторову лѣтописцу» (Печатанъ в Московской типографіи, 1784 года).[1] Из предуведомления к читателю видно, что «сей лѣтописецъ начинается также, какъ Никоновской и Нестеровъ, то есть раздѣленіемъ по потопѣ между Ноевыми сынами земли, и почти отъ слова до слова сходенъ съ Нестеровымъ до лѣта отъ созданія міра 6714». По этой причине издатель, признав Типографский летописец продолжением Нестерова летописца, напечатал его с того места, «на коем печатанием кончан Нестеров». Типографская летопись, как это было впервые указано А. Е. Пресняковым, хранится теперь в Синодальной Московской библиотеке под № 789 (на корешке старый № 43), раньше же она принадлежала Типографской библиотеке и значилась в каталоге, составленном в 70-х годах XVIII в. А. Приклонским, под № 57 с таким заглавием: «Лѣтописецъ такій же по рожденіе великому князю Василію сына его Івана Васіліевича въ лѣто 7038 г., августа въ 5 день, Кирилова монастыря».[2] Издание указывает на другое окончание, но как видно, издатели позволяли себе делать вставки в текст летописи из других источников. Оставляя поэтому это неисправное и вводящее в заблуждение издание в стороне, обращаемся к рассмотрению рукописи. В ней различаются две части — одна древнейшая и другая более поздняя; различаются они почерками, а также перерывами в той части рукописи, где произошла смена почерков. Первая часть доведена до 7008 (1500) г. включительно, причем писана одною рукою в начале XVI в.; впрочем, события 7004, 7005 и начала 7006 гг. (до слов «веля ему быти у себя на дворѣ», перед которыми в тексте перерыв) записаны другим почерком. Вторая часть начинается с 7011 (1503) г.,

[1] Второе издание приготовлено тою же Синодальной типографией в 1853 г.

[2] Этими сведениями я обязан С. Н. Северьянову, который сообщил мне весьма обстоятельное описание и самой рукописи.

следовательно, после перерыва в три года и оканчивается летописною статьей 7036 (1528) г. За ней идут приписки, сделанные двумя разными лицами: одно лицо записало под 7038 г. о рождении у в. кн. Василия сына Ивана 25 августа и еще кратко о походе на Казань воевод великого князя; другое лицо записало под 7042 г. о кончине в. кн. Василия Ивановича 4 декабря. Следующие затем после пробела в семь строк родословные записаны опять другим почерком (отметим, что великокняжеская родословная оканчивается словами: «Великого князя Ивана Ивановичя сынъ Дмітреи отъ княгини Елены Волошанки»). Отсюда видна возможность рассматривать вторую часть рукописи, как позднейшее нарощение к первой, основной части, доведенной до 7008 г.

Близко родственною с Типографскою летописью оказывается летопись Толстовского собрания I № 191 (Публичная библиотека в Ленинграде F. IV. № 218). Рукопись писана в XVII в. Теперь она дефектна: утрачено начало (первый сохранившийся лист начинается словами: «имуть крото. . . и стыдливъ к родителемъ и к племяни»), в него вплетены листы новейшего письма с текстами позднейшего происхождения; рукопись прерывается на оборванной статье 7005 г.[1] Кроме того, в начале и конце перепутаны листы рукописи. Она подверглась местами позднейшей правке на основании другого летописного свода.

Толстовская летопись оказывается почти тожественною с Типографскою в части, обнимающей события до 6992 (1484) г. включительно. После известия о временном оставлении митрополитом Геронтием митрополии и заключении его в Троицкий монастырь (ср. Полное собрание русских летописей VI т., стр. 236), текст Типографской и Толстовской летописей уже ничего общего между собою не представляет.

Оставляем пока в стороне вопрос о появлении и о составе каждой из подлежащих нашему рассмотрению летописей в отдельности и переходим к общей обоим им части, доходящей, как указано, до 1484 г. включительно. Эту часть, ведущую нас к летописному своду, доведенному до 1484 г., называем Тихоновской редакцией Ростовского свода по нижеуказанным основаниям.

Исследуя состав и источники этого свода, мы замечаем, что в нем различаются две части, отличные между собой прежде всего в отношении к другим летописным сводам. Первая часть доходит до 6931 (1423) г. включительно, вторая обнимает рассказ 6933—6992 (1425—1484) гг. Первая часть в общем представляет мало оригинального, являясь в общем сокращением то Московского свода, доведенного до 1479 г. (ср. выше гл. XXI), то летописного свода, сходного с Лаврентьевской летописью. Напротив, вторая часть дает ряд оригинальных статей и вообще своеобразное изложение событий XV в. Обе части заслуживают самого напряженного внимания по тем данным, которые содержатся в них для восстановления лежащих в основании их источников. Мы начнем с первой части.

[1] «Священа бысть церковь каменная Преображения господа бога и спаса нашего» (ср. Полное собрание русских летописей, VI т., стр. 42).

В начале находим сплошное заимствование из Московского свода, переданного полностью, без сокращений; оно доходит до статьи 6586 (1078) г. включительно. Затем следуют заимствования из летописного свода, сходного с Лаврентьевскою летописью; он передан сокращенно и, кроме того, дополнен местами по Московскому своду. Оставляя в стороне текст «Повести временных лет», который рассмотрим ниже, приведем несколько указаний в части от 6628 (1120) г. Под этими годами первое известие (поход Ярослава [1] на половцев) изложено согласно с Лаврентьевскою; также и второе (поход Георгия на болгар), но в нем вставки из Московского свода, а именно Георгий назван Володимеровичем, а после слов «на Болгары» прибавлено: «по Волзе» (ср. Московский свод и Воскресенскую VII т., стр. 25); последнее известие (поход Андрея на Ляхов) заимствовано из Московского свода. Под 6629 г. первое известие (изгнание берендичей, торков, печенегов) из Московского свода, а второе известие (о смерти митрополита Никифора) из сходного с Лаврентьевскою, как видно из прибавки в конце его «априля». Известия 6630 г. заимствованы из Московского свода, но смерть Амфилохия восходит к 6629 г., откуда и перенесена. Известия 6631—6632 гг. восходят к Московскому своду. Известия 6633 и 6634 гг. могут быть извлечены как из Московского свода, так и из свода, сходного с Лаврентьевскою. Известия 6631 г. (статья о Всеславичах) оказываются заимствованными из свода, сходного с Лаврентьевской. Известия 6637 г. могут быть извлечены как из Московского свода, так и из сходного с Лаврентьевской. Известия 6639 г. сокращены из сходного с Лаврентьевской (ср. «полонъ вземъ»). Известия 6643—6644 гг. могут восходить как к Московскому своду, так и к сходному с Лаврентьевской. Известия 6645 г. из сходного с Лаврентьевской (ср. «поставиша»). Известия 6648 г. могут восходить как к Московскому своду, так и к сходному с Лаврентьевской. Известия 6649 г. из сходного с Лаврентьевской. Известия 6654 г. из сходного с Лаврентьевской (ср. июля 30, какъ день смерти Всеволода Ольговича; так в Толстовской, в Типографской «1 іюля»). Известия 6655 г. явно заимствованы из Московского свода (ср., напр., о поставлении Клима). Известия 6657—6659 гг. восходят к Московскому своду. Так же известия 6660 г., но под этим годом читаются два известия, не имеющиеся ни в Московском своде, ни в Лаврентьевской, но восходящие, как увидим, к сходному с Лаврентьевской. Под 6662 г. известия восходят к Московскому своду, но к одному из них приписано два слова, ведущие нас, как увидим, к другому источнику, сходному с Лаврентьевской. Под 6663 и 6664 гг. известия восходят к Московскому своду, но в нем нет слов: «писаша бо к немоу роукописаніе на Клима» после слов: «дьякономъ ставление отда иже бѣ Климъ ставилъ митрополитъ» (ср. VII т., стр. 65); последнее известие («иде Нестеръ епископъ в Роусь изъ Ростова и ис Соуздаля, лишися епископьи») из сходного с Лаврентьевской. Под 6665 г. известия восходят к Московскому

[1] Так ошибочно и в Лаврентьевской, между тем, как в Радзивиловской и Академической: Ярополка.

своду (ср. подробности о смерти Юрия). Под 6666 г. известие о закладке церкви богородицы во Владимірѣ восходит к Московскому своду, но под влиянием сходного с Лаврентьевской опущены слова: «объ единомъ врѣсѣ»; последнее известие (прибытие Леона на епископью в Ростов из сходного с Лаврентьевской). Под 6667 г. известия восходят к Московскому своду (любопытно: «тогда же бѣ Ростиславъ стоя в товарѣхъ оу Вышегорода», между тем как в Московском своде: «а Ростиславу же тогда стоящу у Вышегорода на поли»). Под 6668 и 6669 гг. известия восходят к Московскому своду, хотя последнее известие о росписи церкви богородицы изложено ближе к Лаврентьевской (отметим августа 31 день, между тем в Лаврентьевской и Московском своде: 30 день). Под 6670 г. известия восходят к Московскому своду, но в рассказ о Леоне из сходного с Лаврентьевской вставлено: «и хотѣша его в рецѣ оутопити», а в конце прибавлено: «сіа бо ересь Арианскаа (вм. Леонтіанская): Леонъ бо не по правдѣ поставися Соуздалю, Нестероу епископу живоущу соуздальскому и ростовскому, а онъ перехвати столъ его». Под 6671 г. известие о смерти митр. Феодора может восходить к Московскому своду, но к нему из другого источника приписано: «бывъ в митрополіи 10 мѣсяць». Под 6672 г. первое извѣстие восходит к Московскому своду, причем митрополит Иоанн ошибочно назван Ионой, как в некоторых списках Воскресенской летописи (VII т., стр. 77, прим. д.); второе известие может восходить к Московскому своду, но по изложению ближе к Лаврентьевской (освящение церкви на Золотых воротах во Владимире); третье известие из сходного с Лаврентьевской («того же лѣта заложина бысть церковь въ Вълодимери святаго Спаса в монастыри»); последнее известие из Московского свода, но исправлено по Лаврентьевской (ср. «и иныхъ 3 грады»). Под 6673 г. известия о смерти Ярослава Юрьевича и Ростислава Мстиславича восходят к сходному с Лаврентьевской (под 6674 и 6675 гг.); оттуда же известие об изгнании Мстиславом Изяславичем Владимира Изяславича (ср. Лаврентьевскую, 6676), причем, однако, дано указание на день, когда Мстислав сел в Киеве, 19 мая (из Московского свода, ср. VIII т., стр. 81). Под 6677 г. известие о походе Мстислава на половцев из Московского свода (ср. VII т., стр. 82), но дальнейший рассказ о взятии Киева Мстиславом Андреевичем из сходного с Лаврентьевской (однако «иде к Суздалю» из Московского свода, вм. «иде опять Володимерю»); равным образом из сходного с Лаврентьевской статья «о Ѳеодорцѣ бѣломъ клобучкѣ» (изложена полно); последнее сообщение о победе Михаила Юрьевича над половцами, может быть, сокращено из того же источника. Известия 6678 г. (смерть Мстислава Изяславича) и 6680 г. (смерть Глеба и вокняжение в Киеве Романа Ростиславича) из Московского свода. Под 6682 г. особенно ясно обнаруживаются два источника; сначала читаем: «Святославъ Всеволодичь взя Киевъ съ братьею марта 12»; в таком виде это известие неизвестно из других источников; ниже поход Юрия Андреевича против Давыда Ростиславича может восходить к Московскому своду, и также вторичное сообщение о взятии Святославом Киева, откуда бежал Ярослав Изяславич. Под 6683 г. рассказ об убиении Андрея из сходного

с Лаврентьевской. Известия 6684 и 6685 гг. могут быть возведены и к Московскому своду, и к сходному с Лаврентьевской; конец известия 6685 г. во всяком случае из Московского свода («и шедше в пороубъ слѣпища ихъ, а Романа поустиша»). Известия 6686 г. восходят к сходному с Лаврентьевской (ср. Волокъ Ламскій). Известия 6688 и 6689 гг. восходят к сходному с Лаврентьевской. Также известия 6691, 6692, 6693 (ср. указание на день поставления Луки: марта 11 день), 6694 гг., хотя их можно частью возводить и к Московскому своду. Известие 6696 г. (громъ 17 февраля) восходит к сходному с Лаврентьевской; также известие 6697 г. (ср. указание на день смерти Луки: 13 ноября); также известие 6698 г. (ср. о прибытии епископа Иоанна в Ростов, Суздаль и Владимир), 6700, 6702 гг. (закладка дѣтинца во Владимире) , но известие о смерти Святослава восходит, как кажется, к Московскому своду (ср. «и посади в Киевѣ Рюрика Ростиславича свата своего»). Под 6703 г. известие о саранче восходит к неизвестному источнику («пріидоша прузи в Русскую землю»); известие о землетрясении в Киевской области восходит к Московскому своду (ср. VII т., стр. 105). Известия 6704, 6706, 6707, 6708 и 6709 гг. могут восходить как к сходному с Лавр., так и к Московскому своду, но последнее известие 6709 г. о небесных знамениях только в Московском своде (VII т., стр. 108). Известия 6711 г. вероятно из сходного с Лавр. Известия 6712 г. (небесные знамения, постриженіе Рюрика) из Московского свода. Известия 6713 г. (взятие Царяграда, смерть Олега Черниговского и падение Ростовской церкви) из Московского свода, но к предпоследнему известию прибавлено «и сыномъ своимъ», а к последнему «оуспеніа святыа богородица». Под 6714 г. известия могут быть возведены к Московскому своду, но перед сообщением об изгнании Ольговичами Рюрика из Киева прибавлена речь Ольговичей: «не достоитъ чернцу служити и княжити». Также к Московскому своду возводятся известия 6715—6718 гг. («Діонисіи» ошибочно вм. Матѳеи). Под 6719 г. первое длинное сообщение о пожаре в Ростове из сходного с Лаврентьевской, остальное из Московского свода. Под 6720 г. первое известие о кончине Всеволода из сходного с Лаврентьевской (ср. указание на число лет княженія его в Ростовской — в Лаврентьевской: «в Суздальской» — землѣ), но прибавлено, что он жил всего 63 года; остальное из Московского свода. Под 6721 г. известия о возобновлении храма богородицы в Ростове и о поставлении епископом Ростовским Пахомия из Лаврентьевской, остальное из Московского свода. Под 6722 г. известие о поставлении церкви богородицы в Ростове из сходного с Лаврентьевской, остальное из Московского свода. Под 6723 г. смерть ростовского епископа Пахомия из сходного с Лаврентьевской. Под 6724 г. известие о закладке Спаса в Ярославле из сходного с Лаврентьевской. Под 6725 г. сообщение о смерти Константина из сходного с Лаврентьевской (ср. «жилъ лѣтъ 33»); остальное может восходить к Московскому своду, кроме одного известия: «Того же лѣта ходи король со угры и съ нѣмци въ Іерусалимъ, и бися за гробъ господень со срацины, и не успѣвъ ничтоже возвратися». Под 6726 г. освящение ростовской церкви Бориса и Глеба из сходного с Лаврентьевской,

остальное из Московского свода. Известие 6727 г. (о походе на болгар) можно возвести как к Московскому своду, так и к сходному с Лаврентьевской. Известия 6731—6734 гг. из Московского свода. Под 6735 г. известия о поставлении Митрофана, посылке Всеволода Константиновича на княжение в Южный Переяславль, смерти Владимира Всеволодича и женитьбе Василька Константиновича восходят к сходному с Лаврентьевской. Также вся статья 6737 г., причем в ней читаем следующее известие, не имеющееся в других летописях: «Того же лѣта пріиде Всеволодъ Костянтиновичь изъ Переславля, а въ Переславль иде княжити Святославъ Всеволодичь» (последнее известие в Московском своде и Лаврентьевской под 6736 г.). Под 6738 г. почти все восходит к сходному с Лаврентьевской, но в известии о поставлении епископа Кирилла читаем: «и бысть въ него мѣсто причетникъ Кирилъ же»; за этим содержится сообщение о перенесении мощей Леонтия, которое можно было бы возвести к Московскому своду, если бы не прибавки, как «въ 1 недѣлю поста» после указания на 25 февраля, а также «идѣже и нынѣ лежитъ» в конце сообщения. Известия 6739 г. могут быть возведены к сходному с Лаврентьевской; также известия 6741, 6742 (но к словам «сверши церковь въ Юрьевѣ» прибавлено: «иже опала старостію»), 6744 г. Известия 6745 и сл. годов восходят к Московскому своду. Заимствования из сходного с Лаврентьевской можно отметить только под 6769 г. («и бысть причетникъ архимандритъ святаго Богоявленія Игнатій церкви святыя богородица Ростовскія») и под 6770 г. (известие о смерти Кирилла Ростовского, причем указан день смерти его, и о поставлении Игнатия, причем указан день поставления).

Начиная с 6771 г., мы не находим известий, заимствованных из сходного с Лаврентьевской. Весь текст Типографской и Толстовской летописей может быть возведен вплоть до 6931 г. к Московскому своду.[1] Только в редких случаях можно отметить заимствования и поправки из других источников. Под 6849 г. при перечислении сыновей Гедимина после имени Нариманта прибавлено: «нареченный в св. крещеніи Глѣбъ». Статья «О царствѣ Тахтамышовѣ», под 6903 г., собственно повесть о Темир-Аксаке изложена гораздо полнее в начале и конечной части. Под 6904 г. находим статью о поставлении ростовского епископа Григория; после слов «сей же Григорей бяше 35 [2] епископъ въ Ростовѣ» находим перечень ростовских епископов: «А се имена епископовъ ростовскихъ». На 35 месте читаем: «сей Григорій», а на 42-м: «сей Тихонъ».[3] Наконец, под 6916 (1408) г. несколько подробнее, чем в Московском своде, сообщено о пожаре в Ро-

[1] Характернэ наличность известия 6886 г. о нападении татар на Нижний; в Воскресенской его нет, но в Московском своде (Эрмит. № 416б) оно есть; характерно также изложение статей 6927—6931 гг., совпадающее именно с Московским сводом и отличное от Воскресенской. Ср. еще некоторые общие с Московским сводом пропуски в рассказе о Мамаевом побоище и в повести об убиении Михаила Тверского и др.

[2] Так в Толстовском; в Типографском ошибочно «35 лѣтъ».

[3] Так в Типографском, а в Толстовском: «Тихонъ» и далее прибавлено «43», но имени сорок третьего епископа не написано.

стове, а именно после слов «бысть пожаръ великъ въ градѣ Ростовѣ» прибавлено «и верхъ впаде у соборной церкви, да двѣ камары выгорѣ изъ нее»; а вместо: «много же людей погорѣ, болѣ тысячи душь» читаемъ: «и множество людей погорѣ, истопѣ на езерѣ болѣ тысячи душъ». Этими вставками почти исчерпываются отличия текста Типографской и Толстовской летописей в пределах 6771—6931 гг. от текста Московского свода. Оставляю в стороне редакционные отличия, состоящие в значительном сокращении текста Московского свода, в пропусках отдельных известий и целых статей его, причем эти сокращения проведены неравномерно.[1]

Возвращаясь к определению источников первой части изучаемой летописи, видим, что подробное рассмотрение ее убеждает, что основным источником на всем протяжении этого свода был Московский свод, известный нам в редакции 1479 г. Дополнительным же источником оказывается действительно летописный свод, сходный с Лаврентьевской, в чем мы убедились при анализе свода в части до 6770 г.; при этом, как видно из приведенных выше данных, выясняется, что общими с Лаврентьевскою оказываются многие известия явно ростовского происхождения, ср. в особенности в изложении событий первых четырех десятилетий XII столетия; заимствований из сходного с Лаврентьевской нет в части от 1237 г., но под 1261 и 1262 гг. замечаются опять заимствования из сходного с Лаврентьевской летописью свода, и заимствования эти касаются опять ростовских событий. Все это приводит нас к убеждению, что второй источник привлечен составителем исследуемой летописи для пополнения текста ростовскими событиями, событиями суздальской земли, ср. и в рассказе о XII в. обращения к сходному с Лаврентьевской летописью своду, напр., в статье о «Феодорце, белом клобучке», или об убиении Андрея Боголюбского. Находим поэтому вероятным, что вторым источником исследуемой летописи была какая-то Ростовская летопись, и что в основании ее лежала Лаврентьевская (или протограф Лаврентьевской). В высшей степени важны отступления этой Ростовской летописи от Лаврентьевской, насколько они обнаруживаются из рассматриваемой нами летописи. Мы отметили выше такое отступление под 6660 г., где, после известия о походе Изяслава против Владимира Галичского, читаем: «Того же лѣта пріидоша болгаре по Волзѣ къ Ярославлю безъ вѣсти и остоупиша градокъ в лодияхъ, бѣ бо малъ градокъ; и изнемогаху людие въ градѣ гладомъ и жажею, и не бѣ лзѣ никомоу же изити изъ града и дасть вѣсть ростовцемъ; единъ же оуноша отъ людеи ярославскихъ нощію пришедъ изъ града, перебредъ рекоу, вборзѣ доеха Ростова и сказа имъ болгары пришедша. Ростовци же пришедша побѣдиша болгары». Этого известия мы не находим в других летописях; ростовское просхождение его стоит вне сомнения. Ниже под тем же годом читаем: «Тогда же Георгій князь в Соуждалѣ бѣ и отвръзлъ емоу богъ разумнѣи очи на церковное зданіе и многи церкви поставища по соуздалской странѣ

[1] Так, довольно подробно изложены события, начиная с 50-х годов XIV столетия приблизительно до конца 80-х годов; с 6920 до 6931 гг. текст Московского свода передан почти без пропусков.

и церковь постави каменоу на Нерли святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба и святаго Спаса в Соуздалѣ и святаго Георгіа въ Володимери каменоу же и Переславль градъ переведъ отъ Клѣщина и заложи великъ градъ и церковь каменоу в немъ доспѣ святаго Спаса и исполни ю книгами и мощми святыхъ дивно, и Георгевъ градъ заложи и в немъ церковь доспѣ каменоу святаго мученика Георгіа». Это известие читается и в Московском своде, куда оно попало из свода 1448 г. (ср. VII т., стр. 57), а также в Новгородской 4-й (ср. IV т., стр. 8) и в некоторых списках Софийской 1-й (ср. V т., стр. 160), но нигде оно не изложено так подробно, как в нашей летописи: так, во всех летописях недостает вводной части сообщения и ничего не сказано о снабжении Переяславской церкви книгами и мощами. Мы знаем, что в числе источников свода 1448 г. была Ростовская летопись; поэтому в указанном совпадении видим лишнее доказательство того, что протограф Типографской и Толстовской в качестве дополнительного источника имел Ростовскую летопись. Явное заимствование из нее же находим под 6662 (1154) г.: а именно мы читаем здесь, согласно с Московским сводом, о рождении Всеволода Юрьевича на Яхромѣ, но к словам: «сущю тогда великомоу князю Гюргю» прибавлено: «въ полюдіи»; думаю, что эта прибавка, имеющаяся и в тех самых списках Софийской 1-й летописи, которые вставили приведенную выше статью о постройке Юрием церквей в 6660 г. (списки Ц., Б., В., Г.), ведет нас опять к Ростовской летописи.

Мы видели, что наличность у составителя протографа Типографской и Толстовской летописей дополнительного источника обнаруживается и в части после 6770 г., после которого нельзя указать на заимствования из летописи, сходной с Лаврентьевской. В числе дополнений в этой части, дополнений, впрочем, очень немногочисленных, находим две статьи, явно восходящие к Ростовской летописи: это подробности о ростовском пожаре под 6916 (1408) г. — с одной стороны, и каталог ростовских епископов — с другой. В Московском своде этот каталог доведен, как мы знаем, только до Григория, следовательно имена Дионисия, Ефрема, Ѳеодосия, Трифона, Васьяна, Иоасафа и Тихона вставлены или из дополнительного источника, или же составителем исследуемой летописи, если он был ростовцем и составлял свою летопись для Ростова. Нахожу вероятным это последнее предположение, причем имею в виду в особенности то обстоятельство, что Тихон, названный последним в каталоге владык и притом бывший очевидно современником составителя («сей Тихонъ»), был архиепископом ростовским от 1489 до 1505 гг., между тем составление исследуемой летописи, протографа Типографской и Толстовской, должно отнести к тому же именно времени, ср. окончание ее на летописной статье 1484 г. Итак, получаем указание на то, что исследуемая летопись по происхождению своему должна быть признана Ростовским сводом, причем это происхождение ее сказалось как в пользовании другою, более древнею, ростовскою летописью (в основании ее лежала летопись, сходная с Лаврентьевской, но в ней имелись и позднейшие части, ср. рассказ о пожаре 1408 г.), так и в дополнении перечня ростовских епископов име-

нами последних владык, причем он заканчивается именем Тихона, современника летописца. Мы уже неоднократно говорили о Ростовских владычных сводах: мы приводили основания для признания одного из таких сводов источником свода 1448 г., другого — источником Новгородской 4-й, третьего — источником и основанием протографа Уваровской летописи, четвертого — основанием Ермолинской летописи; рассматривая содержащиеся в них перечни владык ростовских, мы делали вывод о существовании Ростовского владычного свода в редакциях времен архиепископа Григория, другой — Ефрема, третьей — Трифона, четвертой — Вассиана. Теперь перед нами редакция времен архиепископа Тихона. Весьма вероятно допустить, что состав Ростовского владычного свода изменялся в зависимости от летописания таких центров, как Москва или Владимир. Свод, составленный во времена Трифона, кладет в основание Владимирский полихрон; между тем свод времен Тихона заменяет это основание Московским сводом, доведенным до 1479 г. Но оба свода имеют между собою то общее, что резко отличают в своем составе две части — первую они доводят до первой четверти XV в. (Трифоновский до 1418 г., Тихоновский до 1423 г.), вторую оба они начинают с 1425 г., года смерти Василия Дмитриевича и вступления на престол Василия Васильевича. Эту особенность Трифоновской и Тихоновской редакций я объясняю тем, что лежащая в основании их Ефремовская редакция имела уже указанный перерыв; перерыв этот ведет нас к еще старейшей редакции Григорьевской, оканчивающейся 1418 г. (годом смерти Григория). Следовательно, можно думать, что в основании Тихоновской редакции лежит не Трифоновская, а Ефремовская, доведенная до 1418 г.

Ход летописания ростовского представляется нам в таком виде. При дворе епископском велась погодная запись событий. Ростовская владычная летопись с записями времен епископа Григория была подвергнута известной обработке при владыке Ефреме. Эта Ростовская летопись была переработана на основании Полихрона и дополнена рассказом о событиях XV в. при архиепископе Трифоне. При Тихоне создался новый Ростовский владычный свод. Первая часть Ефремовской редакции была переработана по Московскому своду, но, повидимому, кое-что из Ефремовской редакции сохранено: этим «кое-что» мы признаем все те места, что ведут нас к летописи, сходной с Лаврентьевской. Заключаем отсюда, что в основании Ефремовской редакции лежала летопись, сходная с Лаврентьевской и доходившая по крайней мере до 1263 г. Заключаем еще, что в Ефремовской содержались под 1396 г. сообщения о поставлении Григория, со списком владык, доведенным до Ефрема, далее под 1395 г. повесть о Темир-Аксаке, наконец, под 1408 г. рассказ о ростовском пожаре. Ефремовская редакция Ростовского свода уже известна нам по Новгородской 4-й и Суздальской летописям: Новгородская 4-я доказывает верность некоторых из сделанных здесь заключений, ибо под 1396 г. имеет каталог владык ростовских, доведенный до Ефрема. Суздальская летопись и вместе с тем также и Новгородская объясняют своим составом, почему Тихоновская редакция не поль-

зуется Ефремовскою в пределах 1264—1396 гг., она не пользуется ею потому, что в этих пределах Ефремовская редакция представляла краткие, отрывочные известия, в значительной степени представленные полнее в Московском своде (который путем свода 1448 г. уже включал в себе значительную часть известий Ефремовской редакции владычного свода).

Мы говорим, что в основании Ефремовской редакции лежит не Лаврентьевская летопись, а летопись сходная с нею. Из этой летописи извлечены в Ростовский владычный свод ряд известий ростовских. Среди них находим такие ростовские известия, каких нет в Лаврентьевской, ср. приведенные выше известия 1152 и 1154 гг. Имея в виду, что сама Лаврентьевская летопись представляет компиляцию из древней Ростовской летописи и общерусского летописного свода начала XIV в., заключаем о возможности того, что в основание Ефремовской редакции была положена древняя ростовская летопись. Эта летопись, как мы предположили в исследовании о Лаврентьевской, могла быть известна составителю последней в редакции, доведенной приблизительно до 60-х годов XIII в.

Этими замечаниями мы заканчиваем исследование о первой части протографа Типографской и Толстовской летописей, который в виду приведенных соображений признаем Тихоновской редакцией владычного свода. Нам необходимо сказать несколько слов и о второй части этого памятника.

Как указано выше, первая часть нашей летописи вообще сокращенно передает летописные статьи и известия. Но, начиная с 6919 (1411) г., текст Московского свода передан вполне точно без пропусков. Тем поразительнее особенность второй части, которая с самого начала своего сокращает летописный текст до таких пределов, до каких вообще не доходила первая часть на всем своем протяжении. Под 6933 г., с которого начинается эта часть, читаем только краткое известие о смерти в. кн. Василия Дмитриевича, 6934 г. опущен совсем, 6936, 6937 и 6939 гг. опущены совсем, под 6948 г. только одно известие, 6958 и 6966 гг. опущены совсем, под 6960 г. только одно известие, под 6964 г. вместо длинной статьи о походе в. кн. Василия Васильевича на Великий Новгород (ср. VIII т., стр. 145—147) две строки: «князь великій Василей ходи къ Новугороду Великому». Только с 6970 г. (кончина в. кн. Василия Васильевича) изложение становится несколько обстоятельнее, а под 6979, 6980, 6986, 6988, 6989, 6992 гг. находим обширные статьи, частью полно передающие текст других соответствующих летописных сводов. При этом оказывается, что большую часть содержания нашей летописи ни в коем случае нельзя возвести к главному источнику первой части — Московскому своду. Выразимся даже еще смелее: ничего из второй части нашей летописи не восходит к главному источнику первой части — Московскому своду. Таким образом, здесь видим то же, что в Трифоновской редакции Ростовского свода: первая часть составлена по одним источникам, а вторая, начиная с 6933 г., — по другим. Ошибочно было бы, однако, думать, чтобы вторая часть Тихоновской редакции Ростовского свода заимствовала свое содержание из второй части Трифоновской редакции. Ничего общего между ними не оказывается. Думаю,

что во второй части Тихоновской редакции мы имеем перед собою самостоятельную компиляцию, составленную преимущественно на основании местных ростовских записей, но местами руководствовавшуюся, быть может, и другими летописями.

В пользу этого утверждения приведу сначала данные, обнаруживающие ростовские источники исследуемой компиляции. Это, во-первых, ряд известий ростовского происхождения. Под 6935 г. читаем о кончине ростовского епископа Дионисия и поставлении Ефрема (в Московском своде этого известия нет, а в Воскресенской летописи оно, как увидим в главе . . . ,* заимствовано из Тихоновской редакции Ростовского свода). Под 6938 г.: «погорѣ в Ростовѣ заторжы все маія 9 отъ Лопѣнова двора загорѣся» (в Московском своде нет). Под 6949 г. сообщено о сильной буре в Ростове (в Московском своде нет). Под 6962 г. о смерти архиепископа Ефрема Ростовского, причем указан день и час его смерти, и далее о поставлении ростовского владыки Феодосия, причем указан день прибытия его в Ростов (в Московском своде то и другое известие кратко, без указания дней). Под 6970 г. о поставлении Трифона, причем указан день поставления и день прибытия его в Ростов (в Московском своде нет этого известия). Под 6975 г. о странном шуме, который при замерзании издавалс Ростовское озеро; ниже об отказе Трифона от архиепископии и удалении его в Ярославль в монастырь Спаса (в Московском своде нет этих известий, а в Воскресенской они заимствованы из Ростовского свода). Под 6976 г. о поставлении ростовским архиепископом Васиана, причем указано, что он приехал в Ростов 25 декабря (в Московском своде это известие есть, но без последнего указания; ср. VIII т., стр. 153); ниже «тое же зимы згорѣ градъ Устюгъ». Под 6977 г. о кончине Трифона декабря 30 (в Московском своде нет). Под 6979 г. о кончине княгини Марфы Ростовской (вдовы князя Федора Васильевича ростовского; в Московском своде нет), и ниже о кончине князя Ярославского Александра Федоровича. Под 6980 г.: «того же мѣсяца (?) во 2 день поѣха великая княгиня Марья во свой градъ Ростовъ впервые послѣ великаго князя Василія Васильевича»;[1] в конце года: «а князь великий и братья его ѣхаша съ Москвы къ своей матери великой княгинѣ Марьѣ въ Ростовъ посѣщати немощи ея ради» (в Московском своде об этом упомянуто ниже в сообщении о смерти Юрия Васильевича, ср. VIII т., стр. 175). Под 6881 г. об освящении церкви Иоанна Предтечи в Ростове. Под 6982 г. о продаже ростовскими князьями своей отчины, половины Ростова, великому князю (в Московском своде нет, а в Воскресенской заимствовано из Ростовского свода). Под 6984 г. о постройке колокольни в Ростове (в Московском своде нет). Под 6985 г. о по-

---

* *Этой главы о составе Воскресенской летописи в рукописи А. А. Шахматова не имеется.*

[1] В Московском своде: «того же дни (т. е. 10 июля) княгиня великая Марія поѣхала къ Ростову». В Ростовском своде, нами исследуемом, обнаруживается, таким образом, явный пропуск, ибо перед приведенным известием читаем о небесном знамении, бывшем 10 июля.

жаре монастыря на Кубенском озере (в Московском своде нет). Под 6986 г. о брани между митрополитом Геронтием и архиепископом ростовским Васияном о Кириллове монастыре (в Московском своде нет, а в Воскресенской это заимствовано из Ростовского свода). Под 6988 г. о пожаре церкви Николы в с. Никольском в Ростовской архиепископии и некоторые др.

Кроме того, и в некоторых известиях, касающихся не прямо Ростова, сказался редактор или составитель ростовец. Так, под 6942 г. в рассказе о бое в. кн. Василия Васильевича с Юрием Димитриевичем в Ростовском княжении у Николы (о котором говорится и в Московском своде, ср. VIII т., стр. 98) место боя определяется словами: «на рѣцѣ на Могзѣ», а время боя 20 марта (в Московском своде: в субботу Лазареву). Под 6943 г. читаем, что бой 6 января в Ярославской области между кн. Василием Юрьевичем и в. кн. Василием Васильевичем произошел «межи Козминскимъ и Великимъ селомъ» (в Московском своде: у Кузмы Даміана на Которасли), причем разбитый Василий Косой бежал в Кашин мимо Ростова (в Московском своде: «а князь Василей убѣжалъ въ Кашинъ»). Под 6944 г. битва между теми же князьями, происходившая по Московскому своду «у святого Покрова в Скоротинѣ» в Ростовской области, определяется днем 14 мая, а в отношении места словами: «въ Ростовскомъ на Лизѣ». Под 6969 г. в сообщении о поставлении Феодосия, архиепископа Ростовского, митрополитом указан день поставления, опущенный в Московском своде (ср. VIII т., стр. 149). Под 6970 г. в сообщении о распределении уделов в. кн. Василием Васильевичем вместо: «а меншему князю Андрѣю далъ Вологду съ всѣмъ да Заозеріе» читаемъ: «а князю Андрею меншему: Вологду, Кубену, Заозерье», а ниже вместо одного Романова в качестве удела, данного в. кн. Марии, назван и Ростов. Под 6980 г. в Московском своде в сообщении о поставлении новгородского архиепископа Феофила не названы бывшие на поставлении его епископы, а в нашей летописи сказано, что он поставлен «отъ всего боголюбиваго собора архіепископа Васьяна Ростовскаго и всѣхъ епископъ». Под 6988 г. в рассказе о размолвке великого князя с братьями (которого нет в Московском своде, и который в Воскресенской заимствован из Ростовского свода) значительную роль играет архиепископ ростовский Васиан: великий князь посылает его дважды для переговоров с братьями (ср. Воскр. VIII т., стр. 204). Равным образом весь рассказ о походе на Угру, которого в Московском своде не было потому, что он оканчивается на 6987 г., может принадлежать лицу, близкому к архиепископу Васиану, игравшему в событиях того времени значительную роль: Васиан призывается великим князем на совет; вместе с митрополитом, Троицким игуменом Паисием и великой княгиней Марфой Васиан умоляет великого князя примириться с отступившими от него братьями; Васиану же принадлежит обличительное послание к великому князю на Угру, не внесенное в исследуемую летопись, но, повидимому, входившее в состав Ростовского владычного свода. В нашей летописи сохранился жесткий отзыв о великой княгине Софии, не оставшейся в Москве, а бежавшей на север: «бѣ бо бѣгала на Бѣлоозеро отъ татаръ, а не ганялъ

никто, и по которымъ странамъ не ходили, тѣмъ пуще татаръ и отъ боярскихъ холоповъ и отъ кровопивцевъ крестьянскихъ»; составитель Воскресенской не решился повторить этих слов. Статья о походе на Угру оканчивается послесловием, начинающимся словами: «Сіе же писахомъ не укоряюще ихъ, но да не похвалятся несмысленніи въ своемъ безуміи. . . Буди же сіе получится и намъ грѣшнымъ молитвами богородицы, аминь». А засим следует обращение к русским людям, предостерегающее их от трусости и недостатка мужества, погубивших уже много стран, покоренных теперь турками: «О храбріи мужественніи сынове рустіи, потщитеся сохранити свое отечество рускую землю отъ поганыхъ»; оно также оканчивается словом «аминь». Нахожу вероятным приписать перу Васиана, архиепископа Ростовского и этот отрывок, и самую статью о походе на Угру.

Наконец, Ростовскому летописному своду естественно приписать и ряд сообщений об устюжанах и галичанах, которые находятся в исследуемой летописи, ибо Устюг и Галич находились в епархии Ростовского архиепископа. Ср. под 6976 г. о походе казанских татар под Галич, ниже о походе галичан на черемису, еще ниже о захвате казанскими татарами двух костромских волостей; под 6977 г. о походе устюжан Камою к Казани; под 6979 г. о походе воеводы Сабурова с Вологды на Коншенгу, о взятии вятчанами города Сарая на Волге, о походе вятчан и устюжан против новгородцев; под 6983 г. о побитии устюжан татарами на Каме, и др.

Отметим еще в конце статьи 6989 г. восклицание, вырвавшееся у летописца: «Увы, увы погибе благовѣрный отъ земли грѣхъ ради нашихъ, по Давиду, спаси мя, господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истины отъ сыновъ человѣческихъ, суетная глагола кождо ко искреннему своему». К чему оно может относиться? Непосредственно перед ним читаем о поставлении Ростову архиепископа Иоасафа, а Коломне Герасима и Рязани Симеона; выше находится сообщение о смерти князя Андрея Васильевича: «тое же весны преставися благовѣрный и христолюбивый государь добрый, ласковый князь Андрей Васильевичь меншій»; еще выше сообщено о кончине архиепископа Ростовского и Ярославского Васиана. Я думаю, что приведенное восклицание относится к сообщению о смерти князя Андрея Васильевича: ср. эпитет «благоверный» как в этом сообщении, так и в приведенном восклицании. Если это так, то ясно, что составитель нашей летописи имел в своем распоряжении какие-то вологодские записи (Андрей Васильевич был князем вологодским), а это согласуется с указанными выше сообщениями об устюжанах и вятчанах, входивших в состав Вологодского княжества.

Итак, исследуемая летопись составлена в Ростове на основании, с одной стороны, ростовских записей и материалов, а с другой — вологодской летописи, ведшейся, быть может, при дворе князя Андрея Васильевича. Но весьма вероятно, что третьим источником была еще другая, московская летопись, быть может не княжеская, а митрополичья. К ней возводим ряд известий о событиях московских, напр., о пожарах под 6976 и 6980 гг.,

буре под 6984 г., землетрясении под 6982 г.,[1] о поставлениях митрополитов под 6957, 6973, 6981 гг., о кончинах и рождениях князей и княгинь, напр., вдовы Петра Дмитриевича под 6974 г., вдовы Андрея Васильевича под 6991 г., рождении у великого князя сына Василия под 6987 г., сына Дмитрия под 6990 г., у кн. Ивана Ивановича сына Дмитрия под 6992 г. и т. д.; о событиях политических, напр., походе великого князя на Новгород под 6988, 6984, 6979 гг., о событиях иностранных, напр., о взятии Царяграда турками под 6959 г., событиях общецерковных, напр., о свершении небесного круга на 80 лет в 6960 году и мн. др. Мы потому считаем эту московскую летопись не княжескою, а митрополичьею, что она сильно расходится в изложении многих событий с Московским сводом, нам известным, который главным образом основывался на княжеской летописи и официальных записях. Весьма любопытна последняя запись в статье 6985 г.: «Того же лѣта сдѣланъ бысть верхъ церкви на Симоновѣ, иже громъ сразилъ,[2] а дѣлалъ мастеръ венецинскый другiй, не той иже большую церковь пречистыя ставитъ»; ясно, что запись сделана современником до 6987 г., когда окончена Успенская церковь в Москве. На пользование письменным источником и притом именно в виде московской летописи указывает и приведенное нами выше известие 6980 г. о поездке в. кн. Марии в Ростов, начинающееся словами: «Того жъ мѣсяца во 2 день» послѣ предыдущего сообщения о небесном знамении 10 января, между тем как поездка эта имела место в июле. Ясно, что в источнике нашей летописи перед известием об этой поездке сообщалось (так же как в дошедшем до нас Московском своде) об июльском или июльских событиях 6980 г. и что события эти опущены составителем Ростовского свода.[3]

Относительно Ростовской летописи, послужившей источником для нашего свода, скажем еще следующее. Она всего вероятнее представляла собой ту самую погодно ведшуюся при дворе Ростовского владыки летопись, о которой свидетельствует ряд данных, как в этом своде, так и в других летописных сводах. На погодные записи указывают в особенности многочисленные сообщения о погоде, попавшие в исследуемый свод, конечно, именно из Ростовской летописи. Сообщения эти начинаются с 6947 (1439) г., под которым читаем: «маiя въ день 1, на ночь палъ снѣгъ

[1] Этим землетрясением объясняется падение строившейся церкви богородицы, между тем как в других летописях причиной падения выставляются ошибки строителей.

[2] Ср. под 6984 г.: «тогожъ лѣта бысть громъ силенъ, августа въ 30 день, на Симоновѣ съ церкви каменные верхъ сшибло стрѣлкою, и ины побило». Под 6983 г.: «пріиде из Венецыи мастеръ именемъ Аристотель Латынинъ и раскопавь основаніе тоя церкви и оучини основаніе крѣпко по своему и заложивъ церковь и нача дѣлати по своеи хитрости. . .»

[3] Отмечу здесь, что общие места со Львовской и Софийской 2-й я объясняю заимствованием со стороны протографа этих летописей из Ростовского свода: ср. под 6978—6979 (VI т., стр. 190—194), 6980 (VI т., стр. 194), 6987—6988 (VI т., стр. 222—224), 6989—6990 (VI т., стр. 232—233), 6991 (VI т., стр. 335), 6992 (VI т., стр. 335—336) гг.

в колѣно, а на другой день и ростаялъ»; под 6949 г. сообщено о буре и граде 17 июня; под 6959 г.: «лето бяше тогда горяче»; под 6969 г.: «маія въ 7 день мрази и снѣгъ былъ по три дня и листъ на древѣ позяблъ»;[1] под 6974 г.: «маія въ 14 день, снѣгъ палъ пяди (?) и лежа два дни; того же мѣсяца въ 26 день снѣгъ лежалъ день; августа въ 18 день мразъ былъ, а другой мразъ того же мѣсяца въ 27 день, и ярь побилъ»; под 6975 г.: «тое же вѣсны маія въ пятый день снѣгъ палъ въ полголени, лежалъ три дни, и на четвертый день ростаялъ, о вечернѣ; мѣсяца іюня во 2 день мразъ былъ»; под 6977 г. сообщено о буре 30 августа; под 6978 г.: «маія въ 26 день, на ночь палъ снѣгъ, а на утро о обѣдѣ и ростаялъ», и некоторые др. Не может быть сомнения, что большая часть этих записей могла быть сделана не позже, как через несколько дней после того или иного явления природы.

Рассматривая Ермолинскую летопись, мы указывали основание для утверждения, что некоторые из записей в рассказе о событиях XV в. взяты из летописи, ведшейся погодно при дворе Ростовского владыки. К числу их мы относили сообщение 6971 г. об обретении в Ярославле мощей. Этого известия нет совсем в рассматриваемом своде; оно в нем явно опущено.

Подводя итог всему нашему исследованию о протографе Типографской и Толстовской летописей, повторим некоторые из сообщенных уже выше выводов. Памятник этот был Тихоновской редакцией Ростовского свода, т. е. тою редакцией его, которая составлена во время архиепископа Тихона, а именно между 1489 и 1505 гг. С предшествующими редакциями, Трифоновскою и Васиановскою, она почти ничего общего не имеет, кроме, однако, общего плана, состоящего в том, что свод делится на две части: основную, древнейшую, доведенную до первых десятилетий XV в., и вторую — дополнительную, начинающуюся с 6933 (1425) г. Тихоновская редакция довела эту вторую часть до 6492 (1484) г. Первая часть нового Ростовского свода представляет собою неравномерное сокращение Московского свода, доведенного до 1479 г., текст которого дополнен, однако, в особенности в древнейшей части до середины XIII в., но отчасти также и в позднейших частях на основании Ефремовской редакции Ростовского владычного свода, доведенной, как кажется, до 1418 г. Вторая часть Тихоновской редакции основывается: во-первых, на погодно ведшихся в Ростове летописных записях, во-вторых, на подобных же записях, ведшихся в Вологде, и в третьих, наконец, на митрополичьей летописи, ведшейся в Москве.

Скажем несколько слов об обоих дошедших до нас списках Тихоновской редакции Ростовского владычного свода. Типографская летопись, положив в основание эту редакцию Ростовского владычного свода, продолжила ее до 7035 (1528) г. (засим идут позднейшие приписки). Это продолжение не содержит в себе ничего специально ростовского, хотя необходимо

[1] Это известие перенесено из Ростовской летописи в Воскресенскую (VIII т., стр. 149), но в Московском своде его нет.

отметить весьма обстоятельное сообщение о поставлении Тихона архиепископом ростовским под 6997 г., которому нет соответствия в других сводах (не угличская ли это запись? Ср. ниже). Совершенно очевидно, что оно основывается на каком-то особенном Московском своде. Важно отметить, что приблизительно с конца летописной статьи 6997 г. до 7002 г. включительно, а также под 7022 г. этот свод совпадает почти буквально со Львовскою и Софийскою 2-ю; возможно, что это зависело от пользования протографом Львовской и Софийской 2-й источником, общим с указанным сводом; допустить, что заимствование сделано въ этот свод из протографа Львовской и Софийской 2-й, мало вероятно, тем более, что местами текст Типографской летописи полнее текста обеих названных летописей (ср., напр., под 6998 г. сообщение о прибытии к великому князю мастеров из заграницы). Под 6991—6997 гг. большая часть текста Типографской летописи сходится с Хронографическим списком Новгородской 4-й; равным образом сходны дальше: статья 6998 г. (с известия 9 июля), статья 6999 г. (с сообщения о пожаре в Угличе), статьи 7000—7002 гг., статья 7003 г. (с известия 6 января, но не до конца). Внимание наше останавливает на себе еще статья 7016 г., где, как и в других летописях, сообщается о перенесении останков великих князей русских в новую церковь архангела Михаила. Здесь, как умершие, названы не только Дмитрий Иванович Углицкий (1521), царевич Петр Абреимов (март 1523), но также князь Юрий Иванович Дмитровский (1536) и в. кн. Василий Иванович (1533). Отсюда следует, что восстановляемый по Типографской летописи свод составлен не раньше 1536 г. Есть основание думать, что Типографская летопись, дополнившая Ростовский свод рассказом о событиях 6990—7036 гг., возникла в Угличе. Указание на это видим в том, что в ней под 7029 (1521) г. читается весьма обширная статья «О преставлении благовѣрного и христолюбиваго князя Дмитрея Ивановича Углецкого» (стр. 368—375 издания); кроме того, под 7032 (1524) г. читаем: «месяца октября священа церковь Покров святѣй богородицы на Углечѣ, у Покрова кирпичная церковь, а в ней предѣл Богоявленіе»; а под 7034 (1526) г.: «во обители пречистыя богородицы и честнаго ея Покрова, в предѣлѣ богом спасеннаго града Углеча совершена бысть и священа церкви святаго чудотворца Николы под колоколы».

Отметим еще, что дополнительная часть Типографской летописи (6990—7035 гг.) в начале содержит некоторые известия, уже изложенные выше, в конце основной части ее. Так, под 6992 г. читаем о взятии Киева Менглигиреем, о чем сообщено, но в ином изложении под 6991 г.;[1] ниже сообщено о поставлении в Новгород архиепископом Самсона, ср. также выше под 6992 г.; засим о рождении у Ивана Ивановича сына Дмитрия, ср. выше под 6992 г.

[1] Под 6991 г.: «взятъ бысть Кіевъ . . . грѣхъ ради нашихъ. . . сия же злоба бысть мѣсяца сентября»; а под 6992 г.: «по слову в. князя Ивана Васильевича всея Русіи пріиде царь Менгирій. . . и градъ Кіевъ взя. . . за неисправленіе королевское».

Итак, Типографская летопись, составленная в Угличе после 1536 г., положив в основание Ростовский свод Тихоновской редакции, дополнила его по какому-то московскому своду, в текст которого вставила угличские статьи и известия. Толстовский список 1 № 191 представляет также продолжение к основной части — Ростовскому своду Тихоновской редакции, доведенному до 1484 г. Продолжение обнимает летописные статьи 6993—7005 гг., с пропуском годов 6999—7001; вследствие дефектности рукописи, утратившей в соответствующем месте лист, статья 7002 г. дошла в отрывках; равным образом утрачена первая половина статьи 7003 г. Текст продолжения, как мы видели, обрывается, вследствие утраты конца рукописи на неоконченной статье 7005 г. Он оказывается в общем весьма сходным с текстом Львовской и Софийской 2-й, хотя содержит характерные пропуски, характерные потому, что они свидетельствуют о большей древности текста, заимствованного в исследуемый памятник. [1] Вместе с тем имеются и вставки сравнительно с указанным текстом, напр., под 6993 г., после слов: «да укрепивши городъ да за нами пошел с Нагаи» (ср. в Софийской 2-й: «да окрѣпивши городъ да за нами пошелъ въ поле», VI т., стр. 237), читаем о прибытии в Москву казанского царевича, изгнанного вернувшимся другим царевичем Меншицыным сыном, далее о данном от короля сообщении о том, что живший у него бывший тверской князь Михаил Борисович скрылся, и о посылке великим князем заставы к городу Старице; ниже (под 6994 г.) о заточении в Вологду князя Михаила Холмского и потом вдовы князя Бориса Александровича Тверского; под 7001 г. читаем в конце о поставлении митроп. Зосимою трех каменных клетей; под 7004 г. в конце описания обряда поставления митроп. Симона, после ответной его речи к великому князю, читаем: «и дьяки поютъ великому князю многа лѣта», и др.

Рассматривая эту неоконченную часть Толстовской летописи, исследователь имеет основание поставить вопрос, не составляла ли она окончания Ростовского свода Тихоновской редакции? Имеются ли достаточные основания для допущения, что Тихоновская редакция доходила только до 1484 г.? Не откинул ли это окончание по тем или иным соображениям составитель Типографской, заменивший его текстом из другого источника? Я отвечаю на эти вопросы отрицательно. Имею при этом в виду следующие два обстоятельства: во-первых, пропуск 6999—7001 гг. показывает некоторую небрежность в отношении к источнику: легче допустить ее по отношению к дополнительному источнику, чем к основному; во-вторых, мы ожи-

[1] Так, пропущены известия о построении некоторых храмов и других зданий, напр., под 6993 г. об окончании митр. Геронтием церкви Ризположенской, о закладке великого погреба на казенном дворе, о начале работ над тайником у Чешковых ворот, о постройке Ховриным кирпичной палаты и ворот, о закладке Василием Образцом и Головой Володимеровым кирпичных палат; опущены и другие известия, напр., под тем же годом о походе великого князя под Тверь, о женитьбе сына рязанского великого князя, под 6996 г. о наказании кнутом Чудовского архимандрита и других за подлог завещания князя Андрея Вологодского, и др.

дали бы встретить в рассматриваемой части Толстовской летописи ряд ростовских известий, если бы эта часть входила в состав Ростовского свода, а между тем таких известий нет; мало того — известие о поставлении архиепископа Тихона изложено совсем кратко: «в лѣто 6998-го поставиша Ростову архіепископа Тихона»; не указан даже день поставления; сомнительно, чтобы ростовский летописец времен архиепископа Тихона не остановился подробнее на этом известии.

Необходимо отметить, что Толстовский список в основной своей части (до 1484 г.) представляет пропуски сравнительно с Типографскою летописью; так, напр., опущены в рассказе о событиях XII в. летописные статьи 6630 и 6662 гг., сокращена статья 6667 г., опущена статья 6670 г., сокращена статья 6683 г. и др. Лишнее в Толстовской летописи сравнительно с Типографской должно вероятно возвести к общему их оригиналу. Так, напр., в конце статьи 6643 г. в Типографской оказываются опущенными слова: «Всеволодъ же бѣжа к Новугороду и поимаша его новгородцы и посадиша его въ епископли дворѣ за сторожи и державше его два мѣсяца и отпустиша, а сына его Володимера прияша».

ГЛАВА XXIII

ЗАПАДНОРУССКИЙ СБОРНИК ЕП. ПАВЛА И КРАТКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СВОДА 1448 г.

В числе рукописей, принадлежавших епископу Павлу, находящихся в Библиотеке Академии Наук, имеется сборник XVII в. разнообразного содержания, имеющий в начале непосредственно после статьи, озаглавленной «Сказанье како Володимеръ посылалъ по всемъ землямъ пытати веры и крещении его» (восходит к «Повести временных лет»),[1] текст, извлеченный из компиляции, сходной с только что рассмотренным нами Сборником Авраамки. Составные части этой компиляции следующие: «Слово о сотворении всего света и какъ учиненъ весь миръ», содержащее сначала изложение событий ветхозаветных, а потом и новозаветных и оканчивающееся сообщением о семи вселенских соборах;[2] засим следует статья об обретении греческой грамоты и сообщение о преложении книг на словенский язык;[3] за двумя краткими, не представляющими для нас интереса статьями, следует затем: «Сказание о Рускихъ князехъ отъ кого ся хто родилъ»;[4] засим идет известная статья о крещении Владимира

---

[1] Начинается «Приидоша болъгаре бохмичи къ Володимеру», оканчивается текстами пророчеств в речи философа; последнее пророчество: «и Давыдъ: вьскресни боже, суди земли и скоты наследиши», после чего оставлено до конца листа пустое место.

[2] В этой части тожественными со Сборником Авраамки оказываются перечни семитов, хамитов и иафетидов, восходящие к Толковой Палее; далее «Сказание о скрижалехъ»; далее подсчет сынов Израилевых, сделанный Моисеем (оканчивается словами: «и преставился Моисі бывъ 100 и 24»; далее статья, озаглавленная в Сборнике Авраамки: «А се о пророцѣхъ», после нее изложение новозаветных событий (причем местами полнее Сборник еп. Павла, а местами Сборник Авраамки), оканчивающееся словами: «судити живымъ и мертвымъ и воздати каждому по деломъ ихъ».

[3] Эта статья и сообщение о словенском преложении книг тожественны в Сборнике Авраамки, при этом общая ошибка: от Адама до крещения Русской земли 6469, а не 6496 лет.

[4] Весьма сходно со статьей «Сице родословятся великыи князи рустіи» в Сборнике Авраамки, но несколько полнее ее (местами названы великие князья, не входящие в состав прямой родословной цепи) и во всяком случае древнее ее, ибо доходит только до сыновей Василья Дмитриевича: «Василей родилъ Юрья и Ивана и Василья». Кажется, можно думать, что статья Сборника еп. Павла скомбинировала данные обеих статей, читающихся в начале третьего отдела Сбор-

и об обретении русской грамоты (нач.: «В лето 6353 Костянтинъ философъ называемый Кирилъ», кон.: «и пошолъ у прусы и тамо отъ нихъ згубленъ есть»); далее находим: «Колико сыновъ у руских князей было»;[1] засим идет статья: «А се князи рускии»,[2] засим следует статья: «Собори поместныи святых отецъ». Наконец, за этой статьей находим «Летописецъ», о котором скажем ниже. Быть может, из того же источника, что перечисленные выше статьи, заимствовано в Сборник еп. Павла «Сказаніе о Ерусолиме Арсеньемъ дьякономъ».

«Летописецъ рускихъ князей и земли руские», подлежащий нашему исследованию, оказывается в первой части своей в общем сходным с первой половиной летописи в Сборнике Авраамки. Мы видели выше, что первая половина этой летописи доведена до 6817 (1309) г. и представляет краткую компиляцию, извлеченную из Новгородского свода 1448 г., между тем как вторая половина, обнимающая события 6817—6954 (1309—1446) гг., заимствует свой текст из Новгородской 5-й летописи. Сходство первой части Летописца еп. Павла с первой частью летописи Авраамки ставим в связь с только что отмеченным сходством между обоими сборниками в статьях, предшествующих (и сопровождающих) летопись. Мы предположили в предыдущей главе, что Авраамка воспользовался для своей компиляции: во-первых, кратким извлечением из свода 1448 г., которому предшествовали хронограф и статьи хронографического содержания, извлеченные частью из того же свода 1448 г.; во-вторых, Новгородскою 5-ю и Новгородскою 4-ю летописями. Заключаем отсюда, что в распоряжении составителя Сборника еп. Павла находилось также извлечение из свода 1448 г., и что именно к этому извлечению восходит часть хронографа и часть следующих за хронографом статей, а именно те части Хронографа и те статьи, которые тожественны с соответствующим текстом в Сборнике Авраамки.

Вторая часть Летописца еп. Павла, которой нет соответствия в Сборнике Авраамки, по составу своему не отличается от первой части, ибо представляет такую же краткую выборку новгородских известий, как и первая часть. Мы не имеем поэтому оснований предположить, что вторая часть Летописца еп. Павла (т. е. та часть, что начинается с 6817 г.) извлечена в сборник из другого источника, чем первая. Заключаем, что весь Лето-

---

ника Авраамки (XVI т., стр. 261—262), причем первая из них была известна компилятору в той редакции, как она читается в прил. к Комиссионному списку.

[1] Почти тожественна со статьей «Родословіе тѣхже князѣй русскых» в Сборнике Авраамки (XVI т., стр. 307—308), но исключает Ярослава из сыновей Владимира Мономаха, вставляет в начало перечня сыновей Димитрия Донского Данила и оканчивается именами сыновей Василия Дмитриевича, следовательно так же, как соответствующая статья в приложении к Комиссионному списку Новгородской 1-й, между тем как Сборник Авраамки называет еще Ивана, сына в. кн. Василия Васильевича.

[2] Тожественна с соответствующей статьей в Сборнике Авраамки (XVI т., стр. 309—312) и оканчивается словами: «а Петръ былъ митрополитъ. Аминь». По ошибке переписчика Сборника еп. Павла, в рассматриваемую статью вставлен отрывок, восходящий к летописи (Новгородской 4-й?).

писец еп. Павла восходит к тому краткому извлечению из свода 1448 г., к которому восходит в Сборнике Авраамки только первая часть летописи. Отсюда выясняется и важность исследуемого летописца, и значение его для восстановления как свода 1448 г., так и предположенного краткого извлечения из него.

Предложенный нами вывод мы проверим при посредстве более подробного рассмотрения Летописца. Первую часть удобно рассмотреть в связи с текстом первой части Летописи Авраамки, а вторую сопоставим с текстами новгородских сводов, в большей или меньшей полноте передающими текст свода 1448 г.

Первая часть Летописца еп. Павла в общем сходна с первой частью летописи Авраамки, доходящей до 6817 (1309) г. Отличия обоих текстов сводятся, во-первых, к сокращениям, допущенным в Летописце еп. Павла, во-вторых, к подновлению в нем языка и связанным с недостаточным пониманием старого языка недоразумениям, в третьих, к сохранению в Летописце еп. Павла некоторых более древних, сравнительно с Летописью Авраамки, чтений.

Сравнительно с Летописью Авраамки, текст Летописца еп. Павла значительно сокращен. Перечислим сокращения наиболее существенные. Под 6405 г. опущено о женитьбе Игоря; под 6419 и 6466 гг. сохранены только начала известий; под 6477 г. опущено описание нравов Святослава; опущена вся статья 6481 г.; опущена последняя фраза в статье 6495 г.; опущена значительная часть статьи 6497 г. (после слов: «а и по иншимъ городомъ владыки и попы»); опущены статьи 6504 и 6506 гг.; опущены статьи 6528 и 6530 гг.; сохранено только первое известие в статье 6545 г.; опущена статья 6563 г.; опущены конец статьи 6571 г. и вторая половина статьи 6574 г.; опущены статьи 6580, 6581, 6600 гг.; опущен конец статьи 6601 г.; опущены статьи 6605, 6610 и начало статьи 6616 г.; под 6625 (читай 6622) г. сохранено только третье известие; опущены статьи 6623 и 6625 гг.; сохранено только последнее известие 6627 г.; опущено последнее известие 6638 и 6639 гг.; сохранено только второе известие 6643 г.; опущены 6644, 6649, 6654, 6661, 6663 гг.; сохранены два первых известия 6665 г.; опущены 6666, 6667 и 6669 гг.; опущены последние пять слов под 6675 г., а также шесть последних слов под 6676 г.; статья 6677 г. изложена кратко; опущены 6683 и 6685 гг.; опущены первые известия 6693 и 6694 гг.; опущен 6697 г.; опущено второе известие 6701 г.; опущен 6702 г.; опущено первое известие 6703 г.; опущен 6704 г.; опущено известие 6710 г.; опущены последние пять слов под 6711 г.; опущены первые известия 6712 и 6713 гг.; опущен 6715 г.; под 6719 г. опущено все после слова Торопец; опущено первое известие 6723 г., а остальная часть летописной статьи этого года сокращена значительно; под 6726 г. сохранено только первое известие; под 6727 г. — первое и третье известия; под 6728 г. после слов «узвели Митрофана» все опущено; опущен 6729 г.; под 6731 г. опущено первое известие; под 6732 г. сохранено только известие о закладке св. Павла; опущен 6732 г. (вторая статья); под 6738 г. сохранены только известия о возведении на владычество

Спиридона и о цене ржи; опущены 6739, 6742, 6744, 6745, 6746, 6747 гг.; под 6748 г. сохранено только последнее известие; под 6749 г. только начало первого известия; под 6750 г. имеется только краткое известие о походеАлександра с братом против немцев; под 6751 г. имеется только второе известие; под 6753 г. только об убиении князя Андрея; опущен 6755 г.; под 6756 г. только об убиении кн. Михаила Ярославича; под 6757 г. имеется только первое известие; опущен 6758 г.; под 6759 г. сохранено только последнее известие о поставлении Доманта; опущен 6761 г.; под 6764 г. только о смерти Данила Ярославича; под 6766 г. опущено известие Летописи Авраамки; опущен 6769 г.; под 6770 г. сохранено только первое известие; под 6771 г. имеется только начало известия; опущены 6772, 6774, 6779, 6780, 6781, 6783—6791 гг.; сохранено только третье известие 6792 г.; опущены 6794—6798 гг., 6801 г.; опущено известие 6802 г.; сохранено только первое известие 6804 г.; опущены известия 6807 и 6808 гг.; сохранено только первое известие 6809 г.; опущен 6810 г.; под 6812 г. имеется только начало первого известия; опущены известия 6813—6814 гг., 6816 г.; опущен 6817 г.

Определяя ближе характер опущенных в Летописце еп. Павла известий, видим, что изъятию подверглись многие известия весьма важные и значительные; напротив, сохранены многие такие известия, которые могли представлять интерес только для новгородца и притом именно для лица, сосредоточившего свое вниманiе на событиях церковной истории Новгорода. Так, под 6627 г. опущены известия о кончине Мономаха и о вокняжении Мстислава, но сохранено известие: «заложилъ Всеволодъ Олговичь игуменъ Кирьякъ святаго Георгiя монастырь». Под 6643 г. опущены известия о переходе Юрию Переяславля, а Ярополку Суздаля и Ростова, а также о битве новгородцев с ростовцами на Ждане горе, но сохранено известие: «заложилъ Всеволодъ и владыка Ниѳонтъ святую богородицу у Торгу». Под 6693 г. опущено известие о походе русских на половцев, но сохранены известия о закладке лукинцами церкви апостолов Петра и Павла и о закладке церкви Вознесения. Под 6694 г. опущены известия о походе Игоря Святославича, но сохранено известие о смерти владыки Ильи и поставлении Гаврилы. Под 6701 г. сохранено известие о кончине владыки Григория, но опущено об избиении данщиков на Югре. Под 6703 г. опущено о закладке Переяславля, но сохранены известия о поставлении владыкой Мартирием церкви богородицы и обновлении монастыря Воскресения. Под 6726 г. сохранено известие об обновлении владыкой Антонием церкви Варвары, опущены известия о взятии болгарами Устюга и об усобице в Новгороде. Под 6731 г. опущено о бое на Калках, но сохранены известия о кончине Митрофана и о возвращении на владычество Антония. Под 6732 г. опущены известия о поставлении митрополита Кирилла, о засухе, о пожаре в Новгороде, о комете, но сохранено известие о закладке Семеном Борисовичем церкви Павла. Под 6757 г. сохранено известие о кончине владыки Спиридона, но опущено об убиении в. кн. Михаила Ярославича. Под 6759 г. опущено о нашествии Неврюя и о бегстве князя Андрея Ярославича в Свею, где его убила Чудь, но сохранено известие

о поставлении владыки Далмата. Под 6804 г. сохранено известие о поставлении владыкой Климентом церкви Воскресения, а опущено известие о съезде князей во Владимире, и мн. др.

Мы подходим таким образом к предположению, что Летописец еп. Павла представляет сокращение той сокращенной выборки из свода 1448 г., которая восстанавливается по Летописи Авраамки, и что сокращение это сделано не в Западной Руси, не при внесении Летописца в дошедший до нас сборник, ибо вряд ли кто в Смоленске или Вильне стал бы интересоваться специально историей церковных событий новгородских, но еще до перехода Летописца в Западную Русь, в самом Новгороде. Такое предположение находит себе подтверждение как во второй части Летописца, которой нет соответствия в Летописи Авраамки, так и в тех известиях первой части, которые оказываются излишними сравнительно с текстом Авраамки.

Перечислю лишние против Летописи Авраамки известия Летописца еп. Павла. Под 6378 г. о распределении Святославом уделов между сыновьями. Под 6544 г.: «переставился Акимъ и поставленъ бысть Лука митрополитомъ».[1] Под 6563: «клевета была на митрополита Луку от своего холопа Дудики и вышолъ з Новгорода и пошолъ у Киевъ и осудилъ митрополитъ Ефремъ и перебылъ тамо 3 лета». Под 6566 г.: «митрополитъ Лука опять принялъ столъ свои у Новегороде, Дудице же холопу урезали носа и рукй отсекли и убегъ у немци». Под 6568 г.: «переставился митрополитъ Лука идя с Киева на Копысы и поставленъ былъ митрополитъ Стеѳанъ». Под 6576 г.: «пошолъ митрополитъ Степанъ Кыеву и тамо свои холопи удавили его». Под 6577 г.: «поставленъ бысть митрополитъ Ѳедоръ». Под 6589 г.: «поставленъ былъ митрополитъ Германъ и пошолъ Кыеву и тамо умеръ». Под 6605 г.: «поставленъ бысть митрополит Никита». Под 6616 г.: «переставися митрополитъ Никита и поставили Иону». Под 6672 г. к известию о победе Ярослава над немцами и уничтожении 43 шнекъ прибавлено: «пришли были у полу 60 шнекъ». Под 6693 г. в известие о поставлении церкви Петра и Павла вставлено «на Силнищи». Под 6710 г. вставлено: «взятъ былъ Киевъ Рурикомъ Олговичемъ со всею землею половецкою». Под 6723 г. после слов: «и пало Ярославовыхъ без числа» прибавлено: «а новгородцовъ 15 мужь». Под 6740 г. читаем: «преставися владыка Антонии, лежа немъ 6 летъ». Под 6751 г. вставлено: «мая 4 день» при известии о смерти Варлаама. Под 6766 г. читаем: «взяли татарове Литву». Под 6787 г.: «приехали въ Новгородъ Боркеи десятины просити, и выгнали его и не дали». Под 6773: «Дамантъ со Псковичи взялъ литовскую землю». Под 6777 г.: «выгнали новгородци Ярослава». Под 6778 г.: «пришолъ Ярославъ ратью къ Новугороду и смирился». Под 6779 г. к известию о кончине владыки Далмата (ср. Летопись Авраамки под 6782 г.) прибавлено: «и узвели Климента». Под 6792 г. к известию о походе Дмитрия против Новгорода прибавлено: «и вышли новгородци на Шо[ло]ну переимати князя и туто ся смирили». Под 6807 г.: «преставился владыка Клементъ».

[1] О замене титула архиепископа титулом митрополита скажем ниже.

Под 6808 г.: «поставили владыку Ѳеоктиста и святого Михаила церковь поставили». Под 6816 г.: «сышолъ Ѳеоктистъ по своеи воли со владычества и благослови на свое место Давыда».

Итак мы видим, что лишними в Летописце еп. Павла против Летописи Авраамки оказываются почти исключительно новгородские известия и притом преимущественно относящиеся к церковным событиям. Мало вероятным представляется предположение, что эти известия вставлены в Летописец позже. Скорее можно допустить, что все приведенные известия были и в кратком извлечении из свода 1448 г., и что составитель Летописи Авраамки («смольнянинъ») опустил их, как известия местные, не представляющие особенного интереса для местного, смоленского читателя. Такое заключение находит себе подтверждение как в том обстоятельстве, что среди приведенных известий есть и не новгородские известия, почему мало вероятным представляется предположение о дополнении Летописца еп. Павла (протографа этого Летописца) по новгородскому источнику, так и в том, что местами текст Летописца еп. Павла оказывается более первоначальным и более исправным, чем Летопись Авраамки, откуда выясняется, что последняя подвергла своей оригинал переработке, а следовательно, вероятно, и сокращению.

Так, в начале летописи читаем: «а на Клещине Меря же», между тем как в Летописи Авраамки (Виленский, Супрасльский и Кириллобелозерский списки) вм. «же» — «жи». Под 6384 г.: «Михаилова царства 24 лета кончался великии кругъ», между тем как в Летописи Авраамки: «Преставися царь Михайло, а царствова 24 лѣта, и скончался великый кругъ». Под 6562 г. порядок, в котором названы сыновья Ярослава и доставшиеся им уделы, более первоначальный, чем в Летописи Авраамки, где, как мы видели, смоленский Вячеслав выдвинут на первое место.

Допустив таким образом переработку сокращенного извода 1448 г. при внесении его в Летопись Авраамки, мы не отрицаем, конечно, того, что текст этого извода подвергся переработке и при внесении в Летописец еп. Павла. Но мы думаем, что в переработанном тексте этого извода надо различать два момента: 1) переработку сокращенного извода 1448 г. в Новгороде новгородцем, сосредоточившим свое внимание на церковных событиях новгородских, 2) дальнейшую переработку текста в Западной Руси при внесении его в состав западнорусского сборника. К первому моменту относим, напр., опущение ряда известий, не имеющих прямого отношения к Новгороду, его церквам и его владыкам. Ко второму моменту должно несомненно относить новые сокращения, новые пропуски: к числу их принадлежат, конечно, пропуски тех известий о церковных событиях новгородских, которые должна была поправить рука первого редактора, особенно ими интересовавшегося. Так, быть может, на счет второго редактора, работавшего в Западной Руси, следует отнести известия: под 6715 г. о пожаре на Рядятине улице, в котором сгорело 15 церквей; под 6725 г. о другом пожаре, в котором также сгорело 15 церквей; под 6727 г. о свержении владыки Арсения и возведении вновь Антония; под 6732 г. о пожаре

Троицы на Рядятине улице; под 6747 г. об основании монастыря Павла; под 6783 г. о пожаре, в котором сгорело 11 церквей; под 6784 г. о падении стены в церкви Софии и поставлении владыки Климента; под 6807 г. о пожаре, в котором сгорело 22 церкви; под 6813 г. о поставлении церкви богородицы Семеном Климовичем; под 6816 г. о поставлении церкви в память «318 отецъ», и др.

Во всяком же случае на счет второго редактора относим ряд искажений в тексте летописи, а также лексическое его подновление. Так, напр., слово «архіепископъ» систематически заменено словом «митрополит»: ср. под 6500 г. «пришолъ въ Новгородъ митрополитъ Акимъ»; под 6544 г. «поставленъ бысть Лука митрополитомъ», и т. д. Некоторые искажения в тексте «Повести временных лет» мы отметим ниже, а здесь укажем искаженное чтение под 6696 г.: «заложили 7 м о л о д ц о в ъ святую богородицу у К а р к а ж и монастыри» вм. «заложи Семьюнъ святую богородицю въ Оркажи монастырѣ».

Перехожу ко второй части Летописца еп. Павла. Начинаясь с 6818 г., т. е. с того места, откуда Летопись Авраамки следует тексту Новгородской 5-й летописи, она оканчивается известием 6969 (1461) г. о поставлении двух церквей каменных: Владимира на воротах и Лазаря в Неревском конце.[1] За этим известием читаем: «В лето 6929, кругъ солнцу 17, а лунѣ 17, индикта 14, переписаны лета о немецкомъ побитьи, о татарскомъ и о великомирскомъ; ино изочтено немецкому побитью 70 летъ и лѣто вышло, а татарскому побитью 82 лете. По матце божьеи опошнеи на завтрее». Имея в виду, что в 6847 г., т. е. за 82 года до 6929 (1421) г. имел место поход татарского воеводы Товлубия под Смоленск, я думаю, что приведенная приписка внесена в конец летописца из какого-нибудь смоленского источника. Неясно, что разумеется под немецким побитьем, отнесенным к 6858 г.; неясны также последние слова этой приписки. Замечу, что под Вилькомирским побитьем разумеется, конечно, побоище на Вилькомире, о котором литовские летописи сообщают под 6943 г.

Летописец еп. Павла в части от 6818 до 6961 гг. оказывается совершенно однородным по составу своему с частью до 6818 г. Это следует как из того, что мы находим и в этой части краткие известия, явно сокращенные из более полных летописных статей, так и из явного преобладания среди этих известий таких, которые имеют прямое или косвенное отношение к церковной жизни Новгорода. Отмечу, напр., что под 6819, 6832, 6834, 6838, 6839, 6843, 6844, 6851, 6852, 6853, 6859, 6860, 6862, 6863, 6864, 6865, 6866, 6867, 6869, 6870 гг. и т. д. мы читаем исключительно известия о смене владык и о построении и обновлении церквей. Откуда же извлечен летописный текст 6816—6961 гг., читающийся в Летописце еп. Павла? Согласно предыдущему, первая часть этого Летописца восходит к краткому извлечению из свода 1448 г., следовательно, оттуда же заимствована и вторая часть

[1] Ср. известие о закладке церкви Владимира «на вратехъ градныхъ Неревьского конца» в Летописи Авраамки под 1461 г. (XVI т., стр. 206).

Летописца. Подтверждением такому выводу может служить то обстоятельство, что некоторых известий, в ней находящихся, нет ни в Новгородской 1-й, ни в Новгородской 4-й летописи, а мы знаем, что Новгородский свод 1448 г. был полнее и той и другой летописи, которые извлечены или из этого свода (Новг. 4-я), или из предшествовавшего ему свода 1421 г. (Новг. 1-я).[1] Еще важнее отметить, что здесь есть известия, не находящиеся в новгородских летописях, но имеющиеся в Хронографе, — а мы знаем, что в краткое извлечение из свода 1448 г. было внесено несколько летописных статей из Хронографа (ср. выше сказанное в гл. XX, о составе Летописи Авраамки). Так, под 6988 г. читаем: «была у Литве у возере у Троцкомъ кровь»: ср. это известие в Хронографе 1512 г.[2]

Но если вторая часть Летописца еп. Павла так же, как и первая его часть, восходит к краткому извлечению из свода 1448 г., то спрашивается, возведем ли мы к этому же извлечению известия 1452—1461 гг., которых не было в своде 1448 г. Не вижу затруднений для предположения, что лицо, сделавшее извлечение из свода 1448 г. и скомпилировавшее его с известиями Хронографа, работало после 1461 г. и, следовательно, пользуясь позднейшими добавлениями к своду 1448 г., могло извлечь из них и события 1452—1461 гг. Выше была высказана догадка, что свод 1448 г. должен быть признан сводом, ведшимся при дворе новгородского владыки: составленный в 1448 г., он мог быть продолжен. События 1452—1461 гг. относятся все к Новгороду и в большей части связаны с новгородскими владыками. Так, мы находим здесь: под 6964 г. сообщение о том, что мир с великим князем, вторгшимся в новгородские пределы, заключает владыка Евфимий; под 6966 г. известие о кончине Евфимия и поставлении Ионы; под 6967 г. известие о поставлении церкви Сергия; под 6968 г. о поставлении церкви Николая на Пидбе; под 6969 г. о поставлении двух церквей в Новгороде. Другие известия сообщают о новгородских пожарах, об осеннем половодии, о столкновениях с князьями, о кончине князя Дмитрия Юрьевича в Новгороде и некоторые др. Под 6967 г. отмечается: «было благовещенье на Великъ день». Ср. в своде 1448 г. под 1380 г. указание на то, что это случится через 11 лет, т. е. в 1459 (6967) г.

Подводя итоги предыдущему исследованию и связывая их с теми выводами, к которым мы пришли, изучая летопись Авраамки, выставляем следующие положения. В 60-х годах XV в. было сделано в Новгороде извлечение из свода 1448 г., причем редактор извлечения воспользовался и материалом, заимствованным из Хронографа. Это извлечение имело

---

[1] Так, под 6931 г. «поставила Настасья Михаилова церковь камену святую богородицу Успенье на Колмови у манастыри». Под 6895: «пошла вода возводъ 7 днев». Под 6881: «заложи святого Бориса и Глеба во Плотницохъ». Под 6925: «поставили св. Настасию и Овдотию». Под 6899 г. пожар Плотницкого конца отъ Килавой улицы до Радокожиц, и др.

[2] Из не новгородских известий отметим еще: под 6937 г. «взяли татарове Кострому Галичь на крещенье» (ср. сходное известие в Хронографе); под 6934 г.: «моръ былъ на Москве».

двоякую судьбу. С одной стороны, оно перешло в Смоленск и здесь в 1495 г. было положено в основание Летописи Авраамки, которая, однако, с 6817 (1309) г. следовала другому новгородскому же своду. С другой стороны, оставаясь в Новгороде, оно подверглось сокращению, причем преимущественное внимание нового редактора сосредоточилось на церковных событиях новгородских. Это сокращенное извлечение из свода 1448 г. в XVI в. перешло в Западную Русь (быть может в тот же Смоленск) и здесь внесено в дошедший до нас Сборник еп. Павла.

ГЛАВА XXIV

РОГОЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ XV в.

Открытый Н. П. Лихачевым в старообрядческом книгохранилище при б. Рогожском Богадельном доме в Москве сборник разнообразного содержания заключает в себе, между прочим, на лл. 251—363 русскую летопись. Она помещается вслед за двумя статьями, озаглавленными — первая: « Отъ шестоденьника. Превобытный лѣтописець»; вторая: «Лѣтописець въкратцѣ изложенъ, отъ Адама и до сего дни». Русская летопись вместе с этими статьями составляет одно целое, что видно из пометы киноварью на поле против заглавия первой статьи: «29» (л. 246), причем помета: «30» имеется на л. 364 при заглавии следующей за летописью статьи: «Блаженаго Аѳонасія Александреискаго архіепископа къ Антіоху князю». Итак, русская летопись и предшествующие ей обе статьи помещаются в одной общей 29 главе.

Первая из этих статей содержит несколько общих мест с кратким хронографом, предшествующим Летописи Авраамки. Так, почти тожественно изложен рассказ о грехопадении, от слов «И нарече Адамъ имена всѣмъ звѣремъ и птицамъ и гадомъ» и до «и се пръвое нанесе гнѣвъ божіи тяжкый отвѣтъ и отпаденіе аггельскаго жития» (ср. недостающее в Летописи Авраамки, в Кириллобелозерском списке № 154). Далее почти тожествен отрывок от слов: «И живе Ное по потопѣ лѣтъ 350» и до слов: «междоу Асуръ и Вавилона».[1] Ниже сходен во второй из названных статей отрывок от слова «Авраамъ же сыи 14 лѣтъ» и до «отъ сихъ расплодишася жидове» (ср. XVI т., стр. 5—6), еще ниже указаніе на время жизни пророков (XVI т., стр. 30) и рассказ о событиях земной жизни Христа (ср. XVI т., стр. 30—31). В Рогожском летописце вторая статья оканчивается краткими данными о семи соборах. После слов: «А отъ седмаго събора до Михаилова царства лѣтъ 61, а отъ Костянтина царя до Михаила царя цареи 43, а лѣтъ 542. В лѣто 6360. Начало царства Михаилова» — читаем киноварью заглавие: «Начало земли роусской», за которым следует текст русской летописи.

Русская летопись обнимает события от расселения славян до 6920 (1412) г., под которым читаем о кончине в. кн. Евдокии, жены в. кн. Тверского Ивана Михаиловича, случившейся 13 апреля. В задачу нашу не вхо-

---

[1] В Летописи Авраамки опущены слова: «Еверъ бо единъ не приложися къ безумію ихъ съ родом своимъ и рече сице» (аще бы человѣкомъ богъ реклъ).

дит исследование всего состава этой летописи. Ограничимся лишь краткими замечаниями относительно возможности разбить ее на несколько частей в зависимости от сходства и связи их с теми или иными летописными сводами.

Первая часть, на которой мы ниже остановимся подробнее, оканчивается известием 6796 (1288) г. о кончине епископа Ростовского Игнатия. Вторая часть, начинаясь с рассказа об усобице между Михаилом Тверским и в. кн. Дмитрием Александровичем под 6796 (1288) г., доходит до 6835 (1327) г.: эта часть почти тожественна с соответствующим текстом Тверского сборника (XV т., стр. 406—417). Третья часть, начинаясь с 6836 (1328) г., оканчивается 6882 (1374) г.: она представляет собой компиляцию известий, читающихся в Симеоновской летописи (Полное собрание русских летописей, т. XVIII) с известиями Тверской летописи. Наконец, четвертая часть, начинаясь с 6883 (1375) г. до конца представляет текст, весьма сходный с одной Симеоновской летописью. Мы заключаем отсюда, что в числе источников Рогожского летописца были, между прочим: 1) протограф Симеоновской летописи или, быть может, точнее первых двух частей этой летописи; 2) Тверская летопись, доведенная до 1374 г. и начинавшаяся, как кажется, с 6793 (1285) г., а именно с известия о закладке церкви Спаса, в Твери; эта летопись вошла в состав Тверского сборника (Полное собрание русских летописей, т. XV). Определение остальных источников Рогожского летописца может быть достигнуто путем анализа первой его части, доходящей, как мы видели, до 1288 г.

В этой части оказывается ряд летописных статей, сходных и тожественных с Летописью Авраамки: ср. сделанные выше указания на общие места в хронографических частях, предшествующих летописи как в Сборнике Авраамки, так и в Рогожском сборнике. Оставляя в стороне текст, соответствующий «Повести временных лет», ибо анализ его будет предложен ниже, мы остановимся на летописных статьях 6627—6796 (1119—1288) гг. и укажем в них общие с Летописью Авраамки. Таковыми оказываются статья 6635 г., первое известие 6639, статья 6646, второе известие 6655, первое известие 6664, статьи 6672, 6675, последнее известие 6676, статьи 6683, 6685, начало статьи 6687, статья 6688, второе известие 6693, второе известие 6696, последнее известие 6700, первое известие 6703, большая часть статьи 6712, статьи 6713, 6722, большая часть статьи 6723, начало 6730, большая часть статьи 6734, 6738, статьи 6742, начало 6745, первые два известия 6747, вторая часть статьи 6748, конец 6749, статья 6750, 6759, 6764, 6770, 6771, второе известие 6785. Значение этих общих обоим памятникам мест становится особенно очевидным, если мы примем во внимание: во-первых, что хронологическая сеть в обеих летописях далеко неполная (многие годы опущены), во-вторых, что летописные статьи изложены в них в своеобразном сокращении, наконец, еще и то, что именно почти все новгородские известия Рогожского летописца оказываются общими с Летописью Авраамки. На основании всех этих данных заключаем, что Рогожский летописец и Летопись Авраамки

пользовались одним общим источником. Думать о прямой связи между этими летописями, т. е. о влиянии Летописи Авраамки на Рогожский летописец или обратно, нельзя частью по основаниям хронологическим (Рогожский летописец по времени написания старше Летописи Авраамки), частью же в виду сделанных нами выводов относительно литературной истории Летописи Авраамки (ее источник мы определили, как краткое извлечение из свода 1448 г.). Общим источником для Рогожского летописца и для Летописи Авраамки мы и признаем определенный нами выше источник Летописи Авраамки, причем подтверждение такому заключению видим в том, что некоторые известия Рогожского летописца, общие с Летописью Авраамки, тесным образом связывают этот летописец с Летописцем еп. Павла, который, как мы видели, также восходит к краткому извлечению из свода 1448 г. Так, под 6672 г. мы читаем в Рогожском летописце: «Ярославъ Всеволодичь изби Нѣмець подъ Ладогою, шнекъ 43, пришли бо бѣху 60 шнекъ»; в Летописи Авраамки нет последних пяти слов, но они есть в Летописце еп. Павла. Под 6711 г. читаем в Рогожском летописце: «Мѣсяца генваря 2 взятъ бысть Кіовъ Рюрикомъ Олговичемъ и всею силою половечьскою силно»; в Летописи Авраамки нет этого известия, но в Летописце еп. Павла под 6710 г. значится: «Взятъ былъ Киевъ Рурикомъ Олговичемъ со всею землею половецкою». Под 6767 г. в Рогожском летописце: «пріидоша изъ орды въ Новгородъ Берка и Кацикъ десятины просити и выгнаша ихъ не давше», в Летописи Авраамки под 6766 г. названы: «Берька и Касачеи», но приведенного известия нет; в Летописце еп. Павла читаем под 6767 г.: «приехалъ в Новгородъ Боркеи десятины просити и выгнали его и не дали». Под 6773 г. в Рогожском летописце: «ходилъ Домонтъ съ плесковичи и взялъ Литовскую землю», в Летописи Авраамки этого нет, а в Летописце еп. Павла под 6773 г. читаемъ: «Домантъ со псковичи взялъ литовскую землю». Под 6777 г. в Рогожском летописце: «выгнаша Новгородци Ярослава Тфѣрскаго», в Летописи Авраамки этого нет, а в Летописце еп. Павла под 6777 г.: «выгнали новгородци Ярослава». Под 6778 г. и Рогожский летописец и Летописец еп. Павла сообщают о походе Ярослава против Новгорода, окончившемся примирением; этого известия нет в Летописи Авраамки.

Итак, с уверенностью утверждаем, что Рогожский летописец, Летописец еп. Павла и Летопись Авраамки имеют один общий источник и что таким источником, согласно выясненному выше в отношении последних двух памятников, было краткое извлечение из Новгородского свода 1448 г.

Но содержание Рогожского летописца не покрывается одним этим источником. На всем протяжении первой части этого летописца находим ряд летописных статей, не находящихся ни в Летописи Авраамки, ни в Летописце еп. Павла и не находившихся также в извлечении из Новгородского свода 1448 г., как это видно из совокупных указаний Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей, восходящих к этому своду. Судя по известиям XII и XIII вв., источником, по которому Рогожский летописец дополнил материал, взятый из извлечения из свода 1448 г., был

какой-то Суздальский по составу своему свод. Это доказывается, во-первых, характером известий Рогожского летописца. Так, тщательно отмечаются данные, касающиеся семьи князей владимирских: под 6694 г. сообщается о рождении Константина Всеволодовича, под 6695 г. о рождении Бориса Всеволодовича, под 6697 г. о рождении Георгия, под 6698 г. о рождении Ярослава, под 6702 г. о рождении Дмитрия, под 6704 г. о рождении Гавриила, под 6706 г. о рождении Иоанна, под 6718 г. о рождении другого Иоанна у того же Всеволода,[1] под 6723 г. о рождении Дмитрия Константиновича и т. д. Указываются церковные события Суздальской области: под 6693 г. поставление епископа Луки, под 6697 г. его смерть, под 6730 г. поставление Митрофана, под 6700 г. закладка церкви Рождества, под 6705 г. принесение доски от гроба Димитрия, под 6714 г. закладка церкви в Ростове, под 6730 г. поставление церкви Спаса в Нижнем. Сообщается о постройке городов в той же области: под 6662 г. закладка г. Дмитрова, под 6666 г. закладка Боголюбаго, под 6700 г. закладка стены в Суздале, под 6729 г. закладка Нижнего и др. Описываются политические события местного, суздальского значения: под 6718 г. поход Всеволода на Тепру, под 6714 г. победа над болгарами, под 6707 г. поход Всеволода против половцев и т. д. Во-вторых, суздальское происхождение второго источника Рогожского летописца доказывается связью, замечаемою между этим летописцем и рассмотренною нами выше, в гл. XIX, Суздальскою летописью. Связь эта начинается с 6747 (1239) г., ибо Московско-академический список только приблизительно с этого года следует своему суздальскому источнику, тогда как перед этим он списывает протограф так наз. Радзивиловской летописи и затем Софийскую 1-ю. Отметим несколько общих (и притом не только сходных, но почти тожественных) статей Рогожского летописца и Суздальской летописи: начало 6748 г., начало и середина 6749 г., далее статьи 6751, 6752, 6763, 6769, конец 6765, начало 6772, 6773 гг., далее статьи 6780, 6793, конец 6791 г. При этом отметим, что в большей части этих общих статей текст Рогожского летописца, в общем сокращенный, оказывается полнее текста Суздальской летописи.[2] Очевидно, что Рогожский летописец, с одной стороны, составитель

[1] «И родися Всеволоду сынъ Іоанъ». Вероятно следует читать: «родися Констянтину сынъ Всеволод, а в святѣмь крещеніи нарекоша имя ему Іоаннъ».

[2] Так, под 6748 г. в известии о взятии татарами Киева прибавлено: «и святоую Софію разграбиша и иконы и кресты честныя»; под 6751 г. вм. «и пріиде пожаловань» Суздальской летописи: «Батыи же Ярослава почтивъ отпусти на Роусь»; под 6752 г. вм.: «пожалова ихъ Батыи» Суздальской летописи: «Батыи же почтивъ ихъ отпусти съ честію, разсудивъ имъ комоуждо свою отчину»; под 6762 г. вместо: «Ярославъ Ярославичь Тферьскый поеха в Ладогу» Суздальской летописи: «на зиму поеха Александръ (читайте: Ярославъ) Тфѣрскый въ Ладогу, оставя свою отчину и почтиша и ладожане»; под 6765 г. вместо: «изочтоша всю землю руськую, толко не чтоша кто служить у церкви» — «и изочтоша всю землю Суждалскую и Рязанскую и Моуромскую, и поставиша десятникы, сотникы, тысущникы, темникы, толико не чтоша поповъ и діаконовъ и чернцевъ», и др.

Московско-академического списка — с другой, сокращали один общий источник — Суздальскую летопись. Эта летопись в изложении событий XII и XIII вв. сходствовала с Лаврентьевскою и Радзивиловскою, но не совпадала с ними. Так, под 6668 г. в кратком сообщении об окончании Владимирской церкви богородицы читаем в Рогожском летописце: «и врьхы ея позлати», между тем как в Лаврентьевской и Радзивиловской: «и верхъ ея позлати».[1] Под 6704 и под 6706 гг. в Московско-академическом списке и Радзивиловской нет о рождении Гавриила и Иоанна, но в Лаврентьевской есть. Под 6696 г. сообщено о грозе 7 февраля (как в Радзивиловской), между тем в Лаврентьевской — 17 февраля, а в Московско-Академическом списке только февраля. Под 6713 г. читаем о падении церкви богородицы в Ростове: этого известия нет ни в Лаврентьевской, ни в Московско-Академическом списке, ни в Радзивиловской. Под 6714 г. сообщается о походе против болгаръ (ср. Троицкую), в Лаврентьевской этого известия нет;[2] равным образом в Лаврентьевской нет известия этого года о возобновлении Ростовской церкви. Под 6723 г. в Рогожском летописце читаем о закладке в Ярославле Константином церкви Преображения, между тем как в Лаврентьевской сообщается о закладке церкви Успения богородицы[3] и т. д. Отсюда видно, что Рогожский летописец имел в своем распоряжении такую Суздальскую летопись, которая, сходствуя с Лаврентьевскою и Радзивиловскою, не была с ними тожественна.[4] Составитель Рогожского летописца пользуется ею только в первой части (доходящей до 6796 г.). Какая же была этому причина? Наиболее вероятным объяснением считаю предположение, что Суздальская летопись доходила приблизительно только до этого года. В Тверском сборнике, который, как увидим, пользовался этой Суздальской летописью, мы под 6784 (1276) г. читаем: «По то же лѣто князя лѣтописецъ». Не следует ли допустить, что под этим летописцем должно разуметь ту самую Суздальскую летопись, о которой мы гово-

[1] Ипатьевская летопись в соответствующем месте, следуя Полихрону начала XIV в., говорит о пяти верхах.

[2] Тексты Московско-академического списка и Радзивиловской сходствуют только до 1206 г., после чего Московско-Академический следует Софийской 1-й летописи.

[3] Ср. в Лаврентьевской под 6732 г. ссылку на закладку Спаса в Ярославле Константином.

[4] Отметим также, что эту восстанавливаемую нами летопись нельзя отожествлять с Симеоновскою летописью (представляющею текст, начинающийся с 1177 г.). Так, под 6696 г. читаем в Симеоновской 17 февраля, а не 7; рождение Дмитрия Всеволодича относится в Симеоновской к 6703, а не к 6702, как в Рогожской; закладка Переяславля относится к 6702, а не к 6703, как в Рогожской. Рогожская летопись в первом случае совпадает с Радзивиловскою, а во втором с Лаврентьевскою и Радзивиловскою. Ср. еще ее сходство с Московско-академическим списком (Суздальской летописью), напр., общее краткое известие под 6769 г. (который в Симеон. изложен гораздо подробнее). Впрочем, Симеоновская (как и Троицкая) была ближе к восстановляемой летописи, чем, напр., Лаврентьевская или Радзивиловская.

рим? В таком случае события 6785—6793 (со следующего 6796 г. начинаются заимствования из Тверской летописи) могут восходить в Рогожском летописце к извлечению из свода 1448 г., а частью, быть может, и к Тверской летописи, которая, конечно, содержала события и предшествующие 6796 г. Ср. под 6784 г. и в Рогожском летописце, и в Тверском сборнике известия о пожаре в Твери, после которого уцелела одна только церковь.

Итак, первая часть Рогожского летописца основывается на двух источниках: на извлечении из свода 1448 г., сделанном, как предположено в предыдущей главе, в 60-х годах XV в., и на Суздальском своде XIII в., доведенном, быть может, только до 1276 г.

Прежде чем перейти к исследованию «Повести временных лет» по Рогожскому летописцу, отметим, что в нем после статьи 6730 г.[1] и непосредственно перед статьей о Калкском побоище, озаглавленной «на Калцѣ побоище», читаем следующую хронологическую выкладку:[2] «Купно отъ Адама до Христа лѣтъ 5500, рукы число 23.7, а луны 10.24. Отъ Христа до Костянтина царя лет 318, от Костянтина до Михаила царя лѣтъ 542. Отъ Михаила до крещениа блъгарскыа земля лѣтъ (17). Отъ крещеніа блъгарскаго до преложеніа книгъ лѣтъ (29). Отъ преложеніа до крещеніа Русскои земли лѣтъ 9 (2). Отъ Михаила царя до Олга пръваго князя русскаго лѣтъ (29). Отъ Олга до Игоря лѣтъ 31. Отъ Игоря до Святъсл(ава) (лѣтъ 33). Отъ Святъслава до Яро[по]лка лѣтъ 28. Ярополкъ (княжи 8 лѣтъ), Владимиръ 37, а Ярославъ 40. Бысть (крещена Русская) земля въ 9-е лѣто княженіа Владим(ирова). (А отъ крещеніа) Русская земля до смерти Влади(мировы) (и до оу)біенія Бориса и Глѣба лѣтъ 28. Отъ оубіенія Бориса и Глѣба до п(ренесеніа мощемъ ихъ лѣтъ 57. А отъ) пръваго до втораго прене(сеніа лѣтъ 43), (а отъ) втораго пренесеніа [до] кіевскаго взятья лѣтъ 87. Отъ плѣненіа Кіевскаго до Калковскаго лѣтъ 20, индиктіона десятаго».

Эта хронологическая выкладка заслуживает нашего внимания потому, что в Новгородской 4-й и Софийской 1-й она вошла в состав «Повести временных лет» и читается там под 6395 (887) годом. Спрашивается, во-первых, как она могла попасть перед 6732 (1224) годом в Рогожский летописец, а во-вторых, откуда именно она заимствована в этот летописец? Отвечаем сначала на второй вопрос. Имея в виду, что предшествующее хронологической выкладке известие о комете

---

[1] Где сообщено о закладке церкви богородицы в Суздале и о явлении кометы: ср. первое из этих известий в Симеоновской под 6731, а в Лаврентьевской под 6730, а второе известие в Летописи Авраамки (и Новгородской 4-й) под 6732 (в Симеоновской и Лаврентьевской сообщение о комете изложено под 6732—6731 иначе, указано не 12 дней, а 11 дней).

[2] В круглые скобки заключаем вырванные вместе с краем листа слова и буквы, а в прямые — пропуски, допущенные писцом. Дополнения основываются на соответствующей статье Новгородской 4-й и Софийской 1-й (под 6395 г.).

и следующая за ней статья о Калкском побоище находит себе полное соответствие в тексте Летописи Авраамки, мы с уверенностью предполагаем, что источником как известия о комете и статьи о Калкском побоище, так и хронологической выкладки было для Рогожского летописца извлечение из свода 1448 г. Вопрос сводится к тому, откуда хронологическая выкладка попала в это извлечение, ибо совокупное свидетельство Новгородской 4-й и Софийской 1-й доказывает, что выкладка в своде 1448 г. читалась не под 1224, а под 887 г.? В связи с выкладкой находится следующая за ней статья о Калкском побоище. Текст этой статьи, как она восстановляется по Рогожскому летописцу и Летописи Авраамки, не может в извлечении из свода 1448 г. восходить к своду 1448 г., ибо резко расходится с текстом Софийской 1-й летописи, который по всей видимости точно передает в этой статье текст этого свода.[1] Но текст статьи о Калкском побоище в извлечении из свода 1448 г. оказывается почти тожественным с текстом Новгородской 4-й летописи. Не подлежит сомнению, что текст Новгородской 4-й в статье о Калкском побоище восходит к тексту свода 1448 г., который здесь, как и во многих других местах, подвергся сокращению. Отсюда мы можем сделать вывод, что составитель извлечения из свода 1448 г. местами пользовался текстом Новгородской 4-й летописи. Встретившись в своде 1448 г. с обширною повестью о Калкском побоище, составитель извлечения из свода 1448 г. обратился к тексту Новгородской 4-й и извлек из нее сокращенный текст повести. Но возможен и другой вывод. Мы знаем, что Новгородская 4-я летопись руководствовалась тремя источниками: 1) Новгородскою 1-ю летописью, 2) сводом 1448 г. и 3) Ростовскою летописью. Краткая повесть о Калкском побоище могла быть извлечена из Ростовской летописи, а что в Ростовской летописи была такая повесть, видно из упоминания в конце повести по Новгородской 4-й об убиении на Калках Александра Поповича и с ним 70 богатырей; а об Александре Поповиче имеется именно ростовское сказание (ср. Тверской сборник).[2] Не допустить ли, что краткая повесть о Калкском побоище в извлечении из свода 1448 г. восходит к той же Ростовской летописи? Мы предполагали выше, что составитель извлечения имел в качестве дополнительного источника только хронограф. Но возможно, что другим дополнительным источником был Ростовский свод.

---

[1] Это явствует из того, что текст повести о Калкском побоище в Софийской 1-й представляет соединение текста Новгородской 1-й с текстом повести Ипатьевской летописи. Подобное соединение могло быть делом составителя Полихрона, который имел в своем распоряжении и южные летописи и новгородские, посредствующим же звеном между Полихроном и Софийской 1-й летописью был свод 1448 г.

[2] В свод 1448 г. (откуда текст Софийской 1-й) упоминание об Александре Поповиче могло попасть из Ростовской же летописи, ибо мы знаем, что этот свод пользовался в числе прочих источников этой летописью.

Из двух предположенных догадок, объясняющих, почему в извлечении из свода 1448 г. (восстанавляемом по летописи Авраамки и Рогожскому летописцу) повесть о Калкском побоище оказывается тожественною с текстом Новгородской 4-й летописи,[1] я даю предпочтение второй догадке, согласно которой это тожество зависело от пользования одним общим источником, а именно Ростовскою летописью, ибо принятие этой догадки может разъяснить наличность хронологической выкладки перед повестью о Калкском побоище, выкладки, заимствованной также из Ростовской летописи; между тем принятие первой догадки, по которой текст повести о Калкском побоище заимствован в извлечении из свода 1448 г. из Новгородской 4-й летописи, оставляет вопрос о хронологической выкладке открытым.

Итак, на основании предыдущих соображений заключаю, что вышеприведенная хронологическая выкладка заимствована из Ростовского свода, где она предшествовала повести о Калкском побоище. В подтверждение этого приведу еще следующее. Ряд данных указывает на пользование Тверским сборником ростовскими повестями и сказаниями. Из них внесено в него несколько вставок в повесть о Калкском побоище (которая в общем следует Софийской 1-й летописи),[2] из них же внесена повесть о Батыевом нашествии. В начале ее читаем: «Не много бо лѣтъ мину, отъ калкатцкіа рати до потрясеніа земли 8 лѣтъ, тогда же и гладъ бысть, а отъ потрясеніа земли до батыева происхожденіа 8 лѣтъ» (ср. XV т., стр. 365). Итак, ростовской повести о батыевом нашествии предпослана была хронологическая выкладка. Не вероятно ли отсюда заключить, что такая выкладка была в Ростовской летописи предпослана и повести о Калкском побоище?

И вот перед нами другой вопрос: почему Ростовская летопись внесла хронологическую выкладку перед повестью о Калкском побоище? Я думаю, что выкладка эта внесена в летопись вместе с самою повестью, повести же она предпослана для введения описанного в ней события в круг других событий русской истории. Итак, отдельно от летописи существовала повесть о Калкском побоище, составленная в Ростове (ср. внесение ее или отрывка из нее в Тверской сборник); этой повести была предпослана хронологическая выкладка, дававшая числа от Адама. Эта выкладка вместе с повестью (последняя в сокращении) вошли в состав Ростовской летописи. Из Ростовской летописи повесть внесена была в Новгородскую 4-ю; выкладка и повесть — в извлечение из свода 1448 г.

Перед нами еще вопрос, — в каком отношении находятся между собой две хронологические выкладки — первая, читающаяся в Софий-

[1] А не самостоятельным извлечением из текста свода 1448 г.

[2] Напр., в начале повести читаем: «Бѣ нѣкто отъ ростовскыхъ житель Александрь глаголемый Поповичь и слуга бѣ у него именемь Торопь», после чего длинная вставка, разъясняющая, каким образом этот Александр с другими богатырями перешел на службу к Михаилу Романовичу, князю киевскому.

ской 1-й и Новгородской 4-й под 6395 г. и вторая, читающаяся в Рогожском летописце под 6732 г. Первая выкладка восходит к своду 1448 г., где она читалась под тем же 6395 г., вторая же к извлечению из свода 1448 г., где она читалась также перед 6732 г. Обе выкладки в общем сходны между собой: так, обе они содержат указание на число лет от царя Михаила до крещения болгар, от крещения болгар до преложения книг, от преложения книг до крещения Русской земли. Далее обе они дают числа лет от первого лета Ольгова до Игоря, от Игоря до Святослава, от Святослава до Ярополка, затем число лет княжений Ярополка, Владимира и Ярослава. Наконец, обе они приводят данные о том, что крещение было в 9-е лето Владимирова княжения, что от крещения до смерти Владимира прошло 28 лет, от убиения Бориса и Глеба до первого перенесения их мощей 57 лет, от первого до второго перенесения 43 года, от второго перенесения до Киевского взятия 87 лет, от Киевского взятия до Калкской битвы 20 лет. Ясно, что обе выкладки восходят к одному общему источнику. При этом выкладка Рогожского летописца, как кажется, представляет более первоначальный текст, чем выкладка свода 1448 г.: во-первых, она содержит указание на число лет от Адама до царя Михаила, и этим самым оказывается ближе к тому источнику, откуда взята общая в Рогожском летописце и в своде 1448 г. первая вводная к выкладке фраза: «Вкупѣ же си лѣта собираются»,[1] ср. в Летописце Никифора: «ὁμοῦ δὲ τὰ ἔτη συνάγονται», после чего: «Ἀπὸ δὲ Ἀδάμ»; кроме того, такое указание объясняет нам дальнейшее, где сообщаются лета от Михаила до крещения Русской земли и лета от Михаила до первого князя русского. Во-вторых, фразу «Отъ Михаила царя до Олга пръвого князя русского лѣтъ 29» мы читаем в своде 1448 г. не в хронологической выкладке, а выше под 6387 г.; наличность ее в хронологической выкладке Рогожского летописца говорит в пользу первоначальности этой выкладки. В третьих, слова: «И бысть княженіа его [т. е. Игоря] лѣтъ 33 по Олгове смерти, а при Ользѣ бы отноудоу же приведе емоу Олегъ женоу отъ Плескова именем Олгоу лѣтъ 10, и жи Игорь съ Олгою 43», слова, вставленные в своде 1448 г. после указания лет от Олега до Игоря и отсутствующие в Рогожском летописце, являются несомненно вставкою, ибо их нет и в хронологической выкладке «Повести временных лет» (под 6360).

Было бы, однако, ошибкой возвести хронологическую выкладку свода 1448 г. к выкладке, читаемой в Рогожском летописце, ибо в последней нет указания на число лет княжения Святополка (по своду 1448 г. 3 года) и еще указания на число лет княжения Владимира, которого мы признаем за Владимира Всеволодовича.[2]

---

[1] Так в своде 1448 г., а в Рогожском летописце только: «купно».

[2] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Птг., 1916, стр. IX.

Вместе с тем прямая зависимость выкладки свода 1448 г. от выкладки Рогожского летописца доказывается тем, что в первой из них хронологические данные доведены до Калкской битвы, как и во второй. Но в первой за словами: «а отъ взятьи Киевскаго до Калковскаго бою лѣтъ 20» — следует указание лет княжения Святополка, а за второй рассказ о Калковской битве. Связь выкладки с Калковской битвой несомненна.

Для объяснения взаимных отношений обеих выкладок строим следующие предположения. В одной из редакций Владимирского летописного свода хронологическая выкладка была помещена не под 6360 (852) г., как в Лаврентьевской, Ипатьевской и других сводах, содержащих первую редакцию «Повести временных лет», а под 6395 (887) г. — и это согласно со второю редакциею «Повести». Выкладка содержала, во-первых, счет лет от Адама до Михаила, тожественный со счетом, предложенным в первой редакции «Повести временных лет», во-вторых, счет лет от Михаила до крещения русского (которого не было в «Повести временных лет» первой редакции), в третьих, счет лет русских княжений, причем отправной точкой был опять царь Михаил; этот последний счет основывался отчасти на первой редакции «Повести временных лет», но детальнее чем она давал указание продолжительности отдельных княжений — Ярополка, Владимира, Святополка, Ярослава, Изяслава, Всеволода, Святополка и Владимира, причем Владимирово княжение определялось четырьмя годами (явное указание на составление второй редакции «Повести временных лет» в 1117 г.). Из Владимирского свода эта хронологическая выкладка перешла с течением времени во Владимирский полихрон.

Из него же она заимствована составителем особой повести о Калкской битве, возникшей в Ростове и связавшей эту битву с Александром Поповичем. Но составитель повести, чтобы ближе подойти к Калкской битве, оборвал текст выкладки на словах: «а Ярослав 40», после чего вставил указание на то, что крещение Руси было в 9-е лето княжения Владимира и затем привел ряд хронологических моментов между крещением и Калкскою битвою. Повесть о Калкской битве была внесена вместе с предшествовавшею ей выкладкой в Ростовский владычный свод.

Составитель свода 1448 г., имевший в числе своих источников Ростовский владычный свод, дополнил выкладку Полихрона под 6395 г. по выкладке, находившейся в Ростовском владычном своде перед 6732 (1224) г.[1] После слов: «а отъ преложенiа книгъ до крещенья Роускiа земля лѣтъ 92», он включил из выкладки Ростовского свода

[1] Сводчик 1448 г. воспользовался и повестью о Калкской битве по Ростовскому владычному своду: из нее заимствовано указание на убиение в битве Александра Поповича. Впрочем, то же читалось уже и в Полихроне (под влиянием все того же Ростовского владычного свода).

отрывок: «Бысть крещена земля в 9-е лѣто княженья Володимирова... а отъ взятья Киевского до Калковскаго бою лѣтъ 20». Непосредственно за ней он стал продолжать текст Полихрона словами: «Святополкъ окаянный 3 лѣта», после чего дал указание на лета княжения Ярослава и Владимира (Мономаха), которого принял за новгородского князя Владимира Ярославича, почему и поместил его вслед за Ярославом.

Из того же Ростовского владычного свода выкладка вместе с повестью о Калкской битве вошла в извлечение из свода 1448 г., дополненное по этому своду и по хронографу.

ГЛАВА XXV

«СКАЗАНИЕ ЛЕТОМ В КРАТЦЕ» ПРИ СОЧИНЕНИЯХ ИГНАТИЯ СМОЛЬНЯНИНА И ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СВОДА 1448 г.

«Сказание летом в кратце», обнимающее события до 6913 (1405) г., находим в двух списках Хождения Игнатия Смольнянина: Софийском (б. Петербургской духовной академии) № 1464 и Академическом (Академии Наук) № 16.8.13. Оба списка XVI в. В обоих «Сказание летом» предшествует описанию Солуня и Афона, начинающемуся словами: «В лѣто 6913 Игнатеи Смолнянинъ бысть в Селуни»; в обоих самое Хождение, озаглавленное в отдельных частях своих «Поуть Дономъ рѣкою за моря, а моремъ до Царяграда» и «О царьскомъ вѣнчаньи», помещено на третьем месте.[1]

Игнатий совершил свое хождение в качестве спутника смоленского епископа Михаила, сопровождавшего митрополита Пимена в его путешествии в Царьград. Путешествие началось 13 апреля 6897 (1389) г. Не доезжая Царяграда, митрополит Пимен и сопровождавшие его епископ Михаил и архимандрит Спасский Сергий отпустили от себя к Царюграду чернеца Михаила, Игнатия и еще другого чернеца, которые и прибыли туда 29 июня. Пимен с Михаилом и Сергием достигли Царяграда только 16 июля. 10 сентября скончался Пимен. 1 октября епископ Михаил вместе с митрополитом Киприаном, Иоанном епископом Волынским, Федором архимандритом Симановским и двумя греческими митрополитами отправились в Русь. Игнатий с некоторыми из прежних своих спутников остался в Царьграде. Здесь он в следующем году был свидетелем взятия Царяграда Калуяном Андрониковичем и его там воцарения, а затем изгнания Калуяна Мануилом, сыном старого царя Калуяна и его воцарения в 6899 (1391) г. В феврале 6900 (1392) г. Мануил венчался на царство; обряд венчания подробно описан Игнатием. Повидимому, Игнатий оставался сначала в Царьграде, потом на Афоне (первое известие об Афоне в сопровождающем его Хождение летописце относится к 6904 г.), откуда посетил Солунь

[1] Ср. издание Хождения Игнатия Смольнянина в вып. 3-м, т. IV Палестинского сборника, СПб., 1887 г. (в основание издания положен Софийский список; Академический, тожественный с Софийским, остался редактору С. В. Арсеньеву неизвестным).

(в 6913 г.). Прямого указания на то, что Игнатий ходил также в Иерусалим, мы не имеем: но то обстоятельство, что Никоновская летопись поместила вслед за Игнатиевым рассказом о венчании Мануила на царство «Въ Іерусалимѣ хоженіе», делает весьма вероятным, что это хождение совершено именно Игнатием и им же описано.

Итак, Игнатий оставил нам описание своего путешествия в Царьград, далее описание своего пребывания в Царьграде, описание Иерусалима, Солуня и Афона. Является вопрос, можно ли признать того же Игнатия составителем «Сказания летом в кратце», предшествующего в двух списках его сочинениям?

В этом Сказании, полагая, что оно оканчивается летописной статьей 6912 г., ряд известий принадлежит несомненно Игнатию: относим сюда, напр., известие 6903 г. об убиении турками царя Шишмана, 6904 г. о землетрясениях на Афонской горе, 6905 г. опять о землетрясениях на Афонской горе, 6912 г. о пожаре на Афонской горе и посещении Афонской горы царицей Калуяновою. Отметим далее, что описание Солуня, начинающееся указанием на Игнатия, как на его автора, связано неразрывно с предшествующею летописью, ибо, помещаясь вслед за ней, начинается хронологической датою: «Въ лѣто 6913». Итак, «Сказание летом в кратце» имеет во всяком случае ближайшее отношение к Игнатию Смольнянину. Из двух возможностей: первой, — что «Сказание летом в кратце» составлено самим Игнатием; второй, — что оно составлено другим лицом для включения летописных данных Игнатия в общую русскую хронологическую сеть, я останавливаюсь на второй возможности, и вот по каким основаниям.

Почти весь текст «Сказания летом в кратце» должен быть возведен к тому памятнику, который, как мы видели, восстанавливается путем сравнения Летописи Авраамки, Рогожского летописца и Летописца еп. Павла, т. е. к краткому извлечению из свода 1448 г., сделанному во второй половине XV в. Для доказательства этого положения рассмотрим ближе текст «Сказания».

Оно начинается хронологическою выкладкою лет от Адама до Калкского побоища. Мы видели эту статью в Рогожском летописце. Она читается в нем перед летописными статьями 6734, 6730 и 6738 гг., в Сказании также за означенной выкладкой следуют: отрывок летописной статьи 6734 г. и летописная статья 6738 г., последняя притом, как увидим, в сходном изложении с Рогожским летописцем. Хронологические выкладки Сказания и Рогожского летописца весьма близки между собой. Впрочем, выкладка в Сказании сохранила несколько данных, опущенных в Рогожском летописце: так, перед словами: «а лунѣ 10.24» читаем в Сказании слова: «солнцю кругъ 6»; далее после слов: «от Михаила царя до крещеніа болъгарьскаго лѣтъ 17», читаем: «отъ крещеніа болгарьскаго до преложеніа книгъ лѣтъ 22»; [1] наконец,

[1] Ср. в выкладке под 6395 г. в Новгородской 4-й: «отъ крещеніа до преложеніа книгъ лѣтъ 29».

после слов: «отъ Игоря до Святослава лѣтъ 30» читаем: «отъ Святослава до Ярополка лѣтъ 28, Ярополкъ княжи лѣтъ 8».[1] В виду соответствия этих данных с Новгородскою 4-ю летописью, без колебаний признаем текст выкладки Сказания в этом отношении исправнее текста Рогожского летописца. Напротив, после слов «отъ крещеніа рускаго до смерти Владимеровы и до убіеніа Бориса и Глѣба» опущены в Сказании слова: «лѣтъ 28; отъ убіеніа Бориса и Глѣба» и в этом месте Рогожский летописец, восполняющий их, представляется более исправным.[2] Отметим еще, что Сказание полагает от Игоря до Святослава 30 лет; в Рогожском летописце цифра эта вырвана; в Новгородской 4-й и Софийской 1-й вместо 30 находим 33. Далее от преложения книг до крещения русского указывается 22 года; между тем в Рогожском летописце, повидимому, 92 (цифра 2 вырвана), ср. в Новгородской 4-й и Софийской 1-й 92, что не вполне согласно с «Повестью временных лет» (6496—6406 = 90).[3]

За хронологической выкладкой читаем в Сказании: «Тогда убиша князей русскыхъ 12, а иныхъ живыхъ изъимаша, а людей безсчислено множество паде. Тогда убиша и Александра Поповича». Ср. в Рогожском летописце: «и потомъ Руси 11 князей паде, и множество людей бещислено, овыхъ избиша, а инія изымаша. Тогда оубиша Александръ Поповича».

Под 6738 г. читаем о затмении солнца, как у Авраамки; далее о голоде, как у Авраамки, в Летописце еп. Павла (кратко) и Рогожском летописце; при этом согласно с Рогожским летописцем показано, что в двух скудельницах, устроенных в Смоленске, похоронено не 36 000, как у Авраамки (Виленский список), а 16 000.

Статья 6746 г. соответствует статье 6746 г. в Летописи Авраамки; но слова: «со многыми силами безъвѣрныхъ языкъ» и ниже: «грады разби и святыа божіа церкви разори» вставлены редактором Сказания.

---

[1] Ср. в Новгородской 4-й: «а отъ 1-го лѣта Ярополча лѣтъ 28, и княживъ Ярополкъ лѣтъ 8».

[2] Замечательно, что тот же пропуск в выкладке 6395 г. и в Новгородской 4-й и в Софийской 1-й. Думаю, что совпадение с ними Сказания случайное: пропуск обусловлен повторением на близком расстоянии имен «Бориса и Глеба».

[3] Как указано, Сказание определяет время от крещения болгарскаго до преложения книг 22 и время от преложения книг до крещения русского также 22 годами. Ср. с этим в некоторых хронографических статьях указание на то, что от седьмого собора до преложения книг прошло 122 года и от преложения книг до крещения русскаго также 122 года (Сборник Авраамки, XVI т., стр. 37; Синодальный список Сборника Авраамки; также «Цвѣтник» Синодальной библиотеки № 687, ср. в Оп. Гор. и Нев. № 326). Происхождение этих цифр для меня неясно. В связи с ними стоит как будто указание некоторых статей на то, что русское крещение было в 6540 г. Ср. в той особой редакции «Слова о томъ, како крестися Владимиръ, возьма Корсунь», которая сохранилась в Синодальном (б. Синодального архива) и Большаковском списках: «въ лѣто 6540-е». Цифра 6540 получилась от прибавления 244 (т. е. 122 + 122) к 6296 г. (году седьмого собора). Но как явились цифры 122 и 122, неясно.

Статья 6747 г. восходит к тексту соответствующей статьи в Летописи Авраамки. Тоже относительно статьи 6748 г., но «татарове» заменены половцами. За этим годом следует прямо 6811 г.: под ним статья, восходящая к тексту Летописи Авраамки или Летописца еп. Павла, но вместо: «и нѣсколько женъ съжгоша» (Авраамки) читаем, как в Павловском: «сожгоша 4 жены»; следующему затем «злых» соответствует в Синодальном № 154: «вѣщихъ».

Мы знаем, что Летопись Авраамки, начиная с 6817 (1309) г., руководствуется уже не кратким извлечением из свода 1448 г., а Новгородскою 5-ю; знаем также, что Рогожский летописец в конце XIII в. следует также иным источникам. Следовательно, в части от 6835 (1327) г., который в Сказании следует непосредственно за 6817 (1309) г., Сказание может быть сопоставлено только с Летописцем еп. Павла, который, как мы видели, восходит к извлечению из свода 1448 г. во всем своем составе. Не забудем, однако, что летописец еп. Павла сильно сократил свой источник.

Статья 6835 г. в Сказании находит себе полное соответствие в Летописце еп. Павла.[1] Под 6839 г. читаем: «бысть помраченіе солнцю»; в летописце еп. Павла нет этого известия, но что оно было в извлечении из свода 1448 г., доказывается Новгородскою 4-ю (где читаем: «бысть помраченіе солнцю»). Статья 6848 г. находит себе соответствие в Новгородской 4-й и Софийской 1-й, следовательно, она может быть возведена к извлечению из свода 1448 г. Статья 6878 г.: «выиде из орды князь Дмитрей на великое княженіе» находит себе соответствие в статье 6879 г. Софийской 1-й и Новгородской 4-й.

За этой статьей 6878 г. повторено название того же года и под ним сообщено известие о походе Ольгерда и смоленского Святослава на Москву: соответствующего текста нет в других летописях, и поэтому мы не можем возвести его к извлечению из свода 1448 г. (см. ниже).

Статья 6880 г. в первой части находит себе соответствие в Летописце еп. Павла;[2] вторая часть, т. е. слова: «и пометаша труповъ человѣческихъ позженыхъ 5 скудельниць» находят соответствие в Новгородской 4-й и Софийской 1-й; следовательно, вся статья 6880 г. восходит к извлечению из свода 1448 г. Статья 6881 г. находит себе соответствие в летописце еп. Павла. То же относительно статьи 6883 г. Следующая статья в Софийском списке вводится словами: «Въ лѣто 6882», но в Академическом: «в лѣто 6880», причем за цифрой 80 стерта другая цифра; под этим годом читаем: «пробѣже князь Александръ Полотскій въ Плесковъ»; конечно, Александр вместо Андрей Ольгердович; соответствующее известие в Новгородской 4-й и Софийской 1-й под 6886 г. Статья 6888 г. находит себе соответствие и в Новгородской 4-й и Софий-

[1] Где читаем: «того же лета пришолъ из орды на Тверь Щолканъ в силе великой, и убилъ его князь Александръ».

[2] Где читаем: «пришолъ князъ Михайло ратью Тферскии у Торжокъ и городъ весь пожогъ и пагуба велика была хрестьяномъ».

ской 1-й. То же относительно статьи 6890 г. (Новгородская 4-я и Софийская 1-я: 6890 и 6891 гг.). То же относительно статьи 6891 г. Под 6894 г. читаем: «бысть помраченіе сълнцю мѣсяца генваря 1 въ часъ обѣда»; этого известия нет ни в Новгородской 4-й, ни в Софийской 1-й, но оно есть в Новгородской 1-й (без указания на час); отсюда заключаем о вероятности того, что оно читалось в извлечении из свода 1448 г., ибо свод 1448 г. содержал много новгородских известий, не попавших в Новгородскую 4-ю и Софийскую 1-ю и находящих себе соответствие в Новгородской 1-й. Под 6895 г. известие о море в Смоленске находится в Новгородской 4-й и Софийской 1-й.

Следующее засим под тем же годом известие: «и преставися князь Ярославъ Святославичъ въ образѣ аггельстѣ» не находится в других летописях. Полагаем, что Ярослав был сыном Святослава Ивановича смоленского, убитого в 6894 г. Итак, это известие смоленское. Смоленским же признаем следующее затем известие: «В лѣто 6896 поиде владыка Михайло отъ Смоленска на Москву». Этого известия нет в других летописях. Весьма вероятно, что оно записано Игнатием смольнянином, спутником епископа Михаила, путешествие которого и началось с 6896 г. (в 6897 г. Пимен с Михаилом и др. отправились уже из Москвы).

Известие 6896 г. о взятии татарами Переяславля находит себе соответствие в Летописце еп. Павла. Статья 6897 г. находит себе соответствие в Новгородской 4-й и Софийской 1-й (6896 и 6897 гг.), последнее известие ее о смерти в. кн. Дмитрия имеется и в Летописце еп. Павла. Статья 6898 г. о море в Новгороде находит себе соответствие в Летописце еп. Павла. Известие 6901 г. имеется в Новгородской 4-й и Софийской 1-й. Статья 6904 г. находит себе соответствие в Новгородской 4-й и Софийской 1-й (6903 г.). То же относительно статьи 6905 г. о пленении рязанской земли Витовтом.

За этой статьей 6905 г. находим известия, записанные, очевидно, Игнатием и не встречающиеся в других летописях: 6903 г. убиение турками царя Шишмана; 6904 и 6905 гг. землетрясение на Афонской горе; 6912 г. о пожаре на той же Горе и посещение лавры царицей Калуяновою. Перед 6912 г. помещена статья 6910 г. о кончине Михаила еп. Смоленского.[1]

Итак, почти весь текст «Сказания летом в кратце» можно возвести к извлечению из свода 1448 г. Исключение составляют: статья 6878 г. о походе Ольгерда и смоленского князя Святослава Ивановича на Москву, известие о смерти Ярослава Святославича и затем известия 6903—6912 гг.

Отсюда видно, что «Сказание летом в кратце» не могло быть составлено Игнатием Смольнянином, ибо извлечение из свода 1448 г. сделано во второй половине XV в., когда Игнатия не было в живых.

[1] Она читается в Львовской, Софийской 2-й и Воскресенской, но в них не указано, что Михаил епископствовал 19 лет, как в Сказании.

Следовательно, «Сказание летом в кратце» составлено редактором сочинений Игнатия Смольнянина. Мы предполагаем, что редактор этот был сам смольнянин и в виду пользования им тем самым источником, что лежит в основании первой части Летописи Авраамки, т. е. извлечением из свода 1448 г., думаем, что этот редактор трудился в конце XV или начале XVI в. Заметив, что сочинения Игнатия содержат хронологические данные: предположительно 6896 г. (отъезд еп. Михаила из Смоленска в Москву), 6897 г. (отправление Пимена и его спутников из Москвы), 6898 (нападение Андроникова сына Калуяна на Царьград), 6899 (землетрясение), 6900 (венчание Мануила на царство), 6903 (убиение Шишмана), 6904 (землетрясение на Афонской горе), 6905 (тоже), 6912 (пожар на Афонской горе и посещение ее царицей Калуяновою), 6913 (путешествие Игнатия в Солунь), — заметив этот ряд годов, редактор решил вставить эти хронологические данные, а с ними вместе и самые сочинения Игнатия в более цельную и обширную хронологическую сеть. Для этого он воспользовался выкладкой 6732 (1224) г., найденною им в извлечении из свода 1448 г., связывавшею год Калковской битвы с годами от Адама, и за нею поместил выборку из того же извлечения, доведенную до 6905 г. В эту выборку он сделал, как кажется, только три вставки на основании другого источника, — а именно Смоленской летописи: статьи 6878 г., известия 6895 и известия 6910 (1402) г. о кончине епископа Михаила. В эту же выборку в соответствующих местах (начиная, следовательно, с 6896 г.) сделаны вставки кратких летописных известий и кратких статей из сочинений Игнатия. Первая вставка — это известие 6903 г. об убиении турками царя Шишмана; последняя — 6913 г., под которым краткое описание путешествия Игнатия в Солунь и его описание Афонской горы. Остальные сочинения Игнатия, а именно «Хождение Пименово въ Царьградъ», рассказ о пребывании Игнатия в Царьграде и статья «О царьскомъ вѣнчаніи» помещены за этим описанием Афонской горы. Статья «Въ Иерусалиме хожение» оставлена редактором совсем в стороне. При этом отметим, что начало «Хожения Пименова в Царьград», где описан путь до Дона, опущено этим редактором. Быть может, опущение слов: «Въ лѣто 6897 Пиминъ, митрополитъ всеа Руси поиде въ третіи ко Царюграду», опущение, имевшее следствием опущение и следующего затем отрывка, вызвано тем обстоятельством, что выше в летописной выборке упомянуто под 6897 г.: «И тое вины поиде митрополитъ Пиминъ въ Царьградъ». Смоленская редакция сочинений Игнатия не имела особенного распространения. До нас она дошла в двух списках в сборниках, явно восходящих к одному общему оригиналу: списках Академическом и Софийском (Румянцевский список позднейшая копия с Софийского). Большее распространение имела, как кажется, другая редакция, свободная от летописных вставок и сближений с летописью. В Никоновской летописи помещены: «Хожение Пименово в Царьград», статья «О царьском венчании» и «Въ Иерусалиме хожение». Рассказ о пребы-

ваніи в Царьграде сокращен в несколько строчек: «и святаа мѣста смотрихомъ и многоцѣлебнымъ гробомъ и чюдотворнымъ мощемъ поклоняхомся». Казанский хронограф, которым воспользовался в своем издании С. Арсеньев, и Русский временник (восходящий также к Хронографу) стоят в явной зависимости от Никоновской летописи, но опускают «В Иерусалиме хожение». Некоторые сборники представляют лишь отдельные сочинения Игнатия, как то: «Путь до Царяграда» или «О царьском венчании».

Для нас, поставивших себе целью изучить списки «Повести временных лет», «Сказание летом в кратце» представляет тот интерес, что, во-первых, служит подтверждением сделанного нами выше предположения о том, что из свода 1448 г. было сделано краткое извлечение, послужившее при составлении Летописи Авраамки, Рогожского летописца и Летописца еп. Павла; во-вторых, он содержит хронологическую выкладку до Калковского сражения, входившую в состав «Повести временных лет» по своду 1448 г., но, как по всему видно, сохранившуюся в более первоначальном виде в извлечении из этого свода, который заимствовал ее из Ростовской летописи.

ГЛАВА XXVI

ЗАПАДНОРУССКИЕ И ЛИТОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ

Эти летописи, изданные в XVII томе Полного собрания русских летописей, доступны в настоящее время обозрению. Нашему исследованию подлежат только две летописи, которые содержат «Повесть временных лет». Но оказывается, что «Повесть» эта входила в состав того летописного свода, от которого в той или иной степени произошли все литовские летописи. Поэтому при восстановлении этого свода мы пользуемся указаниями большей части названных летописей.

Восстановление общего первоисточника, откуда пошли литовские летописи, ведет нас прежде всего к выделению общих всем литовским летописям статей. Одна группа летописей, древнейшая, сохранила таких статей больше, чем другие группы. Эту древнейшую группу составляют списки: Супрасльский, Уваровский, Никифоровский (весьма дефектный) и Академический (неполный). Общими частями в них оказываются: 1) Вводные статьи: это а) «Сказание о верных святых князьях русских» (Супрасльский, Никифоровский), б) Родословие русских князей (Уваровский), в) списки сыновей Владимира святого, г) Список русских епископий (Уваровский); 2) Общерусская по содержанию своему летопись, обнимающая события от 6362 до 6954 (854—1446) гг.; в Никифоровском часть после 6939 (1431) г. не сохранилась; в Уваровском летописец идет от великого князя Владимира Киевского, а именно от 6478 (970) г., причем часть летописи, обнимавшая, как можно думать, события 6748 (1240)—6902 (1394) гг., не сохранилась; Академический список сохранил летопись в части от 6847 (1339)—6954 (1446) гг.; 3) «Летописец князей литовских», который после перечисления сыновей Гедиминовых содержит рассказ о событиях, связанных с его сыновьями Кестутием и Ольгердом и внуками Витовтом и Ягайлом, и в конце упоминает о смерти Витовта (Витовт умер в 1431 г.) (Супрасльский, Уваровский, Академический). Распределение указанных трех частей в Супрасльском, Никифоровском и Академическом списках не соответствует распределению их в Уваровском: в первых трех за вводной статьей следует общерусская летопись, а за этой летописью Летописец князей литовских (текст Летописца в Никифоровском утрачен); в Уваровском сначала помещен Летописец князей литовских в части до сообщения о свидании Витовта с в. кн. Василием Дмитриевичем включительно; затем

летописные статьи общерусской летописи 6903—6926 гг.; далее окончание Летописца князей литовских; засим окончание общерусской летописи от 6939 до 6954 г.;[1] наконец, вводные статьи и текст общерусской летописи от 6478 до 6748 гг. (статья под этим годом не окончена). Нельзя сомневаться в том, что порядок летописного материала Супрасльского, Никифоровского и Академического списков более первоначальный, чем тот, что представляет Уваровский список, который, положив в основание Летописец князей литовских, вставил в середину и конец его и притом не в строго хронологическом порядке статьи общерусской летописи, а затем в виде приложения дал не попавшие в предшествующую компиляцию статьи общерусской летописи, сохранив часть вводных ее статей, но откинув начало летописи до первого упоминания о Владимире Святославиче. Отметим, однако, что Уваровский список этим своим распределением материала сближается с другими (позднейшими) литовскими летописями, предпославшими тексту, соответствующему Летописцу князей литовских, рассказ о начальных судьбах Литвы до смерти Гедимина, женитьбы Кестутия и рождения Витовта включительно: так, списки Румянцевский, Патриарший и Археологического общества за текстом, соответствующим тексту Летописца князей литовских (по Супрасльскому списку), помещают статьи общерусской летописи 6903, 6909, 6924, 6926—6954 гг.[2] Также в списке Рачинского, где за текстом, соответствующим тексту Летописца князей литовских, помещены те же статьи, что в названных выше списках с позднейшими, впрочем, в них вставками. Отличием Уваровского списка от Румянцевского, Патриаршего и остальных, является при этом то, что эти последние вставляют статьи общерусской летописи за текстом Летописца князей литовских, между тем как Уваровский список помещает одну часть этих статей в самый текст Летописца, а другую часть за текстом этого Летописца. Нельзя не признать распределение летописного материала, восходящего: а) к Летописцу князей литовских, б) к общерусской летописи, в Уваровском списке более поздним, чем в списках Румянцевском, Патриаршем и др. Таким образом сравнение Уваровского списка с позднейшими литовскими летописями ведет нас к восстановлению такого летописного свода, который начинался с текста Летописца князей литовских, помещал затем статьи 6903—6954 гг. общерусской летописи и оканчивался текстом общерусской летописи (с предшествовавшими вводными статьями), обнимавшим часть до 6902 г. Позднейшие литовские летописи сохранили от этого свода только текст Летописца князей литовских и статей 6903—6954 гг., а Уваровский список сохранил, кроме того, как вводные статьи общерусской летописи, так и статьи 6478—6748 гг.,

[1] Следующие затем известия 6900 г. о женитьбе в. кн. Василия Дмитриевича на Софье Витовтовне, равно как вставленные выше после 6953 г. известия 6855, 6895, 6928, 6929, 6940, 6943, 6919 гг. восходят также к общерусской летописи, но попали из нее с нарушением хронологического порядка.

[2] Засим следуют позднейшие события, а также статьи 7013, 7014, 7015 и 7022 гг., после чего краткий летописчик до 7075 (1575) г.

а также еще статьи 6855 и 6895 гг., попавшие по какой-то ошибке за статьей 6953 г. Восстанавливаемый по Уваровскому и позднейшим литовским летописям свод мы будем называть протографом Уваровского списка.

Как указано выше, распределение летописного материала в протографе Уваровского списка более позднее, чем распределение его в Супрасльском, Никифоровском и Академическом. Возвести текст протографа Уваровского списка к тексту одного из трех названных списков мы не можем в виду неоднократно обнаруживающейся бо́льшей исправности Уваровского списка. Но не видим затруднений к возведению текста протографа Уваровского списка к тексту протографа Супрасльского, Никифоровского и Академического списков. В этом памятнике, который для краткости будем называть протографом Супрасльского списка, летописный текст в общем сходствовал как с текстом Уваровского, так и с текстом Супрасльского списка, а изложен он был в той последовательности, которую видим в Супрасльском. В начале его читалась не одна вводная статья, как в Супрасльском, а еще три, дошедшие в Уваровском; затем излагалась общерусская летопись до 6954 г.; наконец, в ней был помещен текст Летописца князей литовских.

Имея в виду, что, с одной стороны, текст этого Летописца связан в восстановляемом таким путем памятнике с общерусскою летописью механически, а что, с другой стороны, текст этого Летописца известен и в отдельном виде, вне соединения с общерусскою летописью,[1] мы в праве предположить существование такого свода, в котором была помещена общерусская летопись, тожественная с той, что читалась в протографе Супрасльского списка без соединения с Летописцем князей литовских. Ближайшему исследованию нашему и подлежит этот свод, который, заметим теперь же, носит явные следы западнорусской обработки или даже западнорусского происхождения. Но сначала начертим в самых общих чертах ход литовского летописания, насколько он выяснился из предыдущих указаний.

Сначала появилась общерусская летопись в западнорусской обработке; летопись эта обнимала события до 6954 г. Затем к ней присоединен был текст Летописца князей литовских (протограф Супрасльского списка). Возникший таким путем свод был впоследствии переработан в отношении к распределению в нем материала: в начало свода помещен был текст Летописца князей литовских; за ним вписаны статьи 6903—6954 гг. общерусской летописи; в конце приведена общерусская летопись в части до 6902 г. (протограф Уваровского списка). Этот свод из соображений хронологических был несколько изменен последующим редактором, который последнюю статью Летописца князей литовских о Подольской земле поместил в часть 6903—6954 гг. (восходящую к общерусской летописи), а именно после статьи 6926 г.; не справившись с текстом вследствие этой перестановки, редактор поместил опущенные им при переписке статьи 6928,

[1] Сюда относится Виленский список, где Летописец помещен за летописью Авраамки, также русские переделки Летописца (ср. в приложениях к XVII т.), наконец, латинский перевод Летописца (XVII т., стр. 219—226).

6929 и 6943 гг. за статьей 6953 г., включив по непонятной причине перед статьей 6928 г. известия 6855 и 6895, а после статьи 6943 г. известие 6919 г. и приписал, кроме того, известие 6900 г. за статьей 6954 г. (оригинал Уваровского списка, который сам утратил конец общерусской летописи). Протограф Уваровского списка вошел впоследствии в состав летописного свода, содержавшего в начале рассказ о древнейших судьбах Литвы; в этом своде общерусская летопись за 6954 г. заменена сообщением о позднейших событиях западнорусских (Румянцевский, Патриарший, Археологический, Рачинского).

Итак, перед нами общерусская летопись, доведенная до 6954 (1446) г., до сообщения об ослеплении в. кн. Василия Васильевича и вокняжении кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки. Мы указали на то, что летопись эта быть может западнорусского происхождения, разумея под происхождением компиляцию из летописных источников московских, ибо общерусская летопись в середине XV в. могла вестись, конечно, только в Москве. Представим здесь имеющиеся нами в виду соображения. В протографе Супрасльского списка оказывается ряд западнорусских статей и известий, неизвестных по другим летописям — московским и новгородским. Этот ряд западнорусских статей начинается с известия о съезде князей и других владетельных особ у Витовта, пожелавшего возложить на себя корону, и о его смерти (6939=1431 г.). За смертью Витовта сообщается о последовавших усобицах между Свидригайлом и Сигизмундом Кестутьевичем, окончившихся побоищем Вилькомирским, после которого Сигизмунду покорились и Смоленск, и Полоцк, и Витебск ; далее помещена Похвала Витовту, представляющая собой отдельное произведение, возникшее вне летописи; [1] наконец, за Похвалой читаем под 6940, 6941, 6943, 6946, 6948, 6951, 6952 и 6953 гг. западнорусские известия: они идут почти непрерывною цепью; только в конце 6946 г. читаем о поражении москвичей татарами, а под 6952 г. о походе Бориса Тверского против Великого Новгорода; некоторые из этих известий оказываются тожественными с теми, о которых сообщает статья, следующая за известием о смерти Витовта: таковы известия 6940 г. о поездке епископа Смоленского Герасима в Царьград и о битве при Ошмене; 6943 г. о сожжении митрополита Герасима Свидригайлом и о Вилькомирском побоище. До 6939 г. протограф Супрасльского списка не представлял таких западнорусских известий, каких не было в московских и новгородских сводах; исключение составляют как будто некоторые известия о поездках митр. Фотия в Литву, Смоленск и Южную Русь, [2] но эти известия могут быть московского происхождения, как относящиеся к митрополиту и, быть может, записанные в его канцелярии (ср. ниже). В виду этого, признаем вероятным, что указанный выше

[1] Ср. эту Похвалу в списке, изданном в XVII т., стр. 417—420.

[2] Напр., под 6909 г. о поездке Фотия в Литву и поставлении там Севастиана владыкою в Смоленск; 6910 г. о пребывании Фотия в Луцке и Галиче; 6928 г. о пребывании Фотия в Литве, Киеве, Галиче, Львове, Владимире, Вильне, Смоленске.

ряд западнорусских известий является вставкой в текст общерусской летописи: подтверждение этому находим и в том обстоятельстве, что первое из этих известий, сообщение о съезде князей у Витовта в 6939 г., отделено от предшествующей летописной статьи 6935 г. явною вставкой, содержащею отрывок из вводной части «Повести временных лет» («Река Днепръ течеть оу море Понетьское. . . и на востокъ въ жреби Симовъ»). Очевидно, за статьей 6935 г. составитель протографа Супрасльского списка обратился к другому источнику: и, повидимому, из него заимствованы им не только перечисленные выше западнорусские известия, но и только что указанный отрывок из «Повести временных лет».

Определяя источник западнорусских известий и статей 6939—6953 гг., вошедших в протограф Супрасльского списка, укажем прежде всего, что источник этот смоленского происхождения. В событиях после смерти Витовта, в усобице между Сигизмундом и Свидригайлом, Смоленск играл значительную роль; поэтому эти события так подробно изложены под 6939 г.; далее под 6946, 6948, 6951, 6953 гг. читаем несомненно смоленские известия, как то: о голоде в Смоленске, о мятеже, о суровой зиме, о весеннем половодье, о кончине Спасского архимандрита Ануфрия, о кончине смоленского епископа Самсона.[1] Похвала Витовту, если не составлена в Смоленске, то тесно связана с этим городом, как видно из внесения ее в книгу, писанную в Смоленске. Итак, видим указание на существование местной смоленской летописи, излагавшей между прочим события XV в. Общерусская летопись, подвергшаяся обработке в Западной Руси, внесла из этой смоленской летописи события 1439—1453 гг. Повидимому, смоленская летопись излагалась не в хронологической сети: это доказывает рассказ, следующий за смертью Витовта, где без указания годов изложены события пяти или шести лет; известия 6940 и 6943 гг., повторяющие известия, изложенные выше в статье после смерти Витовта и из нее извлеченные, приурочены к указанным годам, повидимому, составителем протографа Супрасльского списка; быть может, им же приурочены к определенным годам известия 6946, 6948, 6951 и 6953 гг. Во всяком случае, пользование Смоленскою летописью при обработке общерусского летописного свода делает вероятным, что эта обработка имела место именно в Смоленске. Мы уже видели, рассматривая Летопись Авраамки, своеобразную обработку русской летописи в Смоленске.

Мы убедились при этом, что в распоряжении Авраамки находились 1) новогородское извлечение из свода 1148 г., 2) список Новгородской 4-й летописи, доведенной до 1469 г., 3) список Новгородской 5-й летописи. Обилие летописного материала, сосредоточившегося в Смоленске, как мы думали, при дворе епископа Иосифа Солтана, делает возможным

[1] Судя по Уваровскому списку, последним смоленским известием было известие о море в 6954 г. Этого известия нет в Супрасльском. Не нахожу его поэтому достоверным: быть может, в виду хронологической путаницы, отмеченной нами в Уваровском списке (за 6954 г. следует 6900), это известие Уваровского списка должно отожествить с известием о море в Смоленске 6909 г.

предположение, что общерусский свод, лежащий в основании протографа Супрасльского списка, составлен был в Смоленске на основании не одного, а двух или нескольких источников.

Состав этого общерусского свода определяется составом протографа Супрасльского списка, при исключении из него только что рассмотренных заимствований из Смоленской летописи. Итак, в него входили: вводные статьи (сохранившиеся в Супрасльской и Уваровской), летописный рассказ от 6362 до 6954 г.; заимствования из Смоленской летописи статей и известий 6939—6953 гг. были причиной того, что под этими годами мы почти не находим общерусских известий (мы отметили выше известия 6946 и 6952 гг.). Попытаемся определить источники этого общерусского свода.

Прежде всего внимание наше останавливает на себе то обстоятельство, что общерусская летопись, подлежащая нашему исследованию, оканчивалась известием 6954 г. Мы знаем из предыдущего исследования, что 6954 г. оканчивалась Новгородская 5-я летопись, а также вторая редакция Новгородской 4-й. Это, в связи с только что сделанным указанием на присутствие в Смоленске в конце XV в. и Новгородской 5-й летописи, и Новгородской 4-й (правда, в редакции, доведенной до 1469 г.), делает вероятным, что одним из источников исследуемого свода была Новгородская 5-я или Новгородская 4-я летопись. Отправляясь от этого предположения, определим, что именно в тексте протографа Супрасльского списка может быть возведено к Новгородской 5-й или 4-й летописи.

Значительная часть рассматриваемой летописи может и должна быть возведена к Новгородской 5-й или тожественной с нею на значительном протяжении Новгородской 4-й. А именно сюда относится вся часть от хронологической выкладки, где показаны лета от Адама до царя Михаила, до 6817 г., оставленного, впрочем, незаполненным. Самые яркие признаки свидетельствуют, что этот летописный текст заимствован именно из Новгородской 5-й или 4-й. Так, под 6362 г. читаем: «Начало земли Роустеи»: ср. то же, кроме новгородских, еще только в Софийской 1-й; под 6389 г. находим хронологическую выкладку, соответствующую той, что читается под 6395 г. и в Софийской 1-й и в Новгородской 4-й, но наличность в ней фразы: «отъ первого лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля», онущенной в Софийской 1-й, указывает как на источник на Новгородскую 4-ю или 5-ю; то же подтверждается и ниже словами: «а Володимеръ Ярославичь 4 лѣта», которым в Софийской 1-й соответствует: «о т ъ Володимера Ярославича лѣта 4»; в помещенной за сим родословной в протографе Супрасльского списка имена доходят до сыновей Ивана Ивановича — Дмитрия и Иоанна, между тем как в Софийской 1-й родословная продолжена дальше. Под 6421 г. читаем: «и древляны з а р а т и ш а с я съ Игоремь»; ср. в Новгородской 4-й и 5-й: «и древляне заратишася отъ Игоря», между тем в Софийской 1-й (как и в Лаврентьевской): «и древляны затворишася отъ Игоря». Под 6488 г. в протографе Супрасльского списка в перечне сыновей не названы Судислав

и Позвизд, как и в обеих Новгородских, между тем как в Софийской 1-й они названы. Под 6496 г. читаем: «повелѣ Володимеръ приспоу сыпати к городоу», ср. то же в обеих Новгородских, между тем как в Софийской 1-й: «повелѣ приступати къ граду и персть сыпати».

Определяя ближе Новгородскую летопись, бывшую в распоряжении составителя протографа Супрасльской летописи, видим, что ряд чтений сближает ее именно с Новгородской 4-й, а не Новгородской 5-й. Так, в этом протографе читалось под 6488 г.: «а отъ чехыны роди Вышеслава, а отъ другой Святослава[1] и Станислава», то же в Новгородской 4-й, между тем в Новгородской 5-й: «Святослава и Мстислава». Под 6496: «сей градъ ваю сильный взях», как в Новгородской 4-й между тем в Новгородской 5-й: «славный»; ниже: «взя же четыры иконы», как в некоторых списках Новгородской 4-й (напр. Фроловский), между тем как в Новгородской 5-й: «4 кони»[2] и др. Отсюда заключаем, что составитель протографа пользовался именно текстом Новгородской 4-й, а не 5-й летописи. Но это не исключает возможности того, что Новгородская 5-я была в числе вспомогательных источников этого составителя.

Внимание наше привлекает к себе следующее обстоятельство. Мы знаем, что Летопись Авраамки составлена по четырем источникам: Новгородской 5-й, Новгородской 4-й, извлечению из свода 1448 г. и хронографу. Новгородская 4-я и хронограф были употреблены в качестве вспомогательного источника, а главными источниками при составлении самой летописи были Новгородская 5-я и извлечение из свода 1448 г. При этом в части до 6817 (1309) г. Авраамка следовал извлечению из свода 1448 г., а в части от 6817 до 6954 г. Новгородской 5-й. Анализируя протограф Супрасльского списка, видим, что он до 6817 (1309) г., который, впрочем, остался незаполненным, следует Новгородской 4-й летописи, а начиная с 6818 (1310) г., обнаруживает весьма явно переход к другому источнику (см. об этом источнике ниже). Если мы сообразим, что протограф Супрасльского списка и Летопись Авраамки одинаково составлены в Смоленске, то подобное совпадение в распределении летописного материала не может быть признано случайным. Выходит так, что составитель протографа Супрасльского списка, работавший, повидимому, позже Авраамки, пожелал в первой части своей компиляции, соответствовавшей первой части Летописи Авраамки и доходившей до 6817 (1309) г., использовать источник, оставшийся неиспользованным Авраамкой в первой части и положенный в основание второй части составленной им летописи, т. е. Новгородскую 5-ю летопись; при этом, однако, заметив почти полное тожество Новгородской 5-й с Новгородскою 4-й (дополнительным источником Авраамки), составитель протографа Супрасльского списка отдал почему-то предпочтение Новгородской 4-й. Ее он и положил в основание своего труда, ею он и заполнил первую часть его, до 6817 (1309) г.

[1] Так в Никифоровском списке.

[2] Таково чтение Никифоровского списка.

Казалось бы вероятным признать, что во второй части протографа Супрасльского списка отразился тот источник Авраамки, который использован им в первой части, но оставлен без внимания во второй (начиная с 6817 г.), т. е. краткое извлечение из свода 1448 г. Но на самом деле в части от 6818 до 6935 (1310—1427) гг. мы находим в протографе Супрасльского списка заимствование из источников, ни в коем случае не тожественных с кратким извлчением из свода 1448 г., не тожественных потому, что в Супрасльском оказывается ряд известий, отсутствующих как в Новгородской 4-й, так и в Софийской 1-й, которые, как мы знаем, восходят обе к своду 1448 г. Как указано, пользование этими новыми источниками начинается с 6818 г. Мы читаем в летописной статье этого года подробный рассказ о событиях, разыгравшихся в Брянске во время пребывания там митрополита Петра. К Брянску, где сидел Святослав, подошел с татарской ратью его брат князь Василий; несмотря на увещания митрополита, Святослав не поделился княжением с братом; произошла битва, после которой брянцы бежали; Святослав, оставшийся один со своим двором, был убит; митрополит затворился в церкви и таким образом остался в живых. Сообщение об этом событии читаем и в Новгородской 4-й, и в Софийской 1-й в одинаковом изложении: следовательно, более подробное изложение протографа Супрасльского списка не может восходить ни к своду 1448 г., ни тем более к извлечению из него. Изложение протографа Супрасльского списка, оказывается, находит себе соответствие в Симеоновской, Никоновской и Русском временнике: во всех них читаем: «яко же рече писание: сынь ослоушливь приметь месть», а в конце: «яко же рече: избавлю избраннаго моего отъ ороужия люта (и сохраню всходы и исходы его)».[1] И вот, начиная с этой статьи 6818 г., текст протографа Супрасльского списка, резко отличаясь от текста Софийской 1-й, Новгородской 4-й и даже Воскресенской, сходствует с текстом Симеоновской и Никоновской летописей.

Так, под 6825 г. сообщено о сражении у Твери на поле Бортеневе 22 декабря; ни в Новгородской 4-й, ни в Софийской 1-й, ни в Воскресенской не названо это поле и не указан день сражения; в Симеоновской названо Бортенево, а в Никоновской назван Бортенев и указан день. Под 6860 г. читаем: «митрополить Фегность благослови владыкоу Данила на владычьство во Суздаль и литоргисяя великыи четвертокь», ср. об этом и в Воскресенской и в Никоновской (под 6859 г.), но только в Симеоновской находим соответствие последним словам Супрасльского списка: «и служилъ обѣдню, первое литургисалъ на средокрестной недѣли въ четвертокъ». Под 6861 г. только в Супрасльской и Никоновской посол Михаил (Гречин) назван Щербатым. Под 6868 г. об убийстве Тайдулы сообщается в Симеоновской и Никоновской, а в Воскресенской, Софийской и Новгородской 4-й это известие отсутствует. Под 6879 г. читаем, что владимирцы не приняли к себе Михаила Тверского, «рекоучи: и лжею взял еси кня-

[1] Воскресенская излагает события подробнее, чем Софийская 1-я, но не содержит указанных текстов Писания.

жение», в Никоновской эти слова (XI т., стр. 15) опущены, в Воскресенской и Симеоновской, в каждой различно, они переделаны. Под 6881 г. в известии о взятии Михаилом Переяславля только в Супрасльской и Симеоновской указано, что это случилось во вторник (в Воскресенской — в среду). Под 6892 г. только в Супрасльской и Симеоновской указано, что Олег Рязанский взял Коломну именно 25 марта.

Но оказывается, что сходство с Симеоновской, Никоновской и Воскресенской прекращается по крайней мере на время, начиная с 6893 г. Важно отметить, что статья 6893 г. следует за статьей 6896 г. с нарушением хронологического порядка; далее отметим, что статья 6896 г. повторена ниже на своем месте и под этим годом повторено известие о кончине в. кн. Дмитрия Ивановича, изложенное выше; подобным же образом под 6895 г. читаем известие о взятии Коломны Олегом Рязанским, которое повторяет известие, изложенное выше под 6892 г. При ближайшем рассмотрении статьи 6896 г., на которой прекращается сходство с названными летописями, оказывается, что в конце ее читаем известие, относящееся к 6891 г.: «князь великыи Дмитрей Ивановичь посла въ орълоу сына своего князя Василия». Итак, после известия 6896 г. о кончине в. кн. Дмитрия Ивановича и вокняжении Василия Дмитриевича, составитель протографа Супрасльского списка перешел к другому источнику и начал списывать его, но не с 6897 г., как можно бы ожидать, а с 6891 г. Этим источником оказывается Софийская 1-й летопись и притом именно первая редакция этой летописи, редакция списков К. О. Заимствования из этого источника идут до 6926 (1418) г. включительно. Доказательство, что в части 6891—6926 гг. протограф Супрасльского списка следовал именно Софийской 1-й летописи, видим, по-первых, в точной передаче многих летописных статей Софийской 1-й в Супрасльском списке,[1] во-вторых, в том обстоятельстве, что в указанной части (в особенности же до 6918 г.) нет заимствований из других источников: все объясняется из Софийской 1-й.[2] При этом отметим, что большая часть специально новго-

[1] Ср. 6893, 6898, 6908, 6909, 6910, 6911, 6912 гг. (ср. именно К. О.), 6913 (кроме нескольких строк в конце), 6917 (псковскимь — ошибочно вм. Новгородьскимъ), 6926 (кроме первого известия, прибавленного к Супрасльской, и известия о знамении в Новгороде, опущенного в Супрасльской).

[2] До 6918 г. отмечу: под 6896 г. две подробности, содержащиеся в списке Ц. и отсутствующие в К. О. и остальных; под 6903 г. краткое сообщение о Темир-Аксаке; под 6918 г. несколько иначе, чем в К. О., изложена статья о прибытии митр. Фотия (сходно с другими списками); далее указан день кончины Владимира Андреевича; сообщено о поставлении Рязанского епископа Сергия; ниже о поставлении Тверского епископа Антония; под 6919 г. о поставлении Смоленского епископа Севастиана; под 6920 г. о поставлении Туровского епископа Евфимия и возвращении великого князя из орды за неделю до филиппова говения; под 6922 г. о поставлении Амвросия Коломенского и прибытии Ярослава Владимировича в Литву, а также подробности о явлении Колочской божьей матери; под 6923 г. о поездке Фотия в Литву; под 6924 г. окончание статьи о поставлении Симеона Новгородского (со слов: «и приеха в Новгородъ», ср. Новгородскую 4-ю под 6924 г.); под 6925 г. поставление Дионисия Ростовского.

родских известий опущена. Ср. под 6899 г. о мире новгородцев с немцами; 6900 г. о столкновении новгородцев с немцами; 6903 г. о нападении немцев на новгородскую область; 6904 г. о нападении немцев на Карельскую землю; 6914 г. о походе псковичей в немецкую землю; 6915 г. о нападении немцев на Псковскую землю. Все эти известия отсутствуют в других, кроме К. О., списках Софийской 1-й летописи, но, кажется, пропуск их произошел в протографе Супрасльской независимо от других списков Софийской 1-й летописи, ибо некоторые новгородские же известия К. О., отсутствующие в других списках, сохранены в Супрасльской; напр., об усобице 6926 г., о прибытии в Новгород владыки Иоанна в 6912 г., о поставлении владыки Симеона в 6924 г.

Начиная с 6927 г. и до 6935 г., после которого идут вставки из западнорусской летописи, текст протографа Супрасльского списка опять не находит себе соответствия в списках Софийской 1-й и Новгородской 4-й; ближайшим образом он сходится с текстом Никоновской летописи, в которой, впрочем, отсутствует ряд имеющихся в Супрасльской известий.

После 6935 г., как мы говорили, читаем вставку из начала «Повести временных лет», а затем ряд западнорусских статей и известий. Эти известия идут до 6953 г. включительно. Среди них под 6946 г. читаем: «того жѣта царь Малметъ [1] побилъ москвичь»; это известие соответствует известию Софийских и других летописей о сражении при Белеве. Под 6952 г. читаем: «князь велики Борись Тверскыи посылаль повоевати земли Великого Новъгорода, а въ воеводахъ былъ князь Андреи Дмитриевичь и звоеваша волостеи за поль третядцать волостей и много зла оучинища»; ср. сходное известие в Никоновской под 6952 г.[2]

Наконец, под 6953 и 6954 гг. находим ряд известий, находящих себе соответствие в Никоновской, Воскресенской и отчасти в Новгородской 4-й. Отмечу при этом, что землетрясение в Москве отнесено Супрасльским списком в середину сентября (за две недели перед Покровом), а в Воскресенской и Никоновской на 1-е октября; битва под Суздалем на май, а в Воскресенской, Никоновской, Новгородской 4-й на 7 июля; далее в Супрасльской сказано, что Ивана Андреевича Можайского взяли в плен; в Никоновской, в Воскресенской и Новгородской 4-й сообщается о том, что он спасся бегством. Кроме того, укажем, что о Московском землетрясении не читается в Новгородской 4-й, которая также не сообщает о том, что Магмет и сын его Мамутяк отпустили великого князя из плена именно на «св. Дмитрия»; по Воскресенской и Никоновской великий князь отпущен Махметом и Мамутяком 1 октября, а на «св. Дмитрия» он прибыл в Переяславль. Отсюда заключаем, что известия 6953—6954 гг., равно как известие 6952 г., заимствованы в протограф

[1] В Супрасльском списке: «Михаилометъ».

[2] «Тоя же осени изъ отчины великого князя Тверскаго много въеваша новгородцкой земли властей и селъ; Бѣжьицкой Верхъ и Новотожьскіа власти всѣ повоеваша и поплѣниша и пожгоша тверичи и со многимъ богатствомъ возвратишася въ свояси».

Супрасльского списка не из Новгородской 4-й или 5-й, а из летописи сходной с Никоновской и Воскресенской, следовательно, из той самой летописи, которая служила источником Супрасльской в части 6818—6896 и 6927—6935 гг.

Возвращаемся к вопросу об этой летописи: из нее заимствованы в Супрасльскую известия 6818—6896, 6927—6935, 6952—6954 гг. Кроме того, к ней же с уверенностью возводим в остальных частях протографа Супрасльского списка те известия, которые нельзя возвести к западнорусской (смоленской) летописи, в части 6939—6953 гг.: это известие 6946 г. о битве при Белеве; далее известия, которые нельзя возвести к Софийской 1-й летописи, в части 6891—6926 гг.: эти известия перечислены выше, в примечании; наконец, те известия, которые нельзя возвести к Новгородской 4-й летописи, в части до 6817 г. Перечислим эти известия.

Под 6377 г. к известию «Крещена бысть земля Болгарская» прибавлено: «при цари Василѣи сыноу Михаилове».

Под 6746 г. рассказ об убиении Василька Константиновича содержит следующую вставку после слов: «темь же не погрещи надежи своеи» — «о вѣроу христьянскоую пострада, не только до крови но и до слезного и до последного издыхания не покорися сыроядьцемь безьдушьнымь и не послоуша ласкания ихъ, еже емоу обещевахоу; возлюбиша бо его оканнїи красоты дѣля лица его, и того деля многоу моукоу приносяхоу емоу, да бы ся имь повиноулъ, ово грозою и моукою, ово же лоскаюче его и дорми и ризами безьценьнымы. Правдива же душа его изволи паче <. . .>. И к томоу не токмо ризь ценныхъ съвлечеся и кости, ино олиже и до самыхъ мозговъ. Изрядньѣ же душю предасть в роуци господеви с конечьнымь покаяниемь». Далее следуют слова: «мы же напредъ возвратимься», доказывающие здесь, как и во многих других случаях, что предшествующий отрывок вставлен. Соответствующего текста я не нашел в других летописных сводах. Но весьма замечательно, что в соответствующем месте видим вставку и в Новгородской 4-й летописи; а именно после слов: «тѣмже не погрѣши надежди его же просяща у бога: господи, спаси любящихъ тя», слов, общих Новгородской 4-й летописи с Софийской 1-ю, читаем отрывок: «О возлюбленїи князи рустїи, не прелщайтеся пустошною славою свѣта сего. . . и вѣнець пріятъ отъ рукы господня».[1] Этот отрывок ока-

[1] За исключением этой вставки, текст летописных статей 6745 и 6746 г. представляет в Новгородской 4-й сокращение из текста Софийской 1-й летописи, т. е. собственно из текста свода 1448 г. Впрочем небольшую вставку находим и выше в рассказе о взятии Владимира, где после слов: «а святую Богородицю церковь разграбиша и чюдную икону ея одраша» читаем: «и иныя церкви и дворъ княжь, и села, и монастыри разграбивъ и пожгоша. . . и имѣніе немало взяша». В этом самом месте в протографе Супрасльской была сделана также вставка, представляющая собственно расширение этого сообщения Новгородской 4-й летописи. Ср. в Никифоровском списке (в Супрасльском списке это место опущено): «и градъ весь огневи предаша и иссѣкоша вся оружіемъ отъ старець и до младенець, отъ мужьска полу и до женьска и ереискыи чинъ весь и черноризьскыи; и все изъобнажено и поругано, горкою смертію нужного прѣдаша душя своя господеви въ 7 февраля в недѣлю мясопустную».

зывается тожественным с текстом описания убийства татарами Романа Ольговича Рязанского в 1270 г. (Ср. Софийскую 1-ю, Симеоновскую и др.). Мы знаем, что вставки в текст Новгородской 4-й сравнительно с текстом Софийской 1-й восходят к Ростовской летописи (если, разумеется, их невероятно возвести к протографу Софийской 1-й — своду 1448 г., или к Новгородской 1-й). Отсюда заключаем, что и эта вставка в рассказ об убиении ростовского князя Василия Константиновича восходит к Ростовской летописи. К ней же возводим вставку, отмеченную только что в примечании. Имея же в виду, что протограф Супрасльского списка представлял вставки в тех же самых местах, что Новгородская 4-я летопись, мы в праве предположить, что источник, откуда они взяты, стоял в той или иной связи с Ростовскою летописью.

Под 6791 г. после общего с Новгородскою 4-й известия: «поставленъ бысть Максимь митрополитъ греческыи», читаем: «на трети год ко Суздалию». Ср. в Московско-Академическом списке Суздальской летописи под 6793 г.: «приеха митрополитъ Максимъ Суздалю».

Под 6811 г. после известия о смерти Данила московского прибавлено: «а княживъ лѣтъ 11».

Перечислим теперь некоторые из известий протографа Супрасльского списка, в части 6818—6896 гг., которых нет ни в одной из известных мне летописей.

Под 6861 г. читаем о некоторых византийских событиях: изгнание царя Иоанна, отъезд из Царьграда патриарха Каллиста, поставление на его место Филофея и землетрясение в Царьграде.

Под 6862 г. читаем о женитьбе князя Михаила Александровича на дочери Константина нижегородского. Там же названа жена Бориса Нижегородского — Агрипиной.

Под 6865 г. сообщено, что икона в церкви богородицы Владимирской, перед которой чудом зажглась свеча, написана митр. Петром; там же сообщено, что митр. Алексея проводил в поездку его в орду до Владимира в. кн. Иван Иванович; ниже сообщено о душевной болезни Чанибека.

Под 6867 г. имеются подробности о пребываний князей в Орде, куда они съехались для решения, кому быть великим князем.

Под 6871 г. сообщается об изгнании из Переяславля Дмитрия Суздальского Дмитрием Ивановичем.

Под 6872 г. сообщено о море в Костроме, Ярославле и Ростове.

Под 6873 г. читаем о закладке каменной церкви Михаила в Нижнем.

Под 6878 г. находим известие о небесных знамениях в виде столпов.

Под 6884 г. сообщено о прибытии (куда?) двух протодиаконов Юрия и Иоанна от митрополита.

Об известиях, восходящих к исследуемой летописи и вставленных в текст 6891—6935 гг. Софийской 1-й летописи, см. выше в примечании. После 6927 г. весь текст восходит к исследуемой летописи.

Под 6927 г. находим известие об изготовлении новых колоколов во Владимире и Ростове.

Под 6928 г. читаем о поездке Фотия в Литву, в Киев и Галич.

Под 6929 г. — о пребывании Фотия во Львове, Владимире, в Вильне и возвращении в Москву.

Под 6933 г. — о поставлении новгородского епископа Евфимия,[1] кончине какого-то Михаила Федоровича в чернцах, о кончине в. кн. Василия Дмитриевича,[2] об отъезде кн. Юрия Дмитриевича в Галич,[3] о поездке митрополита в Кострому и Галич и оттуда во Владимир и на Москву, куда митрополит попал к празднику.[4]

Под 6934 г. о море на Твери и на Москве,[5] о посылке митрополитом в Тверь архимандрита Ионы с Петровой иконой богородицы; о пребывании в. кн. Василия Васильевича на Москве (?), а митрополита в селе Бисеровском и потом во Владимире, откуда он вернулся в Москву по троицине дни; о новой поездке митрополита во Владимир.

Под 6935 г. о пребывании великого князя в селе Курчевском с матерью, о посещении великого князя митрополитом и отъезде его в с. Ильинское, а великого князя в Красное село, о кончине какого-то Ивана Галтяева, о поездке митрополита в Москву, а великого князя в Гжелю, о смерти князей Ярослава и Василия Владимировичей,[6] потом князя Семена[7]; о пребывании митрополита на Брашеве и на Коломне, о поездке в Литву и возвращении оттуда, о кончине князя Петра Дмитриевича.[8]

О событиях 6945, 6952, 6953 и 6954 гг. мы сказали выше.

Летописные статьи 6927—6935 гг., которые, согласно предыдущему, восходят к исследуемому своду, самым решительным образом свидетельствуют о том, что это была митрополичья летопись. Все внимание летописца в указанных статьях направлено на митрополита; отмечаются не только его отъезды из Москвы, но и действия во время этих его поездок. Так, под 6928 г. упомянуто, что митрополит застал Витовта в Новгороде, причем там был посол царев Филантропин, что в Слуцке митрополит крестил Семена Александровича, что Витовт вернул митрополита из Мозыря. Под 6929 г. указано, что митрополит прибыл во Владимир Волынский накануне рождества, а в Вильне был на крещение; далее указаны города, которые проезжал митрополит по пути в Смоленск, причем упоминается, что в Мстиславле он посетил князя Семена Лугвениевича, а в Смоленске соборовал при князе Семене Ивановиче. Под 6933 г. указано, что митро-

[1] Это известие есть и в других летописях.

[2] То же.

[3] То же.

[4] То же, но о том, что митрополит заезжал в Кострому и во Владимир, не говорится.

[5] Есть в других летописях.

[6] То же.

[7] То же.

[8] То же.

полит попал во Владимир к празднику. Под 6934 г. сообщено, что пасху митрополит встретил во Владимире, а в Москву вернулся по троицыне дни. Далее упоминается, что на следующий год митрополит встретил пасху во Владимире, едва не взятом в этот день внезапно подошедшими татарами. Под 6935 г. читаем, что митрополит обедал у великого князя в селе Курчевском, и т. д.

Все эти подробности самым решительным образом доказывают, что в митрополичьем своде приблизительно с 20-х годов XV в. читалась летопись, веденная при митрополите, тщательно отмечавшая все события, связанные с митрополитом. Но церковный или митрополичий характер исследуемого свода явствует и из предшествующих этой части свода летописных известий. Ср. в части 6891—6926 гг. среди известий, вставленных в текст Софийской 1-й летописи, ряд сообщений о поставлении митрополитом епископов (в Рязань, Тверь, Смоленск, Туров, Коломну, Новгород, Ростов), далее сообщение о прибытии Фотия в Москву, под 6923 г. о поездке Фотия в Литву. Этими сообщениями почти исчерпывается приведенный выше в примечании ряд известий, восходящих в этой части протографа Супрасльского списка к исследуемому своду.

Итак, имеем основание думать, что все (или почти все) известия протографа Супрасльского списка, которых нельзя возвести ни к Новгородской 4-й, ни к Софийской 1-й, ни к западнорусским летописям, восходят к митрополичьему своду. Особенно важна для восстановления свода часть 6818—6896 гг.: мы видим, что этою частью доказывается близость Симеоновской, Никоновской и Воскресенской летописей к этому митрополичьему своду. Таким образом получаем при помощи анализа протографа Супрасльского списка указание на существование Полихрона, т. е. общерусской летописи, составленной при дворе митрополита. Выше мы предположили существование Полихрона на основании данных, представляемых хронографом, Ростовским сводом, а также в особенности сводом 1448 г. Среди этих памятников особенно ценны указания хронографа, ибо, судя по обстановке, в которой он составлялся,[1] в нем нечего искать компиляцию нескольких летописных сводов. Известия хронографа ведут нас к Полихрону. Вот почему может иметь значение сближение текста хронографа с текстом протографа Супрасльского списка, напр., в части 6818—6896 гг. Так, под 6825 (1317) г. в Супрасльском и Хронографе поле, на котором Михаил Тверской сразился с Юрием московским, названо Бортеневым (ни в Новгородской 4-й, ни в Софийской 1-й этого названия нет), под 6826 г. в обоих памятниках сообщается о море в Твери; под 6835 (хронограф — 6833) г. о поставлении Феогноста митрополитом на Русь; под 6850 (хронограф — 6849) г. о смерти Узбека и воцарении Чанибека (в Новгородской 4-й только о смерти Узбека); под 6854 (хронограф — 6853) г. о второй женитьбе в. кн. Семена и о разводе его со второй

[1] Принимаю, что хронограф составлен сербом Похомием, не имевшим ни нужды, ни возможности прибегать при составлении русской летописи к многочисленным источникам, и, всего правдоподобнее, ограничившийся одним.

женой; под 6858 г. о чуде над гробом митр. Петра; под 6859 (хронограф — 6858) г. о поставлении Алексея епископом владимирским, благословение его Феогностом на митрополию и о посылке посольства в Царьград; под 6867 г. о смерти Бердебека и воцарении Кульны, убитого через шесть месяцев Науруса; под 6868 г. об убиении Науруса и воцарении Кидаря, и некоторые др.

Отожествив таким образом митрополичий свод, послуживший источником для протографа Супрасльского списка с Полихроном, легшим в основание хронографа и оказавшим влияние на свод 1448 г., ставим вопрос, как согласовать сделанный нами выше вывод о том, что Полихрон составлен в 1423 г., с тем обстоятельством, что в исследуемом митрополичьем своде имелись известия не только 1419—1427 гг., но также 1438, 1444, 1445 и 1446 гг.?

Отвечая на этот вопрос, обращаем прежде всего внимание на то, что, как указано выше, начиная с 1419 г., видим в восстанавливаемом митрополичьем своде подробную митрополичью летопись. Не служит ли это указанием, что митрополичий свод, составленный в 1423 г., продолжался митрополичьею летописью, ведшеюся из года в год? Мы видели, что составитель хронографа почерпнул из нее известия, доходящие до 1443 г., и выводим отсюда, что одно время митрополичий свод представлял окончание на этом именно годе. Следовательно, вполне вероятно, что составитель протографа Супрасльского списка имел в своем распоряжении митрополичий свод тогда, когда он доходил до 1446 г. Но от чего же зависит совпадение в этом окончании митрополичьего свода с окончанием Новгородской 4-й и происшедшей от нее Новгородской 5-й на том же 1446 г.? Думаю, что это совпадение свидетельствует о пользовании со стороны составителя Новгородской 4-й летописи (2-й редакции) митрополичьим сводом тогда, когда он доходил до 1446 г. Мы знаем, что 1-я редакция Новгородской 4-й доходила до 1437 г.: выводим отсюда, что она пользовалась митрополичьим сводом тогда, когда он доходил до 1437 г. Пользование это могло быть и не непосредственным: посредствующим памятником могла быть Софийская владычная летопись.

Окончание митрополичьего свода 1446 г. признаю не случайным. В 1446 г. ослепление в. кн. Василия Васильевича, последовавшее затем сначала заместительство митрополичьего стола Ионою епископом рязанским (с 1446 г.), а затем возведение его на митрополичий стол (в 1449 г.) в значительной степени изменили прежние отношения митрополичьего двора к подведомственным митрополиту епархиям. В связь с этим ставлю прекращение в 1446 г. общерусской и вместе митрополичьей летописи. Митрополит все более утрачивает свое политическое значение. Общерусскою летописью становится все более летопись великокняжеская.

Составитель протографа Супрасльского списка заимствовал из митрополичьего свода, кроме летописи, еще вводные к ней статьи. С уверенностью возвожу к нему «Сказаніе о вѣрныхъ святыхъ князей роуськихъ». Эта статья уже встретилась нам в Комиссионном списке Новгородской 1-й

и в Летописи Авраамки: редакция ее в обоих памятниках тожественна, мы возвели ее к своду 1448 г. Редакция «Сказания» в протографе Супрасльского списка гораздо первоначальнее и полнее той редакции. Там она начинается не с Владимира Мономаха (как в своде 1448 г.), а с Владимира Святославича и поставления им в словенской земле на Клязме города Владимира;[1] таким образом она точнее редакции свода 1448 г., которая поставление Владимира Залесского относит к Владимиру Мономаху. Далее Андрею Боголюбскому приписано «покрытие» Златых врат; сообщено, что он княжил 28 лет; что Всеволод Юрьевич изымал непокорных бояр за Юрьевым (т. е. в сражении при Юрьеве); перечислены сыновья Всеволодовы и некоторые из их деяний; упомянуто об усобице между Константином и Юрием Всеволодовичами, сообщено о построении церкви на Кидекше кн. Борисом Михайловичем (сыном Михаила Юрьевича?). Но рядом с этими положительными чертами, ставящими редакцию протографа Супрасльского списка выше редакции свода 1448 г., находим в ней и ряд отрицательных сторон. Так, в своде 1448 г. сохранился рассказ о поставлении Боголюбской церкви богородицы, опущенный в Супрасльском; так, в нем подробнее рассказано об убиении Андрея боярами Кучковичами, подробнее сообщено о расправе Всеволода с боярами, и т. д. Кроме того, редакция протографа Супрасльского списка оканчивается сообщением о прибытии из Новгорода во Владимир Александра Невского (ошибочно названного Андреем Боголюбским), между тем как в своде 1448 г. последним событием оказывается известие о смерти князя Ивана Васильевича (1417 г.). Таким образом обе дошедшие до нас редакции Сказания — редакция свода 1448 г. и редакция протографа Супрасльского списка, обе с известными сокращениями и искажениями, передали первоначальную редакцию Сказания, находившуюся, конечно, в Полихроне. То обстоятельство, что Сказание, читавшееся в вводных статьях протографа Супрасльского списка, заимствовано в него из митрополичьего свода, делает веорятным, что и другие вводные статьи (сохранившиеся в Уваровском списке) восходят к тому же источнику. Статьи эти следующие: статья, носящая в Комиссионном списке и в Сборнике Авраамки заглавие: «Сице родословятся велицѣи князи русьстіи» и следовательно, согласно предыдущим указаниям, восходящая к своду 1448 г. В ней находим несколько существенных отличий от соответствующей статьи Комиссионного списка и Сборника Авраамки. Так, после имени Ярослава Всеволодича прибавлено: «при семь князи Батыи татарове взяли Рускую землю»; Иван назван Добрым Калитой, про Дмитрия Ивановича сказано: «тои бо Дмитрѣі называется самодѣржень». Эти отличия относим насчет источника, откуда заимствована эта статья в протограф Супрасльского списка и сопоставляем их с чтениями соответствующей статьи в Троицком списке Новгородской 1-й летописи: ср. в Троицком списке при имени Ярослава Всеволодича: «при семъ татарьскоую землю взяша», при имени Дмитрия

[1] Это известие в своде 1448 г. перенесено под 988 г. в состав летописи.

Ивановича: «тои бо Дмитріи съсвѣщася самодеръжцемъ». Итак, Троицкий список так же, как протограф Супрасльского, точнее сохранил первоначальную редакцию рассматриваемой статьи, чем свод 1448 г. (Комиссионный список и Летопись Авраамки); эта первоначальная редакция входит, повидимому, в состав Полихрона 1423 г., где оканчивалась словами: «Дмитрей роди Василия».[1] Но в протографе Супрасльского списка после этих слов читаем: «Василей роди Василя же, Василеи роди Іоанна, Іоанъ роди Іоанна, Іоаннъ роди Дмитрія». Такая же прибавка ведет нас ко времени 7006—7010 (1498—1502) гг., когда Дмитрий мог быть назван великим князем. Думаю, что это является указанием на то, что митрополичій свод, бывший в распоряжении составителя протографа Супрасльского списка, дошел до Смоленска в списке, составленном в самом конце XV или самом начале XVI в. Вторая вводная статья, содержащая перечень сыновей Владимира Святославича, могла быть заимствована из митрополичьего свода, где этот перечень читался под 6498 г. (переписанным и в начало перечня протографа Супрасльского списка). Третья статья содержит список русских епархий. Не сомневаюсь, что и эта статья восходит к митрополичьему своду (Полихрону); в своде 1448 г. перечень епархий, читающийся под 6395 г., попал, конечно, из того же источника. Перечень свода 1448 г. (Софийская 1-я и Новгородская 4-я) и протограф Супрасльского списка (Уваровский) оказываются вполне сходными: в обоих указаны 22 епархии. Но в протографе Супрасльского списка третья епархия названа «черниговьская и браньская», между тем в своде 1448 г. черниговскою. Трудно объяснить себе эту поправку в виду того, что уже в XIV в. епископы именовались черниговскими и брянскими, но во всяком случае можно думать, что список этот составлен до 1500 г., ибо в 1500 г. архиепископ черниговский и брянский Иона был взят в плен и отведен в Москву; после него епархия закрылась, и в 1515 г. соединена со Смоленской.[2]

Подводим итоги предыдущему исследованию о протографе Супрасльского списка. Этот памятник составлен в Смоленске из соединения общерусского летописного свода с Летописцем великих князей литовских в начале XVI в. Общерусский летописный свод составлен тем же лицом или может быть другим предшествующим компилятором на основании четырех источников: 1) митрополичьего свода, доведенного до 6954 (1446) г., в списке, сделанном в 1498—1502 гг.; 2) Новгородской 4-й летописи; 3) Софийской 1-й летописи 1-й редакции; 4) западнорусских летописных источников. Из первого источника — митрополичьей летописи — заимствованы: а) вводные статьи, б) несколько вставок в части до 1309 г., в) часть 6818—6896 гг., г) ряд вставок в части 6891—6926 гг., д) часть 6927—6935 гг., е) некоторые известия под 6945, 6952, 6953 и 6954 гг.

---

[1] Троицкий список заменил эти слова другими: «Дмитрій роди Юрія», а свод 1448 г. естественно прибавил: «Василій роди Василья».

[2] Н. Д. Иерархия всероссийской церкви, стр. 91.

ГЛАВА XXVII

НИКАНОРОВСКАЯ И СХОДНЫЕ С НЕЮ ЛЕТОПИСИ

(Великопермская, Кириллобелозерская № 251 и Синодальная № 485).*

Никаноровскою летописью мы называем ту часть летописного сборника Академии Наук № 16. 17. 1, которая, начинаясь с предисловия к Софийскому временнику, оканчивается известием 6980 (1471) г.: «Тоя же осени Филипъ митрополитъ повелѣ готовити каменіе здати церковь святыя богородица».[1] Писана эта летопись во второй половине XVI в., судя по почерку.

Вместе с тремя названными ниже летописями Никаноровская восходит к одному общему оригиналу, доведенному до указанного известия 1471 г. и сохранившемуся в наиболее первоначальном виде в Никаноровской: это видно из того, что все три остальные сходные с нею летописи имеют продолжения, заходящие в XVI в., а в основной части — явные вставки из других источников. Анализу летописного свода, доведенного до 1471 г., предпосылаем обозрение летописей, сходных с Никаноровскою, и определение взаимных между ними отношений.

Это, во-первых, летопись Великопермская, как мы называем ту летопись, которая сохранилась в сборнике Академии Наук 16. 8. 15 и которая раньше называлась мною Вологодско-пермскою. Писана в XVI в.; утратила свое начало и сохранилась лишь в части от 6823 (1315) г. В части от 6823 г. до приведенного выше известия 1471 г. оказывается почти тожественною с Никаноровскою, а местами явно исправнее ее, напр., под 6952 (1444) г., где в Никаноровской кое-что перепутано, под 6980 (1471) г., где в Никаноровской два пропуска. Местами, напротив, Великопермская летопись исказила текст Никаноровской, напр., в ней читаются по ошибке

---

* *Заметка А. А. Шахматова на полях рукописи:* № Тесная связь с Воронц[овским] сборником. Моя статья в С[борнике в честь Д. А.] Корсакова.

[1] По листам имеется запись: «Сия книга лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря Новаго Іерусалима архимандрита Никанора келейная, подписахъ своею рукою». Остальные части сборника приплетены к нему позже и писаны в XVII в. Начало содержит известную баснословную статью о начале рода словенского; конец обнимает заимствования из хронографа редакции 1617 г., а именно рассказ о событиях 7012—7017 гг. и обрывается на полуслове. В начале и в конце рукописи имеются выписки, сделанные частью по-русски, частью по-латыни из других летописных сводов рукою едва ли не одного из академиков XVIII в.; тем же лицом сделано много приписок на полях Никаноровской летописи.

значительная часть статьи 6933 (1425) г. и статьи 6934—6939 гг., под 6933 г., под 6975 г. опущено, вместе с заглавием статьи, известие о кончине в. кн. Марии и т. д. После указанного известия 1471 г. Великопермская летопись содержит продолжение, а именно рассказ Московской летописи (ср. Воскресенскую, Никоновскую и др.), доведенный до 7036 (1528 г.) и переданный без заметных перерывов. После летописной статьи 7036 г. об отражении нашествия царя «Аалама Перекопского» следует статья 7042 г. о смерти в. кн. Василия Ивановича, 7059 г. о походе на Свиягу и 7060 г. о походе на Казань. В части 1471—1528 гг. рассказ Великопермской летописи местами гораздо короче рассказа Воскресенской и Никоновской летописей, но содержит текст, восходящий несомненно к общему с ними источнику. Впрочем, в этот текст сделано немало вставок таких известий, которые относятся до Вологды и Перми,[1] что и заставляет предполагать, что местом составления этой летописи был двор Великопермского епископа. Важно отметить, что Вологодская область присоединена к Великопермской в 1472 г., т. е. в том самом году, с которого начинается продолжение исследуемой летописи после текста общего с Никаноровскою: первым известием, следующим за последним известием, общим с Никаноровскою летописью, оказывается известие о поставлении Филофея епископом пермским 8 ноября 1471 г., заимствованное, впрочем, из текста Московской летописи. Исследователь останавливается в раздумьи перед вопросом, как объяснить то обстоятельство, что Великопермская летопись продолжает текст Никаноровской с известия о поставлении владыкою великопермским Филофея. Можно было бы думать, что такое продолжение естественно явилось под рукою составителя Великопермской летописи, пожелавшего начать свой труд с указанного известия, имевшего в его глазах особенное значение. Но оказывается, что не только

---

[1] Ср. под 6989 (1481) г.: «и градъ Вологда по смерти его (князя Андрея Васильевича) въ десятыи день загореся в недѣлю и згорѣ весь, а посадъ же незгорѣ божиимъ заступленіемъ»; под 6991 (1483) г. о походе воеводы в. кн. Салтыка на Вогуличей, причем Салтык вышел из Вологды 23 апреля; под 6993 (1485) г.: «генваря 4 князи Кодскыи Молданъ здѣтми да Пынзеи да Сонта да Пытнѣй имали миръ подъ владычнымъ городомъ Оустьвымьскымъ за свои земли за вси. . .»; под 6499 (1491) г. «мѣсяца марта въ 26 князь велікыи послалъ на Печеру Ивана да Виктора руды искати серѣбреные. . .»; под 7000 (1492) г.: «тоя же зимы мѣсяца марта въ 1 князь великій Иванъ Васильевичь всее Русіи обмысливъ со своимъ отцемъ Зосимою митрополитомъ всея Росіи и со своими богомолцы со архыепископы со Гѣнадьемъ Наоугородскымъ, с Тихономъ Ростовскымъ и со всеми епископы Рускыа митрополіа, пожаловалъ владыку Ѳілофіа Пермьскаго, далъ ему митрополитъ Зосима изъ своея митрополіи на Вологде городе и на посаде вси свои церкви, а Генадіи архыепископь Новогородскии у своея архыепископьи далъ ему тако же все свои церкви на Вологдѣ же в городѣ и на посадѣ по Пермьской епископьи въпрокъ неподвижно со всеми церковными пошлинами». Последнее вологодское известие под 7034 (1526) г.: «по Рускимъ городомъ хлѣбъ былъ дорогъ, на Москвѣ четверть по шти алтынъ, а на Вологде и по инымъ городомъ по двадцати алтынъ и боле, а на Тотме купили четверть по рублю».

в Великопермской летописи, но также в Московском своде 1479 г., в Воскресенской, Симеоновской и других летописях, за словами: «Тое же осени Филиппъ митрополитъ повелѣ готовити камень здати церковь святыя богородица» следует известие о поставлении пермского епископа Филофея. Отсюда следует, что Великопермская руководствовалась в данном месте одним из Московских сводов, а потому ничего характерного в том обстоятельстве, что за окончанием текста Никаноровской летописи первым известием записано сообщение о поставлении Филофея, — нет. Отвергаю возможность того, что Никаноровская летопись, дойдя до известия о поставлении Филофея, прекратила списывание Великопермской летописи, так как составитель ее предположил, что с этого места следует местная Великопермская летопись; отвергаю эту возможность отчасти потому, что до 1471 г. мы не найдем в Никаноровской (ни в Великопермской) известий, которые бы давали основание думать, что в основание Никаноровской положена летопись, составленная при дворе Великопермского владыки; напротив, отсутствие в Никаноровской (и Великопермской), напр., под 6471 (1463) г. известия о крещении епископом Ионой Великой Перми (ср. Воскресенскую) свидетельствует о том, что Никаноровская следовала именно Московскому своду (в Московском своде 1479 г. также нет этого известия). Итак, считаю вероятным, что в основание Великопермской положен протограф Никаноровской, причем он подвергся сравнению с каким-то Московским сводом, в общем тожественным (в части от 1425 г., ср. ниже) с Никаноровскою, но продолженным до 1528 г.; с того места, на котором прекратился текст протографа Никаноровской, составитель Великопермской летописи перешел ко второму своему источнику, причем случайно оказалось, что первым известием пришлось списать сообщение о поставлении пермского Филофея. В этот-то текст Московского свода сделаны вставки (начиная с 1841 г.) событий вологодских и пермских. Оставляем в стороне вопрос о составе и характере второго источника великопермской летописи — Московского свода, доведенного до 1528 г.

Тесным образом примыкает к Великопермской летописи: Кириллобелозерская № 251 (хранится в Археографической комиссии) и Синодальная № 485; обе писаны в XVI в. В общем они тожественны между собой. Различествуют только в самом конце. Последним общим известием оказывается в них сообщение 7046 (1538) г.: «князь великіи Иванъ Васильевичь велѣлъ заповѣдати не ходити старымъ денгамъ московкамъ, а велѣлъ дѣлати денги московки новое кузло на Москвѣ по три рубли из гривенки, а старое было кузло по полутретья рубля з гривенкою из гривенки». За этим известием в Синодальной № 485 следует еще одно известие, написанное иным почерком, чем предыдущий текст, хотя также относящимся к XVI в.[1] Между тем в Кириллобелозерской № 251 за при-

[1] «Приходили тотарови казанския к Мурому и Костромы, и учинися бои пониже Костромы у Пятници святы на Плѣси, и попущеньемъ божимъ грехъ ради нашихъ убили туто четыре воеводы большихъ великаго князя, князя Федора Курпьскаго, да князя Бориса Сисеева, да князя Ондрея Тулупова, да князя

веденным известием следует название 7047 г., под которым читаем: о казни диака Федора Мишурина, об удалении со стола митрополита Даниила и о возведении на стол митрополичий Иоасафа Скрыпицына, игумена Троице-сергиевского монастыря. Лишние против Синодальной № 485 известия начинаются в Кириллобелозерской № 251 несколько раньше: так, под 7046 г., после общего известия о нападении казанских татар на Кострому и Вологодские области,[1] читаем о кончине в. кн. Елены, а затем о заключении под стражу кн. Ивана Федоровича Оболенского—Телепнева Овчины. Определяя отношения Кириллобелозерской № 251 и Синодальной № 485, находим, что обе они восходят к одному общему оригиналу, который доходил до приведенного выше известия 1530 г. о перемене денежных знаков; этот общий оригинал передан точнее Синодальною № 485, между тем как Кириллобелозерская дополнила его несколькими известиями, заимствованными, как кажется, из какого-то московского свода. Что до приписки, сделанной в Синодальной № 485, то она принадлежит современнику и возникла там же, где возник протограф Синодальной № 485 по Кириллобелозерской № 251, как можно заключить из содержания этой приписки, сходной с содержанием общего обеим летописям известия 1538 г. о нападении казанских татар на Кострому и Вологду.

Определяя отношение протографа Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 к Великопермской летописи, видим, что дошедшая до нас часть последней летописи (1315—1528 гг.) тожественна в общем с текстом этого протографа.

Имея в виду, что Великопермская летопись тожественна (в части 1315—1528 гг.) с Никаноровскою, видим, что протограф Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 должен быть тожествен и с Никаноровскою. Действительно, мы можем говорить о значительном тожестве этого протографа с Никаноровскою. Но, кажется, это не исключает наличности нескольких крупных отличий в означенном протографе сравнительно с лежащею, очевидно, в основании его Великопермскою летописью, восстановляемою частью по дошедшему до нас дефектному списку этой летописи, частью же по Никаноровской летописи. Отличия эти сводятся приблизительно к следующему, если оставить в стороне «Повесть временных лет», о которой скажем ниже.

Под 6712 (1204) г. в Кириллобелозерской помещена обширная статья «О взятии богохранимаго Царяграда», отсутствовавшая в Великопермской (ее нет в Никаноровской); вслед за ней читаются статьи: «О чюдеси

Никиту Засекина, и хнидѣи (sic!) боярских много и сами тотарове побегоша и придоша на нихъ воеводы великаго князя, царь Шихалеи да князь Федоръ Михайловичь Мстиславскои и побиша тотаръ много, а иныя по лесомъ разбегошася и отъ мраза измроша, мало ихъ осташася, а полонъ великаго князя отполониша весь».

[1] «Приходили казанские татарове х Костроме и около Вологды воевали безчислено и манастырь Павлову пустыню половину еѣ сожгоша, а до Вологды не доходили до города за шесть верстъ, и собра полона безчислено отоидоша прочь».

иконы пречистыя богородица одигитрие» и «О ризе пресвятыя богородица»; за последней статьей находится известие о небесных знамениях; этих статей и указанного известия нет в Никаноровской.

Под 6732 (1224) г. в Кириллобелозерской помещена обширная статья «Кальское побоище», отсутствующая в Великопермской (ее нет в Никаноровской).

Под 6745 (1237) г. в Кириллобелозерской помещена обширная статья: «О взятьи русскои земле отъ царя Батыя», отсутствующая в Великопермской (ее нет в Никаноровской). Статья эта обнимает события 6745—6747 гг. и оканчивается сообщением о битве у Солоной реки: «и стояща по побѣде 3 лѣта и воеваща до Володавы и по озеромъ и возвратишася в землю свою много зла створиша христьяномъ».

После статьи 6753 г. в Никаноровской читаем киноварное заглавие: «Оубиение князя Михаила Черниговскаго и его Феодора болярина отъ царя Батыя в орде», но соответствующей статьи в ней нет; непосредственно за заглавием следует статья 6754 г. о смерти Ярослава Всеволодича в орде. Между тем в Кириллобелозерской читаем, после киноварного заглавия: «Въ лѣто 6753 оубиеніе князя Михаила Черниговского и его боярина Ѳеодора отъ царя Батыя в ордѣ», самую статью об этом убиении (нач.: «Сеи блаженыи великіи князь Михаило отъ уныя версты бога возлюби»).

Под 6771 г. летописная статья в Никаноровской начинается словами: «преставленіе бысть великаго князя Александра»; за ними сообщение о мятеже в Литве. Вместо этого в Кириллобелозерской читаем киноварное заглавие: «Преставление великаго князя Александра Ярославича Невскаго» и за ним обширная статья об этом (нач.: «Горе тебѣ, бѣдныи человѣче»).

Под 6831 г. Кириллобелозерская содержит то же краткое известие о поставлении города на устьи Невы, что и Великопермская, но перед ним помещено обширное: «Посланіе архиепископа новгородцкаго Василья ко владыце Тверскому Феодору». В Великопермской его нет.

Под 6888 г. и в Кириллобелозерской, и Великопермской читаем заглавие: «Побоище великому князю Дмитрею Ивановичю на Дону с Момаемъ», но в Великопермской (и Никаноровской) помещена совсем иная статья, чем в Кириллобелозерской (и Синодальной № 485). Великопермская летопись, как увидим, представляет здесь сокращение соответствующей статьи Софийской 1-й летописи, между тем в протографе Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 находим совсем иное произведение, а именно Сказание о Мамаевом побоище.[1] За приведенным заглавием следует еще другое, написанное не киноварью: «Повѣсть полезна отъ древняго списаніа сложенна являющи». Как видно из карандашных отметок (текст повести разделен на §§), существовало предположение издать

[1] По Синодальной № 485 сказание напечатано С. К. Шамбинаго в приложении к его труду «Повести о Мамаевом побоище».

ее по Кириллобелозерской летописи.[1] Со слов: «князь же великіи Дмитреи Ивановичь возвратися оттуду въ богохранимыи градъ Москву въ свою отчину с побѣдою великою одолѣвъ ратныхъ» в Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 идет текст, тожественный с Великопермскою летописью, а следовательно восходящий к ней.[2]

Итак мы видим, что отличия Кириллобелозерской № 251 и Синодальной № 485 от Великопермской сводятся к наличности в первой из них целого ряда обширных статей, отсутствующих во второй. Обе летописи тожественно передают летописные известия, но там, где мы ожидали бы встретить ту или иную обширную статью, ее не оказывается в Никаноровской, между тем как она есть в Кириллобелозерской № 251 и Синодальной № 485. Возможно предположить, что составитель Великопермской опускал эти обширные статьи, задавшись целью сократить свой уже сокращенный оригинал, между тем как составитель оригинала Кириллобелозерской № 251 и Синодальной № 485 передал более точно этот общий ему и Великопермской летописи оригинал. Но возможно и другое объяснение, а именно: составитель оригинала Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 дополнил свой первоисточник по другому летописному своду, заимствуя из него не отдельные известия, а только ряд обширных статей, перечисленных выше.

Считаю более вероятным это второе предположение, и вот по каким основаниям. Как увидим ниже, оригинал Никаноровской летописи, лежащий в основании Великопермской, представляет собой сокращение Софийской 1-й летописи; естественно, что этот сокращенный памятник опускал обширные статьи, затрудняясь, очевидно, подвергать их сокращению, как он сокращал те или иные летописные известия. В Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 названные выше статьи изложены полностью и уже это может служить указанием на то, что лицо, вставившее их в их оригинал, не тожественно с лицом, составившим оригинал Никаноровской и Великопермской летописей. Правда, это соображение не имеет особенной доказательной силы, так как в Никаноровской некоторые имеющиеся в ней статьи не подверглись сокращению, напр., повесть об Александре Невском или сказание об убиении князя Михаила Ярославича Тверского (6827 г.) или житие в. кн. Дмитрия Ивановича (6897 г.). Но в пользу того, что статьи, читающиеся в Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251, не находились в оригинале Никаноровской и Великопермской, говорит еще то обстоятельство, что под

[1] Ср. еще приписки: «inclusa ponantur in nota», «Epistola ponatur in nota», «omnitantur» и др.

[2] Кроме этого, можно указать на несколько менее существенных отличий между Никаноровскою (Великопермскою) и Кириллобелозерскою № 251. Так, в Кириллобелозерской опущена летописная статья 6663 г. (о вокняжении Юрия в Киеве, откуда удалился Изяслав Давыдович); опущено краткое известие под 6725 г.: «тое же осени ходи князь Всеволодъ Мьстиславичь с новгородцы на Ригноу». Напротив, в Никаноровской опущено известие под 6785 г.: «того же лѣта преставися князь Борисъ Васильевичь в ордѣ».

1380 г. мы видим в них замену статьи о Мамаевом побоище, находящейся в Великопермской и Никаноровской, другою более обширною: это прямо указывает на дополнение оригинала Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 сравнительно с оригиналом Великопермской. Далее под 6831 г. мы находим в Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 «Послание новгородского архиепископа Василия»; в Софийской 1-й оно помещается под 6855 г.; появление его под 6831 г. доказывает несомненно вставку в текст, не имевший этой статьи; если бы оригинал Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 следовал в этом случае оригиналу Великопермской, то названная статья была бы, конечно, под 6855. Отмечу еще, что оригинал Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 во всяком случае распространил текст оригинала Великопермской летописи: последняя доходила только до 1528 г., а этот оригинал доведен до 1538 г.; допустив дополнение текста в конце, можно признать, что он был распространен вставками и в середине. Наконец, особенно убедительно следующее соображение: предыдущее исследование показало, что оригинал Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 восходит к оригиналу Великопермской летописи, а оригинал Великопермской летописи восходит к оригиналу Никаноровской; всякие отклонения оригинала Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 как от Великопермской, так и от Никаноровской доказывают, что эти отклонения не могут восходить к оригиналу Великопермской, а следовательно не представляют первоначальных чтений (чтений оригинала Никаноровской); к числу таких отклонений относится и вставка перечисленных выше статей: как это ясно для статей 6831 и 6888 гг. — этих статей нет ни в Никаноровской, ни в Великопермской; следовательно, их не было и в оригинале Никаноровской.

Итак, составитель протографа Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251, положив в основание своего труда текст Великопермской летописи, с одной стороны, продолжил летописный рассказ событиями 7037—7046 (1529—1538) гг., а с другой дополнил его вставками нескольких обширных статей, частью опущенных в Великопермской, сравнительно с другими летописными сводами, частью же изложенных в ней в более краткой редакции. Источником для дополнений служил летописный свод, близкий к Софийской 1-й и между прочим именно к первой редакции этой летописи.[1] Но при этом текст этого летописного свода значительно уклонялся местами от текста Софийской 1-й летописи, как видно, напр., из сказания об убиении Михаила Черниговского и из послания новгородского архиепископа Василия.[2] В виду этого нельзя допустить, чтобы

[1] Ср. доказательства ниже при анализе «Повести временных лет». Отмечу еще в статье о Калкском побоище чтение: «а и Смоленска на Рубъ [вм. Зарубъ, что в прочих списках Софийской 1-й опущено] 400 мужь» (ср. V т., стр. 172, прим. г.).

[2] Ср. «великіи же князь Михаило глаголя имъ: недостоитъ христьяномъ ходити въскновѣ огнь, ни кланятися твари, ни идоломъ, но подобаеть христья-

составитель оригинала Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 руководствовался именно Софийскою 1-й. Имея в виду близость этой летописи (и при том в первой ее редакции) к Московскому летописному своду, а также и то, что пользование Московским сводом доказывается и известиями 1529—1538 гг., я полагаю, что источником, по которому был дополнен текст Великопермской летописи, должен быть признан Московский свод в редакции, доходившей, повидимому, до 1538 г. Подтверждение вижу и в том обстоятельстве, что некоторые чтения вставленных в оригинал Синодальной № 458 и Кириллобелозерской № 251 статей оказываются сходными с чтениями списка Царского, который, как мы увидим, переработал текст Софийской 1-й летописи на основании Московского свода.[1] В этом Московском своде читалась под 1380 г. не летописная повесть о Мамаевом побоище, а обширное Сказание об этом событии.

Переходя к вопросу о том, где же составлен оригинал Синодальной № 485 и Кириллобелозерской № 251 и имея в виду, что под 1538 г. содержится известие, записанное в Вологде (см. выше), я думаю, что он составлен там же, где Великопермская летопись, т. е. в Вологде при дворе владыки Великопермского.

номъ кланятися святѣи троици, отцу и сыну и святому духу, не раздѣлимому божеству. Князь же Михаило рече боярину своему Ѳедору: брате, помниши ли, како ны учи отецъ нашъ Иванъ не кланятися твари, но невѣрнымъ проповедати истиннаго бога. И рече Ѳеодоръ: господине, како укрепить тя богъ и отца моего молитва тебе, хотелъ бы имене с тобою, господине, мученики Христовы быти» (вместо этого в Софийской 1-й: «великій же князь Михаилъ глагола им: не достоить христіаномъ ходити сквозѣ огнь, ни кланятися святѣй троици, отцю и сыну и святому духу. Великый же князь Михаилъ глагола боляриву своему Ѳеодору: «луче ны есть не кланятися, ему же ся сіи кланяютъ»). Ниже: «стояху же на мѣсте томъ множество христьянъ и поганыхъ, зряще крѣпости великого князя Михаила. Князь же великіи Михаило и бояринъ его Ѳеодоръ начаша себѣ пѣти канунъ причащенію, и отпѣвъ взясти себѣ святое причащеніе аже имъ отецъ духовнои далъ на путь прежесвященныи, и ясти князь Михаило и бояринъ его Ѳеодоръ и радовастася духомъ о взятіи святыхъ таинъ и поминающе отца своего духовнаго благословеніе, како ихъ благословилъ пострадати за Христа и кровь свою прольяти» (вместо этого в Софийской 1-й: «Стояще же на мѣстѣ томъ множество крестіяныхъ и поганых, слышаху словеса сіи, яже отвиде великій князь Михаилъ царю. Тогда блаженный сій великій князь Михаилъ и боярин его Ѳеодоръ начаста пѣти себѣ; по отпѣтіи же взяста себѣ причастіе, еже бѣ далъ имъ отець ею духовный, и благословивъ ея на то, иже пострадати за Христа»). — В послании Василия в конце: «И божьею милостью понесе ихъ вѣтръ прочь, не дастъ имъ видѣти к тому свѣта того великого и ликованіа того неизреченнаго» (вместо этого в Софийской 1-й: «Они же побѣгоша вспять, не дано есть имъ долѣ того видѣти свѣтлости тоя неизрѣченныя, и веселія и ликованія тамо слышащаго»).

[1] Ср. в сказании об убиении Михаила Черниговского: «и посла своего столника именемъ Елдегу: и д и и р ц и князю Михаилу Рускому, почто ослушался еси повелѣніа моего». Вместо этого, в Софийской 1-й: «и посла единого отъ велможь своихъ, столника именемъ Елдегу, и р е ч е: почто повелѣніе мое преобидилъ еси». В списке Царского слова «и рече» помараны и на поле приписано: «и глагола ему: иди, рци» (ср. V т., стр. 184, прим. г).

Что касается Синодальной № 485, то, как кажется, этот список сделан в той же Вологде; заключаю об этом из того, что Синодальная № 485 приписывает к тексту, общему с Кириллобелозерской № 251, одно только известие 1510 г. о набеге казанских татар на Муром и Кострому; это известие сходно с известием 1538 г., где также сообщено о татарском набеге на Кострому и Вологду.

Кириллобелозерская № 251, как мы видели, содержит за общим с Синодальною № 485 известием 1538 г. еще несколько московских известий 1539 г. и дополняет московскими же известиями 1537 г. Весьма вероятно, что место составления этого списка — Кириллобелозерский монастырь.

Возвращаемся к главному предмету нашего исследования — Никаноровской летописи. Как указано, она доведена до 1471 г. включительно. Из сравнения Никаноровской с Софийской 1-й с совершенною очевидностью вытекает необходимость различить в Никаноровской две части: первая до 6926 г. включительно, а именно до записанного под этим годом известия о московском пожаре 18 августа; вторая начинается с 6928 г., со статьи о море великом и о голоде. Между обеими частями имеется перерыв и непоследовательность хронологическая: дело в том, что известия о смерти кн. Анастасии и о пожаре 18 августа, читающиеся под 6926 г., на самом деле относятся к 6930 г., как видно из других летописных сводов; следовательно, за известиями 6930 г., которыми оканчивается первая часть Никаноровской летописи, следует известие 6928 г., которым открывается вторая часть ее. Первая часть Никаноровской летописи оказывается основанною на первой редакции Софийской 1-й летописи; эта редакция, как можно видеть из списков Карамзина и Оболенского, оканчивалась там же, где Никаноровская летопись, т. е. известием о московском пожаре, помещенным так же, как в Никаноровской, под 6926 г. Вторая часть Никаноровской летописи, содержащая известия 6928—6980 гг., не находит себе соответствия в Софийской 1-й летописи первой редакции.

Отметив таким образом различное происхождение обеих частей Никаноровской летописи, переходим к ближайшему определению источников той и другой части. Что первая часть Никаноровской летописи восходит к первой редакции Софийской 1-й летописи, не требует особенно сложных доказательств потому, что текст Никаноровской, хотя и сильно сокращенный сравнительно с Софийскою 1-ю, содержит ряд чтений общих именно со списками К. О. Софийской 1-й летописи.[1] Но не все,

[1] Ср., напр., под 6659 г.: «Изяслав и Вячеслав» (V т., стр. 160, прим. д). Под 6668 г.: «изъ всѣхъ земель монастыри» (V т., стр. 162, прим. б). Под 6676 г.: «ходи князь Романъ с новугородцы к Торопчю и пожгоша домы ихъ и головъ множество плениша». Под 6682 г.: «и пріяша его щестью». Под 6683: «княгиню и князь» (V т., стр. 666, прим. а). Под 6685: «и с половцы погаными» (V т., стр. 167, прим. в). Под 6761: «И воеваша Литва волость новгородскую і поидоша с поло[но]мь прочь» и т. д. (ср. V т., стр. 188, прим. а). Под 6764: «Пріидоша свѣнь, емь и сумь и дитманъ» и т. д. Под 6765: «всяко бо зло». Под 6771: «Преставленіе бысть великаго князя Александра. Бысть мятежь въ Литвѣ»

что находим в первой части Никаноровской летописи, может быть возведено к первой редакции Софийской 1-й. Во-первых, пропуск некоторых новгородских известий первой редакции значительно сближает (правда, не всюду) текст Никаноровской как с Софийской 1-й второй редакции, так и с Московским сводом 1479 г. Так, напр., под 6830 г. в середине статьи в Никаноровской, как и во второй редакции Софийской 1-й и в Московском своде опущено известие об осаде немцами Карельского городка; под 6800 г. имеется только одно известие о кончине Александра, сына в. кн. Дмитрия Александровича; под 6801 г. опущено первое известие о поставлении шведами города на Карельской земле; под 6815 г. опущено об отказе Феоктиста от владычества новгородского; под 6825 г. опущено о нападении немцев на Ладожское озеро; под 6826 г. опущено о походе новгородцев за море в Полную реку; под 6885 г. опущено о походе новгородцев на окиян на Тивролу и т. д. Во-вторых, некоторые новгородские известия изложены в Никаноровской с явною московскою окраской: так в Софийской 1-й читаем под 6690 г.: «тогда же на зиму путь показаша новгородци князю Володимеру Святославичю», между тем в Никаноровской: «тогда же на зиму ту выиде из Новогорода князь Володимеръ Святославичъ»; под 6695 г.: «выгнаша новгородци князя Мьстислава Давыдовича», а в Никаноровской: «Выеде князь Мстиславь Давыдовичь из Новагорода»; под 6704 г. в Софийской 1-й: «новгородци выгнаша князя Ярослава. . . и жаляху по немъ въ Новѣгородѣ добрые люди, а злiи радовахуся. . . а Ярославъ княжи в Торжку въ своей волости, и дани поима, и по верху Мсты и за Волокомъ взялъ дань на смердѣхъ по своей воли», а в Никаноровской: «Князь Ярославъ взя дань по волостемъ по ноугородцкимъ и по новоторжскимъ и по Мстѣ и по Заволочъю, и поиде отъ нихъ по своеи воле; си жаляху по немъ добрые люди, а зли радовахуся»; под 6705 г. в Софийской 1-й: «Пріиде князь Ярополкъ Ярославичь въ Новъгородъ изъ Чернигова, и сѣдѣвшу ему 6 мѣсяцъ, и выгнаша и изъ Новагорода; и послаша опять по князя по Ярослава», а в Никаноровской: «Приде князь Ярополкъ Ярославичь в Новгородъ ис Чернигова, и сидѣвшу ему 6 мѣсяцъ, и добиша челомъ ноугородцы князь Ярославу», и др.[1] В третьих,

---

и т. д. (V т., стр. 191, прим. а). Под 6776: «нѣмецкия полки побѣгоша» (V т., стр. 195, прим. в). Под 6792: «со всею низовскою землею» (V т., стр. 201, прим. а). Под 6797: «епископъ Тверский» (V т., стр. 201, прим. г). Под 6803: «Того же лѣта поставиша нѣмци городъ Копорью; новгородцы же шедше городъ раскопаша, а воеводу иже Сига оубиша». Под 6846: «ездѣша новгородцы і с посадникомъ Феодоромъ». Под 6827: «и написаша многожды свѣдѣтелствуя» (V т., стр. 209). Под 6904: «30 и 5 лѣтъ» (V т., стр. 249, прим. а); там же: «пришедшы нѣмцы въ Корѣльскую землю» и т. д. Под 6916: «Переславль, Ростовъ, Юрьевъ» (V т., стр. 257, прим. г); там же: «того же лѣта князь Свѣтригаило отъеха» и т. д. (V т., стр. 257, прим. е). Под 6917 г.: «и послаша его в орду ко царю» (V т., стр. 257, прим. ж). Под 6926: «Бысть въ Новгородѣ оусобица межа крестьянъ» и т. д.

[1] В этих переделках стираются следы вольностей новгородских.

в редких, впрочем, случаях Никаноровская представляет чтения не первой, а второй редакции Софийской 1-й летописи: так, под 6683 г.: «и затвори части всѣ Кіяны», как в Воронцовском и Горюшкинском списках Софийской 1-й, между тем как в остальных: «и затворы и гости и вся Кіяны» (V. т., стр. 166, прим. в); под 6774 г.: «отпусти с полономь», как во второй редакции Софийской 1-й, между тем как в списках К. О.: «отпровади съ полономъ» (V т., стр. 193, прим. а), под 6680 г. в Никаноровской, согласно со второй редакцией Софийской 1-й, читаем: «Выиде князь Романъ Ростиславичь ис Кіева волею, и сѣде в Кіевѣ Михалко Юрьевичь»; в списках К. О. слова: «изъ Кіева. . . Юрьевичь» пропущены. Наконец, в четвертых, мы находим в Никаноровской в части до 1418 г. несколько вставок из другого источника; вставки эти следующие: под 6395 г. княжеская родословная, оканчивающаяся в Софийской 1-й словами: «князя великаго Васильевы дѣти: Юрій, Іоанъ, третій князь великій Василей»,[1] дополнена именами сыновей Василия Васильевича: «А Василья Васильевича сынове: Іоанъ, Юрье, да Юрье, Онъдрѣи, Борисъ, Ондрѣи». Ср. первые четыре (кроме второго Юрья) имени во всех списках Софийской 1-й второй редакции, а последние два имени в списках Бальзеровском, Горюшкинском и Царского. Под 6849 г. после заглавия: «Княжение великаго князя Семіона Івановича московскаго» читаем: «женися 3-жды: первое из Литвы княжну Анастасію, отецъ его жени 17 лѣтъ; второе оу князя Феодора Святославича; третіе понятъ княжну Марию Александровну Тфирьскаго». Этого нет в Софийской 1-й летописи, нет также в своде 1479 г. Под 6360 г. в известие о кончине новгородского архиепископа Василия вставлены слова: «и житъ восмь лѣтъ, а былъ преже архіепископъ же; і оставилъ архиепископію и пострижеся въ скимоу, послу кимы архіепископомъ былъ ту вумъ лѣтъ».[2] Наконец, под 6916 г., после приведенного выше известия об отъезде Швидригайла повторен 6916 г. и под ним помещены статьи «О коркотѣ» («в то же лѣто моръ бысть на люди»), «О мирѣ с Витофтомъ на Оугрѣ», «О Тфирскихъ князей», «О Едигѣи», «О Талычѣ царевиче и плененіи Володимиря», «О княжнѣ Аннѣ. В лѣто 6917». Обширная вставка находит себе полное соответствие в Московском своде 1479 г. (Воскр. VIII т., стр. 82—84 и 85—86). За этой вставкой читаем: «Ходи Анфалъ на болгары», т. е. то же, что в Софийской 1-й (К. О.) следует за сообщением об отъезде Свидригайла.

Ставим вопрос: какой же именно летописный свод послужил для вставок и дополнений, сделанных в тексте первой редакции Софийской 1-й летописи составителем Никаноровской летописи? Имея в виду, что по этому своду можно было править текст Софийской 1-й летописи на всем его протяжении; далее, что в этом своде под 6395 г. читалась

[1] В Никаноровской: «Юрье, Иванъ, Терентей, князь великій Василей».

[2] В Кириллобелозерской исправнее: «и пострижеся въ скиму после скимы архиепископомъ былъ ту восмь лѣтъ».

княжеская родословная, как в Софийской 1-й, я думаю, что этот свод в первой своей части был сходен с Софийскою 1-й летописью. Вставка под 6916 г. из этого же свода доказывает, что он близко сходствовал с Московским сводом 1479 г., рассмотренным нами в главе XXI. Но свод этот не был тожествен с Московским сводом. Так, под 6395 г. в Московском своде 1479 г. нет родословной статьи, отмеченной нами в Никаноровской и читавшейся в обоих источниках этой летописи; так в нем нет выписанной выше вставки под 6849 [1] и 6860 гг. Отсюда у нас является предположение, что Московский свод, бывший источником для Никаноровской, сходствуя в общем с Московским сводом 1479 г., заключал вместе с тем некоторые существенные от него отличия. Важно определить: свидетельствуют ли эти отличия о более древней редакции Московского свода или, напротив, они указывают на позднейшую его переработку? Ниже мы увидим, что Московский свод, бывший в распоряжении составителя Никаноровской летописи, был доведен только до 6980 (1472) г. Это обстоятельство дает нам известное основание для утверждения, что Никаноровская летопись пользовалась Московским сводом 1472 г., который был, следовательно, старше Московского свода 1479 г., рассмотренного нами выше в главе XXI. В подтверждение этого приводим и то, что наличность родословной под 6395 г., а также вставка под 6860 г. свидетельствуют о бо́льшей близости Московского свода 1472 г. к первоисточнику его — Новгородскому своду 1448 г.[2] Но не скроем от себя и тех затруднений, которые встречает наш вывод. Мы приводили выше несколько известий о новгородских событиях, изложенных в Никаноровской с московскою тенденцией. В Московском своде 1479 г. эти известия изложены согласно с Софийскою 1-й летописью, следовательно, со сводом 1448 г. Мы станем в сильное затруднение, если возведем московскую тенденцию при передаче этих известий в Никаноровской не к редакционной работе самого составителя, а к влиянию на нее его московского источника; пришлось бы допустить, что Московский свод 1472 г. уклонялся местами от Новгородского свода 1448 г. дальше, чем Московский свод 1479 г. Но если эту тенденциозную окраску припишем самому составителю Никаноровской летописи, то указанное затруднение устранится само собой.

Итак, первая часть Никаноровской летописи представляет собой сокращение первой редакции Софийской 1-й летописи со вставками и исправлениями по Московскому своду. Переходим ко второй части. Она начинается с 6928 (1420) г., и оканчивается приведенным выше известием 6980 (1472) г. Рассмотрим начало этой части погодно. Под 6928 г. находим сообщение тожественное с тем, что читается в списке

[1] Впрочем, вставка о трех браках Симеона Ивановича могла быть извлечена из нескольких сообщений Московского свода (ср. 6841, 6853, 6854, 6855 гг.)

[2] Ср. родословную под 6395 г. и в Новгородской 4-й; ср. также новгородский характер вставки 6860 г. в известии о смерти архиепископа Василия.

Царского под тем же годом и в первой половине соответствующей статьи Воскресенской летописи. Под 6930 г. опять тожественный текст со списком Царского, но известия о смерти Анастасии и о пожаре Москвы, как изложенные выше (в конце первой части), опущены. Под 6931 г. известия тожественны с первыми двумя известиями этого года по Воскресенской летописи. Под 6932 г. тожественный текст со списком Царского и с Воскресенскою, в который, однако, под конец вставка из другого источника. Начиная с 6933 г. и до 6980 г. включительно Никаноровская тожественна с Московским сводом 1479 г., представляя те же отличия от Воскресенской, что этот свод. Оговорки требуют только несколько мест.

Под 6938 (1430) г. согласно с Воскресенской читаем в Никаноровской: «Того же лѣта князь великій Василей Васильевичь и Фотій митрополитъ былъ въ Троцехъ», между тем в Московском своде 1479 г. слова: «князь великій Василей Васильевичь» опущены; ниже в Никаноровской, согласно с Воскресенской: «а князь велики тогда еще въ Вязме. И по Витофтѣ сѣде на великое княженіе брать его Швидригайло», между тем в Московском своде 1479 г.: «в лѣто 39, и по Витовте сѣде на великое княженіе дядя его Швидригайло».

Под 6973 г. перед статьей о митрополите Филиппе читаемъ: «И бысть моръ Семеновскои в Новѣгороде и поставиша церковь святого Семіона обыден». Напротив, под 6976 г. опущено известие: «поставлена великимъ княземъ церковь обѣтная Семіонъ Дивногорець».[1]

Откуда же заимствован в Никаноровскую летопись текст второй ее части? Не сомневаемся, что из того самого источника, который был вспомогательным при составлении первой части, т. е. из Московского свода, однородного с дошедшим до нас Московским сводом 1479 г. В этом убеждает как полное почти тожество Никаноровской в части 1425—1472 гг. с Московским сводом 1479 г., так и тожество ее в части 1420—1424 гг. с Воскресенскою летописью и списком Царского: мы уже имели случай указывать на то, что список Царского представляет переработку текста Софийской 1-й летописи второй редакции по Московскому своду. Источник, откуда взят в Никаноровскую текст второй ее части, не может быть признан тожественным с Московским сводом 1479 г. Выше мы видели, что вставки из него в первую часть Никаноровской не все находят себе соответствие в Московском своде 1479 г. Здесь укажем еще раз на значительные отличия между источником Никаноровской и Московским сводом 1479 г. в части 1420—1424 гг. Наконец, некоторые отличия отмечены нами и в части 1425—1472 гг. В каком же отношении друг к другу находились оба Московские свода, один восстановляемый по Никаноровской, и другой, дошедший до нас в Эрмитажном списке? Приняв во внимание, что

[1] Оставляем в стороне перестановку текста по ошибке переписчика в двух местах Никаноровской летописи: под 1446—1447 и под 1471 гг.

в Никаноровской заимствования из этого свода доходят только до 1472 г., между тем как во втором Московском своде текст продолжается до 1479 г., мы имеем основание предположить, что этот второй свод моложе первого, бывшего в распоряжении составителя Никаноровской. В пользу этого предположения уже было высказано нами несколько соображений при рассмотрении первой части Никаноровской летописи. Здесь же поставим вопрос, как согласовать с этим предположением отличия обоих Московских сводов в части от 1420 до 1424 г.?

Дело в том, что в этой части Московский свод 1479 г. содержит несколько статей, восходящих к предполагаемому первоисточнику Московского свода — Новгородскому своду 1448 г.; в своде, послужившем источником для Никаноровской и равно также для списка Царского, этих известий нет; таковы под 1420 г. известия о прибытии из Угор в Литву Швидригайла и о мире новгородцев с немцами; под 1421 г. длинное сообщение о наводнении в Новгороде, известия о прибытии князя Константина Дмитриевича из Новгорода в Москву, о смерти новгородского архиепископа Симеона и возведении игумена Клопского Феодосия (ср. все эти известия в Новгородской 4-й). Кроме того, в этой же части имеется еще несколько известий, не имеющихся в Новгородской 4-й, но всего вероятнее восходящих в Московском своде 1479 г. к Новгородскому своду 1448 г.: под 1421 г. читаем о возвращении князя Ярослава Владимировича из Литвы, далее о море и голоде, затем о посещении княгинею Анастасиею отца своего в Москве, наконец, о женитьбе тверского князя Юрья Ивановича; под 1422 г. читаем о поездке вел. княгини Софии с сыном к Витовту. В виду этого, в виду именно большей близости Московского свода 1479 г. к Новгородскому своду 1448 г., приходится как будто предположить, что состав его первоначальнее состава первого Московского свода, доведенного до 1472 г. Но думаю, что это возражение против выставленного выше предположения устранится, если мы примем во внимание возможность иного расположения всего материала под 1420—1424 гг. в первом Московском своде. Составитель этого свода не сумел, повидимому, справиться с задачей — сочетать оба свои источника — Новгородский свод 1448 г. и Московскую княжескую летопись в рассматриваемой нами части. Поэтому он дал сначала текст Новгородского свода 1448 г.; доведя его до 1423 г., до известия о смене владык новгородских, он обратился к Московской княжеской летописи и изложил по ней уже описанные выше годы 6428—6431, для того чтобы затем, уже не отрываясь от этой летописи, дать и весь последующий ее текст. Соединил оба источника уже составитель свода 1479 г.

Итак, находим возможным утверждать, что Московский свод 1479 г. произошел из того Московского свода, который послужил источником для Никаноровской летописи. Отсюда следует, что более древняя редакция Московского свода доходила до 1472 г. В общем свод 1472 г. сходствовал со сводом 1479 г., отличаясь от него, пови-

димому, только расположением материала и наличностью некоторых известий, опущенных последующим редактором. Мы не можем, однако, признавать Московский свод, доведенный до 1472 г., первым Московским сводом. Ему предшествовал другой, как видно, во-первых, из того, что Бальзеровский и сходные списки Софийской 1-й летописи содержат указание на существование свода, доведенного до 1456 г.; во-вторых, из того, что родословная в Московском своде 1472 г. оканчивалась, как видно из Никаноровской, сыновьями в. кн. Василия Васильевича и не упоминала о родившемся в 1458 г. внуке Василия Васильевича кн. Иване Ивановиче. В виду этого я принимаю, что первый Московский свод, основывавшийся на Новгородском своде 1448 г., появился в 1456—1458 гг. Эту недошедшую редакцию Московского свода назовем первым Московским сводом; редакцию, доведенную до 1472 г., — вторым Московским сводом; редакцию, доведенную до 1479 г., — третьим Московским сводом.

ЛЕТОПИСИ

(Статья из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона, том XXV)

Русское летописание началось в Киеве. Древнейшими двумя до нас дошедшими его памятниками являются: во-первых, киевский летописный свод, отрывки которого сохранились в составе новгородской 1-й Л. младшего извода; отрывки эти обнимают Л. от основания Киева до середины статьи 1015 г. и затем статьи 1052—1074 гг., обрываясь на неоконченном рассказе о кончине игумена Феодосия; во-вторых, киевский летописный свод, озаглавленный «Повесть временных лет» и доведенный в одних списках до 1110 г., в других продолженный еще несколькими годами. Сопоставление обоих памятников доказывает, что первый из них лежит в основании второго. Это же видно из того, что в первом памятнике систематически отсутствуют заимствования из определенных источников, использованных вторым (напр., из хроники Амартола, из договоров с греками, из сказания о преложении книг Писания на славянский язык); далее — из того, что некоторые статьи, вошедшие в «Повесть временных лет» и отсутствующие в первом из указанных киевских сводов, нарушают естественную связь рассказа этого свода (напр., вставка о третьей мести Ольги разорвала фразу: «и побѣдиша древляны — и возложиша на ня дань тяжку»; вставка договора Святослава с греками разорвала фразу: «поиде в лодияхъ»). Поэтому первый памятник можно назвать в отношении к «Повести временных лет» Начальным киевским сводом. Из сохранившегося предисловия к нему можно догадываться, что он составлен в конце XI в. (обличения князя напоминают обличения Святополка киево-печерским игуменом Иоанном; имена царей Александра и Исакия, до которых предположено довести рассказ, можно отождествить с именами имп. Алексия и его брата Исакия севастократора). Анализ Начального свода (в частях, от него сохранившихся, с устранением позднейших поправок и вставок новгородского редактора) убеждает в том, что ему предшествовали более ранние своды. Главным указанием на такой свод служит хронологическая сеть Начального свода, явно вставленная в древнейший рассказ, изложенный вне такой сети. Так, местами вставка ряда пустых годов нарушает последовательность рассказа (напр., фраза «се дал еси единому мужеви много — отроци Свенелжи изоделися суть оружиемъ и порты, а мы нази» разорвана вставкой частью незапол-

ненных, частью заполненных переходными фразами и сообщениями годов 6431—6452, т. е. 923—944 гг.). Предположение о существовании свода, предшествовавшего Начальному своду, основывается еще и на других соображениях: наличность в нем известий новгородских (напр., под 1063 г. об обратном течении Волхова) указывает на пользование киевским сводчиком новгородскою Л., но летописанию в Новгороде естественно должно было предшествовать летописание в Киеве. Существование киевского свода, составленного до 1044 г., доказывается сопоставлением сообщений 1044 и 977 г. о могиле Олега древлянского. Отличаясь от Начального свода отсутствием хронологической сети (см. выше), древнейший свод не мог иметь и двух дат, содержащихся в Начальном своде: 854 и 920 гг.; обе даты взяты в Начальный свод из греческого хронографа (854 год как начало царствования Михаила, а 920 год как начало царствования Романа), откуда заимствованы и сообщения о первых набегах Руси на Царьград: сообщение о набеге при Михаиле разрывает некогда связанные между собою сообщения об основании Киева и покорении Киева хазарами. Но между киевским сводом, составленным до 1044 г., и Начальным сводом конца XI в. находился еще один свод, где имелись записи, современные событиям второй половины XI в.; они обнаруживаются точною датировкой событий, причем древнейшая такая точная дата — 2 февраля 1061 г. (поражение Всеволода половцами). Наличность среди таких записей обширной статьи о кончине Феодосия доказывает, что записи второй половины XI в. могли вестись в Киево-печерском монастыре.

Так получается представление о следующих сводах, предшествовавших «Повести временных лет»: 1) Древнейший Киевский свод, составленный, вероятно, при киевской митрополии около 1039 г.; 2) Древний Новгородский свод, доведенный, как можно думать, до 80-х годов XI в.; 3) Киево-печерский свод, составленный в начале 70-х годов XI в.; он положил в основание первый свод и был продолжен записями о событиях 70-х и 80-х годов; 4) Начальный киевский свод, соединивший с текстом третьего свода заимствования из второго, а также из Хронографа и из других источников.

Составление «Повести временных лет» литературная традиция (показания Поликарпа в Печерском патерике и др.) и свидетельство некоторых списков (напр. Хлебниковского) связали с именем печерского инока Нестора; можно думать, что Повесть составлена в 1110 г., до которого доводят рассказ многие ее списки. В основание положен Начальный свод, но текст его дополнен на основании многочисленных источников (Амартола и его продолжения, Л. патр. Никифора, Откровения Мефодия Патарского, жития Василия Новаго, Сказания о преложении книг, договоров с греками, народных преданий и др.). Первая редакция «Повести временных лет» не дошла до нас (можно думать, что ею пользовался для исправлений составитель Хлеб-

никовского списка). Вторая редакция составлена в 1116 г. игуменом Михайловского Выдубецкого монастыря Сильвестром; она стерла некоторые киево-печерские сообщения, уничтожив в заглавии указание на составителя (эта редакция лучше всего сохранилась в Лаврентьевском, Радзивиловском и Московско-академическом списках, но все они в большей или меньшей степени зависели и от третьей редакции). Третья редакция составлена предположительно в 1118 г. киево-печерским иноком: она дополнила текст первой редакции рассказом о 1110—1118 гг., также многими вставками (начиная с 1076 г.), в том числе и рассказом Василия, духовника князя Василька Ростиславича, о событиях 1079—1099 гг.; возможно, что в приложении к этой редакции «Повести временных лет» было помещено поучение Владимира Мономаха с его Л., доведенною до 1118 г. (третья редакция «Повести временных лет» лучше всего сохранилась в Ипатьевском и Хлебниковском списках).

«Повесть временных лет» легла в основание дальнейшего летописания Киева и других областных центров. В Киеве, как можно видеть из позднейших сводов (Ипатьевского и сходных), летописание велось и в Печерском монастыре (ср., напр., под 1168 г. о близких отношениях в. кн. Ростислава Мстиславича к игумену Поликарпу; под 1171 г. о кончине князя Владимира Андреевича, за телом которого был отправлен тот же игумен; под 1182 г. о кончине архимандрита Поликарпа и об избрании на его место Василия), и в монастыре Выдубецком (Д. И. Иловайский установил связь записи 1199 г. о построении Рюриком Ростиславичем стены у Выдубецкого монастыря с Выдубецким сводом игумена Сильвестра). Весьма вероятно, что Л. велась и при княжем дворе (ср. в сообщениях об Изяславе Мстиславиче руку участника его походов). В Новгороде летописание, начатое в XI в., продолжалось при владычнем дворе; есть основание думать, что в начале 30-х годов Л. велась известным клириком Новгородской Софии — Кириком. Возведение новгородского владычного стола в архиепископию в 1165 г. послужило, как можно догадываться, основанием для составления летописного свода; свод этот в более полном виде отразился в Софийском временнике (см. ниже), а в сокращенном — в дефектном (утратившем начало) Синодальном списке; сокращение это сделано Германом Воятой, священником церкви Иакова (ум. в 1188 г.). Новгородский архиепископский свод использовал «Повесть временных лет» в третьей редакции; других киевских письменных источников у него не было. Сокращенный свод церкви Иакова продолжал пополняться выписками из владычного свода и в XIII в.; ср. под 1230 г. имя Тимофея пономаря, работавшего, однако, судя по Лобковскому прологу, значительно позже. Что галицко-волынское летописание основалось на «Повести временных лет», можно заключить из того, что летописец Василий (см. выше) воспользовался Сильвестровскою редакцией Повести (из нее взято им сообщение о смерти Давыда

Игоревича, случившейся в 1113 г.). Из галицко-волынской Л., ведшейся в XII—XIII вв. в Перемышле или Галиче, заимствованы в южнорусский летописный свод XIV в. (копиями с него являются Ипатьевский и Хлебниковский списки), во-первых, ряд статей, относящихся к XII в. (напр., под 1145 г. о казни Петрока Владиславом лядским, под 1146 г. о походе Всеволода Ольговича на Галич, под 1150 г. о походе Владимира к Киеву на помощь Юрию, под 1173 г. о сожжении галичанами любовницы Ярославовой, Анастасии, под 1187 г. о смерти Ярослава); во-вторых, сплошной рассказ, начинающийся с событий 1205 г. и доходящий до начала 90-х годов XIII ст. Как видно из Хлебниковского списка, галицко-волынская Л. была изложена не в хронологической сети, без определенного указания дат от сотворения мира (влияние того или иного нерусского летописания?). Существование черниговской Л. в XII в. можно доказать из многих статей только что упомянутого южнорусского свода (ср. под 1142 г. о кончине еп. Пантелеймона, под 1146 г. о распре между черниговскими князьями, под 1147 г. об убиении Игоря Ольговича, под 1164 г. о событиях после смерти Святослава Ольговича, под 1173, 1175, 1177 гг. о рождении у Игоря Святославича сыновей, под 1185 г. о несчастном походе Игоря на половцев, под 1198 г. о кончине Ярослава Всеволодовича, и мн. др.). Возможно, что из черниговской Л. XIII в. попали в южнорусский свод некоторые статьи, относящиеся к нашествию татар. Упомянутый южнорусский свод, а также суздальские Л. дают указание на Л., ведшуюся в XII в. в Переяславле Русском (ср. под 1118 и 1123 гг. о Сильвестре епископе Переяславском, под 1132 г. о прибытии в Переяславль Изяслава, под 1139 г. о победе Андрея Владимировича над Всеволодом Ольговичем, под 1141 г. о кончине Андрея, под 1146 г. о победе Изяслава с переяславцами над Игорем Ольговичем); Л. эта была доведена, по крайней мере, до 1186 г., под которым рассказан в суздальских Л. (в переяславской редакции) поход Игоря Ольговича на половцев.

Суздальское летописание теснейшим образом примыкало к киевскому и переяславскому (южному). Епископ Симон, в послании к Поликарпу, под древним ростовским летописцем разумел «Повесть временных лет», продолженную Ростовскою Л. До нас эта Ростовская Л. дошла в соединении с Л. владимирскою. Древнейший свод Владимира Суздальского доведен, повидимому, до 1185 г. Этот свод лег в основание, во-первых, княжеской Ростовской Л., веденной лицом, близким Константину Всеволодовичу (ум. в 1218 г.), а затем продолженной позднейшими записями XIII в.; во-вторых, Владимирского свода, доведенного до смерти Всеволода (1212). Этот последний свод лег, с одной стороны, в основание позднейших владимирских сводов XIII в., а с другой — Л. Переяславля Суздальского, доведенной до 1216 г. и в части от 1138 г. сохранившейся в довольно полном виде в так наз. Летописце Переяславля Суздальского.

Начало XIV в. внесло значительный перелом в русское летописание. Митр. Петр, в целях, быть может, скрепления отдельных частей митрополии и сохранения своего общерусского значения (ср. его титул: митрополит всея Руси), решил составить общерусский летописный свод. Для этого, как можно догадываться, он истребовал от подчиненных епархий списки с местных Л. Свод был доведен до 1305 г. (до кончины митр. Максима). На этом до нас не дошедшем своде основываются все вообще своды XIV в. Так, Лаврентьевская Л., составленная в 1377 г. при дворе великого князя суздальского и нижегородского Дмитрия Константиновича, положила в свое основание ростовскую княжескую Л. XIII в. (см. выше), в части же от 1240 г. до конца (до 1305 г.) она представляет извлечение из общерусского свода (вот почему в указанной части имеются известия не только владимирские и ростовские, но также новгородские, тверские, черниговские, смоленские). Составленный в юго-западной Руси (может-быть, стараниями галицкой митрополии) свод XIV в., сохранившийся в двух списках — Ипатьевском XV в. и Хлебниковском XVI в., — имел в числе источников Владимирский общерусский свод (отсюда близость, напр., Ипатьевской с Лаврентьевской), а также Л. киевские, галицко-волынские, черниговскую, переяславскую (южную). Новгородский свод, возникший в 30-х годах XIV в. и дошедший до нас в Синодальном списке Новгородской 1-й Л., положил в свое основание свод, составлявшийся в XII—XIII вв. при церкви Иакова (см. выше), но продолжил и дополнил его по Владычной новгородской Л., а также по Владимирскому общерусскому своду (из него заимствованы, напр., статьи 1217 г. о рязанских событиях, 1224 г. о Калкской битве, 1236 г. о нашествии татар и др.). Возможно, что Владимирский общерусский свод вызвал появление в Западной Руси летописного сборника, сохранившегося в Московском архивном хронографе XVI в. (так наз. Летописец Переяславля Суздальского), а в неполном виде — в Никифоровском списке Академии Наук: первая часть сборника («Летописец русских царей») представляется извлечением из общерусского свода, а вторая (с 1138 г.) — копией с Переяславской (суздальской) Л. (см. выше). Тесно примыкает к Лаврентьевской Л. летописный свод, возникший, повидимому, в XIV в. и известный по двум спискам, восходящим к смоленскому оригиналу — Радзивиловскому или Кенигсбергскому Академии Наук и списку б. Московской духовной академии: свод этот представляет список с дефектного (утрачен конец) экземпляра Переяславской (суздальской) Л., исправленного по Лаврентьевской Л. (последнее событие Радзивиловский список относит к 1205 г.).

Появление во Владимире общерусского свода и последующих его обработок не останавливало летописания на местах. Оно продолжалось в Новгороде, Ростове, Смолепске. Сильное развитие оно получило

в Твери. С 1330-х годов начинаются московские летописные записи. В начале XV в. составляется Московский летописный свод, представленный сгоревшим в 1812 г. Троицким списком, по свидетельству Карамзина, доведенным до 1409 г.: в основание его положена Лаврентьевская Л., но текст последней исправлен (по другим суздальским сводам или, быть может, по Владимирскому общерусскому своду) и дополнен преимущественно Московскою Л.

Летописание XV в. не сходит с того пути, который был намечен появлением общерусского свода в начале XIV в. От XV в. дошло несколько сводов с общерусским характером; среди них особенное значение имеют так наз. Софийская 1-я и Новгородская 4-я. Обе восходят к общему оригиналу, представлявшему соединение общерусского свода с Новгородскою Л. Время составления указанного общерусского свода, до нас не дошедшего, по целому ряду оснований (из которых главное — первоначальный объем Софийской 1-й Л.) определяется 1423 г.; свод появился предположительно при дворе митр. Фотия и, судя по названным Л., основывался на московских, новгородских, ростовских, тверских, смоленских, нижегородских, рязанских, псковских летописных записях. Можно думать, что для составления общерусского свода были истребованы местные Л., в числе их древний новгородский владычный свод. Это вызвало в Новгороде, около 1432 г., составление нового владычного свода, названного Софийским временником. Свод этот, судя по сохранившимся в Новгородской 4-й домашним известиям летописца Матвея Михайлова, был составлен по распоряжению известного софийского уставщика Матвея Кусова. В основание свода положен сохранившийся в Новгороде дефектный экземпляр Начального свода (см. выше): из него заимствованы предисловие и летописный рассказ 854—1015 и 1052—1074 гг.; основной источник был дополнен по Синодальному списку (см. выше) или его протографу: под 989 г., далее, в части 1015—1051 гг. и в части от 1075 до 1333 гг.; в части от 1333 г. предположительно до 1432 г. Софийский временник следовал владычной Л. Софийский временник не дошел до нас в первоначальном виде; мы знаем его, во-первых, в составе обширного свода, легшего в основание как Софийской 1-й, так и Новгородской 4-й Л.; во-вторых, в той позднейшей переделке, которую можно назвать Новгородскою 1-ю Л. младшего извода. Первый из этих сводов, условно называемый Новгородско-софийским, восстанавливается по Софийской 1-й и Новгородской 4-й; он представлял соединение общерусского свода в редакции 1423 г. с Софийским временником и составлен предположительно в 1430-х годах в Новгороде (новгородские известия его восходят, таким образом, к двум источникам, ибо такие известия были и в Софийском временнике, и в общерусском своде).

Из Новгородско-софийского свода произошла Софийская 1-я Л.: старшая редакция ее представлена списками Карамзина и Оболен-

ского; как и общерусский свод митр. Фотия, она оканчивалась известием 18 августа 1422 г. о пожаре в Москве; младшая редакция представлена Толстовским списком и другими обосложненными списками — Бальзеровским, Царского и др.; она составлена в 1456—1457 гг., доводила Л. до 1456 г. и переработала текст старшей редакции по московскому летописному своду. В тесной связи с Софийской 1-й Л., старшей редакции, находится Московско-академический список Суздальской Л.: в части до 1206 г. он восходит к общему оригиналу с Радзивиловскою Л. (см. выше), но текст исправлен по Софийской 1-й; в части 1205—1237 гг. он представляет текст Софийской 1-й, а в части 1237—1418 гг. возводится к Ростовскому владычному своду. К Софийской 1-й Л. примыкает также свод, условно наз. Московским; он восстанавливается, во-первых, по дефектному списку XVIII в. Эрмитажному; во-вторых, по так наз. Ростовской Л. (по выделении из нее текста, сходного со списком Дубровского Новгородской 4-й Л.); в третьих, по Воскресенской и другим Л. Московский свод возник предположительно около 1456 г. и кроме Софийской 1-й использовал еще общерусский свод 1423 г., московскую Троицкую Л., доведенную до 1409 г. (см. выше) и другие. Перерабатываясь последовательно, свод этот выделил из себя редакцию 1472 г., затем редакцию 1479 г. (к последней восходит Эрмитажный список, а также основной источник Ростовской Л.).

Типографская Л. и сходный с нею Толстовский список I № 191 в первой части, доведенной до 1423 г., представляют сокращение Московского свода (см. выше), с дополнениями, извлеченными из Ростовского свода времени арх. Тихона (в древнейших частях, а именно до 1262 г., дополнения эти оказываются тождественными с Лаврентьевской Л.); вторая часть Типографской Л. обнимает известия 1425—1484 гг., представляя оригинальную компиляцию, очевидно составленную в Ростове и восполненную по московским, вологодским и другим записям. Основную свою часть Типографская Л. продолжает до 1528 г., а Толстовский список имеет другое продолжение до 1497 г. Московский свод сохранился в третьей части Симеоновской Л.: с 1410 по 1480 гг. она почти тождественна с Эрмитажной и Ростовской, а с 1481 по 1494 гг. представляет извлечение из официальной московской Л., которою был дополнен и самый Московский свод. Что касается первой части Симеоновской Л. (1177—1390), то в общем она тождественна с московской Троицкой Л. (см. выше); вторая же часть представляет, как кажется, извлечение из недошедшего до нас Тверского летописного свода.

Упомянутая выше Новгородская 4-я Л. восходит к Новгородско-софийскому своду, сверенному и согласованному еще раз с Софийским временником, причем в нее вошли дополнения из Ростовского владычного свода времен арх. Ефрема (1427—1453); старшая редакция представлена списками Новороссийским, Голицынским и дефект-

ным Толстовским (доведена до 1437 г.); младшая редакция, отходившая значительно от старшей, начиная с 1429 г., в основном списке доведена до 1446 г. и представлена списками Фроловским, Синодальным, Строевским, Академическим.

Близко к ней примыкает Новгородская 5-я Л., в основном списке доходившая до 1446 г.; здесь текст Новгор. 4-й местами исправлен, местами же (955—971; 972—996; 1384—1405) заменен текстом Софийского временника. Новгородская 5-я Л. представлена двумя разрядами списков: 1) полным — Хронографическим списком Синодальной № 280, содержащим продолжение от 1446 до 1496 гг., восходящее, быть может, к Ростовскому владычному своду, но основывавшееся на московских летописных записях; 2) сводом, в основной своей части сокращенным, а с 1447 по 1547 гг. дополненным по псковской Л. (списки Погодинский 1402 г. и др.).

Новгородская 1-я Л. по Троицкому списку (доведенному до 1015 г.) представляет текст Софийского временника в соединении с другим сводом, не-новгородским.

Новгородская 1-я Л. младшего извода, по спискам Комиссионному, Академическому и Толстовскому, представляет переработку Софийского временника, дополненную и исправленную по Новгородско-софийскому своду (см. выше) и доведенную в Академическом списке до 1443 г., а в Комиссионном до 1446 г. (впрочем, часть 1440—1446 гг. написана другой рукой).

Упомянутый выше Ростовский владычный свод, повлиявший на новгородское летописание, отразился и в Ермолинской Л., где, впрочем, названный свод использован в более древней редакции (времен арх. Трифона, 1462—1467), причем протограф Ермолинской Л. был, повидимому, доведен до 1472 г., а в списке дополнен известиями 1473—1481 и 1485—1489 гг. Уваровский список № 188 в части до 1417 сходен с Ермолинским, в части 1417—1478 гг. — с московским сводом (см. выше); остальная часть до 1518 г. сходится с некоторыми московскими Л.

Тесно примыкает к новгородскому летописанию Летописец еп. Павла (Академия Наук); он представляет сокращенную выборку из Новгородского Софийского свода (см. выше), продолженную новгородскими известиями до 1461 г. и дополненную выборкою кратких русских известий Хронографа; составлен в Новгороде, но дошел до нас в западнорусском сборнике, где подвергся сокращению и искажениям. Близко связан с этим летописцем Рогожский летописец; в основание его положена та же компиляция новгородских известий с известиями Хронографа, но в первой своей части, доведенной до 1288 г., она соединена с недошедшим до нас Ростовским владычным сводом, тождественным с тем, который был использован Московско-академическим списком (см. выше); вторая часть его (1288—1327) основывается на тверской Л., третья (1328—1374) представляет соеди-

нение тверских известий с известиями, находящимися в Симеоновской Л. (см. выше), четвертая (1375—1412) содержит текст, сходный с Симеоновской Л. Лежащая в основании летописца еп. Павла и Рогожского летописца компиляция легла в основание еще Псковского свода, из которого произошли названные ниже Л.; свод этот, начиная с 1309 г. по 1446 г., заимствовал текст из Новгородской 5-й (см. выше). Из него произошел Синодальный № 154, где за окончанием основного свода следует Псковская Л. Из него же произошел свод, обосложнивший основной текст выборкой из Новгородской 4-й (из нее взят рассказ 1446—1469 гг. и ряд дополнительных статей). Из Пскова этот новый свод перешел в Смоленск, где лег в основание Л. Авраамки, написанной в 1495 г. Из упомянутого выше Псковского свода произошел еще другой Смоленский свод, представленный: 1) Толстовским списком I № 189, который за неоконченной статьей 1382 г. содержит краткую выборку из Новгородской 5-й с присоединением еще трех известий, из которых последнее — о затмении солнца 1491 г.; 2) Супрасльским списком, который за неоконченной статьей 1382 г. представляет ту же краткую выборку, но присоединяет к дополнительным известиям рассказ об южнорусских и западнорусских событиях 1481—1500 и 1483—1515 гг.

Псковское летописание основалось на новгородском; самостоятельные записи местных событий начались с XIII в. Псковская 2-я Л. составлена в конце XV в. и сохранилась в дефектном списке (упомянут в Синодальном 154-м), где она доведена до 1486 г.; в начале выборка из новгородских Л. В основании Псковской 1-й Л., доведенной в разных списках до 1537, 1547, 1567 и 1650 гг., лежит свод XV в., но состав этого свода ближайшим образом еще не определен.

Западнорусское летописание находилось под влиянием общерусского митрополичьего свода, доведенного до 1446 г., и новгородских Л. Составившийся в XV в. Смоленский свод положил в свое основание Новгородскую 4-ю или Новгородскую 5-ю Л. и использовал ее до 1309 г.; в части 1310—1388 гг. он сходствует с Симеоновской и Никоновской, представляя, таким образом, выборку из общерусского свода; следующая часть — 1383—1418 гг. сходствует с Софийской 1-й Л. старшей редакции; с 1419 по 1427 гг. известия сходствуют с Никоновской и, следовательно, извлечены из общерусского свода; с 1431 по 1445 гг. помещены западнорусские известия; в конце, 1444—1446 гг. восходят к общерусскому своду; за 1446 г. читался текст «Летописца великыхъ князеи литовскыхъ» — оригинального памятника, начинающегося с истории сыновей Гедимина и доведенного до смерти Витовта. Указанный Смоленский свод сохранился в Супрасльском списке Литовской Л., а также в неполных: Никифоровском (Академии Наук) и Академическом. При позднейшей переработке Смоленского свода в начале его помещен «Летописец великих князей литовских», засим приведены статьи 1395—1446 гг., а в конце Л. от начала до 1394 г. Эта переработка Смо-

ленского свода в несколько сбитом виде и с перестановкой известных частей лежит в основании Уваровского списка Литовской Л. В более первоначальном виде первая часть Смоленского свода положена в основание позднейшей переработки, где тексту «Летописца великих князей литовских» предпослан еще рассказ о начальных судьбах Литвы до рождения Витовта включительно; вторая часть Смоленского свода, содержавшая Л. от начала до 1394 г. (см. выше), заменена при этом выборкой западнорусских известий 1505—1514 и 1331—1528 гг. (в некоторых списках продолженною и дальше). Сюда относятся списки Румянцевский, Археологического общества, Патриарший и Красинских.

В XVI в. летописание централизуется еще более. Главным средоточием его является Москва. Здесь возникли, между прочим, следующие своды. Список Царского Софийской 1-й Л. представляет текст Софийской 1-й Л., младшей редакции, дополненный по русскому Хронографу и по Л. однородной с тою, которою дополнен текст Хронографического списка Новгородской 5-й Л. (эта Л. сохранилась в списке Погодина №№ 1409, 2036 и Уваровском № 567); рассказ доведен до 1509 г. Софейская Л., названная так издателем конца XVIII в., представляет соединение списка Царского с текстом Новгородской 4-й Л. Софийская 2-я Л. в части до 1392 г. представляет текст Софийской 1-й младшей редакции, а с 1392 г., со статьи о преставлении игумена Сергия, до 1518 г. содержит текст московской Л. (со вставками из Софийской 1-й). Воскресенский Новоиерусалимский список этой Л. продолжен статьями 1519—1534 гг.

Воскресенская Л. составлена, повидимому, в 1530-х или 1540-х гг.; в первоначальных редакциях, до нас не дошедших, она доводила рассказ только до 1533 и 1537 гг. Позднейшая редакция представляет рассказ до 1541 г.; в основание положен Московский свод, доведенный до 1479 г., систематически сближенный с текстом Софийской 1-й, и список Царского. Карамзинский список Воскресенской Л. дополнен с 1542 до 1552 гг. по Львовской Л., а позже обосложнен известиями 1552—1560 гг.

Львовская Л. в дошедших до нас двух списках доведена до 1560 г., но ее сложная история позволяет заключать о том, что в первоначальной редакции она доходила до 1533 г.; основным источником был старший свод, доведенный до 1518 г. и использовавший Софийскую 2-ю Л., суздальский свод, близкий к Радзивиловскому списку, общерусский свод 1423 г. и др. Близка к Львовской Л. Толстовская I № 188, представляющая, как кажется, соединение основной части Львовской, доведенной до 1534 г., с Новгородским сводом 1539 г. (см. ниже) и другими источниками.

Никоновская Л. в основной своей редакции, до нас не дошедшей, составлена около 1556 г., причем эта редакция доходила, повидимому, до 1541 г. Копия, сохранившаяся в списке Оболенского,

дополнила ее по официальной Л. сначала до 1556 г., а затем другой рукой до 1558 г.; копия же, представленная Патриаршим списком, прибегла к заимствованиям из официальной Л., начиная с 1534 г., и продолжила их до 1556 г. Остальные списки примыкают к списку Оболенского, но протограф их был сверен с основной редакцией. Состав Никоновской Л. весьма сложен: в основание ее положен дошедший до нас Хронографический список Новгородской 5-й; он дополнен по многим Л., в числе которых был и Лаврентьевский список, также и по не-летописным источникам, между прочим, по нескольким изводам русского Хронографа, также по западно-русскому Хронографу, возникшему в середине 1550-х гг. (С. П. Розанов); для части 1437—1520 гг. основным источником была Иоасафовская Л. (Археографической комиссии), представленная, в части 1437—1479 гг. текстом известного нам Московского свода; для части 1521—1541 гг. основным источником Никоновской была Воскресенская Л.

Вероятно, в 70-х гг. составлена иллюстрированная редакция Никоновской Л.; она дошла до нас (частью в неиллюстрированных списках) в составе до 1567 г. с небольшими перерывами (от начала до 1114 г. и от 1501 г. до 1563 г.). Царственная книга представляется одною из частей иллюстрированного свода, обнимающею 1534—1553 гг., она сохранилась в другой редакции (Синодальный список № 962).

Не исследован еще обширный свод, доведенный до 1584 г. и сохранившийся в списке б. Московского архива иностранных дел № 351 (800); в основание его положена Никоновская Л., но она дополнена по другим источникам.

Кроме того, в XVI в. возникли своды в Новгороде и других городах. Новгородский свод, доведенный до 1539 г. и составленный в 1542—1548 гг., сохранился в списке Дубровского; в основание свода положена Новгородская 4-я Л.; текст ее дополнен по Новгородской 5-й, а также по Л., использованной Хронографическим списком Новгородской 5-й и списком Царского в редакции, доведенной до 1491 г.; для части 1498—1539 гг. (следующей непосредственно за статьей 1491 г.) источниками служили Новгородский владычный свод и Московская Л. Этот свод в сокращенном виде дополнил Академический список Новгородской 4-й; в соединении с Софийскою 1-ю Л. младшего извода, начиная с 1452 г., является в так. наз. Отрывке Л. по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку; в соединении с Московским сводом 1479 г. представлен так наз. Ростовскою Л. (б. Московский архив иностранных дел). Тверскою Л. называется сборник, составленный в 1534 г. урожéнцем Ростовской области и сохранившийся в двух югозападно-русских списках. Вероятно, впрочем, что этому составителю принадлежит только первая часть сборника, обнимающая события до 1255 г.; вторая же часть его не сохранилась, а заменена другою компиляцией, обнимающей события от 1248 до 1499 гг. Первая часть соединила известия

Софийской 1-й старшей редакции, Новгородской 1-й, той Суздальской Л., которою пользовался основной источник Львовской (см. выше), далее свода, близкого к Ермолинской (см. выше), и некоторых др. Вторая часть использовала другие источники, в числе их тверскую Л., предисловие к которой приведено под 1402 г. В соединении со вставками из хроники Сафоновича та же Л. сохранилась в списке Толстого I № 145.

Архангелогородская Л. в дошедшей редакции восходит к началу XVII в., ибо доводит изложение до 1598 г.; но основана она на более древнем своде, составленном в Великом Устюге и доведенном до 1516 г.; в части до 1473 г. одним из источников свода оказывается упомянутая выше Л., использованная списком Царского (Погодинский № 1409 и др.), а другим — Новгородская 1-я младшего извода; устюжские известия восходят к XIII в.

В Вологде составлена была, вероятно, в 1540-х годах Великопермская Л.; сохранилась в списке Академии Наук, Кирилло-белозерском № 251 и Синодальном № 485; изложение в первом из названных списков — до 1528 г., а в остальных до 1538 г.; в основание положена Л., сходная с Никаноровскою (см. выше); часть от 1472 г. основывалась на особой Московской Л. и дополнена вологодскими и пермскими известиями. По этой Л. дополнена основная часть Воронцовского списка Софийской 1-й, доходившая до 1423 г.: дополнения доведены до 1486 г.; в конце запись о смерти в. кн. Андрея Вас., скончавшегося в Вологде в 1544 г.

А. Шахматов.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
34	7 сверху	щиа	шиа
59	9 »	или и	или
59	10 снизу	ели же	если же
74	22 сверху	отрывок к	отрывок
112	9 снизу	внязь	князь
141	5 »	княжны	на княжие
214	6 »	восполняемый	восполняемых
221	15 сверху	перенесены	перенесено
229	21 »	Отличие	Отличия
246	21 »	отметим	отметили
281	23 »	эта	это
281	Примеч.	XVI в.	XIV в.
342	Примеч.	ограничившийся	ограничившимся
345	18 сверху	в своде	в свод